

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   Р У С С К О Й   Л И Т Е Р А Т У Р Ы   (П У Ш К И Н С К И Й   Д О М)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXVIII

И С С Л Е Д О В А Н И Я
П О   И С Т О Р И И
Р У С С К О Й
Л И Т Е Р А Т У Р Ы
X I - X V I I   в в .

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1974

Редколлегия:

Д. С. Лихачев (ответственный редактор),
О. В. Творогов, М. А. Салмина

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

К вопросу о круге чтения древнерусского писателя

Исследователям художественной литературы нового времени известно, какое значение имеет при изучении творческого пути писателя возможность познакомиться с его личной библиотекой, представить круг его интересов, обнаружить его особое внимание к тем или иным философским и общественно-политическим системам, установить круг наиболее ценных им прозаиков и поэтов. Библиотеки Пушкина, Льва Толстого, М. Горького дают огромный материал для решения и чисто литературоведческих проблем их творчества.

До нас не сохранились имена большинства древнерусских писателей; лишь в самых общих чертах дошли биографии немногих подписавшихся под своими сочинениями авторов. Косвенным путем, через прямые цитаты или пересказы мы узнаем по самым их сочинениям, какие произведения предшествующей или современной им литературы или письменности привлекали к себе их внимание. В суждениях и оценках окружающей действительности мы ищем следы знакомства писателей, а через них и читателей с той книжностью, откуда они черпали религиозные, философские, природоведческие, историко-географические сведения. Личных библиотек не осталось: лишь по записям на отдельных рукописях мы узнаем имена составителей сборников, переписчиков и владельцев их. Так возникает трудная проблема определения — хотя бы в самых общих чертах — круга чтения русских писателей и читателей. Применительно к каждому писателю, хотя бы и анониму, эта проблема решается на основе его собственных сочинений. Для читателей приходится искать ответ по записям на книгах и частично по степени распространенности списков каждого отдельного произведения или выборки из него, даже по отголоскам его, закрепленным в устной речи.¹

Р. П. Дмитриева начала исследование проблемы круга чтения с изучения рукописных сборников XV—XVI вв. Настоящая статья ставит целью раскрыть содержание одной из наиболее популярных книг русского средневековья — Измарагда,² сборника, вобравшего в себя поучения на

¹ О следах книжности в устной речи свидетельствуют сборники пословиц, составленные в конце XVII в.

² Научное издание Измарагда еще не осуществлено. Литературная история этого сборника в основных чертах показана в монографии: В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1893 (далее: В. А. Яковлев). В этой монографии цитируются отрывки отдельных поучений. Ряд «слов» Измарагда включен в издание: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1897 (далее: Памятники, вып. 3). Несколько текстов Измарагда полностью или частично опубликовано в исследовании: А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, IV. Казань,

все темы общественной и личной морали феодализованного христианства. Эти поучения, как и вся религиозно-учительная книжность древней Руси, выполняли прежде всего деловую функцию — были непосредственно связаны с церковным обрядом; однако и такого рода произведения не следует игнорировать, когда ставится в полном объеме вопрос: как формировалось мировоззрение, как определялись задачи литературы и вырабатывались словесно-изобразительные средства у древнерусского писателя, а вслед за ним и у его читателей. В литературном процессе древней Руси несомненно следует учитывать роль того своеобразного круга памятников, которые непосредственно в «историю древнерусской литературы» не входят, но составляют неотъемлемую часть культуры, во многом определявшую своеобразие всех форм искусства, в том числе и словесного.

Измарагд вобрал в себя весь кодекс нравственных требований, предъявляемых феодализованным христианством и определявших литературные нормы оценки людей и их поведения: одобряя или осуждая это поведение, наделяя описываемых участников событий теми или иными качествами, древнерусские писатели не могли не руководствоваться нравственными предписаниями, наиболее полно собранными в Измарагде и сходных с ним по типу учительных сборниках, рассчитанных на самые широкие круги не только духовных, но и светских читателей.

Высокое уважение к «книжному учению», «сладости книжной» установилось на Руси вместе с усвоением обширной христианской книжности после принятия христианской религии как официально-государственной. В составе этой книжности наряду с собственно церковными, культовыми книгами было множество сочинений византийско-болгарского происхождения, которые разрабатывали темы космогонии, этики, психологии человека, его поведения, взаимоотношений с окружающими. Сочинения этого рода, выполнявшие и деловую функцию — утверждение феодально-христианского мировоззрения, в течение всего средневековья входили в круг чтения не одного духовного сословия, но и мирян, обученных грамоте. Такие книги собирали и переписывали не только для церквей и монастырей, но ими владели уже и первые князья христианизированной Руси. Летопись сохранила память о книголюбии князя Ярослава Владимировича, который и сам «книгам прилежа и почитая я часто в ноши и в дъне» и «насея книжьными словесы сердьца верных людий» (ПВЛ, 1037 г.). В библиотеке Ярослава было уже много книг. Короткое, четырехлетнее княжение сына Ярослава — Святослава добавило в княжескую библиотеку список с монументального энциклопедического сборника, составленного в Болгарии при царе Симеоне (893—927 гг.) Иоанном экзархом болгарским по греческим источникам. Русский писец, окончив труд, подписал его: «А коньць вьсем книгам. Оже ти себе не любо, то того и другу не твори. В лето 6581 написа Иоанн диак изборьник съ великууму князю Святославу». Этот богатый разнообразными сведениями сборник 1073 г. неоднократно впоследствии копировался.³

Через три года, в 1076 г., некто «грешный Иоан», делая выписки «из мьног книг княжих» на тему «како жити христианину», составил

1890. Один из списков Измарагда распространенной редакции по рукописи бывш. Румянцевского музея № 542, XVI в., был издан в 1912 г. в «Московской старобрядческой книгопечатне». Издание имеет много явно ошибочно воспроизведенных слов. При характеристике основных тем Измарагда использованы тексты всех названных изданий. Полное изучение литературной истории Измарагда по всем сохранившимся спискам его — задача будущего исследования, которое покажет, какие части этого сборника вызвали наибольший интерес читателей в разные периоды средневековья.

³ Текст его издан фотолитографически Обществом древней письменности под № 57 в 1880 г.

другой сборник, традиционно именуемый также «Изборником Святослава», хотя, как правильно определяет исследование, предпосланное новейшему изданию рукописи, точнее называть его «Изборником 1076 г.»: нет оснований предполагать, что князь Святослав был заказчиком его.⁴ Однако именно запись писца этой рукописи свидетельствует о богатстве княжеской библиотеки, причем в составе ее обнаруживается много произведений на темы общественной и личной морали.

Книголюбями были в XIII в. и князья волынские. Летопись упоминает, что князь Василько Романович владел двумя «сборниками». Похвала Владимиру Васильковичу свидетельствует (Ипат. лет., 1289 г.), что князь «глаголаше ясно от книг, зане бысть философ велик». Выше это книголюбие отмечено еще пышнее: «бысть книжник велик и философ, акого же не бысть во всей земли и ни по немь не будеть». Князь в беседе с епископом «повестив много от книг» (Ипат. лет., 1288 г.); ср. далее: «со епископы и игумены... много беседоваше от книг» (там же). Рассказывая о строительстве церкви и о дарах князя им, летопись среди этих книг называет «еуангелие опракос, апостол опракос и парамия (Паримейник) и съборник отца своего» (там же). В другую монастырскую церковь вместе с Евангелием и Апостолом князь отдал «съборник великий отца своего» (там же). По его заказу было списано житие «святаго Дмитрея всего» (Селунского). Среди книжных даров в церкви «Любомлина» называются заказанные князем «прологы 12 месяца изложено жития святых отец и деяния святых мученик», «менеи 12», и «триоди и охтай, и ермолии... служебник святому Георгию, и молитвы вечернии и утрьнии»; «молитвенник» он купил для той же церкви за «8 гривен кун» (Ипат. лет., 1289 г.).

Итак, из книг своего отца Владимир Василькович отдал два «съборника», причем один из них был особо отмечен названием «великий». Н. К. Гудзий предположил, что это был список «Бесед Григория Двоеслова».⁵

Были книголюбями и среди черниговских князей. Киево-Печерский патерик, рассказывая о благочестии князя черниговского Николы Святоши, о его богатстве и щедрости («аще и много имяше, но та вся на потребу странним и нищим подаваше и на церковное строение»), добавляет: «суть же и книги его многыя и доныне»; возможно, что после ухода князя в монастырь эти книги вошли в монастырскую книжницу.⁶

Традиции книголюбия перешли, видимо, и к московским князьям, о чем свидетельствует предание о знаменитой библиотеке Ивана Грозного, а также его широкая начитанность, позволяющая считать царя «одним из образованнейших людей своего времени».⁷ Библейские книги и религиозно-учительная литература нашли достаточно широкое отражение в его сочинениях.

Хорошо известно, что все крупные монастыри древней Руси накапливали рукописные, а с XVI в. и печатные книги, не только необходимые для церковных служб, но и «четы», среди которых преобладали «душеполезная словеса» религиозно-учительной книжности. Запрещая монахам владеть личным имуществом, монастырский устав не распространял это

⁴ Изборник 1076 г. М., 1965, стр. 31.

⁵ См.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 19.

⁶ Д. Абрамович. Киево-Печерский патерик. У Киевi, 1931, стр. 114 (далее: Д. Абрамович).

⁷ Д. С. Лихачев. Иван Грозный — писатель. — В кн.: Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 455.

запрещение на книги. Уже в Киево-Печерском патерике сохранились сведения о том, что князь черниговский Никола Святоша имел свои книги (Д. Абрамович, стр. 114), Никита Затворник «прилежаше чтению» (там же, стр. 125), а Григорий «чюдотворец» «ничто же не имеа, разве книг» (там же, стр. 134). В XV в. сборники разнообразного содержания по своему личному вкусу составлял «грешный поп Ефросин», после смерти которого они вошли в монастырскую Кирилло-Белозерскую библиотеку.⁸ Наряду с характерным для него подбором светских литературных произведений в его сборниках отведено место и традиционной религиозно-учительной литературе.

В XVI—XVII вв. организуются большие книжные собрания при Печатном дворе, и в них по-прежнему рядом с потоком новых чисто светских книг находим «четьи» книги религиозно-учительного характера. И на печатный станок эта традиционная книга попадает раньше, чем светская. В рукописных сборниках XVI—XVII вв., владельцами которых, как видно из записей, были разные «мирские» сословия, немалое место отводится произведениям религиозно-учительной письменности. Именно в расчете на основательное знакомство читателей с этой литературой, и даже не только с «четьей», но и «служебной» ее частью, неизвестный автор XVII в. изобразил пьяницу, пародируя литературный образ христианского мученика. Если даже сам автор «Службы кабаку» профессионально знал церковную письменность, то и читатель должен был воспринять его сатирический замысел через припомиравшиеся соответствующие произведения этой письменности.

Так через все средневековье мы можем проследить наличие в круге чтения мирских «четьих» книг того раздела переводных и русских произведений, которые могут быть объединены определением «религиозно-учительные» и которые помимо культовой функции выполняли также роль своего рода научно-популярных пособий. Эти книги обычно имели вид сборников то разнообразного содержания, в том числе и религиозно-учительного, то с тематически подобранным материалом.

Старшим образцом такого сборника был названный выше Изборник 1076 г. — своего рода хрестоматия, где подобраны выписки из самых разнообразных по жанру дидактических сочинений библейской и византийской учительной литературы. Большое число византийских, южнославянских и созданных по их типу древнерусских «поучений-слов» было объединено в широко распространенном до XVII в., а в старообрядческой среде и до нового времени, сборнике, получившем наименование «Измарагд». Число статей в списках Измарагда колеблется от 90 до 250. Из него делали выборки, помещая их среди самых разнообразных произведений; его дополняли текстами учительного характера — переводными и русскими. Более или менее свободно обращались составители и переписчики и с самым изложением отдельных поучений, то сокращая, то расширяя его. Однако во всех разновидностях Измарагда, когда он бытовал именно как своеобразный сборник, повторялась общая основа. В ней содержались главные положения морали феодализованного христианства, которая и была усвоена читателями особенно прочно.

Насколько серьезно древнерусский читатель относился к чтению именно религиозно-учительных сочинений, видно из того, что уже старшему собранию поучений на темы христианской этики, Изборнику 1076 г., предпослано «слово» «некоего калугера о чь [тении] книг»: «Добро есть,

⁸ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 130—168.

братие, почетанье книжное паче всякому хръстьяну»; «всьемь сердцьмь», «разумныма очима» следует воспринимать прочитанное. Поэтому «слово» прежде всего учит внимательному отношению к чтению: «Егда чьтешы книги, то тьшти ся бързо иштисти до другыя главизны, нъ по-разумей, чьто глаголють книги и словеса та, и тришьды обраштяи ся о единой главизне». «Слово» ссылается на жития Василия, Иоанна Златоуста, Кирилла Философа «и инех мьног святых», которые «измлада прилежааху святых книг». Именно этими книгами они «подвигнуша ся на добрая дела»: «начатьк добрым делом поучение святых книг». Стремясь возможно нагляднее представить читателю пользу «книжного почитания», «слово» прибегает к бытовым сопоставлениям, выражая их в форме афоризмов:⁹ «Узда коневы правитель есть и въздържание правьднику же книги»; «Не съсавить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдник бес почитания книжьнааго»; «Красота воину оружие и кораблю ветрила, тако и правьднику почитание книжьное». Самое стремление к чтению также изображено с помощью конкретного сравнения: «Яко же пленником ум стоить у родитель своих, тако и правьднику о почитаньи книжьнемь». Итак, читать «книжьная словеса» надо для того, чтобы творить «волю их, яко же велеть».

Когда в XIV в. слагался из накопившихся к тому времени поучений — по преимуществу на темы христианской этики — Измарагд, составитель его поместил в начале книги группу «слов» «о чтении божественем», о том, как следует «не ленитися книг чести», «како подобает слушати книг», как «оставь дело, итти к църкви на послушание божественных словес». В эту группу вошло и «слово», осуждающее «не дающих книги чести и преписати».¹⁰ Подписанные иногда именами Иоанна Златоуста, Григория папы Римского, Василия Великого, святого Ефрема, иногда анонимные, эти поучения развивают подробнее мысли «некоего калугера», утверждая также, что следует «не токмо написанная чести, но и творити я» (ч. 1, л. 1),¹¹ пересказывают наставления о внимательном чтении: «Прилежно всем сердцем чти, внимаа и двократы прочитай словеса, а не тьшиа листы и токмо обрашяа, но без лености чти» (ч. 1, л. 1). Составитель Измарагда поместил после первого «слова» «о чтении божественем» общее «Предисловие всем поучением и притчям иже во книгах сих» — толкование евангельской притчи о сеятеле (ч. 1, л. 1 об.). Смысл этого толкования сводится к тому, что «семя», т. е. «учение истинное», лишь тогда приносит «мног плод», когда оно падает «на земли добре» тех «кротких» и «смиранных», кто «делы добрыми тьшашея получитьи жизнь вечную». «Слово святаго апостола Павла, истолковано Иоаном Златоустом и Василием Великим» возражает тем, кто утверждает, будто лишь «чернеческое» дело «еже книг чести», а мирянину оно не нужно (ч. 1, л. 2 об.). «Мы же (т. е. миряне), в велице мятежи и в бури мира сего живуще и многы творяще грехи, достоит ны часто почитающе святыя книги». В доказательство пользы чтения «слово» это приводит древний, античного происхождения афоризм: «Воды бо часто капля-каплющия и камень удолит, тако и книги, чтомы часто, наведут на истинный путь»

⁹ Изборник 1076 г., стр. 151—158.

¹⁰ Измарагд, ч. 1. М., 1912, лл. 1—5 (издание «Московской старообрядческой книгопечатни»; издан текст рукописи бывш. Румянцевского музея № 542, XVI в.).

¹¹ Кирилл Туровский очень близко повторил эту мысль во введении к «Притче о человеческой души и о телеси»: «Да не просто претеем языком пишемая глаголюще, но с рассмотрением внемлюще, потщимся делом створити я» (И. П. Еремич. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 340).

(ч. 1, л. 1 об.), но лишь в том случае, если мы «делом сотворше реченая, а не токмо послушающе». Однако «с правого пути» могут сойти и те, кто «книги почитающе, но и свершена не имяху разума... самохот муж книжен а пиянчив не может богу управитися». Бытовое сравнение разъясняет этот тезис: «Аще кто не умеет книг и мудрует, таковыи подобен оплоту, без подпор стояшу: аще будет ветер, то падется». Эту тему развивает «Слово святого Ивана Златоустаго не ленитися книг чести» (ч. 1, лл. 2 об.—3). «Слово святого Ефрема како подобает слушати книг» прибегает к другому сравнению: «Книги бо глубины морю подобни суть, в ня же понираще бисер износят драги, тако почитающе богодухновенныя книги приобретають себе сокровище, не имуще цены, всех исполнено благих» (ч. 1, л. 3 об.). Убеждая «оставь дело, итти к церкви», чтобы «слово божие» слушать, «Слово святого Ивана Златоуста» горько упрекает тех, кто ленится, ссылаясь на занятость житейскими делами: «Аще бы злато бых или сребро, то вся дни расчитал бы, или мед или пиво, то не бысте ли сами приходили и не призываеми? А еже повсегда словеса божия раздаваю лучши злата и дражайши каменья многоценнаго и слажши меру, вы же их лишаетесь» (ч. 1, л. 4).¹²

Глубокого уважения требует Измарагд к тем, кто научил «книжному почитанию»: в «Слове Кирилла Александрийского» (по определению В. А. Яковлева — Кирилла Туровского, см.: В. А. Яковлев, стр. 48) предписывается всех, от «велика святителя» до «проста мужа», кто «душеполезному разуму и хитрому сведению» научил, «держати в сердце своем». «Слово» уподобляет того, «кто не помнит, откуда что добро приим», «голодну псу, зимою измерзшу, и яко бысть согрет и накормлен, начя лаяти на согрешаго и накормившаго» (там же, стр. 49).

Сурово осуждает «Слово святого Ивана Златоустаго о не дающих книг чести и преписати» тех, кто «от человек хоронявся книги, в них же суть словеса божия, и хощещи от человек спасение и от братия своя, яко его ради писаны быша того ради, да тыи оними спастися, а не на изъядание червем и плесни» (Измарагд, ч. 1, л. 4 об.). Во всех этих «словах» речь идет, конечно, не о всяких книгах вообще, но о «святых книгах», о «душеполезном» чтении, которое укрепляет веру и «подвигнет на добрая дела, творяща волю божию» (ч. 1, л. 5). Именно такого рода книги имел в виду летописец, слагая им в XI в. похвалу: «Се бо суть реки, напаяюще вселенную; се суть исходяща мудрости; книгам бо есть неищетенная глубина; сими бо в печали утешаеми есми; си суть узда въздержанию». Такое чтение приносит «души велику ползу» (ПВЛ, 1037 г.).

Усердно призывая к «книжному учению», Измарагд, однако, предостерегает от увлечения им: «Что требуеши, многих ища книг... овогда сия чтеши книги, а овогда иныя... земная бо мудрость вражда богу». Если читаешь «деяния и жития святых», «но не творяши добрых дел, пред человеки мудрееши, а пред богом в ненависти еси, аще почитая, а не твориши; земная бо мудрость вражда богу» («Слово Геннадия патриарха Константина града о чтющих многия книги» — Измарагд, ч. 1, л. 11).

Однако старшая редакция Измарагда поместила и «Слово Иоанна Златоустаго о лживых учителях», сурово осуждающее тех «святителей», которые «наполнишася богатством имения и ослепоша, да уже ни сами учат, ни иным велят». Вспоминая слова «пророка» о том, что «в последняя дни» появятся «ругатели книгам, по своим похотям ходящи, и будут лжи учителя, иже введут многыя в погибель, и мнози имут последовати

¹² См. также «Слово некоего старца о почитании книжном, яко полезнее всех книг почитати псалтырь» (Измарагд, ч. 1, л. 11 об.).

учению их неспасенному, но кривому и слабому», автор «слова» советуёт в таких случаях передать учение вместо недостойного «епископа и учителя» «простому»: «... тогда подобает овца овца паствити... да аще добре научит простой, и то добро»; «Доброе же учение прими, аще от простаго слышиши, а злаго учения не прими, аще и святитель есть учай» (В. А. Яковлев, стр. 50).

Высказанная в 1934 г. А. Д. Седельниковым гипотеза о принадлежности Измарагда к «стригольничьей книжности»¹³ была поддержана в 1940 г. Н. П. Поповым,¹⁴ который утверждал, что специфически стригольничьей для XIV в. является в Измарагде проповедь высокого уважения к «книжному почитанию».¹⁵ Однако «святые книги», к чтению которых постоянно призывают «слова» Измарагда, для всего средневековья были величайшим и притом единственным авторитетом, на котором покоилось и церковно-догматическое, и морально-философское учение христианства. Выше показано, что уже Изборник и русская летопись высоко ценили «книжное учение», и советы Измарагда, внушающие мысль о спасительности его, повторяются древнерусской литературой на всем ее пути. В то же время Измарагд осуждал «высокомудрствующих», требующих «многих книг», ищущих «земной мудрости». И наконец, «Слово о лживых учителях» прямо предостерегает против «злого учения», «неспасенного», и рекомендует даже лучше доверять «доброе учение» «простым», т. е. не имеющим духовного сана. Н. П. Попов пытается истолковать эти наставления как желание стригольников «перестроить традиционное христианское вероисповедание и выражающий его культ на новых основаниях» (Н. П. Попов, стр. 39). Однако Измарагд ссылается на апостола Павла, предлагая доверять «простым» людям право на пастырство, если они учат «дóбро», в том случае, когда нет духовного наставника — «не сущу епископу и учителю». Вместе с указанием одного из «слов» Измарагда, что епископ, как руководитель общины верующих, должен получить право на учение от чтецов и певцов, не имеющих духовного сана, это разрешение «простым» учить может указывать на практику церковной жизни в Новгородской земле, где еще в XIV в. оставались малонаселенные области, куда не дошла правильная церковная организация («не сущу епископу и учителю»), и приходилось довольствоваться «простым» наставником («да аще добре научит простой, и то добро») (В. А. Яковлев, стр. 50). Весь текст Измарагда, начиная со старшей его редакции, проникнут глубоким уважением к церковным властям — к «отцам духовным», учит повиноваться им и не осуждать их «дела, если учение их «дóбро»; поэтому нет никакого основания подозревать составителя сборников в намерении отменить существующую церковную организацию и передать ее права мирянам. Этой тенденцией Н. П. Попова преувеличить роль мирян в церковной жизни, как это якобы рисовалось соста-

¹³ А. Д. Седельников. Следы стригольничьей книжности. — ТОДРА, т. I, Л., 1934, стр. 128—133.

¹⁴ Н. П. Попов. Памятники литературы стригольников. — ИЗ, 1940, № 7, стр. 34—45 (далее: Н. П. Попов).

¹⁵ А. И. Клибанов в монографии «Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в.» (М., 1960, стр. 385—387) не принимает гипотезы А. Д. Седельникова и Н. П. Попова, относя составление первой редакции Измарагда к первой половине XIV в., когда стригольничество еще не оформилось. Не связывает А. И. Клибанов этот сборник и с антицерковным движением начала XIV в. «Ведущей» темой для старшей редакции Измарагда и для Златой Чепи исследователь признает «тему учения книжного» (там же, стр. 386). Эта тема, как выше показано, действительно очень интересовала составителя. Однако традиция начинать учительный сборник на тему «как жити христианину» поучением о «почитании книжном» идет уже от русского Изборника 1076 г.

вителью Измарагда, объясняется и совсем неубедительное его мнение, что название одного из слов Измарагда — «Наказание некоего отца к сыну» — содержит в себе нечто специфически стригольничье: только-де стригольник мог так «надписать» «слово», имея в виду мирянина, учащего вопросам веры и нравственности. Но «слов» с такими названиями много и в сугубо ортодоксальном Златоусте.

Насколько действительно внимательно читали уже в первые века истории русской литературы «душеполезная словеса» «святых книг», видно из того, как часто и духовные и светские писатели этого времени подкрепляли свои мысли ссылками на византийско-болгарскую учительную литературу. По этим ссылкам можно установить их знакомство и с такими произведениями, которые сохранились лишь в более поздних списках.

По мере того как в круг чтения русского «книжника» входило все большее число произведений светского содержания, в консервативной части общества нарастал протест против падения интереса в светской среде к религиозно-учительной книжности. Этот протест особенно усилился в XVI в. и нашел свое наиболее яркое выражение в «Наказаниях» митрополита Даниила: «... вси от душеполезных притчей и повестий уклоняются, вси от духовных бесед бѣгают, вси плотская любят». И потому сам проповедник призывает: «Приидете, о возлюблении, беседем беседы душеполезныя и повести и притчи спасительныя». ¹⁶ «Беседам душеполезным» Даниил противопоставил резко осуждаемые им занимательные сочинения: «Ты же непрестанно вся человеки съблажняеши, яко же самый той сатана, баснословиши, притчи смехотворныя приводиши»; «Како наыстишися духовных пищи в прочитании божественных словес, а ты празнословиши и кощунствуеши?». «Притчи смехотворные» проповедник считает такими же вредными для истинного христианина, как искусство, которое несли «скомрахи, плясцы, глумотворцы». ¹⁷

Защита «душеполезных словес» продолжалась и в XVII в., когда демократическая литература оттеснила из круга чтения многих «святые книги» учительного характера. В 1640-х годах царский стольник повторил противопоставление «божественным книгам и богословным догматам» «баснословных повестей и смехотворных писем», ¹⁸ хотя и сделал это прежде всего усматривая в последних проявление протеста против социальной несправедливости.

* * *

Среди «слов», посвященных отдельным темам морального кодекса, в Измарагде есть группа поучений, в которых собраны все основные этические требования, предъявляемые каждому образцовому христианину: перечислено в краткой афористической форме, что должно выполнять и что запрещается делать. Здесь отсутствуют развернутые психологические и религиозные мотивировки наставлений и запретов, почти нет попыток разъяснить бытовыми примерами или сопоставлениями необходимость соблюдения всех правил поведения — «како жити христианину». Образцы такого рода сводов-«наказаний» есть и в предшествующих Измарагду сборниках, начиная с Изборника 1076 г.

¹⁶ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, Отдел приложений, стр. 36—37.

¹⁷ Там же, стр. 19, 29, 21.

¹⁸ А. И. Яцимирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. М., 1898, стр. 1—13.

В полном тексте XVI в. распространенной редакции Измарагда такого рода своды наставлений представляют следующие «слова»: «Слово о наказании святого Василия ко всякому человеку» (Измарагд, ч. 1, лл. 10—11), «Слово святых отец како подобает жити христианом святого Петра» (ч. 2, л. 8—8 об.), «Слово святых отец како жити христианом» (ч. 2, лл. 27 об.—29), «Слово святых отец како подобает жити христианом» (ч. 2, лл. 62 об.—63 об.). В старшей редакции Измарагда к обобщающим поучениям относится и помещенный в начале сборника «Стословец Геннадия патриарха Цареграда» (В. А. Яковлев, стр. 9).

Преобладающей формой «слов» в Измарагде являются поучения на какую-либо одну определенную тему: «о милостыне», «о покорении», «о гневе», «о зависти», «о богатых и немилостивых» и т. д. Попутно эти «слова» касаются и других смежных тем христианской морали. Дополнением к «наказаниям»-рассуждениям являются рассказы, выписанные из патериков и Пролога, иллюстрирующие образцы награжденного соблюдения или наказанного нарушения тех или иных предписываемых правил поведения.

Измарагд обнимает весь круг вопросов общественной и личной морали средневековья, в ее существеннейших сторонах. Это своеобразная энциклопедия, сложившаяся уже в XIV в., а в конце века усилившая тематику, адресованную по преимуществу «мирским» людям: восхваление моральной и материальной пользы всякого общественно нужного, производительного труда, убеждение, что спастись можно и в миру, обличение «немилостивых» и скупых богатых, несправедно добытого богатства, наставления «властелям», какими им надлежит быть, чтобы заслужить повиновение, и т. д. Измарагд и в первой редакции адресовался к «мирским» людям и к белому духовенству, а с течением времени в нем становится все заметнее внимание к запросам «мирского» читателя за счет сокращения иногда специально церковных вопросов. Это была книга для «домашнего», а не церковного чтения.

Примечательно, что Измарагд утверждает полную ответственность человека за свои дела: «... мы сами есмь добру и злу вина, от нас жа раждается зло и добро, от нашего естества вся исходит» («Слово святых отец» — Измарагд, ч. 1, л. 29 об.). Частые ссылки на козни сатаны и дьявола не снимают этой ответственности человека за свои поступки. В основе всей этики Измарагда лежит характерное для христианства представление о том, что земная, «тленная» жизнь человека — лишь преддверие вечной жизни, которая начнется для него после смерти. Эта вечная жизнь будет для праведно живших и искренне покаявшихся в грехах райской радостью в «царстве небесном», а для нераскаявшихся грешников, нарушавших «заповеди», — адскими мучениями. Сдерживать человека в его поведении и побуждать к праведной жизни должен «страх господень», «страх божий», о чем постоянно напоминают поучения Измарагда. Есть и отдельное «Почтение о страхе божию ко всем христианом» (ч. 1, л. 103—103 об.), в котором кратко изложено толкование библейского изречения «Начало премудрости — страх господень»: он «ничто же велит зла творити... велит поминати смерть на всяк час и страшное судище». Подобно праведным, апостолам и мученикам, которые «спасошася», претерпев «в печалех и в пропастьех и в пустынях, тако же чающе мзду великаго бога, тако же и вы, чада, страха ради господня, все добро творите спасения своего. Грех же аще кто сотворит по дияволу делу, да тем же дни покается. Блюсти бо ся смерти: внезапно приидет» (ч. 1, л. 103 об.). Дохристианской религии славян этот принцип возмездия после смерти был незнаком, и поэтому о непрерывной ответственности за земную жизнь дидактическая литература напоминала особенно настойчиво.

Возмездие за неправедную жизнь может настичь человека и даже целый народ еще до смерти, все совершается по «божьей воле». Так объясняет уже «Слово о казнях» в Повести временных лет под 1068 г. поражение русских в войне с половцами: «Наводит бо бог по гневу своему иноплемьники на землю... Земли же согрешивши которой любо, казнить бог смертью, ли гладом, ли наведеньем поганых, ли ведром, ли гусеницею, ли инеми казньми...». Измарагд эту тему излагает в «Слове Иоанна Златоустаго о казнях божиих и о ратех», помещая под таким заглавием первое «слово» Серапиона Владимирского, сложенное им под впечатлением опустошения Русской земли нашествием татаро-монголов.

Однако жизнь в условиях классового общества часто давала примеры того, как «неправдивы и злобивы» человек «здравы и обилен» живет, а «в правде живущи» терпит «беды и скорби». «Слово его же любит господь, того и наказует», добавленное во вторую редакцию Измарагда (ч. 2, л. 21), отвечает тем, кто может усомниться в справедливости и милосердии божием, наблюдая подобные случаи. Той же теме посвящены «Слово Иоанна Златоустаго о творящих зла много, а не приемлющих zde бед» (ч. 2, л. 26) и «Поучение Ивана Златоустаго о впадающих в беды и печали» (ч. 1, л. 5). Высшую справедливость такого, казалось бы, незаслуженного распределения в мире благ и несчастий эти «слова» доказывают следующими доводами. Богатый «злой» или даже делающий «мало добра» иногда уже здесь, на земле, вознаграждается богом счастливой жизнью за крохи добра, которые он уделяет ближним, зато после смерти он обрекается на вечные мучения. Тот же, кто здесь несчастлив, по воле божьей уже на земле расплачивается своими несчастьями за многие совершенные им грехи, а потому в посмертной жизни он получит только награду, т. е. царство небесное. Для пресечения протеста против социального зла, несправедливости такая точка зрения была очень удобна. Она не только побуждала людей не искать выхода из своего бедственного положения, но даже учила их радоваться этим бедствиям в надежде на щедрое вознаграждение за них в будущей вечной жизни: «Любимии, не стужайте си в беде или в болезни, — сия бо скорбь на бесконечную радость, ону приведет ны» («Поучение Ивана Златоустаго о впадающих в беды и печали» — ч. 1, л. 5 об.).

Терпение в страданиях, которые посылаются богом, — необходимая добродетель истинного христианина. Отсюда Измарагд делает и практический вывод: нельзя лечить болезни («Слово святого Иоанна Златоустаго о лечащих болезни и волховании и наузы» — ч. 2, лл. 16 об. — 17 об.). «Болезни тяжкие от геенных мук ослабу нам творят», и, чтобы заслужить «мучения венец», надо терпеть болезнь, а не пытаться облегчить ее. Правда, Измарагд запрещает пользоваться услугами «чародеев и волхвов», но рядом с ними он ставит и «зелейников» — народных врачей, лечивших травами. Воспитанное на таком отношении к врачеванию болезни, средневековое сознание долго не принимало и врачей, применявших лечение, построенное на научных выводах. В лечении болезни человеческими силами продолжали видеть грех, попытку вмешаться в божественную волю.

В течение всего средневековья вопрос о справедливости бога, наделяющего людей той или иной судьбой, продолжал интересовать читателей, и литература решала его именно в таком направлении. Еще в XVII в. в переводном сборнике «Римские деяния» они нашли «Приклад о великой справедливости божьей, яко судьбы его неисповедимы и скрыты суть».¹⁹

¹⁹ Римские деяния. Выпуск второй и последний. СПб., 1878, стр. 203—210.

В этом рассказе ангел объясняет усомнившемуся в справедливости божьей «пустыннику», за какой грех потерпел от «вельми лютого» рыцаря незаслуженное наказание его «верный слуга». Оказывается, слуга наказан за свой забытый «старый грех», в котором сразу не покаялся. Пространное толкование «притчи сии» раскрывает аллегорический смысл каждого эпизода. Расплатившись при жизни за давний грех, человек тем самым освобождается от вечного наказания за него после смерти.

Специфичность для христианства требования беспрекословного, безропотного подчинения своей судьбе становится особенно ощутимой при сравнении книжных поучений и притч на тему о справедливости божьей с народными сказками о судьбе братьев или соседей — богатого и бедного, о двух долях и т. п. В сказке несчастный бедняк в конце концов становится богаче своего жадного и завистливого брата или соседа. Сказка заставляет случай или олицетворенную «долю» исправить несправедливость судьбы уже на земле, не откладывая расплаты на будущую жизнь.

Терпение к страданиям должно соединяться у образцового христианина со смирением и покорностью, которым противостоит гордость — «величание». «Слово о наказании святого Василия ко всякому человеку» учит «ко всем смирену быти, величания возненавидети», «пред старци молчание, мудрейших послушати, с точными (равными) любовь имети, с меньшими любовно свещание» (Измарагд, ч. 1, л. 10). Однако следует «учити ненаказанныя, увещати малодушныя», «еретик человек отвращатися» (ч. 1, л. 10 об.). Кротость и смирение обязательны для «спасения души» (ч. 2, л. 5 — «Слово святого Иоанна Златоустаго слово избранно»). «О смирении и покорении» напоминает «Слово святых отец како подобает жити» (ч. 2, л. 8).

«Покорение и честное послушание», согласно «Слову святых отец о покорении» (Измарагд, ч. 2, лл. 9 об. — 10 об.), — «царь бо есть надо всеми добродетельми», «выше бо еста всех добродетель»: они после смерти «одесную бога поставят». При жизни они «всяку добродетель рождают» и отгоняют все «злобы» — дается полный перечень тех и других (см. на тему «смирения» «Слово святого Внифантия о верных» — ч. 2, л. 18—18 об.). Однако этот завет «смирения» не должен сделать человека таким, который «хощет всеми любим быти без разсмотрения», иначе он «осудится»; он не должен стать «потаковником злобам» («Слово святых отец о разсмотрении и любви» — ч. 2, л. 9). Поэтому и истинному другу Измарагд вменяет в обязанность обличать неправду, чтобы не стать «губителем души и льстецом» («Слово святых отец како жити христианом» — ч. 2, л. 28).

Требование искреннего, а не формального отношения к религиозным обязанностям звучит и в наставлениях Измарагда о молитве. «Слово Иоанна Златоустаго о чистоте душевной» учит соблюдать не только телесную, но и душевную чистоту перед посещением церкви и вообще перед молитвой: «... не точию водою умываються руже и уста, но и добрыми дель». «Скверна устная» — не то, что прилипает к «зубам или деснам... но сия горше того суть лжа, клевета, хуление, обида, срамословие, кощуну, пустосмешие блудное, грохотание... пустыя беседы... песни бесовския и басни еллинския» (В. А. Яковлев, стр. 78). «Поучение Иоанна Златоустаго о молитве» строго судит тех, кто, стоя в церкви или на молитве, только «устны» движет и «колени преклоняет», а сам рассчитывает «прикупы, купле прилоды, промены, займы, села, имения прибытки» (там же, стр. 79). Во второй редакции Измарагда в это «слово» внесены добавления, явно отражающие живую действительность: здесь молящийся

не только думает о земных делах, но и обсуждает их. В церкви можно услышать советы и о «купле», и о «домовном строении, и о воинском или о врачбе» (там же, стр. 90).

«Любите бога всем сердцем и ближняго яко самому себе» — основное требование, определяющее отношение к окружающим; любить деятельно, «со стражущими страдати и с плачущимися зело плакаться» («Слово о наказании святого Василия ко всякому человеку» — Измарагд, ч. 1, л. 10 об.). К этому требованию присоединяются многочисленные наставления щедро давать милостыню нуждающимся в помощи. Этой теме посвящаются и «слова о милостыне», и наставления, включенные в поучения «о богатых».

Милостыня — это активное проявление евангельского завета «ближняго любити», о котором, среди других, подробно говорит «Слово святого Афанасия о различных образех спасения»: «Аще кто имения не имат, или вдовица или сирота, аще кого видиши или нага или алчна и от зимы трепуща, въведи в храм, согрей и дай ему от того, иже имаше, то вменится пред богом твое дание паче тмы талант даяния богатых. Аще ли того не имаше, то въздохни с скорбящими, поскорби о нищете убогих и утеши я, то в милостыню же вменится пред богом». Никакие добродетели и подвиги не спасут тех, кто может дать милостыню, но не дает: «Не истязаемы бо есмы того, его же створити не можем, но токмо еже можем, а не сътворим, лют нам будет ответ» (В. А. Яковлев, стр. 84).

Лицемерием называет Измарагд милостыню, которая дается от «неправдой» нажитого богатства. Особенно много внимания уделено этой теме «немилостивых» или жестокостью и «лихвой» добывающих богатство во второй редакции Измарагда. Ей посвящена группа специальных поучений, к ней возвращается составитель и в «словах», основными темами которых являются другие вопросы христианской морали.

Милостыня — средство достижения «вечного спасения», но в том случае, когда она дается от «неправды», она не заслужит награды. «Слово святого Иоанна Златоустаго яко неприятна без исповеди молитва», опираясь на авторитет Василия Великого, учит: «... иже кто, чюжая грабя, милостыню творит, то не токмо не помилован будет, но и мучению большему сподобится» (В. А. Яковлев, стр. 216). Богу так же «зело на неправедную милостыню зрети», как отцу видеть «пред собою закалаема» своего сына — это сопоставление приписывается Филарету Милостивому (там же, стр. 217). Подробнее развивает тему «неправедной милостыни» «Слово о немилостивых и богатых»: «Который убо успех есть со иногосовлещи и убогаго или сироту обидити, а иною оделяти? И как есть в том помощь, еже чюжим милостыня творити, и кое пособие, аще бо и все чюжое отдаши? Лучше убо не грабити, нежели творити милостыня чюжим: несть бо на ползу». В резкой форме выражает осуждение «приношению от неправды» «Послание Сидорово к Евсению епископу»: «яко пса смердящаго гнушается господь» такого «приношения» (там же, стр. 222).

Перед христианином, которого церковь учила предпочитать «славу небесную» «славе земной», в условиях феодального общества вставал ряд вопросов-сомнений: как относиться к богатству, каковы права и обязанности богатых, могут ли богатые заслужить «жизнь вечную» и т. д.

Самое отношение к богатству в поучениях Измарагда двойственное. С одной стороны, богатство «богом поручено ти на малы дни, то аки ключарь порученная ти раздавай, амо же поручивый ти велит» («Слово Иоанна Златоуста о милостыни» — В. А. Яковлев, стр. 222). Само богатство еще «несть зло, аще е добре строим» («Почтение Иоанна Златоуста

како подобает крестьяном жити» — там же, стр. 66). Но, с другой стороны, убеждая, что и богатство может быть «на добро», «Слово Иоанна Златоустаго о богатых и немилостивых» прямо говорит: «Не глаголю убо на богатых, иже в нем добре живут, но тыя укоряю, иже богатство имеющаа, в скупости живут... Иное бо богатство добре сбрано, добрым трудом, а иное есть златолюбие злое и неправедное богатство». Именно это «слово» рисует яркий образ скупого богача, который скорее согласится, «своих мяс урезав, иному подати или нищему, нежели в клетех лежащаго богатства» (там же, стр. 76—77). Судьба такого скупца изображается в «Слове Иоанна Златоустаго о мятежи жизни человеческия». ²⁰ Но жизнь показывала, что «добро» богатство наживается редко, поэтому гораздо чаще поучения обличают разные виды насилия, какими оно добывается, и осуждают пороки, рождающиеся вместе с стремлением к богатству: жадность, злобу, скупость, зависть. В изображении этих пороков, «неправедного» поведения «богатых немилостивых» поучения Измарагда достигают большой убедительности, психологической точности, реалистичности бытовых подробностей. ²¹ И поучения дают общий совет: «Руци согбени имей на неправеднаго богатства собрание, простерты же на приятие убогих», которым раздаётся «имение» («Слово некоего отца к сыну» — там же, стр. 60). С этим советом русский читатель был знаком уже по Изборнику 1076 г., где собрание «неправедного богатства» названо «събърианием зълааго имения света сего» (Изборник, стр. 167).

Если богатство, добытое «своею силою», т. е. трудом и притом «с правдою», есть «благо у милостива человека», то оно же становится злом, когда приобретает «неправдой» и насилием. «Слово Иоанна Златоустаго о берущия много имения» обличает: «Имения дея свободныи человеки порабощают и продают. Богатии мысляю разставаются — должнии печально увядают. Златолюбди на судище часто ходят... друг на друга лжу и клятву скончевают». Автор прибегает к конкретному образу, чтобы представить наглядно «несытость» такого богача: «Возмуцают бо ся воды и паки уставляются; возвевают ветры и паки утишают; возгорится огнь и паки угаснет. А человек, иже мятется о имении своем, никогда не почиет собирая: у инога зрит и неправдами желает собрати и души си погубит, жада я имения» (В. А. Яковлев, стр. 245). ²²

Измарагд не скрывает классовой розни в окружающей читателя действительности. В «Слове о желании богатства» читаем: «Не мощно убогу с богатым дружбы держати, яко же волку с агнцем. Слепый с хрымым не имата в борзости теши, тако и убогому с богатым держати дружбы. Яко же бремена чрез силу несть мощно нести, тако и с креплейшими себе и богатыми дружбы водити. Кое бо приобщение горньцю с котлом, так и убогу с богатым пря имети, яко бо горнец, убогий сокрушится, а богатый, обиду сотворив, и еще прогневается. Богатый, обиду сотворив соблазвившуся, то мнози помощьници ему, а убогому толко от бога помощь, а от человека несть. Мерзость гордому смирение, яко же и богатому убогий.

²⁰ См. об этом подробнее: В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV веков. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.—Л., 1958, стр. 21—22.

²¹ Подробнее об изображении носителей этих пороков см.: В. П. Адрианова-Перетц. Человек в религиозно-дидактических жанрах древнерусской литературы. — ТОДРА, т. XXVII, Л., 1972, стр. 3—68.

²² Даже самая щедрая милостыня от такого богача негодна богу. Эту точку зрения впоследствии выдвигал Нил Сорский, запрещая монастырям брать жертвуемые земли: эти земли, писал он, часто приобретаются «по насилию от чужих трудов», а такие жертвы не «на пользу».

Богатый възгласи — вси умолкоша и слово его вознесоша до облак, а убогий же възгласи — то вси ркут: что се сговорил? И аще поткнется, и превозринут» (В. А. Яковлев, стр. 107). Автор «слова» подбирает такие противопоставления бытового характера, которые делают особенно наглядным противоречие богатства и бедности: они несовместимы ни в чем, и разная оценка их поведения констатируется как нечто раз и навсегда установившееся.

Измарагд явно учит не превращать свою жизнь в подвиг: его образцовому христианину достаточно помогать ближнему «не противу мере каждой силы своея». «Слово Геннадия о поруче и займех» обосновывает этот тезис, приведя два практических совета: первый касается вопроса о том, кому не следует давать взаймы или за кого не следует поручаться перед займодавцем; во втором речь идет о том, когда опасно браться на помощь тонущему. Оба совета напоминают о необходимости быть осторожным, не рисковать, чтобы самому не пострадать, помогая «креплейшему себе», «выше силы своея» (В. А. Яковлев, стр. 107—108).

С достаточной определенностью высказался Измарагд и о правах и обязанностях членов семьи, притом семьи в античном понимании, т. е. ячейки, включающей в свой состав не только кровных родственников, но и всех домочадцев. Для древней Руси те, кого византийские «слова» именуют «рабами», объединялись обычно под термином «челядь»; сюда входили и свободные и полусвободные слуги, разной степенью экономической зависимости связанные с «господином».

Теме семьи полностью посвящены целые группы «слов» в обеих редакциях Измарагда, причем вторая расширяет поучения об обязанностях детей по отношению к родителям и поучения о «добрых» и «злых» женах (Измарагд, ч. 1, лл. 20—22; ч. 2, лл. 19—20; Яковлев, стр. 90—93, 225—233). К отдельным вопросам семейной жизни попутно обращаются и другие поучения с иной основной темой.

Помня о том, что «господин» — глава семьи на «страшном суде» ответит за нравственность всех ее членов, Измарагд обязывает их всех беспрекословно повиноваться мужу—отцу—хозяину, или, по терминологии Измарагда, «владыке и игумну дому своего». В главных своих требованиях мораль семейного быта сводится в Измарагде к следующим положениям. Мужу рекомендуется советоваться с женой о домашних делах, но это «совещание» имеет целью лишь внушить жене необходимость поступить по воле мужа. Слабовольные мужья, подчиняющиеся женам, строго осуждаются, как и властные жены. Главная цель воспитания детей — научить их «страху божию». Все приемы воспитания определяются этой целью. Искоренять в детях всякие признаки своеволия надо «не словом точию, но и ранами». Конечно, «слово» или «научение» должно предшествовать, и при этом дается совет «не озлоблять» «детище». Но если «не слушает дитя твое, то не пощади его»; тогда уже выступают как воспитательное средство «жезл» и «плеть», наносящие «раны», дозволенный счет которых колеблется от 6 или 12 до «многих ран», «аще ли вина зла». На спасительности этих средств автор «Слова к родителям» настаивает, повторяя изречение притч Соломона: «Аще бо и жезлом биши, то не умрет, но паче здраво будет; аще бо накажеш, то и душу его спасеши». «Гроза» родительская, сопровождающая «детище измлада», вырастит его не только покорным: оно будет «покоить старость» своих родителей, получит «славу и благословение от бога» и избежит «укора от сосед, посмеха пред враги, пред властели платежа и злой досады». Таким образом, Измарагд всю дальнейшую судьбу человека ставит в зависимость от полученного в детстве воспитания: чем оно будет строже, тем лучшим вырастет человек и

тем счастливее сложится его жизнь. И сами родители приготовят себе спокойную старость только педагогической «грозой».

В рамках этой строгой семьи, где глава — «игумен», сложился идеал «доброй жены», который пережил все средневековье. Сильно преувеличено мнение, будто всякую женщину христианство в средние века провозглашало исчадием греха, дьявольским сосудом. Наоборот, жена, достигшая идеала, начертанного в христианской дидактической литературе, изображается лучшим сокровищем: она дается богом мужу в награду за добродетельную жизнь, как злая жена — в наказание за грехи. Идеал женщины, жены и матери, по Измарагду, это «в молчании» повинующаяся мужу, скромная, трудолюбивая, «ограда дому», бережливая хозяйка.

Призывая женщин следовать начертанному идеалу, Измарагд в «Слове святого Иоанна Златоустаго о добрых женах» (Памятники, вып. 3, стр. 120) изречениями «Книги притч Соломона» (гл. 31, стих 10) восхваляет «добрую жену»: «Жена добра дражайши есть каменя многоценнаго, обрете бо ю муж ея радуется о ней, яко обрете честь со славою и яко сокровище, многих благ исполнено». Зато в гиперболический тон впадают «слова» о «злых женах»; старший образец их русский читатель нашел в Изборнике Святослава 1073 г.; Измарагд этой теме уделил немало внимания (см. два «слова» Иоанна Златоуста — Памятники, вып. 3, стр. 121—124).

Жить с мужем жена должна в полном согласии: ревность и сварливость безусловно запрещаются, как и попытки властвовать над мужем. Властная жена портит и мужа: «Аще мужа имать боярина, то всегда поучает его на отъятие и на грабление; аще убога имать мужа, то на гнев и на которы учит. И аще ли есть вдова, то вся укаряет и осужает и хулит, а о будущем суде не помышляет» («Слово святого Иоанна Златоустаго о злых женах» — Измарагд, ч. 1, л. 31 об.). Так Измарагд переносит в сферу общественной жизни вопрос о семейных качествах жены.

Охраняя семейный быт и предписывая женом скромность в противовес «бестудству», Измарагд со всей силой негодования обрушивается на «телесное угодие», «телесную нечистоту». Любовь вне брака — любовь дьявольская. Поэтому и в воспитании дочерей, по Измарагду, главное — сберечь их «девство». Из всех осуждаемых Измарагдом видов развлечений («кошуну, песни сатанинские, пляскание, гудение») «всех злее и горьше» признается «плясание»: «пляшущая бо жена — невеста сатанина нарицается и любовница дьявола, супруга бесова, не токмо сама сведена будет во дно адаво, но и тии, иже ея с любовию позоруют и в сластех разжигаются на ню похотию» («Слово Иоанна Златоустаго о играх и плясании» — В. А. Яковлев, стр. 66). В другом варианте того же «слова» (Измарагд, ч. 1, л. 89 об.) пляска названа «многовертым плясанием», за которое «вси любящии» его «в негасимый огонь осудятся».

С особым вниманием вторая редакция Измарагда перечисляет обязанности детей в отношении к родителям. Этой теме посвящены полностью два «слова» — «Како подобает чтити отца и матерь, родителя своя» и «Поучение яко подобает детем чтити родителя своя паче душа своя» (Измарагд, ч. 1, лл. 20 об.—21 об.). Чтить родителей следует не только для спасения своей души, но и для того, чтобы в будущем «возвеселиться о чадех» своих, чтобы и «в день молбы» дети послушны были тебе. «Благословение отче утверждает дом чядом, а молитва матерня спасет от напасти»; «Отця клятва сына непокорива сушит, а матерня искоренит» (ч. 1, л. 21—21 об.). Оба поучения предупреждают, что нельзя «укорить» и «досажать» родителям, когда они будут стары, надо «покоить» и «угажать» им, помня молитвы отца и «матерня труда, и яже о чадах печальных болезней» (ч. 1, л. 21 об.).

В семью входили и все слуги («челядь»), которые иногда носят идущее от византийских оригиналов поучений имя «рабов и рабынь». «Слово како имети челядь»²³ определяет обязанности и права «игумена в дому своем» по отношению к слугам. За них, как и за жену и детей, «владыка дому» также должен «ответ даяти» богу, «аще не наставит их на добродетель». Этим прежде всего определяется характер отношений к челяди. Напоминая, что «бесчестывать» рабов нельзя, так как они «того же естества суть», «тации же суть», что «все одинако сотворены во утробе», «Слово како имети челядь» предписывает такое же строгое обращение с слугами, как и с детьми, чтобы они «во твоей (хозяина) воли» ходили, были научены добродетели, «страху божию» и «покоилю» «владыку дома». Если раб не повинуется, то «не злобою, а усердием», «по рассмотрению» (т. е. обдуманно) надо его наказывать, впрочем умеренно: «не буди излих над всякою плотию», «не чрез силу» бей слугу — «до 6 или до 9 ран; аще ли зла вина вельми, то 30 ран, а лише не велим». Но не гуманность диктует это ограничение: «аще ли его (раба) озлобиши, то встав бежит от тебе». Хозяйственной выгодой в первую очередь определяется и приказание заботиться о материальных нуждах челяди: «Аще ли им доволная пища и одежда не подаваете, они, не терпяще наготы и глада, крадут и разбивают»; зато хорошо наученные и довольные хозяином слуги «помощницы ти будут и поучат тя на добро». «Слово како имети челядь» предостерегает и от излишнего отягчения слуг работой: «Егда како да не в горести суще душа его воздохнет на тя богу, и скоро услышит господь молитву их и прольет на тя гнев свой». Но работа, хоть и «в меру», должна занимать все время слуг, потому что «праздность научает злобе», т. е. вредит интересам хозяина здесь и влечет за собой наказание «владыки» в будущем, на «страшном суде», когда с него спросится за грехи слуг. Этими двумя соображениями определяется мера строгости по отношению к слугам, хотя все еще напоминает христианский завет — «того же естества ти суть». Безграничная власть хозяина крепостного периода Измарагдом еще не устанавливается ни теоретически, ни практически.

Безусловное повиновение «властелем», «князем» опирается на тезис: «от бога дана им держава» («Слово святых отец како жити христианом», ссылаясь на апостола Павла, внушает: «вся бо власти от бога устроены суть», — В. А. Яковлев, стр. 212). Поэтому «Слово яко подобает покарятися властелем и честь воздати им и при всем послушати им» (Измарагд, ч. 1, л. 85—85 об.) требует не прекословить властям, «аще и пронырливи суть»: «Во сердце своем на князя не мысли и в ложнице своей не клени его». Но требование это определяется страхом наказания не только от бога, но и от самого князя: «Егда птица глас твой донесет его и готов будеши страдати злая» (ч. 1, л. 85). Еще резче выражает требование покорности властям «Слово святых отец како жити христианом» (ч. 2, л. 27 об.): «Князю приязньство имейте, не мысли нань зла. Аще кто власти противится, суду божию повинен есть». Итак, если даже «властели пронырливи», им необходимо подчиняться и даже мысленно не осуждать их, между тем все значения слова «пронырливы» в древнерусском языке (лукавый, коварный, злой, дурной) носят отрицательный характер.²⁴

Однако сами поучения Измарагда не раз обращаются к вопросу о «неправедном» поведении властей, и даже «Слово святых отец о славе мира

²³ Издано, см.: А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, IV. Казань, 1890, стр. 18—20.

²⁴ См.: Срезневский. Материалы, т. II, столб. 1551.

сего» с грустью замечает, ссылаясь на Иоанна Златоуста: «Велик человек есть пред богом, иже во власти не изменится страхом Божиим» (Памятники, вып. 3, стр. 83). «Власть бо очи смысленных ослепляет», — констатирует это «слово». Обязанности «властелей» кратко сформулированы в «Слове святых отец како жити христианом»: «Не щадите зло творящих, но казните я, а не по маде отпускайте, да не и вы, делатели беззакония, от бога суд зол примите» (там же, стр. 40). Резко критикует «власти» «Слово святого Василия о суете жития света сего»: «Сущии во власти возносятся и ротятся часто, промеж себя бьются, несытством грабят, насилем мучат, ажа превозносятся. И проповедник приходит к грустному выводу: «Любы отбеже, истинна землю остави, злохитреды и клеветницы честни суть, мытари грады держат» (Измарагд, ч. 1, л. 99 об.).

Так реальная действительность вступала в полное противоречие с образом «властеля», которому «держава» дана «от бога». Еще более пессимистически смотрит на земную жизнь «Слово святых отец о правде и неправде» (Памятники, вып. 3, стр. 84—85). Это «слово» известно уже в списке Пролога конца XIII—XIV в. и оттуда, видимо, извлечено составителем Измарагда. Наблюдая жизнь, автор «слова» приходит к грустному выводу: «...прияша человеци неправду и возлюбиша, а правду оставиша и отвергоша. . . ведуше истину, но не творим ея». Следуют перечень всевозможных видов «неправды», которые вытеснили из жизни «правду» — добродетели, и призыв к «исправлению», чтобы заслужить «жизнь вечную от бога». На этот призыв могли опираться и теория личного самосовершенствования, и воззвания к активной борьбе с обществом, построенным на «неправде».

Подчиняться требует Измарагд не только «мирским», но и «духовным» властям. Группа «слов» посвящена теме «како подобает иереи чтити» (Измарагд, ч. 1, лл. 83 об.—88 об.). «Иереи» заботятся «о душах ваших», они ответят за вас «в день судны» — так увещевает «Слово святого Иоанна Златоуста како подобает иереи чтити» (ч. 1, л. 84). Но если даже слова твоего наставника не соответствуют его собственным делам, нельзя осуждать его: «не подобает овцам пастуха хулити». За свои дела он ответит сам, ты же не слушай его слов только тогда, «аще ли закон имать неправ».

Характерной чертой Измарагда в его расширенной редакции являются восхваление труда, обязательного для всех, и соответственно суровое обличение праздности, лени и пьянства. Повторяя слова апостола Павла, Измарагд не раз предупреждает читателя: «Иже кто ленится и не хочет делати, да не яст» (ср. «Праздный да не яст» — изречение, рано ставшее пословичным).²⁵ «Слово Иоанна Златоуста како попом учити люди» (Памятники, вып. 3, стр. 115) доказывает необходимость труда для самого существования жизни на земле: «Аще ли бо каждо оставил своя хитрости (т. е. занятия), то не бы вселена земля и погигло бы наше житие». Всякий производительный труд полезен для спасения души и приносит материальную выгоду. Наоборот, «леность бо всем злым делом мати есть — аще бо что и доброты имаши, то леность погубляеть» — так внушает «Почучение ленивым, иже не делают, и похвала делателем Великаго Василия Кесарийскаго». «Никто же бо без труда спастися может, но всяк каждо по делом примет» (там же, стр. 92). Только «недужным и старым» разрешается «порожнему (т. е. праздному) ясти» («Слово святого Василия к ле-

²⁵ Это изречение в форме «Ленивый да не яст» вошло в Пчелу, а со временем и в устную речь «книжных» людей, слившись с пословицами о лени.

нивым» — Измарагд, ч. 2, л. 1 об.). О том же говорит «Слово святого Нифонта о различии спасения» (Памятники, вып. 3, стр. 42—43): «...старые и немощные, нищие и богатые могут сотворить заповеди божия — иже бо кто имеет любовь, той без телеснаго труда спасется»; «Аще бо и стар, а о души понимает, то боле может в старости спастися».

Пропагандируя труд, который и кормит человека с семьей, и дает возможность помогать убогим, нищим и жертвовать церквям и монастырям, Измарагд убеждает, что для «спасения души» нет надобности уходить в монастырь. Адресованный преимущественно мирянам и белому духовенству, Измарагд, выражая глубокое уважение к монахам-подвижникам, в то же время остро критикует тех, кто уходит в монастырь, чтобы избавиться от житейских забот, и внушает мысль, что «спастись» можно и «в миру». «Слово святого Иоанна Златоустаго о глаголющих яко немощно спастися живущим в миру» (Памятники, вып. 3, стр. 45) выдвигает общий тезис: «...не спасет нас место, аще не творим воли божия... несть бо пособия от честна сана, ни от места свята не творящему заповеди божия». Забота о семье, за которую человек несет ответственность перед богом, — первая его обязанность: «Первое домашняя своя и род свой бес печали сотвори — тоже и иным милостыню твори. Се бо лицемерие есть еже чужая сироты наделяти, а род свой или челядь нази и боси и голодни оставляти. Како же душами их попечешися, а телеснаго не исправя, то како в страх божий приведеши их, а телесными недостатки оскорбляя их?».

Еще резче осуждает уходящих в монастырь от семьи «Слово святых отец к христианом, иже кто оставляет жену и дети и отходит в монастырь» (Памятники, вып. 3, стр. 46—47). Даже тем, кто живет богато, нет надобности уходить из мира: «богатство несть зло, аще добре строим» — надо лишь быть «щедрым», «милосердым и кротким». Тем более, «аще ли кто нищеты деля отходит в монастырь, или, детей не могый кормити, отбегает их и не могый печаловати ими — то уже не божия деля любве отходит. Таковый ни потрудитися богу хошет, но чреву угодное творити... отбегая бо кто порожения своего таковый веры отместься и горее поганого (т. е. язычника) есть... Оставленные бо дети гладом измирают и зимою боси и нази изнемогают, плачут люте и кленуше ся глаголют: почто нас отец наш и мати родиша, оставиша бо нас в велицей беде и в велицей страсти быти». Конечный вывод, к которому направляет проповедник, повторяет основную мысль предыдущего «поучения»: «Везде бо примет нас бог, право и по закону живуще, а не спасут нас и черныя ризы, аще в лености жити начнем». Так нравоучение переходит к теме пользы труда и вреда лености: «Аще ли же кто убог, то делай своими руками и свой хлеб яжь и своих от того кормя, татбы же и клеветы уклоняйся и всякаго зла, да спасешися».

Настойчивые напоминания Измарагда о том, что спастись можно и «в миру», естественны в сборнике, обращенном к мирскому читателю. Поэтому нет основания видеть в этом протесте Измарагда против тяги мирян в монастырь «идею, дерзновенную для церковного средневековья», которая повергает в прах ряд явлений, обычно расценивающихся как «величайшие достижения исторического христианства» (Н. П. Попов, стр. 41). Аргументация Измарагда в данном случае исходит из реальных условий жизни: составитель сборника разглядел в этом стремлении уйти в монастырь не религиозный порыв, а желание избавиться от житейских забот, бросить семью, которую надо кормить, избыть «нищеты». Он так же осудил это бегство от своих обязанностей, как еще раньше и тоже в Новгороде было осуждено увлечение паломничеством: в нем еще в середине XII в. руководители церкви (новгородский епископ Нифонт) увидели

желание «порозну ходяче ясти и пити», т. е. кормиться за счет благочестивых людей.

Рисуя идеал христианского поведения, основанного на «страхе божием», Измарагд осуждает внешнее лишь соблюдение правил этого поведения, обличает лицемерие во всех его проявлениях, противопоставляя формальному выполнению этих правил искреннее и деятельное их применение: необходимы деятельная вера и внутреннее молитвенное настроение, подлинные христианские добродетели, осуществление в жизни христианского отношения к людям.

С характерными, например, бытовыми подробностями «Поучение Иоанна Златоуста о посте» резко осудительно описывает формальное соблюдение поста: «Аще бо кто не пьет пития, ни мяс ест, а всяку злобу держит, то не пуще есть скота — всяк бо скот не яст мяс и пития не пьет, кая унцина есть сушащему тело свое, а не накормляюще алчнаго и жаднаго»; «алчба бо ничтоже без добрых дел... не входящая сквернит человека, но исходящая от уст: лжа, клевета, укорение, осуждение, словеса неподобная и срамныя» (В. А. Яковлев, стр. 70—72).

Однако, восхваляя пользу поста для «спасения души», Измарагд не зовет к аскетизму, рекомендует пост «по силе» (Измарагд, ч. 2, л. 78 об.). Главное — воздерживаться от всякого зла: «пост бо без добрых дел неприятен есть» (там же). Эта мысль проходит через все поучения о посте (ч. 2, лл. 77 об.—80). В конце концов поучения ведут к посту как воздержанию не столько от излишней пищи, сколько от всяких «злюб»: «Не спасет нас жестокое воздержание, аще злюб не останемся, от всего бо поститися подобает — лжи не глаголати, и гнева не имети, не завидети, и весь злобный и клявственный обычай оставити — истинный есть пост» (ч. 2, л. 80). Итак, учение о посте сводится прежде всего к требованию воздерживаться от «злых дел» и настроений, делать добро ближним. Стремясь, однако, доказать пользу и воздержания от «многоядения», «Слово святого отца нашего Василия Кесарийскаго о святем посте» (ч. 2, л. 87—87 об.) спорит с теми, кто говорит, будто пост приносит «телу немощи»: «Многажды бо толстиши тело пищама, пьянством, ныне же в пост предайся. Нужа бо от яди отягчену метатися стоняще, яко же и ладья гружаема, тако и телеса, часто сытостью отягчаема, вскоре потопима недугом будут. Добре же и легкою пищею от недуга, аки от лютыя зимы, отбегают». Такого рода разъяснения обращались, очевидно, к тем «богатым и немилостивым», обличению которых в Измарагде уделено много места.

Однако поучения Измарагда о пользе поста не дают основания усматривать в старшем его виде «дух аскетизма», свойственный идеологии строготничества, как это делает Н. П. Попов (стр. 41). Если Измарагд нередко подчеркивает значение поста как подвига духовного, строго осуждает мирские развлечения — игры, пляски, песни, то ведь это общие места всей религиозно-учительной литературы средневековья.

Призывая к добродетельной жизни и обличая всякого рода нарушения моральных требований, учительные «слова» стремятся убедить конкретностью изображения, подкрепить отвлеченные рассуждения бытовыми образами, наглядно представляющими должное и осуждаемое. Например, необходимость быть «милостивым» поучения доказывают не только тем, что милостыня «очистит грехи» и принесет «спасение души». «Слово о милостыни и о смирении» (Измарагд, ч. 1, л. 16 об.), во-первых, точно предупреждает, что не следует «в телесных потребах» делать различия между людьми: не отказывать «ни злу, ни добру ли праведну». Во-вторых, оно конкретно перечисляет виды помощи: «Аще бо насытился еси пищама брашны различными, накорми алчющаго хлебом; напиа ли ся попремногу,

дай же жадному едину чашу; согрел ли ся во многоягких ризах и драгих, придежи трясущагося зимою простейшею одежею; во храме ли красне и висоце возлежиши, введи скитающагося по улицам в дом свой; возвеселил ли ся еси с ким своим веселием, обвесели скорбящаго; обрадовал ли ся о чем, обрадуй сетующаго; почтиша ли тя яко богата, почти ты убогаго. . .». Как видно из этого перечня услуг убогому, они требуют весьма умеренной, но вполне конкретной помощи. Именно с этими скромными просьбами обращается к своему князю Даниил Заточник.

Осуждая «злое», «неправедное» богатство, «Слово святого Иоанна Златоустаго о богатых и о милостивых» (Измарагд, ч. 2, лл. 60—61) прибегает к таким бытовым сопоставлениям, которые придадут наглядность основному тезису: скупым богатство служит «на большее безумие и на грех и на лютейшую муку». «Яко корабль топит буря, тако и богатство злое душу губит. . . несытый имениа подобен есть пьяницы, иже любит пити много, а лихоимец любит собирати много; лихоимца очи мзда ослепляет, а пьяници хмель очи омрачает; он скупостию оглох — нищих вопля не слышит, а сего душа пьянством оглохла, святых словес чтомых не слышит. . .».

Устрашая вечными муками — «негасимым огнем и ядовитыми червями» — после смерти, «Слово святого Кирила мниха о страсе божии» (Измарагд, ч. 2, л. 61—61 об.) так поясняет силу этих мук: «Аще бо zde баня теплыя и горящия укропления воды не может плоть наша терпети, то како сътерпим он лютый огонь и кипящия смолы мучение. Аще убо комара или мухи страшища не терпим, то како, братие, неусыпающии червь лютый стерпим?».

Жизнь — это «торг житейский», и «Слово избранно» Иоанна Златоуста призывает: «Еще же даже торг не разыдется, купи себе милостыню убогих, помилование от бога смирением, вечную славу правдою, житие некончаемое чистотою, венец кротостию, в рай вхождение милостынею, со аггеля пение, купи сие трудом покой. . .» (Измарагд, ч. 2, л. 5).

Стремление учительной речи к наглядности и вытекающее отсюда нагнетание бытовых сопоставлений, конкретизирующих моральные требования, придают часто ритмичность самому строю изложения. Эта ритмичность как прием ораторской речи сближает учительные произведения с торжественным красноречием «слов» на праздники, похвал святым. Однако в отличие от церковной ораторской прозы учительные «слова» предпочитают символически-метафорическому ее языку выразительную речь, не требующую от читателей-слушателей широкого овладения «сладостью книжной». Вместе с тем обилие бытовых реалий из жизни мирян, начиная от жизни разных типов богачей, преимущественно наживших свое богатство «неправедно», скупых и жадных, лихоимцев и насильников, и до убогих и пропившихся пьяниц, показывает, что составители Измарагда рассчитывали именно на самые широкие слои «мирских» читателей и на белое духовенство, духовных их наставников.

Идеал истинного христианина, создаваемый поучениями Измарагда, отразил в себе противоречивость, свойственную идеологии христианства в том ее виде, в каком она сложилась, когда христианство стало государственной религией большей части Европы, когда церковь сделалась «наиболее общей санкцией существующего феодального строя» и когда авторитетом Библии освящалась «и княжеская власть божьей милостью, и безропотное повиновение, и даже крепостное право» (Ф. Энгельс).²⁶ Но, с другой стороны, в течение всего средневековья и социальные движения высту-

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 361, 368.

пали всегда «под религиозной оболочкой»,²⁷ опираясь на элементы идеологии раннего христианства, частично сохранившиеся в книгах Нового Завета. Эти движения звали установить «общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти» (Ф. Энгельс).²⁸ И в Измарагде можно найти — правда, редкие — отголоски этих элементов идеологии раннего христианства. «Слово святого Иоанна Златоустаго. Слово избранно» напоминает читателю о равенстве всех людей: «Всякий бо человек — образ божий. Все бо от единого Адама родихомся» (Измарагд, ч. 2, л. 5 об.). Так и в «Слове како имети челядь» рекомендуется: «Не беществуйте их (слуг), яко того же естества ти суть».²⁹ Можно найти в Измарагде изредка суровое обличение властей. В «Слове святого Василия о суете жития света сего» читаем: «... сущии во власти возносятся, ротятся, промеж себя бьются, нещастием грабят, насилем мучат, лжа превозносятся» (Измарагд, ч. 1, л. 99 об.).

Частые выпады Измарагда против «немилостивых богатых» Н. П. Попов связывает с оппозиционным демократизмом средневекового общества. Но перечисленные отдельные черты демократизма в Измарагде (мысль о происхождении всех людей от одного Адама, критика властей и богатых «немилостивых») — это отражение еще идей библейских пророков и ранней христианской литературы. Он вырос в обстановке классового общества и не заключает в себе ничего, отрицающего закономерность сложившихся в этом обществе социальных отношений. Не возражал против законности неравного распределения богатства, Измарагд вслед за всей предшествующей ему религиозно-дидактической литературой лишь учит богатых не злоупотреблять своей экономической силой, быть щедрыми, милостивыми к бедным, не обременять непосильным трудом слуг. Его умеренный гуманизм покоится на «страхе божием» и на внимании к своим хозяйственным выгодам. С другой стороны, постоянными напоминаниями бедным о необходимости терпеливо переносить все лишения и страдания здесь, на земле, чтобы заслужить «жизнь вечную», Измарагд противоречит настроениям русских вольнодумцев XIV в.: они побуждали к протесту, а не к терпеливому признанию полезности страданий.

Читая Измарагд, вольнодумцы, в том числе и стригольники, могли в отдельных его высказываниях найти подтверждение справедливости своего недовольства некоторыми сторонами общественной жизни в целом и церковной жизни в частности. Однако никакой попытки «переделать традиционный церковный устав», как утверждает Н. П. Попов (Н. П. Попов, стр. 44), в этом сборнике не содержится. Современники стригольников знали, конечно, их «писания». И будь Измарагд в числе последних, не завоевал бы он такого авторитета, каким пользовался, судя по числу сохранившихся списков, в течение ряда веков — в наиболее консервативной старообрядческой среде до начала XX в.

Осуждение лицемерия во всех его проявлениях и насилий, творимых «богатыми» и «властями», признание равенства всех людей, требование деятельной любви к ближним и смелого обличения всяческой «неправды», уважительного отношения к старшим, заботы о родителях и «немощих», нуждающихся в помощи, требование верности «роте» — клятва, сдержанности в словах и поступках — весь этот кодекс морали

²⁷ Там же, т. 22, стр. 468.

²⁸ Там же, т. 7, стр. 371.

²⁹ А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, IV, стр. 19, прим. 1.

давал образ положительного поведения, переживший тот общественный строй, в условиях которого его пропагандировали поучения Измарагда.

«Страх божий» — надежда на награду за «добро» или ожидание наказания за «зло», неизменно сопровождающие христианина всю жизнь и регулирующие его поведение, — снижает, конечно, ценность тех этических норм, какие предписывает Измарагд всем без исключения — богатым и бедным, молодым и старым, хозяевам и слугам. Снижается этим учением о «страхе божием» и значение той критики злоупотребления властью и богатством, которая нередко звучит в его поучениях. Эта критика не зовет к протесту против социального зла: угнетаемым поучения напоминают об ожидающей их в «вечной жизни» награде за страдания и внушают необходимость терпения, смирения, покорности. Однако сами по себе, освобожденные от «страха божия», многие требования морального кодекса Измарагда рисуют высокий идеал человека, приблизиться к которому в условиях феодального общества могли, видимо, немногие. Поэтому в «словах» Измарагда так много внимания уделено нарушениям моральных заветов, так ярко описываются именно эти нарушения, «злоба» и ее проявления в поведении людей.

Но в этических размышлениях Измарагда много и такого, на что могли опереться в своей житейской практике правящие классы феодального, а затем и капиталистического общества. Используя требование безусловной покорности своей судьбе, безграничного терпения к нищете, полного повиновения всем властям — светским и духовным, безоговорочного признания авторитета богатых и знатных, поучения тем самым поддерживали тех, кто утверждал непоколебимость существующего общественного строя, кто подавлял любые формы социального протеста, даже выражаемого в религиозной форме. Постоянные напоминания о терпении давали основу для внушения запрета мыслей о несправедливости феодальных отношений между трудящимися и господствующими классами, для оправдания эксплуатации.

В свете подобных наставлений Измарагда меркли и оставались в определенных слоях общества безжизненными формулами остатки заветов раннего христианства, еще звучащие во многих его «словах». Эти заветы повторялись как хорошо затверженные правила, но они оставались для многих теорией, с которой резко расходилась реальная жизнь в условиях обострявшейся классовой борьбы. Об этом свидетельствуют, например, расхождения теоретической части Домостроя, целиком построенной на Измарагде, с его практическими наставлениями.

* * *

В теоретической части Домостроя (XVI в.), начинающейся кратким «Наказанием от отца к сыну» и предшествующей его практическим наставлениям,³⁰ излагаются вкратце все основные требования к совершенному христианину, собранные в «словах» Измарагда на тему «как жити христианину» и подробнее мотивированные в поучениях, посвященных каждому из этих требований в отдельности.

«Страх божий» и «память смертную» следует всегда иметь «в сердце своем», помнить, что за свои дела придется дать ответ «в день страшного суда» (стр. 5, 6). Совет «искреняго си возлюби всякаго человека,

³⁰ Далее текст Домостроя цитируется по изданию: А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908.

по образу божию созданна» (стр. 6)— отголосок учения Измарагда о равенстве всех людей, происходящих «от Адама». Общее требование «всегда волю божию творити» раскрывается затем в разделах, перечисляющих отдельные требования. Вместе с Измарагдом Домострой требует покорения всем духовным властям (стр. 6—7), «царю, князю» и «всем властелем», власть которых «от бога учинена суть» (стр. 7—8). Здесь же призыв: «славы земныя ни в чем не желай, вечных благ проси у бога», а отсюда наказ: «всякую скорбь и тесноту з благодарением терпи — обидимо не мсти, хулим моли, за зло не воздавай» (стр. 8). Так воспринято Домостроем учение о терпении, смирении, покорности, широко представленное в Измарагде. Усвоив учение Измарагда о «злом», «неправдою» и «насилием» добытом богатстве, Домострой в разделе «О неправедном житии» (стр. 24—25) подробно перечисляет все виды таких «обид» и угрожает и тем, кто их творит, и тем, кто «не возбраняет и не обороняет» обиженных: «все вкупе будут во аде, а зде прокляти» (стр. 24). Перечень греховных дел в главе 23-й, «Како врачеватися христианом от болезни от всяких скоро» (стр. 21—24), повторяет наставления Измарагда «како жити христианом», имея в виду «болезни душевныя и телесныя» и ссылаясь на советы, данные во всех предшествующих главах и в главе 25-й, «О праведном житии» (стр. 25). Для исцеления от душевных и телесных болезней рекомендуется опять иметь «страх божий», хранить «христианское и отеческое предание», подробно перечисляются все запрещаемые «деяния» — «всякая злая дела», в том числе «бесовские песни, бубны, трубы, сопели», все виды колдовства. Подобно «Слову о казнях божиих», Домострой угрожает всякими карами за несоблюдение запретов, за то, что мы «не помышляем вечнаго, но желаем тленнаго и временнаго» (стр. 23).

Разделы Домостроя, отведенные вопросам семейной жизни, подробно развивают наставления «слов» Измарагда об обязанностях родителей, воспитывающих детей, и о том, «како детям отца и матери любити и беречи и повиноватися им и покоити их во всем», «каковы люди (слуг) держати» (стр. 19—21). Общий смысл наставлений Домостроя в этой части полностью соответствует советам Измарагда. Членов семьи и домочадцев надо учить любви ко всем: «не обидети», «не помнати зла», «к болшим быти послушну и покорну, к средним любовну, к меньшим и убогим приветну и милостиву» (стр. 18).

Таким образом, моральный кодекс, сформулированный в первых 25 главах Домостроя, целиком повторяет требования, предъявляемые к совершенному христианину религиозно-учительной литературой, основные принципы которой исчерпывающе представлены в «словах» Измарагда. Однако уже и здесь иногда обнаруживается особое внимание составителя Домостроя к внешней стороне церковного обряда. Измарагд, как выше показано, ставит на первое место внутреннюю настроенность молящегося — полное отрешение от всех земных мыслей, забот. Говоря о том, как следует готовиться к таинству причащения, «Слово о святем причащении» требует «очистити ум и совесть», «со страхом причащающесе», помириться с врагами, очиститься «постом и милостынею и покаянием» (Измарагд, ч. 2, лл. 71 об.—72). Глава 3-я Домостроя сосредоточивается на подробном описании внешнего поведения идущего к причастию. Кратко напомнив, что следует идти «приочистив себя духовно, в чистой совести с молитвою и с молением», поцеловать крест и иконы, Домострой далее во всех подробностях изображает, как вести себя при этом: «поцеловати, дух в себе удержав, а губ не разеваючи», причастие «от иерея примати во уста опасно, губами не сверкати, руже имети к персем согбени кре-

стообразно, а дора и просфира и всякая святая вкушати бережно, крохи на землю не уронити, а зубами просфиры не кусати, яко уже прочии хлеб, выломываючи невелики кусочки в рот, ести губами, и ртом не чавкати». В таком же тоне выдержано все описание того, как пить вино, как есть дома просвиру (стр. 5—6).

Описывая, как молиться в церкви, Домострой добавляет наказания: «стояти, никуда не обзираяся, ни на стену не прикланяться, ни к столпу, ни с посохом не стояти, ни с ноги на ногу не преступати, руке согбени к персем крестообразно твердо и непоколебимо...» (стр. 12). О домашней молитве Измарагд кратко наставлял, советуя молиться «в тайне месте» и «немногими словами». В отличие от этого совета Домострой подробно излагает порядок домашних молений, на которых присутствуют вся семья и «домочатцы». Впрочем, Домострой делает оговорку: «отпети вечерня, павечерница, полунощница», а «заутреня и часы» обязательны лишь для того, «кто умеет грамоте», «а где некому пети, ино молитися довольно вечере и утре», но зато «мужем» обязательно ходить на церковные службы (стр. 11).

Подобно Измарагду, Домострой отвергает «неправедное стяжание» и признает угодной богу милостыню лишь «от праведных трудов» (стр. 25), но не забывает напомнить: «милостыню елико возможно» (стр. 7), «елико вместимо» (стр. 51), не отдать нужного для себя. Однако в практических советах Домостроя, рассчитанных если не на богатое, то все же на зажиточное хозяйство, дух христианской любви к ближним, побуждающей всемерно помогать им, забывается. Замки, печати, высокие ограды и злые собаки охраняют имущество хозяина от подозреваемых всюду воров, которые, по Домострою, могут найтись среди и завистливых соседей, и нерадивых слуг, и даже гостей: огород и сад «крепко горожен или тынен, а ворота всегда приперты, а к ночи замкнуты, а собаки бы сторожливы, а слуги бы стерегли же, а сам государь или государыня послушивают ночи» (стр. 44—45). Во время пира с гостями «брежен же человек надобе — всего бы смотрил и берег и домашние всякие порядки — не окрала бы чево». А на другой день вместе с «ключником» все пересчитать: «куды што розошлося и куда что дано и сколко чево розошлося», и если все сойдется в счете, слуг наградить (стр. 49). Всюду следует хозяину «самому неотступно» (стр. 47) «пересмотрити... исчести и сметити и записати» (стр. 30), «дозирати» (стр. 31). Целая глава, 58-я, отведена указаниям, как необходимо «на погребех и на ледниках и в житницах и в сушилах и в онбарех, в конюшнях часто государю смотрити» (стр. 55—56). Во все эти хранилища «без собя никакова не пускати, везде самому отдавати, отмерити и отвесити и сколко кому чево даст, то все записати» (стр. 47). Так и хозяин и хозяйка Домостроя, забыв укоризненные слова «не помышляем вечнаго, но желаем тленнаго и временнаго» (стр. 23) и совет «страх божий всегда имей в сердцы своем и память смертную» (стр. 6), весь день погружены в заботы именно о «тленном», каждый в своей сфере действия. Ежедневно, «из утра встав», хозяева или ключник должны «всего преже по всему двору у всех хоромов замков пересмотрити, и где есть печати, ино печатей... а где худо замкнуто, или замок испорчен, или не замкнуто, или печать испорчена, или худо запечатано, и в ту хоромину влезши, всего пересмотрити, толко тати были ино знать, или свои крали, или небреженьем худо замкнуто», и тогда начинать розыск и расправу (стр. 56). День кончен, и вот «в вечере по тому же» снова надо везде «переходити и пересмотрити и перенюхать, где огня бы не уронили» (стр. 56). За всякий недосмотр «худому (слуге) гроза» (там же).

Начальное «наказание от отца к сыну» требует поучать «жену тако же и домочадцов своих наказующе ни нужею, ни ранами» (стр. 5). Однако в практической части Домострой забывает об этом запрете. При воспитании детей рекомендуется «страхом спасати» их, «уча и наказуя и разсужая, раны возлагати» (стр. 13): «Аще бо жезлом биши его, не умрет, но здравие будет, ты бо, бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти» (стр. 15). «Сокруши ему ребра, дондеже растет», а потом уже будет поздно — «и будет ти досажение и болезнь души, и тщета домови, погибель имению, и укоризна от сосед, и посмех пред враги, пред властною платеж и досада зла» (там же). «Раны возлагати» следует и на детей, и на провинившихся слуг (стр. 37), «ино плетью постегать по вине смотря»; при этом подробно перечисляется, по каким частям тела бить нельзя во избежание увечья. Если виновный «не каетца о грехе своем и о вине, то уже наказание жестоко» (стр. 38). «Грозой» следует воспитывать и дочерей (стр. 15); «во чти и в грозе» быть и слугам (стр. 20), «всячески доброму (слуге) бы была честь, а худому гроза» (стр. 56); «худого» разрешается «и побити» (стр. 57). Если же и «удар не имет», такого слугу можно «з двора опустить» (стр. 58).

Так расходится теоретический запрет наказывать «ранами» с житейской практикой.

Строгий отец Измарагда, воспитывающий у детей «страх божий», в Домострое превращается в сурового и даже жестокого «государя» дому, который не должен и поиграть с ребенком: «Не смеися к нему, игры творя. В мале бо ся ослабиши, в велице поболити скорбя и после же яко оскомины твориши души твоей» (стр. 15).

Высокая оценка труда Измарагдом отражена и в рассуждениях Домостроя о «праведном» и «неправедном» труде, и в осуждении лени. Однако в практической части изображается только труд хозяев и их слуг по охране собственности и ее приумножению. На первом плане при описании этого труда выступают расчет, выгода, опасение потерять хотя бы самую малость из этой собственности и вытекающая отсюда подозрительность по отношению ко всем, кто так или иначе соприкасается с этой собственностью. Труд хозяев в их строго обособленном хозяйстве направлен лишь на личную пользу, блюдет лишь свои выгоды. Оттого, например, в главе 40-й, «Самому государю или кому прикажет годовой запас и всякой товар купити», дается такой совет: «Которой товар или запас не портится вдаль, а коли дешево, ино и с лишком купить: свою нужу исполнит на свой обиход, а лишнее в пору продаст, коли дорого». Так «свой обиход прибылью пролезет». И такого хозяина Домострой именует «домовитым и благоразсудным» (стр. 39).

Домострой уже не считает такую «прибыль» «неправедной» и в обширный перечень осуждаемых им «неправедных» дел не включает ее. Этот перечень сам по себе, однако, показывает отличное знакомство составителя с разными видами современного ему «неправедного жития», наносящего ущерб личной собственности: «...чюжую ниву попахал или лес посек, или землю переорал, или луг перекошил, или ловлю рыбную переловил, или борти или перевесье и всякую ловлю и всякое угодие неправдою и насилнем ограбит, или покрадет, или розобьет...» (стр. 24).

В своей предусмотрительной расчетливости, учитывающей лишь свою выгоду, хозяин Домостроя неизмеримо далеко отошел уже от «щедрого и милостивого» богача Измарагда, которого поучали больше, чем о себе, думать о ближнем.

«Благоразсудный» хозяин Домостроя замкнулся в кругу личных забот, непрочь даже и нажиться за счет этого ближнего, продавая ему до-

рого то, что сам купил дешево. Оттого, говоря о милостыне «убогим», Домострой не забывает напомнить, что давать ее надо «по силе», «елико возможно», «елико вмести́мо», т. е. с оглядкой.

В поведении «благоразсудного хозяина» Домостроя, живущего исключительно материальными интересами семьи, осуществлен до крайности доведенный совет Измарагда сначала обеспечить семью, а потом уже раздавать милостыню «чужим».

Созданный в первой половине XVI в. в Новгороде свод нравственных и хозяйственных правил в середине XVI в. был передан в Москву, где работа над ним была завершена попом кремлевской Благовещенской церкви Сильвестром, который добавил к тексту обширное «Послание и наказание ото отца к сыну», своего рода завещание сыну Анфиму, и назвал весь свод Домостроем. В этом «Послании» повторены все моральные предписания новгородской редакции, кое в чем они были расширены традиционными, в частности и для Измарагда, темами учительной литературы. Так, Сильвестр вводит требование «книжного почитания» («почитай часто божественное писание» — стр. 65) и напоминает, что сам он воспитывал сына «страху божию и божественному писанию изучену» (стр. 62). Вспомним, что новгородский Домострой обращался и к тем, кто «грамоте» не «умеет» (стр. 11).

«Послание» иногда даже усиливает формальные требования к изложенным выше наставлениям, касающимся выполнения религиозных обрядов: Сильвестр еще раз напоминает, что Анфим — глава семьи должен и дома «по вся дни пети» «павечерница и полунощница и часы» и «правила келейное и церковное», причем «еще возможно по времени прибавити правила», то за эту прибавку он «большую милость от бога» «обращает» (стр. 62). Так количество молитв выступает на первый план, отступая наставления о молитвенном настроении. Как внимательно следит составитель именно за внешним поведением во время домашней молитвы, делая, однако, уступки ради хозяйственных дел, видно, например, из следующего предостережения: во время молитвы «ни о чем не беседовати, ни обзиратися, разве великия нужда» (стр. 62).

Шире развито Сильвестром наставление о «милостыне» от «трудоу праведных». В теоретической части он требует: «от взимающего ти ризу и срачицу не возбрани» (стр. 66), однако в практических советах не раз напоминает, что помогать следует «по силе», «вся потребная», «в чем возможно» (стр. 64). Повторяя почти все моральные заветы предыдущих глав, Сильвестр строит свое изложение, показывая сыну, как все эти заветы он сам выполнял в своей, видимо еще мирской, жизни, и требуя брать пример поведения именно с отцовского «обычая». Не вдаваясь вторично в обсуждение правил ведения домашнего хозяйства, Сильвестр наставляет сына главным образом в том, как необходимо устанавливать отношения с окружающими за пределами семьи, начиная от «скорбных», приходящих в дом за помощью, встречных «в пути» («еще сия твориши, то везде тебя ждут и встречают, а в путь провожают, от всякаго лиха берегут» — стр. 67) до тех, с кем ведутся торговые дела (стр. 68). Со всеми людьми, даже с врагами, надо так улаживать отношения, чтобы все было «без остуда и бес пристава и безо всякия кручины, все то мирено, хлебом да солью, да питьем да подачею, и всякою добродетелью, да своим терпением» (стр. 68).

Ставя сыну в пример свою жизнь, Сильвестр сообщает любопытную для того времени подробность: «и в Новгороде и зде на Москве» он и его жена «многих пустошных, сирот и работных и убогих мужеска полу и женска» «до совершена возраста» воспитали, научили разным ремес-

лам, «рукоделью», торговле, поженили и замуж выдали, и они теперь «свободны своими добрыми домами живут» (стр. 66).

Заканчивая свое «Послание» сыну, Сильвестр вводит новую для Домостроя тему — об обязанностях на «государевой» службе: «Служи верою да правдою безо всякия хитрости... другу не дружи, недругу не мсти, и волокида бы людем ни в чем не была... а в торговли прямую розлаську чини... и все бы у тебя государское было всегда в счете и в смете и в писме и приход и расход. И к казначею буди послушен, а с товарищами советен, а к подьячим и мастером и к сторожем грозен и любовен и ко всяким людем приветен». Так снова Сильвестр возвращается к вопросу об отношении ко «всякому человеку», выделяя, однако, тему суда: «А случится суд, всякому человеку богату и убогу — другу и недругу, аще свое дело истинно и праведно, без волокиды и безо всякия хитрости соверши, по еуангельскому словеси — не на лица судите, сынове человечести, но праведен суд судите» (стр. 70).

Как видим, и после доработки Сильвестром, несколько смягчившим образ хозяина (целиком погруженного в заботы об охране и приумножении своей личной собственности) и показавшим его также на «государевой» службе, сохраняется заметный разрыв между моральными требованиями христианства и житейской практикой. Все формулы, в какие облекла христианская учительная литература основные элементы этики и которые полностью представлены в Измарагде, повторил Домострой, но их конкретное осуществление в жизни было уже редким явлением. Отсюда такое обильное перечисление нарушений моральных требований, такие настойчивые напоминания о том, что внушать их следует «грозою» и даже «ранами», такое заметное стремление ограничиваться лишь формальным выполнением тех нравственных и религиозных обязанностей, которые ценились учительной литературой, в том числе и Измарагдом, только при соответственном «душевном» настроении.

Если в положительных чертах образа идеального христианина, каким его рисуют Измарагд и Домострой, было немало таких свойств и требований к поведению, которые надолго пережили самую христианскую религию, то, с другой стороны, практические наставления «благоразсудному» хозяину и описание тех «обид», какие могут быть нанесены ему и в его личном хозяйстве, и в суде, куда он обратится за помощью, показывают, как далек от практического осуществления был этот положительный образ в условиях феодального общества. Когда литература в XVII в. стала выдвигать задачу изображения человека таким, каков он на самом деле, а не только каким он должен быть, мы встретим в ней немало того, о чем как о нарушающем христианскую этику предупреждала учительная литература прошлого.

Л. И. САЗОНОВА

Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры

(«Слово о законе и благодати» Илариона,
«Похвала св. Симеону и св. Савве» Доментиана)

Отдельные произведения словесного творчества вызывают ассоциации с формами музыкальных произведений. Так, рассказы Чехова называют «сонатами», «сюитами», «ноктюрнами»;¹ о прозе Бунина пишут как о музыкальной «с переменами ритма, вариациями, переходами от одного музыкального ключа в другой»;² о Тургеневе говорят как о «музыкальном таланте».³ Подобные сравнения применяются не только к произведениям нового времени. Об одном из произведений древнерусской литературы, — о той, отличающейся особой ритмической и поэтической тональностью части «Повести о разорении Рязани Батыем», в которой описывается сожженная и разоренная татарами Рязань, — И. П. Еремин говорил в своих лекциях: «Написанная ритмической прозой, она одно из самых замечательных мест памятника. Она звучит как траурный заупокойный хорал».⁴

Ассоциации рассказа с сонатой, сюитой, ноктюрном, плача — с хоралом не случайны. В основе восприятия словесного произведения как музыкального лежат определенные принципы ритмической организации прозы.

В этом отношении древнерусская проза не только не составляет исключения, но, быть может, является гораздо более ритмичной, чем современная в целом. Ритмическое звучание некоторых памятников древнерусской литературы, а особенно таких выдающихся, как «Слово о полку Игореве», «Слово о законе и благодати» Илариона, «Моление Даниила Заточника», эстетически осознаваемо и несомненно.

В чем заключается функция ритма в древнерусской прозе? Каковы основные ритмические единицы в памятниках древнерусской письменности и каковы причины появления ритмической организации? Что представляет собой ритм не только как частное свойство отдельного древнерусского произведения, но и как явление целостное, связанное с проблемой жанра, сюжета, традиций в древнерусской литературе, с особенностями древнерус-

¹ Литературное наследство, т. 68. М., 1960, стр. 724, 732—733, 828; Д. Шостакович. Мысли о Чайковском. — Литература и искусство, 1943, 7 ноября; И. Эрнбург. Перечитывая Чехова. М., 1960, стр. 79.

² В. Катаев. Трава забвенья. М., 1967, стр. 77.

³ А. Н. Крюков. Тургенев и музыка. Музыкальные страницы жизни и творчества писателя. Л., 1963.

⁴ И. П. Еремин. Лекции по древнерусской литературе. Л., 1968, стр. 142.

ского синтаксиса? Насколько ритм используется древнерусскими книжниками сознательно для оформления словесного материала и потому может пониматься как эстетическое явление и насколько ритм возникает стихийно, случайно, существует изначально в прозе? На эти вопросы обстоятельного и однозначного ответа в научной литературе нет, поскольку данная тема не была раньше предметом специального исследования. Можно сослаться лишь на отдельные замечания, наблюдения, высказывания в трудах В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия, И. П. Еремина, Д. С. Лихачева, А. С. Орлова, А. Н. Робинсона, на статью В. Стеллецкого «К вопросу о ритмическом строе „Слова о полку Игореве“» и на работы К. Тарановского и А. В. Позднеева, в которых ритм древнерусских произведений рассматривается не как свойство прозы, а как свойство древней формы славянского стиха.

А. С. Орлова интересовал вопрос традиции ритма, на который он дал следующий ответ: «В русской феодальной книжности не было специально стихотворных жанров, а если встречались в прозе ритмичность, рифмование или „напевность“ — это шло от эпоса».⁵ В. П. Адрианова-Перетц дополняет наблюдения А. С. Орлова, замечая, что появление ритма в памятниках древнерусской литературы могло быть определено связью с книжной традицией, а не только с традицией устной поэзии.⁶ В. П. Адриановой-Перетц принадлежит также замечание о ритмической речи в «Изборнике» князя Святослава 1076 г., в русском списке Минеи 1095—1097 гг., в «Сказании о убиении Бориса и Глеба», в торжественных ораторских словах митрополита Илариона и Кирилла Туровского.⁷

И. П. Еремин говорил о ритмическом строе речи как характерной особенностью старинного торжественного красноречия.⁸ Изучая «Слово о полку Игореве», он высказал также очень важную мысль о временной инерции ритма как свойстве ритмической прозы, позволяющем отличить ее от стиха: «В результате повторов под пером автора возникал подчас не только отчетливый ритм, но в отдельных случаях и рифма (морфологическая). Отсюда, конечно, не следует, что „Слово“ написано стихами: характерная для „Слова“ временная инерция ритма, то возникающая, то снова исчезающая, — синтаксического происхождения, не упорядоченная в некую систему; она свидетельствует, что перед нами ритмическая проза».⁹

О существовании в литературе XII в. глубоко своеобразной ритмической системы, которая связана с синтаксическим построением фраз и не поддается современным стиховедческим определениям, пишет Д. С. Лихачев в связи со «Словом о полку Игореве».¹⁰

В заметке, посвященной задачам исследования стиля «Слова о полку Игореве», А. Н. Робинсон, говоря о прозаическом характере ритма «Слова», по существу ставит и задачи изучения древнерусской ритмической прозы вообще. Он считает важным анализ близких «Слову» «ритмических явлений в других произведениях древнерусской литературы (фрагменты летописи, некоторые воинские повести, произведения ораторского

⁵ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.—Л., 1945, стр. 342.

⁶ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, стр. 40.

⁷ Там же, стр. 38—39.

⁸ И. П. Еремин. Лекции по древнерусской литературе, стр. 72.

⁹ И. П. Еремин. Слово о полку Игореве. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957, стр. 337.

¹⁰ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. Л., 1967, стр. 82—83.

искусства и др.). Определить структуру ритма древнерусской прозы, — пишет А. Н. Робинсон, — означает по существу раскрыть систему всех видов повторений в ней. Система эта не может найти такого же строго схематического выражения, какое представляет собой метрика в стихосложении, потому что в основе этой системы лежат не фонетические, а синтаксические явления. Они проявляются в относительной простоте конструкций, в некоторой тенденции к однотипности расположения в них членов предложения, в тяготении к семантически обусловленному накопчиванию и симметричному размещению более или менее единообразных периодов». ¹¹

Приведенные высказывания разрозненны и имеют характер констатации отдельных фактов. Подробнее вопрос о древнерусской ритмической прозе рассматривается В. Стеллецким при изучении ритмического строя «Слова о полку Игореве». В отличие от своих предшественников, которые пробовали объяснить ритмическую природу «Слова» с помощью стихотворных размеров — амфибрахийев, трохеев, дактило-хореического гекзаметра, но так и не смогли раскрыть тайну его ритмичности, В. Стеллецкий начал изучение ритмики «Слова» на новых основаниях, а именно с точки зрения поэтического синтаксиса. Он выделяет ритмико-синтаксические единицы на основе критериев смысловой и интонационной завершенности отрезков речи и синтаксического параллелизма и делает вывод, что ритмико-синтаксические единицы в «Слове» образуют речь особого рода — ритмическую прозу. ¹² Подобный подход к изучению структуры древнерусских произведений наметился уже в статье И. П. Еремина об ораторском искусстве Кирилла Туровского, где описываются некоторые ритмообразующие принципы сочленения синтаксических конструкций в «словах» этого ратора. ¹³

Согласно другой точке зрения, выраженной в настоящее время в работах К. Тарановского и А. В. Позднеева, ритм древнерусских произведений связывается со стихотворной системой.

А. В. Позднеев находит объяснение гармонизации и ритмической организации памятников духовной и светской литературы XI—XVII вв. в том числе таких как «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Похвала роду рязанских князей» в существовании особой, так называемой кондакарной системы стихосложения, для которой характерны, по мнению автора, следующие черты: «а) отсутствие рифмы, б) разное число слогов в стихе, хотя и ограниченное известным пределом — с 5 до 15 (16), и в) разное число ударений, хотя и имеющее известный диапазон — от 2 до 5 (6). Полагаем, — продолжает автор, — что определенное число слогов и ударений в стихе зависит от того, какой объем стихотворной фразы может быть воспроизведен одним дыханием». ¹⁴ Остается неясным, чем же все-таки определен кондакарный стих как таковой, если все конструктивные признаки — ударения, силлабика, рифмы — не имеют в нем упорядоченного характера и оказываются различными («разное число слогов в стихе», «разное число ударений») или же выступают в качестве «минус-признаков», негативных признаков

¹¹ См. ответ А. Н. Робинсона на вопрос «Какие возникают задачи дальнейшего изучения „Слова о полку Игореве“» в кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958 (IV Международный съезд славистов), стр. 44.

¹² В. Стеллецкий. К вопросу о ритмическом строе «Слова о полку Игореве». — РЛ, 1964, № 4, стр. 27—40.

¹³ И. П. Еремин. Ораторское искусство Кирилла Туровского. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. Л., 1968, стр. 132—143.

¹⁴ А. В. Позднеев. Стихосложение древней русской поэзии. — Scando-Slavica, t. XI, Copenhagen—Munksgaard, 1965, p. 15.

(«отсутствие рифмы»). В этом случае логичнее говорить о прозе, так как отсутствие рифмы, разное число слогов и ударений в сопоставляемых единицах текста не создают стиховой системы. Те колебания для слогов (от 5 до 15—16) и для ударений (от 2 до 5—6), которые А. В. Позднеев допускает в кондакарном стихе, не могут свидетельствовать о наличии стихотворной формы, так как в указанных пределах они не только возможны, но и типичны для прозы, тем более что, по замечанию автора, объем стихотворной фразы определяется дыханием. Представление о кондакарной системе стихосложения не проясняется и следующим рассуждением А. В. Позднеева: «Сущность этой системы стихосложения в том, что неразложимым ее звеном является смысловая единица, образующая простейшее предложение. В эту смысловую единицу входят слова: а) основные (глаголы, существительные и т. д.), несущие ударения, и б) подсобные (предлоги, союзы, наречия) — безударные — проклитики и энклитики».¹⁵ Определение слишком обобщенное: в нем отмечаются черты, присущие не только кондакарному стиху, но и всякому высказыванию вообще. Все признаки, выдвинутые А. В. Позднеевым в качестве основных, составляющих «сущность» кондакарного стиха (заметим, что А. В. Позднеев говорит не о принципах кондакарного стиха, а более неопределенно: о сущности!), являются скорее признаками не стиха, а прозы. Таким образом, понятие кондакарного стиха — терминологическая ошибка. Поэтому нельзя на том только основании, что «Слово о полку Игореве», «Похвала роду рязанских князей» тяготеют, по мнению А. В. Позднеева, к кондакарному стиху, считать форму этих произведений стихотворной.

Представление о кондакарном стихе присутствует и в интересной работе К. Тарановского.¹⁶ Выдвигая понятия молитвословного стиха и сказового, К. Тарановский рассматривает кондакарный стих как разновидность молитвословного стиха.

«Молитвословный стих, — пишет К. Тарановский, — это свободный несиλλαбический стих целого ряда церковных молитв и славословий... Основным определителем молитвословного стиха является система ритмических сигналов, отмечающих начало строк. В первую очередь в этой функции выступают две грамматические формы — звательная форма и повелительное наклонение, отличающиеся от всех остальных грамматических форм и образующие особый сектор в нашем языковом мышлении... Другим средством маркирования начала строки в молитвословном стихе является синтаксическая инверсия... Итак, ритмическое движение молитвословного стиха в первую очередь строится на ожидании отменченности начала строк. Особой важностью начального сигнала в молитвословном стихе объясняется тяготение этого стиха к анафорическим повторам и акростиху... Синтаксический параллелизм в молитвословном стихе является основным структурным приемом в организации текста».¹⁷

Бесспорно, что все перечисленные автором формы и фигуры создают ритмическое движение текста. Но возражения вызывают определение текстов с описанной структурой как стихотворных и подчеркнутое противопоставление их ритмической прозе. Думается, что о молитвословном стихе можно говорить как о стихе только условно, так как в образовании его не принимают участия такие конструктивные признаки стиха, как например

¹⁵ Там же, стр. 12.

¹⁶ К. Тарановский. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI—XIII вв. — В кн.: American contributions to the sixth international congress of slavists. The Hague, 1968.

¹⁷ Там же, стр. 377—379.

равное количество ударных слов в строке, паузное членение фразы, метрическая мера, анакруза, равносложные клаузулы. Если же о молитвословном стихе говорить как о стихе на основании тех признаков, которые выдвигаются К. Тарановским, то при этом допускается чрезмерно расширенное понимание стиха.

Признавая вслед за А. М. Пешковским,¹⁸ Б. В. Томашевским,¹⁹ В. М. Жирмунским,²⁰ что специфичная для стихотворного ритма «стопность» вовсе не характерна для ритмической прозы, основа которой создается другими, более крупными ритмическими, а именно синтаксическими единицами, считаю, что выдвинутые К. Тарановским фигуры в качестве стихообразующих — и повелительное наклонение, и звательные формы, и синтаксическая инверсия, и синтаксический параллелизм, — являясь единицами нестихотворной системы измерения, создают ритм не стиха, а именно прозы. Вопрос о молитвословном стихе является очень проблематичным.

Можно даже думать, что в некоторых случаях вряд ли правильно вести исследование природы ритма в направлении выяснения стихотворных форм и систем. Если стих понимать как структуру, строго организованную, определенную последовательной системой элементов стиха, то оказывается, что ни одно произведение древнерусской литературы в своей структуре не выявляет подобной системы; напротив, структура древнерусского произведения — это структура «не правил, а тенденций»²¹ (что доказывают, например, многочисленные анализы ритмического строя «Слова о полку Игореве»), отсюда ее многосистемность, сложность, сопротивление всякой унификации и канонам стиховедческих систем. Думается, появление теорий стихотворной природы древнерусских произведений оказалось возможным потому, что нередко со стихом соединялось в исследованиях представление о художественной ценности произведения. Признание стихотворных свойств памятника было равносильно и признанию его поэтичности. Другой причиной определения ритма древнерусских памятников как стихотворного явилось то, что в традиционном представлении ритм связывается только со стихом; понимаемый как показатель стихотворной формы, он противопоставляется прозе.²² Понятие же ритмической прозы, известное с античности, стало изучаться как предмет поэтики сравнительно недавно — в работах А. Белого,²³ В. М. Жирмунского,²⁴ Б. В. Томашевского.²⁵ Прочно закрепившаяся в сознании исследователей ассоциация «ритм—стих» и заставляла их искать объяснения ритмического

¹⁸ А. М. Пешковский. 1) Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. — В кн.: А. М. Пешковский. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.—Л., 1930, стр. 133—161; 2) Ритмика стихотворений в прозе Тургенева. — Там же, стр. 162—176.

¹⁹ Б. В. Томашевский. О стихе. Л., 1929, стр. 281.

²⁰ В. М. Жирмунский. О ритмической прозе. — РЛ, 1966, № 4.

²¹ Ср.: «Условно можно сказать, что в стихах действуют правила, а в прозе — тенденции» (Б. И. Ярхо. Ритмика как набываемого «Романа в стихах». — В кн. Ars poetica, II. Стих и проза. М., 1928, стр. 10).

²² В этом отношении характерно следующее высказывание М. М. Гиршмана (М. М. Гиршман. Стихотворная речь. — В кн.: Теория литературы. М., 1965, стр. 339): «Ритмическая проза древнерусского повествования — это еще и не стих, и не проза; в силу ощутимой ритмичности даже, пожалуй, скорее стих, чем проза». Совершенно очевидно, что ритм здесь рассматривается как неперемнная принадлежность стиха.

²³ А. Белый. О художественной прозе. — Горн, кн. 2—3, М., 1919, стр. 49—55.

²⁴ В. М. Жирмунский. Композиция лирических стихотворений. Пб., 1921, стр. 94—95.

²⁵ Б. В. Томашевский. Ритм прозы. — В кн.: Б. В. Томашевский. О стихе. Л., 1929, стр. 254—318.

строю древнерусских произведений только в пределах стиховедческих систем.

Из приведенного здесь краткого обзора работ очевидно, что отдельные соображения о древнерусской ритмической прозе, которые можно было почерпнуть из общих курсов и специальных исследований, не претендуют на обстоятельность, а иногда носят отпечаток литературоведческого импрессионизма.

Между тем поставить и изучить проблему ритмической прозы в древнерусской литературе важно и для углубленного понимания поэтики каждого отдельного произведения, а также для того, чтобы установить, насколько «загадочен» и «уникален» ритмический строй «Слова о полку Игореве». Быть может, «загадочность» и «уникальность» лежат в пределах той «глубоко своеобразной ритмической системы, которая принадлежит своему времени — XII веку»,²⁶ но которая еще не познана. Обратиться к истокам ритма в древнерусской прозе важно также и в интересах изучения художественной прозы нового времени — Гоголя, Достоевского, Бунина, Чехова, в которой использованы в разных целях древнейшие типы ритма.

На данном этапе работы предлагается привлечь наиболее значительные в художественном отношении произведения, которые обладают заметно выраженным ритмическим строем речи и потому представляют наибольший интерес для исследования, а именно торжественные слова — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (которое, кстати, в специальной монографии Л. Мюллера,²⁷ посвященной «Слову», с этой точки зрения не рассматривалось) и «Похвальное слово Симеону и Савве» Доментиана, воспринявшего опыт риторства Илариона.

Что понимается под ритмической прозой и каковы принципы предлагаемого анализа?

Доминантные формальные признаки ритмической прозы могут быть выделены в сопоставлении и со стихотворной системой вообще, и с обычной «изначальной» прозой, прозой с «врожденным» ритмом.

Если ритм стиха создается, как известно, главным образом на трех уровнях: слоговом, образующем метрический ритм, стопном, образующем организацию стихотворной строки, и стиховом, образующем организацию строф, а ритм изначальной прозы не связан со специальным ритмическим заданием автора и определен либо особенностями, стихией самого языка, либо естественным эстетическим стремлением автора к гармонизации, плавности и пластичности языка, то доминантным признаком ритмической прозы является принцип синтаксической аналогии, который вызван к жизни специальным авторским заданием и выступает в тексте как эстетический элемент, как замысленная композиция текста.

И если для стиха существуют универсальные системы измерения — силлаботония, тоника, силлабика, то для ритмической прозы такой мерой является не стопа, не метр, а синтаксическое смысловое целое — единица, более объемная, имеющая множество разновидностей, вариантов синтаксических фигур. Имея в виду именно сложность законов гармонизации прозы, А. Белый сказал: «Проза — труднейшая форма поэзии».²⁸ И хотя понятие ритмической прозы известно с античной древности, оно до сих

²⁶ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы, стр. 82—83.

²⁷ L. Müller. Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962.

²⁸ А. Белый. О художественной прозе, стр. 55.

пор вызывает многочисленные споры и толкования.²⁹ Это может свидетельствовать не только о субъективности взглядов исследователей, но и об объективной сложности природы ритмической прозы. Скорее всего для ритмической прозы принципиально невозможно найти, в отличие от стиха, некую единую универсальную систему ритмических фигур и закономерностей, наложив которую на текст можно точно определить, что перед нами ритмическая проза. Можно лишь, руководствуясь принципом синтаксической аналогии, который вытекает из самой природы ритмической прозы, изучать ритмообразующие факторы — факты поэтического синтаксиса, т. е. и собственно синтаксические явления, и риторические фигуры, а иногда и сложный ассоциативно-смысловой рисунок текста.

Но даже не от формального определения ритмических факторов зависит представление о том, что есть ритмическая проза. В значительной мере оно зависит от понимания того, какую стилистическую, смысловую и эмоциональную роль выполняют ритмообразующие факторы в тексте.

Такое представление о ритмической прозе, согласно которому она изучается с точки зрения синтаксической структуры, соответствует тому пониманию проблемы, которое, как известно, существует в современной теории литературы. Определяя сущность ритмической прозы, В. М. Жирмунский писал, что ритмическая проза «построена прежде всего на художественном упорядочении синтаксических групп, на элементе повторения и синтаксического параллелизма».³⁰ Эта мысль, высказанная в начале 20-х годов, без изменений, но уже в развернутом и аргументированном виде предстает в другой работе В. М. Жирмунского (1966 г.): «Основу ритмической организации прозы, — пишет автор, — всегда образуют не звуковые повторы, а различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, более свободного или менее связанного, поддержанного повторениями. Они образуют композиционный остов ритмической прозы».³¹ Изучение древнерусской ритмической прозы с точки зрения синтаксической организации текста оправдано и другими причинами.

Казалось бы, поскольку речь идет о ритмическом звучании текста, прежде всего необходимо приступить к выяснению фонологических закономерностей. Но поскольку древнерусская фонология пока разработана недостаточно, то возможны субъективная расстановка ударений, произвольное прочтение *ѣ* и *ь*, степень участия которых в слогообразовании не установлена; неизвестна в целом система прочтения древнерусского текста. Кроме того, списки исследуемых памятников принадлежат времени более позднему, чем то, когда они были созданы; в этих условиях трудно учесть происшедшие фонологические изменения. И вероятнее всего, ритмичностью своей организацией древнерусская проза обязана даже не фонологическим закономерностям. Древнерусские тексты воспринимаются нами как ритмические и сейчас, при современном прочтении, при современной просодии. Следовательно, дело даже не в фонологических ритмических единицах, а в каких-то иных, которые продолжают действовать и сейчас. В современном прочтении мы не воспроизводим живой системы языка XI—XIII вв., а только его графически зафиксированную систему — синтаксическую структуру. Синтаксическая структура объективна, она сохранена текстом, поэтому исключает возможность вольных интерпретаций;

²⁹ См., например, тезисы и аннотации симпозиума «Проблемы ритма, художественного времени и пространства в литературе и искусстве» (Л., 1970).

³⁰ В. М. Жирмунский. Композиция лирических стихотворений. Пгр., 1921, стр. 94—95.

³¹ В. М. Жирмунский. О ритмической прозе. — РЛ, 1966, № 4.

кроме того, в процессе движения текста во времени синтаксическая структура из всех элементов текста более консервативна, менее всего подвержена изменениям. Поэтому именно в ее изучении необходимо искать определение и решение проблемы ритма древнерусской прозы.

* * *

Торжественная ораторская проза обладает особо выявленным ритмом. Ритм в ней не происходит только из особенностей логической композиции, как это можно наблюдать в деловых «неушищренных» наставлениях дидактической прозы (например, в «Поучении к братии» Луки Жидяты). В произведениях эпидейктического красноречия ритм выступает как признак художественной речи, предусмотренный замыслом писателя — витии. Необходимость ритма в торжественной ораторской прозе обусловлена эстетикой самого жанра.

Ораторская проза древней Руси — особый вид художественной речи, который участвует в создании средневекового ансамблевого искусства, — искусства, объединяющего в условиях храмовой практики живопись, музыку, церковное действо, световое оформление. Взаимодействие всех видов искусства в акте богослужения было призвано создать эффект логического убеждения, главным образом за счет эмоционального воздействия на молящихся. Искусство слова — как один из видов ансамблевого искусства — подчинено этой же задаче. Предназначенность торжественного слова для произнесения, способного вызвать определенное настроение, приводит, таким образом, к тому, что в системе образительных средств ораторской прозы (аллегорических и символических описаний, специфической образности и особого поэтического словаря) ритмико-звуковой строй выступает как основной прием, с необходимостью принимая на себя функцию выразительной формы.

Другим моментом, определяющим появление ритма в торжественной прозе, являются несюжетный характер ораторской речи и ее изначальная предрасположенность к амплификации.

Ораторская речь — это всегда описание, убеждение, рассуждение на темы публицистические, нравоучительные, злободневные, это зачастую обсуждение вопросов бытия, смысла и ценности жизни, судеб государства, эсхатологии. Движение мысли в ораторской речи развивается замедленно, прерываясь в связи с сосредоточенностью на каждой отдельной мысли-теме, которая раскрывается в бесчисленных вариациях словесных форм, повторов, синтаксических параллелизмов и т. д. Таким образом, эстетика ораторского жанра, сопряженная категориям целевой направленности (функциональной предназначенности) и характеру содержательности жанра, требует ритма.

«Ни к невѣдущим бо пишемъ, нѣ прѣзвѣлиха насытъишемся сладости книжныа; не к врагомъ божиемъ иновѣрнымъ, нѣ самѣмъ сыномъ его; не к странннымъ, нѣ к наследникомъ небеснаго царства» — уже в этом своеобразном посвящении «Слова о законе и благодати» заметно стремление автора к ритмической форме как логизирующей и одновременно предрасполагающей к описанию.

«Слово» Илариона — слово тематическое. В самом заглавии уже обозначены основные темы: «О законѣ Моисѣомъ данѣмъ и о благодѣти и истинѣ Иисус-Христомъ бывшии; и како законъ отиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вѣра в вся языки простресея, и до нашего языка рускаго; и похвала кагану нашему Володимеру, от него же крещени бы-

ком».³² В первой части «Слова» сопоставляются и противопоставляются две темы: «закона» и «благодати», «тени» и «истины», иудейства и христианства. Во второй части развивается тема крещения Руси. Обе части «Слова» неразрывно связаны с темой Христа, которая проходит через все произведение.

Ритмический строй первой части «Слова» отражает тематическое сопоставление и противопоставление «закона» и «благодати». Основная ритмико-синтаксическая форма здесь — сопоставительный синтаксический параллелизм и антитетический параллелизм:

Закон бо — прѣдѣтечя бѣ и слуга благодѣти и истинѣ |. Истина же и благодать — слуга будущему вѣку жизни нетлѣннѣи ||.³³

Моисѣ бо и пророци о Христовѣ пришествии повѣдааху. | Христос же и апостоли его о вѣскресении и о будущем вѣдѣ. ||

В ряду параллельных антитез раскрываются «тьнь» Ветхого Завета и «истина» Нового:

И что успѣ закон? | Что ли благодать? || Прѣжде закон ти | потомъ благодать. Прѣжде стѣнь ти | потомъ истина. || Образ же закону и благодѣти — Агар и Сарра, || работнаа прѣжде ти | по томъ свободнаа. . . ||

...Изнесе же и Моисѣи от Синаискыа горы закон, а не благодать, | стѣнь, а не истину. ||

Тема «закона» и «благодати» не полностью ритмически оформлена. Отчетливо ритмизованные пассажи чередуются с менее ритмизованными и даже с такими, которые совсем лишены ритмической выразительности. Появление ритмической неоднородности вызвано не только тем, что в речь, в «Слово» составной частью входит связанное с библейским сюжетом повествование об Агари и Сарре, использующее динамические мотивы, которые не располагают к ритмико-синтаксическим фигурам.

Ритмическая неоднородность — значимый элемент структуры текста, сознательно допускаемый волей автора. Ритмическая неоднородность создает фон, на котором впечатление от ритмически организованного текста еще более усиливается, и одновременно она позволяет совершенно определенным образом распределить акценты в развитии темы. Как форма логического и смыслового обобщения, ритмическая организация появляется или в самых кульминационных моментах раскрытия темы, или в момент заключения, завершения темы. Тогда мысли, высказывания Илариона настолько строго ритмически организованы, что принимают форму сентенции или изречения:

И родися благодать, истина, а не закон, | сын, а не раб. ||

Законное езеро прѣсѣше, | евангельскыи же источник наводни вся. ||

Яко иудейство стѣнемъ и законом оправдаашеся, а не спасаашеся, | хрѣстиани ж истиную и благодатию не оправдаются, нѣ спасаются. ||

В иудѣих бо оправдание. | В хрѣстианых же спасение. || Яко оправдание в семь мирѣ есть, | а спасение в будущем вѣдѣ. || Иудѣи бо о земленных веселяхуся, | хрѣстиани же о сущих на небесѣх. ||

³² Текст «Слова о законе и благодати» цитирую по изданию: Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — Slavia, гоґ. XXXII, сеґ. 2, Прага, 1963, стр. 141—175.

³³ Знак || обозначает границы единого ритмического целого и переход от одного ритмического тона к другому; знак | обозначает ритмическую единицу в пределах этого ритмического целого.

Таким образом, в появлении ритмической структуры в тексте кроется глубокая закономерность.

В «Слове о законе и благодати» теме «благодати» сопутствует тема Христа. Когда она раскрывается, повествование достигает экстатического момента, создаваемого совершенной ритмической композицией:

Къто не прославить, | къ<то> не похвалить, | къ<то> не поклониться величеству славы его | и къто не подивиться бесчисльному челоуколюбию его? ||

И после ряда одинаково построенных риторических вопросов следует ритмический фрагмент — грандиозное и вместе с тем изощренное построение из 17 антитез, которые раскрывают двойственность природы Христа, его божественную и одновременно человеческую сущность. Здесь заметно стремление к словесной полноте, к бесконечному развитию темы; тем самым создается эффект ее невыразимости:

, Показавши на земли божьская и челоуцьская: яко челоуцьк во утробу матерню растяаше, и яко бог изиде, дѣвства не врѣждь; | яко челоуцьк матерне млѣко приат, и яко бог пристави аггелы с пастухы пѣти слава в вышних богу; | яко челоуцьк повиться в пелены, и яко бог вѣлхвы звѣздой ведяаше; | яко челоуцьк вѣзлеже в яслех, и яко бог от волхв дары и поклонение приат; | яко челоуцьк, бѣжааше в Египет, и яко богу рукотворения египетьскаа поклонишася; | яко челоуцьк прииде на крещение, и ако бога Йордан устрашився възвратися; | яко челоуцьк обнажився вѣлѣзе в воду, и ако бог от отца послушество приат. ||

Основой ритмической композиции данного фрагмента является то, что все фразы построены по единой смысловой и структурной (синтаксической) модели. Каждая фраза содержит сравнения, одинаково выраженные: «яко челоуцьк» и «яко бог», которые соотносятся в смысловом отношении по принципу антитезы. Структурное и смысловое единство всего текста придает ему ритмическую упорядоченность и цельность.

Далее следует почти неритмизованная структура: нет ни параллелизма предложений, ни параллелизма членов; кроме того, в текст вставлены библейские речения, цитаты, нарушающие однородность стиля:

Тъ есть бог творяи чюдеса, съдѣла спасение посредѣ земля крестом и мукою, на мѣстѣ лобнѣмь, въкусив оуца и зѣлчи да сластнааго въкусения Адамова, еже от дрѣва, прѣступление и грѣх въкусениемъ горести проженеть. Си же сътворьшии ему прѣтъкнушася онь о камень и съкрушишася, якоже господь глаголааше: падьи на камени семь съкрушится, а на немь ж падеть, съкрушит ѿ. Прииде бо к ним, исполняя пророчества прореченаа о немь, якоже и глаголаше: нѣсмь послан тъкмо к овцамъ погыбшимъ дому Израилева; и паки: не приидох разорить закона, нѣ исполнить. И к Хананѣи иноязычници, просящи исцѣления дѣщери своей, глаголааше: нѣсть добро отъяти хлѣба чадом, и повреци псом. Они же нарекоша сего лестѣца, и о Велизѣвулъ бѣсы изгоняща.

Этим повествованием об испытаниях Христа, о неприятии его «в дому Израилеву» подготавливается появление следующего ритмического пассажа, в котором выделяется мысль о благоденствиях Христа:

Христос слѣпыа их просвѣти, | прокаженыа очисти, | сълукыа исправи, | бѣсныа исцѣли, | ослабленыа укрѣпи, || мертвыа възкрѣси. ||

Здесь наблюдается закономерное повторение группы «дополнение + сказуемое», что и определяет ритмический строй текста.

Если рассмотреть приведенные фрагменты, развивающие тему Христа, в единстве (в тексте «Слова» они составляют единый текст), то окажется, что перед нами пример ритмической неоднородности. Сначала ритм появляется как сигнал значительности темы, к которой приступает автор; затем следует текст, где ритмическая композиция не выявлена, но тема продолжает развиваться; и наконец, только тогда, когда раскрывается один из основных моментов в развитии темы Христа, а именно прославляются его деяния, создаются похвала ему и слава, вновь появляется ритмическая форма.

Таким образом, одна из стилистических функций ритма заключается в том, что ритмически организованная речь выполняет роль эмоционального и логического акцентов в развертывании темы.

Идея постепенного распространения христианства также получает ритмическое оформление:

Господи, господь нашъ, яко чудно имя твое по всеи земли. | И уже не идолослужителе зовемся, но христианини; не ещѣ безнадежници, нѣ уповающе в жизнь вѣчную. | И уже не капище сътоино съграждаемъ, нѣ Христовы церкви зиждемъ; | уже не закалаемъ бѣсом друг друга, нѣ Христос за ны закалаемъ бываеъ и дробим вѣ жертву богу и отцю. | И уже не жерътвенна крове вѣкушающе погыбаемъ, нѣ Христовы пречистыа крове вѣкушающе съпасаемся. ||

Единая логика смежных конструкций и единая заданная синтаксическая модель («и уже . . . , но . . .») даже при отсутствии более выявленного сходства в составе предложений все-таки создают ритмическое движение текста. Аналогичное рассуждение может быть отнесено и к следующему тексту, с той разницей, что синтаксическая модель конструкций несколько иная («не . . . , но . . .»):

Не съвѣта творим, яко распяти, нѣ яко распятому поклонитися. | Не распинаем Спаса, нѣ руки к нему въздѣваемъ; | не прободаемъ ребрь, нѣ от них пиемъ источникъ нетлѣнна; | не тридесяти сребра възимаемъ на немъ, нѣ друг друга, и весь живот нашъ тому прѣдаемъ; | не таим възкресения, но вѣ всѣхъ домахъ своихъ зовемъ: Христос възкресе из мертвыхъ! | Не глаголемъ, яко украденъ бысть, но яко възнесеса, идеже и бѣ; | не невѣруемъ, нѣ яко Петръ, к нему глаголемъ: ты еси Христос, сынъ бога живааго. ||

Следующая часть «Слова о законе и благодати» посвящена теме крещения Руси и содержит панегирик князю Владимиру за исполненную им миссию крестителя Руси. Для этой части характерны амплифицированное изложение, распространенность отдельных понятий, которая выражается в привлечении слов, семантически близких к теме; образуются ряды парных, тройственных, часто синонимических сочетаний, обладающие функцией ритмизации. Возникает ритм однородных членов, ритм перечисления.³⁴ Кстати, отметим, что это явление близко стилю «извития словес» в панегирических житиях XV в.

³⁴ По наблюдениям А. М. Пешковского, «слитные предложения», т. е. предложения, которые имеют в своем составе однородные члены, имеют определенные ритмические и мелодические особенности в любом случае — связаны ли они посредством союзов или нет. Объясняется это тем, что на долю предложений с такой структурой приходится «столько главных ударений, сколько в них однородных членов» (А. М. Пешковск ий. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 444).

Напомним текст, который пользовался популярностью во всем средневековом славянском мире и служил образцом при обработке некоторых национально-исторических тем:

Хвалить же похвальными гласы Римьскаа страна Петра и Паула, има же вѣроваша в Исуса Христа, сына божиа; Асиа и Ефес, и Патм— Иоанна Богословьца; Индиа— Фому, Египет— Марка; вся страны, и гради, и людие чтуть и славятъ коегождо их учителя, иже научиша я православнѣи вѣрѣ. Похвалим же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворишааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вѣнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже, в своа лѣта владычествующе, мужьством же и храборьством прослуша в странах многих и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словуть. Не в худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нѣ в Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть вѣми четырьми конци земли...

Ритм данной части «Слова» основан именно на варьировании смыслового комплекса, на распространенности понятий, на раскрытии их в парных и тройственных сочетаниях: «вся страны и гради и людие», «чтуть и славятъ», «учителя и наставника», «мужьством и храборьством», «поминаются нынѣ и словуть», «вѣдома и слышима». Одно парное сочетание, естественно, ритмического эффекта бы не создало, но когда таких сочетаний несколько, как в данном случае, и если при этом они поддерживаются рядом приложений, роль которых в образовании ритма такая же, что и однородных членов, то ритм очевиден.

Таким образом, конструктивной основой возникновения ораторского типа ритма является вариация смыслового комплекса.

И в развитии темы крещения Руси, как и темы «закона» — «благодати», ритмической организацией речи выделяются наиболее значительные по содержательной наполненности моменты. Одним из таких является описание мотивов, по которым Владимир принял христианство:

Приде на нь посѣщение вышняаго, | призрѣ на нь всемилостивое око благааго бога || ... паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрнии земли Гречьскѣ, христолюбиви же и сильнѣ вѣрою, || како единого бога в троици чтуть и кланяются; | како в них дѣются силы и чудеса и знамена; | како църкви люди исполнены; | како вси гради благовѣрнии, || вси в молитвах предстоятъ, | вси богови прѣстоятъ. ||

Ритмический строй текста обусловлен присутствием синтаксического параллелизма в первых двух предложениях (правда, неполного); далее следуют четыре однородных придаточных предложения с единообразным зачином «како», и наконец, ритмический ход фрагмента поддерживается параллелизмом групп подлежащего и сказуемого в последних предложениях.

Ритмическая форма речи появляется и при описании деятельности кагана Владимира как крестителя Руси. Ритм в этой части основан главным образом на синтаксическом параллелизме (не всегда строгом) и на амплификации понятия «все», в результате чего возникают ряды однородных членов:

Съвлѣче же ся убо каган нашъ и с ризами ветѣхааго челоуѣка, | съложи тлѣннаа, | отрясе прах невѣриа, | и, вѣлѣзе в святую купѣль, | и породися от духа и воды. || В Христа крестився, | в Христа облѣчеся. ||

... Тогда начат мрак идольскый от нас отходити, | и зорѣ благовѣриа явишася. | Тогда тма бѣсослугания погыбе, | и слово еван-

гельское землю нашу осиа; || капища разрушаахуся | и церкви поставляахуся; | идоли съкрушаахуся, | и иконы святых являахуся; | бѣси пробѣгааху; | крест грады свѣщааше; || пастуси словесных овецъ Христов, епископи, стаха прѣд святым олтаремъ, | жертву бескверннѹю въносяще попове и диаconi; и весь клирос украсиша, и в ѡплоту одѣша святѹа церкви. | Апостольскаа труба и евангельскы гром вси грады огласи; | темиан, богу въспущаемъ, въздух освяти; | монастыреве на горах стаха, | черноризѹци явишася; | мужи и жены, и малии и велиции, вси людие, исполнеше святѹа церкви, въславиша, глаголюще: || един свят, | един господь Исус Христос в славу богу отцу. || Аминь.

Всем ходом изложения подготавливается идея торжества христианства на Руси. И вновь, когда изложение возвращается к теме господства силы Христа, ритмически организованная речь звучит как гимн, как хвалебная песнь:

Христос побѣди, | Христос одолѣ, | Христос въцарися, | Христос прославися. || Велик еси, господи, и чудна дѣла твоя!³⁵

Эта формула — кульминация в развитии темы Христа и темы торжества «благодати». Исполненная в ритмической форме, она тем более выделяется выделенной в тексте.

Последняя часть «Слова», посвященная восхвалению князя Владимира, состоит почти полностью из ритмически построенных пассажей. Взволнованная патетика еще более углубляет впечатление ритмического движения в тексте; она создается эмоциональными обращениями, восклицаниями, риторическими вопросами, которые придают особый тон повествованию:

Како вѣрова? | Како разгорѣся в любовь Христову? | Како въселися в тя разум выше разума, земленых мудрець, еже невидимаго възлюбити, и о небесных подвигнутися? | Како възиска Христа? | Како предася ему? || Повѣждь нам, рабом твоим, | повеждь, учителю нашъ: || откуда ти припахну воня святаго духа? Откуда испи памяти будущая жизни сладкую чашу? | Откуда въкуси и видѣ, яко благ господь?... || Како ти сердце разверзеша? | Како въниде в тя страх божий? | Како прилѣпися любви его? ||

В рамках этого фрагмента осуществляется переход от одного ритмического тона к другому, что внешне выражается в вариации анафор. Первый ритмический тон, который создается внутри текста, отмеченного анафорой «како», после пятикратного ее повторения прерывается риторическим восклицанием с дважды повторенной анафорой «повеждь нам» и риторическими вопросами с единоначатием «откуда», после чего вновь происходит возвращение к анафоре «како». Такое чередование ритмических тонов, такая ритмическая неоднородность, своеобразная диалектика ритма (перебивы ритма ради создания ритма) — все это позволяет избежать монотонии и изменить ритмический рисунок, чтобы предупредить возможность обращения ритмически построенного текста в монотонический, а значит и в аритмический.

³⁵ Л. Мюллер высказывает гипотезу о происхождении этой формулы в тексте Иларiona из западноевропейской литургики, из так называемых «Laudes regiae», см.: L. Müller. Eine westliche liturgische Formel in Ilarions Lobpreis auf Vladimir den Heiligen. Вихelles, 1968.

Организации речи в ритмическое единство способствует также и то, что весь текст объединен единым настроением, единой эмоцией — патетической восхищенного удивления, которой исполнена каждая фраза текста. Одна мысль — «как ты, не видевший Христа и апостолов его, уверовал в них» — бесконечно повторяется в ряду риторических вопросов.

Повествование о князе Владимире кульминационного момента достигает в той части текста, где автор приступает к собственно похвале. Похвала князю, почитаемому «всеми четырьмя концами земли», построена не просто как описание заслуг, качеств и деяний князя; похвала принимает форму слова, обращенного к умершему, она звучит как магическое заклинание «встать», «возрадоваться» и «возвеселиться» со всеми христианами. Поэтому повествование в данной части «Слова» особенно экстатически напряжено и приподнято:

Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего, въстани, оттряси сон! Нъси бо умерл, нъ спиши до обьшааго вѣмъ въстаниа. Въстани, нъси умерл, нъсть бо ти лѣпо умрѣти, вѣровавшу в Христа, живота всему миру. Оттряси сон, възведи очи, да видиши, какая тя чѣсти господь тамо сподобив, и на земли не беспамятна оставил сыном твоим. Въстани, виждь чадо свое Георгиа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, его же господь изведе от чресл твоих; виждь красящааго стол земли твоей, и възрадуися и възвеселися. К сему же виждь и благовѣрную сноху твою Ерину, виждь вьнуку твою и правнуку, || како живутъ, како храними суть господемъ, како благовѣрие держатъ по прѣдаянию твоему, како в святаа церкви частятъ, како славятъ Христа, како поклоняются имени его. || Виждь же и град, величствомъ сияющъ, виждь церкви цветущи, виждь христьянство растуще, виждь градъ иконами святаыхъ освѣщаемъ и блистающеса, и тимианомъ обухаемъ, и хвалами, и божественаами и пѣнии святаими оглашаемъ. И си вся видѣвъ, възрадуися, и възвеселися, и похвали благааго бога, вѣсьмъ симъ строителя.

Нет необходимости доказывать ритмическое построение похвалы. Это было сделано К. Тарановским.³⁶ Действительно, ритмическая форма похвалы определена последовательным движением императивной формы глагола, связанным иногда с анафорическим повтором и синтаксическим параллелизмом, а также рядом однородных придаточных предложений. Дополняя наблюдение К. Тарановского, можно отметить, что объяснение ритмической структуры похвалы может быть найдено в системе ритмической организации заклинаний народного творчества, структура которых также основана на ритмическом повторе глаголов в форме повелительного наклонения, связанных анафорическим повтором, синтаксическим параллелизмом. Не рассматривая вопроса подробно, приведу фрагмент из заклинания:

На реке на Ярдане стояла гробница;
в той гробнице лежала девица.
Раба божия (имя рек), *встань-пробудись,*
в цветное платье *нарядись,*
бери камень и огниво,
зажигай свое сердце ретиво...³⁷

Сходство ритмических систем похвалы и заклинания обусловлено, возможно, не только их прямой связью, а скорее всего связью, опосредован-

³⁶ К. Тарановский. Формы общеславянского и церковнославянского стиха... стр. 377—379.

³⁷ Н. Тихонравов. Летопись русской литературы и древности, кн. V, раздел III. М., 1859—1860, стр. 75.

ной через молитвословные формы (не стихи!), генетически восходящие к языческим заклинаниям народного творчества. Таким образом, по происхождению своему похвала скорее связана с народно-поэтическими, а не церковными молитвословиями, как считает К. Тарановский. Уместно только отметить, что в работе К. Тарановского наблюдается несоответствие между рассуждениями о молитвословном стихе и конкретными принципами его анализа. Отмечая, что «молитвословный стих не знает так называемых междустрочных переносов»,³⁸ К. Тарановский в делении похвалы на стихи допускает эти переносы. Если следовать теоретической схеме молитвословного стиха и избегать междустрочных переносов, то оказывается, что многие «стихи» похвалы утрачивают свою «внутреннюю меру»,³⁹ превращаясь в длинные периоды;⁴⁰ при этом обнаруживается несопоставимость стихов и тем самым очевиднее выявляется отсутствие структуры стиха.

Кроме того, возникающее в некоторых случаях единое интонационно-мелодическое движение, о котором говорит К. Тарановский в связи с молитвословным стихом, не дает оснований считать данный текст и интонационно-фразовым стихом. Во-первых, это интонационное движение не имеет характера константы, а возникает лишь как временное явление; во-вторых, если рассматривать данный текст не обособленно, а в системе всей композиционно-речевой структуры «Слова», для которой характерны периоды ритмизованной прозы, то необходимо признать, что похвала написана не стихом, а прозой, но ритмически организованной.

На примере похвалы кн. Владимиру особенно заметно, как форма выражения воздействует на идейно-эмоциональную сторону произведения; особенно очевидна одна из основных стилистических функций ритма, свойственная почти всякому ритмически построенному тексту. В ритме реализуется формальная возможность возвращения к уже высказанной мысли, тем самым она выделяется, подчеркивается, усиливается, т. е. ритм возникает как способ обратить внимание слушателей, читателей на важную, по авторскому замыслу, мысль. В который раз повторенный призыв «виждь» и многократно использованная конструкция с анафорой «како» становятся своего рода знаками того, что далее будет описано одно из новых явлений или состояний христианизированной Руси. И вместе с тем в целом это дает обобщенную картину исторических изменений, происшедших на Руси благодаря деятельности кн. Владимира: идолы свергнуты, и Христос утвердился в своем господстве. Таким образом, ритм может выступать и как способ оформления всякого рода философских обобщений.

Следующий за похвалой фрагмент «Слова» имеет ритмическую композицию, зеркальную по отношению к композиции похвалы кн. Владимиру. Основой его ритмического воздействия также оказывается движение глаголов в повелительном наклонении, но в отличие от похвалы они не начинают собой ритмико-синтаксическую единицу, а заканчивают ее, находясь в ритмической синтаксической фигуре на последнем месте. Это движение соединено с синтаксическим параллелизмом и поддерживается другой ритмической структурой, образованной изложением в форме амплификации однородными членами предложения:

³⁸ К. Тарановский. *Формы общеславянского и церковнославянского стиха...* стр. 377.

³⁹ Каждый стих как ритмическая единица обычно имеет «свою внутреннюю меру» (Б. В. Томашевский. *Поэтика*. Л., 1925, стр. 72). «Расчленение речи на разделенные постоянной паузой смысловые отрезки приблизительно равной величины является общим свойством стихов для всех времен» (Г. Шенгелл. *Техника стиха*. М., 1960, стр. 33).

⁴⁰ По нашему мнению, строка 3-я (по делению Тарановского) должна быть объединена со 2-й; 5-я и 6-я — с 4-й; 8-я и 9-я — с 7-й; 18-я и 19-я — с 17-й, и т. д.

Тѣм же продѣлжи милость твою на людѣх твоих, ратныя прогоня,
мир утверди, | страны укроти, | глады угобзи, | владыкѣ наши ог-
рози странам, боляры умудри, | грады расили, | церковь твою
възрасти, | достояние свое съблуди, | мужи и жены и младенцѣ
спаси. || Сущаа в работѣ, в плонении, в заточении, в путех, в плава-
нии, в темницах, в алкотѣ и жажди и наготѣ, || вся помилуй, | вся
утѣши, | вся обрадуи, | радость творя им и тѣлесную, и душевную,
молитвами, молениемъ. ||

В числе основных ритмообразующих факторов в произведениях тор-
жественного красноречия, кроме отмеченных выше, следует особо отме-
тить синтаксический параллелизм. Большой частью он свойствен соб-
ственно описательным фрагментам:

Ты правдою бѣ облѣчен, | крѣпостию прѣпоясан, | истиною
обут, | смыслом вѣнчан и милостынею, яко гривною и утварью зла-
тою, красуюся. || Ты бѣ, о честнаа главо, нагыим одѣние, | ты бѣ
алчнымъ крѣмитель | ты бѣ жаждущимъ утробѣ охлаждение, |
ты бѣ вдовицамъ помощник, | ты бѣ страннымъ покоише, | ты бѣ
бескровнымъ покров, | ты бѣ обидимымъ заступник, убогимъ обога-
щение. ||

Ритмически построенные части «Слова» здесь приведены не все,
а лишь настолько, насколько позволяют определить основные ритмообра-
зующие факторы и выяснить закономерности появления ритмической
структуры в произведении эпидейктического красноречия.

Ритмическая организация торжественной прозы — особенность не
только древнерусской литературы. Ее обнаруживают и многочисленные
похвальные слова древнесербской литературы.⁴¹ Для примера можно об-
ратиться к «Похвале св. Симеону и св. Савве» Доментиана (XIII в.):

Оба зари восточнеји богомислано просвештајушти западнеје
своје отачаство.

Оба Даници пресветлаго слнца топлоту светаго духа назнаменај-
уште чедом својега отачаства.

Оба молитваника топла миру всему и незаходимеји светиле
мисланаго востока, западноје своје отачаство богомислано просве-
штајушту.

Оба славија богогласна неусипајушти имушти очи душевне и
срдачне, немлчними песнами божастваними възбудивша успашеје ва
гресех неразумијем божастваније благодети.

Оба реце бањ божастваних омивша обетшавша срца неведенијем
истоваго живота, Христа истинаго бога нашего.

Оба скровишти миробогатнеји обогативша мир светим крште-
нијем и божаственим ученијем.

Оба гражданина вишьаго Јеросалима и светиле богозрачнеји
богомисланима очима прозревша будуштаја блага и некончајемоје
житије.

Оба паче злата искушена чистејшији Владике својему јависте
се...

Оба јаснеје снега убѣлиста се превеликим смеренијем и чистим
истовим покајанијем, предобразујушта чедом своим истови образ
вину искати истоваго житија небеснаго.

⁴¹ См.: Србљак (Службе. Канони. Акатисти). Београд, 1970.

Оба земляна ангела, небесна човека, небопарна орла својим преподобијем и превеликим ваздржанијем вазлетевша на висоту небеснују.

Оба светлодушна и равнообразна светилника реками слзнами васкриливша светије молитви.⁴²

Эта «Похвала» интересна тем, что в ней есть редкий случай использования анафоры в качестве самостоятельного ритмообразующего фактора. Через весь текст проведена анафора «оба», которая в данном случае при делении текста на ритмические единицы является маркирующим членом; она — знак начала следующей ритмической единицы. Последовательно выдержанная в тексте анафора даже при отсутствии синтаксических параллелизмов создает все-таки систему синтаксической аналогии. Поэтому текст и производит ритмическое впечатление.

В ритмической организации «Похвалы св. Симеону и св. Савве» Доментиана можно видеть факт преемственности и наследования приемов и традиций искусства торжественной речи Илариона. Хорошо известно, например, о влиянии «Слова о законе и благодати» Илариона на житие Симеона и Саввы сербских, написанное Доментианом.⁴³ Но можно также полагать, что ритмический принцип организации является жанровым признаком торжественных славословий вообще. В них к ритму предрасполагает и преобладание статических изображений-описаний, и амплифицированность в изложении мысли, и требование самой избранной темы — украсить повествование, внести в него элементы декора и орнамента, чтобы достойно прославить князя или святого. И одним из этих элементов декора выступает ритм, образующий иногда сложные замысловатые ритмические рисунки.

Анализ ритмической природы «Слова о законе и благодати» Илариона и «Похвалы св. Симеону и св. Савве» Доментиана позволяет сделать вывод о том, что появление ритмической структуры в произведениях торжественного красноречия глубоко закономерно, определено волей автора.

Ритмическая организация в торжественной прозе может расцениваться как явление эстетическое, поскольку очевидно, что ритмические формы, сосуществуя в торжественных «словах» с неритмическими, сознательно используются как особое выразительное средство, которым автор стремится выделить наиболее существенные, значительные моменты в композиционно-речевой структуре своего «слова».

Как было выяснено, основными ритмообразующими факторами ораторского жанра являются ораторская антитеза (она усиливает смысл), амплификация смыслового комплекса однородными структурами и синтаксический параллелизм (поскольку ораторская речь включает описание) с факультативной анафорой или с анафорой как самостоятельным ритмообразующим фактором. Сопутствующим ритму фактором в отдельных случаях является эмоциональная приподнятость ораторского произведения, создаваемая рядами риторических восклицаний, вопросов, обращений.

Такова одна из особенностей поэтики произведений торжественной ораторской прозы, которая и ставит их в литературный ряд.

⁴² Доментијан. Похвала светоме Симеону и светоме Сави. Београд, 1963, стр. 78, 80

⁴³ М. П[етровск]ий. Иларион, митрополит Киевский и Доментиан, иеромонах Хиландарский. — ИОРЯС, т. XIII, кн. 4, 1908.

Я. Н. ЩАПОВ

Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в.

1. История культуры Смоленской земли в XII—XIII вв., как и других сфер ее общественной жизни, в науке последних лет привлекла большое внимание историков, искусствоведов, археологов, языковедов и других специалистов. Этот интерес к прошлому одного из наиболее значительных княжеств феодальной Руси объясняется прежде всего важными археологическими открытиями в Смоленске, которые дали целый ряд новых памятников архитектуры XII—XIII вв., впервые показали образцы смоленской монументальной живописи этого времени, а также позволили представить некоторые характерные черты смоленской архитектуры сравнительно с киевской, переяславской и черниговской. Археологические раскопки открыли и первые смоленские берестяные грамоты, и надписи-графитты, важные для изучения истории общественно-политической мысли Смоленска; они позволили заняться изучением смоленского ремесла и прикладного искусства. Вместе с тем определенную роль сыграл и играет здесь общий методологически важный вывод современной науки о прошлом, согласно которому возникновение на месте относительно единого Древнерусского государства целого ряда феодальных княжеств является той новой политической формой, которая способствовала значительному экономическому, социальному и культурному развитию древнерусских земель. Смоленская земля, таким образом, не была исключением.

В этом плане представляет несомненный интерес и история смоленской литературы XII—XIII вв. В распоряжении исследователей находился только один памятник этой литературы — Житие Авраамия Смоленского, написанное его учеником Ефремом около середины XIII в. Настоящая статья посвящена другому смоленскому памятнику — Похвале князю Ростиславу Мстиславичу, князю смоленскому, а в последние годы своей жизни — великому князю киевскому.

2. Похвала была впервые опубликована в 1909 г. смоленским историком И. И. Орловским.¹ Свидетельства Похвалы и следующей за ней летописной записи о заботе князя Ростислава о смоленской кафедральной

¹ И. И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыне и раскопки его развалин. — Смоленская старина, вып. 1, Смоленск, 1909, стр. 211—212, прим. 2 (далее: И. И. Орловский). Текст перепечатан в кн.: М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л., 1964, стр. 125. Более ранние упоминания этого памятника при описании рукописей см.: К. Калайдович и П. Строев. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей ... гр. Ф. А. Толстова. М., 1825, стр. 418 (№ 254); А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 38.

церкви, об освящении ее епископом Мануилом (с датой 1142—6650 г., как ее предложил понимать Орловский) неоднократно привлекаются исследователями истории смоленского зодчества.² Однако сам памятник еще не был предметом специального исследования, хотя он представляет несомненный интерес и как литературное произведение, и как исторический источник.

Прежде всего нужно установить текст Похвалы. Исследователи пользуются текстом Похвалы, называя ее «записью в Нифонтовском сборнике», по указанной публикации И. И. Орловского. Но сравнение текста публикации с рукописью³ и с копией Похвалы, снятой с этого сборника в начале XIX в. для Н. П. Румянцева,⁴ убеждает в том, что публикация Орловского была сделана именно по румянцевской копии.⁵ Это сравнение показывает также, что копиист не везде правильно воспроизвел текст,⁶ в частности неверно передал дату в конце памятника: вместо $\overline{\text{S. X. II. II-e}}$ (6658-e) он написал $\overline{\text{S. X. II.}}$ и $\overline{\text{E}}$ (6650 и 5). И. И. Орловский также допустил искажение, изменив начальные слова «Сеи треблаженный...» на «Сеи великий преблаженный...». Воспроизводя дату памятника по его копии (6655, что может соответствовать 1147 г.), И. И. Орловский и при публикации его, и в своем исследовании счел возможным заменить ее на 1142 г.⁷ Эта дата была принята и другими исследователями.

Таким образом, при ссылках на «запись в Нифонтовском сборнике» исследователи фактически опираются на недоброкачественный текст публикации.

В приложении к настоящей статье текст памятника публикуется по Нифонтовскому сборнику XVI в. Похвала в сборнике написана одним почерком, на л. 469—469 об., в самом начале новой тетради, и занимает первую ее страницу и две строки на обороте листа. В конце предыдущего листа, л. 468 об., киноварью и другой рукой вписано заглавие па-

² См.: И. И. Орловский, стр. 211—212; М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска, стр. 14, 25—27; Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Смоленский детинец и его памятники.—Советская археология, 1967, № 3, стр. 287—302. А. В. Поппе высказал предположение, что как интересующий нас текст, так и запись в сборнике киевского Михайлова Златоверхого монастыря (о которой ниже) «восходят, несомненно, к поздней традиции, хронологические соображения которой о постройке Успенского собора в Смоленске исходят из даты смоленской грамоты», где упоминается 6659 г. (А. В. Поппе. Упреждательная грамота Смоленской епископии.—Археографический ежегодник за 1965 г., М., 1966, стр. 70, прим. 48). См. также: А. Рорре. Fundacja biskupstwa smoleńskiego.—Przegląd historyczny, t. 57, Warszawa, 1966, zeszyt 4, str. 553).

³ Нифонтовский сборник. Рукопись ГПБ, Q.XVII.15 (бывш. собр. Толстого, II, 254).

⁴ ГБЛ, собр. Н. П. Румянцева, № 34, л. 4—4 об. Запись копииста: «Выпис[ано] из кни[ги] в 4-ю [долю], хранящейся в Вол[околамской] Иосифовск[ой] библиотеке под № 8-м (по старой описи), назыв[аемой] сборник Нифонтовской на еретики и от правл., стр. 505».

⁵ И. И. Орловский пишет о публикуемом памятнике: «Эта повесть помещена в Нифонтовском сборнике библиотеки Иосифо-Волоцкого монастыря, ныне принадлежащем б-ке Москов. духовн. академии. Копия с нее, снятая для графа Румянцева, -- в Моск. Рум. музее (Опись рук. музея, Востокова, № XXXIV)» (И. И. Орловский и др., стр. 212). Ошибка И. И. Орловского, считавшего, что сборник хранится в библиотеке Московской духовной академии (МДА), вызвана, очевидно, тем, что большая часть рукописей монастыря действительно была передана в МДА.

⁶ Так, в заглавии памятника «О великом кн(я)зе Мьстиславе Смоленском и о ц(е)ркви» И. И. Орловский, не оговорив этого, изменил имя «Мстиславе» на «Ростиславе», стремясь, очевидно, привести это заглавие в согласие с содержанием статьи; он изменил также ряд слов и выражений: вместо «к цркви» написал «и црковь», вместо «сия» — «своя», вместо «кончася» — «скончася», вместо «на многа» — «нам многа»; кроме того, он опустил фразу «паки ли да сам си веда», может быть не поняв ее.

⁷ И. И. Орловский, стр. 211—212.

мятника «О великом князе Мсьтиславе Смоленскомъ и о церкви». Это ошибочное заглавие возникло, очевидно, только в нашем сборнике при вписывании заглавий к его статьям, которые их не имели. Появление его можно объяснить невнимательным чтением начала памятника, где действительно упоминается князь Мстислав.

Обращает на себя внимание слово «да» в контексте «и кончася месяца марта да еще кто поревнуеть того блаженного и святого князя...»; вероятно, это — искажение числа, дня смерти князя. Следуя за указанием даты смерти Ростислава в Ипатьевской летописи — 14 (ДІ) марта, —

мы считаем возможным заменить в тексте слово «да» на число «ДІ».⁸

3. Известный историком русской публицистики и литературы XV—XVI вв. Нифонтовский сборник представляет собой рукопись, составленную по указанию и при участии игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицына в этом монастыре, очевидно постепенно, в 1530-х—начале 1540-х годов.⁹ Это историко-полемический сборник, содержащий сочинения в защиту истинности официального русского православия против других, нехристианских и неправославных исповеданий, а также против еретических, неофициальных течений внутри русского православия. О таком характере сборника говорят включенные в него сказание о победе Андрея Боголюбского над волжскими булгарами в 1164 г., сказания о гневе божьем против католиков (о чудесах при постройке немецкой ропаты в Новгороде), послания старца Филофея против латинян, «Сказание о новоявившейся ереси» Иосифа Волоцкого и другие памятники.

Похвала князю Ростиславу заинтересовала составителя сборника, видимо, как сочинение, показывающее древность православия на Руси и успехи, связанные с его распространением, тем более что незадолго до возникновения сборника, в 1514 г., Смоленск, захваченный Витовтом, был возвращен Московскому великому княжеству.

⁸ Источники противоречиво указывают дату смерти Ростислава. Ипатьевская летопись, содержащая подробный рассказ о смерти и погребении князя, записанный от свидетелей событий, сообщает о его смерти 14 марта в селе Зарубе (в Смоленской земле) и погребении в Киеве 21 марта (ПСРЛ, т. II, М., 1962 (далее: Ипат.), стлб. 532). В Лаврентьевской летописи днем смерти названо 21 марта, а о дне погребения не говорится (ПСРЛ, т. I, М., 1962 (далее: Лавр.), стлб. 353). Возможно, что дата смерти здесь ошибочно перенесена на день погребения. Ростислав умер в 1167 г. Рассказ о его смерти и погребении в Ипатьевской летописи находится в конце статьи 6676 г., после рассказа о длительной поездке его в этом году в Смоленск и Великие Луки. Как определил Н. Г. Бережков, дата этой статьи обозначена двумя единицами выше мартовского года (Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 117—118). Основываясь на том, что в Лаврентьевской летописи о смерти Ростислава говорится в начале статьи 6675 мартовского года, Бережков датирует смерть Ростислава 14 марта 6675 г., т. е. 1167 г. (там же, стр. 67, 178—179). В «Книге о российских святых», сочинении XVII в., датой смерти Ростислава также названо «лето 6675 марта в 14 день», что Н. Барсуков, а за ним и Е. Е. Голубинский переводят как 1167 г. (см.: Н. Барсуков. Источники русской агнографии. СПб., 1882, стлб. 467—468; Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е. Б. м., б. г., стр. 345, 365). 21 марта 6673 г. датирована смерть Ростислава в Супрасльской летописи, включившей, как предполагал А. А. Шахматов, во второй половине XV в. смоленские известия (см.: Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. 1836, стр. 132; А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 234—236).

⁹ Запись Нифонта воспроизведена в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 464. Нифонт был игуменом Волоцкого монастыря с 1522 г., в 1543 г. переведен в Новоспасский (см.: П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 142).

4. Автор панегирика Ростиславу пишет о том, что этот князь сделал достойного похвалы и памяти истории. Это — учреждение епископии в Смоленске по повелению бога и богородицы и по благословению его отца, упомянутого Мстислава. Здесь содержится очень выразительный, строгий в своей прагматической простоте и в то же время несущий немало ценной информации рассказ об обстоятельствах этого акта. Ростислав, впервые пришедший княжить в Смоленск, узнал к своему неудовольствию, что главная церковь его княжества подчинена Переяславской епископии («и негодова»). Князь решил исправить положение. Собрав совет своих бояр и горожан («людей»), он решил превратить городскую церковь в кафедральную церковь новой Смоленской епископии, «поставил» в ней епископа, выделил часть доходов от всей подвластной ему территории («уял часть от всея области своея») и дал их как этой церкви, так и епископу. Всем этим Ростислав способствовал большему приобщению к свету христианства своих подданных. За эти благочестивые дела, показавшие его достойным христианином, Ростислав получил киевский великокняжеский стол и заслужил вечное спасение. Похвала включает упомянутое выше сообщение о смерти князя 14 марта и завершается призывом к его современникам и наследникам последовать примеру князя, а также провозглашением ему вечной памяти, а его современникам — долгих лет жизни.

5. Интересующее нас произведение по своему типу является некрологической, или посмертной, похвалой князю. В древнерусской литературе можно выделить два вида таких кратких похвал.

Один вид — это летописная похвала, представляющая обычно часть летописного рассказа о последних днях и смерти того или иного политического деятеля. Много таких похвал находится в составе Повести временных лет, Ипатьевской¹⁰ и Лаврентьевской летописей.¹¹ Известны летописные похвалы XIII в. и церковным деятелям — епископам.¹²

Второй вид краткой похвалы, известной в древнерусской литературе, — это «памяти», или «синаксари», древнерусским святым в Прологе. В раннюю редакцию древнерусского Пролога, сохранившуюся в списках XIII—XIV вв. и более позднего времени, включены наряду с памятниками византийских и южнославянских святых также памяти киевских и черниговских князей: Бориса и Глеба (5 сентября), княгини Ольги (11 июля), князя Мстислава, отца Ростислава (15 апреля), Михаила Черниговского (23 сентября).

Между проложными памятниками святых-князей, почитаемых церковью, и посмертными похвалами князьям в летописях существует определенное сходство. Можно говорить о существовании древнерусского жанра княжеской похвалы, имеющего свое особое назначение и свою особую тему, характеризующегося определенным своеобразием приемов изображения героя. Летописные похвалы и проложные памяти древнерусских князей внутри этого жанра составят, очевидно, своеобразные поджанры, отличающиеся особенностями их назначения. Однако жанровое сходство этих двух видов литературных памятников выражалось, очевидно, и в функциональном их сходстве.¹³

¹⁰ Ипат., стлб. 289, 303, 550—551, 610—611, 617, 703—706, 715—716 (под 1201 г.), 920—927.

¹¹ Лавр., стлб. 293, 295, 367—371, 436—437, 442—443, 466—467.

¹² В Лаврентьевской летописи есть посмертная похвала епископу ростовскому Пахомию (Лавр., стлб. 439).

¹³ Д. С. Лихачев обращает особое внимание на «служебный характер» жанров в древнерусской литературе: «в русской средневековой литературе ... жанры различаются по тому, для чего они предназначены» (Д. С. Лихачев, Система лите-

Как посмертная похвала князю, наш памятник ближе всего стоит к летописным похвалам Всеволоду (1093 г.), Владимиру Мономаху (1125 г.), сыновьям Ростислава и Владимиру Васильковичу (1289 г.). Это все сочинения одного ряда, рассказывающие о достойных похвалы и подражания качествах и поступках князя.

Однако и от этих близких по содержанию и формам похвал смоленская Похвала значительно отличается. Проследим эти отличия, как и то общее, что объединяет ее с жанром посмертной и проложной похвалы. Похвала начинается формулой «Сей . . . князь», обычной для похвальных слов, житий и других просопографических сочинений. Близкими формулами («Сии благоверныи князь. . .») начинаются похвалы Всеволоду (1093 г.), Святославу (1172 г.), Глебу (1173 г.), Мстиславу (1179 г.), Давиду (1198 г.), Владимиру Васильковичу (1289 г.). «Благоверным и христолюбивым» назван Андрей (1175 г.), «блаженными» — Константин (1218 г.) и погибший от рук иноверцев Василько (1237 г.), «великими» — Мстислав (ум. 1132 г.) и Всеволод (1212 г.). «Благоверным князем» именуется своего героя и проложная память св. Мстислава; «блаженными» обозначены в памятях княгиня Ольга и князь Михаил.

Князь Ростислав в нашей Похвале назван не просто «благоверным», а «треблаженным и святым», и этим выделен среди других членов княжеского рода, как достойный особой благодати и особого отношения со стороны современников. Это говорит, очевидно, о церковно-политических претензиях автора Похвалы к установлению церковного почитания этого смоленского и великого киевского князя, что представляет особую тему.

Если князь, как личность, достойная особого почитания за свои христианские заслуги, выделен в Похвале этими особыми эпитетами, то формула с упоминанием имен его отца и деда типична для летописных сообщений о смерти князей начиная с записи 1093 г. о смерти Всеволода, сына Ярослава, внука Владимира, в Повести временных лет. До этого в летописных похвалах указывалось обычно только имя отца князя, а не деда.¹⁴ Двучленная формула дана в проложной памяти Мстислава, отца Ростислава.¹⁵ В смоленской Похвале генеалогическая формула включена в ее состав, что может быть объяснено самостоятельным существованием памятника, большей его цельностью и меньшей связью с летописным рассказом, с повестями о смерти, которые обычны для летописных похвал.

Важнейшей частью летописной некрологической похвалы является обычно перечисление достойных памяти и подражания качеств и поступков князя.¹⁶ Все или почти все герои этих произведений украшены различными добродетелями: они благонравны (Владимир Мономах, Глеб, Святослав, Давид), иногда с раннего детства любили правду (Всеволод Ярославич) и почитали Христа и богородицу (Андрей), заботились о немущих, любили черноризцев (Всеволод Ярославич, Владимир Мономах,

ратурных жанров древней Руси. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 54).

¹⁴ Трехчленная генеалогическая формула применена, однако, уже в похвалах князю Владимиру Иларнона (Прибавления к творениям святых отцов, ч. II. М., 1844, стр. 38; L. Müller. Des Metropolitens Parion Lobrede auf Vladimir der Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 100) и Иакова монаха (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, 1-я половина. М., 1901, стр. 239).

¹⁵ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, Тексты, стр. 48.

¹⁶ Реконструкцию художественной системы изображения людей в древней Руси по «некрологическим характеристикам» князей в летописях наряду с другими источниками содержат работы Д. С. Лихачева, см.: Д. С. Лихачев. 1) Изображение людей в летописи XII—XIII вв. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954; 2) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958; изд. 2-е, М., 1970.

Глеб, Святослав, Андрей, Всеволод Юрьевич), оказывали честь епископам (Всеволод Ярославич, Давид) и попам (те же и Владимир Мономах). Группа княжеских похвал сыновьям Ростислава — братьям великого князя Рюрика — имеет ряд характерных общих черт, которые служат для М. Д. Приселкова одним из свидетельств принадлежности всего летописного рассказа 1170—1190-х годов автору свода 1200 (1199) г. — игумену Выдубецкого монастыря Моисею.¹⁷

Некоторым князьям даются характеристики, не повторяющиеся в других похвалах. Так, Всеволод Юрьевич судил истинно и не лицемерно, не боялся выступить против бояр, обижающих «меньших», а Василько, наоборот, особенно любил бояр и своих слуг. Давид имел твердое слово и не нарушал своих обещаний и договоров с братьями. О Владимире Мономахе говорится, что он отличался милостью к своим врагам; позже этот элемент похвалы вместе с другими повторяется применительно к князьям XII—XIII вв. Наряду с христианскими добродетелями в ряде случаев подчеркивается и воинская доблесть князя: он любил дружину, всегда стремился к великим подвигам, был «крепок на рати» (Святослав, Давид, Мстислав), был знаменит своими победами, его имени боялись в чужих странах (Владимир Мономах; эта характеристика повторена в похвале Всеволоду Юрьевичу). О воинской доблести Василька ничего не говорится, но сказано зато, что он был храбр на охоте. В некоторых случаях подчеркивается, что князь воздерживался от пьянства (Всеволод Ярославич, Андрей Боголюбский), от похоти (первый из них). Иногда несколькими мазками дается и внешний, обычно привлекательный облик князя: высокий рост, красивое лицо (Мстислав и Роман Ростиславичи), выразительные глаза (Давид, Василько), широкие плечи (Роман Ростиславич) и др.

В проложных статьях перечисление добродетелей святого князя также является обязательной чертой этого жанра. Князь Мстислав был добродетелен, милостив ко всякому, не любил богатства и не брал в руки серебра и золота. Князь Михаил Черниговский с детства возлюбил Христа и богородицу, отверг всю пустоту этого света, богатство и временную славу, которая «ничтожнее паутины». Кирилл Туровский, согласно ранней статье, находящейся в Прологе XV в.,¹⁸ не любил богатства и славы, хотя и происходил от богатых родителей.

Наряду с более или менее общей характеристикой качеств князя по смертным похвалам включают обычно и указания на его конкретные дела. Это, как правило, постройка церквей. О Владимире Мономахе, Романи и Давиде Ростиславичах, Андрее, Всеволоде Юрьевиче, Владимире Васильковиче говорится, какие и где построили они церкви и как их украсили, а о последнем сказано и то, какие города он поставил и укрепил. В проложной статье о Мстиславе сообщается о том, что он построил две церкви: Благовещения в Новгороде на Городище и Федора (Федоровский ктиторийский монастырь в честь собственного святого) в Киеве.

Этот сжатый перечень княжеских характеристик по более чем 10 летописным похвалам и некоторым проложным памятникам здесь приведен для того, чтобы наглядно показать, во-первых, некоторые черты, присущие жанру краткой похвалы князю, а, во-вторых, место Похвалы Ростиславу среди них. В нашей Похвале нет или почти нет ничего из этого богатого ассортимента стандартных и индивидуальных характеристик, приме-

¹⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 48.

¹⁸ ГБЛ, собр. Большакова, № 188, под 28 апреля.

явившихся авторами летописных похвал и проложных памятей конца XI—XIII в. Здесь дана только скупая, но многозначительная формула «треблаженный и святой», имеющая, как было сказано, определенное церковно-политическое значение.

Из всех возможных княжеских поступков и добродетелей в смоленской Похвале обыгран только один акт, который описан, однако, подробно и выразительно: устройство церкви в Смоленске, учреждение тамошней епископии и ее обеспечение, и вся Похвала построена именно на выдвигании этого дела, как достаточного для его прославления и почитания. Все другие дела Ростислава, как возведение им новой городской оборонительной стены, строительство крепости Мстиславль на реке Вехре, защищавшей Смоленск с юга, сооружение огромного собора в Борисоглебском монастыре на Смядыни, ставшем со временем княжеской резиденцией,¹⁹ а также нескольких светских и церковных зданий в Кремле,²⁰ оказались с точки зрения автора Похвалы не идущими в сравнение с тем основным деянием, которому она посвящена.

6. Все содержание Похвалы Ростиславу говорит о том, что это памятник смоленского происхождения. Киевское великое княжение, о котором здесь только упоминается, хотя и очень многозначительно, подано как награда князю за его заслуги перед Смоленском. Есть основание говорить о принадлежности автора Похвалы к кругам, тесно связанным с той смоленской церковью Богородицы и епископской кафедрой, которые упоминаются в Похвале. На такую близость автора к кафедре указывает также формула мотивировки поступков князя в Похвале: «Божиим повелением, и святые богородици, и отца своего молитвою». Она чрезвычайно близка к начальным словам другого смоленского памятника, связанного с князем Ростиславом и епископом Мануилом, — уставной грамоты князя смоленской епископии 1136 г.: «Бог, и святая богородица, и отца моего молитва». Такая аналогия позволяет предположить в авторе клирика того же кафедрального собора, с которым была связана и уставная грамота Ростислава 1136 г.

7. Формула «царствовать во всей Руской земли» для обозначения великого киевского княжения сейчас не является неожиданностью. После обнаружения С. А. Высоцким граффити с сообщением о смерти Ярослава Мудрого Б. А. Рыбаков в связи с расшифровкой этой надписи собрал сведения об употреблении титула «царь» применительно к древнерусским князьям и пришел к выводу, что царский титул в XII в. на Руси был привилегией великого князя киевского.²¹

Впервые этот титул, равный по значению титулам «каган» и «император», был принят, очевидно, как предполагал М. Д. Приселков, в 1037 г.,²² когда на Руси было восстановлено единовластие киевского князя Ярослава Владимировича, и остался титулом князей, сидевших на

¹⁹ Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. II. М., 1896, стр. 153—154; М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска, стр. 21—22, 29—30, 126.

²⁰ Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Смоленский детинец и его памятники. — Советская археология, 1967, № 3, стр. 287—302.

²¹ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, стр. 16. Правда, нужно отметить, что термин «царь» (или «цесарь», если этим словом расшифровывалось написание с выносной буквой с) в литературном повествовании применялся (но не как титул) и к другим князьям, подчеркивая их высокие достоинства. Так, в Похвале смоленскому князю Давиду, сыну Ростислава, никогда не княжившему в Киеве, перечисляются его достоинства, в том числе любовь к дружине и наказание злодеев («а злыя кажня, якоже подобает царемь творити») — Лавр., стлб. 703, под 1197 г.).

²² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 81.

великокняжеском столе, помогая им в их борьбе за супрематию на Руси и суверенитет Древнерусского государства среди других государств Европы и Азии. Похвала Ростиславу дает нам еще один случай применения этого титула во второй половине XII в., причем вновь тесно связывает его с киевским столом, с главенством «во всей Руской земле».

8. Одной из основных задач автора Похвалы было, очевидно, утверждение за князем Ростиславом права на церковное почитание, права на канонизацию. Об этом говорит многозначительное именование его такими необычными для жанра посмертных похвал (но хорошо известными в житиях святых) словами, как «треблаженный и святой» князь. Причем в нашей Похвале эти слова применены дважды, в начале и в конце ее, образуя форму своеобразного рондо. Как было показано выше, князя в похвалах обозначаются обычно термином «благодарный», а князь-мученик Василько, получивший церковное почитание, Ольга и Михаил Черниговский названы «блаженными».

Среди русских святых, официально канонизированных в XVI в., Ростислава смоленского нет, однако не подлежит сомнению, что церковное почитание его в древности имело место. О таком почитании говорит включение имени Ростислава с точным указанием даты его смерти²³ в русское агиографическое сочинение — «Книгу о российских святых», которую Е. Е. Голубинский датирует второй половиной XVII в.,²⁴ а Сергей — концом XVII — началом XVIII в.²⁵

Учреждение церковного почитания Ростислава в Смоленске во второй половине XII в. свидетельствует, очевидно, о стремлении получить в политической (и церковно-политической) борьбе древнерусских княжеств такой важный дополнительный шанс, как культ смоленского князя. Однако ни смоленская Похвала, ни киевские памятники ничего не говорят о том, имели ли эти смоленские тенденции какую-либо поддержку в Киеве. Можно думать, что приход в Киев нового митрополита — грека Константина II в 1167 г., вскоре после смерти Ростислава,²⁶ не способствовал утверждению этого культа. Наряду с определенными политическими соображениями — в пору острой борьбы вокруг кандидатуры Клим Смолятича и его наследников Ростислав вел двойственную политику по отношению к киевским митрополитам — определенную роль сыграло, очевидно, то, что для учреждения этого культа не было необходимых формальных оснований. Я имею в виду такое важное требование религиозного сознания средневековья к кандидату в сонм святых, как открытая демонстрация внимания к нему со стороны небесных сил, проявляющаяся в чудесах после смерти или при смерти. Без этого условия культ Ростислава в первые века после его смерти едва ли мог быть официально утвержден и распространен.

Каким же путем упоминание Ростислава с точным указанием даты его смерти оказалось в рукописях XVII в. среди «святых града Киева»? Нужно обратить внимание на то, что эта дата дана в форме, отличной от сообщений старших Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. Как было указано выше, в Ипатьевской сообщении о смерти дается в конце статьи

²³ «Святой благодарный великий князь Ростислав Мстиславич преставися в лето 6675, марта в 14 день» — выписка из «рукописи Савваитова» (л. 2). Опубликовано в кн.: Н. Барсуков. Источники русской агиографии, табл. 467.

²⁴ Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. Изд. 2-е, стр. 310—311.

²⁵ Арх. Сергей. Полный месяцеслов православного Востока, т. I. М., 1875, стр. 309.

²⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 32.

6676 г. (а не 6675 г.), а в Лаврентьевской ошибочно указан день смерти — 21 марта (а не 14 марта). Видимо, составители «Книги о российских святых» опирались на источники, отличные от киевской и суздальской летописных традиций, — очевидно, на местную киевскую внелетописную традицию, возможно связанную с Федоровским монастырем. Хотя сведений о функционировании Федоровского монастыря в послемонгольское время нет, что дало Голубинскому повод заключить о его разрушении монголами,²⁷ развалины монастыря стояли еще в XVII в.²⁸ Возможно, что источником «Книги о святых» в этой части были сохранившиеся местные монастырские памятные записи, хотя исключить возможность использования в ней материалов и смоленского происхождения также нет оснований.

9. Исследователь, занимающийся памятниками права древней Руси, дипломатикой древнерусского акта, не может не обратить внимания на определенную близость некоторых составных частей Похвалы Ростиславу и порядка их расположения к обычным дипломатическим формулярам средневекового документа. Действительно, части Похвалы находят соответствие в целом ряде типичных актовых компонентов.²⁹ Так, фраза «божием повелением и святые богородици, и отца своего молитвою» находит прямое соответствие в «аренге» документов — мотивировке поступка князя, часто духовной, указанием свыше; фраза «прииде перьбое. . . и здума с бояры своими и с людьми» может быть сопоставлена с «наррацио» актов — рассказом о фактах, приведших к записи воли издателя документа; текст «и постави епископа. . . и землю просвети» очень близок к актовому «диспозицио» — изложению этой воли или действий, создающих новое правовое состояние. Далее, Похвала включает также своеобразную «санкцию» — обещание вознаграждения тому, кто сравнится с Ростиславом своими поступками, и лишения высшей поддержки тому, кто не последует этому примеру. Наконец, Похвала завершается пожеланием вечной памяти Ростиславу и многолетия его наследникам. Даже эта фраза вместе с заключительным «аминь» может быть сопоставлена с завершающим актовым компонентом — «аппрекацио», т. е. пожеланием, чтобы документ был действительным вечно.

Результаты сравнения структуры Похвалы Ростиславу с актовым формуляром весьма любопытны. Они могут быть объяснены прежде всего тем, что сознание человека средневековья было, очевидно, определенным образом связано юридическими формами, что особенно проявлялось в такого рода сочинениях о князьях, представителях высшей государственной власти.

Автор Похвалы Ростиславу здесь не является одиноким. Подобные же части, соответствующие компонентам актового формуляра, можно проследить и в Похвале Владимиру Илариона, хотя они там не так бросаются в глаза, как в смоленской Похвале. Там также есть своеобразная «аренга» («прииде на нь посещение вышнего, призре на нь всемилостивое око благого бога. . .»), и «наррацио» («И се слышав, възжела сердцем и възгореся духом. . .»), и «диспозицио» — подробный рассказ о том, что сделал Владимир, окрестив Русь. Здесь отразился даже такой компонент формуляра, отсутствующий в Похвале Ростислава, как «корробоацио» — перечисление свидетелей, которые утверждают акт, придавая ему обязательную силу.

²⁷ Е. Е. Голубинский. История канонизации святых. . . , стр. 58, 365.

²⁸ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 276.

²⁹ Из большой литературы по дипломатике акта укажу: К. Malec z y ń s k i. Zarzys dyplomatyki polskiej wieków średnich, cz. 1. Wrocław, 1951, ss. 23—26, С. М. К а ш т а н о в. Дипломатический состав древнерусского акта. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. II. Л., 1969.

Именно с этим элементом можно сопоставить такие выражения Илариона, как «добр послух благоверию твоему, о блаженниче, святая церква святых богородица Мария», «добр же зело и верен послух сын твой Георгий».³⁰

Хотя связь формы Похвалы Ростиславу с формой актов не является исключительной для этого произведения,³¹ все же можно сказать, что автор Похвалы прекрасно владел распространенной юридической формулой и мыслил в своем труде в определенной степени юридически. Возможно, что он был связан с таким учреждением, как епископская канцелярия, занимался составлением документов кафедры. Автор смоленского произведения был, очевидно, не только политиком и писателем, но и юристом.³²

10. Обратимся ко второй части нашего памятника, следующей после Похвалы Ростиславу, — к летописной записи об освящении смоленской церкви Богородицы. В этой записи говорится, что церковь была освящена епископом Мануилом 15 августа 6658 г., причем этот год соответствовал 13-му индикту. Такая дата показывает, что перед нами сентябрьский, византийский календарный год и что освящение церкви произошло 15 августа 1150 г.

Смоленская летописная запись в Нифонтовском сборнике представляет немалый интерес в целом ряде аспектов, и прежде всего как исторический источник. Согласно этой записи, церковь Богородицы, функционировавшая как кафедральная церковь Смоленской епархии с 1136 г., была освящена в 1150 г. Сравнительное изучение этой записи совместно со смоленскими известиями в Михайловском сборнике XVII в. (о которых ниже), уставной грамотой Ростислава смоленской церкви Богородицы 1136 г. и записью о смерти Ростислава в Супрасльской летописи, а также результаты археологического исследования собора Н. Н. Ворониным показывают, что здесь говорится не о первом освящении церкви, а о вторичном, связанном, очевидно, с осквернением святыни в ходе политической и церковно-политической борьбы князя Изяслава Мстиславича в 1147—1150 гг. за митрополичью кафедру для митрополита Климасмолятича, своего ставленника.³³

11. Смоленская Похвала и летописная запись при ней дают определенный материал для суждений о существовании смоленского летописания в XII в. — загадке, не решенной до сих пор.³⁴ Раннее смоленское летописание — особая сложная тема, ждущая своего исследователя. Однако уже изучаемые нами источники позволяют увидеть некоторые следы летописной работы в Смоленске XII в.

³⁰ L. Müller. Des Metropolitens Parion Lobrede..., S. 102, 103, 105—107, 120—121.

³¹ Нельзя не обратить внимания также на то, что определенную близость к форме юридического документа обнаруживают те сочинения о князьях, которые ставят своей целью обоснование прав князей на канонизацию.

³² О связи и Илариона с памятниками права и участия его в кодификации и записи норм церковного права на Руси см.: Я. Н. Цапов. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. — Византийский временник, т. 31, М., 1971, стр. 73—78.

³³ Подробнее о значении этой летописной записи для изучения церковно-политической и архитектурной истории Смоленска см.: Я. Н. Цапов. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, стр. 140—146.

³⁴ Среди работ, касающихся вопроса о летописании в Смоленске, нужно назвать: А. Клебанов. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV в. М., 1871; А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 234—236, 253, 369; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 1. Киев, 1908, стр. 438—538; В. А. Арнаут-ов. «Киевская» летопись Супрасльского сборника. (К вопросу о смоленском летописании). — ИОРЯС, т. XIV, СПб., кн. 3, 1910, стр. 1—34; Ф. П. Сушицкий. Западнорусские летописи как памятники литературы, ч. I. Киев, 1921.

Летописная запись в Нифонтовском сборнике очень близка к записи об освящении церкви Богородицы среди известных смоленских известий в Михайловском сборнике XVII в.³⁵

Михайловский сборник

Лета 6650 августа 15, индикта 13 осветится церковь святых Богородица внутри града Смоленьска от Мануила первого епископа града Смоленьска.

Нифонтовский сборник

Святелище святые Богородици освятятся от Мануила первого епископа града Смоленска месяца августа 15 день, индикта 13 в лета 6658-е.

Сравнение этих записей показывает, что в основе обеих лежит одно и то же сообщение, изложенное теми же словами, причем текст в Михайловском сборнике по своей форме (дата и событие: кто, где и что сделал), традиционной для краткой летописной статьи, близок к другим смоленским сообщениям, находящимся на той же странице. Текст Нифонтовского сборника значительно отличается от этой традиционной формы, что можно объяснить его связью с Похвалой Ростиславу. Михайловская запись содержит искаженную противоречивую дату,³⁶ которая должна быть исправлена по Нифонтовской записи. Дополнительное указание «внутри града Смоленска» очень хорошо согласуется с топографическими указаниями такого рода в других смоленских записях Михайловского сборника. У нас нет никаких оснований заподозрить влияние одного из этих текстов на другой. Обе рукописи имеют различное происхождение, связаны с различной территорией и археографической традицией,³⁷ хотя между ними можно проследить определенную идейную близость — защиту православия против других исповеданий и еретичества. Смоленские летописные записи — это единственные памятники, смыкающие два сборника текстуально.

Все это позволяет видеть в смоленских летописных известиях обоих сборников фрагменты смоленского летописания XII—XIII вв.: в Нифонтовском сборнике — в особой переработке XII в., в Михайловском — в более близком к источнику виде, но в тематической выборке XVII в. на тему о княжеских сооружениях в Смоленске и с искажениями некоторых дат.³⁸

12. При сопоставлении летописной записи Нифонтовского сборника с летописной записью Михайловского сборника обращают на себя внимание два изменения, сделанные редактором первой записи, придавшим ей тем самым особую стилистическую окраску. Первое — это замена обычного и лишнего эмоционального звучания слова «церковь» словом «святителище»

³⁵ Государственная научная библиотека АН УССР в Киеве, собр. Петрова, № 476 (1656), л. 196. Краткое описание см.: Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. II. М., 1896, стр. 153—154. Здесь же опубликованы (не точно, с некоторым искажением дат) летописные записи: 6642 г. — о постройках Ростислава в Смоленске и на Вехре; 6650 г. — об освящении церкви Богородицы Мануилом; 6746 г. — о постройках Давида Ростиславича в Смоленске; 1611 г. — о взятии Смоленска королем Сигизмундом III и взрыве соборной церкви.

³⁶ 6650-й сентябрьский год соответствовал не 13-му, а 5-му индикту; 13-й индикт имели годы 6643 (1134/35, до поставления Мануила епископом весной 1136 г.), 6658 (1149/50), 6673 (1164/65, после перехода Ростислава на киевское княжение) и 6688 (1180/81, после смерти Ростислава).

³⁷ Михайловский сборник содержит историко-литературные произведения и выписи по истории Восточной Европы XV—XVII вв., направленные, в частности, против латинства. Смоленские известия включены в него, очевидно, в связи с взятием города в 1611 г. поляками и разрушением кафедральной церкви. Сборник составлялся в первой половине XVII в. на белорусских землях Речи Посполитой и, возможно, связан с Пинском.

³⁸ Третий фрагмент смоленского летописания того же времени можно видеть в летописных статьях сборника конца XV в.: ГИМ, Уваровское собр., № 515. См.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 356—357.

(или «светилище»), редким в памятниках древнерусского языка, но хорошо известным в южнославянских текстах. Второе — это инверсия фразы, при которой обстоятельство времени — первая обязательная часть формуляра летописной статьи — было перенесено из ее начала в конец, а группа подлежащего вынесена на первое место. В результате этих двух изменений летописная статья, содержащая только информацию, оказалась представленной в торжественной литургической форме: «Светилище святые Богородици освятися». Редактору удалось добиться такого эффекта, что в первых словах записи слышится как бы трехкратное «освящение» этой церкви.

Целью этих изменений летописного сообщения было, очевидно, приближение его формы к Похвале Ростиславу, чтобы оно могло рассматриваться как составная часть Похвалы. В связи с этим возникает вопрос, принадлежит ли обработка этого сообщения автору Похвалы или нет. Для ответа на него у нас мало данных. Форма собственно Похвалы вполне завершена, памятник оканчивается заключительным пожеланием «аминь», а летописные сообщения даже в измененном виде чужды этому произведению и по форме и по своему источнику. И вместе с тем мы видим в обеих частях один и тот же прием работы автора — смелое stalkивание, сочетание нескольких однокоренных и близких по звучанию слов: «занеже дал . . . , а бог ему дать»; «дал бо жия богови часть, а бог . . .»; «царствовати . . . царство небесное»; «светилище святые Богородици освятися . . .». Наряду с общностью темы обеих частей и единством их назначения это может указывать на то, что автор Похвалы и редактор летописного сообщения — одно лицо.

13. Подводя итоги исследованию, нужно повторить, что Похвала князю Ростиславу в Нифонтовском сборнике может рассматриваться как памятник, созданный в Смоленске, при кафедральной церкви Богородицы, во второй половине XII в. в связи со смертью князя (умер в 1167 г.). Произведение принадлежит к жанру кратких посмертных княжеских похвал, известных в летописях и прологах конца XI—XIII в., и имеет ряд черт, сближающих его с такой ранней княжеской похвалой, стоящей вне этого жанра, как Похвала Владимиру Илариону. Задачей автора этого произведения было обоснование права князя Ростислава на церковное почитание в Смоленском княжестве, на местную канонизацию. Достижению этой цели подчинено и содержание памятника, ограниченный перечень тех поступков и добродетелей князя, которые достойны памяти современников и потомков.

Неизвестный автор Похвалы принадлежал, очевидно, к клиру кафедральной церкви; это был образованный политик, талантливый писатель и юрист, возможно ведавший епископской канцелярией.

Похвала князю Ростиславу и ее вторая часть — летописная запись об освящении церкви Богородицы являются ценным историческим источником для изучения церковно-политической и архитектурной истории Смоленска, а также содержат материал для восстановления смоленского летописания XII в. Вместе с тем это произведение — незаурядный памятник древнерусской литературы и уникальный, наиболее ранний памятник литературы Смоленска времени расцвета культуры Смоленского княжества. Указанная уникальность этого произведения не позволяет определить, какие из подмеченных его черт и особенностей можно считать присущими литературе Смоленска этого времени, как крупнейшего культурного центра, а что появилось благодаря индивидуальным приемам его автора. Однако введение Похвалы Ростиславу в число памятников литературы Смоленска XII в. поможет восстановить одну из утраченных страниц истории культуры Смоленского княжества.

14. Похвала князю Ростиславу публикуется по правилам, принятым в ТОДРА. При этом киноварное заглавие и первый инициал выделены

полужирным шрифтом, буква «есте йотированное» заменяется на е, «зело» — на з, «от» — на о, «ук» и «оу» — на у, «аз йотированный» и «юс малый» — на я. Однако буквы *i*, *ѣ* и *ѝ* (и в конце слова), а также паерок (обозначаемый ниже знаком апострофа) сохранены для лучшего понимания древнего уникального памятника в списке XVI в. С этой же целью буквы, опущенные под титлами и в конце слов, даются в скобках, а выносные буквы даются курсивом. Славянская цифирь, в понимании которой существуют разногласия в литературе, сохраняется.

О великом кн(я)зе Мьстиславе Смоленскомъ и о ц(е)ркви ||

л. 468 об

Сеи трeбл(а)ж(е)нныи и с(вя)тыи княз(ь) Ростислав, с(ы)нъ М'стиславль, внук Володимирь б(о)жием повелѣнїем, и с(вя)тые б(огороди)ци, и о(т)ца своего м(о)л(и)твою прииде первое в'град в'Смолинескъ на княжение, и видѣ смолинскую ц(е)рк(о)вѣ сушую под Переясловлем, и негодова, и з'дума с бояры своими и с людми, и постави еп(и)ск(о)па к'ц(е)рквѣ^а с(вя)тыя Б(огороди)ци, и уял часть от всея области своя, и дал с(вя)теи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу, и болѣ люди сия и землю просвѣти. И скончася заповѣд(ь) г(о)с(по)дня о Ростиславе, яж(е) реч(е): «бл(а)гии рабе вѣр'не, в малѣ быс(ть) вѣрен, надо многими тя поставлю,^б вниди в радос(ть) г(о)с(по)дина своег(о)»,¹ занеж(е) дал б(о)жия б(о)г(о)ви часть, а б(о)гъ ему дас(ть) за доброту его сторицею и ц(а)рствовати в'всеи Руской земли, а на оном свѣте — ц(а)рство н(е)б(е)сное. И препровадив б(о)гъ дни живота его в'славу, и в ч(е)сть, и кончася м(еся)ца марта ДІ.^в Аще кто поревнуеть того трeбл(а)ж(е)ннаго и с(вя)т(о)го княз(я), от б(о)га примет(ь) сп(а)с(е)ние, а от с(вя)тые б(огороди)ци заступление; паки ли — да сам си вѣда. Ростиславу вѣчная памят(ь), а живым — на многа лѣта. Амин(ь).

л. 469

С(вя)тилище с(вя)тые б(огороди)ци ос(вя)тися от Мануила перваг(о) еп(и)ск(о)па града || Смоленска м(е)с(я)ца августа 61 д(е)нь, индикта ГІ, в лѣта С.Х.Н.Не.

л. 469 об

(ГПБ, Q.XVII.15, лл. 468 об.—469 об.).

^а Испр.; в ркп. ц(е)рквѣ.
¹ Матф. XXV, 27 и 23.

^б В ркп. т испр. из л.

^в Испр.; в ркп. да.

Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в.

Искусство устной деловой речи было весьма высоким в эпоху Киевской Руси.¹ Это были деловые речи, иногда, правда, украшенные и расцвеченные, сказанные подчас по значительному поводу и не чуждые народной мудрости. Речь же как прием, украшающий повествование, или как литературный жанр ораторской прозы — это иное явление, впрочем также в немалой степени свойственное искусству Киевской Руси. Умение произносить важные в церковно-политическом отношении речи в изящной литературной форме столь же ценилось в древности, сколь и подвиги на полях войны. Слава «второго Златоуста» была не менее почетна, чем слава доблестного богатыря. Уже в первые века русской истории появились свои витии, умевшие достойно произносить панегирики и похвальные речи князьям и святым. Таковы были Иларий, анонимные авторы похвальных «слов» княгине Ольге, князьям Владимиру, Борису и Глебу, Ростиславу Мстиславичу, игумену Феодосию Печерскому, греко-славянским святым Клименту Римскому, Николаю Мирликийскому и др. Чаще всего это были не экспромты, а заранее написанные сочинения, созданные оригинально, но с использованием известных образцов или риторских канонов.

От конца XII в. до наших дней дошел один такой памятник — это Речь игумена Киевского Михайловского Выдубицкого монастыря² Моисея, содержащая похвалу великому князю киевскому Рюрику Ростиславичу.³ Последний прославляется за то, что приказал подвести каменную стену

---

¹ См.: Д. С. Лихачев. 1) Русский посольский обычай XI—XIII вв. — ИЗ, № 18, М., 1946, стр. 42—55; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 114—131.

² Легенды относят основание Выдубицкого монастыря ко времени князя Владимира (см.: С. Т. Голубев. Киево-Выдубицкий монастырь (домонгольское время). — Труды Киевской духовной академии, Киев, 1913, № 10, стр. 220—233). Однако первое достоверное известие о нем относится к 1070 г., когда князь Всеволод Ярославич заложил в своем монастыре церковь св. Михаила (см.: ПСРЛ, т. I, изд. 1-е, СПб., 1846, стр. 75). О Выдубицком монастыре имеется значительная литература.

³ Моисей как игумен монастыря св. Михаила «на Выдобици», под Киевом, упомянут в Киевской летописи дважды: в 1197 г. его приглашает на «духовный пир» по случаю возведения каменной церкви св. Апостолов в Белгороде великий князь Рюрик Ростиславич (см.: ПСРЛ, т. II, изд. 1-е, СПб., 1843, стр. 152), а в 1199 г. он произносит свою знаменитую Речь (там же, стр. 153). Издание текста Речи см.: 1) Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, изд. 1-е, СПб., 1843, стр. 153—155; 2) Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, СПб., 1908, столб. 712—715 (фото-типическое воспроизведение этого издания: М., 1962); 3) Летопись по Ипатскому списку. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1871, стр. 477—479.

под монастырскую церковь св. Михаила, грозившую обвалиться вместе с частью возвышенного берега Днепра.⁴

В Киевской летописи рассказывается о том, что подбережная стена была заложена 10 июля 1198 г., а достроена 24 сентября 1199 г. Князь Рюрик восхваляется за то, что свершил столь славное деяние, о котором его предки на протяжении 111 лет существования церкви «не дерзнула помыслити... али на дело ятися». Этой Речью заканчивается летописный свод, составленный в 1200 г. в Выдубицком монастыре игуменом Моисеем и содержащий семейную и родовую летопись великого князя Рюрика Ростиславича 1173—1199 гг.⁵ Выдубицкий летописный свод вообще богат похвальными некрологическими характеристиками братьев Рюрика — Святослава (под 1172 г.), Мстислава (под 1178 г.), Романа (под 1180 г.), Давида (под 1198 г.); имеется и специальная летописная похвала князю Рюрику (под 1198 г.). Однако ни одна из них не несет в себе признаков отдельного произведения ораторского искусства. К. Н. Бестужев-Рюмин первый указал на то, что Речь Моисея Выдубицкого носит характер вставки в летописный свод 1200 г. и, вероятно, составляла самостоятельное произведение, не написанное специально для летописи.⁶

Древний текст Речи восстанавливается из сопоставления Ипатьевского списка, с одной стороны, и Хлебниковского и зависящих от него Погодинского, Ермолаевского и Краковского, с другой.⁷ Поскольку эти списки XV—XVIII вв. в конечном итоге восходят к южнорусскому летописному своду начала XIV в., очевидно, что и реконструируемые чтения этих списков отражают один и тот же источник — турово-пинского, по А. И. Генсьорскому и А. Н. Насонову, происхождения.⁸ Этот летописный свод имел на протяжении XIII в. не менее 5 редакторов — холмских, перемышльских, любомльских и пинских, каждый из которых не только редактировал летопись, но и переписывал ее заново, в том числе и Киевскую летопись XII в. вместе с Речью игумена Моисея и Повестью временных лет. Впрочем, последнее предположение — это только наша гипотеза. Киевской летописи XII в. могло и не быть в составе западнорусских летописных сводов 1234—1292 гг.: как полагает М. Д. Приселков, она впервые была соединена с Турово-Пинской летописью в Галиче лишь в начале XIV в., при князе Юрии Львовиче.⁹

⁴ До наших дней следов этой стены не сохранилось. Возможно, что она обрушилась вместе с восточной, алтарной частью церкви св. Михаила еще в XVII в., до 1639 г. (см.: И. Закревский. Описание Киева, т. I. Вновь обработанное и значительно умноженное издание с приложением рисунков и чертежей. М., 1868, стр. 248).

⁵ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 69—118; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 47—49; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 182, 431—433. Об игумене Моисее как летописце см.: Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, стр. 60—71.

⁶ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей. СПб., 1868, стр. 115, 432.

⁷ Сопоставление текстов летописи в целом по Ипатьевскому, Хлебниковскому, Погодинскому, Ермолаевскому и Краковскому спискам произведено А. А. Шахматовым (см.: ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стр. VI—XVI). А. А. Шахматов пришел к выводу, что Погодинский список — копия Хлебниковского, Краковский — копия Погодинского, а Ермолаевский восходит к Хлебниковскому, но в отдельных случаях пользуется текстом протографа Хлебниковского списка.

⁸ А. I. Генсьорский. Галицько-волинський літопис (процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958; А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, стр. 230—231.

⁹ М. Д. Приселков. История русского летописания..., стр. 55—56.

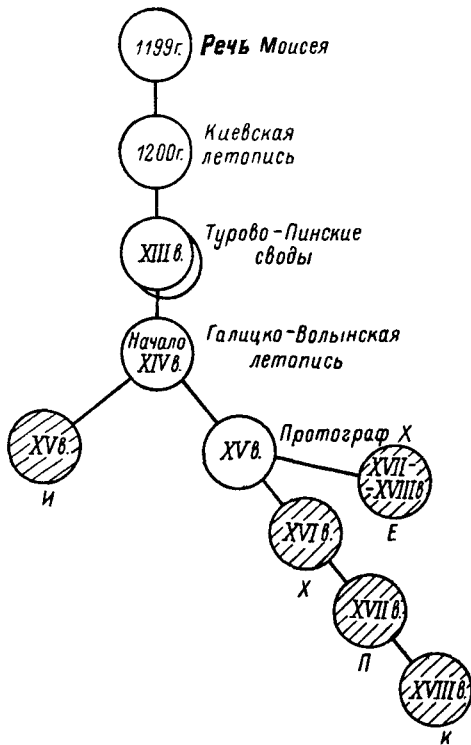
Так или иначе, отдельные искажения и пропуски слов, которые возникли в процессе многократной, в течение нескольких сотен лет, переписки текста произведения, вполне объяснимы. Хлебниковский, Погодинский и Ермолаевский списки в ряде случаев сохранили более исправные чтения, чем Ипатьевский список.¹⁰ Например: «яже мы видѣм» (ХПЕ) вместо «яже мы видихомъ» (И); «не токмо бо отъяль еси уничижения наша» (ХПЕ) вместо «не токмо ибо отъяль еси уничижения наша» (И); «Мы же, смиреннии, что въздамы (воздадѣм — Е) ти» (ХПЕ) вместо «Мы же, смиреннии, что въздамъ ти» (И); «Богъ же милости въздасть ти противу труда ти» (ХПЕ) вместо «...Богъ же милости въздасть ти противу труда» (И); «притчу приобрѣтше» (ХПЕ) вместо «притчу приобрѣтше» (И); «сбытие бысть божественныхъ словесъ» (ХПЕ) вместо «сбытие божественныхъ словесъ» (И); «Здѣ же преболѣ намъ того о тобѣ является...» (ХПЕ) вместо «Здѣ же преболе на томъ того о тебе является...» (И); «Богомирная словеса твоя и въ конецъ вселенныя христолюбная (христолюбивая — Е) твоя дѣла» (ХПЕ) вместо «Богомирная словеса твоя христолюбивая дѣла» (И); «Зоровавели» (ХПЕ) вместо «Зовавели» (И); «незабытно познани быти» (ХПЕ) вместо «не забыти» (И).

В иных случаях трудно решить, чтения каких списков следует предпочесть. Сравни, например: «...но и со славою приять ны, поставивъ на пространѣ нозѣ» (ХПЕ) и «...но и со славою приять ны, постави на пространѣ нозѣ» (И); «слову нятися» (ХП) и «слову ятися» (И); «яже положил в своихъ ему написаниихъ» (ХП) и «яже положи въ своихъ ему написаниихъ» (И); «непрерывно храняща а уставы временемъ, владычня повеления повѣдаютъ» (ХП) и «непрерывно храняще уставы временемъ, владычня повеления повѣдаютъ» (И); «смаатрающии» (ХПЕ) и «смотрящи» (И); «от работы немилосердья» (ХП) и «из работы немилосердья» (И); «утвержающе бо неподвижно нозѣ свои» (ХП) и «утвержающе бо непостояжно нозѣ свои» (И). Порой Ипатьевский список сохраняет более исправные чтения, чем Хлебниковский, Погодинский и Ермолаевский списки. Например, «Моисѣа» (И) вместо «Мусиа» (ХП), «Днѣсь, по Исаи, понавляються острова, а реку, праведныхъ душа...» (И) вместо «Днѣсь, по Исаи, поновляються острова, а рекут, праведныхъ душа...» (ХП); «и мнѣться, яко аера достигше» (И) вместо «и мнѣться, яко радости глаголаше» (ХП) или «и мнѣться, яко радости глаголаше» (Е).

Сопоставление всех чтений четырех списков приводит нас к выводу, что они сохранили в общем текст Речи Моисея в одной редакции.

Заметно, что в целом ряде случаев чтения Ермолаевского списка отличаются от чтений Хлебниковского и Погодинского списков; это может говорить в пользу того, что Ермолаевский список восходит к протографу Х. Например, «Мнози... желаша видѣти» (Е) вместо «Мнози... желаше видити» (ИХП); «Днѣсь отъясая» (Е) вместо «Днѣсь отшася» (И); в ХП «отшася» пропущено. Литературная судьба текста Речи Моисея Выдубицкого в составе летописных сводов (с учетом работ по летописанию А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова и др.) может быть графически изображена в виде следующей схемы:

¹⁰ Ниже приняты следующие сокращенные обозначения списков: Х — Хлебниковский, П — Погодинский, Е — Ермолаевский, И — Ипатьевский, К — Краковский.

Достоинства Речи как произведения поздней киевской риторики оценили С. Т. Голубев,¹¹ М. С. Грушевский,¹² Д. И. Чижевский,¹³ М. В. Горлин,¹⁴ Д. С. Лихачев,¹⁵ Б. А. Рыбаков.^{15а}

Так, С. Т. Голубев писал, что «панегирическая речь выдубицкого игумена Моисея обнаруживает в авторе не только человека грамотного (в смысле начитанности), но, без сомнения, и вкусившего от плода науки ораторской. При всей краткости означенной речи в ней видны явственные следы школы, притом школы однородной с тою, под влиянием которой образовались ораторские приемы современника Кирилла Туровского».¹⁶ Мнение С. Т. Голубева разделяли М. С. Грушевский, Д. И. Чижевский и М. В. Горлин. Французский исследователь подробно остановился на за-

¹¹ С. Т. Голубев. Подбережная каменная стена в Киево-Выдубицком монастыре, сооруженная в 1199—1200 гг. — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, т. XIX, вып. 4, Киев, 1907, отд. 2, стр. 88—101.

¹² М. С. Грушевський. Історія української літератури, т. III. Київ—Львів, 1923, стр. 30—32.

¹³ D. Tschizewskij. 1) Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert. Kiever Epoche. Frankfurt a. M., 1948, S. 263; 2) Історія української літератури від початків до доби реалізму. Нью-Йорк, 1956, стр. 148—149; 3) History of russian literature from the eleventh century to the end of the baroque. 's-Gravenhage, 1960, p. 89.

¹⁴ M. Gorlin. Un écho de l'éloge de Rjurik Rostislavič. — Revue des études slaves, t. XX, fasc. 1—4, Paris, 1942, pp. 156—158. То же в кн.: Etudes littéraires et historique par Michel Gorlin et Raïssa Bloch-Gorlina. Paris, 1957, pp. 78—80.

¹⁵ См. написанную Д. С. Лихачевым главу 3-ю, «Литература второй четверти XII—первой четверти XIII в. ...», в кн.: История русской литературы в трех томах, т. I (Литература X—XVIII веков). М.—Л., 1958, стр. 110.

^{15а} Б. А. Рыбаков. Русские летописцы. . . , стр. 503—504. Речь Моисея характеризуется как «пиитическо-философская кантата».

¹⁶ С. Т. Голубев. Подбережная каменная стена. . . , стр. 99—100.

висимости памятника тверской литературы середины XV в. «Слова похвального великому князю тверскому Борису Александровичу» инока Фомы от Речи Моисея Выдубицкого. М. К. Каргер, посвятивший специальное археологическое исследование собору Михайловского Всеволожа монастыря на Выдубичах, внимательно проанализировал все письменные свидетельства о монастыре, в том числе и Речь игумена Моисея, как исторические источники.¹⁷

Вплоть до недавнего времени Речь Моисея Выдубицкого оставалась одним из малоизученных памятников красноречия. Между тем любопытна и сама Речь, и обстановка ее произнесения. 24 сентября 1199 г., когда постройка подпорной стены была закончена, в монастырь приехал великий князь Рюрик Ростиславич, кюр Василий, со своей семьей: княгиней Анной и двумя сыновьями — Ростиславом и Владимиром, дочерью Передславой и снохой Верхуславой. Вначале Рюрик поставил кутью у иконы св. Михаила, произнес молитву, вспомнив и о словах Иоанна Златоуста («добра молитва, яже усты велми же паче маломощьми»). Затем устроил «пир не мал» и трапезу «с приготовлением», накормив монахов и чин церковный и одарив всех подарками. После обеда братия вознесла благодарственные молитвы богу и св. Михаилу, помолилась и о здравии князя. Затем игумен Моисей встал на новопостроенную стену («но на стѣнѣ твоего создания пою ти пѣснь...») и, обращаясь к князю, прочитал написанную заранее Речь («писание прими, аки даръ словесен»), начав ее такими словами: «Дивна днесь видиста очи наши...». Речь относится к типу эпидейктических приветственных речей, *προσφωνητικὸς λόγος*, по классификации Менандра.¹⁸ Это не полный, а частичный энкомий, так как главное внимание в нем уделяется воздаянию за поступки хвалимому лицу; при этом вопрос о его происхождении может быть изложен бегло, в общих чертах, биография же может быть и вовсе опущена. Цель Речи — возбудить у присутствующих радость по случаю сего торжества, а также восхвалить «несытого любовью о зданьих» князя Рюрика и косвенно прославить Выдубицкий монастырь.¹⁹

¹⁷ М. К. Каргер. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города, т. II. Памятники киевского зодчества X—XIII вв. М.—Л., 1961, стр. 291.

¹⁸ *Μεγαλόβροτος. Περὶ ἐπίδεικτικῶν*. — In: L. Spengel. *Rhetores Graeci*, vol. III. Lipsiae, 1894, pp. 414—418. Менандр — греческий ритор из Лаодикеи, второй половины III в. н. э., автор трактата «Об эпидейктическом красноречии», имевшем сильное влияние на христианских ораторов Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Григория Нисского, Василия Великого (см.: С. Bursian. *Der Rhetor Menandros und seine Schriften*. München, 1882; W. Nitsche. *Der Rhetor Menandros und die Scholien zu Demosthenes*. Berlin, 1883).

¹⁹ Любопытно, что имя построившего стену княжеского зодчего Петра Милонегга вовсе не было упомянуто в этой Речи. Зато в летописной похвале князю Рюрику, сочиненной тем же Моисеем в 1200 г., тот не скупится на похвалы зодчему: «Великий князь Рюрикъ потщавшася крѣпко паче праотецьскимъ стопамъ вослѣдовати трудолюбиемъ ко святому архистратигу Михаилу, прежде поминаемому монастырю, иже извѣсто всимъ богомудрымъ дѣломъ показа: изобразѣте бо подобна дѣлу и ходожника и во своихъ си приятелехъ имене Милонѣгъ, Петръ же по крещению, аки Моисѣй древле оного Веспѣвила, и приставника створи богоизволену дѣлу, и мастера не проста прежде написаныя стѣны; и тако яться зданию на тощю во соблюденіе честнаго храма, ни от кого же помощи требуя...» (ПСРА, т. II, изд. 2-е, стлб. 710—711; ср.: Ю. С. Асеев. *Петро Милонегг — видатний зодчий давньої Русі*. — *Вісник Академії архітектури УРСР*, Київ, 1950, № 3, стр. 38). Кроме этой постройки, князю Рюрику приписывается строительство следующих церквей: св. Михаила в Лучине (1172 г.), св. Апостолов в Белгороде (1197 г.), св. Василия на Новом дворе в Киеве (1198 г.), св. Василия в Овруче и, по-видимому, храма Пятницкого монастыря в Чернигове. См. комментарий Д. С. Лихачева — исторический и географический — к «Слову о полку Игореве» в кн.: *Слово о полку Игореве*. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л.,

Панегирики в средние века, как и во времена античности, были наиболее далеки от реальной жизни, так как по самой своей природе они не могли и не должны были соответствовать действительным фактам. Тем не менее они по-своему отражали эту жизнь. Так же обстояло дело и с Речью Моисея Выдубицкого: князь Рюрик изображался не таким, каким он был в действительности, а таким, каким проповедник захотел его запечатлеть в сознании современников. Ни оратор, ни слушатели не воспринимали все сказанное в похвале за «чистую монету», и потому приветственная и благодарственная Речь игумена Моисея, рассчитанная на художественное впечатление, может быть в полной мере отнесена к художественной ораторской прозе Киевской Руси. Моисей произнес свою Речь как бы на одном дыхании, вдохновляясь платонским витийством более, нежели риторскими правилами. Поэтому в ней так трудно выделить составные части. Однако условно можно было бы считать, что она состоит из: 1) вступления, в котором проповедник от имени монахов благодарит князя за бескорыстную помощь и благодеяния и сообщает, что дерзает начать свою Речь; 2) главной части, содержащей собственно похвалу князю Рюрику Ростиславичу; 3) заключения, в котором Моисей призывает «милость, щедроты и любовь отца, сына и святого духа», а также выражает надежду, что архистратиг Михаил будет хранить князя и его дом.

Основная мысль Речи — часто встречающийся в античной литературе и Священном писании *τοπος* — воздаяние за дела: доброе дело всегда вознаграждается. Источником своего творчества, своего логоса, Моисей объявляет не божественный логос, а добрые дела князя Рюрика. Вся витиеватая, произнесенная с большим пафосом Речь насыщена важнейшими для энкомия сравнениями, метафорическими уподоблениями, перерастающими в гиперболу. Так, уподобляя себя пророку, Моисей начинает свою Речь с заявления: нам открылось то, что от других было сокрыто, мы увидели и услышали то, что другие не могли увидеть и услышать, а именно то, что подводится стена под монастырскую церковь. Построение стены им приравнивается к чуду. Любовь и милость князя Рюрика, данные в «газь-фулакию бо княжения», сравниваются с двумя лептами, которые бедная вдовица пожертвовала в сокровищницу храма.²⁰ Утверждается, будто в княжение Рюрика сбылись пророческие слова Мефодия Патарского, ибо душа богомудрого князя подобна «малому нѣбу», т. е. малому обиталищу бога, которое всегда «повѣдает славу божию правостыю вѣры и словесы истѣнными, а дѣла добрыми!». Как небеса украшаются «свѣтlostью солнца и растѣнием луны, украшением звѣздъ» и тем славят творца, так и княжение Рюрика украсится «паче звѣздъ небѣсныхъ» «словесами честными», «дѣлами боголюбными», «державой самовластной». Слава его не только «в Руских концехъ вѣдома», но и народам, «сущимъ в морѣ далече». Справедливость своих слов Моисей Выдубицкий подкрепляет ссылками на высказывания ветхозаветного пророка и евангелиста. Похвала князю достигает апогея, когда Рюрик уподобляется пророку Моисею: как Моисей вывел израильский народ из египетской неволи, так и Рюрик вывел нас «из работы немилосердыя и от мрака скупости», причем русский народ здесь назван «новый сий Израиль», что, по мысли проповедника, должно подчеркнуть его богоизбранность.

Далее, продолжая похвалу, выдубицкий панегирист сравнивает себя с сестрой Моисея Мариам, которая стояла на берегу реки и пела песнь, как

1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 438; о строительной деятельности князя Рюрика Ростиславича см. также: Ю. С. Асеев. Архитектура Київської Русі. Київ, 1969, стр. 157—168.

²⁰ Еванг. Мрк. 12₄₂₋₄₄; Еванг. Лук. 21₂₋₁.

он теперь стоит на стене и тоже поет «пѣснь побѣдную». Перефразируя слова пророка Исайи, Моисей говорит о душах присутствующих как обновляющихся островах, а о князе — как Зоровавеле, сыне Салфила, обновившем Иерусалимский храм после возвращения евреев из вавилонского плена.²¹ Затем подробно раскрывается, в чем именно состоит «поновление» душ киевлян и их «насельников»: большое усердие и любовь «к архистратигу Михаилу», т. е. к главной церкви Выдубицкого монастыря, не только ради своего спасения, но главным образом ради чуда, к которому проповедник приравнивает постройку монастырской стены. Неподдельный восторг и умиление звучат в словах Моисея, когда он, стоя неподвижно на новопостроенной стене, зрит с высоты чудный вид на Днепр и впадает в экстаз: ему кажется, будто бы он достиг самого «аера», и он не в силах опуститься вниз со стены. Недаром люди с любовью похваляют «богомудрество» князя, заключает Моисей. А кто и не был на стене, так и тот радуется, не видя, но веруя в чудо, ибо это подтверждает и сам царь Соломон. Игумен находит здесь место и для пересказа народной молвы: согласно мнению одних, церковь архистратига Михаила на крутом берегу Днепра не развалилась от сползания земли в реку, а оказалась связанной золотым волосом с небесами; согласно мнению других, церковь сама стала двигаться от берега в сторону материка, в монастырь. Приравнивая князя Рюрика к чудотворцу, а его благодеяния — к чудотворению, Моисей говорит о всеобщем ожидании новых милостей и благодати от Рюрика, как от преподобного: «жажюще от тебе милости, якоже елень на источники водныя». Эти слова достойно венчают речь, призванную быть центром праздничного действия. Как видим, игумен Моисей мог рассчитывать на риторический эффект от своего выступления, обеспечиваемый всей совокупностью риторских средств, которыми Моисей, как опытный проповедник, вполне владел. Стилистическая манера выдубицкого панегириста может быть более или менее точно определена как приточно-иносказательная, ибо притча, *comparatio*, *параβολή* — излюбленный его прием.²² Еще в начале своей Речи, используя многозначность слова «притча» в древнеславянском языке,²³ Моисей сообщает, что он, вдохновленный делами князя и от них «притчю приобрѣтше»,²⁴ решается начать свое слово.

Еще Василий Великий в 12-й беседе на начало Книги притчей объявлял притчу-иносказание одним из лучших средств «уразумети правду истинную», не совращаясь «извитиями словес», «хитросплетениями и изысканным», ибо притчи превосходят «мудрость мудрых».²⁵ В греко-славянской христианской литературе приточная манера противостоит «извитию словес» (метафрастовскому стилю, стилю патриархов Каллиста и Филофея, стилю второго югославянского влияния) и «сказанию яве» (простому,

²¹ Ср., например: 1-я книга Ездры, гл. 3—6; 2-я книга Ездры, гл. 3—4.

²² См. определение притчи как фигуры в трактате «Георггии Хрѣсовска о образѣхъ»: «ка. Притча же єсть речь, подобными и вѣдомыми на прѣдъ очи приводяшти разумѣваемю, якоже и господня притча о блуднѣмъ сыну, въ неже показѣть многуж божижъ благоуж, ти како приходитъ къ кажштимъ ся» (Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Изданием С. Т. Морозова. СПб., 1880 (Изд. ОЛДП, т. LV), лл. 237—240).

²³ См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II (Л—П). СПб., 1902, столб. 1481—1483.

²⁴ Здесь слово «притча» употреблено в значении «случай, причина, повод», однако в контексте Речи проповедник намекает и на другое значение этого слова — «иносказание», что находит подтверждение в стилистическом строе его Речи и ее содержания.

²⁵ См.: Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, ч. IV. Изд. 3-е. Сергиев Посад, 1892, стр. 200, 179, 188—189.

неукрашенному стилю типа стилия поучений Луки Жидяты, архиепископа Ильи-Иоанна). В древнерусской литературе от XI до конца XIV в., т. е. до появления «плетения и извития словес» в славяно-русской литературе, притча была господствующим приемом художественного обобщения. К ней часто прибегали русские проповедники — неизвестные авторы похвальных «слов» Борису и Глебу, особенно «Слова о князьях», «Слова о чуде св. Климента Римского», а также Даниил Заточник и Кирилл Туровский.

Так, в «Слове о князьях» роль притчи играет рассказ о князе черниговском Давыде Святославиче, в «Слове о чуде св. Климента Римского» — легенда о пропавшем отроке у гробницы святого. В Речи Моисея притча — это сама история построения стены у церкви святого Михаила в Выдубичах, или, вернее, рассказ о впечатлении, которое произвело на Моисея и монастырскую братию построение новой стены. Во всех случаях проповедники ищут и находят в притчах сокровенный смысл, помогающий приоткрыть завесу над тайной реально происходящего. Проповедник из Десятинного клироса изъясняет притчу о Клименте так, что уподобляет новообращенных христиан (русских людей) спасенному отроку и благоволение римского мученика, пришедшего из Рима через Херсонес в Киев, распространяет на Русскую землю. Черниговский проповедник истолковывает притчу о князе Давыде Святославиче как наизидание нынешним князьям, которые враждуют между собой, забыв пример Бориса и Глеба, забыв заветы прародителей беречь единство Русской земли как зеницу ока. Так и выдубицкий игумен приравнивает в своей притче построение каменной стены у церкви св. Михаила к окончанию «работы немилосердья» и «мрака скупости» и к возвращению «золотых времен», сопровождающихся обновлением душ всех людей.

Знание притч и умение их истолковывать высоко ценилось в древней Руси. Философами обычно называли тех, кто умел исторически (для избранных) толковать Священное писание, как например Климент Смолятич.²⁶ А в Галицко-Волынской летописи так говорилось о князе Владимире Васильковиче: «Володимѣръ же бѣ разумѣя прятѣче и темно слово и повѣстивъ со епископомъ много от книгъ, зане бысть книжникъ великъ и фило[со]фъ, акого же не бысть во всей земли и ни по немъ не будетъ».²⁷ К этому же кругу книжников принадлежал и Моисей Выдубицкий.

М. С. Грушевский полагал, что Моисей подражал проповеднику из Десятинного клироса, произнесшему «Слово о чуде св. Климента Римского», так как оба проповедника используют одну и ту же притчу о двух лептах, пожертвованных в храм бедной вдовой. Однако эта притча читается в Евангелии, и, вероятно, оба проповедника независимо друг от друга обращаются к своему первоисточнику. Можно лишь сказать, что оба они продолжают линию торжественного красноречия, начатую Иларионом, так как все три проповедника (включая Илариона) говорят о Русской земле и ее князьях с гордостью и любовью, подчеркивая международный характер ее славы, богоизбранность русского народа и его властителей. Речь Моисея Выдубицкого продолжает традицию русских приветственных речей, сказанных по поводу завершения строительства каких-либо сооружений.

²⁶ В статье Е. Э. Гранстрем «Почему митрополита Климента Смолятича называли „философом“» (ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 20—28) высказывается мысль, что философом в древней Руси называли вообще образованных людей, «прошедших известную выучку, школу, или знакомых с византийской образованностью». Однако дело заключается не столько в самом образовании и наличии диплома Константинопольского университета, сколько в умении на деле показать свою образованность: исторически истолковывать Священное писание.

²⁷ ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стлб. 913.

Так, одним из поводов произнесения «Слова» Илариона было завершение пояса оборонительных укреплений вокруг Киева, которые проповедник сравнивает с венцом («... и славный градъ твой Киевъ величствомъ, яко вѣнцемъ, обложиль...»).²⁸ А «Слово о чуде св. Климента Римского» произнесено по поводу обновления Десятинного храма после перестройки или ремонта.²⁹

Прославление светских властителей Русской земли — князя Владимира и его сына Георгия у Илариона, князя Изяслава Ярославича у анонимного проповедника Десятинного клироса, князя Рюрика Ростиславича у Моисея — явилось одной из главных стержневых тем ораторского произведения. Но если у Илариона и анонимного проповедника панегирик был осложнен рядом других сопредельных тем (например, история закона-благодати как параллель истории иудейства—христианства, история жизни Климента Римского и его почитания), то у Моисея мы находим «однотемный» приветственный панегирик. Постройка стены княжеским зодчим лишь повод для восхваления добродетелей самого князя: боголюбия, «богомудрества», бескорыстия, праведности.

В произведении Моисея вовсе не находится места для изложения интересной биографии князя Рюрика, типичного представителя феодальной аристократии своего времени.³⁰ Читателя панегирика не должно было это интересовать, так как не входило в замысел панегириста. В 90-е годы XII в. в Киеве соправительствуют представители двух враждующих династий — Олеговичей (князь Святослав) и Мономашичей (князь Рюрик), и, хотя симпатии выдубицкого игумена на стороне Рюрика, он ни словом не обмолвился о славной родословной своего героя, правнука Владимира Мономаха, продолжателя дела прапрадеда Всеволода. О ней Моисей повествует в другом своем произведении — Похвале князю Рюрику Ростиславичу, читающейся в Киевской летописи под 1198 г.: «Сей же богомудрый князь Рюрикъ пятый бысть от того (т. е. от князя Всеволода Ярославича, основателя Выдубицкого монастыря, — Ю. Б.), якоже пишетъ о правѣднемъ Иевѣ от Аврама. Всеволодъ бо роди Володимера, Володимеръ же роди Мьстислава, Мьстислав же роди Ростислава, Ростислав же роди Рюрика и братью его...».³¹ В этой же летописной Похвале, — кстати сказать, построенной вполне в духе княжеских некрологических характеристик, — Моисей Выдубицкий прибегает к такому *τόπος*, когда дела хвалимого лица перечислялись не в хронологическом порядке, а согласно добродетелям, важнейшими из которых были мудролюбие, воздержание, целомудрие, кротость, правоверие, трудолюбие. Потому-то выдубицкий игумен и сравнивает Рюрика с Иосифом Прекрасным, пророком Моисеем, царем Давидом, Константином Великим, архистратигом Михаилом. Но более всего князь Рюрик восхваляется за то, что заложил каменную стену под церковью св. Михаила. Эта похвала входила в первоначальный текст написанной Моисеем летописной статьи 1198 г., где рассказывается о начале строительства стены. Другое дело Речь, написанная Моисеем для произнесения вслух перед князем Рюриком 24 сентября 1199 г. и не дублирую-

²⁸ См.: Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона, русского писателя XI в. — *Slavia*, гоѣ. XXVII, Praha, 1963, сеѣ. 2, стр. 168.

²⁹ Об этом мы написали подробнее в специальной статье «Русское Слово о чуде св. Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция» (в печати).

³⁰ Точную характеристику этому князю дал Д. С. Лихачев («Слово о полку Игореве»... стр. 438—439). Ценный исторический анализ деятельности князя Рюрика содержится в книгах Б. А. Рыбакова, см.: Б. А. Рыбаков. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр. 121—123, 286—292; 2) Русские летописцы... стр. 138—146.

³¹ ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стлб. 709.

щая энкомический материал летописной статьи. Однако ни первое, ни второе произведение выдубицкого игумена не содержит биографического материала. Нет его также у Илариона и у проповедника из Десятинного клироса. Ни один из трех проповедников не останавливается подробно на фактах биографий прославляемых лиц, как это требовалось в историческом жизнеописании, а ограничивается лишь приведением отдельных примеров из жизни героя, из которых наглядно проступают его добродетели. Не психологическое описание характера, мотивов поведения героя, а назидательная похвала стоит в центре их повествования. Так, Илариона не интересует биография князя Владимира, язычника. Он выполняет свою задачу, похвалив князя Владимира за его добродетели, уподобив праведное житие его житию Константина Великого. Иларион и заканчивает свое слово прямым обращением к мертвому князю как к живому: «Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего. . .».

Проповедник из Десятинного клироса не касается биографий Климента Римского и князя Изяслава Ярославича. Мы узнаем только, что Климент был сослан в Херсонес царем Траяном и совершил много чудес, обратив в христианство целую епархию, за что и принял мученический венец: с якорем на шее был утоплен в море. Панегириста более интересует дар чудотворения Климента, проявляющийся посмертно и оказывающий благотворное влияние на Русскую землю, куда были перенесены его мощи, на старейшинствующий среди городов русских град Киев, на старейший клирос Десятинного храма, на старейшего киевского святителя и на старейшего киевского князя, который, подражая своему праотцу князю Владимиру, обновил церковь.

Своеобразие Моисея Выдубицкого как проповедника проявляется в способе построения стилистического периода. Каждый новый период начинается с анафоры «Днесь. . .», например: «Дивна днесь видиста очи наши. . .», «Днѣсь бо сбывтѣ бысть божественныхъ словесъ. . .», «От днѣсь бо мнозии боголюбди. . .», «Днѣсь, по Исаи, понавляються острови. . .», «Днѣсь и множество вѣрныхъ. . .», «Днѣсь отъяшася отъ многоъ сердцець. . .», что создает впечатление живого обращения проповедника к слушателям, участникам празднования.

У Моисея мы не найдем полного Исократовского периода, характеризующегося симметрией и подобием колонов и семиколонов ритмом, а также музыкальностью речи. Его период, имеющий риторическое происхождение, употребляется и для противоположения мыслей (Antithesis), и для их изложения (Sententia), а заключительный период (Conclusio) имеет место в конце произведения.

Так, в первом периоде мы находим один риторический вопрос («что въздамы ти»), шесть противоположений с отрицательной частицей «не» и четыре с противительным союзом «но». Например: «Мнози бо преже насъ бывшеи и желаша видити, яже мы видѣм, и не видиша, и слышати не сподобишася . . . не токмо бо отъял еси уничижения наша, но и со славою приять ны». Во втором периоде — одно противопоставление: «не токмо и в Рускихъ концехъ вѣдома, но и сущимъ в морѣ далече». В третьем периоде также одно противопоставление: «не на брезѣ ставше, но на стѣнѣ твоего создания». В четвертом периоде — два противопоставления: «не токмо и ради спасения своего, но и новаго ради чудеси», «не видивше, но вѣрующе». В пятом периоде одно противопоставление: «овии бо глаголаху, яко златомъ власомъ поверзена есть церкви от небесе, и тѣмъже утвержена, а ови, яко поступаетъ церкви в монастырь». В шестом, заключительном периоде противопоставлений нет. Внутри периодов нет повторяющихся ритмико-синтагмических отрывков, речь Моисея течет плавно,

мерно, спокойно. Периоды эти длинные и не так архитектурны и не в такой мере амплифицированы, как периоды праздничных «слов» Кирилла Туровского. Но, кроме различия, между двумя ораторами имеется и сходство. Оно было замечено С. Т. Голубевым. Для иллюстрации своей мысли С. Т. Голубев приводил небольшие выдержки из «Слова в неделю цветоносия» Кирилла Туровского.³²

Рассуждения С. Т. Голубева можно было бы продолжить. Туровский проповедник строит свое праздничное «Слово в неделю цветоносия», заимствуя общую канву изложения из поучения Тита Бострийского «Яко неизмерима глубина. . .»,³³ а форму изложения — из «слова» Иоанна Златоуста «Отъ чудесь на чудеса господня грядемъ, братие. . .».³⁴ Мысли Тита Бострийского о ценности пророческих предсказаний и откровении как источнике познания находят отражение и в начале «Слова» Кирилла, и в Речи Моисея. Потому и стилистический период произведения Иоанна Златоуста, начинающийся с анафоры «днесь», имеет место и в проповеди туровского епископа, и в устном выступлении выдубицкого игумена. У Моисея, как и у Кирилла, в каждом стилистическом периоде часто употребляются противопоставления, сравнения, метафорические уподобления, иносказания, символы. Так, например, у Кирилла Туровского читаем: «Радость же нам, братье, днесь и веселье всему миру пришедшаго ради праздника, о немже пророческая писанья сбытъе прияша, творимаго ради вонь Христомъ знаменья.

Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим въходить, въсѣд на жребя осла, да пророчество Захарьино свершиться, иже рече о нем: „Радуйся зѣло, дщи Сионова! Се бо десарь твой грядеть кроток, всѣд на жребецъ ун. Се убо пророчество разумѣюще, веселимся“. Душа бо святых дщери горняго Ерусалима нарицаются; жребя же иже от языкъ вѣровавшие вонь людье, ихже, послав апостолы, отрѣши от лъсти дьяволя.

Днесь народи противу Иесуу изидоша, вайя в руках держаща и тѣмъ почестъ творяще. . .» и т. д.³⁵

Те из присутствующих на торжестве, кому были знакомы проповеди Кирилла Туровского, возможно, чувствовали созвучие Речи Моисея со «Словом в неделю цветоносия», но мысленная аналогия с творением мастиго проповедника отнюдь не снижала впечатления от сочинения скромного игумена. Напротив, вспоминалась светлая и радостная обстановка хорошо всем известного евангельского события — входа Иисуса Христа на ослика в Иерусалим, и это воспоминание не контрастировало с тем, что увидели и услышали киевляне 24 сентября 1199 г. в Выдубичах, на берегу Днепра. Основная мысль, которую каждый христианин должен был вынести из проповеди Кирилла, — подражать делам господа — находила аналогию в той мысли, которую возбуждала Речь Моисея — подражать делам князя Рюрика, героя нынешнего торжества.

Игумен Моисей выступает перед слушателями не только как ритор, но и как начитанный книжник, который хорошо знал Священное писание и умел пользоваться его текстами и образами.

Ему были знакомы также сочинения одного из наиболее известных противников Оригена — Мефодия Патарского, или Олимпского, епископа

³² С. Т. Голубев. Подбережная каменная стена. . ., стр. 100, прим. 1.

³³ Сборник. М., 1650, лл. 84 об.—87 об. Ср.: В. П. Виноградов. Уставные чтения, вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915, стр. 99—102.

³⁴ Сборник, лл. 89—90 об.

³⁵ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского, IV. — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 409.

второй половины III—начала IV в.³⁶ Моисей упоминает имя последнего, сообщая: «Днесъ бо сбытые бысть божественныхъ словесъ его, яже положилъ въ своихъ ему написаниихъ». О каких же именно предсказаниях Мефодия, которые якобы сбылись, здесь идет речь? «Откровение», или «Слово о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ», Псевдо-Мефодия Патарского было хорошо известно Сильвестру, редактору Повести временных лет. Летописецъ, сообщая под 1096 г. о своей беседе с новгородцем Гюрятой Роговичем о Югре и Печоре, разъясняет, что Югра и Печора — это нечестивые народы, запертые Александром Македонским в горном ущелье.³⁷ Моисей Выдубицкий, кстати сказать, пишущий имя Мефодия в той же форме, что и Киевский летописецъ («Мефедий»), вероятно, разделял обычное в летописи истолкование половцев как «сынов Измаила».³⁸ Но отождествлял ли он победителя половцев князя Рюрика Ростиславича³⁹ с легендарным победителем измайльтян — царем-ангелом Михаилом, неизвестно. Заметим, что именно с последним анонимный автор VIII в. связывает надежды христианских народов на сокрушение язычников и на возрождение христианского царства.⁴⁰

Однако отнюдь не эту картину «земного рая» метафорически переносил выдубицкий проповедник в родной ему Киев и Русскую землю. Нельзя не заметить известной близости рассуждений Моисея с подлинным «Словом» Мефодия Патарского «О пиявици, сущии въ Притчахъ, и о „небеса исповѣдаютъ славу божию, творение же руку его возвѣщаетъ твердь“» (нач.: «Цветень Христу плету вънець...»)⁴¹ Это сочинение адресовано

³⁶ О нем см.: Святой Мефодий, епископ Патарский. — Прибавления к творениям святых отцов, ч. XVI, М., 1857, стр. 158—209; Святой Мефодий, епископ и мученик, отец церкви III века. Полное собрание его творений, переведенных с греческого под ред. проф. Е. Ловягина. Изд. 2-е. СПб., 1905; J. P. Migne. Patrologia cursus completus, ser. gr., t. XVIII. Paris, 1857, col. 10—408; G. N. Bonwetsch. Die griechischen christlichen Schriftsteller, t. 27. Leipzig, 1917; A. Vaillant. Patrologia orientalis, t. 22, fasc. 5. Paris, 1930; J. Quasten. Patrology, vol. II. The ante-nicean literature after Irenaeus. Utrecht—Antwerp—Westminster, 1964, pp. 129—137.

³⁷ Повесть временных лет, ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 167—168.

³⁸ Сообщения под 1093, 1096 гг. (см.: Повесть временных лет, ч. 1, стр. 146, 152—153).

³⁹ В 1183 г. князь Рюрик вместе с братом своим Давыдом и великим князем Святославом наголову разбил половцев на реке Орели (ПСРЛ, т. II, изд. 2-е, стлб. 630—633), а в 1185 г. — Кончака на реке Хороле (там же, стлб. 634—635). Это к нему и его брату Давыду обратился автор «Слова о полку Игореве» со следующими словами:

Ты буй Рюриче и Давыде!
 Не ваю ли вои
     злаченными шелома по крови плаваша?
 Не ваю ли храбрая дружина
     рыкают акы тури,
     ранены саблями калеными
     на полъ незнаемъ?
 Вступита, господина, въ злата стремянь
     за обиду сего времени,
     за землю Рускую,
     за раны Игоревы,
     бугею Святъславича!

(Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 22).

⁴⁰ В. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследование и тексты. М., 1897, Тексты, стр. 124.

⁴¹ Греческий текст этого сочинения Мефодия не найден в рукописях. Зато оно встречается во многих русских сборниках XVI—XVII вв. (см., например: ГИМ, Сино-

некому Евстохию. Оно представляет собою философское истолкование рассказов из Книги притчей Соломоновых о пиявице («Пиявица имѣ три дщери, любовию возлюблены, и три сия не насытишася ея, и четвертая не удовлися реши, довольно ли есть; ад и похоть жены, и земля ненапоеная водою, и вода, и огонь не рекутъ: довлѣтъ» — Кн. пр. 30¹⁵) и из Псалтыри («Небеса повѣдаютъ славу божию, творение же руку его возвѣщаетъ твердь. День дни отрыгаетъ глаголь, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ» и т. д. — Пс. 182-3). В толковании Мефодия большие небеса — это обиталище ангелов, малые небеса — обиталище праведников, твердь — церковь, день — время по пришествии Христа, ночь — времена Ветхого Завета. Согласно концепции олимпского епископа, бог — это творец, художник, который принял человеческий образ, для того чтобы человек мог лучше ему подражать. Он создал и небо, и землю, и солнце, и месяц, и звезды на украшение вселенной и на удивление людям, которые должны за это славить своего творца. Отсюда лучшее служение Христу — это «цвѣтень вѣнецъ», сплетенный из цветов мудрости, с помощью евангельских и пророческих словес. Постижение мудрости через истолкование притчей и добрые дела (а не внешнее благочестие!) Мефодий объявляет путем к спасению и в заключение своего сочинения умоляет святую троицу очистить сердце, чтобы оно стало жилищем святого духа. В этой концепции заключается ключ к пониманию существа Речи выдубицкого игумена. Сходство между двумя произведениями особенно заметно в следующем отрывке:

«Слово» Мефодия Патарского

Мало небо есть мудраго душа всюду в себѣ имущи мысли свѣтлы, разумы истинны, дѣлеса свѣтлиа, якоже прославити ся богу, ими многы же убо право вѣрѣшиа сего обрѣсти разумы да сказуютъ.⁴²

Речь Моисея Выдубицкого

Малое нѣбо богомудраго душа, вонну повѣдаючи славу божию правостою вѣры и словесы истѣнными, и дѣла добрыми.

Моисей строит далее всю свою Речь на разработке этой мысли Мефодия Патарского, основываясь на следующей концепции: люди, руководимые мудростью, которую с помощью притч им сообщили пророки, творят добрые дела и тем самым спасаются. Таковыми людьми представляются нам Евстохий, адресат послания Мефодия Патарского, и князь Рюрик Ростиславич, к которому обращена Речь Моисея Выдубицкого. Последняя идейно сходится со «Словом» Мефодия Патарского. Но имеются и общие места, например *τῆπος* — «Природа славит своего творца». В обоих произведениях мы читаем:

«Слово» Мефодия Патарского

По смѣрению сущих на небесе солнцу и месяцю и звѣздамъ, яко и Мойсий почюдився и помыслив, еда людие прѣспѣшныя дѣла доброты бога я наре-

Речь Моисея Выдубицкого

Небеса безсловесное ествоство суще и сочювьствено, и самовластно, но точью свѣтлостию солнца и растѣниемъ луны, украшениемъ звѣздъ, и непременно хра-

дальное собр., № 110/496, лл. 252 об.—265; ГПБ, Q.I.265, лл. 204—215 об.; ГБЛ, собр. МДА, № 40, лл. 126 об.—133; ГБЛ, собр. МДА, № 41, лл. 146—153 об.; ГАЯО (Гос. архив Ярославской обл.), собр. рукописей, № 457 (43) и мн. др.). Подробнее см.: М. Чуб. Извлечение из славянского сборника творений св. священномученика Мефодия. — В кн.: Богословские труды. Сборник второй. М., 1961, стр. 149. Н. Бонветш издал текст «Слова» в переводе на немецкий язык по Синодальной рукописи № 110/496 (см.: N. Bonwetsch. Methodius von Olympus, Bd. I. Schriften. Erlangen—Leipzig, 1891, SS. 330—339), а М. Чуб — в переводе на русский язык по рукописи ГПБ, Q.I.265 (см.: М. Чуб. Извлечение из славянского сборника творений св. священномученика Мефодия, стр. 184—190). Мы будем цитировать текст древнеславянского перевода «Слова о пиявице...» по Синодальной рукописи

⁴² ГИМ, Синодальное собр., № 496, л. 261 об.

куть, взрѣвъ на небо, рече: «И видѣх солнце и мѣсяць, и звѣзды, и все небесное украшение, не мѣзѣте прѣльстившеся поклонити имъ, яже пода странамъ богъ, а вамъ не тако». Сицим же убо сущемъ на небеси чудесемъ сего дела, рече: «Сходящимъ в море корабли и творящимъ дѣлеса въ водахъ многихъ видѣти чудеса господнѣ...». Славу божию исповѣдати небесемъ пророкъ от лица святаго въпрашати...»⁴³ и т. д.

ныше уставы временемъ владычня повеления повѣдають славу его, якоже всимъ добрѣ смотрящимъ творца о томъ похвалити добраго ради уряжения.

Этот же τόπος, названный Э. Р. Курциусом *Naturanrufung*,⁴⁴ мы находим в болгарском «Шестоднев» Иоанна Экзарха и в русских произведениях — «Поучении» Владимира Мономаха, «Слове» Кирилла Туровского «на 2-ю неделю по пасхе», «Слове о полку Игореве», «Слове о погибели Русской земли».⁴⁵

Подробное исследование условий бытования и художественной функции этого топоса в греко-славянских литературах могло бы представить специальный интерес. А пока отметим, что Речь Моисея находится в русле этой большой традиции. Вместе с тем Речь выдубицкого игумена в чем-то и противостоит этой большой традиции, нарушает ее. Это прежде всего использование конкретной русской исторической темы — окончания строительства монастырской стены; проповедник вынужден был упростить обычную схему *προσφωνητικός λόγος*. Здесь нет сложной символики, связанной с посвящением стены архистратигу Михаилу; лишь в конце имеется намек на крылатого архангела, крылом своим покрывающего и оберегающего посвященный ему Выдубицкий монастырь. Нет здесь сложных и пространных ритмико-синтаксических конструкций и долгих стилистических периодов, утяжеляющих изложение. Отсутствуют и сложные аллегорические образы и картины, уводящие читателя в сторону от исторической действительности. Русский оратор, как видим, выступает не как подражатель, не как литературный ремесленник, следующий греко-славянским шаблонам, а как писатель, ищущий новые способы для выражения русского национального самосознания в жанре эпидейктического красноречия. Может быть, он знал и греческий язык и мог обращаться к своим источникам в подлинниках. По всей вероятности, выдубицкий игумен хорошо был знаком и с историей Зоровавеля, сына Салфиила, из 1-й и 2-й книг Ездры. Трудно установить, откуда именно проповедник узнал эту историю: из Хроники Амртола или из исторических компиляций, а может быть, он воспользовался отдельным произведением, имев-

⁴³ Там же, лл. 258—258 об., 260 об.

⁴⁴ E. R. Curtius. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. 6. Auflage. Bern—München, 1967, SS. 101—104.

⁴⁵ См.: Д. С. Лихачев. 1) «Шестоднев» Иоанна Экзарха и «Поучение» Владимира Мономаха. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь проф. Б. А. Ларина. Л., 1963, стр. 187—190; 2) «Слово о погибели Русской земли» и «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. — В кн.: Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию М. П. Алексеева. М.—Л., 1966, стр. 92—96; М. И. Сухомлинов. О сочинениях Кирилла Туровского. — В кн.: Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. Памятники словесности, вып. I. СПб., 1858, стр. XXXII—XLII; А. Н. Никольская. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе. (Несколько описаний весны). — СОРЯС, т. СІ, № 3, Л., 1928, стр. 433—439; В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 41—45; Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Изд. 2-е. М.—Л., 1955, стр. 130—135; Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, стр. 47, 94—95.

шим хождение в древнерусской письменности под названием «Слово блаженнаго Зоровавеля». ⁴⁶ Сопоставление князя Рюрика с Зоровавелем, сумевшим умною речью о женах пленить царя персов Дария и вымолить у того разрешение на восстановление Иерусалима и главного иудейского храма, было не случайным, оно носило характер художественного обобщения. Русский панегирист, по всей вероятности, хотел подчеркнуть необыкновенную мудрость своего героя и величие его деяний. Находились ли все эти сочинения в библиотеке Выдубицкого монастыря, трудно сказать, так как следов ее не сохранилось. ⁴⁷

Итак, мы находим, что Речь Моисея Выдубицкого продолжает традицию киевского торжественного красноречия XI—XII вв., по-своему развивая ее. Она соединяет панегирическую (приветственную) речь и профетическое начало, идущее от Мефодия Патарского и Кирилла Туровского, с историзмом русской национальной проповеди. Панегирик выдубицкого игумена стал лебединой песней торжественного красноречия киевской поры: киевское красноречие исчезает, и лишь в начале XV в. Григорий Цамблак своими проповедями пытался напомнить былую славу риторов древнего Киева.

В приложении мы воспроизводим текст Речи Моисея Выдубицкого по Ипатьевскому списку с исправлениями по Хлебниковской, Погодинской и Ермолаевской рукописям.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Речь Моисея Выдубицкого. (Реконструкция текста)

В качестве основного списка для реконструкции текста Речи нами взят Ипатьевский список XV в. (БАН, 16.4.4, лл. 244—245 об.), и потому мы придерживаемся в основном орфографических норм этого списка. Для исправления отдельных искажений, восполнения пропусков и восстановления первоначальных чтений мы привлекаем три списка: ГПБ, Ф. IV. 230, лл. 302—303 (X); ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1401, лл. 168—169 об. (П); ГПБ, Ф. IV. 231, лл. 219 об.—220 об. (Е).

Дивна днесь видиста очи наши! Мнози бо преже насъ бывшеи и¹ желаша² видити, яже мы видѣм,³ и не видиша,⁴ и слышати не сподобишася, яже богъ намъ дарова твоимъ княжениемъ: не токмо бо⁵ отъяль еси уничижения наша, но и со славою приять ны, поставивъ⁶ на пространѣ нозѣ рабъ твоихъ. Мы же, смирения, что въздамы⁷ ти противу благодѣянню ти, яже твориши и створилъ еси к намъ? И самъ бо имъ не трѣбуеши, но точию въздыхания и молитвы и о здравьи и о спасеньи твоимъ. Богъ же милости воздасть ти противу трудом ти мзду и архистратигъ Михаилъ, емуже еси послужилъ не лестно, но о Христъ, державно милосердуяй о всѣх по обычаю ти благому, и наша грубости писание прими, акы даръ словесен⁸ на похваление добродѣтелей во газѣфулакию бо княже-

⁴⁶ См. эту повесть в одной рукописи XVI в.: ГПБ, Софийское собр., № 1462, лл. 119—124.

⁴⁷ См.: Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. II. М., 1896, стр. 252—253; В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киеве 30 мая—10 июня 1915 г. с приложением описания древних рукописей и старопечатных книг Киево-Выдубицкого монастыря. Киев, 1916, стр. 177—197.

¹ Доб. по ХПЕ. ² Испр. по Е, в ркп. желаше. ³ Испр. по ХПЕ, в ркп. видихомъ. ⁴ Испр. по ХП, в ркп. вѣдѣша. ⁵ Испр. по ХПЕ, в ркп. ибо. ⁶ Испр. по ХПЕ, в ркп. постави. ⁷ Испр. по ХП, в ркп. воздамъ. ⁸ Испр. по ХПЕ, в ркп. слевесень.

ния твоего любовь и хотѣнье ввергъше, акы вдовица ^а она двѣ мѣдницѣ, * и ⁹ прочее на милость твою надѣющесе, слову ятися о господѣ дерзаемъ, и тоже не от скудости нашего нищетоумья, но от дѣлъ твоихъ притчу ¹⁰ приобрѣтше и со преподобнымъ Мефедьемъ глаголемъ. ⁶ Днѣсь бо сбытѣ бысть ¹¹ божественныхъ словесъ его, яже положил ¹² въ своихъ ему написаниихъ, вѣщая: «Малое нѣбо богомудраго душа, воину повѣдающа славу божию правостыю вѣры и словеса истѣннымима, и дѣла добрыми!». Небеса безсловесное естество суще и истовьствено, и самовластно, но точыю свѣтлостыю солнца и растѣниемъ луны, украшениемъ звѣздъ, и непременно храняще уставы временемъ владычня повеления повѣдають славу его, якоже всимъ добрѣ смотрящимъ творца ^а о томъ похвалити добраго ради уряжения. Здѣ же преболе нам ¹³ того о тебе ⁷ являеться: словеса бо честна и дѣла боголюбна, ¹⁴ и держава самовластна, ко богу изваяна ¹⁵ славою паче звѣздъ небѣсныхъ, не токмо и в Рускихъ концехъ ⁴ вѣдома, но и сущимъ в морѣ далече; во всю бо земли изиидоша, по пророку: «Богомирная словеса твоя ¹⁶ и в конецъ вселенныя ¹⁷ христолюбная ¹⁸ твоя ¹⁹ дѣла, имиже о всехъ владыка твой славиться». Да видѣше бо, — вѣща еуангелистѣ, — дѣла ваша добрая. прославять отца вашего, иже есть на небесѣхъ».***

От днѣсь ²⁰ бо мнозии боголюбци познаются, без лѣности теши во слѣдъ тебе, ревнующе, обрѣтше тя проводника, яко Моисѣа новый сий Израиль ^е изводящаго из работы немилосердья и от мрака скупости.

Отсель бо не на брезѣ ставше, но на стѣнѣ твоего создания, пою ти пѣснь побѣдную, акы Мариамъ древле.

Днѣсь, по Исаи, понавляються острови,*** а рекут, ²¹ праведныхъ душа, видяще поновление честного храма господня утвержениемъ твоимъ о господѣ, * яко и при Зоровавели, ²² свобожъшеися от Вавилоньска нечаяния.****

Днѣсь и множество вѣрныхъ кыянъ и населници ихъ болше потщание и любовь ко архистратигу господню имѣти начинаютъ ^а не токмо и ради спасения своего, но и новаго ради чудеси, иже во дни царства твоего свѣршися, утвержающе бо непостыжно нозѣ свои на удобренемъ ти зданьи, и очима си любезно смотрящи, отвсюду веселие души привлекаше, ⁴ и мнятѣся, яко аера достигше, и тако любовью едва отходятъ, похваляюще богомудрество твое. Блажени, иже не видивше, но вѣрующе, радуются, якоже вѣща Соломонъ: «Похваляему праведному веселяться людемъ».*****

Днесь отъяшася ²³ отъ многъ сердцець помышления суетьна и глаголи маловѣрнии: овии бо глаголаху, яко златомъ власомъ поверзена естъ

* Ср. Еванг. Мрк. 12₄₂₋₄₄, Еванг. Лук. 21₂₋₄. ** Еванг. Матф. 5₁₈. *** Книга пр. Исайи, 41. **** 1-я книга Ездры, гл. 3—6; 2-я книга Ездры, гл. 3—4. ***** Книга Пр. Соф. 29₂.

^а Буква ц переправлена из ч. ^б Буква г переправлена из другой. ^в Буква д переправлена из ч. ^г Буква б переправлена из в. ^д Буква ц переправлена из ч. ^е Буква р переправлена из д. ^ж Буква г переправлена из б. ^з Буква ю переправлена из е. ⁴ Буква щ переправлена из ш.

⁹ Доб. по ХПЕ, в ркп. нет. ¹⁰ Испр. по ХПЕ, в ркп. притчу. ¹¹ Доб. по ХПЕ, в ркп. нет. ¹² Испр. по ХПЕ, в ркп. положи. ¹³ Испр. по ХПЕ, в ркп. на томъ. ¹⁴ Испр. по ХП, в ркп. благолюбна. ¹⁵ Испр. по ХПЕ, в ркп. изваяная. ¹⁶⁻¹⁷ Доб. по ХПЕ, в ркп. нет. ¹⁸ Испр. по ХП, в ркп. христолюбивная. ¹⁹ Доб. по ХПЕ, в ркп. нет. ²⁰ Испр., в ркп. днѣ, ср. ХП днѣс. ²¹ Испр. по ХПЕ, в ркп. реку. ²² Испр. по ХПЕ, в ркп. Зовавели. ²³ Испр. по Е, в ркп. отшася.

церкви от небесе и тѣмъже утвержена, а ови, яко поступаеть церкви в монастырь, инако же мнози — и ни от единѣхъ же бѣ помощи истѣнны утѣшению, дондеже приде, емуже щадено бысть: благодать и милость во преподобныхъ его.

Еще же и мы долъжнии ти молитвеницы, нашъ присный господине, единомыслено суще ко избраньному сему мѣсту, надѣмся²⁴ не забытно познани быти,²⁵ жажюще от тебе милости, якоже елень на источники водныя. И богъ милости и отецъ щедротамъ и любы единочадаго сына его и причастье святаго духа да будетъ съ царствомъ твоимъ купно²⁶ съ любыми твою, и архистратигъ Михаилъ и покрывая²⁷ и храня кровомъ крилу твою, нынѣ и присно и въ будущия вѣкы. Аминь.

²⁴⁻²⁵ Испр. по ХПЕ, в ркп. не забыти. ²⁶ Испр. по ХПЕ, в ркп. купь.

²⁷ Испр. по Е, в ркп. покрывай.

Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи

Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, рукописи 1377 г.,¹ позволил нам обнаружить, что изготовители рукописи заменяли ее уже написанные листы 153—164, причем некоторые из этих листов, по-видимому, не один раз. Эти рамки плотно охватывают в летописи все известия о завоевании Руси татаро-монголами: на лицевой стороне л. 153 находится первая запись о татарах («Явишася языци, их же никто же добръ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша...»), на оборотной стороне этого листа — рассказ о битве на Калке (1223 г.), а на обороте л. 164 — последние известия о военных действиях татар на Руси (1240 г.) («Взяша Киев Татарове...»)² Кроме того, лист 167, тоже не первоначальный в кодексе, содержит рассказ о восстании против «бесурмен» в 1262 г. в Ростово-Суздальской земле. Ясно, что переделки в рукописи связаны именно с татарской темой.

Основное внимание переделывателей (речь может идти о главном писце, «мнихе» Лаврентии, и о владельце почерка, вторгающемся в трех местах — на лл. 157, 161 и 167 — в почерк Лаврентия) было сосредоточено, как показывают оставленные ими «следы», в промежутке между 158-м и 164-м листами. И именно в этих пределах — на лл. 159 об. — 164 об. — мы находим связанное, непрерывное повествование о трагических событиях 1237—1239 гг. — повесть о Батыевом нашествии на Русь (особого заголовка в летописи у нее нет; нач.: «Того же лѣта на зиму придоша от восточныѣ страны на Рязанскую землю лѣсом безбожнии Татари»). Очевидно, эта повесть Лаврентьевской летописи — произведение в какой-то мере писцов 1377 г. Но насколько и в чем работа писцов была творческой?

1

На необычайно большую насыщенность повести о Батыевой рати в Лаврентьевской летописи заимствованиями из предшествующей части летописного повествования обратил внимание В. Л. Комарович.³ Действи-

¹ См. мою статью «Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи» в кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*, т. IV. Л., 1972, стр. 77—104. Тезисы этой работы см.: *Конференция по вопросам археологии и изучения древних рукописей. Тезисы докладов*. Тбилиси, 1969, стр. 49—50.

² В издании Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2-е, Л., 1927) листы 153—164 соответствуют столбцам 445—470.

³ См.: *История русской литературы*, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 90—93. См. также: В. Л. Комарович. *Древнерусское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора*. — *Архив ИРЛИ*, р. I, оп. 12, № 388 (машинопись).

тельно, эта особенность резко выделяет текст повести из окружающей ее среды. Вне ее пределов, на протяжении остальных 170 листов летописи, удается заметить не более полутора десятков несомненных повторений периодов, фраз или оборотов.⁴ На шести же занимаемых повестью листах оказывается тридцать три разновеликих вкрапления. В целом эта мозаика составляет примерно треть объема повести. Покажу все эти случаи.

1. В самом начале повести для описания разгрома татарами Рязанского княжества использовано описание разгрома византийских побережий в 941 г. дружиной князя Игоря:

Л. 10 (941 г.)

...и почаша воевати Вифаньския страны и воеваху⁵ по Понту до⁶ Аркълѣя, и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣннше и Суд весь пожгоша; их же емше овѣх растинаху, другия аки страну поставляюще и стрѣляху в ня, изимахуть, опаки рудѣ съвязывахуть, гвозди желѣзные посреди главы вѣбивахуть их; много же святых церкви огнем⁷ предаша, монастыре и села пожгоша, и имѣнья немало обою страну взяша. Потом же пришедшем воем от вѣстока...

Л. 159 об. (1237 г.)

...и почаша воевати Рязаньскую землю, и плѣноваху и до Проньска, поплѣнивше Рязань весь и пожгоша и князя их убиша; их же емше овы растинахуть, другия же стрѣлами растрѣляху в ня, а ины опаки рудѣ съвязывахуть; много же святых церкви огневи предаша, и монастырь и села пожгоша, имѣнья немало обою страну взяша; потом поидоша на Коломну.

2. Второй раз прибегает автор-редактор к тому же самому источнику, чтобы рассказать о разорении Москвы: «а град и церкви святыя огневи предаша и монастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья вѣземше отидоша» (л. 160).

3. В уста владимирских княжичей Всеволода и Мстислава вложены отрывки из статей 1185, 1186 и 1093 гг.:⁸

Л. 133 (1185 г.)

...се же ся здѣя грѣх ради наших (...) се же наведе на ны бог...

Л. 134 об. (1186 г.)

...не вѣдуще глаголемаго пророком: нѣсть человеку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу господеву (Исайя, X, 14).

Л. 160 об. (1237 г.)

...си вся наведе на ны бог грѣх ради наших. Яко пророк глаголет: нѣсть человеку мудрости, ни е(сть) мужства, ни есть думы противу господеву. Яко господеву годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя господне благословено в вѣкы...

Л. 74 об. (1093 г.)

Яко господеву любо бысть, тако и бысть. Буди имя господне благословено в вѣкы... (Иов, I, 21—22).

⁴ Заимствования эти (часть из них я обнаружил сам, часть любезно указал мне О. В. Творогов) сделаны из текста летописи начиная со статьи 1015 г. и кончая статьёй 1185 г. и внесены в текст начиная с 1177 г. и кончая 1218 г. Распределение их таково: 1177 г.—3 заимствования (из статей 1015, 1093 и 1096 гг.), 1178 г.—1 (из 1068 г.), 1185 г.—4 (из 1089 и 1091, 1092 и 1096, 1093, 1103 гг.), 1186 г.—1 (из 1185 г.), 1187 г.—2 (из 1186 г. и из 1185 г.—то же, что и в статье предыдущего года), 1206 г.—1 (из 1175 г.), 1218 г.—1 (из 1125 г.). Заимствованы почти исключительно «абстрактные» периоды—рассуждения о высшем промысле, цитаты из Священного писания и литургических произведений. Характер заимствований в повести о Батьевой рати иной: там из готовых кусочков, как это будет ниже показано, сотканы все главные конкретные описания.

⁵ В Радзивилловском (далее: Р) и Академическом (далее: А) списках «пленоваху».

⁶ РА «и до».

⁷ А «огневи».

⁸ За указание этих параллелей благодарю В. А. Кучкина.

4. Для непосредственно за этим следующего описания разорения татарами Суздальской земли используются слова рассказа о половецком набеге на Киев в 1203 г.:

Лл. 141 об.—142 (1203 г.)

... створися велико зло в Русѣи земли, якоже зло не было от крещенья над Киевом (...) Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша, и митрополю святыю Софью разграбиша, и Десятинную святыю Богородицю разграбиша...

Л. 238 Р (1203 г.)

... черныци и черници старья иссекоша, и попы старые и слепыя и хромая, и слукыя, и трудоватыя — та вся иссекоша, а что черныцов инѣх и черниц инѣх и попов и попадеи, и Кияны, и дщери их, и сыны их — то все ведоша иноплеменици в вежи к себѣ...

Л. 160 об. (1237 г.)

... створися велико зло в Суждальской земли, якоже зло не было ни от крещенья, якоже бысть нынѣ (...) взяша Суждаль и святу Богородицю разграбиша, и двор княжь огнем пожгоша, и монастырь святого Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша. А черныци и черницы старья и попы и слѣпыя и хромыя и слукыя и трудоватыя и люди всѣ иссекоша, а что чернецъ уных и черницъ, и попов, и попадни и дяконы, и жены их, и дщери, и сыны их, то все ведоша в станы своѣ...

5. Сообщение о горестных чувствах владимирцев и последующие рассуждения заимствованы из статьи 1093 г., где тоже повествуется о половецком набеге:

Л. 74 (1093 г.)

... бысть плачь (велик)⁹ в градѣ, а не радость, грѣх ради наших великих и неправды, за умноженье безаконий наших. Се бо на ны бог попусти поганым не яко милоу их, но нас кажа, да быхом ся востягнули от злых дѣл, симь казнить ны нахоженьемъ поганых, се бо есть батога его, да негли встягнувшеся вспомянемся от злаго пути своего. Сего ради в праздники бог нам наводитъ сѣтованье, якоже ся створи (...) Сего ради пророк глаголаше: преложю праздники ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье.

Лл. 160 об.—161 (1237 г.)

... бысть плачь велик в градѣ, а не радость, грѣх ради наших и неправды, за умноженье безаконий наших. Попуститъ бог поганыя не акы милоу их, но нас кажа, да быхом встягнулися от злых дѣл; и сими казнми казнить нас бог нахоженьемъ поганых, се бо есть батога его, да негли встягнувшеся от пути своего злаго. Сего ради в праздники нам наводитъ бог сѣтованье, якоже пророк глаголаше: преложю праздники ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье.

6. Описание разгрома взятого татарами Владимира — это описание разгрома половцами Киева в 1203 г.:

Л. 142 (1203 г.)

... святыю Богородицю разграбиша и монастыри всѣ, и иконы одраша, а иныѣ поимаша, и кресты честныя и ссуды священия и книги и порты блаженных первых князьи, еже бяху повѣшали в церквах святых на память собѣ, то положиша все...

Л. 238 Р (1203 г.)

... собѣ в полон, якоже глаголетъ пророк Давид: Боже, придоша языци в достояние твое и оскверниша церковь святую твою, положиша Иярусалима яко овощное хранилище, положиша трупи раб твоих брашно птицам небесным, плоть преподобных твоих звѣремъ земным, пролияша кровь их акы воду.

Л. 161 (1237 г.)

... святыю Богородицю разграбиша, чюдную икону одраша украшену златом и серебром и камениемъ драгим, и монастырь всѣ и иконы одраша, а иныѣ иссекоша, а ины поимаша и кресты честныя, и ссуды священия, и книги одраша, и порты блаженных первых князьи, еже бяху повѣшали в церквах святых на память собѣ, то же все положиша собѣ в полон, яко пророк глаголет: Боже придоша языци в достояние твое, оскверниша церковь святую твою, положиша Иер(уса)л(и)ма яко овощное хранилище, положиша трупя раб твоих брашно птицам небесным, плоть преподобных твоих звѣремъ земным, пролияша кровь их акы воду.

7. Рассуждения летописца о причинах и смысле бедствий вновь заимствованы из статьи 1093 г.:

⁹ Восстановлено по РА.

Л. 74 об. (1093 г.)

...яко на христьянскѣ родѣ страх и колѣбанье (и)¹⁰ бѣда упространиса (...), согрѣшихом и¹¹ казними есмы (...), яко же ны видѣти¹² неправо пребывающа, нанесе нам сущюю рать и скорбь, да (и)¹³ не хотяще всяко в будущи вѣк обрящем милость, душа бо сдѣ казнами всяко милость в будущи вѣк обрящет и лготу от мук, не мстити бо господь дважды о том. О неиздреченному чело- веколюбью...

Л. 75 (1093 г.)

...се бо аз грѣшныи и¹⁴ много и часто бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни.

8. Сборным из отрывков статей 1015 и 1206 гг. является пассаж, показывающий благочестие великого князя Юрия Всеволодича; его молитвы совпадают с молитвами Бориса и Глеба. Сравним:

Л. 46 об. (1015 г.)

Се слышав, Глѣб възпи велми с слезами, плачяся по отци, паче же по братѣ...¹⁵

Л. 143 (1206 г.)

(Княгиня Мария Всеволожая) новый Иов явльшися вѣрою и терпѣнем... И Данил рече: свѣт мой годѣ ти буди...

Л. 46 об. (1015 г.)

(Глеб) и нача молитися с слезами, глаголя: Увы мнѣ, господи, лучше бы ми умрети с братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь... Нынѣ же что ради остах аз един? ...И сице ему молящюся с слезами, и внезапно придоша послании от Святополка...

Л. 45 об. (1015 г.)

(Борис:) Господи, услыши молитву мою и не вниди в суд с рабом своим, яко не оправдится пред тобою всяк живой, яко погна враг душу мою... Господи боже мой, на тя уповах, и спаси мя и от всѣх гонящих избави мя.

9. Из той же статьи 1015 г. взята за образец фраза для сообщения о смерти князя Василька Константиновича:^{15a}

Л. 47 (1015 г.)

Глѣбу же убьену бывшую и повержену на брезѣ...

Л. 161 об. (1237 г.)

...яко на христьянскѣ родѣ страж и колѣбанье и бѣда упространиса; согрѣшихом казними есмы, яко же ны видѣти бѣдно пребывающа. И се нам сущюю радость скорбь, да и не хотяще всяк в будущи вѣк обрящем милость, душа бо сдѣ казнами всяко в будущи суд милость обрящет и лгнню от муки. О неиздреченному ти чело- веколюбью! И тако подобаеть благому Владыцѣ казати. И се бо и аз грѣшныи много и часто бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни.

Л. 162 (1237 г.)

Он же, се слышав, възпи гласомъ великым со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ христьянскѣй, преже и на(и)паче о церкви...

...рек: Господи, се ли бы годѣ твоему милосердью? Новый Иов бысть терпѣнем и вѣрою яже к богу. И нача молитися, глаголя: Увы мнѣ, господи, лучше бы ми умрети нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остах аз един? И сице ему молящюся со слезами, и се внезапно поидоша Татарове. Он же, отложив всю печаль, глаголя: Господи, услыши молитву мою и не вниди в суд с рабом своим, яко не оправдится пред тобою всяк живой, яко погна враг душу мою. И пакы второе помолися: Господи боже мой, на тя уповах, и спас(и) мя и от всѣх гонящих избави мя.

Л. 162 об. (1237 г.)

И се рек абье без милости убьен бысть. И повержену на лѣсѣ...

¹⁰ Восстановлено по *РА*.

¹¹ *РА* нет «и».

¹² *А* «видите».

¹³ Восстановлено по *РА*.

¹⁴ *РА* нет «и».

¹⁵ Эту параллель, мною не замеченную, я заимствую из работы: В. Л. Комарович Древнерусское областное летописание. ..., стр. 205.

^{15a} За указание этой параллели благодарю В. А. Кучкина.

10. Для нижеследующего описания похорон Василька и его характеристики сделан ряд дословных заимствований из статей 1206, 1125, 1218 и 1175 гг.:

Л. 142 об. (1206 г.)

...рыдаху же народа множество правовѣрных, зряще отца сырым и кормителя отходяща и печальным утѣшене великое, омраченным звѣзду свѣтоносу заходящую. На весь бо баше церковный чин отверзла ему бог сердечнѣи очи, и всѣм церковникам и нищим и печальным яко же възлюби ны баше отець, паче же и на милостыню...

Л. 97 об. (1125 г.)

...помяная слово господне, глаголющее: Блажени милостивии, яко ти помиловани будут...

Лл. 142 об.—143 (1206 г.)

И Соломон глаголет: Милостынею и вѣрою очищаются грѣси. Мужство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста... (ср. л. 124, 1175 г.: мужство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста).

Л. 125 (1175 г.)

(Андрей Боголюбский) кровью мученичскою омывшеся¹⁶ прегрешении своих с братама...

11. Вступление в 1238 г. князя Всеволода Ярославича на престол великого княжения Владимирского описано словами рассказа о вступлении в 1206 г. на новгородский стол князя Константина Всеволодича:

Л. 143 (1206 г.)

...и потом поча ряды правити, яко пророк рече: Боже, суд твой ц(е)с(а)р(е)ви дажь, и правду твою сынови ц(е)с(а)р(е)ви — судити людем твоим в правду и нищим твоим в суд. (...) И потом утвердися в своем ч(е)стиѣм княженѣи.

Л. 163 об. (1238 г.)

...и поча ряды рядити, яко пророк глаголет: Боже, суд твой ц(а)р(е)ви дажь, и правду твою сынови ц(е)с(а)р(е)ви — судити людем твоим в правду и нищим твоим в суд. И потом утвердися в своем ч(е)стиѣм княжении.

12. Максимальная в повести концентрация заимствований — в «похвале» князю Юрию Всеволодичу, помещенной вслед за сообщением о его похоронах. Как писал Б. Л. Комарович, «свои черты передали Юрию, под пером Лаврентия, св. Борис и Глеб, Владимир Мономах и Андрей Боголюбский, Всеволод и его княгиня, наконец, даже одновременно с Юрием убитый Василько».¹⁷ Сравним:

Л. 97 об. (1125 г.)

(Владимир Мономах) сын благовѣрна отца Всеволода, украшени добрыми нравы (...) се же чюдный князь Володимер потчаса божья хранити заповѣди и божи страх прис(но) имѣя в с(е)рдци, помяная слово господне, иже¹⁸ рече: О семь познають вы вси ч(е)л(о)в(е)ци, яко мои уч(е)н(и)ци, аще любите друг

Лл. 163 об.—164 (1239 г.)

Бѣ Юрьи, сын благовѣрнаго отца Всеволода, украшен добрыми нравы, их же имена в малѣ повмы. Се бо чюдный князь Юрьи потчаса божья заповѣди храниги и божи страх прис(но) имѣя в с(е)рдци, помяная слово господне еже рече: О семь познають вы вси ч(е)л(о)в(е)ци, яко мои уч(е)н(и)ци есте, аще любите друг друга.

¹⁶ РА «омывся».

¹⁷ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 93.

¹⁸ РА «еже».

друга и любите врагы ваша и добро творите ненавидящим вас. Вся бо зломыслы его вда бог... добро творяше врагом своим, отпущаше я¹⁹ одарены...

Л. 136 об. (1186 г.)

Всеволод же не всхотѣ мира их, яко пророк глаголетъ: брань славна луче есть мира студна. С лживым же миром живуще, велику пакость землям творятъ.

Л. 133 (1185 г.)

Бог бо казнить рабы своя напастыи различными (...) да явятся яко злато искушено в горнилѣ: хр(и)с(т)ьяном бо многыми напастыи внити в ц(а)рство н(е)б(е)сное, но²⁰ нужници всъхытають е.

Л. 124 (1175 г.)

Андрѣю, мужьству тезоимените (...) кровью омывъся страданья ти; аще бо не напастъ, то не вѣнецъ, аще ли не мука, ни дарове. Всякыи бо, держася добродѣтели, не может без многих враг быти.

Лл. 97 об.—98 (1125 г.)

Милостив же бяше паче мѣры, поминая слово господне, глаголющее: блажени милостивни, яко ти помиловани будут (...). Тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующим и церкви зижа и украшая. Чтяшетъ же излиха чернецьскыи чин и поповскыи, подавая им еже на потребу (...).

Тѣмъ и бог вся прошенья его свершаше, и исполни лѣта его в доброд(е)нствѣ. И посѣдѣ в Киевѣ на отни столѣ 13 лѣт, и в лѣто 6633 от начала миру преставися...

Л. 124 (1175 г.)

... украси ю иконами безъцѣвннами.²¹

Л. 135 об. (1186 г.)

Се же и²² здѣяся грех ради наших...

Л. 133 (1185 г.)

Но не предажь²³ нас до конца имени твоего ради святаго и не остави милости твоея от нас.

13. И наконец, последние сообщения о военных действиях татар на Руси тоже не самостоятельны по форме; но здесь мы встречаемся уже со случаями обращения к тексту самого рассказа о Батыевой рати Лаврентьевской летописи:

¹⁹ РА нет «я».

²⁰ А «и».

²¹ За указание этой параллели также благодарю В. А. Кучкина.

²² РА нет «и».

²³ РА «не предаи же».

Не токмо же друг друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящим вас. Всяк зломысл его. Преже мѣнены безбожныи Татары отпущаше одарены (...).

Он же того не хотяше, яко пророк глаголет: брань славна луче есть мира студна. Си бо безбожныи, со лживым миром живуще, велику пакость землям творятъ (...).

Бог бо казнить напастыи различными, да явятся яко злато искушено в горнилѣ: хр(и)с(т)ьяном бо многыми напастыи внити в царство н(е)б(е)сное и нужници всъхытають е.

Георгие, мужьство тезоимените, кровью омывъся страданья ти. Аще бо не напастъ, то не вѣнецъ, аще не мука, ни дарове. Всякыи бо, держася добродѣтели, не может без многих враг быти.

Милостив же бяше паче мѣры, поминая слово господне: блаж(е)нии милостиви, яко ти помиловани будут. Тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующим, и церкви зижа и украшая иконами безъцѣвными (...).

Чтяшетъ же излиха чернецьскыи чин и поповскыи, подаая им еже на потребу. Тѣмъ и бог прошенья его свершаше, исполни лѣта его в доброд(е)нствѣ. И посѣдѣ в Володимерѣ на отни столѣ лѣт 20 и 4, а на 5-е убыен бысть от безбожных и поганых татар. Се же все сдѣяся грѣх ради наших. Но не предай же нас до конца имени твоего ради святаго и не остави милости твоея от нас.

Л. 160 (1237 г.)

Тое же зимы взяша Москву Татарове, и воеводу убиша... а люди избиша... а град и церкви святых огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья вѣзеше, отидоша.

Л. 160 об. (1237 г.)

...взяша Суждаль и святу Богородицу разграбиша, и двор княжь огнем пожгоша, и монастырь святого Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша (...) то все ведоша в станы свое...

Л. 142 (1203 г.)

Гору взяша, и митрополью святую Софию разграбиша, и монастыри всѣ иконы одраша, а инѣ поимаха, и кресты честныя, и ссуды священныя...

Л. 164 об. (1239 г.)

Того же лѣта (та) Татарове взяша Переяславль Рускыи, и епископа убиша и люди избиша, а град пожьгоша огнем, и люди, и, полона много вѣзеше, отидоша (...) Того же лѣта взяша Татарове Чернигов. Князи их выѣхаша в Угры. А град пожегше и люди избиша, и монастырь пограбиша, (...) а сами идоша в станы своѣ. (...) Того же лѣта на зиму, взяша Татарове Мордовскую землю, а Муром пожгоша, и по Клязьмѣ воеваша, и град святых Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя (...)

Л. 164 об. (1240 г.)

Того же лѣта взяша Киев Татарове и святую Софию разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы, и кресты честныя, и вся узорочья церковная...

В последнем случае, я думаю, перед нами, может быть, уже и не заимствование, а повторение запомнившегося: тот, кто работал над повестью, мог в конце концов просто усвоить как формулу эту цепь глаголов: ...взяша...убиша...избиша...пожгоша...идоша...ведоша...разграбиша.

2

Относительно занимающей нас части Лаврентьевской летописи М. Д. Приселков считал, что она передает ростовский свод 1239 г., где, по мнению ученого, были слиты «ростовский летописец Константина и его сыновей, который оканчивался описанием смерти от руки татар ростовского князя Василька (1237)» и «владимирский великокняжеский свод Юрия, который кончался описанием гибели последнего на р. Сити»,²⁴ точнее же «некрологом Юрию, помещаемым теперь под 1239 г. и связываемым с описанием перенесения тела Юрия из Ростова во Владимир».²⁵

Зная, как создан охватывающий статьи 1237, 1238 и 1239 гг. рассказ о Батыевом нашествии, согласиться с мыслью М. Д. Приселкова о двусоставности этого повествования можно лишь с оговоркой, что при слиянии оригинальных частей они были столь коренным образом переделаны (и переделаны одной рукой), что от прежнего их вида почти ничего, кроме имен князей, не осталось.

«... как бы ни относиться к вопросу о Юрьевом своде в целом, — писал об одной из мыслимых М. Д. Приселковым составных частей повести В. Л. Комарович, — доведение его до рассказа о Батыевой рати следует со всей решительностью отвергнуть. Возникший и пополнявшийся погодными записями несомненно во Владимире, как мог этот свод пресечься не до, а после рассказа о той катастрофе, которая сама пресекла владимирское летописание вообще, по наблюдениям того же М. Д. Приселкова, по крайней мере на три десятилетия».²⁶

Касаясь способа, каким создана посмертная «похвала» князю Юрию,

²⁴ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). — Ученые записки Ленинградского гос. университета, № 32, серия исторических наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 123.

²⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 88.

²⁶ В. Л. Комарович. Древнерусское областное летописание..., стр. 178—179.

В. Л. Комарович говорит, что здесь виден «литературный прием во всяком случае не современника. Задачу исторической реабилитации современник выполнил бы, конечно, иначе. Только у биографа из другой эпохи могло оказаться в распоряжении так мало подлинных фактов о реабилитируемом лице. Из всей „похвалы“ ведь только вставку о строительной деятельности Юрия можно признать за конкретный признак данного исторического лица, да и то слова „грады многи постави“ имеют в виду не столько факты, сколько далеко отстоящую от них по времени возникновение легенду. А все остальное — просто перенесенные на Юрия отвлеченные признаки чужих книжных характеристик».²⁷ Но и то единственное, что В. Л. Комарович счел «конкретным признаком данного исторического лица», таковым, как обнаружил А. Н. Насонов, не является: «Если автор напоминает о постройке Юрием Новгорода Нижнего, то потому, что это был единственный „город“, о постройке которого Юрием рассказывала летопись, а об основании Благовещенского монастыря — потому, что о каких-либо других монастырях (построенных Юрием) летопись вообще не говорила».²⁸ Значит, совершенно все, что сказано в «похвале» о Юрии, почерпнуто не из жизни, а из летописных текстов.

Как мы видели выше, прием заимствования, говоря словами В. Л. Комаровича, «у Лаврентия „похвалой“ не ограничивается; он распространяется и на весь предшествующий рассказ о самом нашествии».²⁹ Насколько я знаю, ни одна из древнерусских повестей не имеет такого и даже просто сопоставимого с повестью о Батыевой рати Лаврентьевской летописи процента заимствований. Повторяю, все это повествование написано или коренным образом переработано одной рукой.

А. Н. Насонов не согласился ни с датой М. Д. Приселкова (1239 г.), ни с датой В. Л. Комаровича (1377 г.). По его мнению, часть текста, включающая повесть о Батыевом нашествии, возникла в итоге присоединения ростовского летописного материала к владимирскому с одновременной переработкой последнего в начале 80-х годов XIII в.³⁰ Таким образом, он поддержал мысль М. Д. Приселкова о двусоставности повествования, но, как и В. Л. Комарович, вынужден был признать его итогом какой-то переработки первоначального материала. «Переработка делалась с целью показать читателю братское единение князей, дать образцы княжеского согласия и взаимной любви»;³¹ редактор «преследовал цель показывать в прошлом сцены согласия и по мере возможности не показывать распрей», он хотел «только говорить не о разногласии, а о согласии между князьями»;³² составитель пояснял, что «воздвигнуть междоусобную рознь стремится дьявол, который хочет, чтобы в вечной муке пребывал не он один, но и люди».³³

В свое время А. А. Шахматов сделал вывод об общерусском характере Лаврентьевской летописи: «Составитель лежащего в основании Лаврентьевской летописи свода задался целью собрать в одно целое летописные

²⁷ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 93.

²⁸ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. — Проблемы источниковедения, № 11, М., 1963, стр. 455, прим. 51.

²⁹ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 92.

³⁰ Владимирский летописный материал в первоначальном, по его мнению, виде А. Н. Насонов выделил по кусочкам из Московского свода 1479 г., см.: А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в.

³¹ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 450.

³² Там же, стр. 474.

³³ Там же, стр. 475.

записи Владимира, Новгорода, Твери, Рязани, Чернигова, Смоленска и других русских городов, т. е. дать общерусский по характеру своему летописный свод».³⁴ Теперь к этому выводу А. А. Шахматова присоединяется вывод А. Н. Насонова об общерусской тенденции и текста Лаврентьевской летописи за XIII в.

Против мысли А. А. Шахматова о существовании общерусского полихрона начала XIV в. (который отразился в Лаврентьевской летописи и придал ей общерусский характер) решительно возражал М. Д. Приселков: летописание начала XIV в. не могло иметь общерусского характера, ибо ни объективных возможностей для объединения Руси, ни сколько-нибудь заметной объединительной общественной силы в то время еще не было. Если так, то еще более невозможна подобная тенденция в летописном своде конца XIII в. И вместе с тем и общерусский характер, и общерусская тенденция в тексте Лаврентьевской летописи очевидны. Стоит отметить, что сам А. Н. Насонов о конце XIII в. говорил лишь предположительно: поскольку ростовский материал кончается 1281 г., поскольку Ростово-Суздальская земля не чужда была в то время литературной жизни и поскольку тогда не было недостатка в межкняжеских крамолах и усобицах, постольку «именно в это время и могла быть произведена та переработка владимирского текста первых десятилетий XIII в. на ростовском материале, о которой мы говорили выше».³⁵ Однако условия, о которых пишет А. Н. Насонов, лишь необходимые, но далеко не достаточные. При отсутствии или зачаточной слабости центростремительных сил в жизни подобная тенденция не могла появиться в летописном своде.

Конечно, летописцы во все времена летописания призывали князей к миру и единству, а не к розни и вражде. Но в разные времена это делалось с большей или меньшей энергией — в зависимости от обстоятельств и большей или меньшей силы объединительного течения в обществе. Составление в эпоху политической раздробленности и раздробленности летописания свода общерусского по содержанию и по тенденции — признак наличия весьма влиятельной объединительной общественной силы. Что касается второй половины XIV в., эпохи Куликовской битвы (всего за три с половиной года до этой битвы была написана Лаврентьевская летопись!), то сомневаться в существовании мощного объединительного течения на Руси в это время не приходится. Значит, исторически более вероятно время переделки, указанное В. Л. Комаровичем, — 1377 г. Об этом же времени, как мы говорили выше, свидетельствует и кодикологический анализ Лаврентьевской летописи.

3

В чем же состояла переделка повести?

Мы не можем быть уверены, что, вычтя, изъяв из нее мозаичную треть, т. е. все заимствованные кусочки, мы получим исходный материал, которым располагали в начале своей работы редакторы. Эта мозаика, конечно, лишь один из результатов переделки текста. Приданная всей повести общерусская тенденция, о чем писал А. Н. Насонов, — тоже результат переделки. Получить полное представление о редакторской работе мы могли бы, сравнив текст Лаврентьевской летописи с тем, которым располагал сам Лаврентий. Но где же взять или хотя бы искать этот текст?

³⁴ А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. Б. м., 1902, стр. 55.

³⁵ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись. . . , стр. 453.

В соответствующих по содержанию повествованиях ряда других летописей В. Л. Комарович заметил места, с которыми рассказ Лаврентьевской контрастирует по тону и смыслу столь явно, что естественным образом кажется, что контраст этот был создан сознательно. От которого из этих повествований отталкивался редактор? По мнению В. Л. Комаровича, текст Воскресенской летописи представляет собой как раз то, что читалось в протографе Лаврентия. Это далеко не бесспорно: текст Воскресенской летописи через Московский свод конца XV в. и через Софийскую I летопись восходит к рассказу о Батыевой рати, созданному (скомпилированному), по-видимому, где-то в первой половине XV в. А этот рассказ в свою очередь базируется на трех источниках, сохранившихся в: 1) Лаврентьевской летописи, 2) Новгородской I летописи младшего и (не полностью) старшего изводов и 3) Ипатьевской летописи. «Таковы три первоначальные летописные традиции в изображении этих событий: северо-восточная, южная и северная», — пишет, убедительно доказывая их независимость, А. Н. Насонов.³⁶ Отсюда следует, что текста, который мог быть в Лаврентьевской до переделки, в ее первоначальных XXI и XXII тетрадах, мы не знаем.

Однако, если, по мысли В. Л. Комаровича, редаKTура Лаврентия имела публицистический характер, то совершенно ведь не обязательно, чтобы этот его новый текст полемизировал с тем, который он заместил. Вполне и даже более вероятно обратное, а именно, что первоначальный вид рассказа уже представлял удобства для создания нужной публицистической направленности. Это лишь поправки к оформлению мысли В. Л. Комаровича (не затрагивающие ее сути), что рассказ Лаврентьевской летописи явно «контрастирует» с иными летописными текстами. Но так как составного повествования Воскресенской летописи в XIV в., кажется, еще не существовало, речь здесь может идти только о Новгородской I и Ипатьевской летописях. Сравним же соответствующие места этих летописей.

Ипатьевская летопись, сообщив о совещании русских князей в 1223 г., когда они, узнав от половцев о первом приближении татар, решили совместно выступить им навстречу, добавляет: «Юрья же князя великого Суждальского не бы в том свѣтъ»; и чуть ниже: «Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад».³⁷ Оттого что русские князья были разбиты в сражении на Калке, специальное упоминание тех, кто не принял участия в походе, выглядит как обвинение. А согласно Лаврентьевской летописи, собравшиеся в Киеве князья «послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожу, прося помочи у него. Он же посла к ним благочестивого князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича, с ростовци. И не утяну (не успел, — Г. П.) Василко прити к ним в Русь»; и дальше, после краткого сообщения о разгроме русских войск: «Се же слышав Василко, приключышеся в Руси, възвратися от Чернигова, схранен богом и силою креста честнаго и молитвою отца своего Костянтина и стрья своего Георгия, и вниде в свои Ростов, славя бога и святую богородицу (л. 153 об.). Здесь, как видим, нет и тени обвинения; напротив, Юрий Всеволодич откликается на просьбу и посылает своего племянника с его войсками. Тот же вовсе не «бѣ в Володимере млад», а спешил на помощь, но запоздал, и притом не по собственной вине, а по вышнему промыслу, его берегущему.

В Новгородской I летописи князь Юрий Всеволодич обвинен прямо и резко в неказании помощи в 1237 г. Рязани. По рассказу этой ле-

³⁶ Там же, стр. 442.

³⁷ Эта и дальнейшие цитаты из Ипатьевской летописи см.: ПСРЛ, т. 2, СПб., 1908, стлб. 741, 778—782.

тописи, тагары, подойдя первым делом к Рязани, потребовали дани и покорности от ее князей; получив отказ, они отправили послов во Владимир. Одновременно «послаша же рязаньстии князи к Юрию Володимирьскому. просяче помочи или самому пойти. Юрьи же сам не поиде, ни послуша князий разанских молбы, но сам хотѣ особѣ брань створити».³⁸

Соответствующее место Лаврентьевской летописи не содержит даже намеков на посольство к Юрию Всеволодичу, — в противном случае распалась бы картина «братского единения князей». Но «похвала» князю Юрию обнаруживает осведомленность ее автора об одном из посольств — татарском: Юрий Всеволодич «безбожнѣя Татары отпушаше одарены, бяхуть бо преж прислали послы своѣ зли ти кровопиинци, рекуще: мирися с нами». Причем, надо сказать, это одна из двух оригинальных, ни откуда не заимствованных фраз «похвалы». Не исключено, что сообщения о посольствах к князю Юрию были в начале повести, но убраны ее редактором.

Условия мира, предложенные татарскими послами князю Юрию Всеволодичу, должны были быть такими же, как те, что они предлагали рязанцам и вообще всем, кого хотели подчинить: дань и покорность. «Дары» князя Юрия татарам («Татары отпушаше одарены») и были, по всей видимости, требуемой данью. Но редактор-компилятор сумел этот факт использовать как свидетельство не малодушия и близорукости великого князя владимирского, а исполнения им заповеди любить не только друзей, но и врагов.

Беспокоясь, видимо, за свои владения, несмотря на обещания татар их не трогать, князь Юрий Владимирский «посла Еремея в сторожих воеводу», говорит Новгородская I летопись. В Лаврентьевской же нет этого показательного «в сторожих», а сказано: «Поиде Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволожь, противу татаром, и сступишася у Коломны...» (л. 160). Дело предстает таким образом, будто Юрий выслал помощь Рязани, но рать не дошла до нее, так как встретилась с татарами уже у Коломны.

Решимость великого князя Юрия Всеволодича драться с татарами подчеркнута в «похвале» Лаврентьевской летописи как главная и определяющая героический характер его жизни и смерти черта. Татары будто бы предлагали ему мир, но он сам «того не хотяше», ибо, как говорит пророк: «Брань славна луче есть мира студна». Здесь же объяснение, почему мир с татарами «студен»: «Си бо безбожни, со лживым миром живуше, велику пакость землям творять». И непосредственно вслед за этой оценкой татарской политики автор-редактор уже от себя, ниоткуда не заимствуя, добавляет: «Еже и здѣ многа зла створиша». Эта вторая и последняя оригинальная фраза «похвалы». Благодаря ей от обстоятельств, о которых идет рассказ, к обстоятельствам «авторского» места и времени перебрашивается некий мысленный мостик. Очевидно (и это крайне любопытно), что для редактора рассказа — все равно, принадлежит ли ему эта фраза или он ее сберег от оригинала — война Руси с татарами вполне мыслима и похвальна. Это очень важно. К всероссийскообъединительной тенденции редактуры повествования Лаврентьевской летописи можем добавить еще одну — активную анти татарскую.

Рассказав о столкновении у Коломны, Новгородская I летопись добавляет: «Москвичи же побегоша, ничто же видѣвше». И больше ничего о Москве или москвичах. В XIII в. Москва была еще незначительным

³⁸ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова, М.—Л., 1950, стр. 74—75 (старшего извода), стр. 286 (младшего извода).

городком, и, поскольку ничего примечательного там не случилось, писать о ней было нечего. Это понятно. Лаврентьевская же посвящает взятию Москвы особый рассказ, наполовину состоящий из описания действий в Византии в X в. дружины князя Игоря, как было показано выше. Сказать о Москве редактору было почти нечего, а сказать, стало быть, хотелось. Это стремление едва ли правдоподобно объяснимо применительно к XIII в. — равно к 30-м или к 80-м годам, но совершенно естественно во второй половине XIV в. Примечательно также, что гибель московского воеводы трактована в Лаврентьевской летописи как мученичество за веру: «взяша Москву Татарове, и воеводу убиша, Филипа Нянка, за правовѣрную христьянскую вѣру» (л. 160). Это несомненная неправда: при взятии татарами сходу города у воеводы этого города были все причины погибнуть, кроме одной — вероисповедной.

Изучая кодекс Лаврентьевской летописи и судя по особенностям чередования так или иначе разлинованных листов, по местам вторжения в рукопись третьего почерка и пробелов и по вклейке листов, я пришел к выводу, что листы 158—161 заменялись в рукописи дважды. Значит, дважды переделывалась первая часть повести. О характере вторичной переделки я мог сказать лишь то, что текст был в сравнении с предшествующим ему укорочен, так как лист 161, последний лист этой части, содержит значительно меньший, чем обычно на листе Лаврентия, текст.

Большую часть интересующего нас места занимает начинающийся сразу же за периодом, посвященным Москве, рассказ о случившемся в 1237 г. с городом Владимиром (лл. 160—161 об.), причем версия Лаврентьевской имеет существенные смысловые отличия от рассказа о том же Ипатьевской летописи. Согласно Ипатьевской, оборона владимирцев была прекращена в первый же день князем Всеволодом, сыном оставившего город Юрия: «Тотаром же пороки град бьющемь, стрелами бещисла стрѣляющим, се увидѣв князь Всеволод, яко крѣпчѣ брань належить, убояся. Бѣ бо и сам млад. Сам из града изииде с малом дружины и несы с собою дары многии, надѣяше бо ся от него живот прияти. Он же, яко свѣрпыи звѣрь, не пощади уности его: велѣ пред собою зарѣзати. И град в(е)сь избѣе». Малодушие Всеволода Юрьевича резко оттеняется помещенным несколькими строками ниже рассказом о семи неделях сопротивления завоевателям жителей града Козельска во главе с их — тоже молодым — князем Василием. Эти люди «ум крѣпкодушныи» имели, и Батю «словесы лестными не возможно бѣ град прияти».

В Лаврентьевской же летописи не сказано о капитуляции города Владимира и гибели Всеволода (равно как и об обороне Козельска). Однако северо-восточный летописец-современник не мог не знать об этом немало важном для темы рассказа событии. И, как мы увидим, действительно знал. Согласно Лаврентьевской, взятие Владимира обстояло гораздо менее безотрадно: внешние укрепления, стены «нового града», татары преодолели с боем, «по примосту». После этого «бѣжа Всеволод и Мстислав и вси людье бѣжаша в Печернии город». Не говоря больше о «Печернем» (?) городе и князьях, рассказчик сразу переходит к гибели епископа, матери Всеволода, его жены, сестры, бояр и прочих людей, в поисках спасения укрывшихся в храме. Всеволода в храме не было.

О правильности версии Ипатьевской летописи и о том, что редактор рассказа прекрасно знал, как погиб Всеволод, и, следовательно, сознательно выпустил эту часть повествования (как, вероятно, и ту, где говорилось о посольствах к великому князю Юрию), становится ясно из фразы на л. 162: «приде вѣсть к великому князю Юрью: Володимѣрь взят (...), а старѣишая с(ы)на, Всеволод с братом, внѣ града убита».

Таким образом, по умолчаниям и оговоркам рассказа находим объяснение факту сокращения повествования и появления вследствие этого пробела на обороте существующего в рукописи 161-го листа. Это объяснение хорошо согласуется с тем, что мы уже знаем о тенденциозности редактора, и вместе с тем добавляет к нашим о ней представлениям новый штрих: редактор стремился убрать примеры малодушия и показать бесстрашие в борьбе с татарами князей и воевод, как-то связанных, помимо Москвы (что мы видели выше), с Владимиром (о Козельске — такой хороший пример! — он не говорит).

Четвертый город, о взятии которого татарами — наряду с Рязанью, Москвой и Владимиром — рассказывает Лаврентьевская летопись (л. 160 об.), и рассказывает исключительно несамостоятельно, перефразируя, как было выше показано (пункт 4), статью 1203 г., — это Суздаль. О Суздале редактор тоже хотел что-нибудь сказать, но не имел ничего своего — никаких собственных сведений и впечатлений. Стало быть, географически круг интересов редактора повести о Батыевом нашествии определяется не самими событиями завоеваний и включает лишь Рязань (в небольшой мере), Москву, Владимир и Суздаль. Будь эта повесть оформлена в Ростове, наверное, здесь больше говорилось бы о судьбе Ростова, чем: «и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городецъ».

Касаясь поведения и гибели великого князя Юрия Всеволодича, Новгородская I летопись сообщает, что при приближении татар к Владимиру он «бѣжа на Ярославль», а затем незаметно был окружен татарами и, узнав об этом, «не успѣв ничто же, побѣже. И бысть на рѣцѣ Сити, и постигоша ѿ, и живот свои сконча ту. Бог же вѣсть, како скончася; много бо глаголють о немъ инии». Сходно повествует Ипатьевская: «Не имѣюшу сторожий, извѣхан бысть безаконнымъ Бурондаема. В(е)сь город изогна, и самого князя Юрья убиша».

Согласно же рассказу Лаврентьевской летописи, князь Юрий Всеволодич, находясь на р. Сити и узнав о падении Владимира и о приближении татар, заплакал «по правовѣрнѣй вѣрѣ христьянстѣй», помолился и «с мужи своими поидоша противу поганымъ. И бысть сеча зла. И побѣгоша наши пред иноплеменикы. И ту убьен бысть князь Юрьи» (л. 162—162 об.). Здесь, таким образом, князь сам выступает «противу поганымъ» и погибает «в сѣчѣ злой» как защитник христианства.

Совершенно наподобие древних христиан-исповедников гибнет захваченный в этом бою татарами в плен князь Василько Ростовский (о его смерти сообщает только Лаврентьевская). Татары принуждают его следовать «обычаю поганьскому, быти в их воли и воевати с ними»; он же отказывается изменить своей религии и перед смертью произносит прочувствованный монолог («никако же мене не отведете христьянское вѣры...») и несколько молитв. Думается, что отождествление покорности татарам с изменой христианству принадлежит (как и монолог и молитвы) редактору XIV в., когда татары уже были мусульманами. В период же завоеваний они хотя и придерживались в основной своей массе «обычая поганьского», но миссионерством не занимались и к чужой вере относились если не толерантно, то безразлично. Однако не исключено, я думаю, что какие-то войсковые обычаи татар могли показаться Васильку Ростовскому несоместимыми с его христианством.

Как бы то ни было, страдалцами за веру предстают в Лаврентьевской летописи и московский воевода, и князя Юрий Всеволодич и Василько Константинович. Оба князя сознательно отказываются от «мира студна» с татарами, и в этом состоит их религиозный подвиг. Будучи чрезвычайно

благочестивыми людьми (это особо подчеркнуто в характеристике каждого из них), они и в последние решительные моменты жизни вспоминают епископа Кирилла. Мученической кровью своей князья «омываются», искупая совершенные ими в жизни прегрешения, и тем самым избегают будущих страданий. Народ оплакивает князей как страстотерпцев-подвижников. Тела погибших епископ переносит в Ростов, и то, что они опять оказываются рядом, рассказчик трактует как знак особой божьей к ним милости: «Се бо и чудно бысть, ибо и по смерти совокупи бог телеси ею»³⁹ (л. 163). По рассказу Лаврентьевской летописи, дружная борьба с татарами — пусть даже неудачная — богоугодное, святое, спасительное дело.

Обогащаем этой чертой наши представления об идеалах редактора, и перед нами проявляется утопическая картина крестоносной борьбы сплоченных церковью русских князей против татар.

В ходе кодикологического анализа Лаврентьевской летописи выяснилось, что при переделке XXI и XXII тетрадей была проделана значительно большая работа, чем то требовалось для переработки только повести о Батыевом нашествии; отсюда был получен вывод, что, кроме повести, редакторы коснулись и предшествующего ей рассказа о появлении татар в 1223 г. и о битве на Калке. Теперь, сравнивая летописи, мы видим, что первая часть первого рассказа Лаврентьевской о татарах (со слов «Того же лѣта явишася языци, их же никто же добръ ясно не вѣсть...» и до слов «и придоша близъ Руси, иде же зовется вал Половечскый» включительно, — л. 153—153 об.) за редким исключением дословно тождественна с началом соответствующего рассказа Новгородской I летописи (со слов «Того же лѣта по грѣхом нашим придоша языци незнами, их же добръ никто же не вѣсть...» до слов «и придоша близъ Руси, иде же зовется вал Половечскы» включительно, — лл. 95 об.—96 об.). Какой же из этих текстов зависит от другого?

В Новгородской I летописи это пространное рассуждение о том, кто такие татары, представляет собой неторопливое начало большого обстоятельного рассказа (лл. 95 об.—99 об.) о случившемся в 1223 г., причем конец этого рассказа перекликается с началом («И не съвѣдаем, откуда суть пришли и кдѣ ся дѣша опять. Бог вѣсть, отколе приде на нас за грѣхы наша»). В Лаврентьевской же летописи то же самое начало составляет большую часть неоднородного рассказа: сразу по окончании совпадающего с Новгородской I отрывка изложение меняет свой характер и становится кратко информативным, так что стилистический контраст очевиден. Тут же в Лаврентьевской летописи следует созданное, на наш взгляд, редактором 1377 г. оправдание Василька Константиновича в том, что он не пришел на помощь русским князьям («не утяну» — не успел), имеющее в виду, как мне кажется (об этом шла речь выше), замечание о Васильке Ипатьевской летописи («Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад»). Рассказ о появлении татар и о битве на Калке в Новгородской I летописи, несомненно, более целен и по отношению к Лаврентьевской первичен. Выше было показано, что повествование Лаврентьевской о Батыевой рати откровенно контрастирует с соответствующими повествованиями Ипатьевской и Новгородской I летописей. Совпадение текстов, о котором сейчас шла речь, убеждает в том, что редакторы 1377 г. действительно имели во время работы перед глазами текст Новгородской I летописи, и, значит, этот контраст не случаен.

³⁹ Это место тоже несамостоятельно: здесь ощущается если не текстуальное, то смысловое влияние рассказа о посмертном «съвкуплении тѣлом» святых Бориса и Глеба в статье 1015 г. (л. 47), — отсюда редактор обильно черпал материал.

Обдумывая при кодикологическом анализе возможности возникновения особенностей 167-го листа (лист вклеен в рукопись, текст покрывает его не целиком, оставляя в конце значительный пробел, и написан этот текст не Лаврентием, а его сотрудником, непрофессиональным писцом, в котором я склонен видеть епископа Дионисия Суздальского), я пришел к выводу, что, будучи несомненно «стыковым», связующим написанные в обратном порядке части текста, этот лист может, кроме того, сам содержать переданный текст (и отсюда склейка его с парным листом, 166-м). Совпадение ли, что как раз на этом листе появляется — впервые после окончания рассказа о Батыевом завоевании — откровенная «антитатарская» тема? На обороте 167-го листа в статье 1262 г. рассказывается о восстании против «бесурмен» в Ростове-Суздальской земле и об убитом тогда отступнике Изосиме: «Избави бог лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовския земля, вложи ярость в с(е)рдца крестьяном, не терпяще насилья поганых... (татары) велику пагубу людем творяхуть... души кр(е)стьяньския раздно ведоша. Видѣвше же ч(е)л(о)в(ѣ)колюбець бог, послуша моленья М(а)т(е)рня, избави люди своя от великия бѣды (...)

Этот рассказ, как и саму повесть о татарском нашествии, А. А. Шахматов считал вставленным в текст ростовской летописи.⁴⁰ По мнению Б. Д. Грекова (ничем, правда, не обоснованному), выражение чувств, сопровождающее это известие, принадлежит составителю Лаврентьевской летописи: «Составитель Лаврентьевской, — пишет Б. Д. Греков, — совершенно открыто сочувствует восставшим. Он утверждает, что сам бог на стороне протестующих против „лутаго томленья бесурменьскаго“».⁴¹

Знакомая нам уже по повести откровенность антитатарской с религиозным оттенком тенденции побуждает думать, что именно это место листа 167 обязано своим происхождением редактору 1377 г.

Таковыми наблюдениями над текстом летописи мы можем дополнить кодикологический анализ рукописи.

В целом редакторская работа над Лаврентьевской летописью, проделанная в момент ее изготовления, в 1377 г., имела, очевидно, целью дать читателю исторические примеры мужественной, вероисповедно-непримиримой борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами.

4

Теперь надлежит устанавливаемый факт переделки летописного повествования поставить на свое место в историко-литературном процессе. Имея уже представление о побуждениях редактора, наиболее важным кажется понять, на какого читателя он рассчитывал.

В. Л. Комарович своей трактовке проблемы дал наряду с текстологическим обоснование историческое. Рассмотрим его.

В духе общей своей концепции о враждебности областных литератур наступающей Москве В. Л. Комарович полагал, что создателями Лаврентьевской летописи руководило стремление обособить Нижегородско-Суздальскую землю от Москвы, т. е. центробежная, сепаратистская тенденция. Глядя такими глазами на повесть о Батыевой рати, ученый увидел, что редактор стремился не по заслугам возвеличить князя Юрия Всеволодича, но не заметил объединительных и религиозно-антитатарских усилий редактора.

⁴⁰ А. А. Шахматов Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи, стр. 65.

⁴¹ Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда. Л., 1937, стр. 175.

В. Л. Комарович справедливо, как мне кажется, считал инициатором всей работы «благословившего» ее епископа Дионисия Суздальского, дважды названного в приписке Лаврентия. Но он полагал, что летопись составлялась как документ (или черновик документа), на основании которого пять лет спустя, в 1382 г., Дионисий добился у патриарха в Константинополе учреждения в Нижегородско-Суздальском княжестве архиепископии (вместо епископии). Это повышение делало якобы нижегородского князя более независимым от московского.

«Когда-то считалось, — пишет по поводу такого рода объяснений Д. С. Лихачев, — что политические устремления памятника совпадают с его местными устремлениями. Теперь мы знаем, что в любой местности были различные общественные группы населения, имевшие различные тенденции».⁴²

В. Л. Комарович придает антимосковское значение величанию Дмитрия Константиновича «великим» (великим князем) в приписке Лаврентия и в надписи на сохранившемся серебряном кивоте Дионисия. Но ведь Нижегородско-Суздальское княжество действительно было «великим», т. е. объединяло ряд удельных княжений, точно так же как Московское, Рязанское, Тверское, Литовское княжества. Дмитрий Константинович и в летописях называется «великим князем».⁴³ Противопоставления Москве здесь нет (другое дело, если бы Дмитрий Константинович был назван великим князем В л а д и м и р с к и м или в с е я Р у с и!).

Отношения Нижегородско-Суздальского княжества с Московским в интересующее нас время были как никогда до и после мирными и тесносоюзническими. В 1364 г. Дмитрий Константинович Суздальский, отказавшись от ярлыка на великое княжение Владимирское в пользу Дмитрия Ивановича Московского, с его помощью отобрал у брата Бориса Нижний Новгород и после этого беспрекословно признавал политическое главенство московского князя. Нижегородско-Суздальское княжество стало одной из первых и главных составных частей образующейся вокруг Москвы великорусской политической системы. В 1366 г. великий князь Дмитрий Иванович женился на дочери Дмитрия Константиновича. Как раз эти годы, 1375—1377, наиболее важные для нас, были временем совместной московско-нижегородской антитатарской борьбы.⁴⁴

Дионисий был поставлен в суздальские епископы тем же митрополитом Алексеем, который способствовал вокняжению Дмитрия Константиновича в Нижнем Новгороде. Выходить из-под власти Алексея, при жизни которого была написана Лаврентьевская летопись, у Дионисия, насколько мы знаем, никакой нужды не было. А когда митрополит умер (12 февраля 1378 г.), все изменилось: началась «Митяева» смута, и в ней Дионисий принял очень деятельное участие. Борьба с местоблюстителем митрополичьего престола Митяем, ставленником московского князя, привела его в московскую тюрьму; оттуда он вышел с помощью Сергия Радонежского (который за него поручился) и, обманув князя Дмитрия Ивановича, бежал в Константинополь. В патриархате Дионисий был возведен в сан архиепископа, что сделало его более независимым. Борьба была столь динамичной и ситуация в ходе ее менялась так радикально, что для

⁴² Д. С. Лихачев. Текстология. (На материале русской литературы X—XVII вв.). М.—Л., 1962, стр. 282.

⁴³ «... преставися раб божий князь великий Дмитрии Константиновичь... бив на великом княжении (Владимирском, — Г. П.) два лѣта, а в своей отчинѣ тако же на княжении на великом 19 лет...» (Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Пгр., 1922, стлб. 148—149).

⁴⁴ Ср.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 125—126.

«очень долгого периода обдумывания и всесторонней подготовки», который, как полагает В. Л. Комарович, предшествовал «осуществлению проекта в 1382 г.»,⁴⁵ никакой возможности не было.

Если бы, с другой стороны, при повышении Дионисия имела какое-нибудь значение Лаврентьевская или подобная ей летопись, соответствующая ссылака — в качестве одной из мотивировок решения — обязательно была бы сделана в патриаршей грамоте. Грамота эта сохранилась, и такой ссылки там нет.⁴⁶

Обратим также внимание на то, почему объяснение В. Л. Комаровича казалось неубедительным А. Н. Насонову: «Для доказательства прав на архиепископию, — пишет он, — потребовалась бы, вероятно, летопись, перешедшая за 1305 г., так как в начале XIV в. еще не существовало ни Нижегородско-Суздальского княжества (оно возникло в 1341 г., — Г. П.), ни Нижегородско-Суздальской епископии. К тому же не следует забывать, что в записи Лаврентия прямо сказано, что начал писать он рукописную книгу „князю великому Дмитрию Константиновичу“».⁴⁷

Действительно, мы не имеем права гадать, для каких читателей предназначалась Лаврентьевская летопись. В январе—марте 1377 г. по инициативе Дионисия Суздальского она создавалась для великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича. Стало быть, изготовленные редактором образцы самоотверженной, дружной, религиозно-подвижнической борьбы русских князей с татарами предназначались именно для него.

* * *

Для чего же нужно было епископу давать князю такого рода высокие образцы?

За три года до создания Лаврентьевской летописи, в 1374 г., началось, по выражению Рогожского летописца, «розмирие» Руси с татарами.⁴⁸ Инициатором «розмирия» выступила Русь, точнее говоря — конфедерация возглавляемых Москвой княжеств. Обстановка в Орде, раздираемой междоусобной борьбой, благоприятствовала освобождению Руси, но Русь этими обстоятельствами воспользоваться для решительных действий не смогла, так как сама она стала в 1375 г. ареной междоусобной, московско-тверской войны. Тем не менее княжеская коалиция, хотя и ослабленная и уменьшившаяся, сохранилась. Основу ее составляла «ось» Москва—Нижний Новгород, а кроме того, в нее входили подчиненная Тверь и, судя по всему, Рязань. 1375—1376 годы были временем неустойчивого равновесия в русско-татарских отношениях: «розмирие» продолжалось, мира и зависимости не было, но не было и войны. Мамай тем временем успешно объединял под своей властью половецкую степь и угроза для Руси росла.

Такова была ситуация ко времени начала работы над Лаврентьевской летописью. Но она существенно изменилась к концу работы. Дело в том, что в конце зимы 1376—1377 г. состоялся первый — первый со времен завоевания Руси! — поход русских на татар. В XIV в. это, собственно, и единственный наступательный поход, ибо выступление в 1380 г. на Куликово поле было оборонительным — навстречу наступавшему Мамаю.

Поход этот был направлен на вассальный Мамаю волжский город Булгар. Семь лет назад, в 1370 г., Дмитрий Константинович Суздальский, «собрав вой многы», посылал на Булгар «брата своего князя Бориса и

⁴⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 95.

⁴⁶ См.: РИБ, т. VI, СПб., 1880, № 231, стр. 199—204.

⁴⁷ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 445.

⁴⁸ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Пгр., 1922, столб. 106.

сына своего князя Василия», но тогда он действовал не самостоятельно: с войском шел «посол царев именем Ачихожа».⁴⁹ Используя русскую военную силу, Мамай посадил тогда на болгарском престоле удобного ему человека. Теперь действовала коалиция русских князей и действовала независимо: «Князь великий Дмитрий Иванович (Московский, — Г. П.) посла князя Дмитрия Михайловича Волинскаго ратию на безбожных Българы, а князь Дмитрий Костянтинович Суждальский посла сына своего князя Василия и другаго сына своего князя Ивана, а с ними бояр и воевод и воя многы» (далее следует собственно рассказ об этом походе).⁵⁰ Значит, тот самый князь, которому предназначалась Лаврентьевская летопись, посылал своих сыновей в этот поход. 16 марта, когда работа над летописью близилась к концу (согласно приписке, летопись была закончена 20 марта), русские войска «приидоша к Българом».

Вспомним теперь о географо-политическом круге интересов редактора повести о Батыевом нашествии. Судя по тому, разорение каких городов он считал необходимым описать, хотя и не имел нужных сведений, этот круг ограничивался, как мы видели, Рязанью, Москвой, Владимиром и Суздалем. О разгроме Суздальской земли повесть говорит еще особо: «... и нѣсть мѣста, ни веси, ни сел таѣхъ редко, иде же не воеваша на Суждальской земли...» (л. 162). Великий князь Дмитрий Иванович, пославший в 1377 г. на Булгар Дмитрия Михайловича Волинского, был великим князем московским и владимирским, а Дмитрий Константинович, для которого предназначалась Лаврентьевская летопись и который послал на Булгар своих сыновей, — «суждальским». Эти два князя были главными в антитатарской коалиции. Описание разгрома татарами их владений должно было особенно сильно действовать как раз на их психику. С другой стороны, образы верных князей, героев повести о Батыевом нашествии, как раз для них двоих лучше всего могли служить образцовым примером. Хотя эти герои и гибнут (начинавшие в XIV в. антитатарскую борьбу князья должны были, разумеется, быть готовы и к такому исходу дела), ясно, что они, не капитулировавшие от страха, внутренне не поддавшиеся татарам, почти святые. Редактор — это очевидно — хотел духовно укрепить и побудить князей к решительным действиям в начинающейся освободительной борьбе с татарами.

Поход на Булгар был успешным: Мамат-Салтан и Асан, правившие там, капитулировали. Но не добыча, конечно, являлась главным результатом этого похода: важно то, что в 1377 г. русские сами начали, и начали удачно, воевать с татарами. Нам, я думаю, трудно сейчас просто представить себе ту гигантскую внутреннюю, общественно-психологическую работу, которая должна была предварить этот, по правде сказать, второстепенный и ничего внешне существенно не изменивший поход. «То были первые шаги открытой национально-освободительной борьбы, открытого сопротивления Мамаю, когда Нижний Новгород выступал совместно с Москвой. Оживилась надежда на освобождение и усилился интерес к прошлому».⁵¹ Интерес к прошлому в те годы должна была питать настоятельная общественная потребность переосмыслить историю завоевания татарами Руси, побороть уже почти столетий страх, научиться иначе, смело на них смотреть. Боящиеся не могли бы победить на Куликовом поле.

Где же литература, которая отвечала бы этой потребности, пересматривала бы прошлое, учила бы антитатарскому мужеству? Она должна

⁴⁹ Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 92.

⁵⁰ Там же, стлб. 116.

⁵¹ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 435.

была, не могла не появиться во время «розмирия», в 1374—1380 гг. Но могла, как мы видели, до сих пор оставаться неувиденной, непонятой исследователями (в этом можно видеть успех редактора: ведь и князь не должен был догадаться о переделке летописи).

5

Некоторые наблюдения о технике создания мозаичного повествования о Батыевом нашествии.

1. Как можно было видеть, текст заимствованных мест в повести в целом ряде случаев ближе к чтениям Радзивиловского и Академического списков (далее мы будем обозначать их как Р и А), нежели текст соответствующих статей самой Лаврентьевской летописи. Так, на л. 161 (см. выше, пункт 6) находим текст, которого нет под 1203 г. в Лаврентьевской (пропущен), но есть в Радзивиловском списке. Далее, например, в статье 941 г. Лаврентьевской: «воеваху... до»; в том же месте РА: «пленоваху... и до», и в рассказе о Батыевом завоевании: «плѣноваху и до». В статье 1093 г. Лаврентьевской: «бысть плачь велик в градѣ»; в статье 1237 г. и в РА: «бысть плачь велик в градѣ». В статье 1175 г.: «омывшеса», а в статье 1237 г. и в РА: «омыся». В статье 1125 г.: «отпущаше я одарены», а в статье 1239 г. и в РА «отпущаше одарены». В статье 1185 г.: «не предажь нас», а в статье 1239 г. и в РА: «не предаи же нас». Эти примеры (их можно значительно умножить, см. примечания 7, 10, 11, 12, 13, 14, 18, 20, 22) бесспорно показывают, что редактор или редакторы пользовались в своей работе над повестью о Батыевом нашествии не предшествующей частью Лаврентьевской летописи, а какой-то другой летописью, чтения которой иногда отличались от Лаврентьевской (не были, однако, полностью тождественны и с Р и А). Возможны два варианта: либо Лаврентий, обращаясь к тому же самому источнику, что и раньше, делал здесь меньше ошибок и потому передавал текст этого источника более точно, чем прежде, либо перед ним лежала не одна «книга» и в данном случае он прибег к другому списку летописи. (Допускаю, что специальное исследование могло бы показать, как обстояло дело).

2. Редакторы очень спешили. Только этим можно объяснить и то, что нам удастся понять «технологию» переделки рассказа, т. е. сам факт компиляции и ту небрежность, с какой проделана эта работа. Так, в одной из переписанных фраз (пункт 5) отсутствует сказуемое: «да негли встягнувшеса от пути своего злаго», тогда как в статье 1093 г. и в РА читаем: «да негли встягнувшеса вспомянемся от злаго пути своего». В другом случае (пункт 7) допущена явная бессмыслица: «И се нам сущюю радость скорбь...», тогда как в статье 1093 г. и в РА: «нанесе нам сущюю рать и скорбь...». В третьем же случае (пункт 12) списанным оказался потерявший смысл отрывок фразы: «Всяк зломысл его», тогда как в статье 1125 г. и в РА читается стройная фраза: «Вся бо зломыслы его вда бог...».

Наше умозаключение не может измениться от предположения, что в том списке летописи, откуда черпал редактор подходящий материал, были уже допущены эти бессмыслицы: если бы Лаврентий и его сотрудник не спешили, они могли бы заметить то, что замечаем мы, и исправить если не по другому списку, то по предшествующей части самой Лаврентьевской летописи. Но вот пример бессмыслицы, явно созданной самим редактором. Используя для похвалы Юрия Всеволодича относящиеся к Андрею Боголюбскому фразы, где писатель обыгрывает имя «Андрей» (по-гречески «мужественный»): «Андрѣю, мужьству тезоимените», Лаврентий, не за-

думываясь, пишет: «Георгие, мужество тезоимените». Второпях, конечно, он искажает даже смысл цитаты из Евангелия: «блажений милостиви» вместо «блажени милостивии».

Напомню, что уже кодикологический анализ Лаврентьевской заставил думать, что переделка летописи в части, содержащей повествование о татарском нашествии, произведена наспех. О том же говорит и сопоставление дат: 16 марта, как мы помним, сыновья нижегородского князя пришли под стены Булгара, а летопись была закончена уже 20-го. Если создание книги было как-то — прямо или косвенно — связано с этим походом, то изготовители-редакторы должны были спешить.

Стало быть, кодикологические, текстологические и исторические соображения и здесь хорошо дополняют друг друга.

На этом триедином основании можно сделать еще один вывод. Если главной целью создателей Лаврентьевской летописи было дать великому князю Дмитрию Константиновичу необходимые литературно-исторические примеры и если этим людям пришлось работать торопливо, оставляя заметные огрехи как в оформлении, так и в содержании книги, то ясно, что оборвать летописное повествование на 1304 г. они могли просто потому, что у них уже не было времени писать дальше, а не только потому, что здесь кончался протограф Лаврентия, как убежден был М. Д. Присьелков.

* * *

В заключение несколько заметок о знаменитой приписке Лаврентия.

Она начинается с уподобления радости оканчивающего труд книгописца радости заключившего удачную сделку купца, достигшего берега морехода и пришедшего на родину странника: «Радуется купец, прикуп створив, и кормчий, в отишь пристав, и странник, в от(е)чство свое пришед; тако радуется и книжный писатель, дошед конца книгам; тако и аз...». В. Л. Комарович отметил тождество одного из этих уподоблений образу, использованному в периоде, посвященном ростовскому епископу Кириллу, в статье 1231 г. Лаврентьевской же летописи: «Да и аз аерским духом нахоженья избегну, направляя корабль словеси ти в тихо пристанище введу» (л. 159). Ученый предположил, что верный своим приемам Лаврентий заимствовал отсюда уподобление писца мореходу.

Надо сказать, что этот посвященный епископу Кириллу период (со слов «Любовному учению же и тцанию дивлься сего честного святителя Кирилла...» до слов «яко истинна есть повѣствову» включительно, — конец л. 158 об.—начало л. 159), довольно бессвязно вторгающийся в летописный текст, уже не раз привлекал и настораживал внимание ученых. А. А. Шахматов думал, что это отрывок похвального слова епископу Кириллу, вставленный в ростовскую летопись — наряду с повестью о Батыевом нашествии и рассказом об изгнании «бесурмен» в 1262 г. — не в момент ее создания, а позже.⁵² Но А. Н. Насонов показал, что весь этот текст является слегка приспособленным к рассказу о Кирилле заимствованием из славянского перевода предисловия к посланиям апостола Павла в Апостоле.⁵³ Место вставки находится как раз в промежутке, пользовавшемся особым вниманием изготовителей-передельвателей летописи (лл. 158—164). Стиль работы (торопливая небрежность, вследствие

⁵² А. А. Шахматов. Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи, стр. 64—65.

⁵³ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 477—480.

которой все это место производит впечатление спутанного и сбитого)⁵⁴ тоже свидетельствует об их руке. Неясно только, каков был смысл этой работы. Вероятно, редакторы хотели сделать более рельефной фигуру епископа Кирилла, одного из действующих лиц повести о Батыевой рати: о нем молится перед мученическо-вероисповедной смертью Василько Константинович («спаси рабы твоя чада моя Бориса и Глеба, и отца моего епископа Кирила», — л. 162 об.), он хоронит обоих князей и его молитвами, наряду с молитвами богородицы, бог прекращает разорение Русской земли: «... не презрѣ господь молитвы его и слез, иже приношаше господеви, моляся д(е)нь и ношь, абы не оскудела правовѣрная вѣра христьянская, еже и бысть: сдѣя господь спасенье велико князем нашим, избавил е от враг наших» (л. 164).

Если в князьях — героях повести о татарском нашествии легко «опознаются» князья XIV в., то на сопоставление с ростовским епископом Кириллом «напрашивается» сам непосредственно причастный к созданию Лаврентьевской летописи нижегородско-суздальский епископ Дионисий.

Но вернемся к послесловию летописи. Развивая мысль В. Л. Комаровича с учетом наблюдений А. Н. Насонова, можно было бы подумать, что в статье 1231 г. и в начале приписки был использован один и тот же источник — Апостол. Однако дело, оказывается, обстоит иначе.

Недавно была опубликована такая запись XIV (или XIII) в. в парижской греческой рукописи сочинений Аристотеля (Paris. gr. 1853, f. 195v): «Ὡσπερ ξένοι χαίροντες εἶδεν π(α)τριδα καὶ οἱ θαλατῆροντες εἶδεν λιμένα καὶ οἱ κοπιοντες εἶδεν τὸ κέρδος τοὺς καὶ οἱ στρατεβόμενοι εἶδεν τὸ νίκος, ὁμίως καὶ οἱ μαθάνοντες εἶδεν βιβλίου τέλος»⁵⁵ («Как радуются странники, завидя отечество, и мореходы, завидя порт, и труженики, видя прибыль, и войны, видя победу, так и читающий — видя конец книги»; запись сделана довольно безграмотно).

Следом за ней стала известна другая (тоже безграмотная) приписка того же типа: «Ὡσπερ οἱ ξένη χέρωντ(αι) ἰδεῖν π(α)τριδα οὕτως (καὶ) οἱ θαλατῆρωντες ἰδεῖν λιμ(εν)α, ὡς αὐτως (καὶ) οἱ γράφωντ(ες) ἰδεῖν τέλος βιβλίου» («Как радуются странники, завидя отечество, так и мореходы, завидя порт, точно так же и пишущие, видя конец книги»; запись датируется 1522 г.; Barber. gr. 386).⁵⁶

В самое последнее время опубликована и третья аналогичная греческая приписка по рукописи XVIII в.⁵⁷

Таким образом, никаких сомнений теперь нет: Лаврентий начал свое послесловие с повторения или перевода одной из стандартных византийских книжных приписок. Этот факт обнаруживает какое-то знакомство мниха Лаврентия с византийской книжностью. Знал ли он греческий язык, бывал ли он, как Дионисий Суздальский, в Византии, мы, наверно, никогда не узнаем. Но важнее другое: оба этих человека, которым мы обязаны созданием в 1377 г. замечательной рукописной книги по русской истории, принадлежали, судя по всему, к тому слою монахов, который служил главным проводником веяний, шедших на Русь с Балкан, и был самым культурно-плодовитым (литература, архитектура, живопись) и самым

⁵⁴ См.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 98.

⁵⁵ P. Moraux. Le Parisinus graecus 1853 (Ms. E) d'Aristote. — Scriptorium, t. XXI, 1967, № 1, p. 35 et pl. 3c.

⁵⁶ A. Jacob. Une prière du skeuophylakion. — Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome, Bruxelles—Rome, 1968, p. 329.

⁵⁷ БАН, РAIK, № 44; см.: И. Н. Лебедева. Греческие рукописи. — Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 5, Л., 1973, стр. 174.

социально активным в то время, так что, мне кажется, можно говорить об этом явлении в целом как о международном восточноевропейском «монашеском общественном движении» (сколь ни парадоксально сочетание этих слов).

«Неразгаданный, но выдающийся церковный деятель XIV в.»,⁵⁸ Дионисий Суздальский в некоторых исторически существенных чертах был предшественником Сергия Радонежского: ученики Дионисия основывали монастыри общежительного типа, киновии, еще в 1352 г.,⁵⁹ за три года до того, как Сергей, руководствуясь грамотой патриарха Филофея, преобразовал свою монашескую общину из особножития в общежитие (а сам Дионисий, значит, раньше 1352 г.). И через три года после того как Дионисий с Лаврентием литературными средствами благословили антитатарскую борьбу, Сергей благословит Дмитрия Донского на Куликовскую битву.

⁵⁸ М. Д. Приселков. Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, стр. 38.

⁵⁹ См. Житие Евфимия Суздальского. Я пользовался списком ГПБ, ОЛДП. № 233 (175), сборник XVII в., лл. 104—165 об.

О. В. ТВОРОГОВ

Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению

Понятие о не дошедшей до нас древнерусской хронографической компиляции — Хронографе по великому изложению (далее: Хр. по ВИ) было введено в науку В. М. Истриным. Он установил, что Хр. по ВИ отразился в трех независимо друг от друга восходивших к нему памятниках: Полной и Краткой редакциях Хронографической палеи и Еллинском летописце второй редакции (далее: Пол. палея, Кр. палея и ЕЛ-2; в тех случаях, когда исследуемый текст в обеих палеях тождествен, при указании на него употребляется обозначение — Хр. палея).¹

Недавно был обнаружен еще один источник для реконструкции Хр. по ВИ — хронографическая компиляция, которую я назвал Троицким хронографом (далее: Тр. хр.).² Оказалось, что Тр. хр. также восходит к Хр. по ВИ, но при этом передает более первичный его текст, чем текст, послуживший источником Пол. палеи, Кр. палеи и ЕЛ-2.

Рассмотрению Хр. по ВИ и Тр. хр. посвящена особая работа, подготовленная к печати; для данной статьи я лишь использую результаты реконструкции Хр. по ВИ с помощью обеих редакций Хронографической палеи и ЕЛ-2, с одной стороны, и Тр. хр., с другой. Цель статьи — сопоставить этот реконструированный текст с текстом параллелей к Хронике Георгия Амартола (далее: Хр. Амартола) в составе ПВЛ.

* * *

И А. А. Шахматов, и В. М. Истрин признали тот несомненный факт, что в ПВЛ Хр. Амартола попала двояким путем: как непосредственно, так и через средство основанной на ней хронографической компиляции — Хр. по ВИ (А. А. Шахматов называл ее «особым хронографом, включившим в свой состав текст Амартола», или «хронографом особого состава»)³ А. А. Шахматов утверждал при этом, что Новгородская первая летопись (далее: Н1Л), отразившая предшествующий ПВЛ Началь-

¹ В. М. Истрин. Редакции Толковой палеи. СПб., 1907.

² Троицкий хронограф известен в трех списках: в составе сборников ГБЛ — собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728 (далее: Тр.) и собр. Ундольского, № 1, а также сборника ГПБ, Нового собрания рукописных книг, 1918 г., № 27. Все три списка датируются XV в.

³ См.: В. М. Истрин. 1) Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. Пгр., 1922, стр. 348—363; 2) Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. XXVI, Л., 1923, стр. 67—75; А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 60 и 72.

ный свод, не знала заимствований из Хр. Амартола, а использовала только Хр. по ВИ; заимствования из Хр. Амартола были сделаны уже в ПВЛ.⁴ В. М. Истрин, напротив, сомневался в том, что Н1Л отражает текст Начального свода; он, правда, был согласен с А. А. Шахматовым, что заимствования из полного текста Хр. Амартола вошли лишь в состав ПВЛ, но считал, что Хр. по ВИ был широко использован в Древнейшем своде (в первой редакции ПВЛ, по В. М. Истрину — своде середины XI в.), а отсутствие ряда этих параллелей из Хр. по ВИ в Н1Л объявлял результатом сокращений, произведенных составителем данной летописи.⁵ Таким образом, Н1Л в глазах В. М. Истрина утрачивала то значение для восстановления состава Начального свода, какое она имела для А. А. Шахматова и других ученых, разделяющих точку зрения последнего.⁶

В. М. Истрин и А. А. Шахматов по-разному отвечали и на вопрос, какие из параллелей ПВЛ с текстом Хр. Амартола возводимы к полному тексту Хроники, а какие — к Хр. по ВИ. В. М. Истрин первоначально считал, что лишь два фрагмента ПВЛ восходят непосредственно к Хр. Амартола: «Сказание о нравах народов» и рассказ об Аполлонии Тианском.⁷ Позднее В. М. Истрин отнес к числу заимствований из Хр. Амартола и «историю расселения потомства Ноя».⁸ Остальные извлечения, по его мнению, были сделаны из Хр. по ВИ.

А. А. Шахматов, напротив, относил к заимствованиям через посредство «хронографа особого состава» (т. е. Хр. по ВИ) рассказ о знаменьях, рассказ о разделении земли между сыновьями Ноя и о Вавилонском столпотворении, а также ряд чтений из «Речи философа». Остальные параллели он считал заимствованиями из полного текста Хр. Амартола.⁹

Рассмотрим все отмеченные обоими исследователями параллели ПВЛ и Хр. Амартола (в перечне указываются не сами совпадающие слова или фразы, а границы фрагментов, в которых отмечены параллели; нумерация фрагментов соответствует нумерации, принятой в статье А. А. Шахматова¹⁰).

1. Фрагмент «По потоупъ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю... межю Миды и Вавилономь».¹¹

с 10 2. Фрагмент «Сим же и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, жребьи метавше... и в лѣта многа хранимъ останокъ» (стр. 14).

3. Фрагмент «Словѣнську же языку... рекше от козаръ, рекомии болгаре» (стр. 14).

⁴ А. А. Шахматов. 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 101 и 394—395; 2) «Повесть временных лет» и ее источники, стр. 60; 3) Киевский начальный свод 1095 г. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов под ред. акад. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947, стр. 121, 152 и др.

⁵ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания, стр. 56—66 и 74.

⁶ О принципиальном значении спора В. М. Истрина с А. А. Шахматовым о месте Н1Л в системе старшего русского летописания см.: Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, сб. 1. Л., 1968, стр. 21—23. Пользуюсь случаем поблагодарить Я. С. Лурье, обратившего мое внимание на некоторые важные аспекты этой полемики.

⁷ Речь идет о фрагментах 6 и 14 в следующем далее перечне параллелей. См.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола... т. II, стр. 349—350.

⁸ Это фрагмент 1 в следующем далее перечне. См.: В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания, стр. 68 и 74.

⁹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, стр. 60, 72—80.

¹⁰ Там же, стр. 42—60.

¹¹ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 9—10. Далее страницы по этому изданию указываются в скобках в тексте.

4. Фрагмент «Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго» (стр. 14).

5. Фрагмент «Въ си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша» (стр. 14).

6. Фрагмент «Ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть... и прилѣжнѣ възпитають» (стр. 15—16).

7. Фрагмент «Въ лѣто 6360... в лѣтописаньи Гречьстѣмъ» (под 852 г.; стр. 17).

8. Фрагмент «В лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои брегемъ и моремъ на болгары... миръ створи с болгары» (под 858 г.; стр. 17—18).

9. Фрагмент «В лѣто 6374. Иде Аскольд и Дир на греки... въ свояси възвратишася» (под 866 г.; стр. 19).

10. Фрагмент «Поча царствовати Василии» (под 868 г.; стр. 19).

11. Фрагмент «В лѣто 6395. Левонъ царствова... иже царствоваста лѣтъ 20 и 6» (под 887 г.; стр. 21).

12. Фрагмент «Леон царь ная угры... Въ Дерѣстрѣ убѣжа» (под 902 г.; стр. 23).

13. Фрагмент «Явися звѣзда велика на западе копейнымъ образомъ» (под 911 г.; стр. 25).

14. Фрагмент «Якоже бысть во царство Доментіаново... не чудесы прелщати» (под 912 г.; стр. 30—31).

15. Фрагмент «В се же время поча царствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ» (под 913 г.; стр. 31).

16. Фрагмент «В то же лѣто прииде Семионъ Болгарьски на Царьградъ, и сотворивъ миръ и прииде восвоаси» (под 914 г.; стр. 31).

17. Фрагмент «В си же времена прииде Семионъ... мы же зовемъ Ондръянѣмъ градомъ» (под 915 г.; стр. 31—32).

18. Фрагмент «В лѣто 6428. Поставленъ царь Романъ въ Грекохъ» (под 920 г.; стр. 32).

19. Фрагмент «Приде Семевонъ на Царьградъ... възратися въсвоаси» (под 929 г.; стр. 32).

20. Фрагмент «Первое приидоша угре на Царьградъ и пленоваху всю Фракию; Романъ сотвори миръ со угры» (под 934 г.; стр. 32).

21. Фрагмент «В лѣто 6449. Иде Игорь на Греки... сего ради не одолѣхомъ имъ» (под 941 г.; стр. 33).

22. Фрагмент «Семеонъ иде на храваты, и побѣженъ бысть храваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего, болгаромъ» (под 942 г.; стр. 33).

23. Фрагмент «Паки придоша угри на Царьградъ и миръ створивше съ Романомъ, възвратишася въсвоаси» (под 943 г.; стр. 33).

24. Фрагмент «Его же по правдѣ, яко неправедна, суду нашедшу на нь, по отшествии сего свѣта прияша муки, ... по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ» (под 1019 г.; стр. 98).

25. Фрагмент «Яко же древле, при Антиосѣ... на Палестиньскую землю» (под 1065 г.; стр. 110—111).

26. Фрагмент «Друзи же глаголють: сыны Амоновы... а Измаиль роди 12 сына» (под 1096 г.; стр. 152).

В. М. Истрин не упоминает из перечисленных здесь параллелей параллели 2—5, 7, 24 и 26. При этом исследователь, как уже было сказано,

лишь параллели 1, 6 и 14 считает заимствованиями из Хр. Амартола. Кроме того, он добавляет еще три параллели: фрагмент из рассказа о походе Олега («А ихже имаху плѣнники. . . елико же ратнии творять», под 907 г.; стр. 24), представляющий собой вариант части текста фрагмента 21¹² (обозначим его как параллель 27), и параллели в тексте Ипатьевской летописи под 1111 и 1114 гг. (в пределах третьей редакции ПВЛ, по классификации А. А. Шахматова).¹³

Прежде чем перейти к рассмотрению параллелей, отмечу одно важное обстоятельство: в Начальном своде — каким он предстает перед нами в Н1Л — из этих параллелей присутствуют только три (9, 21 и 25).¹⁴ Следовательно, если А. А. Шахматов прав, именно эти параллели и должны восходить к Хр. по ВИ. Однако выясняется, что в ПВЛ вообще нет параллелей с Хр. по ВИ (за исключением трех упомянутых выше, но они перешли в ПВЛ не непосредственно из Хр. по ВИ, а через посредство Начального свода!). Если это наблюдение справедливо, то перед нами дополнительный аргумент в пользу гипотезы А. А. Шахматова, согласно которой разные редакторы пользовались разными источниками: составитель Начального свода — Хр. по ВИ, а составитель ПВЛ — только Хр. Амартола (полным текстом). К сожалению, доказательная сила этого изящного построения несколько ослабляется тем, что, во-первых, не во всех случаях мы можем восстановить текст Хр. по ВИ (этот памятник поддается реконструкции лишь с рассказа о царствовании Соломона), а во-вторых, многим параллелям соответствует совершенно сходный текст в Хр. Амартола и в Хр. по ВИ. И тем не менее существенно, что в ПВЛ не обнаруживается ни одной параллели, о которой можно было бы с уверенностью сказать, что она восходит не к Хр. Амартола, а к Хр. по ВИ; с другой стороны, в Н1Л нет бесспорных примеров обращения к полному тексту Хр. Амартола.

Фрагменты 1, 2 и 3 я вынужден исключить из рассмотрения: та часть Хр. по ВИ, где рассказывалось о разделении земли и Вавилонском столпотворении, не может быть пока реконструирована. Остается согласиться с А. А. Шахматовым, возводившим эти параллели к полному тексту Хр. Амартола.

Фрагменты 4 и 5 — текст ПВЛ: «Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша» (ПВЛ, стр. 14) — А. А. Шахматов соотносил с текстом Хр. Амартола.¹⁵ где в рассказе об императоре Ираклии употреблены те же переводы этнонимов: 'Αβραοι переведено как «обры», а τούρκοι — как «угры». В Хр. по ВИ (если судить по Хр. палее) сообщение о войнах Ираклия состояло из одной фразы: «При сем воеваху обьре и пьрсяни грькы, и побѣди а съ угры царь».¹⁶ В этой фразе не упомянуто имя персидского царя и нет подробностей войны с аварами. Следовательно, А. А. Шахматов прав, соотнося фрагменты 4 и 5 именно с полным текстом Хроники.

¹² В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . т. II, стр. 349.

¹³ Там же, стр. 362—363. См. также: В. М. Истрин. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом. — ЖМНП, 1897, № 11, отд. 2, стр. 83—91.

¹⁴ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 105, 107—108, 184—185.

¹⁵ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пгр., 1920, стр. 434. В дальнейшем это издание, как и сам памятник, обозначаем: Хр. Амартола.

¹⁶ Полная палея, рукопись ГПБ, собр. Погодина, № 1435, л. 433 об. (далее все цитаты даются по этому списку). В Тр. хр. этот фрагмент заменен повестью о Хозрофе.

Фрагмент 6 — рассуждение о нравах народов — можно соотнести только с Хр. Амартола, но с некоторой долей условности, ибо мы не знаем, не входил ли этот текст в Хр. по ВИ, в ту первую часть его текста, которая не может быть надежно реконструирована?¹⁷

Фрагменты 7—9 А. А. Шахматов соотносил с Хр. Амартола,¹⁸ а В. М. Истрин — с Хр. по ВИ. В. М. Истрин писал: «Под 6370—6374 (862—869) гг. изложены события, имевшие место в период царствования в Византии импер. Михаила. Они следующие: 1) война Михаила с болгарам и крещение болгар (6366); 2) изгнание варягов за море; 3) призвание варяжских князей (6370); 4) захват Аскольдом и Диром Киева, и 5) поход Аскольда и Диры на Царьград (6374). Весь этот отрывок имеет тесную связь с соответствующим в обеих „Хронографических паляях“ (В. М. Истрин ссылается на Пол. паляю, ГБЛ, собр. Румянцева, № 453 и Кр. паляю, БАН, 24.5.8 (паляю Срезневского), — О. Т.)... Общими являются §§ 1-й, 3-й и 5-й, причем 1-й и 5-й восходят к хронике Георгия Амартола. Такое соединение двух событий, взятых из хроники Амартола, с русским преданием не может быть случайным и должно восходить к общему источнику... Таким общим источником и был „Хронограф по великому изложению“. Византийские события в нем читались кратко: 1) Амарт. 503, 1—3 (удержалось в «Палаях»); 2) Амарт. 503, 8—21 (удержалось в «Палаях»); 3) Амарт. 506, 21—27¹⁹ (удержалось в «Летописи»), и 4) сказание о призвании варягов (удержалось в «Летописи» и в «Палаях»). Этим источником каждый автор воспользовался по-своему. Автор „Повести временных лет“ соединял его с русскими известиями-сказаниями... но выпустил §§ 1-й и 2-й. Автор ближайшего оригинала „Палей“ сократил лишь § 2 (видимо, опечатка, следует «§ 3»; В. М. Истрин в данном случае имеет в виду не перечень фрагментов в ПВЛ, а перечень извлечений из Хр. Амартола в Хр. по ВИ, — О. Т.), удержав остальное без изменений, и прибавил о преложении книг на славянский язык в 6373 г.»²⁰

Приведу текст Хр. по ВИ, каким он предстает перед нами в Хр. палее и Тр. хр.:

«По Феофилѣ же царствова Михаилъ, сынъ его, съ матерію с Феодороу лѣто 4, а единъ лѣт 10, а с Васильемъ лѣто одно.²¹

И при сего царствіи въ 2-е лѣто царства его крещена бысть Болгарьскаа земля. И приложиша книги от греческа языка на словенський Кирил философ с Мефодіемъ в лѣто 6363, при Борисѣ, князи болгарьстѣм.²²

Феодора же, Михаила царя мати, та бяше вѣрна и простославна, ввела же въ святых Феодосіа, мниху сущю и патриарху, постави же вся епископы, Феофилом въ оземьствование посланы, введе и вся сѣвѣку-

¹⁷ Заимствованием непосредственно из Хр. Амартола считает этот фрагмент и В. М. Истрин (В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., т. II, стр. 349—350 и 352—353).

¹⁸ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, стр. 47—49.

¹⁹ У В. М. Истрина ошибка, следует: 508, 21—28. Здесь и далее после страниц указаны строки по изданию В. М. Истрина.

²⁰ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., т. II, стр. 357—358.

²¹ Источник — Хр. Амартола, стр. 503, 1—3. В Кр. палее и Тр. хр. добавлено: «и мѣсяци 4», что соответствует Хр. Амартола.

²² Источник неизвестен. В Тр. хр. этот фрагмент отсутствует. В Кр. палее (ГПБ, собр. Погодина, № 1434; далее все цитаты из Кр. палей по этому списку) начало фрагмента иное: «В лѣто 6363 при Борисѣ князи болгарьстѣмъ, при Ростиславѣ, князи моравьсти и Костели, князи латиньстѣ, и при сего царствіи...» и т. д. Оканчивается фрагмент на словах «с Мефодіемъ». В Кр. Палее БАН 24.5.8 фрагмент начинается как в Пол. палее, но также оканчивается словами «с Мефодіемъ», после чего следует: «И убьенъ бысть Михаилъ Васильемъ царемъ».

пивши простославную вѣру утверди, и святых иконъ покланяние проповѣда в первую недѣлю святаго поста.²³

По сих же царь на агаряны изыде воевати. Дошедшу же ему Чермныа рѣкы глаголемыа, вѣсть ему епархъ посла, яко Русь на Константиноград идуть, тѣмъ царь прочее не иде.²⁴ Русь же внутрь Суда вшедше... и въсвоися с побѣждениемъ възвратишася.²⁵

И убиенъ бысть Михаилъ Василиемъ царемъ».²⁶

Вставка о призвании варягов (в том, что это именно вставка, не придется сомневаться: она разрезает текст рассказа о походе Аскольда и Дира) читается также в Румянцевском списке Полной палеи (ГБЛ, собр. Румянцева, № 453, л. 439 об.). В. М. Истрин, упоминая об этом (и аргументируя этим принадлежность рассказа о призвании варягов Хр. по ВИ), отмечает, однако, что там она находится на другом месте: «перед сказанием о Феодоре, к каковому сказанию делается переход — еще убо на предлежащее да възвратимся».²⁷ Но существенно и другое: в Румянцевской палее вставка эта имеет совершенно иной вид: «В лѣто 6363 при Борисе Болгарьстем лѣт 6374 иде Володимеръ въ греки въ 200 лодии, а преж тех лѣт словени и кривици ходиша к варягом и рѣша: „Земля наша добра, и велика, и обилна, и наряда в ней нету. Въдадिति нам князи, да влад(а)ют нами“. И избраша 3 брат(ь)и с родом своим: старейи съде в Новгороде Люрик (так!), а Сенеушь на Белеозере, а Труволь (так!) во Изборске» (л. 439 об.).

В. М. Истрин далее пишет: «Итак мы должны признать, что в общем оригинале, т. е. в „Хронографе по велик. излож.“, царствование Михаила читалось так, как оно сохранилось в Палеях, т. е. состояло в очень кратких выдержках из Амартола с прибавлением сказания о призвании варягов. Что последнее читалось там, доказывается и тем, что в Еллинском летописце читается тот же рассказ, см. Общ. Люб. Др. письм., л. 429».²⁸

В это утверждение В. М. Истрина необходимо внести уточнение. В списках ЕЛ-2 Чудовского вида (ГИМ, Чудовское собр., № 51/353 и ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. 33²⁹) действительно читается рассказ о призвании варягов, но он существенно отличается от палеиногo: «В лѣто 6370. Въ царство царя Михаила приидоша Русь, Чюдъ, Словени, Кривичи к Варягом и рекоша: „Земля наша Руская добра, велика, богата и обилна, всѣм исполнена, а нарядника в ней нѣтъ. Поидите к нам и княжите и владѣте нами“. И избрашася 3 брат(ь)я с роды своими: 1 Рюрикъ съде

²³ Источник — Хр. Амартола, стр. 503, 8 и 18—21. В Тр. хр. текст тот же, но здесь, как и в Кр. палее, нет слов «Михаила царя мати», являющихся вставкой сравнительно с текстом Хр. Амартола.

²⁴ В Кр. палее в этой фразе сделана вставка — рассказ о призвании варягов: «... вѣсть ему епархъ при сего царствини посла, яко Русь, и Чюдъ, и Словени, и Кривици к варягом и рѣша: „Земля наша добра и велика и обилна, и наряда в ней нѣту, поидѣте княжить и владѣте нами“. Избраша 3 брат(ь)а с роды своими. Старѣиши Рюрикъ съде в Новѣгородѣ». Далее: «В лѣто 6374 Аскольдъ и Дирь на греки иде въ 200 лод(ь)яхъ, а на Костянтиноград идут Аскольдъ и Дирь въ 200 лодьяхъ». Затем следует текст: «Тѣмъ цесарь прочь не иде...» и т. д.

²⁵ Источник — Хр. Амартола, стр. 511, 7—21.

²⁶ Эта фраза в Кр. палее, в списке БАН, читалась выше.

²⁷ В. М. Истрин. Редакции Толковой палеи, стр. 134. На вставочный характер этого пассажа в Румянцевской палее указывает, на мой взгляд, уже фраза «еще убо на предлежащее да възвратимся».

²⁸ В. М. Истрин. Редакции Толковой палеи, стр. 134.

²⁹ В третьем списке Чудовского вида — Толстовском (ГПБ, F.IV.91) — утрачены листы, содержащие текст интересующих нас статей. Подробней о видах Еллинского летописца см.: О. В. Творогов. К изучению древнерусских хронографических сводов. — ТОДРА, т. XXVII, Л., 1972, стр. 381—393.

в Новгородѣ, 2 Синеусъ съдѣ на Бѣлѣозерѣ, 3 Труворѣ съдѣ въ Изборсцѣ. По двою же лѣту Синеусъ и Труворѣ умре, и приять всю власть русскую Рюрикѣ единѣ. И съдѣ Рюрикѣ в Новѣгородѣ в Великомѣ» (л. 437 об.—438 по новой пагинации).³⁰ В списках Академического вида ЕЛ-2 после слов «В лѣто 6370» следует: «Постави же Михаилъ царь Василья въ умершаго мѣсто...».³¹ Есть основания думать, что именно Чудовский вид сохраняет первичное чтение ЕЛ-2. Действительно, к чему относится сохранившаяся в списках Академического вида дата «В лѣто 6370» (862 г.)? К предыдущей фразе: «И по сихъ царствова Михаилъ един 10 лѣт» — или к последующей: «Постави же Михаилъ царь Василья въ умершаго старѣшины мѣсто»? Скорее всего к предыдущей. Но характерно, что, во-первых, в источнике этой фразы — Хр. Амартола (см. стр. 503, 3) вообще не указана дата; во-вторых, по сведениям той же ПВА, Михаил стал царствовать в 6360 (852) г.; в-третьих, ни в Тр. хр., ни в Хр. палее не сохранились абсолютные даты царствования императора Михаила; наконец, напомним, что в Чудовском списке ЕЛ-2 есть и следующая дата: «В лѣто 6371 съдѣ Рюрикѣ в Новѣгородѣ Великомѣ».

Из всего сказанного можно сделать два вывода: 1) рассказ о призвании варягов входил в состав ЕЛ-2 в его архетипном виде, он сохранился в списках Чудовского вида, а в списках Академического вида был опущен, оставив, однако, свой след в виде слов «в лѣто 6370»; 2) в Хр. по ВИ рассказа о призвании варягов не было. Он был взят, независимо друг от друга, различными памятниками (ЕЛ-2, Кр. палеей и Румянцевским списком Полной палеи)³² из иного источника. Это предположение может быть подтверждено и следующими фактами. Во-первых, рассказ о призвании варягов отсутствует в Тр. хр. и Погодинском списке Полной палеи, который сам В. М. Истрин считал отражающим первичный вид памятника, тогда как Румянцевский список представляет уже вторичный текст.³³ Во-вторых, в Кр. палее рассказ выглядит явной вставкой, при этом он отличается от текста того же рассказа в Румянцевской палее. В-третьих, палеинный рассказ не может быть соотнесен с рассказом ПВА, характерная черта их различия — иной текст обращения к варягам. В Лаврентьевской летописи оно таково: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ» (ПВА, стр. 18). Сходный текст читается в Н1Л.³⁴ В списке ОЛДП ЕЛ-2 иначе: «Земля наша Руская добра, велика, богата и обилна, всем исполнена, а нарядника в ней нет». Аналогично в Кр. палее: «Земля наша добра и велика и обилна, а наряду в ней нѣту» — и в Румянцевской палее: «Земля наша добра, и велика, и обилна, и наряду в ней нету». Отметим, что эпитет «добра», отсутствующий в старших списках ПВА, мы встретим также в летописях, восходящих к своду 1448 г. Например, в Новгородской IV летописи: «Вся наша земля добра и велика есть, изобилна всѣмъ, а нарядника в ней

³⁰ В Чудовском списке текст рассказа несколько отличается: «Въ царство же сего Михаила царя в лѣто 6370 къ варягом приидоша Русь, Чуд, Словени, Кривичи и рекоша: „Земля наша добра Русская, велика, богата, и обилна всѣм исполнена...“»; и далее, после слов «Рюрикѣ единѣ»: «В лѣто 6371 съдѣ Рюрикѣ в Новѣгородѣ Великомѣ» (л. 407).

³¹ ЕЛ-2, список БАН, 33.8.13, л. 258 об.

³² Следует подчеркнуть предварительный характер этой справки: видимо, аналогичное чтение может обнаружиться и в других списках Полной палеи, относящихся к той же (вторичной) группе, что и Румянцевский список. А. С. Демин любезно сообщил мне, то вставки о варягах нет также в списках ГИМ, Синодальное собр., №№ 210 и 211.

³³ В. М. Истрин. Редакции Толковой палеи, стр. 163.

³⁴ Единственное отличие: «а наряда у нас нѣту» (Новгородская первая летопись, стр. 106).

нет».³⁵ Особенно заметна близость чтения свода 1448 г. с Еллинским летописцем (общее чтение «нарядника» вместо «наряда», сходство чтений «всѣм исполнена» и «изобилна всѣмъ»). Причины этого совпадения пока неясны, но все же можно заключить, что палеинный рассказ и рассказ в Чудовском виде ЕЛ-2 сходны друг с другом и отражают иной вариант текста сравнительно с рассказом ПВЛ (каким он предстает в Лаврентьевской летописи или в Н1Л).

Итак, с Хр. по ВИ следует сопоставлять не рассказ о призвании варягов, а те три фрагмента, о которых писал А. А. Шахматов. Первый из них (фрагмент 7) — это упоминание под 6360 г. воцарения императора Михаила и того, что «при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописаньи гречьстѣмъ» (ПВЛ, стр. 17). Это указание слишком неопределенно, чтобы его можно было уверенно связать с тем или иным источником, но упоминание «летописанья греческого», пожалуй (как заметил уже А. А. Шахматов), скорее указывает на Хр. Амартола.³⁶

Рассказ о походе Михаила на болгар (фрагмент 8, по А. А. Шахматову) может быть сопоставлен только с Хр. Амартола (ср. стр. 508, 21—28): в Хр. по ВИ, как можно судить по Хр. палею и Тр. хр., его не было.

Рассказ о походе на Царьград Аскольда и Дира (фрагмент 9) читается и в Хр. по ВИ, и в Хр. Амартола, причем в обоих источниках текст тождествен, поэтому установить, откуда был извлечен этот рассказ ПВЛ, трудно. Примечательно, что рассказ этот читается в Н1Л в сокращенном пересказе. Можно предложить две версии: либо Н1Л сохранила рассказ Начального свода, а ПВЛ заменила этот рассказ новой выборкой из Хр. Амартола, либо рассказ Начального свода был тождествен рассказу ПВЛ, а сокращенный его вариант появился уже в тексте Н1Л. Мы не можем доказать, что рассказ Начального свода восходит именно к Хр. по ВИ, а не к Хр. Амартола, поскольку, как сказано, тексты в обоих памятниках тождественны, но у нас нет и оснований возражать против предположения, что рассказ Начального свода (как и в других случаях) восходит к Хр. по ВИ.

Итак, фрагменты 7 и 9 нейтральны: сделать выбор между двумя возможными их источниками не удастся, но фрагмент 8, вопреки В. М. Истрину и вслед за А. А. Шахматовым, следует признать заимствованием из полного текста Хр. Амартола.

Фрагменты 10, 11 и 18 также трудно отождествить с каким-либо одним источником — Хр. по ВИ или Хр. Амартола — ввиду их чрезвычайной краткости. Едва ли надежным критерием для определения источника фрагмента 18 («Поставленъ царь Романъ въ Грекохъ») может послужить сходство одного слова в ПВЛ и Хр. по ВИ. В Хр. Амартола говорится: «почтен бысть Роман кесаревом саномъ, а декавриа мѣсяца въ 17 день ... в царскыи вѣнець вѣнчан бысть Костянтином царемъ, зятем своимъ и Николою патриархомъ».³⁷ В Хр. по ВИ: «По Костянтине царствова Роман, поставленъ Костянтином царемъ и Николою патриархом» (Пол. палея, л. 440 об.; в Тр. хр. тот же текст). Слово «поставлен»

³⁵ Новгородская четвертая летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, Пгр., 1915, стр. 11. Ср. также: Софийская первая летопись. — ПСРЛ, т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 11.

³⁶ В Н1Л текст иной: «В си же времена бысть в Грѣчко земли цесарь именемъ Михаилъ, и мати его Ирина (императрицу Феодору спутали с другой активной противницей иконоборчества — императрицей Ириной, — О. Т.), иже проповѣдаетъ поклоняние иконамъ въ пръвую недѣлю поста» (стр. 105). Этот текст может быть в равной степени сопоставлен как с Хр. по ВИ, так и с полным текстом Хр. Амартола.

³⁷ Хр. Амартола, стр. 552, 24—26.

достаточно обычно для обозначения передачи кому-либо власти или прав управления.³⁸

Фрагменты 12, 13, 15, 17, 19, 20, 22, 23 и 26 не имеют в Хр. по ВИ — каким он восстанавливается по Тр. хр. и Хронографическим палям — параллельного текста. Как следует подойти к этому явлению? В. М. Истрин относил все названные фрагменты к Хр. по ВИ. Так, рассматривая фрагмент 17 («В си же времна прииде Семионъ, пленяя Фракию... зовемъ Андрѣянемъ градомъ» — ПВЛ, стр. 31—32), В. М. Истрин отметил, что «в „Палаях“ от этого заимствования нет ничего» (в Тр. хр. также, — *О. Т.*), но тем не менее решил, что «по аналогии же с другими надо считать и его взятым из того же „Хронографа по великому изложению“, а равно как и все другие, которых также нет в „Палаях“, что объясняется тем, что непосредственный источник оригинал „Палей“ сильно сокращал свой источник (местами)».³⁹ Мы знаем, что Тр. хр. в рассматриваемых случаях тождествен с Хр. палеей; следовательно, нельзя объяснить отсутствие этих чтений вмешательством редактора палей. Вообще в подобных ситуациях нельзя, думается, апеллировать к аналогии.

Итак, перед нами встает вопрос: как же оценить подобные примеры? Считать ли их бесспорным свидетельством, что в Хр. по ВИ данных чтений не было, и, следовательно, видеть в них убедительные параллели к полному тексту Хр. Амартола, или же допускать, как это сделал В. М. Истрин, что в первоначальном тексте того вида Хр. по ВИ, которым пользовался составитель ПВЛ, соответствующие чтения имелись, впоследствии же (еще до того, как Хр. по ВИ послужил источником составителю Тр. хр.) они были опущены? В пользу предположения В. М. Истрина можно даже выдвинуть такой аргумент: большинство из этих фрагментов действительно представляет не дословный текст Хр. Амартола, а пересказ ее. Но, думаю, осторожнее и вернее не утверждать связь с определенным источником, как это сделали А. А. Шахматов и В. М. Истрин, а ограничиться констатацией факта, что эти параллели «нейтральны» в споре ученых: они не дают возможности уверенно связывать ПВЛ с тем или иным источником.

Фрагмент 14 — рассказ об Аполлонии Тианском — признан и В. М. Истриным как заимствование из Хр. Амартола.⁴⁰

Обратимся к фрагментам 16, 21, 24 и 26. Фрагмент 16 — «В то же лѣто прииде Семионъ Болгарьскыи на Царьградъ, и створивъ миръ и прииде восвоаси» — может быть сопоставлен как с текстом Хр. Амартола: «Августа же мѣсяца Семеонъ Болгарьскыи князь воино(ю) изиде на Греки... прииде к Костянтиню граду и осѣде ѿ... Семеон же... въ свою страну обратишася без глашенных грамот о мирѣ разидошася» (Хр. Амартола, стр. 544, 23—545, 6), так и с Хр. по ВИ: «При сем воева Семеон з болгары и мир створъ отиде» (Пол. палая, л. 440 об.), но связь именно с Хр. Амартола (см. упоминание Константинополя—Царьграда, общее сочетание «Семионъ Болгарьскыи» и, быть может, параллель «в свою страну» — «восвоаси») бесспорна.

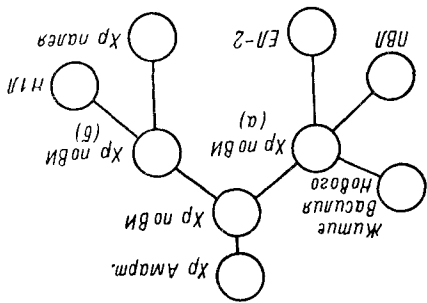
Фрагмент 24 нейтрален: тексты Хр. по ВИ (см. Пол. палая, л. 414) и Хр. Амартола (стр. 215, 23—216, 1) взаимно сходны, и ПВЛ не обнаруживает индивидуальной близости к тому или другому источнику.

³⁸ Такое употребление глагола «поставити» в ПВЛ обычно, например: «постави Мефодья епископа» (стр. 22), «постави намъ царя» (стр. 68), «поставлю вы игумена» (стр. 106), «игумена постави в свое мѣсто» (стр. 139) и т. д.

³⁹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола... т. II, стр. 361.

⁴⁰ Там же, стр. 350—352.

Фрагмент 26 бесспорно восходит к Хр. по В.И. А. А. Шахматов сдв- в Новгород. 1-й летописи по Ком., Акад. и Толст. спискам, а мы видели, что этот фрагмент, восходящий к Софийскому временнику, помещал в свое основание не «Летопись временных лет», а более древний летописный свод; этот свод не знала Амартова, но внес в свой состав несколько статей из указанного хронографа». ⁴¹ В. М. Истрин привел и убедительные тексто- логические доказательства этой связи. ⁴² Текст Тр. хр. совпадает с папей- ным, что укрепляет нашу уверенность в том, что рассказы о знаменитых исконки присутствовали в Хр. по В.И. При этом в Тр. хр. сохранились бо- лее правдивые чтения, чем в Хр. папее. Например, «без аучь сияше» (в папеех: «без начала сияше»; в ПБА: «без аучь свияше»); «и песь го- дия шестоногий» (в папеех: «песь родия о 6 нога»; в ПБА: «и песь го- дия шестонога»); «Единь о 4-хь ногахъ» (в папеех: «о 4-хь ногах»); в ПБА: «Единь о 4-хь ногахъ»); ⁴³ «В одну саучае ПБА сохранила более первичное чтение, чем Тр. хр. и Хр. папее: «Вядухь вьзяся повеяку» (в Тр. хр.: «вьзяся»; в Хр. папее: «взяся»); ⁴⁴ Обратимся к последнему, 21-му фрагменту: рассказ о походе Игоря на Парград. В. М. Истрин представляла взаимоотношения ПБА и Хр. по В.И. следующим образом:

Эта схема составлена на основании гипотезы В. М. Истрина, изло- женной им трижды в 1917—1923 гг. ⁴⁵ А. А. Шахматов считал, что в ПБА рассказ составлен на основании Хр. Амартова и Жития Василия Но- вогор. ⁴⁶ Что же касается рассказа о походе Игоря в статье 6428 г., то А. А. Шахматов соотносил с ним лишь фрагмент «а их же имаху папъники... елико же ратнии творятъ» из статьи ПБА под 907 г. о по- ходе Овета (так!), возводя его к Начальному своду, ⁴⁷ и указывая, что «весь текст Повести вр. лет, читающийся после договора 6420 <года> вплоть до рассказа о походе Игоря за данью в Деревскую землю в 6453 году, встав- лен в нее с составлением из других подсобных источников и не может быть возведен к ее основному источнику, более первоначальному летописному

⁴¹ А. А. Шахматов. «Летопись временных лет» и ее источники, стр. 60.
⁴² В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартова... т. II, стр. 356—357.
⁴³ См.: Пов. папее, в. 433—433 об.; Кр. папее, в. 281 об.—282); Тр. хр. по списку Тр., в. 383—383 об.; ПБА, стр. 111.
⁴⁴ См.: Пов. папее, в. 437; Кр. папее, в. 289; Тр. хр., в. 389 об.; ПБА, стр. 111.
⁴⁵ В. М. Истрин. 1) Летописные повествования о походах русских князей на Парград.— ИОРЯС, т. XXI, кн. 2, СПб., 1916, стр. 215—236; 2) Хроника Георгия Амартова... т. II, стр. 359; 3) Замечания о начале русского летописания, стр. 70—75.
⁴⁶ А. А. Шахматов. «Летопись временных лет» и ее источники, стр. 54—57.
⁴⁷ А. А. Шахматов. Повесь временных лет, т. 1. Пгр., 1916, стр. 30.

своду».⁴⁸ Далее, упомянув в числе статей этого, появившегося только в составе ПВЛ, текста «ряд известий и статей, извлеченных из продолжателя Амартола, а в статье 6449 года также из Жития Василия Нового»,⁴⁹ А. А. Шахматов подчеркивает: «всех этих статей не было в основном летописном своде (т. е. в Начальном своде, — О. Т.), который в противоположность Повести вр. лет не пользовался Амартолом и его продолжателем».⁵⁰

В другом месте той же статьи А. А. Шахматов пишет: «Систематические отличия исследуемой летописи (т. е. Начального свода, — О. Т.) от Повести временных лет обнаруживаются ... в систематическом опущении всех заимствований из Амартола и его продолжателя; это тем характернее, что две статьи, заимствованные из греческих хроник — статья о походе Руси на Царьград и рассказ о поражении Руси, предпринявшей морской поход при Романе (т. е. рассматриваемый нами рассказ о походе Игоря, — О. Т.), оказываются, как увидим, взятыми не из Амартола, а из Хроники типа Еллинского и Римского летописцев, причем оттуда же сделаны выписки под 6573 (1065) годом».⁵¹ Наконец, в более ранней работе А. А. Шахматов прямо указывал, что «статьи о походах Руси на Царьград при царях Михаиле и Романе изложены в Новгород. 1 по одному хронографическому источнику, а в Повести вр. лет по другому (по Амартолу)».⁵² Итак, счигая, что в Н1Л рассказ о походе Игоря изложен не по Хр. Амартола, а по «Хронике типа Еллинского и Римского летописцев» (по нашим представлениям, — по Хр. по ВИ), А. А. Шахматов соотносил с ним лишь статью ПВЛ под 907 г., а рассказ ПВЛ о походе Игоря под 941 г. возводил непосредственно к Хр. Амартола.⁵³

Но вернемся к гипотезе В. М. Истрина. Она настораживает уже тем, что именно рассказ о походе Игоря заставляет исследователя ввести в свое построение несколько новых элементов. Так, только здесь В. М. Истрин говорит о существовании двух разновидностей Хр. по ВИ, из которых одна отразилась в Начальном своде, а другая — в ПВЛ по Лаврентьевскому списку. Мало того, оказывается, что Хр. паляя и ЕЛ-2, тождественные во всех остальных случаях извлечений из Хр. по ВИ, также только в данном рассказе будто бы обнаруживают существенное различие, которое В. М. Истрин объясняет тем, что ЕЛ-2 восходит к одному, а Хр. паляя — к другому виду Хр. по ВИ. Создается впечатление, что единственное отличие этих видов Хр. по ВИ заключается в том, что один из них (а) использует текст Жития Василия Нового в описании похода Игоря на Царьград.⁵⁴

Мне кажется, что дело обстоит иначе, и данный пример не требует пересмотра установленной ранее зависимости памятников. В Хр. по ВИ рассказ о походе Игоря был составлен по Хр. Амартола. В Хр. паляе и

⁴⁸ А. А. Шахматов. Киевский начальный свод 1095 г., стр. 120.

⁴⁹ Там же, стр. 120.

⁵⁰ Там же, стр. 121.

⁵¹ Там же, стр. 152.

⁵² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 395.

⁵³ Я полагаю, что статья 941 г. также восходит к Начальному своду (см. об этом ниже), хотя возможно, что составитель ПВЛ сверил этот источник с Хр. Амартола, в частности добавив отсюда упоминание Вифинии, отсутствующее в Хр. по ВИ.

⁵⁴ В. М. Истрин прямо писал о двух разновидностях Хронографа по великому изложению, «различающихся между собой, по крайней мере, присутствием или отсутствием выдержек из „Жития Василия Нового“» (В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания, стр. 75).

Тр. хр. он читается в следующем виде (отличающиеся чтения выделены курсивом):

Троицкий хронограф

Въ лѣто 6428⁵⁵ индикѣта иуня же мѣсяца въ 5 день *придоша Русь*⁵⁶ на *Царьградъ* въ лодяхъ, тысящъ 10, иже и *скѣди* глаголемыи, от рода варяшскаго сущимъ.

Много же и велие зло створиша русь, *преже дажъ гречскимъ воемъ не приближимъся*. Тогда бо Съсуд (!) весь пожгоша, а ихже имше пльвнники овѣхъ *расѣвѣкаху*, и *ины же къ земли прѣсѣкаху*,⁵⁷ а другия же яко стража поставляюще, стрѣлами растрѣлаху, *елико же ратичьскому чину*,⁵⁸ *заламляху* опакъ связавше руцѣ,⁵⁹ гвозды желѣзны посреди главы вбиваху имъ.

Елико ихъ бѣаше в Костянтинѣ градѣ съ Феофаномъ патрикиемъ. Феофанъ же *воя лодинныя нарядивъ* преже и уготовивъ,⁶⁰ потомъ же и слезами себе утвердивъ, *ту си ожидаше въ лодяхъ*, на ня хотя ити искръ столѣпа, глаголемаго Форо стражница, в неиже огонь влагаемъ на просвѣщение нощи. Се на Устиньяна сына добродороднаго и Понта стражи дѣя, зане чистоте различанья за страны нагнанье, иже изби Ираклии.⁶¹ Ту русьскимъ лодьямъ разруши устроенымъ имъ. Прокъ же лодии обратишася на бѣгъ Русь и мнози погибоша (Тр., л. 392 об.).

Полная палея

В лѣто 6428 индикту июня же мѣсяца въ 10 день *приплуша Русь* на *Константинъ град* в лод(ь)яхъ 10 000, иже и *скѣди* глаголемъ, от рода варяжска сущемъ.

Много же и велие зло створиша Русь, *преже дажъ грецкимъ воемъ не пришедшимъ*. Тогда бо Съд весь пожгоша, а ихже имше пльвнники овѣхъ *растинаху*, другия же яко стража *поставляюща*, стрѣлами растрѣлаху, (*в Кр. палее доб.*: елико же ратному чину и заламляху) *опакы руцѣ* связавше, гвозди желѣзны посреде главы вбиваху имъ. *Многы же святыхъ церкви огнени предаша*.

Романъ же посла на дромонъ, елико же бяше в Костянтинѣ градѣ съ Феофаномъ патрикиемъ. Феофан же *воя и люди иныя урядивъ* преже и уготовивъ, потомъ же и слезами себе утвердивъ, *руси ожидаше в лодяхъ на ня ити искръ стѣпа* (*Кр. палея*: искрестѣпа) глаголемаго Фора стражница, в неиже и огонь влагаемъ на просвѣщение нощи. С на устьи Понта добродордна (*в Кр. палее доб.*: Понта) стражу дѣя, зане *ту часто разбоиничество* на страны нагнание, ихже изби Ираклии. *Ту дожда полка русьскимъ лодьямъ раздроши*, устроенымъ *огнемъ* пожже. Прокъ же лодии обратишася на бѣгъ Русь, и мнози погыбоша (Пол. палея, л. 440 об.—441; Кр. палея, лл. 293 об.—294).

⁵⁵ В Тр.: 36428 (Ā S̄ S̄ K̄ Ī).

⁵⁶ В Тр.: «Рурь».

⁵⁷ Ср. в Хр. Амартола: «овѣхъ растинаху, ины же к земли прѣсѣкиваху» (Хр. Амартола, стр. 567, 28—29).

⁵⁸ В Хр. Амартола: «елико ратному чину» (стр. 567, 30). Тр. хр. сохранил чтение, более близкое к греческому оригиналу, чем вторая редакция Хр. Амартола, по которой издано окончание Хроники. Сопоставляя древнерусский перевод памятника с оригиналом, В. М. Истрин отмечал, что греческому *ἱερατικῆς κλήρου* ближе соответствует текст ЕЛ-1: «елико же ирацикому чину» (В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., т. II, стр. 266). Это же чтение перешло из архетипного списка ЕЛ и в ЕЛ-2 (а не через особый вид Хр. по ВИ, как думал В. М. Истрин, ср.: В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград, стр. 222—223). Хр. по ВИ, представленный в данном случае Тр. хр., сохранил это же чтение, хотя и несколько исказил его.

⁵⁹ Видимо, попытка переосмысления: в Хр. Амартола «изъимаху опакъ руцѣ связавше» (стр. 567, 30), но в ЕЛ-2 «изломяще опакы руцѣ связавше», что отклоняется от греческого оригинала (где *συνελαμβάνων* — от *συνλαμβάνειν* — «забирать, уводить с собой, захватывать»). Эта связь ЕЛ-2 и Хр. по ВИ понятна: оба памятника восходили, по моим наблюдениям, к одной и той же редакции Хр. Амартола.

⁶⁰ Ср. в Хр. Амартола: «воя же лодинныя преже урядивъ и угодивъ» (стр. 567, 5).

⁶¹ Это место сильно испорчено и в Пол. палее, и в Тр. хр. Ср. в ЕЛ-2: «Сию хотя на ня ити, на устью Ускиною Понта (*в Хр. Амартола*: Еуксина Понта) сирѣчь Добродородна Понта, стражу дѣя ... зане частое ту разбоиничество на страннныя, ихже изби (И)раклии». Я не случайно привожу текст ЕЛ: как выясняется, Хр. по ВИ восходил вместе с ЕЛ к особой ветви Хр. Амартола, отличной от той, к которой восходят известные нам отдельные списки Хроники. В издании В. М. Истрина конец

Наблюдения над приведенными текстами и связанными с ними памятниками: Хр. Амартола, ПВЛ, Новгородской первой летописью, сохранившей текст Начального свода, — позволяют сделать следующие выводы:

1. Наличие в Тр. хр. рассказа о походе Игоря, сходного с рассказом Хр. палеи, укрепляет нашу уверенность в том, что именно этот рассказ и был тем единственным вариантом, который читался в Хр. по ВИ. Напомню, что ЕЛ-2 во всех остальных случаях восходит к тому же (третьему, по моей классификации) виду Хр. по ВИ, что и Хр. палея, поэтому предположение В. М. Истрина, что ЕЛ-2 восходит к какому-то особому варианту Хр. по ВИ, кажется маловероятным.

2. Весь рассказ Хр. по ВИ, каким он реконструируется на основании Тр. хр. и Хр. палеи, восходит к Хр. Амартола (ср. стр. 567, 1—31), за исключением слов «В лѣто 6428» и числа, когда русские напали на Константинополь (в Хр. Амартола — 18 июня).

3. Рассказ Н1Л знаком с Хр. Амартола лишь в том объеме, который представлен в Хр. по ВИ. При этом в Н1Л сохраняется та же, отличающаяся от источника, последовательность фрагментов рассказа, что и в Хр. по ВИ.⁶²

4. Рассказ о походе Игоря в ПВЛ (по Лаврентьевскому списку) основан на двух источниках: на Хр. Амартола и Житии Василия Нового, однако текст Амартола представлен в том же объеме, что и в Н1Л. Следовательно, составитель ПВЛ обращался не к полному тексту Хр. Амартола, а соединил рассказ Начального свода (основанный на Хр. в ВИ) с извлечениями из Жития Василия Нового. Характерно, что в ПВЛ, как и в Н1Л (в отличие от Хр. Амартола), сначала рассказывается о расправе над пленными, а потом о победе Феофана над русским флотом.

Рассказ ПВЛ позволяет предположить, что Н1Л не всегда точно следует тексту Начального свода: в ряде случаев в ПВЛ обнаруживается больше совпадений с рассказом Хр. по ВИ, чем в Н1Л. Это предположение подтверждается следующим фактом: если мы сравним рассказ о походе Игоря в составе свода 1448 г., в числе источников которого была Новгородская летопись,⁶³ с рассказом Хр. по ВИ, то обнаружим поразительную их близость, тогда как Н1Л передает тот же рассказ со значительными искажениями.

Приведу фрагмент рассказа по Софийской первой летописи,⁶⁴ внеся в него несколько необходимых исправлений по Новгородской IV летописи⁶⁵ (заклячая все дополнения в квадратные скобки; курсивом выделен текст, отсутствующий в Н1Л):

«Много же [и велие] зло сътвори русь, прежде дажде греческимъ [воемъ] не приспѣвшимъ. Тогда [бо] и Суды⁶⁶ вся пожгоша огнемъ, а ихъ же имше плѣнники, то овыхъ ростиаху, иныхъ же къ земли присѣкаху, дру-

Хр. Амартола, в частности рассматриваемый рассказ, издан по спискам второй редакции Хроники, и там чтение испорчено: «Се наутрна Еуксина Понта...», «на-страшныа нагнание». В Хр. по ВИ чтение, отвечающее греческому оригиналу («на устья» — *πρός τῶν . . . στόματι*).

⁶² Так, в Хр. Амартола сначала следует рассказ о победе Феофана над русским флотом, а потом о расправе русских с греческими пленниками. В Хр. по ВИ и Н1Л последовательность изложения иная.

⁶³ Как установлено исследователями, свод 1448 г. (лучше всего представленный Софийской первой и Новгородской четвертой летописями) восходит вместе с Н1Л младшего извода к Софийскому временнику, соединившему Начальный свод с текстом 3-й редакции ПВЛ. Это обстоятельство и позволяет нам сравнивать Н1Л и свод 1448 г.

⁶⁴ Софийская первая летопись, стр. 25—26.

⁶⁵ Новгородская четвертая летопись, стр. 27—29.

⁶⁶ Испорчено, вместо «Суд».

гия же яко стражи поставляюще, стрѣлами растрѣляху, елико [ратническому чину]⁶⁷ творяху, и изламааху опако руцѣ связавше, и гвозды желѣзныя посреди главы вбивааху имѣ. Много же святыхъ церквен огневи предаше, монастыреве и села пожгоша. . .».

Сравним эту реконструкцию с реконструкцией текста Хр. по ВИ (в основу положен текст Полной палеи по списку Погодинского собр., № 1435, исправления по Тр. хр., списку Тр. , заключены в квадратные скобки):

«Много же и велие зло створиша русь, преже даже [греческим] воемъ не пришедшимъ.⁶⁸ Тогда бо Судь весь пожгоша, а их же имше плѣнники, овѣхъ растинаху [и ины же къ земли прѣсѣкаху], другия же яко стража поставляюща, стрѣлами растрѣляху, елико же ратичьскому чину, [заламляху] опаки руцѣ связавше, гвозди желѣзны посреде главы вбиваху имѣ. Многы же святыхъ церкви огневи предаша».

Нетрудно заметить почти полное тождество рассказов в Хр. по ВИ и своде 1448 г. и существенное отличие рассказа Н1Л. Тот же рассказ в ПВЛ по Лаврентьевскому списку оказывается значительно короче: «И Судь весь пожгоша; их же емше, овѣхъ растинаху, другия аки странь поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки руцѣ связывахуть, гвозди и желѣзны посреди главы вбивахуть имѣ. Много же святыхъ церкви огневи предаша, монастырѣ и села пожгоша. . .» (стр. 33).

В Хр. по ВИ после слов «огневи предаша» следует рассказ о морском сражении: «Романъ же посла на дромонь. . .». Тот же рассказ, и точно так же близкий к рассказу Хр. по ВИ, читается и в своде 1448 г. Но между рассматриваемыми фрагментами (тождественными фрагментам Хр. по ВИ) в своде 1448 г., так же как и в ПВЛ, находится фрагмент в значительной своей части восходящий к Житию Василия Нового: «монастыреве и села пожгоша. . . влѣзоша в лодия и отбѣгоша».⁶⁹

Видимо, дело обстояло так: текст Начального свода в рассказе о походе Игоря, почти дословно повторяющий текст Хр. по ВИ (он и сохранился в своде 1448 г.), в ПВЛ был передан с сокращениями, но при этом дополнен извлечением из Жития Василия Нового. В Н1Л текст Хр. по ВИ Начального свода был существенно сокращен.⁷⁰

Составитель же свода 1448 г., сверяя свой новгородский источник с общерусским, где читался рассказ типа ПВЛ 2-й редакции, т. е. тот же текст, что и Лаврентьевской летописи, вставил из него отсутствовавший в его новгородском источнике фрагмент, естественно, поместив его после тех же слов «огневи предаша», после которых он читался и в ПВЛ. Так в своде 1448 г. образовалось сочетание полного текста Начального свода с дополнениями, свойственными ПВЛ.

Статьи о походе Игоря в ЕЛ-2 составлены на основании двух источников: архетипного текста ЕЛ и какого-то летописного свода, близкого по составу к Новгородско-Софийскому своду 1448 г. Этим и объяснимо смутившее В. М. Истрина сходство ЕЛ-2 и ПВЛ в использовании Жития Василия Нового: ПВЛ являлась одним из компонентов упомянутого летописного свода.

⁶⁷ В Н4Л: «елико ратнии».

⁶⁸ В Тр.: «приближшимъся».

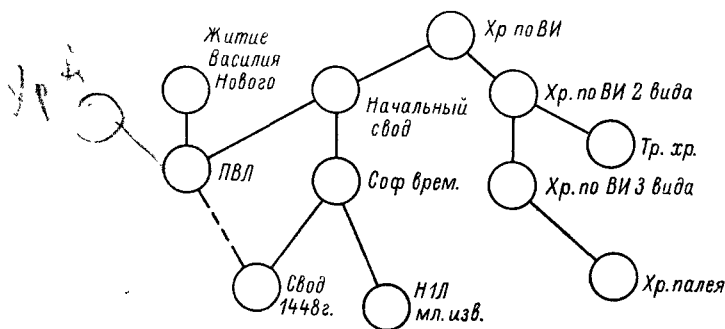
⁶⁹ Ср.: А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, стр. 69—72.

⁷⁰ Между прочими обращает на себя внимание и такой факт: в своде 1448 г., как и в Хр. по ВИ, рассказ о морском сражении начинается словами: «Романъ же посла на дромоны, елико бѣху в Константине (так!) граде съ Феофаномъ патрикъема на русь. . .». В Н1Л этой фразе предпослано редакторское объяснение: «Въ время же то царствующю во градѣ Роману, и абие посла Романъ цесарь патрикия Феофана съ вои на русь» (стр. 108).

Подробнее на источниках ЕЛ-2 я намерен остановиться в другой работе.

Итак, по моей гипотезе связь памятников была таковой:

Подведем итог. Из 27 (26 указано А. А. Шахматовым, одно добавлено В. М. Истриным); соответствий ПВЛ с Хр. Амартола лишь три отразились в Н1Л (т. е. Начальном своде), и все эти соответствия (фрагменты 9, 21 и 25) возводимы к Хр. по ВИ. Кроме того, я попытался доказать, что ни одна из индивидуальных параллелей ПВЛ и Хр. Амартола не может быть с уверенностью возведена к Хр. по ВИ. Если это утверждение справедливо,⁷¹ то перед нами еще один и чрезвычайно весомый аргумент в пользу гипотезы А. А. Шахматова: к Хр. по ВИ обращался только составитель Начального свода, а составитель ПВЛ обращался исключительно к Хр. Амартола; те же фрагменты, которые могут быть возведены к Хр. по ВИ, перешли в ПВЛ через посредство Начального свода.

За пределами нашего рассмотрения остались многочисленные параллели ПВЛ и Полной палеи в пределах «Речи философа». Вопрос об их происхождении я не решаюсь сейчас поставить: ответ на него лежит в пределах иной темы — текстологического анализа Хронографической палеи, начатого, но не до конца осуществленного В. М. Истриным. Скажу лишь, что если окажется, что эти параллели также возводимы к Хр. по ВИ, то это не изменит сделанного выше вывода, так как «Речь философа» входила в состав Начального свода.

⁷¹ Напомню, что фрагменты 1, 2 и 3 приходятся на текст, который не может быть достаточно надежно реконструирован в составе Хр. по ВИ; фрагменты 7, 9—13, 15, 17—20, 22—24 и 26 не могут быть с уверенностью связаны с каким-либо определенным источником.

Я. С. ЛУРЬЕ

Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей

Вопрос о летописном своде, лежащем в основе Софийской I (далее: СI) и Новгородской IV (далее: НIV) летописей, принадлежит к числу важнейших вопросов истории летописания; можно без преувеличения сказать, что свод этот в той или иной форме лежит в основе почти всех летописей XV—XVI вв. Необходимость нового исследования и определения этого свода вытекает из ряда наблюдений, сделанных исследователями летописания после появления классических трудов А. А. Шахматова. Установив, что в основе СI и НIV вплоть до 6926 (1418) г., когда известия обеих летописей расходятся, лежит общий протограф («свод 1448 г.»), А. А. Шахматов пришел к выводу, что этот протограф представлял собой новгородский свод, восходивший в свою очередь к двум основным источникам — новгородской летописи («Софийскому временику») 1421 г. и общерусской митрополичьей летописи («Владимирскому Полихрону») 1423 г.¹ Эта схема была в основных ее чертах принята и М. Д. Приселковым, справедливо указавшим только, что содержание общего текста СI и НIV не противоречит «и совершенно обратному предположению в определении объема и построения свода 1448 г.», т. е. определению его как общерусского (митрополичьего) свода, конец которого (после 1418 г.) сохранился в СI младшей редакции. Но М. Д. Приселков лишь поставил этот вопрос, не предложив его окончательного решения. Соглашаясь, что основной общерусский материал был заимствован «сводом 1448 г.» из Полихрона начала XV в. (по М. Д. Приселкову — 1418 г.), он признавал тем самым, что работа сводчика середины XV в. состояла главным образом в соединении общерусского материала Полихрона с обширными вставками из новгородского материала.²

Однако на чем основывалось представление о Полихроне 1418—1423 гг. как предполагаемом общерусском источнике «свода 1448 г.»? Непосредственное (независимое от «свода 1448 г.») отражение этого источника А. А. Шахматов видел в двух памятниках — Ермолинской летописи и Хронографе. Но исследования последних лет установили, что оба эти па-

¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 151—160 (далее: А. А. Шахматов. Обзорение). В более поздних работах А. А. Шахматов изменил название протографа СI—НIV, назвав его «Новгородско-Софийским» сводом (там же, стр. 366). См. об этом: Я. С. Лурье. К проблеме свода 1448 г. — ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, стр. 143—144.

² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 149—151; ср. там же, стр. 142—149 (далее: М. Д. Приселков. История)

мятника восходят не к своду начала XV в. — гипотетическому Полихрону, а к летописным сводам середины и конца XV в., уже испытавшим влияние протографа СІ—НІV — «свода 1448 г.».³

Эти наблюдения, как и сомнения М. Д. Приселкова относительно новгородского происхождения «свода 1448 г.», делают особенно настоятельным новое исследование летописного свода, лежащего в основе НІV и СІ. Такое исследование не может быть начато с предполагаемых источников исследуемого свода — с Полихрона 1418—1423 гг. или Новгородского свода 1421 г.; оно естественно должно начинаться с сопоставления реально дошедших до нас летописей — НІV и СІ и определения текста их протографа.

1

Исследователи, занимавшиеся изучением НІV и СІ,⁴ не пытались еще определить в сколько-нибудь полном объеме состав протографа обеих летописей. Сравнение СІ и НІV, предложенное в работах А. А. Шахматова, фрагментарно и доведено только до самого начала XIV в. (6826 г.).⁵ Для определения состава этого протографа необходимо поэтому сравнить СІ и НІV на всем их протяжении.

Такое сравнение прежде всего подтверждает основное наблюдение А. А. Шахматова о систематическом совпадении (в ряде случаев — полном тождестве) обеих летописей до середины 6926 (1418) г.; подтверждает оно и замеченное им основное различие между ними. Новгородскому окончанию НІV (после 6926 г.) соответствует наличие множества дополнительных, чисто новгородских известий в основном тексте. Об общерусском (московском) характере СІ свидетельствует также не только ее окончание, но и остальной текст: общерусские известия читаются здесь в более просторном изложении, чем в НІV; кроме того, через весь текст проходит настойчиво проведенная титулатура предков московской династии (начиная уже с древнего Святослава Киевского) как «великих князей».

Какая же из двух летописей передает общий протограф полнее и ближе к оригиналу? А. А. Шахматов склонен был считать, что «НІV по составу своему оказывается первоначальнее СІ»;⁶ однако вывод этот не подтверждается наблюдениями над обоими текстами (в частности, и наблюдениями самого А. А. Шахматова). Действительно, в СІ может быть обнаружено несколько мест, являющихся вторичными и испорченными по сравнению с общим протографом обеих летописей;⁷ однако несравненно больше

³ Ср.: Я. С. Лурье. К проблеме свода 1448 г., стр. 144—145. В настоящее время опубликована новая работа, обосновывающая позднее происхождение Хронографа, см.: Б. М. Клосс. О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI, Л., 1971, стр. 246—255.

⁴ НІV издана в: ПСРЛ, т. IV, Пгр.—Л., 1915—1925. СІ издана (не до конца) в: ПСРЛ, т. V, Л., 1926. Полный текст СІ в старом издании см.: ПСРЛ, тт. V, VI, СПб., 1851—1853.

⁵ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 152—153; ср.: М. Д. Приселков. История, стр. 143.

⁶ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 152.

⁷ Неверны, по-видимому, даты 6606 (вместо 6610) и 6607 (вместо 6611) гг.; под ошибочной датой помещены известия 6703 г. (вместо 6722—6723 гг.); под 6727 г., вероятно, пропущено известие об архиепископе Митрофане (связано с известием 6728 г.); под 6807 г. дата пожара (18 апреля) ошибочно отнесена к предшествующему известию о митрополите; известие под 6904 г. о том, что Григорий «30 и 5 лет быть епископом Ростову», представляет собой, по-видимому, искажение известия о том, что Григорий был 35-м по порядку ростовским владыкой (так в старшей редакции НІV). Ср.: А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 152, прим. 1 и стр. 211; ср. также ниже, стр. 123—124.

внутренне противоречивых и явно вторичных известий обнаруживается в НІV.

Первичность СІ и вторичность НІV яснее всего обнаруживаются при сравнении текстов больших общерусских повестей обеих летописей; во многих случаях фрагментарное изложение этих повестей в НІV явно может быть возведено к их полным текстам в СІ.

Такое соотношение обеих летописей обнаруживается уже в рассказе о битве на Калке в 6732 г. Рассказ в СІ (как и ряд других больших рассказов протографа СІ—НІV, к которым мы обратимся далее) представляет собой своеобразный монтаж из общерусского и новгородского летописания. Фрагменты из Новгородской I летописи здесь многократно перемежаются с фрагментами (иногда обширными, иногда в несколько слов) рассказа, сохранившегося в Ипатьевской летописи, но в двух местах внутри этого монтажа читаются известия, отсутствующие в Новгородской I, Ипатьевской и Лаврентьевской летописях: сообщение о том, что после битвы на Калке «инога воя кождо десятый прииде, и Александр Поповичь ту убиен бысть с инеми 10 храбров», и дата битвы — «месяца июня в 16 день» (в Новгородской I — 31 мая, в Лаврентьевской — 30 мая, в Ипатьевской даты нет). В НІV обширному повествованию СІ соответствует краткое изложение, но изложение это явно имело источником рассказ, сохранившийся в СІ, — и в его оригинальной, и в заимствованной части. Из оригинальной части рассказа СІ взяты упоминание Александра Поповича с 10 богатырями (но вместо «инога воя кождо десятый прииде» сказано: «а иных князей — 10») и дата 16 июня; заимствованные отрывки оказались явно дальше от оригинала (в данном случае от Новгородской I), чем в СІ. Сравним эти тексты:

Новгородская I

Съ же Котьян бе тесть Мьстиславу Галицьскому. И приде с поклономъ с князи Половьцьскими к зяти в Галичь к Мстиславу и к всем князем рускым, и дары принесе многы: кони, и вельблуды, и буволы, и девкы, и одариша князь русьских, а рекуче тако: «Нашю землю днесь отъяли, а ваша заутро взята будеть»...

Тогда же уведавше Татари, оже идуць русстии князи противу им, и прислаша послы к рускым князем: «Се слышахом, оже идете противу нас, послушавше Половецъ; а мы вашей земли не заяхом, ни город ваших, ни сел ваших, нь придохом, богом пущени, на холопы и на конюси свое на поганья Половче...».

СІ

Сей же Котьян бе тесть Мьстиславу Мьстиславичь Галицьскому. И приде с поклоном с князи Половетьскими в Галичь к князю Мстиславу к зятю, и к всем князем рускым и дары принесе многы: кони, вельблуды, буболы и девкы, и одари князей русьских, а ркучи тако: «Нашу землю днесь отъяли, а вашу заутра възмутъ»...

Тогда уведавше Татарове, что идуць князи русстии противу им и прислаша послы к князем рускым: «Се слышим, оже противу нам идете, послушавше Половецъ; а мы вашей земли не заяхом, ни городов ваших, ни сел, ни на вас придохом. Но придохом, богом попущени, на холопы наши и на конюси свои, на поганья Половци...».

НІV

Котьян, князь Половецкий, бе тесть Мьстиславу, князю Черниговскому. И посла Котьян к зятю своему с поклоном дары многы, злато и кони, паволокы, а глаголюще тако: «Шли дары по руским князем; днесь нас не будет, а вас заутра».

И съвокупишася князи русстии с силою многою, и, се слышавше, Татари прислаша 10 мужи с поклоном: «Мы вас не занманм, ни градов ваших рустих, но идем на свои конюсе, на Половци...».

Вторичность и переделка текста в НІV очевидны: он сокращен; Мстислав Галицкий стал Мстиславом Черниговским; «вельблуды, буволы и девкы» заменены более пристойными и понятными «златом и паволоками».

Те же самые черты можно наблюдать и в рассказе 6745—6746 гг. о нашествии Батя. Текст этого рассказа в СІ, происхождение его основных элементов, заимствованных из сводов, близких к Лаврентьевской, Новгородской I и Ипатьевской, подробно рассмотрены А. Н. Насоновым, справедливо отметившим, что, комбинируя свои источники, «составитель пытался дать наиболее полный, связный и исчерпывающий рассказ».⁸ А. Н. Насонов не указал только, кто именно был этот составитель; ограничившись анализом рассказа в СІ, он не попытался ответить на вопрос, принадлежит ли описанная им комбинация источников самой СІ или протографу СІ и НІV. Анализ текста НІV с несомненностью доказывает, что рассказ о нашествии Батя восходит к общему оригиналу СІ—НІV. В НІV мы находим тот же комбинированный текст, с фрагментами из тех же трех источников (включая летопись, близкую к Ипатьевской); он отличается от рассказа СІ только в отдельных местах. Так, в тексте, сходном с Новгородской I летописью, здесь нет упоминания (при описании похода татар по Рязанской земле) «Воронажа» (Воронежа), пропущены слова «ино уже бяше божию гневу не противитися. . . и трепет вложи в нас за грехы наша» и упоминание о том, что Рязань «острогом оградиша», а князь Рязанский «затворися во граде с людьми»; описание зверств татар в Рязани, составленное в СІ из элементов рассказа Новгородской I («овых рассекахуть мечи. . . и черницам, и попадьям, и добрым женам, и девицам пред матерьми и сестрами поругания многа чиняху, а епископа ублоуде бог. . .») и Лаврентьевской («а других стрелами стреляхуть. . . Много же святых церквей огневи предаша. . .»), в НІV частично совсем опущено, а частично перенесено в описание зверств во Владимире (хотя в Новгородской I и Лаврентьевской, как и в СІ, соответствующие слова относились ко взятию Рязани). Из текста, сходного с Лаврентьевской, в НІV выпущены известия о местонахождении Юрия Владимирского и его сыновей, одни из которых уехали с отцом, другие остались во Владимире (упоминание о поездке Юрия на Волгу с тремя сыновьями перенесено в конце рассказа 6745 г.), речи княжичей Всеволода и Мстислава, увидевших своего брата Владимира, попавшего в плен к татарам, предсмертная молитва епископа Митрофана и плач Юрия, узнавшего о взятии города (в СІ помещено в конце годовой статьи 6745 г.). В годовой статье 6746 г. в НІV пропущены в разделе, совпадающем с Лаврентьевской, библейские цитаты о милостыне и известие о принесении отрубленной головы князя Юрия, а в разделе, совпадающем с Ипатьевской, слова о жителях Козельска: «Съвет же сътвориша взыти противу им на полкы татарьскыя». Таким образом, сложный рассказ о нашествии Батя может рассматриваться как произведение составителя протографа СІ—НІV, в целом лучше сохранившееся в СІ.

Такое же соотношение обеих летописей мы можем наблюдать и в рассказе об Александре Невском. Уже в общем источнике СІ—НІV рассказ этот представлял собой, очевидно, соединение житийной повести об Александре (читавшейся и в Лаврентьевской летописи) с краткими летописными известиями из Новгородской I летописи старшего извода.⁹ В СІ эта комбинация представлена большим рассказом «О велицем князе Александре», начинающимся под 6749 г., продолжающимся под 6750 (Ледовое

⁸ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, стр. 182—184 (далее: А. Н. Насонов. История).

⁹ В Новгородской I младшего извода здесь, как и в СІ—НІV, содержится уже комбинация летописного рассказа из старшего извода с житийным рассказом; о происхождении этой комбинации см. ниже, стр. 126, прим. 43.

побоище) и 6754 г. и завершающимся под 6759 г. (о смерти и погребении Александра затем кратко сообщено еще раз под 6771 г.). Уже А. А. Шахматов высказал мнение, что рассказ Александра в СІ передан ближе к оригиналу, а в НІV сильно сокращен.¹⁰ Это мнение может быть подтверждено тем, что в НІV сохранились явные следы более пространного рассказа СІ. Так, под 6748 г. в НІV читается описание Невской битвы, также соединяющее известия Новгородской І с известиями жития Александра (рассказ о Пелгусии и 6 мужах храбрых), но с более значительными отклонениями от обоих источников. Ближе к Новгородской І и рассказ СІ о Ледовом побоище (6750 г.): здесь сохранились, в отличие от НІV, упоминания о том, что убитый немцами Домаш был «брат посаднич» и «муж добр», что немцы «руками яша» псковичей и т. д. Несомненным отражением пространного рассказа об Александре является в НІV и краткое известие 6754 г. о возвращении Александра от Батыя «на Русь с честью» — в СІ под соответствующим годом читается подробный текст об этой поездке (из жития), заканчивающийся теми же словами.¹¹

Под 6774 и 6776 г. СІ и НІV помещена псковская житийная повесть о князе Довмонте-Тимофее (в редакции, близкой к Псковской 3-й и 2-й летописям), разделенная на две части и соединенная с известиями из Новгородской І летописи; под 6779—6780 гг. здесь также помещены отрывки псковского сказания о Довмонте. В СІ, как и в предыдущих случаях, текст повести о Довмонте оказывается более полным и близким к оригиналам.¹²

К общему источнику СІ—НІV могут быть, по-видимому, возведены и еще две большие общерусские повести житийного характера, сохранившиеся в СІ, — об убиении князя Михаила Черниговского в 6753 г. и князя Михаила Ярославича в 6827 г. В НІV об убийстве Михаила Черниговского и его боярина Федора «за веру Христову» сообщается кратко под 6755 г., но известие это не совпадает ни с Новгородской І старшего извода,¹³ ни с Троицкой (судя по Симеоновской) летописью и может поэтому рассматриваться как отражение обширного рассказа протографа. О смерти Михаила Ярославича НІV сообщает дважды: второе известие, 6827 г., восходит к Новгородской І летописи; первое, помещенное под 6826 г., не имеет соответствий в более древних летописях и, судя по точной дате («ноября 22»), восходит к повести, сохранившейся в СІ.¹⁴

Вторичность текста НІV обнаруживается и из явных дополнений в этом тексте, приведших к множеству дублировок: одни и те же события сообщаются в НІV в двух версиях, из которых только одна совпадает с СІ. Дважды сообщается в НІV не только о смерти Михаила Ярославича, но и о смерти многих князей, о смерти митрополита Алексея и других иерар-

¹⁰ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 211—212, прим. 1. Ср.: J. Biegunow. *Utwore literackie o Aleksandrze Newskim w skladzie latopisow ruskich.* — *Slavia Orientalis*, 1969, № 4, str. 307.

¹¹ Текст жития Александра Невского см. в кн.: Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, стр. 159—180.

¹² См.: Псковские летописи, вып. II. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955, стр. 16—18, 82—87. Известие о смерти Довмонта под 6807 г. взято в СІ—НІV из Новгородской І летописи, но дата (20 мая) и указание на место погребения восходят к псковскому источнику.

¹³ О тексте Жития Михаила Черниговского в Новгородской І летописи младшего извода см. ниже, стр. 126, прим. 43.

¹⁴ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 212. Ср.: В. А. Кучкин. Повести о Михаиле Тверском. Автореферат диссертации. М., 1967, стр. 16.

хов, о битве на Пьяне, Воже и т. д. В общей сложности в НІВ обнаруживается более 30 таких дублировок.¹⁵

Конечно, дублированные известия могли читаться и в оригинале НІВ — СІ (который тоже был, очевидно, сводом разных летописей), но обилие в НІВ таких сдвоенных известий, отсутствующих в СІ,¹⁶ свидетельствует о том, что текст НІВ был значительно дополнен по сравнению с протографом. Ясен и источник этих дополнений: в своем большинстве вторые версии дублированных известий НІВ, расходящиеся с СІ, имеют новгородский характер и обычно совпадают с Новгородской I летописью;¹⁷ естественно думать поэтому, что составитель НІВ дополнил свой оригинал по летописанию родного города.

К дополнительному источнику¹⁸ может быть возведена и значительная часть тех новгородских известий этой летописи, которые отсутствуют в СІ. Такие новгородские известия НІВ могут быть разделены на несколько групп. Первая группа представляет собой последовательный ряд сообщений, в сущности особый летописчик, посвященный смене (смертям и новым назначениям) новгородских посадников и тысяцких.¹⁹ Вторую группу составляют известия о происшествиях (знамениях, природных явлениях, пожарах и других стихийных бедствиях и связанной с ними дорого-

¹⁵ Дважды помещены известия об одних и тех же событиях под годами: 6532 (избиение волхов), 6563 (вокняжение Изяслава), 6622 (затмение и смерть Святополка), 6646 (смерть Ярополка и вокняжение Вячеслава), 6664 (смерть Нифонта), 6666 (вокняжение Ростислава), 6673—6675 (смерть Ростислава), 6684—6685 (смерть Михалки), 6780 (смерть Ярослава), 6782—6784 (смерть Василия), 6802 (смерть Дмитрия), 6812 (смерть Андрея), 6826—6827 (смерть Михаила Ярославича), 6830 (нашествие Ахмыла), 6835 (поход татар на Тверь), 6848—6849 (смерть Ивана Калиты и вокняжение Семена, убийство Глеба в Брянске), 6860—6861 (смерть Семена и новгородское посольство в Орду), 6874—6875 (столкновение Дмитрия с Новгородом), 6885—6887 (смерть Алексея), 6886 (битва на Пьяне), 6887 (битва на Воже), 6892 (ссора с Патрикеем и «помрачение»), 6894 (поход на Мстиславль), 6898 (мир Василия I с Новгородом), 6900 (поход Василия на Нижний Новгород), 6903 (первое взятие Смоленска), 6909 (освобождение Смоленска), 6910 (рязано-литовская война), 6911 (взятие Вязьмы), 6912 (второе взятие Смоленска), 6914 (смерть Киприана), 6915 (приезд Семена-Лугвеня). Часть этих дублировок отмечена А. А. Шахматовым; см.: А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 185, прим. 1.

¹⁶ В СІ обнаруживаются только 3 дублировки, отсутствующие в других летописях: под годами 6528—6529 (победа Ярослава над Брюцлавом), 6598 (приезд Иоаннескопца) и 6771 (смерть Александра Невского — только в старшей редакции СІ). Однако в первом случае дополнительное известие СІ под 6528 г. совпадает с известием Новгородской I (6529 г.) и, очевидно, восходит к новгородскому источнику общего протографа СІ—НІВ; во втором случае дублировка в СІ явно связана с дублировкой в протографе СІ—НІВ всего рассказа об Иоаннескопце, которая обнаруживается и в НІВ, и в СІ (см. стр. 122—123); дублировка известия о смерти Александра Невского объясняется тем, что в СІ наряду с кратким известием о смерти Александра в 6771 г. (ср. НІВ под 6772 г.) было полностью помещено его житие, заканчивающееся смертью, — эта дублировка может быть отнесена к общему протографу обеих летописей. Дублировка известия о смерти Юрия Долгорукого (6665 г.) обнаруживается, наряду с СІ, также в Новгородской летописи по Карамзинскому списку, протографичной по отношению к НІВ (см. ниже, стр. 121).

¹⁷ Исключения составляют второе известие 6563 г., первое известие 6622 г., второе известие 6646 г., известие 6675 г., известие 6685 г., второе известие 6830 г., известия 6849 и 6887 гг. Известия эти могут быть, вероятно, возведены к дополнительному ростовскому источнику НІВ, существование которого предполагал А. А. Шахматов (см. ниже, стр. 121—122).

¹⁸ Наличие у НІВ дополнительного новгородского источника признавал А. А. Шахматов (А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 153 и 185).

¹⁹ См. известия под годами: 6625, 6626, 6627, 6628, 6634, 6636, 6637, 6638, 6642, 6643, 6644, 6645, 6649, 6652, 6655, 6664, 6669, 6679, 6683, 6697, 6712, 6713, 6714, 6719, 6727, 6739, 6751, 6763, 6765, 6776, 6781, 6782, 6788, 6794, 6795, 6798, 6823, 6839, 6840, 6850, 6853, 6862, 6867, 6900, 6905, 6913, 6917, 6918, 6922, 6923, 6925.

визне),²⁰ а также рассказы (иногда подробные) о волнениях в городе; ²¹ к ним же примыкают известия из семейного летописчика новгородца Матфея Михайлова.²² Третью группу составляют известия о строительстве и обновлении церквей и других зданий в Новгороде.²³

Наконец, к последней, четвертой группе относятся обширные, часто самостоятельные памятники, большинство которых имеет церковно-учительный характер и связано с Новгородом.²⁴ Какого происхождения эти «лишние» по сравнению с СІ известия НІV? А. А. Шахматов склонен был думать, что по крайней мере часть из них читалась в общем протографе НІV—СІ и опущена составителем СІ; к числу таких известий он относил, в частности, записи о событиях из жизни новгородца Матфея Михайлова (о его рождении, смерти отца и матери, женитьбе и т. д.). Считая, что Матфей был лицом, причастным к новгородскому летописанию, А. А. Шахматов предполагал, что именно он был составителем основного новгородского источника «свода 1448 г.» — «Софийского временника» 1421 г. и что его семейные записи попали из этого источника в «свод 1448 г.», а уже оттуда в НІV.²⁵ Но предположение о последовательном исключении из СІ целых групп новгородских известий тем более сомнительно, что СІ, несмотря на свой общерусский характер, сохранила множество статей и известий, связанных с Новгородом, значительная часть которых отсутствует в НІV. В числе таких статей СІ — Русская Правда, помещенная под 6527 г. (принадлежность ее общему источнику СІ—НІV доказывается тем, что в НІV сохранился под 6524 г. заголовок «Правда Русская» и под 6527 г. — упоминание, что Ярослав дал новгородцам «Правду и устав»),²⁶ рассказ о взятии Царьграда в 6712 г. (ср. Новгородскую I летопись обоих

²⁰ См. известия под годами: 6571, 6631, 6633, 6635, 6636, 6642, 6666, 6669, 6678, 6684, 6696, 6719, 6722, 6738, 6739, 6759, 6775, 6784, 6807, 6819, 6822, 6829, 6839, 6840, 6843, 6844 (пожар во Пскове), 6846, 6847, 6848, 6850, 6858, 6873 (мор в Торжке), 6875, 6876, 6877, 6879, 6885, 6886, 6887, 6892, 6893, 6894, 6896, 6897, 6898, 6899, 6900, 6902, 6904, 6907, 6908, 6909, 6910, 6911, 6913, 6914, 6915, 6918, 6922, 6923, 6925.

²¹ См. известия под годами: 6694, 6726, 6728, 6732, 6735, 6736, 6738, 6795, 6798, 6799, 6824, 6840, 6850, 6858, 6867, 6896, 6926. Ср. также отсутствующие в СІ известия о конфликтах с князьями, войнах и мирных соглашениях в записях 6708, 6718, 6720, 6721, 6725, 6828, 6850, 6858, 6863, 6865, 6875, 6877, 6878, 6889, 6904, 6905, 6909, 6915, 6917 гг., о семейных делах князей в 6663 и 6763 гг., о втором татарском «числе» в 6781 г., о присяге «бочек на пите» в 6866 г., о море в Пскове в 6868 г., о приезде князя в 6881 г., о церковных делах под 6636, 6655, 6674, 6731, 6737, 6781, 6860, 6861, 6884, 6885, 6893, 6899, 6907, 6908, 6921 гг.

²² См. записи под годами: 6883, 6890 (дважды), 6913, 6914 и 6919.

²³ См. известия под годами: 6616, 6621, 6623, 6627, 6633, 6635, 6638, 6643, 6644, 6652, 6653, 6654, 6656, 6661, 6662, 6673, 6674, 6675, 6678, 6680, 6682, 6687, 6688, 6689, 6691, 6692, 6693, 6696, 6698, 6700, 6703, 6704, 6706, 6707, 6715, 6723, 6726, 6729, 6732, 6733, 6734, 6741, 6769, 6788, 6798, 6800, 6802, 6804, 6805, 6808, 6811, 6813, 6815, 6818, 6819, 6820, 6832, 6835, 6841, 6842, 6843, 6844, 6845, 6849, 6853, 6856, 6858, 6859, 6860, 6861, 6862, 6863, 6864, 6865, 6866, 6867, 6868, 6869, 6870, 6872, 6873, 6875, 6877, 6879, 6882, 6883, 6885, 6886, 6887, 6889, 6890, 6891, 6894, 6895, 6896, 6897, 6898, 6900, 6901, 6902, 6903, 6905, 6906, 6907, 6908, 6910, 6911, 6912, 6914, 6915, 6916, 6917, 6918, 6919, 6920, 6921, 6922, 6923, 6924, 6925, 6926. Ср. также отсутствующее в СІ известие о копании рва в 6880 г.

²⁴ См. известия под годами: 6566 (поучение архиепископа Луки), 6664 (предсмертное видение Нифонта), 6860 (о море псковском), 6903 (рассказ дьякона Александра о святых Царьграда), 6910 (поучение о знамении), 6914 (плач о Киприане), 6917 (плач о тверском владыке Арсении).

²⁵ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 155—156.

²⁶ «Правда Русская» читается, кроме СІ, также в Новгородской I младшего извода под 6524 г. (но в СІ добавлены еще новгородский устав «о мостах» и Судебник царя Константина). Об отношениях между Новгородской I младшего извода и протографом СІ—НІV см. ниже, стр. 126, прим. 43.

изводов), Послание новгородского владыки Василия о земном рае под 6855 г. и ряд других известий.²⁷

О том, что отличия НІV от СІ были в основном следствием изменений, внесенных составителем НІV в текст протографа, свидетельствует памятник, тесно связанный с НІV, — неизданная Новгородская Карамзинская летопись (ГПБ, Ф. IV. 603; далее: НК).²⁸ Не разбирая здесь этого вопроса подробно,²⁹ отметим, что НК не может считаться непосредственным отражением протографа НІV—СІ, ибо она обнаруживает те же самые черты вторичности по отношению к СІ, какие мы уже отмечали в НІV: большие повести о Калке, нашествии Батые и т. д. здесь также имеют сокращенный и явно искаженный характер; содержатся такие же дублировки известий, как в НІV, и т. д. Но если НК не была отражением «свода 1448 г.», то ее первичность по отношению к НІV несомненна: здесь читается полный текст грамоты патриарха Антония в Новгород, от которой в НІV сохранился только фрагмент; текст НК в ряде случаев ближе к СІ и к общим источникам СІ—НІV, чем текст НІV. Перед нами памятник, отражающий архетип НІV.

Тем более заслуживает внимания одна особенность НК — отсутствие в этой летописи целого ряда тех дополнительных новгородских известий НІV, которых нет и в СІ. Здесь нет летописчика новгородских посадников, включенного в текст НІV на всем его протяжении, нет большинства известий о происшествиях в городе, нет никаких сведений о Матфее Михайлове и его семье. Совершенно невероятно, чтобы все эти известия были последовательно исключены из общего протографа разными летописцами — составителями НК и СІ — независимо друг от друга. Естественно сделать обратный вывод: дополнительных новгородских известий НІV не было в протографе СІ, НК и НІV. Включение их в состав НІV было результатом редактирования — и, очевидно, вторичного редактирования — протографа всех этих летописей: общий протограф СІ—НК—НІV был уже изменен в архетипе НК—НІV (сокращение общерусских и некоторых новгородских статей за счет добавления других статей о Новгороде, например известий о церковном строительстве); при составлении НІV к тексту этого архетипа были сделаны новые дополнения.

Итак, при сравнении СІ и НІV на протяжении всего текста до 6926 г. — и общерусского и новгородского — обнаруживается характерное различие между обеими летописями. В НІV встречаются не только пропуски и вторичные чтения, но и явные добавления к первоначальному тексту (и связанные с этим дублировки);³⁰ в СІ свидетельств подобного дополнения протографа мы не находим. Частично на это обстоятельство обратил

²⁷ Примеры известий из новгородского источника, сохранившихся в СІ, но отсутствующих в НІV (в том числе и известий Новгородской I, посвященных неновгородским событиям), см.: А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 152, прим. 2; стр. 185, прим. 2; стр. 211, прим. 1. Отметим еще новгородские известия 6633, 6658, 6664, 6749, 6765, 6768, 6772, 6781, 6789, 6809—6810, 6815, 6818, 6822, 6839, 6846, 6851, 6855, 6870—6871, 6884, 6901, 6919 гг. и общерусские известия, совпадающие с Новгородской I, 6662, 6773, 6775, 6779, 6807, 6812, 6833, 6834, 6850, 6868, 6918 гг. (начиная с 6834 г. — с Новгородской I младшего извода).

²⁸ Ср.: А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV—XV вв., стр. 96—98; 2) Обзорение, стр. 190—195.

²⁹ Подробнее этот вопрос разобран нами в статье «Новгородская Карамзинская летопись» (печатается в ТОДРА, т. XXIX).

³⁰ Добавления эти восходили, по-видимому, не только к новгородскому, но и к другому источнику. Уже А. А. Шахматов заметил, что в некоторых случаях дублированные известия НІV, отличающиеся от первой версии, сходной с СІ, имеют неновгородский характер (например, второе известие о смерти Ярополка под 6646 г., второе известие о смерти Ростислава под 6675 г.); он полагал, что эти известия, как и

внимание уже А. А. Шахматов (хотя он и исходил из взгляда о большей первоначальности текста НІV). «В изложении событий XIII—XV вв. первая редакция СІ основывается исключительно на своде 1448 г.», — писал он.³¹ Но в тексте СІ за предшествующий период — XI—XII вв. — А. А. Шахматов склонен был усматривать влияние некоего вспомогательного источника. Явным признаком существования такого источника исследователь считал известия с пометами «Писано в Киевском», «Ищи в Киевском», читающиеся в списках первой редакции СІ (списки Карамзина и Оболенского) с 6585 по 6598 г. Извлечением из того же «Киевского» летописца А. А. Шахматов считал еще группу известий СІ (близких к Лаврентьевской и частично к Ипатьевской) за 6665 г. и рассказ об убийстве Андрея Боголюбского в 6683 г., восходящий в СІ к Ипатьевской летописи (или сходному с ней своду) и отсутствующий в НІV.³²

Анализ известий 6585—6598 гг. обнаруживает, что известия эти не очень значительно различаются между собой в СІ и НІV и в общем близки к соответствующему тексту Повести временных лет в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Под 6587 г. в обеих летописях читается идентичное известие о смерти и погребении Глеба Святославича (в НІV сохранилась точная дата погребения, в СІ ее нет); в СІ этому известию предшествует заметка «Убиение Глебово писано в Киевском в шестое». Действительно, и в Лаврентьевской и в Ипатьевской летописях убийство Глеба помещено под 6586 г. Различие в датировке между СІ—НІV и Повестью временных лет (Лаврентьевской—Ипатьевской) легко объясняется: годовую дату — 6587 г. — протограф этих летописей взял, очевидно, из Новгородской I летописи, где убийство Глеба датировалось именно этим годом (оттуда же была взята и точная дата убийства — 30 мая, отсутствовавшая в Повести временных лет). Но ясно во всяком случае, что замечание о несовпадении в датах с «Киевским» — «писано в Киевском в шестое» (т. е. в лето 6586-е) указывало на расхождение протографа обеих летописей с «Киевским» летописцем. Под 6589, 6590, 6592—6594 гг. ни в СІ, ни в НІV никаких известий нет; сохранившиеся в СІ под этими датами записи «Ищи в Киевском»,³³ очевидно, указывают на то, что в отличие от протографа обеих летописей «Киевский» летописец содержал под этими годами какие-то сообщения; действительно, в Повести временных лет (Лаврентьевская—Ипатьевская) под соответствующими датами читаются (по большей части краткие) известия (в Новгородской I, как и в НІV—СІ, эти годы пустые). Под 6596 г. в СІ читается известие об освящении церкви св. Михаила, далее следует запись «Ищи в Киевском. Се писано в 7 в Киевском о Янке»; после этого помещено известие о приезде княгини Янки (Анны Всеволодовны) из Греции в сопровождении митрополита Иоанна-скопца. Оба эти известия — об освящении Михайловской церкви

дополнение перечня ростовских владык под 6904 г. именами Дионисия и Ефрема и некоторые другие дополнения, восходят в НІV к ростовскому владычному своду (А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 186—187). Однако в СІ отсутствует весь перечень ростовских владык, и установить, какая именно его часть читалась в протографе СІ—НІV, невозможно (дополнить этот перечень можно было и без особого ростовского источника); какой-то ростовский источник был несомненно у общего протографа СІ—НІV (см. ниже, стр. 127). Однако некоторые из дублированных версий НІV (кроме перечисленных А. А. Шахматовым, также известия 6622, 6685, 6830 гг. и рассказ об убийстве Глеба 6849 г.) явно восходят к новгородским источникам.

³¹ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 212; ср. там же, стр. 153.

³² Там же, стр. 212—213, М. Д. Приселков. История, стр. 152—153.

³³ Под 6589 г. в СІ перед словами «Ищи в Киевском» сохранилась еще загадочная запись «в десятое писано», также указывающая, очевидно, на какое-то соотношение между протографом летописи и «Киевским» источником

и о приезде Янки с Иоанном-скопцом — не только сохранились в НІВ под тем же 6596 г., но читаются там в более пространным и близком к Повести временных лет изложению; при этом в Лаврентьевской летописи оба известия помещены под 6597 г. (в Ипатьевской приезд Янки — под 6597 г., остальное — под 6598 г.), чем и объясняется заметка «Се писано в 7 в Киевском». В более подробном изложении помещены в НІВ и известия 6597—6598 гг. об освящении Печерской церкви, смерти митрополита Иоанна и закладке города Переяслава, также помеченные в СІ записями «Ищи в Киевском». Только два известия из всей группы, помеченной записями «Ищи в Киевском», — краткие известия о походе Изяслава «с Ляхы» в 6585 г. и о бегстве Олега Святославича в 6586 г. (оба из Повести временных лет в Лаврентьевской—Ипатьевской) — отсутствуют в НІВ.³⁴ Однако весь состав известий 6585—6598 гг. никак не позволяет предполагать в них дополнения из «Киевского» летописца, сделанные составителем СІ; гораздо больше оснований видеть во всей этой группе известия протографа СІ—НІВ, переданные, как это мы и раньше наблюдали, с разной полнотой: в одних случаях опущены общерусские известия в НІВ, в других случаях текст оказался более сокращенным в СІ.

Никак не могут считаться дополнениями составителя СІ известия 6665 г. Текст этих известий совершенно идентичен тексту НІВ, но в НІВ они помещены частично под 6662 г. (рождение Дмитрия Юрьевича, закладка Дмитрова, поход Ростислава и борьба за Киев), частично под 6663 г. (поход Юрия Владимировича на Киев и перенесение Андреем иконы Владимирской богородицы), и только начальные и конечные известия СІ читаются в НІВ под 6665 г.³⁵ Сопоставление с Лаврентьевской летописью (где читаются те же известия, но изложенные подробнее, чем в НІВ и СІ) и с Ипатьевской обнаруживает, что в НІВ сохранилась более правильная датировка (6662—6663 гг.).

Рассказ о гибели Андрея Боголюбского в 6683 г., помещенный в СІ, действительно отсутствует в НІВ — там содержатся только краткие известия об убийстве Андрея и о последствиях этого события. Что же представляет собой этот рассказ? Сопоставление с более древними летописями обнаруживает, что он представляет собой такой же монтаж из рассказов более ранних летописей, как и другие общерусские рассказы СІ—НІВ (например, рассказы о битве на Калке и нашествии Батю). В основном рассказ СІ об убийстве Андрея ближе к Ипатьевской летописи, но он сокращен и, с другой стороны, содержит несколько фраз, отсутствующих в этой летописи. Так, среди заговорщиков здесь назван «Офрем Моичичь» — этого имени нет ни в Ипатьевской, ни в Лаврентьевской, но оно сохранилось в близком к Лаврентьевской тексте Московско-Академической (и Радзивиловской) летописи; далее упомянуто, что когда заговорщики «придоша к двору княжу и избиша сторожи дворныя, а князю спящу», «бьяше с ним кощей един мал» — это известие о сторожах и кощее отыскивается в Новгородской I летописи (6682 г.). Неизвестно по другим летописям и, очевидно, принадлежит автору комбинированного рассказа про-

³⁴ В СІ, кроме того, сохранилось отсутствующее в НІВ известие 6595 г. о гибели Ярополка (в Ипатьевской под той же датой; в Лаврентьевской — под 6594 г.), не имеющее пометы «Ищи в Киевском».

³⁵ Дублировка известия о смерти Юрия Долгорукого, обнаруживающаяся в СІ под 6665 г., принадлежала, очевидно, общему протографу обеих летописей, так как она обнаруживается и в НК (см. выше, стр. 121); перенесение в СІ известия о походе Юрия на Киев с 6663 г. (так в НІВ и в Ипатьевской; в Лаврентьевской — 6662 г.) на 6665 г. следует, очевидно, считать ошибкой СІ, приведшей к анахронизму (о походе Юрия сообщено уже после первого известия о его смерти).

тографа упоминание о том, что Кучковичи подняли руку «на своего кормителя и господина». В НІV, как мы уже отметили, сохранились только фрагменты известия о смерти Андрея, но фрагменты эти заслуживают внимания. Прежде всего, здесь сообщается, что Андрей Юрьевич был убит «от проклятых Кучковичев июня 29» (так в списках древнейшей редакции — Новороссийском и Голицынском — и двух других; в Толстовском списке — 9 июня).³⁶ Ни имен убийц, ни точной даты составитель НІV не мог найти в Новгородской I летописи, но Кучковичи подробно упоминаются в сохранившемся в СІ рассказе (как и в Ипатьевской, Лаврентьевской и других общерусских летописях), а 29 июня названо как раз в упомянутом уже нами рассказе Московско-Академической летописи (в Радзивилловской — 29 июля). После краткого сообщения об убийстве Андрея в НІV читается концовка, которой нет в СІ (где вообще опущен рассказ о междоусобной борьбе после убийства Андрея), но которая опять оказывается восходящей к основным источникам разобранного выше рассказа 6683 г.: «Уведавше же смерть князю, Ростовци и Переяславци и Суздальци забывше крестное целование... приведоста Ростиславици...» (так в Ипатьевской и Лаврентьевской; дальнейшее представляет собой краткий пересказ рассказа этих летописей за конец 6683 и 6684 г. с оригинальной деталью — упоминанием о том, что братья Андрея, Михалко и Всеволод, добились престола «своим златым копьем и острым мечем»). Нам представляется поэтому, что рассказ об убийстве Андрея принадлежит к той же группе больших общерусских повестей общего протографа СІ—НІV, составленных в результате соединения нескольких летописных рассказов,³⁷ которые мы разбирали в предшествующем изложении. Это предположение подтверждается и тем, что мученическая «смерть Андреева» упоминалась в протографе НІV—СІ (судя по тексту обеих летописей) в рассказах о нашествии Батыя в 6746 г. То, что рассказ о смерти Андрея сохранился в основном в СІ (и лишь конец его — в НІV), не может нас удивлять: большинство других общерусских повестей протографа СІ—НІV также сохранилось лучше в СІ, чем в НІV.

Итак, мы не видим оснований для предположения о дополнении текста СІ за XI—XII вв. на основе особого вспомогательного источника. Отражение в тексте СІ и НІV свода, близкого к Ипатьевской летописи, — несомненный факт, но источник этот был использован уже общим протографом СІ—НІV, о чем свидетельствуют выдержки из него в НІV, в том числе и не сохранившиеся в СІ. Так, под 6688 г. только НІV сохранила рассказ о походе Мстислава с новгородцами на Всеслава Полоцкого, читающийся в Ипатьевской под 6686 г. и неизвестный по другим летописям. Что же касается записей «Писано в Киевском», то они представляют собой не указание на дополнительный источник СІ, а скорее пометы об отличиях от «Киевского» летописца (т. е. от Повести временных лет), присущих тексту протографа СІ—НІV. Кто именно сделал эти пометы — составитель оригинала первой редакции СІ или протографа обеих летописей,³⁸ мы не

³⁶ ПСРЛ, т. IV, вып. 1, стр. 166, разночтение 22.

³⁷ Соединение в протографе СІ—НІV нескольких источников привело к анахронизму, обнаруживающемуся в СІ, но присущему, возможно, уже протографу СІ—НІV: в конце 6683 г. здесь говорится об обращении князя Романа к Андрею, о смерти которого сообщалось выше (впрочем, перестановка этих событий могла произойти и в оригинале СІ).

³⁸ Уже А. А. Шахматов высказал предположение, что записи «Писано в Киевском» первоначально читались на полях и были ошибочно внесены составителем первой редакции СІ в текст из ее оригинала (ср. неизданную часть «Обозрения»: Архив АН (Ленинград), ф. 134 (фонд Шахматова), оп. 1, № 110/І—IV, л. 293; далее:

знаем, но доказательством дополнения СІ по особому источнику они служить не могут.

Мнение А. А. Шахматова о том, что текст СІ за XIII—XV вв. основывается исключительно на «своде 1448 г.», может быть, как мы полагаем, распространено на всю эту летопись в целом. СІ представляла собой, по видимому, не что иное, как сокращенный и не очень значительно отредактированный текст того памятника, который А. А. Шахматов назвал «сводом 1448 г.». Конечно, восстановление протографа СІ—НІV не может быть осуществлено только на основе СІ (текст этой летописи, как мы могли убедиться в ряде случаев, явно неполон, и его приходится дополнять по НК и НІV), но СІ в целом дает наиболее ясное представление об общем составе свода-протографа. При реконструкции этого протографа в основу должен был быть положен общий текст СІ, НК и НІV и те разделы этих летописей, которые могут быть с достаточной убедительностью возведены к общему тексту.³⁹

2

Предположительное определение состава протографа СІ—НІV дает возможность указать и источники, на которых основывался этот свод. При установлении его источников мы будем сравнивать текст СІ—НІV не с предполагаемыми сводами (вроде Полихрона 1418—1423 гг.),⁴⁰ а с реально дошедшими до нас памятниками летописания XIV—начала XV в.

Главные элементы, из которых сложился протограф СІ—НІV, были уже установлены А. А. Шахматовым: это новгородское и общерусское летописание начала XV в. (соединение этих элементов обнаруживается уже в начальной части СІ—НІV: после введения к Повести временных лет здесь следует предисловие к «Софийскому временнику», известное и

А. А. Шахматов. Рукопись). Но сделать на полях записи об отличии своей летописи от «Киевского» летописца мог и составитель архетипа СІ, и составитель протографа СІ—НІV.

³⁹ А. А. Шахматов предполагал, что текст протографа НІV—СІ отразился еще в летописном сборнике Авраамки (ПСРА, т. XVI, СПб., 1889), в близких к летописи Авраамки западнорусском сборнике епископа Павла (БАН, собр. Доброхотова, № 18) и «Сказании летома вкратце», примыкающем к «Хождению Игнатия Смольнянина» (ГПБ, Софийское собр., № 1464 и БАН, 16.8.13), а также в первой части Рогожского летописца (ПСРА, т. XV, вып. 1, Пгр., 1922); источником всех этих памятников было, по его мнению, «Краткое извлечение из свода 1448 г.» (А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 231—255, 302—328). Однако текст рассказа о битве на Калке в сборнике Авраамки, как и в Рогожском летописце, обнаруживает уже явные черты вторичности, присущей НІV: Мстислав Галицкий превращен в Мстислава Черниговского, при перечислении половецких даров вместо «вельблудов, буволов и девок» фигурируют «злато и паволокы» и т. д. (см. выше, стр. 116; ср.: А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 317—318); читаются в этих летописях и те дополнительные известия о строительстве и других новгородских событиях, которые отсутствуют в СІ, а иногда и в НК. Нам представляется поэтому более вероятным видеть в Рогожском летописце, сборнике Авраамки, сборнике Павла и «Сказании летома вкратце» отражение не «свода 1448 г.», а скорее НІV (может быть, с небольшим дополнением по СІ или даже по протографу обеих летописей); во всяком случае, сколько-нибудь надежной опоры для восстановления протографа СІ—НІV эти летописи не дают.

⁴⁰ А. А. Шахматов считал прямыми отражениями Полихрона 1423 г. Ермолинскую летопись и Хронограф, но анализ этих летописей обнаружил отражение в них тех же элементов — общерусского (большие повести о татарском нашествии, битвах с татарами и т. д.) и новгородского, которые характерны для СІ—НІV; поэтому А. А. Шахматов пришел к заключению, что Полихрон и восходивший к нему «свод 1448 г.» пользовались одними и теми же источниками — «Софийским временником» 1421 г. и Ростовским сводом 1418 г. (А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 160; ср.: А. А. Шахматов. Рукопись, примечание на лл. 150—168 и схема на л. 134 — схема эта из-за ее сложности неточно воспроизведена в издании «Обзорения»).

по Новгородской I летописи младшего извода, а далее — контаминированный текст обоих источников, но с преобладанием Повести временных лет). Новгородские известия CI—NIV ближе к младшему, нежели к старшему изводу Новгородской I летописи; однако источник протографа CI—NIV не был идентичен и с младшим изводом Новгородской I: и в CI, и в NIV сохранились новгородские известия, которых нет ни в старшем, ни в младшем изводе;⁴¹ не всегда с Новгородской I совпадают и те известия, которые были добавлены к протографу CI—NIV в архетипе НК и NIV.⁴² Все эти обстоятельства делают весьма вероятным предположение о существовании особого новгородского свода начала XV в. («Софийского временника», по А. А. Шахматову) или даже нескольких новгородских сводов, отразившихся, с одной стороны, в Новгородской I младшего извода,⁴³ а с другой — в протографе CI—NIV и вновь в НК и NIV.

Общерусские известия протографа CI—NIV в основном могут быть обнаружены в своде 1305 г., известном нам по Лаврентьевской летописи и по своду 1408 г. (Троицкой летописи). Это относится уже к тексту Повести временных лет (имеющему, впрочем, и некоторые черты сходства с редакцией Ипатьевской летописи).⁴⁴ С текстом Лаврентьевской сходны известия о борьбе за Киев начиная с 6654 г., об Андрее Боголюбском, основная часть рассказа о нашествии Батыя в 6745—6746 гг. и ряд других известий вплоть до 6806 г.⁴⁵ Уже под 6778 г. в CI—NIV читается рассказ о смерти Романа Рязанского, совпадающий (судя по цитате Н. М. Ка-

⁴¹ Ср.: А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 199—200, 212—231. Ср. также в CI—NIV упоминание новгородского старейшины Гостомысла во введении к летописи, сказание о знамени богородицы 6677 г., подробности знаменья 6693 г., рассказ о рукописани Магнуша 6860 г., о походе на Анфала в 6907 г. и др. Известие CI—NIV о помрачении солнца в 6839 г. обнаруживается не в младшем, а в старшем изводе Новгородской I летописи.

⁴² В Новгородской I, например, отсутствуют известия НК и NIV о посадниках 6788 г., о восстании 6926 г. (подробности), о происшествии в городе 6819, 6858, 6873, 6902, 6908, 6911, 6925 гг., о церковных делах 6860, 6861, 6908 гг., о «целовании о бочках» 6866 г., об отношениях с князьями и военных действиях 6865, 6878, 6915 гг., о строительстве 6858, 6859, 6873, 6879, 6882, 6902, 6906, 6907, 6911, 6915, 6918, 6919 гг.

⁴³ А. А. Шахматов обратил внимание на сложный характер взаимоотношений между Новгородской I летописью младшего извода и «сводом 1448 г.»: наряду с явными чертами влияния Новгородской I в редакции начала XV в., близкой к младшему изводу, на протограф CI—NIV можно предполагать и обратное влияние этого протографа на основные списки Новгородской I младшего извода (Комиссионный и Академический). Так, из «свода 1448 г.» в эти списки попали, по-видимому, жития Александра Невского, Михаила Черниговского и повесть о Куликовской битве (А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 163—164). Однако это обратное влияние носило, вероятно, весьма ограниченный характер (статьи 6910 и 6912 гг., которые Шахматов также считал заимствованием из «свода 1448 г.», совпадают с особыми версиями NIV, дублирующими известия, сходные с CI, и, очевидно, заимствованы в NIV из ее дополнительного новгородского источника; вероятно также новгородское происхождение известия о поставлении Цамблака в 6923 г., читающегося и в CI—NIV, и в Новгородской I; об известии 6907 г. см. прим. 63); основной источник совпадений между Новгородской I младшего извода и CI—NIV — новгородский свод начала XV в. (ср.: А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 384—385).

⁴⁴ Ср.: А. А. Шахматов. Рукопись, лл. 157—164. А. А. Шахматов был склонен объяснять эти совпадения влиянием предполагаемого «Полихрона начала XIV в.» (через Полихрон 1423 г.).

⁴⁵ Ср. отдельные известия CI—NIV с известиями Лаврентьевской летописи (Л) под годами: 6622 (Л—6622—6623), 6624, 6625, 6627, 6629, 6630 (1-е известие), 6634—6635, 6638, 6639, 6643—6644, 6647, 6649, 6654—6656, 6662—6663, 6666, 6667, 6668, 6672, 6673 (Л—6675), 6674 (Л—6676), 6675—6677, 6678, 6680—6683, 6685, 6688, 6689, 6693—6694, 6710, 6745—6746, 6749—6750, 6754 и 6759 (основная часть об Александре в CI), 6763 (Л—6765), 6770, 6804 (конец; Л—6805), 6806.

рамзина) с Троицкой летописью (в Лаврентьевской в соответствующем месте пробел); с XIV в. такие совпадения становятся систематическими. Связь протографа СІ—НІV с Троицкой (сводом 1408 г.) не отмечалась А. А. Шахматовым, возводившим «свод 1448 г.» к Полихрону XV в., но уже М. Д. Приселков высказал предположение, что, выйдя «из той же среды, что и свод 1408 г.», Полихрон 1418 г. (а через него и «свод 1448 г.») восходил к «источникам свода 1408 г.».⁴⁶ На трех весьма важных примерах зависимость обширных повестей СІ—НІV (повести о Куликовской битве, о нашествии Тохтамыша и житие Дмитрия Донского) от кратких рассказов Троицкой (Симеоновской) летописи была показана М. А. Салминой.⁴⁷ Но в тексте СІ—НІV обнаруживаются не только расширенные и переработанные версии статей свода 1408 г., но и идентичные с этим сводом известия; особенно обильными становятся совпадения с Троицкой в тексте за конец XIV—начало XV в.⁴⁸

Третий источник, с которым у протографа СІ—НІV обнаруживаются совпадения, — это ростовский или суздальско-ростовский свод, отразившийся с 6747 по 6927 г. в Московско-Академическом списке Суздальской летописи (далее: МАк). Сходные с МАк известия появляются в протографе СІ—НІV с 6785—6786 гг. и доходят до 6872 г.⁴⁹ Среди совпадающих с МАк текстов — не только ростовские известия, но и сообщение 6760 г. о приходе Неврюя и изгнании Андрея Ярославича Суздальского и сообщение 6868 г. о том, что «Ходырь царь даст княжение великое Дмитрию Суздальскому, а князем Руским комуждо отчину свою». Соединение такой сочувственной оценки политического акта, крайне невыгодного для Москвы (великое княжение было тем самым отнято у Дмитрия Ивановича Московского, и свод 1408 г. утверждал, что Дмитрий Суздальский

⁴⁶ М. Д. Приселков. История, стр. 145—146 и 163 (схема).

⁴⁷ М. А. Салмина: 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: Слово о полку Игореве и Задонщина. М.—Л., 1966, стр. 356—357 и 364; 2) «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». — ТОДРА, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 91—94. Работа М. А. Салминой о повести о нашествии Тохтамыша не опубликована.

⁴⁸ Ср. известия СІ—НІV и Троицкой летописи (Тр.) под годами: 6778, 6785, 6787, 6790, 6791, 6804 (Тр.—6805), 6810 (Тр.—6811), 6813 (Тр.—6814), 6816, 6818, 6819, 6823, 6824, 6826, 6829 (Тр.—6828), 6836, 6837, 6848 (Тр.—6847), 6849 (Тр.—6848), 6855, 6857—6859 (Тр.—6856—6857 и 6860), 6860, 6861 (Тр.—6862), 6863, 6865, 6869, 6870—6871, 6874, 6875, 6876, 6879, 6880, 6883, 6885, 6886 (Тр.—6885), 6887 (Тр.—6886—6887), 6891, 6893, 6894, 6896 (Тр.—6893, 6896), 6898 (Тр.—6897), 6903 (Тр.—6906 и 6907), 6904, 6907. Начиная с 6909 г. и вплоть до окончания Троицкой летописи под 6916 г. протограф СІ—НІV (без существенных дополнений передаваемый в СІ) почти полностью совпадает с Троицкой (не совпадающими с ней оказываются только несколько известий под 6910, 6912—6915 и 6916 гг.).

⁴⁹ См. известия под годами: 6785, 6786, 6789, 6793, 6794, 6796, 6798, 6802, 6803, 6804, 6805, 6807, 6809, 6815, 6824, 6827, 6828, 6829, 6834, 6836 (известие о смерти Константина Ростовского — очевидно, искаженное известие МАк о его жентьбе), 6861, 6862, 6868, 6869, 6871, 6872. Некоторые из этих известий (под 6785, 6786, 6861, 6862, 6868, 6869, 6871 гг.) читаются также в Тверском сборнике (ПСРА, т. XV), первая часть, которого основывалась на каком-то ростовском памятнике (ср.: А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной». — В кн.: Отчет о 40-м присуждении наград гв. Уварова. СПб., 1899, стр. 93—109; А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, отд. гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 709—713, 723—724). Еще более обширен фонд ростовских и суздальских известий, совпадающих с МАк, в НІV; А. А. Шахматов считал эти известия (перечисление их см.: А. А. Шахматов. Обозрение, стр. 186—187, прим. 4) дополнениями НІV к «своду 1448 г.», извлеченными из ростовского источника. Однако известия НІV под 6683 г. о событиях после смерти Андрея Боголюбского представляют собой продолжение большого рассказа, сохранившегося только в СІ (см. выше, стр. 124); известия НІV 6763 и 6772 гг. читаются также в Тверском сборнике.

получил княжение «не по отчине, не по дедине»), с ростовскими известиями понятно: в числе князей, получивших от Ходыря «отчину свою», был и ростовский князь Константин Васильевич, устранивший своего соперника Андрея Федоровича.⁵⁰ Когда спустя два-три года Дмитрий Иванович одержал победу над суздальским князем, Андрей Федорович с московской помощью занял Ростов, и Константин должен был удалиться (об этом сообщается в том же источнике, отразившемся в СІ—НІV и МАк под 6871—6872 гг.). Такое соединение в источнике СІ—НІV и МАк ростовского и суздальского материала позволяет отнести к этому памятнику и ряд других общерусских известий этих летописей, не находящихся соответствия в других источниках.⁵¹

Четвертый источник протографа СІ—НІV — свод, близкий к Ипатьевской летописи, сходство с которой, как мы уже отмечали, обнаруживается в тексте СІ—НІV за вторую половину XII в. (до конца XII в. доходит в Ипатьевской текст ее киевского источника) и частично охватывает также и XIII в. (большие фрагменты рассказов о Калке и нашествии Батты);⁵² к какому-то южнорусскому или западнорусскому источнику восходят и некоторые известия СІ—НІV, отсутствующие в Ипатьевской.⁵³

Пятый источник протографа СІ—НІV сближает его с псковскими летописями. К псковскому летописанию восходит, например, рассказ 6838 г. (в Псковской 1-й и 3-й летописях — 6835 г.) об убежище, предоставленном псковичами князю Александру Михайловичу после тверского восстания против татар.⁵⁴

Шестой источник исследуемого протографа — тверское летописание, отразившееся в тексте так называемого Тверского сборника (далее: Тв. сб.) и Рогожского летописца (далее: Рог.), совпадающих с 6793 по 6883 г.⁵⁵ С Рог. и Тв. сб. сходны в протографе СІ—НІV повесть об убиении Михаила Ярославича Тверского, а также рассказы 6880, 6883 (в со-

⁵⁰ О «нелюбии» ростовских князей Константина и Андрея не говорится в СІ—НІV, но об этом сообщают под 6870 г. МАк и Тверской сборник (ср.: А. В. Эд-земплярский. Ростовские владетельные князья. Ярославль, 1888, стр. 38—39 и 46—47).

⁵¹ Ср., например, известия 6813 г. (об избиении татар и наказании князем «вечников» в Нижнем Новгороде), 6865 г. (события в Орде; известие МАк под 6868 г., по-видимому, продолжает это известие 6865 г.), 6873 г. (борьба за Нижний Новгород и интердикт, наложенный на город). Ср. также нижегородские известия СІ—НІV за годы: 6863 (об этом известии см.: М. Д. При с е л о в. История, стр. 146), 6892 и 6895.

⁵² См. стр. 116—117. Ср. также известия СІ—НІV за годы: 6655 (дата 19 сентября), 6662 и 6668.

⁵³ Ср. известия за годы: 6654 (слова «доброе корене отрасль»), 6738 (о Смоленске), 6743 (о Владимире Рюриковиче).

⁵⁴ Ср. также известия за годы: 6850 (Псковская 1-я и 2-я — 6849), 6860, 6886 (Псковская 1-я и 3-я — 6885).

⁵⁵ В начале Рог. помещен «Летописец въкратце» (до 6793 г.; к этому летописцу, очевидно, восходит также первое известие 6796 г.), соединяющий выдержки из НІV (по Шахматову, «краткое извлечение из свода 1448 г.» — см. стр. 125, прим. 39) с известиями из какой-то суздальской летописи, доведенной до конца XIII в. (А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 246—247 и 312—313). Тв. сб., составленный в своем окончательном виде неким ростовцем в 1534 г. (ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. V, стлб. 108 и 142), также содержит в первой части ростовскую летопись с добавлениями из Новгородской I (см. выше, стр. 127, прим. 49). А. Н. Насонов полагал, что «краткое извлечение из свода 1448 г.» отразилось уже на общем тверском источнике Рог. и Тв. сб., и на этом основании датировал их общий источник серединой XV в. (А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, VII серия, отд. гуманитарных наук, Л., 1930, № 9—10, стр. 737—738). Однако Тв. сб. до 6793 г. никаких следов «свода 1448 г.» (НІV) не обнаруживает; после этого года таких следов нет в обоих памятниках (известия 6836 г. о «тишине великой» и 6871 г. о Дмитрие Галицком восходят не к НІV—СІ, а к своду 1408 г. —

единении с текстом Троицкой) и других годов.⁵⁶ Очевидно, перед нами — отражение какого-то тверского летописного свода конца XIV в.⁵⁷

Использование протографом СІ—НІV ряда летописных сводов, имевших, очевидно, общерусский характер (свод 1408 г., южнорусский, суздальско-ростовский и тверской своды), приводило к тому, что уже в первую часть этого свода попали своеобразные известия, отсутствующие в Повести временных лет и Новгородской I летописи.⁵⁸ В еще большей степени использование различных источников сказалось на последней части СІ—НІV—за XIV и начало XV в. (известия из свода 1408 г. и из просуздальского источника, известия из московских, новгородских, псковских и тверских источников). Борьба с татарами велась в первой половине XIV в. главным образом тверскими князьями; в своих новгородских и московских источниках протограф СІ—НІV находил резко осуждательную оценку этой борьбы: тверской князь Михаил Ярославич обвинялся здесь в убийстве ханской сестры Кончаки, решительно осуждался сын Михаила Дмитрий, отомстивший Юрию за смерть отца; умалчивалось о восстании тверичей против Щелкана в 6835 (1327) г., а псковичи, давшие убежище князю Александру, осуждались за «высокоумие». В протографе СІ—НІV эта антитверская линия явно заглаживалась. «Благоверный» и благочестивый Михаил не повелевал здесь «избивати» татар и даже «ни на мысли» не имел уморить княгиню Кончаку. В СІ—НІV появилось (из неизвестного источника — в Тв. сб. и Рог. здесь иной, развернутый рассказ) известие о восстании 6835 г., где рассказывалось, что Щелкан хотел «привести крестьян в бесерменьскую веру», и с явным сочувствием приводилась речь Александра Михайловича: «Не аз начал избивати, но он; и да будет отместник бог крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрея, зане проляя кровь праведну...». Новгородское известие о «высокоумии» псковичей было приведено под 6839 г., но перед ним было помещено под 6838 г. прямо противоположное по тенденциям псковское изложение тех же событий: «Заложу оканный враг дьявол в сердце кня-

Троицкой летописи; известие 6800 г. о построении церкви Николы на Липне совпадает только с НІV и Новгородской I летописью и могло быть заимствовано в Тв. сб. из последней).

⁵⁶ Ср. известия СІ—НІV и Тв. сб. за годы: 6894, 6907 и 6911. О житии Михаила Ярославича см.: В. А. Кучкин. Повесть о Михаиле Тверском, стр. 22—23 и 34—35.

⁵⁷ Ср.: А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 770.

Использование тверского летописного свода, доведенного до конца XIV в., в протографе СІ—НІV дает некоторые основания для предположительного решения вопроса о том, что представляла собой загадочный «Владимирский полихрон», следы которого А. А. Шахматов искал и в XIV и в XV вв. и имя которого он склонен был дать предполагаемому общерусскому источнику «свода 1448 г.». Название этого источника А. А. Шахматов извлек из относительно позднего памятника (XVI в.) — Тв. сб. В каком же контексте упоминался там «Владимирский полихрон»? В весьма определенном: на эту летопись Тв. сб. ссылался, говоря о могуществе великого князя Михаила Александровича: «якоже Володимерский полихрон степенем приведе укажет и пречестнейша сего в князех являет, словуше имя Михаила Александровича...» (ПСРЛ, т. XV, стлб. 465). Не был ли «Владимирский полихрон» тверским летописным сводом, подкреплявшим претензии Михаила на владимирский престол (чем и объяснялось его название) и использованным, наряду с другими источниками, протографом СІ—НІV?

⁵⁸ А. А. Шахматов склонен был относить такие своеобразные известия «свода 1448 г.» к Полихрону 1423 г., полагая, что текст, сходный с Повестью временных лет Лаврентьевской (Сильвестровской) редакции, проник в «свод 1448 г.» из Ростовского владычного свода (А. А. Шахматов. Рукопись, лл. 134—135, 150, 168—169). Но несомненные факты использования протографом СІ—НІV свода, близкого к Лаврентьевской—Троицкой, позволяют предполагать, что из этого же источника сюда проникла Повесть Лаврентьевской редакции; своеобразные известия начальной части СІ—НІV могли, напротив, восходить к другим использованным здесь общерусским сводам (тверскому, суздальско-ростовскому).

зем руским взыскати князя Александра, повелением окаанного царя Озбяка, подъяша всю землю Рускую. И приеха князь Иван Данилович в Новгород... и подъяша новгородцев...».⁵⁹ Храбрые псковичи призывают Александра: «Не езд, господине, в Орду; аще что будет на тебе, изомрем с тобою в едином месте...», но Иван Калита настраивает («намолви») митрополита Феогноста против Александра, и митрополит прокликает и отлучает тверского князя и Псков; благородный князь заявляет: «Братья и друзи мои, не буди на вас проклятья, ни отлучение мене ради; еду из города вашего вон...». В СІ—НІV к этому псковскому рассказу добавлены еще отсутствующие в нем слова Александра: «Се и тако ли им (Ивану Калите и другим князьям, — Я. Л.) любо? Погании Тферь взяша, а людей овых плениша, овых мечи иссекоша, а иных ножи изрезаша!»; слова эти также исполнены сочувствия к тверскому князю (возможно, они взяты из того же источника, что и известие о восстании 6835 г.). Последовавшую за этим казнь Александра в Орде сводчик описывал как «горкую, нужную смерть за христианскую веру».⁶⁰

Тема татарского ига и освободительной борьбы с «погаными», несомненно, была одной из основных тем в протографе СІ—НІV. Жертвами татарского ига были не только Михаил Ярославич и его сыновья, но и другой князь, житие которого было включено в протограф СІ—НІV, — Михаил Всеволодич Черниговский. Исследуемый свод соединил в своем составе рассказы различных летописей о Калке и нашествии Батая, дав таким образом подлинно общерусские повести об этих событиях. Наконец, и развернутые повести о Куликовской битве, нашествии Тохтамыша и о житии Дмитрия Донского основываются во всем последующем летописании на тексте СІ—НІV; по справедливому замечанию исследователя этих памятников М. А. Салминой, во всех этих рассказах речь идет прежде всего об «объединении русских сил против врагов Русского государства».⁶¹

Общерусский состав протографа СІ—НІV, важнейшая роль, которую играет в нем национально-объединительная тема, — все это дает основание усомниться в новгородском происхождении этого свода и видеть в нем скорее летопись, связанную с какой-либо общерусской политической силой — вероятнее всего, с московско-владимирской митрополией «всяя Руси». Однако против такого вывода можно было бы возразить, отнеся все разобранные выше общерусские повести к одному из источников исследуемого свода (например, к Полихрону).

Решающее значение при определении характера исследуемого свода приобретает поэтому вопрос о «последнем слое» его редактирования, вопрос о том, к чему именно стремился редактор: к обработке общерусского материала в новгородском духе или, напротив, к подчинению своих разнобразных (в частности, и новгородских) известий единой общерусской тенденции. Ключ к решению этого вопроса дают известия о конфликтах между отдельными русскими княжествами — конфликтах, в которых важнейшую роль постоянно играл Новгород.

В истории внутренних войн между русскими землями в XIV в. особое

⁵⁹ Слова «заложу оканный враг дьявол в сердце» сохранились только в НІV, в СІ — «вложис в сердце», но первичность текста НІV в данном случае подтверждается его совпадением с источником (ср. Псковскую 1-ю и 3-ю летописи под 6835 г.).

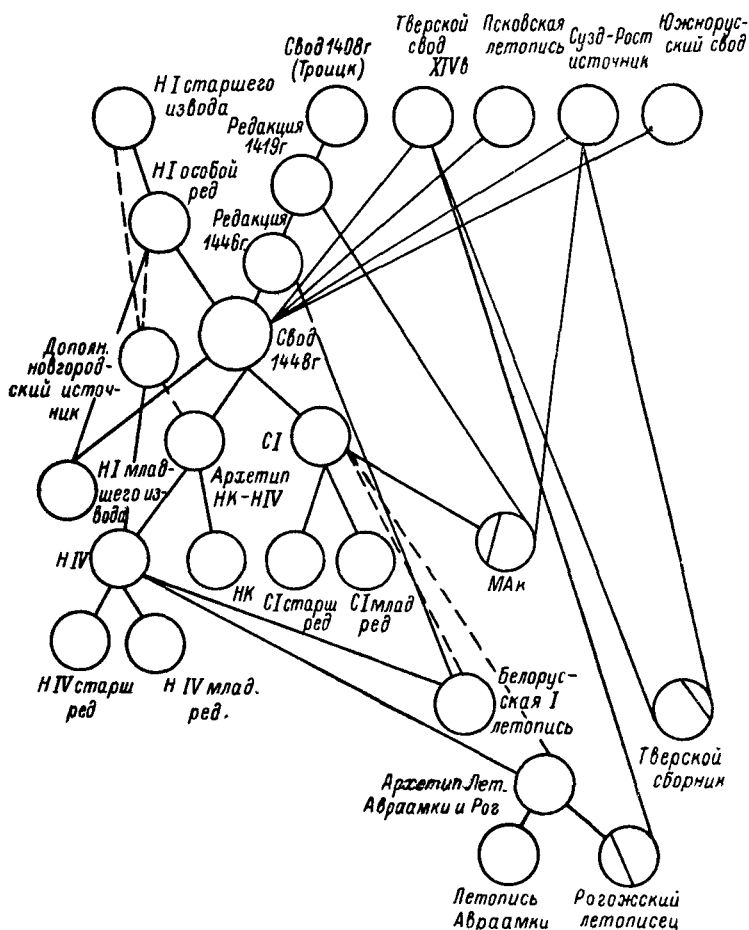
⁶⁰ Так в СІ (6847 г.); в НІV (6848 г.) — «горкую, нужную смерть» (без упоминания о вере).

⁶¹ М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 374; 2) «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьсаго», стр. 100.

место занимали новгородско-тверская война 6880 (1372) г. и взятие тверскими войсками города Торжка. Новгородская I и Симеоновская (Троицкая) летописи подчеркивали в этом рассказе жестокость и зверства тверичей. Но составитель рассказа СІ—НІV, начав с сообщения, близкого к Троицкой, о приходе тверского князя с литовскими силами и включив затем в свое повествование подробности из новгородского летописания, основное изложение строит на прямо противоположном по тенденциям тверском источнике. Михаил Александрович Тверской выступает здесь в этикетной роли «смирненного» князя-христианина (подобного Дмитрию Донскому перед Куликовской битвой): «Нача смириением послати послы свои к новгородцем и новоторжцем: выдайте ми тех, кто моих тферичь поймал и бил и пограбил... И жда от них мира и чистосердаго покорения от утра и до полудне...». Со своей стороны новгородцы выступают в столь же традиционной роли «высокоумных» супостатов: «они же нимала хотяху покоритися, и посылаху послы со ответы, а все с высокоумием, и ополчишася на бой сами бояре новгородские, похвалившеся силою мужества своего...». Рассказав далее о поражении новгородцев и о жертвах, автор сообщает о вмешательстве Дмитрия Ивановича Московского, но делает это только для того, чтобы завершить рассказ весьма мирной развязкой, вновь заимствованной из тверского источника (Рог., Тв. сб.). «Враг» (овраг), разделивший оба войска, служит им «в спасение»: «И тако стояша неколко дний, и укрепилася крестяне верою и силою крестною и въздохнуша к богу от сердца чиста, абы не сътворилося кровопролития; господь наш Исус Христос услыша молитву их, и дасть им мир и избавление от напрасныя смерти». Легко заметить, что эта концовка, дававшая тон всему рассказу и явно отражавшая тенденцию его редактора, противоречила новгородской точке зрения на события: Новгород больше всего пострадал в ходе событий 6880 г. и отнюдь не жаждал московско-тверского примирения. Но для составителя исследуемого свода излюбленной темой была именно необходимость мира между русскими князьями: рассказав о новом конфликте между Михаилом и Дмитрием в 6883 г. и описав, как новгородцы вступили в бой, «скрежчюще зубы на тферичь за свою обиду» под Торжком, он вновь ввел в рассказ тверской материал (приезд Некомата в Тверь, «скорбь в граде» во время московской осады) и закончил (по Троицкой) прославлением Дмитрия Ивановича, не хотевшего «видети разорения граду, и погыбели людския, и кровопролития христианом».

В последней четверти XIV в. столкновения между Новгородом и великими князьями стали постоянными. С достаточной определенностью тенденция протографа СІ—НІV обнаруживается из рассказа о столкновении в 6901 (1393) г. Новгород выступал при поддержке литовских князей; столкновение, как сообщают СІ и НІV, окончилось поражением новгородцев, согласившихся на все условия, выставленные великим князем Василием Дмитриевичем. Но изложение начального момента столкновения в НІV и СІ оказывается совершенно различным. В НІV поход Василья начинается без всякого повода: «Той же зимы в великое говение присла князь Московский дядю своего Володимеря и брата своего Юрья, и рать с ним отпустил к Торжку»; в СІ мы находим совсем иное, хорошо мотивированное объяснение: князь жалуется, что новгородцы не уплатили «черного бора» (дани) и не выполнили требование митрополита о церковном суде — «и вы к митрополиту ту грамоту отъшлите, а целование митрополит с вас соиметь»; когда новгородцы не соглашаются, Василий I посылает дядю и брата на Торжок. Какой же из этих вариантов первичен? Решение этого вопроса облегчается тем, что в данном случае протограф

СІ—НІV частично использовал Новгородскую I летопись;⁶² сравнение обнаруживает, что требование Василия I относительно грамоты митрополиту читалось и в Новгородской I: «... чтобы есте к митрополиту грамоту отосладе, а что есте крест целовале, а ть грех с вас митрополит сънимает». Таким образом, НІV, несмотря на свои проновгородские тенденции, оказывается в этом случае дальше от новгородского источника

СІ—НІV, чем СІ. Явная вторичность НІV по отношению к общему протографу обеих летописей доказывается и тем, что в конце здесь, как и в СІ, сообщается, что новгородцы «послаша послы к великому князю с челобитьем о старине, а к митрополиту послаша грамоту целовальную... и Новгород даша князю черный бор брати по всем волостемь». В Новгородской I о «черном боре» ни в начале, ни в конце рассказа не говорится ни слова — об этом сообщается только в СІ; концовка рассказа 6901 г. в НІV—СІ с несомненностью доказывает, что в общем протографе обеих летописей начало рассказа совпадало с СІ и весь рассказ имел такой же общерусский промосковский и промитрополичий характер,

⁶² Текст Троицкой о новгородско-московских столкновениях 6900—6901 гг., не сгравированный в Симеоновской и других летописях и восстанавливаемый по цитатам Н. М. Карамзина (ср.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 438—446), в известной нам части не совпадает с СІ—НІV.

как в СІ, а в НІV текст подвергся уже вторичной, не вполне последовательной обработке.

Расхождения между тенденциями протографа СІ—НІV и Новгородской I летописи не случайно обнаруживаются именно в последней части изложения — со второй половины XIV в.: именно заключительная часть свода была, естественно, наиболее актуальной для его составителя и редактора. Расхождения эти обнаруживаются в известиях 6905 г. (отказ новгородцев от помощи Василию I против немцев, о чем умалчивает Новгородская I) и 6907 г. (война Витовта с Темир-Кутлуем);⁶³ с 6909 по 6916 г. общий текст СІ—НІV, как мы уже отмечали, решительно расходится с Новгородской I, совпадая с Троицкой летописью.

Текст протографа СІ—НІV явно не мог удовлетворять новгородца — недаром НІV сделала к нему так много местных добавлений. Свод, лежащий в основе обеих летописей, широко использовал новгородский материал (особенно за XII—первую половину XIV в.), но по своему характеру и тенденциям это был не новгородский, а общерусский летописный свод (см. схему на стр. 132).

3

Когда же и при каких обстоятельствах был составлен летописный свод, служивший протографом СІ и НІV?

Общий текст СІ и НІV, как мы знаем, доходит до 6926 (1418) г.; на этом же годе заканчивается и текст старшей редакции СІ. Но значит ли это, что текст протографа СІ—НІV завершался последним общим известием обеих летописей — сообщением о гибели ушкуйника Анфала в 1418 г. и что самый этот свод может быть датирован концом 10-х годов XV в.? Отметим прежде всего, что в старшей редакции СІ после сообщения об Анфале помещены (без новой годовой даты) еще два известия — о смерти жены Юрия Дмитриевича Анастасии и о пожаре в Москве 18 августа; оба известия, судя по СІ младшей редакции и более поздним летописям, относятся не к 6926, а к 6930 (1422) г.⁶⁴ Но интересующий нас свод не заканчивался и 1422 г. Если мы обратимся к НК, передающей, как мы знаем, архетип НІV, то обнаружим здесь под 6932 (1424) г. общерусское известие, отсутствующее в НІV, но сходное с СІ младшей редакции: о том, что после смерти Василия Дмитриевича «седе на великое княжение сынъ его Василий»⁶⁵ (в СІ под 6933 г.: «сынъ его князь Василей Васильевич седе на великом княжении»).

Можно полагать поэтому, что общий протограф СІ—НІV заканчивался не 6926 г., а 6932 г. или еще более поздней датой и что этот свод был составлен значительно позднее 1418 г. Составление общерусского свода, лежащего в основе СІ, НК и НІV, в конце 10-х годов XV в. (т. е. датировка его тем временем, к которому А. А. Шахматов относил один из его источников — «Полихрон») представляется вообще крайне мало веро-

⁶³ Новгородская I летопись хотя и осуждает Витовта за «высокоумие» и отступничество от православия, но не считает его виновником столкновения, приписывая активную роль Темир-Кутлу; в СІ—НІV (вслед за Троицкой) именно Витовт затевает войну, заявляя своему союзнику Тохтамышу: «Аз тя посажу в Орде на царстве, а ты мя посадишь на великом княжении на Москве и на всей Русьской земли».

⁶⁴ А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 209; М. Д. Приселков. История, стр. 151—152.

⁶⁵ ГПБ, F.IV.603, л. 452 об. Под тем же годом в НК читается еще одно новгородское известие, также, возможно, восходящее к общерусскому источнику НК—НІV, — о вокняжении тверского князя Бориса Александровича, который «потом за мало дней окова» своего дядю Василия Кашинского (последнее сообщение выпущено в НІV). Однако известие о вокняжении Бориса не сохранилось в СІ.

ятным. Наиболее полной и богатой фактическим материалом бывает обычно во всяком своде его заключительная часть: здесь летописец выступает как современник и может пользоваться обильными и свежими источниками. Между тем именно период между 6916 г. (окончание свода 1408 г.) и 6926 г. (год окончания общего текста) характеризуется в СІ—НІV, а вслед за ними и во всем московском летописании крайней бедностью фактического материала. Отошедший было с конца XIV в. от своего новгородского источника протограф СІ—НІV оказался вынужденным вновь довольно широко использовать его после 6916 г., иначе ему просто не о чем было бы писать.

Судьба русского летописания после 1408 г. довольно неясна. Подвергалось ли вообще общерусское летописание какому-либо редактированию между 1408 г. и серединой XV в.? Наиболее близким по времени к своду 1408 г. памятником следует, по-видимому, считать ростовский свод, сохранившийся в последней части МАк и доведенный до 6927 (1419) г.; в основе его, очевидно, лежало общерусское летописание, близкое по времени к 1419 г.⁶⁶ До 1408 г. свод этот близок к Троицкой летописи (с нею совпадает, например, известие 6888 (1380) г. о Куликовской битве);⁶⁷ после этого года мы обнаруживаем в МАк лишь небольшое число общерусских известий, и только три из них отыскиваются и в составе СІ—НІV (о приезде Фотия в 6912 г., о пожаре в Твери в 6922 г. и о смерти сына Василия I в 6925 г.).⁶⁸ Кроме этих сообщений, в СІ—НІV помещено еще несколько известий общерусского характера, отсутствующих в МАк;⁶⁹ в целом же общерусский текст летописей за 6916—6926 гг., как мы уже отметили, весьма краток и беден.

Предположение о том, что протограф СІ—НК—НІV был составлен во всяком случае после 1425 г. (времени вокняжения Василия II), хорошо объясняет состав и тенденции этого свода.

Мы уже отмечали, что важнейшей идеей протографа СІ—НІV была идея объединения русских сил для борьбы против врагов Руси. Не менее характерна для этого же свода другая тема: резкое осуждение «братонавидения» — внутренней борьбы между князьями, облегчающей успехи «поганых». Именно эти тенденции отметила М. А. Салмина в статьях СІ—НІV о Дмитрии Донском.⁷⁰

Те же самые мотивы мы обнаруживаем и в других статьях протографа СІ—НІV. Не случайно в этом своде (судя по СІ, текст которой в данном случае А. А. Шахматов считал протографичным) рассказ Повести временных лет и Новгородской I летописи об убийстве Святополком Бориса и Глеба был заменен более развернутым житийным текстом.⁷¹ В рас-

⁶⁶ Ср. выше, стр. 127. Начальный текст МАк до 6714 (1206) г. близок к Радзивилловской летописи, а текст 6714—6745 гг. заимствован из СІ (ср.: А. А. Шахматов. Обозрение, стр. 222—223).

⁶⁷ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 355—356.

⁶⁸ Известие о поставлении Фотия в СІ—НІV в отличие от МАк не имеет точной даты; в отличие от МАк умерший сын Василия I Иван не именуется здесь «зело превозжеланным».

⁶⁹ Например, известия о замужестве Анны Васильевны (6919 г.), о нападении на Киев (6924 г.), о Цамблаке (6925 г.), о взятии Кременца (6926 г.). Кроме первого, все эти известия связаны с Литовской Русью и могли (как и известия об Анфале 6917 г. и сыне Лугвеня 6919 г.) быть взяты из новгородского летописания, внимательно относившегося к этим темам.

⁷⁰ М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 372—373; 2) «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», стр. 180.

⁷¹ А. А. Шахматов. Рукопись, лл. 152—153.

сказ об убийстве Андрея Боголюбского составителем протографа СІ—НІV были, по-видимому (как мы уже указывали), вставлены весьма многозначительные слова о том, что заговорщики «съвещаша на своего кормителя и господина». Под 6724 (1216) г. протограф СІ—НІV ввел в общерусское летописание подробный рассказ о битве под Липицей, в которой новгородцы разбили войска владимирских князей Юрия и Ярослава. Рассказ этот основывался на тексте Новгородской I летописи, но в СІ—НІV к нему были сделаны обширные дополнения (основанные на не известном нам источнике),⁷² основной смысл которых сводился к осуждению Юрия и Ярослава, нарушивших права своего старшего брата Константина. «Мы пришли есмя, брате Юрьи и Ярославе, — заявляет новгородский посол мятежным князьям, — не на пролитье крови, не дай Бог сътворити того! Управимся, мы есме племенници, а дадим старшинство Константину...». В рассказе появляется новый персонаж — боярин Юрия и Ярослава Творимир, который укоряет своих князей: «Княже Юрьи и Ярослава, а меньшая братья в вашей воли; оже бы по моему гаданию, лучши бы мир взяти и дати старшинство Костяньтину...».

С теми же тенденциями было связано и включение в протограф СІ—НІV рассказа 6883 г. о бегстве в Тверь предателей Ивана Васильева (Вельяминова) и Некомата, поссоривших Дмитрия Донского с Михаилом Тверским, с характерным добавлением, отсутствующим в тверском источнике рассказа: «Се же писах того ради, понеже огонь загореся».

Перечисленные здесь темы СІ—НІV представляются несколько странными и весьма мало актуальными для конца 10-х—начала 20-х годов XV в. Ни о какой борьбе за власть в этот период мы ничего не знаем. До 1425 г. великокняжеский престол занимал Василий Дмитриевич, права которого никем не оспаривались; спокойными были и первые пять лет правления его сына Василия II (пока был жив митрополит Фотий, фактически правивший за юного князя).

Судя по тенденциям свода — протографа СІ—НІV, свод этот вероятнее всего относится к 30—40-м годам XV в. — времени борьбы за московский престол. Именно в этот период традиционные призывы против «братоненавидения» обретали актуальный характер: они должны были осмысляться как указание на борьбу между Василием Васильевичем и его родичами — галицкими князьями. Борьба за московский престол началась в 1430 г., когда Юрий Дмитриевич Галицкий, ссылаясь на завещание Дмитрия Донского, согласно которому престол после смерти старшего сына должен был достаться Юрию, отказался признать власть племянника. М. А. Салминой посчастливилось найти очень интересный отголосок этого династического спора в тексте Слова о житии Дмитрия Донского в СІ—НІV, где к словам из завещания Дмитрия о передаче Василию Дмитриевичу великого княжения сделано характернейшее добавление: «яже есть стол отца его и деда и прадеда».⁷³

После смерти Юрия в 1433 г. борьбу возобновили его сыновья — Василий Косой и Дмитрий Шемяка; закончилась она только в начале 50-х годов, когда Василий Темный одержал, наконец, победу над Дмитрием Шемякой. Феодалная война 30—40-х годов изобиловала «обидами» по отношению к «братии», но в ходе той же борьбы — в связи с неуклонно надвигавшимся распадом Орды — неоднократно вставал вопрос

⁷² Дополнения эти обнаруживаются, кроме СІ—НІV и восходящих к ним летописей, также в первой части Тверского сборника. Не отражение ли это ростовского источника, лежащего в основе первой части этого памятника (см. выше, прим. 49)?

⁷³ М. А. Салмина. «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», стр. 99—100.

о необходимости объединения русских сил для сопротивления «поганым». В угодничестве татарам и отказе от борьбы с ними обвиняли друг друга в этот период обе воюющие стороны.

С обстановкой феодальной войны 30—40-х годов связаны не только общие тенденции, но и некоторые особенности состава протографа СІ—НІV. Мы уже обратили внимание на ту важную роль, которую играют в этом своде известия, заимствованные из тверских источников. Из тверского летописания заимствованы рассказы о князьях-мучениках XIV в., принявших «смерть за христианскую веру»; в тверском духе обработан рассказ о взятии Торжка в 1372 г. Это хорошо объясняется тем, что во время событий московской феодальной войны роль Твери, значительно оправившейся в середине XV в. от потрясений прошлого столетия, была весьма велика. К тверскому великому князю Борису Александровичу обращались за помощью обе враждующие стороны; потерпев поражение от своих соперников, Василий II дважды — в 1433 и 1447 гг. — находил убежище в Твери; в 1447 г. именно войска Бориса Александровича помогли Василию Темному возратить утраченный престол.⁷⁴

Специфические тенденции протографа СІ—НІV, объединившего летописание различных русских земель и княжеств, дают основание видеть в нем свод, составленный, как и предшествующий свод 1408 г., при дворе митрополитов «всея Руси». Но от свода 1408 г. (Троицкой летописи) исследуемый памятник отличался многими важными особенностями. Свод 1408 г., составленный приближенными Киприана сразу же после смерти митрополита, отражал московскую точку зрения по основным политическим вопросам. Но при Василии II положение митрополии и ее отношения с великокняжеской властью претерпели изменения. После смерти Фотия в 1430 г. митрополичья кафедра некоторое время оставалась незамещенной; в 1433 г. митрополитом стал смоленский епископ Герасим, не поехавший в охваченную внутренними распрями Москву и оставшийся в Западной (Литовской) Руси; в 1435 г. этот митрополит был казнен литовским князем Свидригайлом, и митрополия вновь стала вакантной. В 1437 г. митрополитом был назначен грек Исидор, приехавший в Москву, но почти сразу же покинувший ее для участия во Флорентийском соборе; после заключения Флорентийской унии русские князья отказались признать его, и в 1440 г. Исидор покинул Русь, а митрополичья кафедра опять опустела. Только в конце 1448 г., после ослепления Василия II и его возвращения на престол, русские епископы избрали себе нового митрополита — Йону, но его не поддержанный патриархом авторитет еще долго оспаривался различными князьями и иерархами.

Сложная судьба митрополичьего летописания в этот период наглядно обнаруживается из текста летописи, основанной, по всей видимости, в общерусской части на митрополичьем своде 1446 г. — Белорусской I (Западнорусской) летописи.⁷⁵ Составленная в начале XVI в. Белорусская I летопись заимствовала, по-видимому, свою начальную часть, до 6817 г., из НІV, а раздел 6893—6926 гг. — из СІ,⁷⁶ но остальной ее текст

⁷⁴ Ср. известия СІ младшей редакции за 6941 и 6954 гг. Особенно подробно сообщает о роли Твери в событиях 6955 (1447) г. рассказ «От летописца вкратце» в составе тверского Слова инока Фомы. См.: Инок Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. Сообщение Н. П. Лихачева. СПб., 1908 (ПДПИ, CLXVIII), стр. 42—46.

⁷⁵ ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907, стлб. 1—70. Название «Белорусская I летопись» предложено в работе: В. А. Ча'м'ярыцкі. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969, стр. 11—134.

⁷⁶ См.: А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 334—338; М. Д. Приселков. 1) История, стр. 156—157; 2) Летописание Западной Украины и Белоруссии. —

(за XIV в. и 1418—1446 гг.) имел достаточно своеобразный характер: он представлял собою соединение свода 1408 г. (Троицкой летописи) и краткой митрополичьей летописи, отмечающей деятельность митрополитов Фотия в 1420—1427 гг. и Герасима в 1432—1435 гг. Такое сочетание, прежде всего, подтверждает высказанное выше сомнение в существовании особого митрополичьего свода между 1408 г. и серединой XV в.: уже М. Д. Приселков справедливо отметил, что если предполагать единое происхождение оригинального текста Белорусской I (Западнорусской) летописи, то митрополичья летопись «примыкала бы к митрополичьему общерусскому своду 1408 г., между тем, как мы знаем, при самом Фотии был составлен второй общерусский митрополичий свод, названный выше Полихроном 1418 г.». Объяснение этому противоречию М. Д. Приселков находил в том, что текст за 6818—6896 гг. в западнорусском своде 1446 г. все-таки имеет небольшие отличия от Троицкой летописи.⁷⁷ В Белорусской I мы обнаруживаем некоторые следы редактирования текста после Киприана (например, в известии об изгнании этого владыки),⁷⁸ но редактирование это оказывается чрезвычайно скромным и не имеет ничего общего с той огромной творческой работой, которая отразилась в СІ—НІV: здесь (как и в МАк) нет больших общерусских повестей о князьях-мучениках, о Куликовской битве и нашествии Тохтамыша, нет соединения общерусского летописания с новгородским и т. д.⁷⁹ Очевидно, общерусский текст, использованный западным летописцем в 1446 г., представлял собой свод 1408 г. со скромными дополнениями, сделанными при преемниках Киприана — Фотии и Герасиме.

В отличие от свода 1446 г. (Белорусской I летописи) свод, лежащий в основе СІ и НІV, представлял собой коренную и серьезную переработку киприановского свода 1408 г. Когда же она была произведена? Уже А. А. Шахматов, определяя дату составления протографа СІ—НІV, обратил внимание на статью, читающуюся в обеих летописях под 6888 г. (перед рассказом о Куликовской битве). Статья эта, упоминающая о сов-

---

Ученые записки ЛГУ, № 67 (серия историч. наук, вып. 7), 1940, стр. 19—21. В. А. Чемерицкий обнаружил недавно, что в начальной части текст Белорусской I летописи не всегда совпадает с НІV и содержит несколько чтений (под 6367, 6496, 6746, 6748 гг.), сходных с СІ, а в разделе 6893—6926 гг., совпадающем с СІ, встречаются своеобразные чтения, одно из которых сближается с НІV (6910 г.); исследователь сделал из этого вывод, что оба эти раздела не являются заимствованиями из НІV и СІ, а отражают их общий источник и восходят к основному оригиналу Белорусской I летописи — своду 1446 г. (В. А. Чамярыцкі. Беларускія летапісы..., стр. 52—57, 60—70, 133). Однако в начальной части Белорусской I летописи отразились отмеченные выше специфические сокращения НІV — в рассказе 6745 г. о нашествии Батыя, в рассказе 6748 г. о Невской битве и взятии Козельска; в разделе 6893—6926 гг. под 6904 г. обнаруживается ошибочное чтение, сходное с СІ (количество лет епископства Григория вместо порядкового номера). Более вероятно поэтому приходится считать мнение исследователей, предполагавших вторичное влияние НІV и СІ на Белорусскую I летопись (с возможностью перекрестных дополнений по обоим источникам).

⁷⁷ М. Д. Приселков. История, стр. 158. М. Д. Приселков приводит один пример — дополнительные подробности в рассказе Западнорусской летописи о гибели Василька Константиновича в 6746 (1238) г., однако происхождение этих дополнений неясно (ни в СІ, ни в НІV их нет).

⁷⁸ Как и в МАк, в Белорусской I летописи рассказ об отъезде Киприана из Москвы в 6891 г. изложен в довольно обидной для этого митрополита форме: «Князь великий Дмитрий Иванович выслал (в МАк: «выгна») Киприана из Москвы, бысть мятежь во митрополи» (в Троицкой—Симеоновской: «Киприан митрополит съеха с Москвы в Киев»). Любопытно, однако, что этого известия об изгнании Киприана нет в СІ—НІV (где вообще не упоминается о его отъезде из Москвы); очевидно, ко времени составления протографа обеих летописей оно потеряло свою актуальность.

⁷⁹ Ср.: Я. С. Лурье. К проблеме свода 1448 г., стр. 145—146.

падении пасхи с благовещением (25 марта) в 1380 г. и о следующем совпадении, предстоявшем в 1459 г. («а потом будет за 80 лет без лета, а потом будет за 11 лет»), была истолкована А. А. Шахматовым как указание на то, что текст самого свода был составлен «за 11 лет» до 1459 г., т. е. в 1448 г. Датировка «свода 1448 г.», предложенная А. А. Шахматовым, конечно, носит предположительный характер,⁸⁰ однако сопоставление СИ—НІV со сводом 1446 г., сохранившимся в Белорусской I летописи, свидетельствует о том, что протограф СИ—НІV действительно был составлен после 1446 г. В связи с этим особый интерес представляет совпадение некоторых известий за середину XV в., читающихся в СИ младшей редакции, с известиями Белорусской I летописи. Как отметил М. Д. Приселков, в СИ и своде 1446 г. совпадают известия: о смерти Василия I и отъезде Юрия в Галич в 6933 г., о море 6934 г., о смерти Петра Дмитриевича в 6935 г., о нападении царя Махмета (в Белорусской I под 6946 г. — «царь Михайло Мет») в 6945 г., о Суздальской битве и других событиях 6953 г.⁸¹ Можно думать поэтому, что протограф СИ—НІV использовал митрополичий свод 1408 г. с добавлениями 1445—1446 гг. (отразившийся в Белорусской I), но дополнил этот источник на основании тех обширных материалов, о которых мы говорили в предшествующем изложении, — использовав новгородские своды, тверское, псковское, ростовско-суздальское и южнорусское летописание. Если же мы будем считать, что вся эта грандиозная работа была произведена после 1445—1446 гг., то это весьма близко поведет нас к предложенной А. А. Шахматовым датировке протографа СИ—НІV как «свода 1448 г.».

Но даже принимая предположение о том, что окончание «свода 1448 г.» отразилось в тексте СИ младшей редакции, мы можем видеть в СИ лишь фрагменты заключительной части этого свода, дающие о нем весьма неполное представление. На каком бы этапе феодальной войны 30—40-х годов ни был составлен исследуемый свод, все равно известия его должны были устаревать с чрезвычайной быстротой и требовать перedelки. Уже М. Д. Приселков обратил внимание на то, что под 6942 г. в СИ младшей редакции сохранилось наименование Юрия Дмитриевича «великим князем»,⁸² хотя тем же титулом именовался там и Василий II. Очевидно, и вся история 30—40-х годов излагалась здесь не так категорично, как это стали делать после 1449 г., когда феодальная война вступила в последнюю фазу, а более осторожно и компромиссно.⁸³ Не удиви-

⁸⁰ Ср.: там же, стр. 142—144.

⁸¹ М. Д. Приселков. История, стр. 159—160 (отметки о совпадении известий Западнорусской летописи с СИ сохранились на экземпляре ПСРЛ, т. XVII, принадлежавшем М. Д. Приселкову и находящемся сейчас у автора настоящей работы). Известия 6934 и 6953 гг. в Белорусской I подробнее, чем в СИ (СИ умалчивает о выкупе как условии освобождения Василия II).

⁸² М. Д. Приселков. История, стр. 154.

⁸³ Существование двоевластия в какой-то период правления Василия II доказывает, по нашему мнению, двуименной монетой, на одной стороне которой назван «Князь велики Василени», а на другой — «Князь великии Дмитриени» (т. е., очевидно, Дмитрий Шемяка) (см.: А. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, №№ 719—721, стр. 137). Компромиссным характером «свода 1448 г.» объясняется, по-видимому, и своеобразная судьба одной из статей этого свода — перечня русских князей, помещенного в СИ и НІV под 6395 г. Перечень этот доведен в НК—НІV только до XIV в. — до сыновей князя Ивана Ивановича Дмитрия (Донского) и Ивана, в СИ старшей редакции — до Василия II, в СИ младшей редакции — до сына Ивана III Ивана Молодого (ср.: А. А. Шахматов. Рукопись, лл. 150—151, 159—164, 240, 291—292). Однако во всех этих случаях перечень князей, очевидно, не доведен до конца, а сокращен в своей заключительной части: в НК после имени Дмитрия и Ивана оставлен пробел в 7 строк (ГПБ, F.IV.603, л. 191); пробел обнаруживается и в СИ старшей редакции после Василия II (Карамзинский список —

тельно поэтому, что весь материал «свода 1448 г.» после 1448 г. оказался неприемлемым ни для одной из сторон: в Новгороде, куда бежал Шемяка и где его признали великим князем, весь этот текст оказался замененным местными известиями (НК и особенно НІV, где даже известие о вокняжении Василия II в 1425 г. было опущено); в Москве — либо просто исключенным (СІ старшей редакции), либо сокращенным и переделанным (СІ младшей редакции).

Компромиссность — неизбежная и, по-видимому, характернейшая особенность свода, составленного в трудные годы феодальной войны 30—40-х годов XV в. «Свод 1448 г.» был общерусским сводом не только по составу, но и по своему характеру и тенденциям: из всех русских летописей этот свод обнаруживал, по-видимому, меньше всего пристрастия к какому-либо отдельному княжеству или земле. Этим объясняется парадоксальное объединение в «своде 1448 г.» московской, тверской и суздальской точек зрения, этим же объясняется и щедрое влияние новгородского материала. О чем шла речь в общерусском владимирском летописании (Лаврентьевская, Троицкая летописи) за XII—первую половину XIII в.? Прежде всего о борьбе за киевский престол. Что касается известий за вторую половину XIII в. (после татарского разгрома) и начала XIV в., то эти периоды вообще были чрезвычайно бедно представлены в общерусском летописании до XV в. Новгородское летописание, ставшее вполне самостоятельным с XII в., имело иное, богатое и часто более интересное для Северной Руси содержание. Введя обильный новгородский материал в общерусское летописание, составитель «свода 1448 г.» не только обнаружил заинтересованность в том, какую позицию займет Новгород в общерусских спорах, но и отразил изменившийся политический кругозор русского читателя своего времени. Основной проблемой дальнейшего развития Северо-Восточной Руси становилось объединение Москвы не с далеким Киевом (об этом московские летописцы стали думать значительно позднее), а прежде всего с Ростовом, Суздалем, Тверью и, конечно, Новгородом. Широкий кругозор неизвестного сводчика, работавшего в середине XV в. при митрополичьем дворе, сказался и в другом: он решительно заговорил о необходимости объединения всех сил для борьбы с «погаными» и впервые поставил этот вопрос не с узко московской (или тверской), а с общерусской точки зрения (использовав в этом случае и южнорусское летописание).

Летопись общерусская в полном смысле слова появилась в Северо-Восточной Руси в самый трудный период ее истории — в обстановке внутренних войн и «братоненавидения». Этим определялась и дальнейшая судьба летописи. Ни один из летописцев последующего времени не передал «свода 1448 г.» в полном и первоначальном виде — все они, начиная с СІ, его как-либо сокращали или переделывали. Но свод этот благодаря широкому общерусскому составу и характеру сыграл все же важнейшую, определяющую роль в истории летописания последующего времени. Все общерусские летописи второй половины XV и XVI в. так или иначе восходили к «своду 1448 г.»; все они строили на его изложении свой рассказ о важнейших событиях русской истории с XII по начало XV в.

ГПБ, Q.IV.298, л. 18 об.; список Оболенского — ЦГАДА, ф. 135, рубр. 2, № 3, л. 11). Если перечень князей в протографе СІ—НІV отражал компромиссный характер свода (например, если два сына Дмитрия Донского, Василий и Юрий, и два его внука, Василий Васильевич и Дмитрий Юрьевич, одинаково именовались «великими князьями»), то естественно, что и НК—НІV и СІ должны были (после бегства Шемяки в Новгород и вокняжения Василия II) опускать (по разным причинам) окончание этого перечня.

М. Ф. АНТОНОВА

**«Слово о житии и о преставлении великого князя
Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»**

(Вопросы атрибуции и жанра)

«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» неоднократно привлекало внимание ученых. Специальное исследование этому произведению посвятила В. П. Адрианова-Перетц.¹ В. П. Адрианова-Перетц определила источники «Слова», в числе которых оказались как исторические, так и житийные произведения («Летописная повесть» о Куликовской битве, паремийное чтение о Борисе и Глебе, Житие Александра Невского), показала сходство литературных приемов автора «Слова» и Епифания Премудрого и установила случаи прямых совпадений «Слова» и произведений прославленного агиографа. Это позволило поставить вопрос о знакомстве автора «Слова» с творчеством Епифания. В статье В. П. Адриановой-Перетц было прослежено отражение «Слова» в других памятниках древнерусской литературы и показано, что наибольшее число подражаний вызвал плач вдовы Дмитрия Донского Евдокии.

Особенно спорным оказался вопрос датировки «Слова». А. А. Шахматов² и С. К. Шамбинаго³ утверждали, что «Слово» было создано в конце XIV в., В. П. Адрианова-Перетц считала более вероятной датой 20-е годы XV в. А. В. Соловьев, напротив, склонялся к датировке А. А. Шахматова. Основанием для этого вывода исследователю послужили чтения «Слова» «о горе нам братъе, князь княземъ успе» и «предобрый господин». А. В. Соловьев полагал, что так мог сказать только современник самого события. В качестве другого аргумента он привел прощальную речь Дмитрия Донского, считая, что эта речь могла быть сказана только в 1389 г., а не выдумана 50 лет спустя. Датируя «Слово» концом XIV в. и основываясь на сходстве «Слова» и жития Стефана Пермского, А. В. Соловьев пришел к выводу, что автором «Слова» является Епифаний Премудрый.⁴

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго. — ТОДРА, т. V, М.—Л., 1947, стр. 73—97 (далее: В. П. Адрианова-Перетц).

² А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повесть о Мамаевом побоище». СПб., 1910, стр. 119 (отдельный оттиск из «Отчета о 12-м присуждении премий митрополита Макария»).

³ С. К. Шамбинаго. Исторические повести. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 208.

⁴ А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии». — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 85—106 (далее: А. В. Соловьев).

Новый взгляд на датировку «Слова» был обоснован в 1971 г. М. А. Салминой.⁵ Она признает тексты «Слова», читающиеся в Новгородской IV и Софийской I летописях, древнейшими и на этом основании считает, что «Слово» вошло в «свод 1448 г.», причем вариант «Слова» в Новгородской IV летописи отразил текст «Слова», содержащийся в «своде 1448 г.». При сопоставлении более поздних текстов «Слова» М. А. Салмина приходит к следующим выводам: «...в целом ряде летописных сводов XV—XVI вв., связанных с новгородским летописанием, „Слово о житии“ отсутствует; здесь содержатся лишь краткие записи о смерти великого князя Дмитрия».⁶ В сводах, восходящих к Софийской I летописи, читается текст памятника. Исследовательница отвергает точку зрения А. В. Соловьева на время создания «Слова» и полагает, что оно написано в 40-е годы XV в.

М. А. Салмина приводит следующие доказательства. «Слово о житии» восходит к читающейся в Симеоновской летописи записи о преставлении Дмитрия Донского, содержащей рассказ о смерти и погребении князя. На основании сравнения стиля этой записи со стилем других подобных записей Симеоновской летописи исследовательница приходит к выводу, что записи о смерти Дмитрия Донского сложились в своде 1409 г. Отмечая вслед за В. П. Адриановой-Перетц ряд параллелей «Слова о житии» и «Летописной повести» о Куликовской битве, М. А. Салмина полагает, что «Летописная повесть» предшествовала «Слову»; это обстоятельство, если учесть датировку «Летописной повести» 40-ми годами XV в., позволяет отнести «Слово» к тем же годам. Эти аргументы М. А. Салмина подкрепляет рядом соображений, вытекающих из анализа исторической обстановки 40-х годов XV в., доказывая, что именно в это время были злободневны идеи, выдвигаемые в «Слове».

* * *

Признавая наряду с А. В. Соловьевым сходство стилистических приемов анонимного автора «Слова» и Епифания Премудрого, В. П. Адрианова-Перетц считает автором «Слова» талантливого ученика или подражателя Епифания. А. В. Соловьев полагал, что «Слово» написано самим Епифанием.

Не все аргументы А. В. Соловьева представляются одинаково убедительными. Можно согласиться с исследователем, что отсутствие подписи Епифания не может с достаточной очевидностью свидетельствовать против его авторства. А. В. Соловьев считал, что общие для «Слова о житии» и «Жития Стефана Пермского» заимствования из «Слова о законе и благодати» и из «Жития Симеона Немани» являются доказательствами авторства одного лица — Епифания. Но к этим произведениям могли обратиться разные авторы, независимо друг от друга, схема же «Кому уподоблю...», восходящая, по мнению А. В. Соловьева, к «Житию Симеона Немани» как к источнику, могла быть воспринята автором «Слова» через посредство «Жития Стефана Пермского».

Другим аргументом А. В. Соловьева является идентичность схем плачей в «Слове» и в «Житии Стефана Пермского». Но эта идентичность представляется сомнительной. В «Слове» плач людей московских невелик и практически растворяется в авторской похвале; в «Житии Стефана Перм-

⁵ М. А. Салмина. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». — ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 81—105.

⁶ Там же, стр. 81—82.

ского» содержится пространный плач людей пермских. А. В. Соловьев высказал мнение, что принципиальным отличием «Слова» от некролога является присутствие плача-похвалы автора, и считал это обстоятельство веским аргументом в пользу авторства Епифания. Присутствие и значение авторского плача связано, по нашему мнению, с ролью личного авторского начала в произведении. В «Житии Стефана Пермского» автор выступает как литературный персонаж и поэтому имеет свой плач. В «Слове» авторский голос звучит несравнимо слабее, и риторическая похвала не отличается функционально от летописной похвалы.

А. В. Соловьев указал на сходство синтаксических конструкций отрывка «Слова» «Еще же младъ сый возрастомъ...» и отрывка «Жития Стефана Пермского» «И еще детищемъ сый...». Тем не менее исследователь считает, что «различие всего изложения»⁷ отвергает возможность существования подражания автора «Слова» Епифанию Премудрому или наличие общего источника и заставляет предполагать одного автора. Следует отметить, что данный пример сходства синтаксиса двух произведений единичен.

Цитатное сопоставление текстов «Жития Стефана Пермского» и «Слова» в некоторых случаях дает отрицательный результат. Так, сравнивая строки обоих памятников «Сий убо великий князь Дмитрей родися отъ благоверну и пречестну родителю...» и «Сий преподобный отецъ наш Стефанъ бе убо родомъ русинь...», А. В. Соловьев указывает на известное текстуальное сходство отрывков и считает это сходство аргументом в пользу авторства Епифания. Но в данном случае мы имеем дело с общим местом. В Прологе читаем: «Тъ бе от восток Сирия родом от града Едесскаго родителю христиану»,⁸ «Феодосии преподобный отецъ наш быст от Андихию Сирьскую сын славу родителю».⁹

Несомненно, можно говорить о принадлежности «Слова» и «Жития Стефана Пермского» Епифанию или разным авторам, основываясь только на анализе совокупности стилистических средств обоих произведений, на полном сопоставлении их стилистических систем. Наибольший интерес представляет риторический слой стиля «Слова о житии». Обращаясь к анализу переработки источников «Слова» — «Похвалы роду рязанских князей»,¹⁰ «Жития Александра Невского»¹¹ и др., можно проследить работу анонимного автора как в идеологическом, так и в стилистическом плане. В соответствии с общей житийной тенденцией памятника в «Слове» опускаются некоторые мирские добродетели князей рязанских.

Основные черты стилистической переработки следующие: в текст «Слова» вводятся метафоры библейско-византийской традиции, сравнения и образы, восходящие к Библии. Отметим тенденцию к повторению какой-либо одной мысли или близких мыслей в сходной форме. Обращает внимание такой прием, как создание своих собственных образов на основе Библии,¹² контекстуальных синонимов. Все отмеченные особенности стилистики «Слова о житии» очень существенны для системы художественных

⁷ А. В. Соловьев, стр. 93.

⁸ Пролог по рукописи Публичной библиотеки под ред. Д. И. Абрамовича, вып. II. Январь—апрель. СПб., 1917, стлб. 351.

⁹ Там же, стлб. 376.

¹⁰ «Похвала роду рязанских князей» приведена как источник «Слова» Д. С. Лихачевым в статье «Литературная судьба „Повести о разорении Рязани Батыем“ в первой четверти XV века» (в кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.—Л., 1961, стр. 9—23).

¹¹ В. П. Андрианова-Перетц, стр. 82.

¹² Там же.

средств данного произведения и не могут расцениваться как случайные и второстепенные.

Отличительным признаком художественной системы «Слова» является соединение стилистически разнородных элементов: формул воинской поэмы и сравнений, восходящих к Библии, метафор библейско-византийской традиции и мотивов вдовьих причетей; автор вводит в произведение гимнографическую схему «Кому угодоблю...» и перечисление уделов, написанное сухим языком без каких-либо тропов. В «Слове» встречаются отрывки, восходящие к стилистике летописей. Средняя часть похвалы Дмитрию Донскому выделяется обилием философских рассуждений, сложных сопоставлений.

Закономерно встает вопрос: в какой степени отмеченные стилистические черты характеризуют индивидуальную манеру письма анонимного автора «Слова»? Ответ может дать только сравнительный стилистический анализ. Обратимся к сопоставлению «Слова» и «Жития Стефана Пермского»,¹³ поскольку исследователями отмечалось сходство в стилистических приемах именно этих произведений. Отметим сразу, что «Житие Стефана Пермского» строго выдержано в единой системе художественных средств и соединения разнородных стилистических элементов в нем не наблюдается. Это отличие является принципиальным. Правда, в «Житии Стефана Пермского» встречаются стилистические приемы, сходные с приемами автора «Слова», но подобные приемы обнаруживаются и в «Повести о разорении Москвы Тохтамышем», и в некоторых других текстах Новгородской IV летописи; следовательно, они являются в достаточной степени общими, и их присутствие в «Слове» и в «Житии Стефана Пермского» не может убедительно свидетельствовать об авторстве одного лица, в частности Епифания. Мы имеем в виду такие приемы в обоих памятниках, как богатую синонимику, синонимические сочетания, вариации одной мысли, соседство близких мыслей. Епифаний, как и автор «Слова», варьирует или просто повторяет отдельные элементы. При анализе можно заметить, что вариации Епифания значительно богаче и разнообразнее, чем вариации автора «Слова».

В «Житии Стефана Пермского», как и в «Слове», наблюдаются анафоры. В обоих произведениях анафоры оформляют логически законченный и ритмически организованный отрывок. Рассмотрим один отрывок «Жития»: «Но доколе не остану много глаголати, доколе не оставлю похвалению слова, доколе не престану предложенаго и предложнаго хвалословия» (стр. 110). Одинаковое построение фраз, дублирующих по смыслу друг друга, ассонансы, анафора («доколе не») создают определенный ритмический настрой. Анафоры и ассонансы являются органичными элементами стиля этого произведения, и постоянное их употребление связано с ритмизацией всего текста «Жития»; в «Слове» анафоры и ассонансы присутствуют в отрывках, выделяющихся нарочитой ритмичностью, и использование этих приемов оказательно.

В: П. Адрианова-Перетц показала, что многие образы и цитаты из Библии являются общими для обоих памятников. В случаях совпадения цитат и эпитетов можно предположить подражание анонимного автора «Слова» Епифанию. Заимствовать эпитет, цитату нетрудно, но заимствовать всю поэтическую систему едва ли возможно, и при сопоставлении текстов двух произведений видно, что многие характерные черты поэтики Епифания не свойственны «Слову о житии».

¹³ Житие святого Стефана епископа пермского. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897 (далее страницы этого издания указываются в тексте в скобках).

Остановимся на общих заимствованиях «Слова» и «Жития Стефана Пермского». В первую очередь обратимся к схеме похвалы, состоящей из вопросов и ответов. А. В. Соловьев в своей статье привел в качестве источника этой схемы, использованной в обоих произведениях, «Житие Симеона Немани», написанное Стефаном Первоверховным. Эта схема восходит к литургической письменности, и в русской литературе мы находим ее в «Слове о снятии тела Христова с креста...» Кирилла Туровского. Приведем текст похвалы в названных трех произведениях:

«Слово о снятии
тела Христова
с креста...»

«Житие Стефана
Пермского»

«Житие Симеона
Немани»

Кую похвалу створим
достойну твоего блажен-
ства, ли кому уподоблю сего
праведника? Како начну или
како разложю?

Небомь ли ты прозову?
Нь того...

Землю ли ты благоще-
тушу нареку? Нь тоя...
Апостоломь ли ты именую?
Нь и тех...

Святителя ли ты и ста-
рейшину прозову? Темь
бо...¹⁴

...како похваляю, како
почту, како ублажу, како
разложю и како хвалу ти
сплету?

Темь же что ты нареку
пророка ли яко... Апостола
ли ты именую яко...

Законодавца ли ты при-
зову или законоположника
им же...

Крестителя ли ты про-
вещаю понеже...

Евангелиста ли ты на-
реку или благовестника им
же...

Святителя ли ты име-
ную елма же...

Учителя ли ты прозову,
яко...

Да что ты прочее на-
зову страстотерпца ли или
мученика яко...

Да что ты приглашу
пастуха ли нареку поне-
же...

Что ты нареку... посе-
тителя ли ты толкую яко
же...

Врача ли ты намену
яко... (стр. 102).

Кто бо изъчтеть сего
чюдеса!

Который ли языкъ из-
глаголетъ тainны твое? ко-
торые ли устье отъврзъ-
ета на твою похвалу пре-
подобне?

Который ли разумь ис-
повесть твоя величия поты
и труды?

Что ты нареку те о пре-
подобне азъ непотребный
твой рабъ? Апостола ли те
нареку яко...

Мученика ли? нь кто...
Учителя ли те нареку оте-
чествию своему. Нь...

Пророка ли нареку те,
пречюдне? Нь... Воина ли
те нареку свете крепка? гы
ибо...¹⁵

При сопоставлении этих отрывков видно, что текст «Жития Стефана Пермского» ближе к «Слову» Кирилла Туровского, чем к «Житию Симеона Немани». Епифаний употребляет глагольную лексику Кирилла Туровского («разложю», «прозову», «нареку»). Однако выразительные средства языка у Епифания богаче, чем у Кирилла Туровского. Так, синонимия используется в «Житии Стефана Пермского» значительно шире, чем в «Слове». Именно «Слово» Кирилла Туровского, а не «Житие Симеона Немани» является источником указанной части похвалы в «Житии Стефана Пермского».

Обращение Епифания к произведению Кирилла Туровского не случайно. В исследовательской литературе неоднократно указывалось, что истоки стиля Епифания Премудрого обнаруживаются в сочинениях Ки-

¹⁴ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 425.

¹⁵ Цит. по: А. В. Соловьев, стр. 94.

рилла Туровского.¹⁶ Уточняя это положение, добавим, что в «Слове» Кирилла Туровского находятся приемы, ставшие наиболее яркими чертами поэтики «Жития Стефана Пермского». В обоих памятниках мы встречаемся с символическими картинками, созданными на основе традиционных библейско-византийских метафор, с пересказом и толкованием библейских текстов, созданием своих образов и символов на основе Библии.

Каково соотношение вышеприведенного «Слова» Кирилла Туровского и «Слова о житии» в той его части, где использована та же схема? При сравнении этих произведений наблюдается лишь одно текстуальное совпадение. У Кирилла Туровского читаем: «... Кому уподоблю сего праведника?»; в «Слове о житии»: «... Кому уподоблю сего князя Дмитрия Ивановича...». Отмеченное совпадение невелико и может являться случайным. В «Слове о житии» в отличие от «Жития Стефана Пермского» не употребляется глагольная лексика произведения Кирилла Туровского. Итак, явных признаков текстуального заимствования из сочинений Кирилла Туровского в «Слове о житии» не наблюдается. Не обнаруживаются также в этой части «Слова о житии» и следы переработки «Жития Стефана Пермского»; наиболее вероятно, что автор «Слова о житии» использовал известную ему схему похвалы независимо от Епифания.

Обращаясь к использованию схемы похвалы Епифанием и автором «Слова о житии», отметим, что Епифаний при каждом сопоставлении выбирает опорное слово и повторяет его несколько раз или повторяет корень опорного слова. Иногда им используются синонимы для создания эффекта созвучий одинаковых слов: «Законодавца ты призову или законоположника им же людям беззаконным закон дал еси, и закон положил еси». Стилистической системе «Слова» чужда игра созвучиями однокоренных слов, являющаяся характерной особенностью «Жития Стефана Пермского». В приведенном выше отрывке «Жития» наблюдаются кальки с греческого, поставленные рядом с грецизмами: «Евангелиста ли ты нареку или благовестника...». Иногда Епифаний пишет «философия», иногда — «любомудрие». Отмеченное явление не встречается в «Слове». В пределах приведенной схемы в «Житии Стефана Пермского» возникают ранее введенные в текст образы пастуха и стада и на основе их строится символическая картина. Одна и та же схема в «Слове» и в «Житии Стефана Пермского» наполняется различным содержанием и используется по-разному, в зависимости от системы поэтических средств произведения.

Что касается заимствования из «Слова о законе и благодати» автором «Слова о житии» и Епифанием, то можно с уверенностью сказать, что сочинение митрополита Илариона было достаточно известным и авторитетным и к нему могли обращаться независимо друг от друга разные авторы.

«В Житии Стефана Пермского» наблюдаются некоторые стилистические особенности, не обнаруживающиеся в «Слове о житии». Это в первую очередь явление «извития словес», так ярко проявившееся в известном полиптиче Епифания «Един чернец, един мних...». По мнению М. И. Мулича,¹⁷ полиптих восходит к аналогичному «извитию» в житии св. Симеона, написанном Доментианом.

И автор «Слова», и Епифаний широко используют тексты Библии. Епифаний создает целые рассуждения на определенную тему, составлен-

¹⁶ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960, стр. 143.

¹⁷ М. И. Мулич. Сербские агиографы XIII в. и особенности их стиля. — ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 140.

ные из цитат Священного писания; в значительной части текст «Жития Стефана Пермского» не написан, а составлен¹⁸ Для «Слова» не характерны подборки цитат из Библии, составляющие законченные пассажи. В «Слове» находим подборку формул воинских повестей, но функция этой подборки совершенно иная, чем в произведении Епифания: с ее помощью создается описание, и явление, аналогичное этому, встречается во многих памятниках древнерусской литературы. Епифаний много и охотно цитирует библейские тексты, при этом в «Житии Стефана Пермского» наблюдаются разные принципы цитации. Цитата легко вычленивается из собственно авторского текста, имеет иллюстративный или ссылочный характер и служит для придания убедительности и авторитетности авторскому тексту. Источник цитаты, как правило, указывается. Такая форма цитации известна произведениям древнерусской литературы различных жанров.

Гораздо больший интерес представляет другая форма цитации, при которой достигается органическая связь текста собственно епифаниевского и текста цитируемых произведений; при этом грань между авторским текстом и цитатой стирается. Ссылки на источники цитирования не обязательны. Для создания эффекта стилистической однородности Епифаний использует лексику цитируемых им произведений в своем собственном тексте, а также на стыке цитаты и собственного текста: «... просите и дасться вам (Еванг. от Матф., VII, 7). Прошу же да ми подаст благодать и дар...» (далее текст Епифания — Житие Стефана Пермского, стр. 3). Аналогично в другом фрагменте: «Господи, устне мои отверзеши, и уста мои возвестят хвалу твою (Псалтырь, I, 17), да исполнятся уста моя похвалы, яко да восхваляю славу твою (Псалтырь, LXX, 8) и приложу на всяку похвалу твою, да яко верую в Бога отца тако славлю...» (далее текст Епифания, стр. 3). В данном тексте присутствуют псалмы, представляющие собой синонимические сочетания, и писатель распространяет текст Священного писания своим текстом, близким по смыслу псалмам, причем строго соблюдается синтаксическая уподобленность авторского текста библейскому. В результате и в стилистическом и в смысловом отношении псалмы практически невычленимы из контекста жития.

«Слово о житии» знает только наиболее простую форму цитирования, давно известную древней русской литературе, и отмеченные выше особенности цитирования в «Житии Стефана Пермского» не находят соответствий в «Слове».

Принципы композиции обоих произведений также различны. Автор «Слова о житии» начинает повествование прямо с родословной героя и биографических сведений о нем. Епифаний дает обширное вступление, затем следует обращение к читателям с просьбой молиться за автора, самоуничижительное сетование по поводу «грубости» своего разума. Только после этого начинается собственно житие Стефана. В начале и в конце жития звучит тема автора. Роль автора как своеобразного литературного персонажа в «Житии Стефана Пермского», как уже было отмечено, несравненно более значительна, чем в «Слове о житии». Возникающая в начале и в конце жития тема «неразумия» автора как бы обрамляет текст произведения; ничего подобного в композиции «Слова» не обнаруживается. Говоря о композиционных особенностях «Жития Стефана Пермского», нельзя не отметить присутствие замкнутого построения. Примером такого рода является полиптот «Един мних, един чернец...». Для Епифания характерно повествование от общего к частному; так, о месте рождения Сте-

¹⁸ См.: О. Ф. Коновалова. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. (к вопросу о соотношении). — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 108.

фана сначала сообщается, что он «русин», дальше следует конкретизация — «отъ языка словенска, от страны полунощныя, глаголемыя Двиньскиа, от града нарицаемого Устьяга...». Подобные черты композиции «Слову» не свойственны. Если мы обратимся к одной из наиболее характерных черт поэтики Епифания — развернутым символическим картинам, созданным на основе текстов Библии, то увидим, что автору «Слова» совершенно чужда и эта тенденция.

Рассмотрение фактов языка приводит к следующим выводам: в «Житии Стефана Пермского» наблюдаются грецизмы, кальки с греческого, обилие сложных слов, составных прилагательных, причастий; неологизмы создаются с тенденцией достичь звукового эффекта, основанного на аллитерации: «Мудрости наставниче и смыслудавче осмысленным казатель». В «Слове» нет грецизмов, кальки не обнаружены; причастий и составных прилагательных значительно меньше. В синтаксисе этих двух произведений также наблюдаются значительные отличия. Напомним произведенный О. Ф. Коноваловой¹⁹ анализ синтаксической структуры одного отрывка «Жития Стефана Пермского». Если у Епифания наблюдаются большие периоды со сложным построением, то в значительных по объему отрывках «Слова» синтаксис, как правило, несложный: нанизывание однородных членов предложения или однородных предложений. «Житие Стефана Пермского» в отличие от «Слова» ритмично, и синтаксис у Епифания подчинен задаче ритмизации речи. С этим связана одна характерная особенность построения фразы Епифанием: однородные члены предложения располагаются по группам и смена групп влечет смену ритмического рисунка, при этом ассонирующие окончания однородных членов в пределах одной группы имеют характер рифмы.

На основании всего изложенного можно сделать вывод, что нельзя признать идентичность систем художественных средств «Слова о житии» и «Жития Стефана Пермского»; следовательно, нельзя предполагать и одного автора. Если предположить, что «Слово» написано молодым Епифанием, который в более поздних произведениях что-то сохранил от поэтики «Слова», что-то внес новое, то подобная постановка вопроса представляется неправомерной, поскольку разница в системах поэтических средств очевидна, а неопровержимых фактов, свидетельствующих об авторстве одного лица — Епифания, нет.

* * *

Небезынтересным для датировки «Слова» является вопрос о существовании стилистических аналогов «Слову о житии» в Новгородской IV²⁰ (далее: НІVЛ) и Софийской I²¹ (далее: СІА) летописях. Если аналоги существуют, то к какому времени относятся: появились они до или после создания «Слова»? При рассмотрении летописных известий от 80-х годов XIV в. до конца XV в. обнаруживается следующее. В СІА отсутствуют какие-либо стилистические аналогии «Слову», в НІVЛ можно выделить несколько текстов, стилистически интересных в связи со «Словом»: «Повесть о разорении Москвы Тахтамышем» (под 1382 г.), послесловие к рассказу о преставлении митрополита Киприана (под 1405 г.), плач о епископе Арсении (под 1409 г.). «Повесть о разорении Москвы Тахтамышем»

¹⁹ Там же, стр. 106.

²⁰ ПСРА, т. IV, ч. II, вып. 2, л., 1925.

²¹ ПСРА, т. V, СПб., 1851; т. VI, СПб., 1853.

читается в Симеоновской летописи, Рогожском летописце, Новгородской IV и Софийской I летописях. Стилистические аналоги «Слову» содержит только текст НІVЛ. В НІVЛ сохраняется сюжет повествования, но вводятся стилистические добавления, являющиеся частично переделками «Повести о разорении Рязани Батыем». Анализируя таблицу сличений «Повести о разорении Москвы Тахтамышем» и «Повести о разорении Рязани Батыем», предложенную Д. С. Лихачевым,²² можно установить, что стилистическая переработка сводилась в основном к следующему: в «Повести о разорении Москвы Тахтамышем» в отличие от источника наблюдаются ритмизация речи, ритмические и лексические анафоры, шире используется синонимия. Сравнительно с текстами повести в Симеоновской летописи и Рогожском летописце в НІVЛ включены отрывки, представляющие собой плач церкви и размышления автора и характеризующиеся отмеченными выше стилистическими чертами. Указанные стилистические особенности сближают «Повесть о разорении Москвы Тахтамышем» в НІVЛ со «Словом о житии».

В НІVЛ под 1405 г. читается рассказ о преставлении митрополита Киприана, после которого идут горестные размышления автора о бренности человеческого бытия. В той же летописи под 1409 г. помещен рассказ о преставлении тверского епископа Арсения. При сравнении обнаруживается сходство указанных текстов с плачем Евдокии в «Слове». Кроме того, самая манера изложения материала в этих отрывках заставляет вспомнить среднюю часть похвалы в «Слове»; и в «Слове», и в приведенных текстах из НІVЛ мы встречаемся не с такими типическими для летописи формами изложения, как сообщение и описание, а с формой авторских рассуждений, для которых характерна отвлеченность мысли. В. П. Адрианова-Перетц отметила сходство плача Евдокии в «Слове» с плачем церкви пермской в «Житии Стефана Пермского».²³ Если мы сопоставим эти плачи с послесловием к рассказу о смерти митрополита Киприана и с плачем о епископе Арсении, то увидим, что все четыре текста обнаруживают сходство мотивов. Как можно объяснить это сходство? Одним из возможных объяснений является то, что все четыре текста ориентированы на хорошо известные древнерусским книжникам образцы. Таковыми могли быть стихиры: «Плачу и рыдаю, егда помышлю смерть и вижду во гробех лежащу и по образу божию созданную нашу красоту безобразну и безславу не имущу вида. Оле чудесе что еже от нас сие бысть таниство, како предахомся тлению, како припрягомся смерти»;²⁴ «И во гробы вникнем, где слава, где доброта зрака, где благоглаголивый язык, где брови. . . или где око. . . все прах и сен и тем же пощади всех нас».²⁵ Стихиры, по видимому, явились той канвой, на которой «сплели» свои узоры и Епифаний Премудрый, и авторы остальных текстов.

НІVЛ содержит вступление к рассказу о преставлении кн. Михаила Александровича под 1399 г. Этот текст представляет для нас интерес, так как приписывается на основании стилистических особенностей Епифанию Премудрому.²⁶ Установить авторство Епифания на основании стиля представляется нам безнадежно сложным, так как вступление очень невелико. В «Истории русской литературы» отмечалось сходство вступления к рассказу о смерти кн. Михаила Александровича в НІVЛ и вступления

²² Д. С. Лихачев. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века, стр. 12.

²³ В. П. Адрианова-Перетц, стр. 85.

²⁴ Стихира на субботу мясопустную. — В кн.: Стихирарь. М., 1893, стр. 4.

²⁵ Там же, стр. 5.

²⁶ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 246.

к житию кн. Михаила Александровича в тверском сборнике.²⁷ Сопоставим эти два текста:

Тверская летопись

Мудраа основаниа твердости и крепости стенъ, и утверждение врат, и сведение столпъ, и полат украшение, разум же не придет ни ко единому ухищрению, да тем не могу о реченнем поведати, ибо сам аз не насладихся тоя неизреченныа красоты, якоже и се в той подобныа вещи благочестиа дръжателью православных и христоролюбивых князя Бориса еже повелел ми есть написати от слова честь премудраго Михаила, боголюбиваго князя, и той же выше силы наше есть, не до самого ради словес ваших. Обаче молю преже твое боголюбие, честная главо, бо сам чюдися мужа разумом, нравом; и не могый того единого разсуждениа в ум привести и послушаниа боюся, да аще от великих много малаа и некаа рече ему, всяко прощениа место да приемем от бога дарованныа ти и неуклонныа ти руки.²⁸

Новгородская IV летопись

Егда единою видевы пришедецъ великого града изрядно стояние, что оубо хоцеть рещи о немъ, но токмо же в себе видению девиться и ко иным глаголетъ; видев оубо аз преславное граду видение, о немже по части несть ми съглаголати, преоудивиша бо ми ся мудраа основаниа твердости и крепости стен, и оутверждение врат, и сведение столп, и полат оукрашение, разумъ же не прииде ни ко единому ухищрению, да тем не могуи иным исповедати, ибо сам аз не насладихся тоя неизреченныа красоты. Яко же и се в том подобное вещи отче отцемъ Кирилъ г. с. р. ч. ее г. Иже повелел ми еси писати от житиа премудраго Михаила боголюбца князя, и то же выше силы и не доасажема оумилению нашему; обаче же блюсти подобаеть да не преслушание в нас обряцется.

Молю твое боголюбство, честная главо, ибо сам чюдися моужа, разоуму и правом и не моги единого расооуждениа во оум привести, ослушаниа же бояся, да аще от великих много малаа некаа речемъ, всяко прощение в оглаголании место да приемем от священиаго верха.²⁹

Вступление к рассказу о преставлении кн. Михаила Александровича, читающееся в НІVЛ, отсутствует в СІЛ, хотя сам рассказ о преставлении в этой летописи читается. На этом основании можно полагать, что вступление не вошло в «свод 1448 г.»; это обстоятельство позволяет предполагать заимствование НІVЛ текста вступления (возможно, вошедшего в свод 1455 г.) из тверской летописи. Итак, мы считаем, что в НІVЛ к рассказу о преставлении кн. Михаила Александровича, имевшемуся уже в «своде 1448 г.», добавлено сокращенное и частично переделанное вступление из тверской летописи; предположить обратное явление, т. е. расширение тверской летописью текста НІVЛ, трудно, так как вступление в тверской летописи представляет целостное и органичное изложение, хорошо сочетающееся с остальным текстом жизнеописания. Вступление к рассказу о преставлении кн. Михаила Александровича в НІVЛ появилось после 1448 г. Это делает невероятным предположение, что автором этого вступления был Епифаний Премудрый, умерший в 1418—1422 гг.

В связи с отмеченными стилистическими аналогиями «Слова» и приведенных текстов вопрос датировки последних представляется весьма важным. Как уже говорилось, в СІЛ отсутствуют все рассмотренные тексты; это обстоятельство дает возможность полагать, что указанные отрывки не входили в «свод 1448 г.» и, следовательно, созданы позднее «Слова о житии». Все приведенные тексты не только стилистически сходны, но

²⁷ О тверском летописании см.: А. Н. Насонов. Летописные своды тверского княжества. (Доклады Академии наук СССР, Ленинград, 1926, ноябрь—декабрь). Л., 1927, стр. 125—128.

²⁸ ПСРЛ, т. XV, Пгр., 1922, стлб. 463.

²⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, Л., 1925, стр. 386. (Числовая тайнопись, имеющаяся в тексте, не расшифрована).

представляют или плач, или размышления автора; учитывая эти особенности, можно предполагать, что все эти отрывки принадлежат одному автору, а именно составителю Новгородской IV летописи.

Датировка рассмотренных текстов второй половиной XV в. (после 1448 г.) косвенно подтверждает датировку «Слова о житии» М. А. Салминой, относящей создание памятника к 40-м годам XV в.

* * *

В исследовательской литературе разработаны вопросы текстологии, стиля, датировки памятника, но жанровая природа «Слова» не изучена. В Новгородской IV и Софийской I летописях произведение называется «Словом». Указывает ли это название на жанр? В научной литературе отмечалось, что «словами» назывались произведения разных жанров.³⁰ В литературе XV в. «словами» назывались произведения, резко отличающиеся друг от друга и по тематике, и по форме изложения («Слово о житии и преставлении», «Инока Фомы слово похвальное», «Похвальное слово Киприану» и др.). Поставить эти памятники в один жанровый ряд невозможно. В XV в. название «слово» не свидетельствовало об определенной жанровой принадлежности произведения. В «Слове о житии» это название являлось, по-видимому, лишь указанием на риторическое начало. В поздних текстах «Слова», читающихся в Воскресенской, Львовской и других летописях, риторический пласт подвергся сильному сокращению и название «Слово» не сохраняется. Вероятно, у читателей более позднего времени жанровая природа памятника не ассоциировалась с понятием «слово».

В. П. Адрианова-Перетц указала, что «Слово о житии» тяготеет к так называемым княжеским житиям.³¹ В какой степени «Слово» зависит от композиционных и стилистических особенностей княжеских житий? При рассмотрении княжеских житий (нами использованы материалы, опубликованные Н. Серебрянским),³² можно сделать следующие выводы: жития неоднородны и в плане отбора фактического материала, и в отношении формы. В качестве примера достаточно сравнить житие Александра Невского и житийное сказание о Борисе и Глебе. Сопоставление ряда житий (житие Александра Невского, жития Владимира, Ольги, Михаила Черниговского, Бориса и Глеба, Довмонта) приводит к выводу, что единая композиционная схема в них отсутствует и единственным объединяющим принципом является биографический принцип композиции. Стилистический строй княжеских житий эклектичен и в значительной мере определяется характером материалов, послуживших основой для произведения или непосредственно в него вошедших в виде цитат, заимствований, сравнений. Княжеские жития можно характеризовать скорее как явление тематическое, чем жанровое. Сравнение «Слова» с княжескими житиями дает основание полагать, что только биографический принцип композиции и обычная агнографическая характеристика героя сближают «Слово» с указанными памятниками. «Слово» сопоставимо также с княжескими житиями в плане тенденциозной (агиографической) обработки фактического материала. Мы наблюдаем лишь самые общие принципы житийного жанра. Стилистическая связь «Слова» с житием Александра Невского объясняется не жан-

³⁰ Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 43—49.

³¹ В. П. Адрианова-Перетц, стр. 73.

³² Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

ровой общностью обоих произведений, а тем, что житие Александра Невского является одним из источников «Слова».

М. А. Салмина доказала, что «Слово» генетически восходит к рассказу о смерти и погребении Дмитрия Донского, отразившемуся в Симеоновской летописи.³³ Это заставляет нас обратиться к летописной княжеской похвале как возможному жанровому источнику «Слова». В научной литературе княжеская похвала не исследована. Основой похвалы является рассказ о смерти и погребении князя. Рассказ о смерти и погребении также не являлся предметом специального исследования, но частично его касался И. П. Еремин.³⁴ Выделяя как особый тип повествования летописную повесть, он указал, что основой для летописной повести служил рассказ о смерти и погребении, и перечислил его составные части: сообщение о смерти князя и упоминание о плаче над телом покойного.

Летописная повесть, по И. П. Еремину, формировалась примерно так: к названным выше частям рассказа о смерти и погребении добавилась характеристика князя в агиографическом духе, затем присоединился рассказ о событиях, предшествовавших кончине князя. Для И. П. Еремина не представлял интереса рассказ о смерти и погребении сам по себе; он рассматривался только как этап формирования летописной повести в Киевской летописи. Выйдя за пределы Киевской летописи и обратившись к материалам Лаврентьевской и Галицко-Волынской летописей, наблюдаем, что с присоединением агиографической характеристики рассказ о смерти и погребении превратился в похвалу, функционирующую в качестве некролога.³⁵ Княжеская похвала в развитой форме (сообщение о кончине князя, прямая характеристика героя, сообщение о плаче или самый текст плача) представляет собой вполне устойчивое композиционное целое. Композиционное единообразие похвалы поддерживалось ее функциональной обусловленностью.

Для нас наиболее интересной является та форма похвалы, которая сложилась в летописи к началу XV в. Это хронологическое ограничение вводится по двум причинам: 1) уже в составе указанных летописей находим вполне сформировавшиеся княжеские панегирики; 2) существенным является вопрос об отношении «Слова» к похвале, и в этой связи датировка «Слова» серединой XV в. диктует хронологические рамки. Даже при самом беглом взгляде на стиль княжеской похвалы нельзя не заметить обилия повторяющихся или близких по составу формул. Выше было указано, что для княжеской похвалы характерна определенная композиционная устойчивость. Для похвалы характерна также повторяемость мотивов, в результате чего создается стереотипный образ князя. Эти черты художественной системы похвалы позволяют представить типические обороты и их варианты в связи с литературными мотивами, которые эти обороты оформляют. Например: «Княгини же его беспрестани плакашяся» (Ипат. лет. под 1180 г.); «и рыдаху же народа множество» (Лавр. лет. под 1237 г.); «Множество народа. . . жалостныя слезы испущающе» (там же); «и плакашяся по нем сынове его плачем великим» (Лавр. лет. под 1212 г.); «не бе слышати пение в плачи» (Лавр. лет. под 1239 г.); «Прослезитися» (Ипат. лет. под 1168 г.); «Слезы испущая от зеницю» (там же); «Слезами обливающи лице свое» (Ипат. лет. под 1180 г.); «слезы

³³ М. А. Салмина. «Слово о житии. . .», стр. 93.

³⁴ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 98—132.

³⁵ См.: Ипатьевская летопись под 1168, 1178 и 1180 гг. — ПСРЛ, т. 2, М., 1962; Лаврентьевская летопись под 1212, 1218, 1237, 1239, 1288 гг. — ПСРЛ, т. 1, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1926.

от себе изливающи» (Ипат. лет. под 1288 г.); «воздыханье от сердца износя» (там же); «стонание от сердца своего испущая» (Ипат. лет. под 1168 г.). Одним из истоков фразеологии похвалы является Библия. Далее цитаты приводятся по Геннадиевской Библии 1499 г.³⁶ Приведем параллели: «и плакашася по нем вся земля Русьская» (Ипат. лет. под 1178 г.) и «вся земля плакашася гласом великим» (II Кн. Царств, XV, 23);³⁷ «и плакашася по нем сынове его плачем великим» (Лавр. лет. под 1212 г.) и «и плакашася по нем плач велик зело» (Кн. Быт., 50.10);³⁸ «слезами омывая лице свое» (Ипат. лет. под 1288 г.) и «плачущися начят омывати нозе его слезами» (Еванг. от Луки, VII, 38);³⁹ «Слезы от себе изливающи» (Ипат. лет. под 1288 г.) и «очи мои излиасте воду» (Плач Иерем., I, 16).⁴⁰

К некоторым выражениям похвалы можно привести параллели из «Сказания о Борисе и Глебе»: ⁴¹ «Слезами обливающи лице свое» (Ипат. лет. под 1180 г.) и «и весь слезами обливаясь рече»; ⁴² «слезы испущая от зеницю» (Ипат. лет. под 1168 г.) и «и начат слезы испущати от... очию своего».⁴³

Приведенные примеры из Библии и «Сказания» показывают, что похвала не создала автономной, присущей только ей фразеологии плача: она в значительной степени использовала уже усвоенные древнерусской литературой обороты.

Лексика и фразеология в похвале, связанные с мотивами смерти и погребения, характеризуются несколькими устойчивыми формулами и крайне незначительным количеством вариантов. Наиболее часто употребляется глагол «преставитися»: «преставися христолюбивый великий князь Костянтин» (Лавр. лет. под 1218 г.). Вариантным можно считать сочетание «предати душу в руце божие» (Ипат. лет. под 1178 г.). Об отпевании покойного говорится следующим образом: «и певше над ним обычны песни» (Лавр. лет. под 1212, 1218, 1238 гг.). Мотив погребения выражается сочетанием «вложити в гроб», «вложиша в гроб» (Ипат. лет. под 1168 г.).

Обращаясь к одному из главных композиционных моментов похвалы — характеристике князя, наблюдаем, что излюбленными эпитетами являются здесь «благодарный», «христолюбивый», «блаженный». При характеристике моральных качеств князя обычно употребляется формула «украшен всеми добрыми нравы» (Лавр. лет. под 1212, 1218 гг.), в качестве варианта выступает эпитет «благонравен» (Ипат. лет. под 1178 г.). Непременные черты морального облика князя — кротость и смирение. Обычно в похвале сообщается: «князь правдив, щедр, кроток», «кроток, смирен», «кроткий, смиренный» (Ипат. лет. под 1180 г., Лавр. лет. под 1218 г.). Для характеристики князя обязательны также мотивы милосердия. Фразеология, связанная с мотивами милосердия, разнообразна, но все же можно выделить устойчивые сочетания: «паче же милостыни прилежаще» (Ипат. лет. под 1178 г.); «милостынею баше милостив» (там же); «раздавати требующим» (Лавр. лет. под 1218 г.). В похвале, как правило, сообщается об особом расположении князя к служителям церкви. Используются обычно

³⁶ Геннадиевская библия. — Рукописный отдел БАН, Собр. воспроизведений, № 339.

³⁷ Там же, л. 188.

³⁸ Там же, л. 32 об.

³⁹ Евангелие XV в. — БАН, 33.16.2, л. 131.

⁴⁰ Геннадиевская библия, л. 551.

⁴¹ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Текст «Сказания» цитируется по изданию: Памятники древнерусской литературы, вып. 2. СПб., 1916.

⁴² Там же, стр. 36.

⁴³ Там же, стр. 34.

следующие формулы: «всякому чину яко возлюбленный бяше отец» (Лавр. лет. под 1237 г.); «чтяше же паче меры иереиский и мнишьский чин» (Лавр. лет. под 1218 г.); «любяще помногу черноризский и поповский чины» (Лавр. лет. под 1212 г.).

Художественная система похвалы отличается композиционной и стилистической устойчивостью. Единообразие композиции, устойчивость мотивов и стилистических элементов, единая идеологическая направленность дают право считать княжескую похвалу самостоятельным типом летописного повествования. Похвала интересна тем, что представляет собой ядро, из которого могли развиваться произведения разных жанров. В развитой трехчастной форме похвала — явление собственно русское. Похвала сложилась в составе летописей; византийских образцов подобной трехчастной похвалы русские книжники не имели, и этим объясняется одна стилистическая особенность похвалы: ей чужда метафоричность библейско-византийского стиля.

При определении жанра «Слова» обнаруживается несомненная связь «Слова» с летописной княжеской похвалой. Эта связь проявляется в первую очередь в том, что «Слово» вобрало в себя все композиционно необходимые элементы похвалы, и поэтому можно считать, что именно похвала явилась одним из жанрообразующих факторов этого произведения. Однако традиционные части похвалы в «Слове» претерпели изменения. В основном изменения сводятся к распространению традиционных частей похвалы. Стилистика похвалы также отразилась в «Слове». Рассказывая о смерти Дмитрия Донского, автор использует лексику и фразеологию, известную похвале: «преставитися», «предати душу богови». Об отпевании и плаче народа говорится в традиции похвалы: «и певше над ним обычное надгробное пение», «и плакашася над ним», «не бе лзя слышати пенья в плачи мнози». Обороты, совпадающие с типическими оборотами похвалы, могут расцениваться как закономерные стилистические элементы «Слова о житии».

В описании горя вдовы князя традиционное «слезы от очию испущаше» превратилось в «огненные слезы от очию испущающи». В похвале обычно говорится о плаче вдовы: «княгини беспрестанно плакаше», в «Слове» горе вдовы представлено гиперболически: «восплакася горкым гласом, огненныя слезы от очию испущающе, утробю распаяюще».

Изменения обнаруживаются и в характеристике героя в «Слове» сравнительно с похвалой. «Слово» сохраняет те же мотивы характеристики князя, но стилистически эти мотивы оформлены в нем иначе: для «Слова» характерна метафоричность стиля, и характеристика героя состоит из ряда метафор.

На основе сопоставления «Слова» с княжескими житиями и летописной княжеской похвалой можно сделать вывод, что «Слово» в том виде, как оно сложилось в Новгородской IV и Софийской I летописях, возникло на пересечении двух литературных традиций: формы житий и летописной княжеской похвалы. Соотнесенность «Слова о житии» с похвалой объясняет одну особенность «Слова» — отсутствие развернутого событийного ряда, такого, как например в Житии Александра Невского. «Слово» функционирует как похвала, а не как жизнеописание или историческая повесть; именно поэтому биографическим подробностям и историческим событиям уделено так мало места в «Слове».

Этот вывод подтверждается следующими наблюдениями над историей текста «Слова» в летописании: в ряде летописей (Никаноровской, Вологодско-Пермской и др.) структура похвалы (т. е. композиционно необходимые части похвалы) сохраняется, тогда как отрывки «Слова», не соотно-

симые с похвалой, изымаются или подвергаются сокращению. Типические обороты похвалы в процессе движения текста «Слова о житии» частично сохраняются без изменений, частично претерпевают изменения. Приведем формулы похвалы, вошедшие в «Слово» без изменений и не изменяющиеся в процессе развития текста «Слова». Так, в Новгородской IV летописи читаем: «И плакашася над ним князи. . .»;⁴⁴ этот оборот дословно повторен в Вологодско-Пермской,⁴⁵ Львовской⁴⁶ и Никаноровской⁴⁷ летописях. В Новгородской IV летописи: «И пения не слышиться в мнозе плаче»;⁴⁸ эта формула сохраняется в Вологодско-Пермской⁴⁹ и Никаноровской⁵⁰ летописях.

Приведем сочетания «Слова», соотносимые с оборотами похвалы, но не идентичные им. В своде 1479 г. читаем: «и плакашася над ним многым плачем и весь народ плачем горьким».⁵¹ Для похвалы не характерно сочетание «плач горький». В древнейших текстах «Слова» о горе вдовы Дмитрия Донского говорится следующим образом: «восплакася горьким гласом». В Никаноровской летописи читается этот же оборот. В Львовской летописи: «восплакася горьким плачем»;⁵² в Вологодско-Пермской летописи: «восплакася горко»;⁵³ в своде 1479 г.: «Возопи горьким гласом».⁵⁴ В древнейших текстах «Слова» читаем: «огненные слезы от очию испущающе». В Никаноровской, Львовской и Вологодско-Пермской летописях это выражение читается без изменений. В своде 1479 г. эта традиционная формула «Слова» заменяется на оборот, заимствованный из «Сказания о Мамаевом побоище». В своде 1479 г.: «слезы от очию яко быстрины речныя испущающи»;⁵⁵ в «Сказании»: «слезы льюще аки речную быстрину».⁵⁶ Наблюдения над фразеологией, оформляющей мотивы смерти и погребения, в поздних текстах «Слова» дают основание сделать вывод, что эта фразеология устойчива, изменений практически нет.

Анализ поздних текстов «Слова» приводит к заключению, что стилистика похвалы в основных чертах в нем сохраняется. Ранее было отмечено, что в поздних текстах «Слова» сохраняются композиционно необходимые части похвалы; как было показано, стилистика похвалы также сохраняется; все это дает основание полагать, что на более позднем этапе развития «Слова» сокращается в ряде летописей до более или менее развернутой похвалы, т. е. оно трансформируется в ту литературную форму, которая явилась основой для его создания.

⁴⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 360.

⁴⁵ ПСРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 161.

⁴⁶ ПСРЛ, т. XX, ч. 1, СПб., 1910, стр. 207.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 86.

⁴⁸ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 360.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 161.

⁵⁰ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 86.

⁵¹ ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 217.

⁵² ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 206.

⁵³ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 160.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XXV, стр. 217.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Сказание о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 55.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище»

Обнаруженный Е. Ф. Хилл в Отделе рукописей Британского музея лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище», о котором она сделала сообщение на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г.,¹ вызвал большой интерес.² В статье, посвященной лицевым спискам «Сказания о Мамаевом побоище», я отмечал, что опубликование лондонского списка имело бы весьма важное значение как для изучения миниатюр «Сказания», так и для изучения этого памятника вообще и представляло бы несомненный интерес для историков древнерусского искусства.³ К сожалению, до сих пор лондонский список не издан, и мы имеем представление о нем только в пределах сообщения Е. Ф. Хилл.⁴ В 1971 г. Рукописный отдел БАН получил от Британского музея микрофильм лондонского списка «Сказания». Разумеется, черно-белый микрофильм не может дать полного представления о лицевой рукописи, но о содержании миниатюр, их общем виде, их распределении по тексту, о тексте «Сказания» мы можем составить достаточно объективное заключение и на основании микрофильма. Поэтому, не ожидая фототипического издания лондонского списка, сделаем его подробный обзор по микрофильму. Такой обзор даст более полную информацию об особенностях миниатюр лондонского списка и уточнит имеющиеся к настоящему времени данные о характере взаимоотношения миниатюр этого списка с миниатюрами остальных лицевых списков «Сказания о Мамаевом побоище». Прежде, чем переходить к рассмотрению лондонского списка «Сказания», напомним некоторые основные положения и выводы своей статьи о лицевых списках «Сказания о Мамаевом побоище».

Кроме лондонского списка, в настоящее время известно еще 8 лицевых списков «Сказания». Один из них — текст Киприановской редакции «Ска-

¹ Elizabeth Hill. A British museum illuminated manuscript of an early russian Literary work. An encomium to the grand prince Dimitri Ivanovich and to his brother prince Vladimir Andreyevich, the tale of the battle of the Don in the year 6889. Сообщение на IV Международном съезде славистов в Москве Е. Ф. Хилл (Англия). Один вновь обнаруженный лицевой список древнерусского памятника. Cambridge, 1958 (далее: Е. Ф. Хилл).

² Обзор отзывов на сообщение Е. Ф. Хилл см.: Л. А. Дмитриев. Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 240 (далее: Л. А. Дмитриев).

³ Там же, стр. 263.

⁴ Е. Ф. Хилл писала, что лондонский список «Сказания» «будет издан в Англии в 1959 г. Он будет напечатан вместе с обстоятельным вступлением и комментариями. Все листы списка будут воспроизведены фототипически, причем некоторые в красках...» (Е. Ф. Хилл, стр. 8).

зания» в лицевом летописном своде, во втором томе «Древнего летописца» (БАН, 31.7.30). Здесь миниатюры к тексту «Сказания» являются частью миниатюр всего «Древнего летописца» и с остальными лицевыми списками «Сказания о Мамаевом побоище» не связаны.⁵ Остальные 7 списков делятся на две группы, условно названные мною архаической и северной группами. В архаическую группу входят списки: ГБЛ, Музейное собр., № 3155 (P_2); ГИМ, собр. Барсова, № 1798 (B); ГИМ, собр. Уварова, № 999^a. В северную группу входят списки: ГИМ, собр. Уварова, № 1435 ($Ув$); ГБЛ, Музейное собр., № 3123 (P_1); ГИМ, Музейное собр., № 2596 (M); ГБЛ, собр. Прянишникова, № 203 ($П$).⁶ Сравнительный анализ миниатюр во всех этих списках показал, что все они восходят к общему архетипу — лицевому тексту «Сказания». Северная группа больше отошла от оригинала, чем архаическая, но сохранила какие-то черты, присущие оригиналу, и донесла большее количество миниатюр, чем списки архаической группы.

На основании приведенных Е. Ф. Хилл фотокопий с двух миниатюр лондонского списка (L) этот список был включен мною в архаическую группу, при этом список L определялся как наиболее близкий к протографу архаической группы. Полные данные о списке L заставляют иначе определить его место среди лицевых списков «Сказания», не изменяя, а лишь уточняя построенную ранее схему взаимоотношения всех этих списков.⁷

Внешнее описание списка L подробно сделано Е. Ф. Хилл. Приведу наиболее существенные данные этого описания, добавляя и уточняя их в тех случаях, когда это возможно.

По почерку и филиграммам бумаги список L датируется XVII в. В настоящее время эта рукопись состоит из 48 листов. Е. Ф. Хилл определила, что список L представляет собой часть какого-то ранее более обширного сборника. Об этом свидетельствует сохранившаяся на некоторой части листов их нумерация кириллицей скорописным почерком. Так, например, современный лист 15 обозначен кириллицей как лист 170 (у Е. Ф. Хилл ошибочно указано 156), лист 16 — как лист 171, и т. п. Если теперешнему 15-му листу соответствует 170-й лист сборника, то первому листу должен соответствовать 156-й лист. На теперешнем первом листе лондонского списка действительно можно разобрать первые две буквы цифрового обозначения листа — « $PM...$ », т. е. 150, третью букву не разобрать. Таким образом, тексту «Сказания о Мамаевом побоище», когда он находился в сборнике, предшествовал текст, занимавший 155 лл. рукописи. Возможно, как и в списках архаической группы P_2 и B , перед текстом «Сказания» в сборнике находилась лицевая «Александрия».⁸ В P_2 «Сказанию» предшествовало 175 лл. (об этом свидетельствует старая нумерация листов; в настоящее время из-за дефектов рукописи «Сказанию» предшествует 147 лл.), в B — 242 лл. Но и само «Сказание» в этих

⁵ См.: Л. А. Дмитриев, стр. 259—260.

⁶ Впервые подробную характеристику лицевых списков «Сказания о Мамаевом побоище» и воспроизведение всех миниатюр списка P_1 дал С. К. Шамбинаго в кн.: Сказание о Мамаевом побоище. С предисловием С. К. Шамбинаго. Изд. ОЛДП (вып. СХХV), 1907 (далее: С. К. Шамбинаго). Здесь же им был опубликован текст «Сказания» по списку ГБЛ, собр. Ундольского, № 578 — вариант У Основной редакции «Сказания». Условные обозначения списков даются по классификации С. К. Шамбинаго. Вновь привлекаемые списки условно обозначены по первой букве собрания.

⁷ Сテム взаимотношения лицевых списков «Сказания» см.: Л. А. Дмитриев, стр. 261. Ср. также стемму на стр. 176 настоящей статьи.

⁸ См.: Л. А. Дмитриев, стр. 256.

рукописях (несмотря на утрату отдельных листов как в том, так и в другом списках) занимает большее число листов, чем в списке *Л*, хотя в списке *Л* значительно больше миниатюр, чем в списках *P₂* и *Б* (в *P₂* «Сказание» занимает 64 л., в *Б* — 60, в *Л* — 48). Часть листов *Л* была утрачена, по-видимому, еще до нумерации их кириллицей. Об этом говорит следующее: между лл. 21 и 22 пропуск текста, но кириллицей оба этих листа обозначены как следующие подряд (*P0S* и *P0Z* — 176 и 177). К сожалению, в конце списка *Л*, где утеряно несколько листов текста, полистные обозначения кириллицей либо неразборчивы, либо обрезаны, и мы не можем судить, когда произошли эти лакуны: в составе ли сборника в целом или же в то время, когда список *Л* существовал как самостоятельная рукопись (нумерация листов арабскими цифрами отражает современный состав рукописи). Больше оснований, однако, предполагать, что листы были утрачены в то время, когда «Сказание о Мамаевом побоище» оказалось изъятым из состава сборника. Об этом свидетельствует путаница в расположении листов в конце списка *Л*. Как установила Е. Ф. Хилл, после 41-го листа последовательность листов должна быть такая: 44, 45, 43, 47, 42, 48. Именно в пределах этих листов имеются значительные пропуски в тексте (между лл. 45 и 43, 46 и 47, 42 и 48).

Е. Ф. Хилл отметила, что в XVIII в. рукопись реставрировалась: подклеивались потрепанные и оборванные части листов. Реставрация хорошо видна и на микрофильме. В 31 случае, по подсчетам Е. Ф. Хилл, реставрация затрагивала части листов с текстом. Реставратор, по-видимому, подправлял не утраченные, а испорченные, обтрепанные части листов, так как на вновь наклеенной бумаге иным почерком, более поздним, чем основной, надписан соответствующий текст. В некоторых случаях, однако, текст остался невосстановленным.

Сличение текста списка *Л* с известными текстами «Сказания» привело Е. Ф. Хилл к заключению, что текст *Л* сходен «почти слово в слово со списком Ундольского (578) и Толстого (II, 32)».⁹ Определение слишком общее и, по существу, неверное: список Ундольского является вариантом У Основной редакции, Толстовский список (ГПБ, О. IV. 22) — вариантом О той же редакции, и одновременно совпадать «почти слово в слово» с этими списками ни один список «Сказания» не может; характеризуясь в целом большой текстуральной близостью, один вариант отличается от другого некоторыми существенными разночтениями, наиболее значительное из которых — разный текст окончания. Е. Ф. Хилл права, отмечая большую близость текста *Л* к списку Ундольского (*У*), но и между этими списками разночтения все же есть. Остановимся более подробно на текстологическом сопоставлении списка *Л* с остальными лицевыми списками «Сказания».

Как было уже установлено ранее, во всех лицевых рукописях «Сказания» текст варианта *У* Основной редакции. Северная группа отличается рядом общих существенных изменений текстов по сравнению со списками архаической группы.¹⁰ В *Л* особенностей текста, присущих северной группе, нет. Сравнивая *Л* со списками *У*, *Б* и *P₂*, видим следующее.

Во многих случаях *Б* и *P₂*, совпадая по чтению друг с другом, отличаются от *Л* и *У*. При этом, помимо пропуска или дополнения отдельных слов, различий в написании слов, немало отличий довольно существенных, носящих смысловой и стилистический характер. Приведем некоторые примеры:

⁹ Е. Ф. Хилл, стр. 6.

¹⁰ См.: Л. А. Дмитриев, стр. 243.

Б и P₂

- 1) ...оному Улиану ревнова.
- 2) ...нача подвизатися (в P₂ подвижен быти), диаволом водим, иже неперестанно ратуе христианство, и помысли царь той в себе.
- 3) ...яко мышца господня высока есть.
- 4) ...Дмитрей человек кроток.
- 5) ...царю, молю тя, яко аз велику обиду приях.
- 6) ...да придет твоя держава царева.
- 7) ...побежит с Москвы в далнии отоки.
- 8) ...а к нечестивому приложишася.
- 9) ...ревнуй первому отступнику Батю.
- 10) ...велми опечалився о нечестивых находении, и ста пред иконою господня образа... и нача молитися глаголя...
- 11) ...прииде Исав на брата своего Иякова, яко же ста на град и рече Ияков Исаву: «Брате, буди бог меж мною и тобою», — и ин уби его копием з города.

| Л и У

- ...иному Улиану возревнова.
- ...нача подвижен быти, диаволом хвалим, неперестанно ратуя на христианство.
- ...яко господня рука высока есть.
- ...Дмитрей человек крестиян.
- ...царю, молю тя, яко оба еси раби твои, но (в У доб. и) аз велику обиду приях.
- ...да придет держава твоего царствия.
- ...то отбежит с Москвы.
- ...а к безбожному приложишася вкупе на православную веру.
- ...ревнуй безглавному Батю.
- ...велми опечалився о безбожном нахождении, и иде скоро в ложницу свою, и ста пред иконою господня образа... и нача молитися со слезами и сокрушением сердца, глаголя сице...
- ...прииде Исав на брата своего Иякова Израйля (в У доб. и), Ияков ста на граде и рече Исаву: «Брате, бог меж мною и тобою», — и шибе з града копием и уби его.

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что *Б* и *P₂*, с одной стороны, и *Л* и *У* — с другой, восходят к разным протограммам, в которых их общий архетип подвергся самостоятельным изменениям. Если мы сравним приведенные примеры с соответствующими местами списка *О* варианта *О* Основной редакции, то увидим, что в большинстве случаев чтения списков *Л* и *У* ближе к *О* (3—9); в 10-м примере одни обороты ближе к *О* в *Б* и *P₂*, другие — в *Л* и *У*.¹¹ Такую же картину мы наблюдаем, сравнивая и остальные случаи общих различий между *Л* и *У*, с одной стороны, и *Б* и *P₂* — с другой: в большинстве случаев *Л* и *У* дают более близкие чтения к *О*, чем *Б* и *P₂*, но имеются и совпадения *О* с чтениями *Б* и *P₂* при отличии от *Л* и *У*. Есть все основания считать наиболее близким к первоначальному виду Основной редакции «Сказания» вариант *О*; ¹² поэтому большая близость чтений списков *Л* и *У* варианта *У*, чем списков *Б* и *P₂* этого же варианта, к чтениям списка *О* варианта *О* дает право говорить о большей близости списков *Л* и *У* к первоначальному тексту варианта *У* Основной редакции «Сказания».

Могут быть отмечены отдельные случаи совпадения списка *Л* только со списком *P₂* или только со списком *Б*. Но количество подобных совпадений неизмеримо меньше, чем рассмотренные выше соотношения списков, а главное, совпадения эти носят второстепенный, случайный характер и очень редко подобного рода разночтения имеют смысловое или стилистическое значение. Часть этих примеров может объясняться случайными,

¹¹ В 1-м и 2-м примерах чтения *О* отличаются от соответствующих отрывков варианта *У*; 11-му примеру параллельного текста в *О* нет.

¹² См.: Л. А. Дмитриев. 1) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 406—448; 2) Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище. — Там же, стр. 449—480.

независимыми одинаковыми изменениями разных текстов, часть же является отражением в различных списках первоначальных чтений данного варианта.

В ряде случаев могут быть отмечены индивидуальные чтения списка Л, отличающиеся от трех остальных списков. Больше всего здесь пропусков в Л отдельных слов и фраз, явных ошибок, а иногда переосмыслений текста. Приведем примеры:

Л

Подобает нам поведати, како сотвори волю боящихся его...

Нача испытывати... како случися ему паки от них. Паки сказаза ему.

И святыя монастыри осквернил.

И нача глаголати ко преступником своим.

...которые его грады со всеми своими силами.

Многое богатство московское все во твоей руке будет и войску твоему потребу.

У, Б и P₂

Подобает нам поведати величества божия, како сотвори волю боящихся его...

Нача испытывати... како случися ему. Оне же паки сказаза ему.

И святыя монастыри многи осквернил.

И нача глаголати ко отступником своим.

...который его град со всеми силами.

Многое богатство московское все в твои руки (в P₂ в твоей руке) да будет и твоему великому войску в потребу.

Как в этих случаях, так и в остальных в Л, при отличии этого списка от трех остальных, наблюдаются пропуски, причем иногда довольно значительные, целых фраз, либо ошибки, либо такие изменения текста, которые явно носят вторичный характер. Следовательно, это все более поздние индивидуальные чтения данного списка.

Вместе с тем в ряде случаев там, где в списке У явно испорченные, вторичные чтения, Л дает более правильные. Многие бесспорные пропуски списка У (подтверждаемые как остальными списками этого варианта, так и текстом варианта О Основной редакции) могут быть восстановлены по списку Л. Во фразе «доволен есмь отоки своими» в У вместо «отоки» читается «отроки», в Л верно — «отоки». Во фразе «слезы лиюще, аки речную быстрину» в У «черную» вместо «речную», в Л верно. Во фразе «донеле же услышим московския победы» в У «морьские» вместо «московския», и т. д.

Итак, список Л очень близок к списку У (о чем свидетельствуют не только подробно рассмотренные выше парные отличия Л и У от двух других списков этого варианта — Б и P₂, но и ряд общих явно ошибочных чтений Л и У).¹³ Однако возводить эти списки один к другому нельзя: имеющиеся различия между ними свидетельствуют об их восхождении к общему протографу. Хотя списки Л и У точнее и полнее отражают первоначальный текст варианта У Основной редакции, чем списки Б и P₂, тем не менее и в том и в другом текст этот передан с ошибками и искажениями, которые имелись уже в протографе списков Л и У.

¹³ Вместо названия реки «Непрядва» в Л и У читается «Недна». Во фразе «Господи... помози нам, яко же... и прадеду моему... Александру на хвалящагося римского короля» в У вместо «римского» — «суромскаго», в Л — «суримского». Во фразе «аще единого изгубим, то от кого чти имам и дарове обрести?» в Л и У вместо правильного «от кого» — «от того». Во фразе «уже бо водят себе поведеную чашу и инни же от них уже испиша и весели быша» в Л и У вместо «испиша» — «спаша». Вместо «стук бысть и зук от копейнаго домления» в Л и У читается «... от коннаго домления». Во фразе «и твоею кровию (Иисуса Христа, — Л. Д.) искуплени суть от работы дьяволя» в Л и У вместо «дьяволя» употреблено слово «аристора».

* * *

Перейдем к описанию миниатюр лондонского списка «Сказания».

Всего в списке *А*, как уже говорилось выше, 64 миниатюры. Частота распределения их по тексту позволяет предполагать, что на утерянных в *А* листах также бесспорно имелись миниатюры. Лишь в самом начале в двух случаях — на лл. 1—1 об. и 3—3 об. — подряд идет текст без миниатюр, во всех остальных случаях текст без миниатюр занимает подряд не более одной стороны листа — всего таких случаев 28, т. е. сплошной текст заполняет в общей сложности 34 страницы рукописи, текст с миниатюрами — 62 страницы, и в двух случаях вся страница целиком занята миниатюрой с подписью к ней (лл. 40 об. и 41). Миниатюры помещаются либо в середине текста, либо в верхней, либо в нижней части листа, перед или после текста. В списках архаической группы миниатюр значительно меньше: в *Р*₂ — 33, в *Б* — 28. Меньшее число в *Б* объясняется дефектом списка — часть листов в нем вырвана, но в *Б* есть одна миниатюра, параллельной которой в *Р*₂ нет. Можно, таким образом, предполагать, что в протографе *Р*₂ и *Б* было не менее 34 миниатюр. В протографе северной группы, если считать, что миниатюры всех списков этой группы с разной степенью полноты передают состав своего протографа, должно было быть не менее 84 миниатюр. Сопоставление списков северной группы показывает, что в ней было проиллюстрировано 84 эпизода «Сказания». Ни в одном из списков этой группы полностью всех этих миниатюр нет, в значительной степени из-за механических дефектов списков.

В списках *Р*₂ и *Б* перед текстом «Сказания» над заголовком в виде заставки миниатюра, изображающая Дмитрия и Владимира на троне в окружении бояр. В списке *А* над заголовком оставлено место, но оно ничем не заполнено. Оставленная чистой часть листа слишком мала для миниатюры, и, может быть, поэтому пространство над заголовком в *А* осталось незаполненным: в оригинале, с которого делался список *А*, была перед текстом миниатюра, но писец оставил для копииста миниатюр слишком мало места на листе.

1. Нижняя половина л. 2. Подпись: «Царь Мамай возится через великую реку Волгу со всеми силами своими з бранными».¹⁴ По зеркалу воды, сзади обрамленному изображением горок, плывут три ладьи слева направо.¹⁵ В средней из них, в центре рисунка, Мамай; он изображен крупнее всех, с висящими вниз усами, на голове у него что-то вроде короны. Он сидит на возвышении посередине ладьи. За Мамаем в этой же ладье сидят два воина, в руках у одного из них весло. В двух других ладьях изображены воины в остроконечных шлемах; над головами воинов возвышаются копья и по одному (в каждой ладье) однохоботному знамени.

В остальных лицевых списках «Сказания» соответствующей миниатюры нет.¹⁶

2. Нижняя половина л. 2 об. «Олег рязанский посылает своего посла з грамотою и з дарми своими к царю Мамаю». На фоне строения (городская стена и башни) справа на троне сидит Олег. Он в круглой шапке, в левой руке у него посох, правой он передает послу грамоту. Слева по-

¹⁴ Ко всем миниатюрам в *А* подписи даны на нижнем поле листа. Если миниатюра обрамлена текстом или помещается в верхней половине листа, над текстом, подпись к миниатюре идет после текста.

¹⁵ Здесь и далее направление дается с точки зрения читателя рукописи.

¹⁶ Здесь и далее имеются в виду списки *Б*, *Р*₂, *У*, *М*, *Р*₁. Списки *П* и ГИМ, собр. Уварова, № 999^а по сравнению с перечисленными не дают ничего дополнительного для ретроспективного анализа лицевых списков «Сказания» (см.: Л. А. Дмитриев, стр. 242 и 260); поэтому к сопоставлению со списком *А* они не привлекались.

сол, принимающий левой рукой грамоту от Олега. Посол без шапки. За ним стоят воины в остроконечных шлемах, в воинских доспехах, над ними развевается однохоботное знамя. (Рис. 1).

На этот же сюжет есть миниатюра в списке северной группы Ув, но там содержание миниатюры совершенно иное: «В центре — телега, запряженная тройкой лошадей. Три всадника, из них первый держит в руке ярлык Олега».¹⁷

3. Верхняя половина л. 4. «Олгирд литовский посылает посла своего к царю Мамаю з грамотами и с честию великою». Композиционно миниатюра сходна с предыдущей. Но здесь строения остроконечные и куполообразные, и их больше. Поза Ольгерда и атрибуты такие же, как и у Олега, но у него в левой руке не посох, а длинный меч и иное одеяние — короткое, до колен, с широкими рукавами. За Ольгердом стоят два человека. Посол без шапки, он держит ее в правой руке, а левой принимает грамоту; он с бородой, на боку у него сабля. Как и Ольгерд, посол, а также стоящие за ним воины и стоящая за Ольгердом свита все в коротких, выше колен, плащах, у воинов на боку сабли. Головные уборы у всех, в том числе и у Ольгерда, в виде круглых шапок (похожи на современные береты) с султанами из перьев.

В остальных списках соответствующей миниатюры нет.

4. Нижняя половина л. 5. «Приидоша послы ко царю Мамаю от Олга рязанскаго и от Олгирда литовскаго з грамотами и з дары». Композиционно и по характеру изображения эта миниатюра сходна с двумя предыдущими. Мамай изображен сходно с изображением Олега на 2-й миниатюре, отличия в мелких деталях. Слева перед ним послы и их свиты. Рязанский и литовский послы изображены так, как они нарисованы на предыдущих миниатюрах, каждый из них протягивает Мамаю свою грамоту.

В списках северной группы Ув и Р₁ имеется миниатюра на этот же сюжет. Содержание миниатюры сходно с Л, но весь характер изображения и композиция резко отличаются. Здесь Мамай находится слева, за ним большая свита и над ним изображен шатер. Справа от него приближенный Мамай как бы подводит к нему послов: их трое, все они без шапок, передний держит одну грамоту. В отличие от списка Л здесь в изображении послов нет различий, они на одно лицо, аксессуары их изображения также ничем не отличаются. (Ш, № 2, табл. I).¹⁸

5. Середина¹⁹ л. 6. «Прииде весть к великому князю Дмитрею Ивановичю, яко неизложно идет царь Мамай на Русь». По характеру изображения и композиции и эта миниатюра сходна с предшествующими. На фоне городской стены с возвышающимися над ней строениями справа изображен Дмитрий Донской, сидящий на троне. В левой руке он держит посох, правая в приветственном жесте обращена к стоящей слева группе людей. На голове Дмитрия круглая шапка; на нем длинный плащ (корзно), под которым основное одеяние с широкими рукавами. Перед Дмитрием слева группа людей без шапок, некоторые из них с бородами, другие безбородые. Передний из них обращается к Дмитрию.

Соответствия этой миниатюре Л в остальных списках нет.

¹⁷ С. К. Шамбинаго, стр. 64.

¹⁸ Здесь и далее в скобках с буквой Ш дается номер, под которым описана соответствующая миниатюра в книге С. К. Шамбинаго, и указывается таблица с воспроизведением этой миниатюры по списку Р₁.

¹⁹ Здесь и далее слово «середина» означает, что миниатюры обрамлены текстом; композиционно они могут быть расположены и выше, и ниже середины листа, в зависимости от объема текста, предшествующего миниатюре и следующего после миниатюры.

6. Середина л. 6 об. «Князь Дмитрий Иванович вниде в ложницу свою и моляшеся образу святому». Слева стоит Дмитрий. В центре рисунка сверху изображена икона, к которой Дмитрий молитвенно простирает руки. Внутренность помещения изображена в виде двух колонн справа и слева, завершающихся остроконечным сводом над иконой; в ногах Дмитрия показано ложе.

Миниатюра на этот сюжет есть и в обоих списках архаической группы, и в двух списках (*Ув* и *М*) северной группы. Мотив во всех миниатюрах один и тот же, но композиционное решение и аксессуары рисунков сильно различаются. В архаической группе Дмитрий изображен справа, стоящим на левом колене, он осеняет себя крестным знамением; совершенно иначе, чем в *Л*, изображено помещение (*Д*, № 2).²⁰ В северной группе Дмитрий, так же как и в архаической, изображен коленапреклоненным (*Ш*, № 3).

7. Верхняя половина л. 7 об. «Князь Дмитрий Иванович с братом своим прииде к митрополиту Киприану». На фоне строений башенного типа слева друг за другом стоят Дмитрий и Владимир. Оба с бородами. Дмитрий впереди, в правой руке он держит посох, левую простирает в сторону Киприана. Киприан изображен справа, в клобуке; в левой руке он держит крест, правая в благословляющем жесте обращена к Дмитрию.

Миниатюра такого же содержания есть в списке *Б* архаической группы и в списках *Ув* и *Р₁* северной группы. При существенных отличиях в деталях и аксессуарах изображения и по мотиву, и по композиции эти миниатюры во всех списках «Сказания» сходны. Киприан изображается справа, князья один за другим слева, в сходных позах. В северной группе за князьями изображен сопровождающий их человек. (*Ш*, № 5, табл. II; *Д*, № 3).

8. Верхняя половина л. 8 об. «Князь великий Дмитрий посылает к Мамаю посла своего именем Захарию Туштова и злата много посла Мамаю». Справа на фоне башенных строений сидит на троне Дмитрий в шапке; в левой руке он держит посох, правую в наставительном жесте обращает к стоящему слева Захарию. Захарий с бородой, без шапки, слушает Дмитрия. За Захарием воины без головных уборов, безбородые, над их головами развевается двуххоботное знамя, торчат копыя, бердыш и какое-то оружие в виде крюка на длинном древке (будем в дальнейшем условно называть это оружие «крюком»). Слева из-за людей видны крупы лошадей.

9. Нижняя половина л. 9. «Князь великий Дмитрий прииде с братом своим к пресвященному митрополиту». По характеру изображения и композиции эта миниатюра повторяет 7-ю, где показан первый приход великого князя с братом к Киприану. Но детали и аксессуары различны, что придает рисункам на один и тот же сюжет разнообразие. Строения, на фоне которых происходит встреча, здесь иные, чем в 7-й миниатюре. Дмитрий и Владимир здесь без шапок, одежды на них отличаются от одежды на 7-й миниатюре, посоха у Дмитрия в руках нет, и протягивает он здесь к Киприану правую руку (в 7-й миниатюре левую).

На данный сюжет миниатюра только в *Л*.

10. Верхняя половина л. 10. «Князь великий Дмитрий Иванович посылает на сторожу избранных своих юнош и крепких оружников». Справа на фоне строений на троне сидит Дмитрий. В левой руке у него посох, пра-

²⁰ Здесь и далее в скобках с буквой *Д* дается номер, под которым приведено описание соответствующей миниатюры архаической группы в моей статье «Миниатюры „Сказания о Мамаевом побоище“».

вая обращена к группе людей, стоящих перед ним слева. Впереди этой группы бородатый человек без шапки. За ним воины в остроконечных шлемах; слева внизу из-за них видны крупы лошадей; над головами воинов возвышаются копьа и однохоботное знамя.

Миниатюра на этот сюжет есть в списках северной группы *Ув* и ρ_1 . Миниатюра *Ув* и ρ_1 отличается от *Л* и по характеру изображения, и по композиции, и по деталям: здесь изображены Дмитрий с Владимиром, и они сидят слева, а справа стоят люди не в воинских доспехах, с шапками в руках. (Ш, № 6, табл. III).

11. Нижняя половина л. 10 об. «Приведоша к великому князю языки, и сказа язык, яко неизложно царь Мамай идет на Русь». Справа в такой же позе, как на предыдущей миниатюре, изображен Дмитрий, но на фоне иного строения. Слева перед ним два безбородых человека в длинных одеяниях, без шапок, со связанными за спиной руками. Слева от них группа воинов в шлемах; первый из них держит в правой руке однохоботное знамя; над шлемами возвышаются копьа. Татарские «языки» изображены значительно ниже по росту и Дмитрия, и русских воинов. (Рис. 2).

Миниатюра на этот сюжет есть в списках северной группы *Ув* и ρ_1 . Как и в предыдущем случае, северная группа совершенно иначе иллюстрирует этот же мотив. Там Дмитрий вдвоем с Владимиром сидят на троне слева, за ними стоит слуга. Справа перед князьями русский воин с саблей на поясе, без головного убора; татарин один, с бородой, в высокой остроконечной шапке, со связанными впереди руками. (Ш, № 8, табл. V).

12. Середина л. 11 об. «Приидоша к великому князю белозерстии князи подобни сущи боеви». Справа на троне сидит Дмитрий. Его поза и жесты такие же, как на предыдущих миниатюрах, но строение, на фоне которого он нарисован, иное. Слева перед ним группа воинов в остроконечных шлемах. Аксессуары этой группы (копьа, однохоботный стяг, крупы коней) сходны с изображенными на 10-й миниатюре, но здесь шлемы более заостренные и выше; передний воин, обращающийся к Дмитрию, в более высоком шлеме, чем остальные.

Эта миниатюра *Л* имеет параллели во всех остальных списках. Но и в архаической, и в северной группе миниатюры и композиционно, и по характеру изображения значительно отличаются от *Л* (миниатюры в архаической и северной группе близки друг другу). Там Дмитрий с Владимиром сидят на троне слева; справа от них стоит группа бояр без головных уборов. (Ш, № 9, табл. VI; Д, № 3).

13. Нижняя половина л. 12. «Преподобный Сергей срете великого князя и благослови его и все христолюбивое его войско». На фоне однокупольного храма и строения в виде башни стоят две группы людей. Слева Сергей и иноки монастыря. Сергей и стоящие за ним два инока изображены без головных уборов, с нимбами; за ними виднеется голова еще одного монаха в монашеском куколе. Сергей благословляет крестом великого князя. Дмитрий стоит во главе правой группы людей, сразу же за ним изображен Владимир; все они без головных уборов.

Миниатюра на этот сюжет есть во всех остальных списках. В общем иллюстрация в списке *Л* сходна с миниатюрами в остальных лицевых списках, но в композиции и деталях имеются существенные и значительные различия. Как в архаической, так и в северной группе композиционное расположение иное: справа Сергей, слева князя и свита; Сергей изображен один, без иноков монастыря. (Ш, № 12, табл. IX; Д, № 4).

14. Верхняя половина л. 13. «Преподобный Сергей окропи святою водою великого князя и все христолюбивое его войско, и отпусти его».

На фоне монастырских строений (слева сооружение в виде башни с двускатной, остроконечной крышей, справа два маленьких однокупольных храма, над которыми посредине изображен колокол) две группы — Сергей с монахами и Дмитрий со свитой. Сергей со своей группой справа, он без головного убора, с нимбом; стоящие за ним монахи в куколях. В левой руке Сергей держит сосуд, в правой — кропило, которым он окропляет великого князя. Великий князь склонился к Сергию, за ним стоит Владимир, также слегка склонив голову в сторону Сергия, а за Владимиром все остальные, показанные общей массой. Все без шапок.

Этой миниатюре *А* имеется соответствие в списках *Р*₂ и *Б* архаической группы. По композиции данная миниатюра *А* ближе к миниатюре списков *Р*₂ и *Б*, чем предыдущая; расположение там и там одинаковое, но в деталях имеются различия столь же существенные, что и в предыдущем случае. (*Д*, № 5).

15. Верхняя половина л. 14. «Прииде князь великий к митрополиту Киприану и з братом своим, князем Володимером». На фоне строений справа Киприан, слева Дмитрий и Владимир, оба они в шапках. Киприан благословляет великого князя, Дмитрий обращается к нему. От 9-й миниатюры, где изображен первый приход Дмитрия и Владимира к Киприану, 15-я миниатюра отличается иным видом строений, на фоне которых представлено это событие, и другим характером одежд; кроме того, на 9-й миниатюре Дмитрий и Владимир без шапок. В остальном (композиция, жесты) обе миниатюры совпадают. (*Рис.* 3).

Миниатюра на этот сюжет есть во всех остальных списках «Сказания». Расположение действующих лиц везде одинаково: справа митрополит, слева великий князь. Однако в остальном имеется целый ряд существенных отличий. И в архаической, и в северной группе списков за князьями изображена их свита; в архаической группе Киприан тоже изображен со свитой (в северной — один). (*Ш*. № 13, табл. X; *Д*, № 6).

16. Середина л. 14 об. «Князь Дмитрей Иванович и з братом своим молится образу господню». В середине миниатюры интерьер однокупольного храма, слева и справа строения: слева изображена колокольня с колоколом, справа — башня. В центре храма вверху образ Спаса, слева и справа от него стоят Дмитрий и Владимир, они простирают руки к образу.

На этот сюжет имеется миниатюра во всех остальных списках. Но композиционно и по характеру изображения миниатюры в остальных списках значительно отличаются от миниатюры *А*. В архаической группе, как и в *А*, в храме только Дмитрий и Владимир, но они стоят рядом справа, а икона изображена в левом верхнем углу. В северной группе князья находятся слева, а образ справа, причем князья изображены со свитой. (*Ш*, № 14, табл. XI; *Д*, № 7).

17. Верхняя половина л. 15 об. «Прииде князь великий Дмитрей и з братом своим к чудотворцу Петру и моляше припадая ко гробу». Изображение фона, за исключением незначительных нюансов, такое же, как и на предыдущей миниатюре. На переднем плане внутри храма гробница, в которой лежит в святительских ризах Петр. Справа Дмитрий и Владимир, склонившиеся над гробом. В центре храма, там, где на предыдущей миниатюре образ, здесь находится дверь храма.

Соответствие этой миниатюре есть в обоих списках архаической группы и в списках *Ув* и *Р*₁ северной группы. Миниатюра архаической группы композиционно и по общему характеру совпадает с *А*. То же самое можно сказать и о миниатюре *Ув* и *Р*₁, но в последней изображен еще один человек. В деталях, в изображении фона, интерьера различия между всеми миниатюрами очень значительны. (*Ш*, № 16, табл. XIII; *Д*, № 8).

18. Середина л. 16. «Киприан митрополит благослови великого князя Дмитрея и брата его, и отпусти их». На фоне строений справа стоит митрополит; правой рукой он благословляет Дмитрия, а в левой держит крест. Дмитрий стоит, склонившись к Киприану, простирая к нему обе руки; за ним Владимир; оба они без шапок.

Миниатюра на этот сюжет есть во всех остальных списках, кроме *М*. И в архаической, и в северной группе миниатюра композиционно близка к миниатюре *А*, но там Дмитрий и Владимир изображены со свитой. В деталях, в изображении фона различия между всеми миниатюрами весьма существенны. (Ш, № 17, табл. XIV; Д, № 9).

19. Верхняя половина л. 17. «Великая княгиня Овдотия и с снохою своею и с воеводскими женами отдают конечное целование». Миниатюра делится на две половины — верхнюю и нижнюю. Верхняя половина представляет собой изображение трехсводчатого помещения, нижняя — четырехсводчатого; внутри каждого из них стоят обнимающиеся пары. Две женщины в верхнем ряду изображены с коронами поверх головного покрывала — жены Дмитрия Донского и Владимира Андреевича. (Рис. 4).

Как и в предыдущем случае, миниатюра на этот сюжет есть во всех списках, кроме *М*. В различных списках миниатюры значительно отличаются друг от друга. В *Р*₂ посредине миниатюры изображены прощающиеся с женами Дмитрий и Владимир, а за ними с обеих сторон в глубину масса голов прощающихся с женами воинов. В *Б* на переднем плане изображены прощающиеся Дмитрий и Владимир, рядом с ними еще две пары, а сзади масса голов остальных прощающихся. В северной группе композиционно и по характеру изображения рисунок ближе всего к списку *Б* архаической группы. (Ш, № 19, табл. XVI; Д, № 10).

20. Середина л. 17 об. «Князь великий Дмитрей всед на конь и вси его воеводы вседоша на кони, а солнце ясно сияет». Изображен конный отряд, движущийся слева направо. Впереди, немного отделившись от остальных, Дмитрий, за Дмитрием все остальные воины; над головами воинов копыя, бердыш, однохоботное и двуххоботное знамена, трубы. Только Дмитрий в шапке, все остальные в остроконечных шлемах. В первом ряду за Дмитрием, в середине группы, по-видимому, Владимир, но он, как и остальные, в воинском шлеме. В правом углу сверху лик солнца, из рта которого нисходят лучи навстречу русским воинам.

Миниатюра на этот сюжет, как и в предыдущих случаях, есть во всех списках, кроме *М*. Композиционная близость характерна для миниатюр всех списков, сходен и общий характер изображенной картины, но есть и целый ряд различий. Всюду, кроме *А*, впереди Дмитрий и Владимир, изображенные сходно друг с другом и отлично от всех остальных персонажей. В *Р*₂ солнце не изображено, в *Б* и в списках северной группы оно изображено сзади войска, в левом верхнем углу. Кроме того, имеется ряд существенных и многочисленных отличий в деталях. (Ш, № 20, табл. XVII, Д, № 11).

21. Нижняя половина л. 18. «Великая княгиня Овдотия с снохою своею сядше в теремце златоверхом под стекляным окном, вьслед глядяше великого князя». В середине хором (они изображены как многоэтажные, с многочисленными башенками) над большим арочным крыльцом окно, в нем по пояс видны две маленькие женские фигуры в таких же коронах, как на 19-й миниатюре.

Так же как и в предыдущих случаях, миниатюра на такой же сюжет есть во всех остальных, кроме *М*, списках. Во всех списках миниатюры сильно отличаются друг от друга, но северная группа по характеру рисунка ближе здесь к *А*, чем архаическая. В архаической группе княгини

изображены сидящими над крыльцом, на «снях» в виде открытого балкона, а внизу и сбоку от них нарисовано русское войско во главе с Дмитрием. В северной группе, как и в *Л*, изображены только княгини, но они смотрят в разные окна и вместе с ними показано еще несколько женщин. (Ш, № 21, табл. XVII; Д, № 12, рис. 1).

22. Нижняя половина л. 19. «Князь Володимер Андреевич Москву реку возитя на Красном перевозе на Брашеве». Эта миниатюра воспроизведена у Е. Ф. Хилл. На зеркале воды, обрамленном со всех сторон горками, большая, во всю ширину водной глади ладья. В центре Владимир в круглой шапке, рядом с ним несколько человек в конусообразных шапках (воеводы?); за этим рядом виднеются острокопечные воинские шлемы, над которыми возвышаются копыя, два двухоботных знамени, бердыш и крюк. На корме в шапке, с веслами в обеих руках кормщик.

В остальных списках (кроме *М*) этой миниатюре соответствует миниатюра, изображающая переправу через Москву-реку Дмитрия, Владимира и всего войска. Там на всех миниатюрах изображены несколько лодок и оба князя (Ш, № 22, табл. XIX; Д, № 13). По существу лишь в *Л* миниатюра полностью соответствует контексту произведения, где говорится о переправе через Москву-реку только Владимира: «И стук стучит, а гром гремит по ранней зоре: князь Володимер Андреевич Москву реку возитя на Красном перевозе, на Брашеве» (список *Л*, л. 19). И это естественно и закономерно: при сообщении о выходе войск из Москвы говорится, что Владимир и Дмитрий пошли к Коломне разными дорогами: «сего бо ради различися з братом своим, яко не вместитися дорогами» (*Л*, л. 17 об.—18).

23. Нижняя половина л. 19 об. «Епископ коломенский сrete великого князя в градных вратех з живоносными кресты». На фоне городской стены справа коломенский епископ со свитой. Под мышкой левой руки он держит книгу, а в правой руке крест, которым благословляет великого князя. За великим князем группа людей. Все без шапок. Владимира нет. (Рис. 5).

Кроме списка *М*, миниатюра на этот сюжет имеется в остальных списках. Композиционно и некоторыми отдельными чертами эти миниатюры близки во всех списках (расположение групп людей, крест в руке епископа, позы), но везде, кроме *Л*, изображены и Дмитрий и Владимир (Ш, № 23, табл. XX; Д, № 14). В тексте о приходе Дмитрия в Коломну говорится без упоминания Владимира, что логически продолжает сообщение о движении войск из Москвы в Коломну разными путями.

24. Середина л. 20. «Князь великий повеле воеводам на коломенские поля выехати, и повеле в трубы гласити, и органници биюще, и стязи мнози ревут». Миниатюра делится на две части — верхнюю и нижнюю. В верхней части изображены воеводы. Все они верхом на конях, движутся слева направо, одни из них с бородами, другие безбородые. Только передний всадник с воинским оружием — правой рукой держит на плече меч. Каждый всадник тщательно вырисован, все они в шапках. В нижней половине изображены две группы людей, стоящих друг за другом. В первой группе три человека трубят в трубы, во второй два человека бьют в барабаны. Так же как и всадники, они обращены лицами направо. (Рис. 6).

Миниатюры на этот сюжет есть в списках ρ_2 , I_v и ρ_1 . И композиционно, и по содержанию они отличаются друг от друга и от *Л*. Но все же может быть отмечено какое-то сходство между миниатюрами *Л* и северной группы: там так же изображение делится на две половины, верхнюю и нижнюю; в верхней половине на конях Дмитрий и Владимир, в нижней две группы воинов, трубящих в трубы. В архаической группе изображено

войско с трубачами и барабанщиком на переднем плане. (Ш, № 24, табл. XXI; Д, № 15).

25. Верхняя половина л. 21. «Князь великий Дмитрий Иванович воится Оку реку со всеми силами своими». Как и в предыдущем случае, миниатюра делится на две части — верхнюю и нижнюю, которые по содержанию повторяют друг друга. В каждой из половин нарисовано по две ладьи, плывущих друг за другом слева направо. В ладьях воины и князья, на корме каждой ладьи кормщик с веслом; воины в шлемах, князья и воеводы в шапках. Над головами находящихся в ладьях людей копьа, бердыши, крюки, однохоботные и двуххоботные знамена, трубы. (Рис. 7).

Соответствующая миниатюра есть во всех остальных списках, кроме М. В архаической группе одна ладья, занимающая площадь всей миниатюры; в ней изображены оба князя. В северной группе, как и в Л, миниатюра делится на две половины, в верхней 4 ладьи, в нижней 3. Хотя характер изображения и детали во всех миниатюрах резко различаются, нетрудно видеть большую близость миниатюр Л и северной группы. (Ш, № 26, табл. XXII; Д, № 16, рис. 2).

26. Нижняя половина л. 21 об. «Князь великий Дмитрий Иванович поиде по Р[язанской]²¹ земли со всеми силами своими». Группа движущихся слева направо всадников. Впереди великий князь, за ним воины в доспехах и шлемах; великий князь в шапке. Над воинами копьа, бердыш, трубы, однохоботные и двуххоботные знамена. Последний воин держит правой рукой на плече меч.

Соответствующей этой миниатюре в остальных списках нет.

27. Верхняя половина л. 22. «Олгирд же, собра много литвы и варяг и жемоти, поиде на помощь ко царю Мамаю». Композиционно и по общему характеру изображения эта миниатюра полностью повторяет предыдущую, различия лишь в деталях. Ольгерд в шапке с султаном, без бороды (по существу только этим он и отличается от изображения Дмитрия). Заметим, что на 3-й миниатюре Ольгерд изображен с бородой. Здесь же он нарисован безбородым, по-видимому, для того, чтобы резче отличаться от Дмитрия.

Соответствующая миниатюра имеется только в списке Ув северной группы. По характеру изображения и композиции она сходна с миниатюрой Л. (Ш, № 28).

28. Верхняя половина л. 23. «Князь Андрей полотуцкий посылает грамоту брату своему, князю Дмитрию брянскому». На фоне строений справа на троне Андрей; в левой руке у него посох, правой он передает грамоту стоящему перед ним послу.левой рукой посол принимает грамоту, в правой держит шапку. Андрей с бородой, посол безбородый. За послом стоит группа людей, все без шапок.

Соответствующая миниатюра имеется только в списке Ув, где изображены Андрей и один посол, причем Андрей безбородый. (Ш, № 29).

29. Нижняя половина л. 23 об. «Приидоша вестники ко князю Дмитрию брянскому от князя Андрея полоцкого з грамотами». Композиционно и по общему характеру эта миниатюра полностью соответствует предыдущей. Различия в деталях: иные строения, другие одежды; Дмитрий здесь безбородый.

Соответствующая миниатюра имеется только в списке Ув. Миниатюра в свою очередь повторяет предыдущую миниатюру этого списка, отличаясь от нее в отдельных деталях. (Ш, № 30).

²¹ Здесь и далее в квадратных скобках даются слова и части слов, отсутствующие в рукописи из-за дефектов. Если текст восстановить невозможно, ставится многоточие.

30. Середина л. 24 об. «Приидоша к великому князю Ольгирдовичи, князь Андрей полотцкии, князь Дмитрий брянский». Справа друг за другом стоят Дмитрий и Владимир в шапках. Слева, также в шапках, Ольгердовичи. Дмитрий Донской и Андрей Ольгердович протягивают друг к другу руки. За Ольгердовичами воины в шлемах. Они также стоят, но из-за них видны крупы оседланных лошадей.

Кроме *М*, соответствующая миниатюра есть во всех остальных списках. От *Л* она отличается и композиционно, и по характеру изображения как в архаической, так и в северной группе: там все движется навстречу друг другу на конях; слева впереди русского войска стоят Дмитрий и Владимир, справа впереди своих воинов — Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. (Ш, № 32, табл. XXVI; Д, № 17).

31. Нижняя половина л. 25. «[При]идоша вестник от великого князя ко преосвященному [митропо]литу Киприану, яко Ольгирдовичи приидоша на помощь». На фоне строений справа сидит Киприан. Слева перед ним два человека, передний передает Киприану грамоту. И вестник и стоящий рядом с ним человек безбородые, без шапок.

Соответствующая миниатюра есть в списках *Ув* и *Р₁*, но она отличается от миниатюры *Л* композиционно (Киприан там слева, а посол справа), в деталях и аксессуарах изображения. (Ш, № 33, табл. XXVII).

32. Нижняя половина л. 25 об. «Приведоша к великому князю язык нарочитыи от велмож царевых». Справа на фоне шатра изображен Дмитрий, сидящий на троне. Поза и все аксессуары изображения князя (шапка, посох) те же, что и на других миниатюрах, где Дмитрий изображен сидящим (см. №№ 5, 8, 10—12). Слева перед великим князем стоят два татарина со связанными назад руками, за татарами — приведшие их к Дмитрию люди. Все они без головных уборов, не в воинском одеянии; татары изображены с усами, без бород, меньше ростом, чем сопровождающие их люди.

Во всех остальных списках, кроме *М*, имеется соответствующая миниатюра. От *Л* она отличается и композиционно, и по содержанию, не говоря уже о деталях, но вместе с тем есть и что-то общее. И в архаической, и в северной группе Дмитрий изображен слева вместе с Владимиром, в архаической группе со свитой, в северной с Ольгердовичами. В архаической группе один татарин, которого приводят к князю двое людей, в северной — два татарина со связанными руками, но приводит их к князьям один воин. (Ш, № 35, табл. XXIX; Д, № 18).

33. Верхняя половина л. 26 об. «Князь великии Дмитрий Иванович Дон реку возится со всем войском своим». При целом ряде различий в деталях эта миниатюра композиционно и по общему характеру повторяет 25-ю (переправа войск через Оку).

Соответствующая миниатюра имеется во всех остальных списках, кроме *Б*. Отличия миниатюры *Л* от остальных списков и совпадения с ними такого же характера, как и в 25-й миниатюре (см. выше, стр. 167; Ш, № 37, табл. XXXI; Д, № 19).

34. Верхняя половина л. 27. «Волцы приидоша на поле том, срышущися и грозно выюще, слышаша велико побоища». В два ряда сверху вниз друг против друга изображены 8 волков (по 4 в каждом ряду), у них раскрытые пасти и высунутые языки. Изображение с обратной перспективой; ближние (нижние) волки нарисованы меньшими, чем во втором (верхнем) ряду.

Соответствующая миниатюра имеется во всех остальных списках, кроме *Б*. При различиях в деталях и аксессуарах изображения (и в архаической, и в северной группе дан фон — горки и деревья) совпадают и ком-

позиция, и характер рисунка: волки стоят друг против друга с открытой пастью и высунутым языком. (Ш, № 38, табл. XXXII; Д, № 20).

35. Верхняя половина л. 27 об. «Ворони же и орли слеташася ту и немолкоша клячуще, чая грозного побоища». Изображены птицы разной величины.

Как и в двух предыдущих случаях, соответствующая миниатюра имеется во всех остальных списках, кроме списка *Б*. И в архаической, и в северной группе летающие птицы изображены на фоне деревьев. (Ш, № 39, табл. XXXIII; Д, № 21).

36. Середина л. 28 (вернее сказать, нижняя половина листа, но после миниатюры читается одна строка текста). «Прибеже Мелик с дружиною своею, по них же гониша татарове, но и полки видеша». Слева направо две группы всадников — одна гонится за другой. В передней (правой) группе русские воины без шлемов, в задней татары в шлемах, у переднего татарина протянут вслед убегающим русским крюк.

Соответствующая миниатюра есть во всех остальных списках. И в архаической, и в северной группе также изображена погоня одного отряда за другим; в архаической группе первый татарин таким же оружием, как и в *Л*, пытается зацепить Мелика. Но в обеих группах показано движение справа налево; кроме того, имеются многочисленные различия в деталях изображения. (Ш, № 40, табл. XXXIV; Д, № 22).

37. Верхняя половина л. 29. «Дмитрей Боброков урядиша полцы великого князя, и поставиша полцы по достоянию, где кому подобает быти». Миниатюра разделена на 4 отдельных рисунка. В каждом из них группа воинов на конях, в воинских доспехах, в шлемах; над воинами возвышаются копья, бердыши, мечи, трубы. Во всех группах движение слева направо. Над каждой группой по два однохоботных знамени, одно впереди, второе сзади. Переднее знамя держит за древко средний воин в первом ряду.

В списках *Р*₂ и *Б* архаической группы соответствующей миниатюры нет. В северной группе этой миниатюре *Л* соответствуют две миниатюры, изображающие два противостоящих друг другу воинских отряда. С. К. Шамбинаго охарактеризовал эти миниатюры как «изображение стоящих друг против друга войск русского и татарского», но по контексту это — «уряжение» полков Волицом. (Ш, №№ 41—42, табл. XXXV и XXXVI).²²

38. Середина л. 29 об. (большая часть листа, снизу под миниатюрой лишь одна строка текста). «Князь великий Дмитрий з братом своим и с литовскими князьми вшед на гору высоко и смотря на войско свое и видеша на знамениех их воображен Спасов образ». Эта миниатюра воспроизведена в статье Е. Ф. Хилл.²³ Слева сверху на горе стоят в один ряд Дмитрий Донской, Владимир, Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. Дмитрий и Владимир впереди, они с бородами; Ольгердовичи стоят за ними, здесь оба они изображены безбородыми (ср. миниатюру 28). Справа от них под горой конные воины. Над войском возвышаются копья, бердыш, крюк, трубы, два знамени — двуххоботное с изображением Спаса, однохоботное с изображением креста. На остриях шлемов некоторых воинов еловцы (маленькие флажки).

²² С. К. Шамбинаго писал, что художником в *М* «не понята и следующая миниатюра, изображающая татарское войско: на татарских флагах поставлены кресты» (С. К. Шамбинаго, стр. 80). В данном случае *М* лишь подтверждает, что С. К. Шамбинаго неверно определил содержание миниатюры: обе они изображают русское войско.

²³ С издания Е. Ф. Хилл миниатюра эта была переснята (без указания источника) на фронтиспис книги: Повести о Куликовской битве. М., 1959 (серия «Литературные памятники»).

Кроме списка *М*, сходная миниатюра есть во всех остальных списках. Композиционно и по общему характеру миниатюры совпадают: слева вверху, на горе, князь, справа внизу войско. Но имеется целый ряд различий в деталях. В архаической группе и с списке *Ув* северной группы нарисованы князь со свитой, в *Р*₁ — только Дмитрий и Владимир. (Ш, № 43, табл. XXXVII; Д, № 23, рис. 3).

39. Нижняя половина л. 30. «Князь великий сшед с коня и паде на траве зелене прямо великому полку и молясь образу господа Иуса Христа».²⁴ Слева стоит на земле на коленях Дмитрий, простирая руки вперед и вверх. Сзади Дмитрия конь с пустым седлом, за конем человек в шапке держит коня за узду. Справа в движении навстречу к Дмитрию русские воины на конях, в воинских доспехах и шлемах. Над ними то же оружие, что и на предыдущей миниатюре, и те же два знамени, впереди с образом Спаса.

Кроме списка *М*, сходная миниатюра есть в остальных списках. Там эта миниатюра в какой-то степени повторяет предыдущую: с Дмитрием изображены те же персонажи, движение войска такое же, слева направо. В архаической группе Дмитрий, как и в *Л*, изображен не на горе, а на земле; в северной он остается на горе, над войском. (Ш, № 44, табл. XXXVIII; Д, № 24).

40. Нижняя половина л. 30 об. «Князь великий всед на конь свои и нача по полком ездити со князьми и с воеводами, и рече им своими усты». В центре Дмитрий верхом на коне, движется слева направо. Слева и справа от него две группы конных воинов. Левая движется вслед за Дмитрием, воины в шлемах и воинских доспехах, над ними копья и однохоботное знамя. Правая группа (она изображена немного глубже) движется навстречу Дмитрию, над ней двуххоботное знамя; кроме копий, изображены также крюки.

Соответствия этой миниатюре в других списках нет.

41. Верхняя половина л. 31 об. «Князь великий Дмитрей отпусти брата своего, князя Владимира, вверх по Дону в дуброву, повеле утай ехати». Группа воинов, изображенных с обычными аксессуарами. Впереди на коне Владимир. Движение слева направо. Справа изображено дерево.

Миниатюра на этот же сюжет есть в списках северной группы *Ув* и *Р*₁. При отличии в деталях и в характере изображения миниатюры в этих списках совпадают с *Л* композиционно и по содержанию. (Ш, № 45, табл. XXXIX).

42. Середина л. 32. «Князь великий Дмитрей Ивановичъ поехалше с Вольнцем на поле Куликове и ста посреди полков». Посредине миниатюры на конях в движении слева направо Дмитрий и Вольнец. Дмитрий на переднем плане, к нему обращается Вольнец. Слева нарисовано дерево.

Миниатюра на этот же сюжет есть в списках северной группы *Ув* и *Р*₁. Там Дмитрий и Вольнец в таком же движении и в таких же позах, как и в *Л*, но сзади за деревьями изображено русское войско. (Ш, № 46, табл. XL).

43. Верхняя половина л. 33. Подписи к рисунку нет (низ листа подклеен). Миниатюра представляет собой изображение «испытания примет» Дмитрием Вольнцом. Посредине миниатюры на коне Дмитрий Донской, рядом с конем (против морды коня) стоит человек с бородой, в шапке, обращаящийся к Дмитрию. Это скорее всего Вольнец, изображенный здесь же во втором положении: внизу, под описанным изображением, стоит оседланный конь без седока, рядом с ним лежит на земле, прижав-

²⁴ В рукописи описка, вместо «зелене» читается «зелеле».

шись к ней ухом, Волынец. Как и в миниатюре 34-й, передний план мельче заднего.

Миниатюра на этот сюжет есть во всех остальных списках. И в архаической, и в северной группе Дмитрий изображен вместе с войском. В архаической группе рядом с Дмитрием нарисован Владимир. Имеются различия и в ряде других деталей. Но вместе с тем всюду есть общие черты. Дмитрий везде сидит на коне. На всех миниатюрах внизу Волынец слушает землю, прикинув к ней, и везде он изображен еще раз против Дмитрия (нет только в списке *Б*), либо стоящим (в *P*₂), либо сидящим на коне (в северной группе). (Ш, № 49, табл. XLII; Д, № 25).

44. Верхняя половина л. 34. «Фома разбойник поставлен бысть стражем на реце на Чуру, явися ему в нощи во облаче два юноши, секуще поганых, и не един от них не избысть». В центре миниатюры всадник на коне,двигающийся слева направо; правой рукой он держит меч на плече, в левой руке щит (виден из-за фигуры воина край щита); сзади воина развевается его плащ (сам он в воинских доспехах). Над воином на облаках слева два юноши в шапках и с нимбами держат в правых руках поднятые во взмахе вверх мечи. Справа отряд конных воинов, устремляющихся в бегство.

Соответствия этой миниатюре в остальных списках нет.

45. Верхняя половина л. 35. «От обоих стран начаша полки сниматися и в трубы трубити». Посредине миниатюры дерево. Слева и справа от него лицом друг к другу стоят два конных воинских отряда. Над войском обычные воинские аксессуары; в передних рядах с той и другой стороны направленные в стороны неприятеля трубы. Различия в изображении воинов заключаются в том, что одна группа (левая) изображена более крупно, другая (правая) — мельче.

Соответствующая миниатюра есть только в списке *P*₁ северной группы. Точнее, это две миниатюры на двух листах в разворот — одна против другой. Композиция и общий характер такие же, как и в *Л*: направляющиеся навстречу друг другу войска, в передних рядах которых с той и другой стороны направленные в сторону неприятеля трубы. В *P*₁ впереди левой группы на коне великий князь. (Ш, №№ 51, 52, табл. XLIV и XLV).

46. Верхняя половина л. 36. «Придоша книги к великому князю от преподобнаго игумена Сергия Радонежскаго». Слева группа из трех человек; все они без шапок; передний, с бородой, левой рукой протягивает грамоту, свернутую в трубку. Эту грамоту правой рукой принимает Дмитрий, стоящий во главе правой группы. За ним Владимир, а за Владимиром большая группа людей, бородатых и безбородых. Дмитрий и Владимир в шапках, все остальные без головных уборов и не в воинских доспехах. Над головами возвышаются обычные воинские аксессуары, в том числе стяги и трубы.

На этот же сюжет есть миниатюра только в списке *P*₁ северной группы, но там изображение совершенно иное: посланец Сергия благословляет Дмитрия крестом, рядом с ними изображено войско. (Ш, № 53, табл. XLVI).

47. Середина л. 36 об. «Князь великии взем копие свое, восхоте сам прежде почати от горести душа своя». В середине миниатюры Дмитрий на коне в движении слева направо; он в шапке, но в воинских доспехах. Правая рука его поднята во взмахе вверх и назад, за локоть его удерживает воин; рядом с этим воином еще большая группа воинов. Навстречу Дмитрию движется справа налево другая группа воинов. Передний из них держит в правой руке поднятый вверх меч. (Рис. 8).

Миниатюра на этот же сюжет есть во всех остальных списках. Но там она состоит фактически из двух миниатюр, помещенных на двух листах в разворот. На них изображены движущиеся навстречу друг другу войска. На левой миниатюре впереди своего войска Дмитрий в воинских доспехах; в списке *Б* архаической группы и в списках северной группы он изображен с копьем. (Ш, №№ 54, 55, табл. XLVII и XLVIII; Д, №№ 26, 27).

48. Середина л. 37 об. Миниатюра без подписи. Изображены две группы воинов, едущих на конях справа и слева навстречу друг другу. Видны обычные воинские аксессуары. Воины левой группы изображены с мечами.

Этой миниатюре *Л* соответствуют в остальных списках две миниатюры, охарактеризованные в описании 47-й миниатюры *Л*.

49. Верхняя половина л. 38 об. «Сразившимся Пересвету с печенгом». Два скачущих навстречу друг другу всадника, поражающих один другого копьями.

Соответствующая миниатюра есть во всех списках. Композиционно и по общему характеру во всех списках миниатюры сходны: два всадника, поражающие одновременно друг друга. Но в деталях имеются сильные различия. На всех миниатюрах, кроме *Л*, татарин изображен подчеркнуто крупнее, чем Пересвет, один из поединщиков изображается с копьем, а другой с мечом или саблей. (Ш, № 56, табл. XLIX; Д, № 28).

50. Середина л. 39 (сверху над миниатюрой только одна строка текста). «Ступившемся двема полком, великому князю с безбожными агаряны, и крепко биющися». Миниатюра композиционно и по характеру повторяет 48-ю, но здесь динамичнее показано движение; головы встречных коней закрывают друг друга, на земле валяются отрубленные руки и головы, мечи подняты вверх, воинов значительно больше, чем на миниатюре 48, навстречу друг другу направлены копья.

Соответствующая миниатюра есть во всех остальных списках, кроме *Б*. Композиционно и по общему характеру миниатюры совпадают во всех списках: два наступающих друг на друга войска, валяющиеся на земле убитые, направленные друг против друга копья. Существенные различия в деталях и исполнении. В *P₂* впереди русского войска изображен Дмитрий; в списках северной группы, как и в списках *Л*, все русские воины безбородые и все в одинаковых воинских доспехах. (Ш, № 57, табл. L; Д, № 29).

51. Нижняя половина л. 39 об. «Биющимся двема полком, великому князю с погаными, и начаша одолевати погании христиан». По существу повторение предыдущей миниатюры. Здесь лишь больше изображено убитых на земле, и если в 50-й миниатюре хоботы знамен были обращены друг к другу (всюду обычно знамя развеивается в ту сторону, в которую движется войско), то здесь у левой группы хобот знамени обращен вправо, т. е. в сторону движения этой группы, и у правой группы вправо, т. е. в обратную сторону движения этой группы.

Соответствующей данной миниатюре *Л* в остальных списках можно считать охарактеризованную выше 50-ю миниатюру: в *Л* на один сюжет две миниатюры, в остальных списках одна.

52. Весь л. 40 об. «Князя Владимира Андреевича полк стоит в лузе, крыясь при дубраве, ждет осмаго часа». Справа высокое дерево, перед ним воинская группа. Все воины безбородые, в шлемах. Сверху миниатюры над всей группой из облака выглядывают руки, держащие венцы.

Соответствующая миниатюра есть во всех остальных, кроме *М*, списках. Композиционно и по общему характеру миниатюры близки во всех

списках: за деревьями или кустами воинский конный отряд во главе с Владимиром. Только в *Л* в этой миниатюре над воинами нарисованы мученические венцы в небесах (*Ш*, № 59, табл. *LII*; *Д*, № 30). И в архаической, и в северной группе венцы изображены на следующей за этой миниатюре, над сражающимися воинами (см. описание следующей, 53-й миниатюры).

53. Весь л. 41. «Некто от полку князя Владимира поведаше великому князю явльшийся облак светел над полки русскими, держащи в руках венцы над христианскими полками». Справа Дмитрий; слева перед ним безбородый человек, без шапки, не в воинском одеянии, он обращается с речью к великому князю.

Такой миниатюры в остальных списках нет, но венцы над сражающимися воинами, как уже отмечено выше, изображены на специальной миниатюре, находящейся на том же месте, где в *Л* 53-я миниатюра. (*Ш*, № 60, табл. *LIII*; *Д*, № 31).

57.²⁵ Верхняя половина л. 44. «Княж Владимиров полк стоит и ожидает осмаго часа, дондеже время придет». Такого же характера группа воинов, как и на миниатюре 52-й, но изображения дерева здесь нет.

Соответствующей миниатюры в остальных списках нет.

58. Нижняя половина л. 44 об. «Выеха полк княж Владимиров и удариша на поганых, аки соколи на журавлиное стадо». Все в движении слева направо. Большой воинский конный отряд с левой стороны преследует небольшую группу воинов, нарисованную справа, под самым обрезом миниатюры. Правая группа тоже скачет вправо, оборачивая головы назад, в сторону своих преследователей.

Соответствующая этой миниатюре есть в списках северной группы *Ув* и *Р₁*, но там это обычное изображение устремляющихся навстречу друг другу противников. (*Ш*, № 62, табл. *LV*).

59. Верхняя половина л. 45 об. «Христиане секут поганых без милости и ни един от них могии бежати». Миниатюра композиционно и по общему характеру повторяет предыдущую. Но здесь большая численность воинских сил с той и другой стороны. В предыдущей миниатюре показано, что татары сопротивляются — поднят вверх меч; здесь же все оружие обращено в ту сторону, в которую бегут избиваемые татары.

Соответствующая миниатюра есть в списках *Ув* и *Р₁* северной группы. Композиционно и по общему характеру изображение сходно с миниатюрой *Л*: русские преследуют убегающих татар; как и в *Л*, первый воин в рядах русских замахнулся саблей. Существенные различия есть в деталях и исполнении. (*Ш*, № 64, табл. *LVI*).

56. Верхняя половина л. 43. «Князь великий ста ... бысть после побоищ...». Обращение князя к русским воинам после битвы. Справа на троне сидит Дмитрий, он платком утирает слезы. Слева перед ним группа людей без шапок, не в воинских одеяниях. Передний (он с бородой, стоящий за ним также с бородой, остальные безбородые) склонился к Дмитрию и что-то ему говорит.

Соответствующей миниатюры в остальных списках нет.

60. Верхняя половина л. 46. «... кии стоя своими вои восемь дней на христиан... стми мертвых». «Стояние на костях» и похороны убитых воинов. Слева в углу миниатюры группа людей во главе с Дмитрием, за которым сразу стоит Владимир. Все в шапках и в пышных одеяниях. Над группой видны копьё и знамена. Под ногами стоящих изображены

²⁵ Номера миниатюр даны согласно их фактическому местонахождению в рукописи; мы же приводим их в той последовательности, в которой они должны идти на самом деле.

лежащие тела. Справа горка, на горке стоят оседланные, но без всадников кони, под горкой в яме тела убитых. Дмитрий смотрит вниз на лежащих в яме, простирая к ним руки.

В списках северной группы есть несколько миниатюр, изображающих объезд великим князем поля битвы. Непосредственно по содержанию с данной миниатюрой *Л* связана миниатюра *Ув* (№ 78), в двух других списках (*Р₁* и *М*) миниатюры на этот сюжет нет (см. также *Ш*, №№ 73, 74, 76, 77, табл. LXV, LXVI, LXVIII, LXIX).

61. Верхняя половина л. 46 об. «[Ца]рь Мама[й]... прибеже в Кафу и познан бысть купцами... язове». Бегство Мамаия в Кафу и убийство его там фрягами. На заднем плане городская стена. Справа башня с воротами, сверху над воротами проемы, из которых смотрят люди. Слева наверху, наполовину выше городской стены, вровень с куполом башни, стоит бородатый человек в шапке, просительно протягивая руки вперед в сторону башни. Ниже он же (это Мамай) лежит сверху груды убитых воинов в доспехах и шлемах. Над этой грудой убитых людей видна (между башней и городской стеной) группа людей без шапок, передние из которых длинными палками ударяют лежащих в их ногах воинов.

На этот же сюжет есть миниатюра в списках северной группы *Ув* и *Р₁*. Но там ее содержание совершенно иное: на фоне городской стены и городских ворот лежит Мамай, которого убивают два человека. (*Ш*, № 82, табл. LXXI).

62. Верхняя половина л. 47. «...до реки Северки». Выезд войск великого князя из Коломны в Москву. Слева часть городской стены с воротами, над которой нарисованы отдельные мелкие строения. От городских ворот слева направо едет группа всадников, впереди Дмитрий Донской с мечом в правой руке, за ним Ольгердовичи (они в остроконечных шапках), за Ольгердовичами Владимир и далее масса воинов. Андрей Ольгердович здесь изображен с бородой, Дмитрий Ольгердович — безбородым.

Сходная миниатюра есть в списках *Ув* и *Р₁*: группа всадников, едущих слева направо, впереди Дмитрий с Владимиром, за ними Ольгердовичи и далее войско. (*Ш*, № 83, табл. LXXII).

63. Середина л. 47 об. (сверху над миниатюрой лишь одна строка текста). «...ша к великой княгини... елики...». Прибытие к великой княгине и митрополиту Киприану вестей о победе Дмитрия на Куликовом поле. Слева внутри терема на троне сидит великая княгиня в короне, за ней стоит женщина. Справа перед княгиней (в середине миниатюры) посол. Правой рукой он передает великой княгине грамоту, в левой держит шапку. В правой части миниатюры внутри другого строения сидит митрополит. Он благословляет стоящего перед ним слева человека, держащего в правой руке шапку. (Рис. 9).

Соответствия этой миниатюре *Л* в других списках нет.

54. Середина л. 42. «Преосвященный митрополит сре[те]... и кропи святою водою». Встреча великого князя митрополитом Киприаном в Андрониевом монастыре. Слева большая группа стоящих людей без шапок, впереди великий князь. Из-за людей видны крупы лошадей, над головами возвышаются копыя, бердыш, крюк, знамя. Справа на фоне строения митрополит со свитой. Он благословляет крестом великого князя.

Соответствия этой миниатюре *Л* в других списках нет.

55. Нижняя половина л. 42 об. «...и монастырь и моляшесь». Молитва князя в Андрониевом монастыре. На фоне монастыря, изображенного в виде высокого однокупольного храма с образом Спаса на стене

(над дверьми в храм), слева великий князь со свитой, справа Киприан и еще один человек в такой же, как Киприан, ризе. Великий князь молитвенно обращается к образу Спаса, Киприан кропит Дмитрия святой водой.

Соответствия этой миниатюре Л в других списках нет.

64. Середина л. 48 (над миниатюрой сверху только одна строка текста). «Преподобныи отец Сергий срете великого князя близь монастыря». Слева группа людей во главе с великим князем, как и на миниатюре 54, но без воинских аксессуаров. Справа на фоне монастырской стены, за которой виднеются церкви, Сергий с иноками монастыря. Сергий без шапки, с нимбом вокруг головы. Он благословляет князя Дмитрия крестом. (Рис. 10).

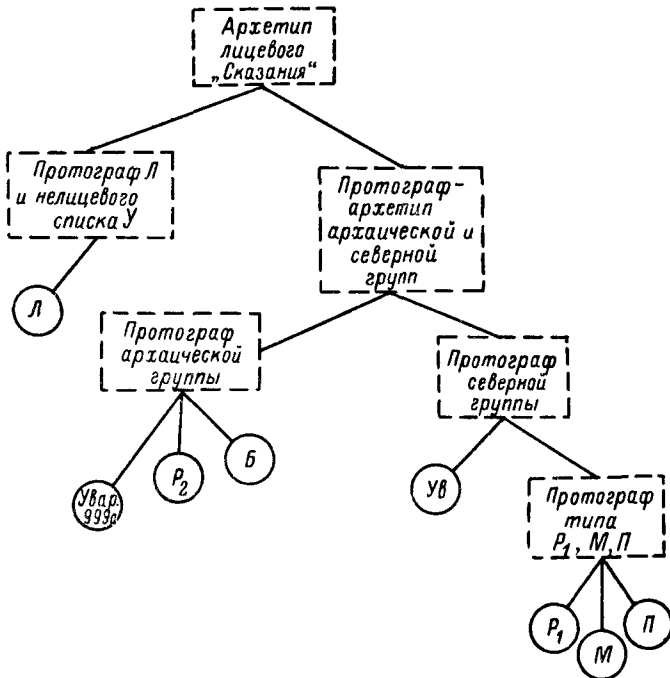
Соответствия этой миниатюре Л в других списках нет.

* * *

В статье 1966 г. я высказывал предположение о большей близости миниатюр Л к миниатюрам списков архаической группы. О большей связи списка Л со списками архаической группы свидетельствуют текстологические данные, о чем говорилось выше. Однако полное сопоставление миниатюр списка Л с миниатюрами других лицевых списков приводит к заключению о более сложном характере взаимоотношения миниатюр в этих списках «Сказания». Есть случаи, когда мы можем отметить бóльшую близость миниатюр Л к миниатюрам архаической группы (16, 17, 36, 39), но не меньше примеров и таких, когда они ближе к миниатюрам северной группы, чем к архаической (15, 21, 24, 25, 50). Вместе с тем может быть отмечено несколько случаев, когда миниатюры и архаической и северной группы, совпадая между собой, значительно, по существу отличаются от параллельных миниатюр Л (12, 22, 23, 30, 52 и 53). Особенно показательны в этом отношении миниатюры 22 и 23. Как уже было отмечено в описании, в Л эти миниатюры, где в одном случае изображен только Владимир, а в другом только Дмитрий, точно следуют тексту произведения. В остальных же списках, как архаической, так и северной группы, соответствующие миниатюры вопреки содержанию иллюстрируемого текста изображают, механически следуя за предшествующими миниатюрами, обоих князей.

Итак, можно утверждать, что между общим источником миниатюр всех рассматриваемых списков и протографами архаической и северной групп лицевых текстов «Сказания» находился такой список, в котором имелись изменения в миниатюрах по сравнению с этим общим источником. Изменения эти нашли отражение и в архаической, и в северной группе, но не попали в список Л. Таким образом, на основании анализа особенностей миниатюр известных нам списков «Сказания» мы убеждаемся в том, что список Л наиболее близок из всех известных списков к первоначальному списку лицевого «Сказания». Этим объясняется и бóльшая близость миниатюр Л в ряде случаев то к архаической, то к северной группе: в общем архетипе этих групп лицевого «Сказания» было больше совпадений с текстом источника, и в одних случаях архаическая, а в других северная донесли эти первоначальные черты лицевого «Сказания». Эта особенность взаимоотношения Л с остальными лицевыми списками «Сказания» говорит о более точном и полном отражении в Л первоначального вида миниатюр. Взаимоотношение лицевых списков «Сказания» на основе полного анализа миниатюр списка Л может быть представлено схематически, в виде стеммы (см. стр. 176).

В целом эта стемма совпадает с приводившейся мною в статье 1966 г.,²⁶ но здесь иначе выглядит отношение списка Л к архетипу, первоначальному списку лицевого «Сказания». Л является копией списка, очень близкого к первоначальному, авторскому тексту лицевого «Сказания». Мы не можем возводить Л непосредственно к первоначальному виду лицевого «Сказания»: текст Л восходит к единому источнику со списком У, а в этом источнике имелись пропуски и ошибки. Считать, что эти пропуски и ошибки были уже в первоначальном виде лицевого «Сказания», нельзя: в ряде случаев эти места верно читаются в списках Р₂ и Б, которые через ряд промежуточных текстов также восходят к этому архетипу лицевого «Сказания».

Список Л датируется XVII в., список У — XVI в.; следовательно, первоначальный список лицевого «Сказания», лежащий в основе рассмотренных выше лицевых списков XVII—XVIII вв., возник во всяком случае не позже XVI столетия. При обсуждении сообщения Е. Ф. Хилл на IV Международном съезде славистов Д. С. Лихачев отметил, что детали миниатюр Л очень архаичны, отражают черты, характерные для XV столетия.²⁷ О. И. Подобедова на этом же обсуждении заметила, что миниатюры Л «обнаруживают сходство с произведениями древнерусской живописи XVI в., а быть может, и конца XV в.»²⁸ Рассматривая вопрос об особенностях изучения иллюстрированных рукописей, Д. С. Лихачев, в частности, писал о миниатюрах Л, опубликованных Е. Ф. Хилл: «При рассмотрении этих миниатюр мы убеждаемся, что, превосходные по композиции, они выполнены довольно грубо. Это является одним из призна-

²⁶ См.: Л. А. Дмитриев, стр. 261.

²⁷ IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962, стр. 170.

²⁸ Там же, стр. 172.

ков того, что перед нами копии... Судя по одеждам плывущих в лодке в первой миниатюре (22-я миниатюра Л, — Л. Д.) и стоящих вверху второй миниатюры (38-я миниатюра Л, — Л. Д.), копии были сделаны с миниатюр XV в. (стоит сравнить эти миниатюры с миниатюрами Радзивилловского списка и с иконой XV в. «Молящиеся новгородцы», находящейся в Новгородском музее).²⁹ Текстологический сравнительный анализ списка Л и сопоставление всех миниатюр этого списка с миниатюрами остальных лицевых списков «Сказания» полностью подтверждают это предположение.

Из 64 миниатюр списка Л 14 встречаются только в этом списке (1, 3, 5, 8, 9, 26, 40, 44, 57, 56, 63, 54, 55, 64), остальные 50 имеют параллели в других лицевых списках «Сказания». В свою очередь в остальных лицевых списках «Сказания» есть немало миниатюр, отсутствующих в Л. Часть из них приходится на отрывки текста, утерянные в настоящее время в Л, и поэтому отсутствие их в Л — чисто механический дефект. В списках северной группы такого рода миниатюр 17 (номера по описанию С. К. Шамбинаго: 64—77, 79—81), в архаической — 2, но одна из них параллельна с миниатюрой северной группы, и следовательно, остается одна (33-я миниатюра по моему описанию). Кроме этих 18 миниатюр, о наличии или отсутствии которых в первоначальном виде списка Л мы не можем сказать ничего, есть 15 миниатюр в списках северной группы (номера по описанию С. К. Шамбинаго: 4, 7, 10, 15, 18, 25, 27, 31, 34, 36, 47, 48, 50, 58, 61), которым нет соответствия в Л, хотя сходный текст в Л читается. Нет в Л, как уже говорилось выше, миниатюры-заставки, которая встречается в обоих списках архаической группы. Таким образом, в общей сложности на сюжет «Сказания о Мамаевом побоище» в лицевых списках, восходящих к общему источнику, имеется 98 миниатюр. Возможно, некоторые из этих миниатюр принадлежат творчеству тех копистов, которые делали тот или иной лицевой список: художник мог по образцу остальных миниатюр создавать и свои собственные. Не менее вероятно, однако, что все эти миниатюры были уже в первоначальном виде лицевого «Сказания», а дошедшие до нас списки повторили не все эти миниатюры. Во всяком случае бесспорно, что первоначальный вид лицевого «Сказания» включал в себя большее число миниатюр, чем список Л в его настоящем виде, — возможно, 98 миниатюр или более того.

Единое происхождение всех лицевых списков «Сказания» бесспорно, но разница между различными списками, а тем более между различными группами как художественными произведениями очень велика. Миниатюры Л отличаются от всех остальных большей экспрессивностью, динамичностью. Изображаемые на миниатюрах события представлены в движении, и наиболее выразительно и ярко это движение, действие передано в Л. В архаической группе события предстают более статичными, условными; еще сильнее эта статичность, условность поз и жестов проявляются в миниатюрах северной группы.

И в архаической, и в северной группе Дмитрий и Владимир выступают как копии друг друга: они представляют как бы единый образ в двух лицах, повторяя одинаковые движения, позы, жесты. В Л, если можно так сказать, в изображениях Дмитрия и Владимира проявилась большая индивидуализация, и первенствующее положение Дмитрия в Л выражено достаточно заметно. Кроме 22-й и 23-й миниатюр, на которых Дмитрий и Владимир фигурируют раздельно в соответствии с контекстом произве-

²⁹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 427—428.

дения (см выше, стр. 166), в целом ряде случаев в *Л* изображается один Дмитрий, в то время как в других списках в параллельных миниатюрах рядом с Дмитрием присутствует Владимир (10, 11, 12, 20, 32, 39). В тех случаях, когда Дмитрий и Владимир выступают в *Л* вместе, первенствующее положение Дмитрия обозначено не только тем, что он, как это имеет место и в остальных списках, всегда впереди Владимира, но и большей активностью, обособленностью его позы, жестов (13, 14, 15, 30). Такой характер изображения в *Л* Дмитрия и Владимира свидетельствует и о более точном следовании миниатюриста духу и тексту произведения (там, где Дмитрий изображается один, в контексте упоминается одно его имя), и о большей архаичности миниатюр *Л*.

Д. С. Лихачев не случайно упомянул в связи с миниатюрами *Л* новгородскую икону XV в. «Молящиеся новгородцы» и Радзивиловскую летопись. С новгородской иконой миниатюры *Л*, там, где изображены стоящие группы людей в торжественных позах, объединяет и сама эта торжественность, и характер изображения одежды, и — это, пожалуй, наиболее ярко бросается в глаза — одинаково удлиненное изображение человеческих фигур (см. в *Л* миниатюры 5, 13, 14, 16, 23, 38, 46, 60, 55, 64). В этом отношении, кстати говоря, миниатюры *Л* существенно отличаются от миниатюр Радзивиловской летописи.

Провести какие-либо прямые аналогии между миниатюрами *Л* и Радзивиловской летописи мы не можем. Но целый ряд особенностей миниатюр *Л*, отличающих их от миниатюр остальных лицевых списков «Сказания», позволяет сопоставить их с миниатюрами Радзивиловской летописи.

Изображение строений в *Л*, резко отличаясь от архаической и северной группы, имеет много общего с изображением строений в Радзивиловской летописи. В *Л*, как и в последней, очень часто справа и слева нарисованы постройки в виде башен, объединенные прямыми линиями, а на фоне этих строений изображается какое-то действие. Как и в Радзивиловской летописи, рисунки строений в *Л* отличаются угловатостью форм, сухостью и прямолинейностью. 21-я миниатюра *Л* изображает сложные, многоступенчатые, поднимающиеся вверх пирамидой хоромы — «златоверхий терем», в окне которого изображены плачущие великая княгиня и жена князя Владимира. Характер изображения терема на этом рисунке близок к характеру изображения богатой, пышной постройки в рассказе Радзивиловской летописи о пожаре во Владимире под 1185 г.³⁰

Очень похожи трон, на котором сидят князь в *Л*, и княжеский стол в Радзивиловской летописи. Сходно с Радзивиловской летописью рисуются в *Л* деревья, птицы, ладьи, ритуал передачи из рук в руки грамот. Изображение на 17-й миниатюре *Л* преклонения Дмитрия и Владимира перед гробницей Петра сходно с изображением погребений в Радзивиловской летописи (сходно нарисованы гробница и позы людей, склоняющихся над гробницей). Небо в Радзивиловской летописи изображается в виде полукруга, обращенного окружностью вниз и ограниченного сверху прямой линией. Внутри этого полукруга рисуются то звезды, то солнце, то месяц. Точно так же изображено небо на 52-й миниатюре *Л*, и в сфере этого неба показаны руки, держащие мученические венцы. Общие черты прослеживаются и в характере изображения сражающихся войск (поднятые вверх мечи у воинов в первом ряду, направленные навстречу друг другу копья, развевающиеся над войском знамена), и в том, как изображается пресле-

³⁰ Радзивиловская или Кенигсбергская летопись Фотомеханическое воспроизведение рукописи Изд. ОЛДП, 1902, л. 230.

дование победителями побежденных. Все это, как и предполагает Д. С. Лихачев, связывает Л с изобразительными традициями XV столетия.

Вместе с тем и весь характер миниатюр Л, и их композиция отличаются своими оригинальными чертами. Многие детали Л не находят себе соответствий в Радзивилловской летописи. В Л изображаются и двухоботные знамена, в то время как в Радзивилловской летописи только однооботные. В Радзивилловской летописи князь на троне, как правило, изображается с мечом в руках, в Л только Ольгерд изображен на троне с мечом. Во всех остальных случаях и Дмитрий, и Олег рязанский, и Ольгердовичи изображены на троне с посохом в виде длинной тонкой трости. В Л мы встречаем оружие в виде крюка на длинном древке, соответствия которому в Радзивилловской летописи нет.

Проследить более тщательно и подробно совпадения и отличия миниатюр Л от других древнерусских миниатюр, дать подробную и исчерпывающую характеристику их как произведений древнерусского изобразительного искусства — задача искусствоведов. Миниатюры лондонского списка «Сказания о Мамаевом побоище» должны в гораздо большей степени, чем это имело место до сих пор, заинтересовать историков древнерусского искусства. В какой-то степени, может быть, этому будет способствовать настоящая статья. Для историков же литературы миниатюры Л и характер взаимоотношений их с другими лицевыми списками «Сказания» представляют интерес не только как свидетельство огромной популярности у древнерусского читателя «Сказания о Мамаевом побоище», но, что уже было отмечено Д. С. Лихачевым,³¹ и как свидетельство раннего происхождения этого памятника древнерусской литературы.

³¹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., стр. 428.

В. Г. БРЮСОВА

Тверской епископ грек Нил и его Послание князю Георгию Ивановичу

Публикуемое Послание владыки Нила князю Георгию Ивановичу находится в сборнике Центрального государственного архива древних актов, в собрании Мазурина (ф. 196), № 642.¹ Оно открывает собой тетрадь, включенную в сборник (лл. 349—371), написанную одним почерком на бумаге с филигранью в виде кувшинчика с двумя ручками и литерами «ММ». Водяного знака этого вида в справочниках нет, но ближайšie аналогии имеют дату середины XVI в.² Первый лист тетради (л. 349) загрязнен (см. вклейку); заметно, что эта часть рукописи имела самостоятельное употребление, до того как она была вплетена в сборник. В тетради содержатся, кроме послания, также несколько афонских легенд (лл. 350 об.—356) и записки разнообразного содержания: толкования на философско-богословские темы, выписки из Кормчей, поучения нравоучительного характера и т. д. В тексте имеется авторская правка.³ Некоторые слова, в особенности окончания, исправлены; создается впечатление, что рукопись принадлежала лицу, достаточно свободно владеющему русским языком, но нередко испытывающему затруднение в построении фраз, в написании окончаний слов или сомневающемуся в значении того или иного слова.⁴ Употреблены без перевода некоторые греческие слова.⁵ По-

¹ Рукопись в 4-ку, на 430 листах, состоит из нескольких тетрадей. Полуустав и скоропись разных почерков. В рукописном описании указана ошибочная дата — XVII в.; водяные знаки — кувшинчики нескольких видов, датируемые по Брикe (№№ 12738, 12765, 12766) и по Н. П. Лихачеву (Вод. зн., №№ 1455, 1456, 2972) 30—90-ми годами XVI в. Переплет — доски в тисненой коже, XVIII в., застежки старые. Сборник смешанного содержания, преимущественно из сочинений философско-богословских. В его составе: Предисловие Иоанна, экзарха болгарского, к переводу «Философии» Иоанна Дамаскина с эллинского на славянский язык; Ответы Кирилла словенского на вопрос, что есть философия; «Философия» Иоанна Дамаскина, а также статьи «О землемерии», «О белом клубуке», «Толкование св. Софии» и др.

² Дата водяного знака установлена Т. В. Диановой на основании сводной таблицы всех известных ей водяных знаков с кувшинчиком; за это выражаю ей благодарность. Сходный по форме кувшинчик с литерами «СМ» у Брикe (№ 12712) датирован 1538—1546 гг., у Лихачева (Вод. зн., № 1735) — 1547 г.

³ Так, на л. 356 после сказания об Изаграфском монастыре следовал малопонятный, неразборчиво написанный текст: «Имяшет рек Иеремия ядитеж преже и мед дивини впадающ на первый дубием образ бел». Эта фраза зачеркнута, и написано толкование: «Что есть и исцелили (так!) алтарь раскопаннии». На л. 351 вместо зачеркнутых слов «во Афонскую гору» написано «в корабль»; на л. 353 вместо «по преставлении?» написано «по прешествии же», и т. д.

⁴ На л. 349 об. над словом «попришь» сверху написано «лактей»; на л. 353 об. в слове «неповинным» исправлено окончание — на «неповинных»; на л. 355 «стедемось» исправлено на «стецахосся».

⁵ Например, Периволе (л. 353), Иересь (там же), патос (л. 354), пифара (л. 357).

черк — скоропись, четкостью напоминающий полуустав, принадлежит несомненно одному лицу, но заметно меняется на протяжении всего текста: ровный и аккуратный вначале, затем он переходит в бисерное, «мину-скульное» письмо. Нередко в тексте появляются выполненные теми же черно-бурыми чернилами заглавные буквы изысканного рисунка. Достаточно беглый почерк, однако, лишен на протяжении всей рукописи ритмичности и единообразия, характерных для профессиональных писцов; поэтому можно говорить о его индивидуальности. Тетрадь принадлежала лицу образованному, скорее всего, представителю высшего духовенства, прибывшему на Русь (возможно, с Афона), но хорошо освоившемуся с русской речью; она составлялась, по-видимому, для собственного обихода: записи содержат толкования культовых предметов или выписки, показавшиеся чем-либо любопытными, как письмо Нила. Вся тетрадь по своему содержанию представляет несомненный интерес. Было бы важно установить, кому она принадлежала. Послание Нила — неизвестный доселе, новый памятник эпистолярного жанра, всегда вызывающего интерес как исторический документ и живой отзыв прошлого.

Присутствие в заголовке трех имен, а именно епископа Нила, князя Георгия Ивановича и великого князя Василия Ивановича, указывает на автора — тверского епископа Нила (епископ в 1509—1521 гг.), адресата — князя Юрия (Георгия) Ивановича (1480—1536) и примерное время составления письма — второе десятилетие XVI в.

Несколько слов об авторе письма Ниле и князе Юрии Ивановиче, которому адресовано послание.

Епископ Нил, родом грек, прибыл в Россию в свите Софьи Палеолог. В Псковской летописи под 1473 г. записано: «Тогда царица приехала из Великого Риму... и быша у ней люди черны, а иные сини, а боярин ея был великого князя Юрьи Малой Грек, а владыка тверской Нил был того же роду».⁶ Знатная греческая фамилия Траханиотов, в родстве с которой находился Нил, состояла на службе у Ивана III. В многочисленной свите Софьи Палеолог вместе с знатными вельможами было немало художников, мастеров и вообще образованных лиц, искавших применения своим способностям в новом, быстро растущем центре восточнохристианского мира, каким становилась Москва. На родину Нил не вернулся. В 1503 г. он был поставлен игуменом Богоявленского монастыря, находившегося под особым протекторатом великих князей. Отсюда нередко ставились епископы и митрополиты, сюда же «сходили» оставившие епископию владыки.⁷ 24 августа 1509 г. Нил был поставлен епископом в Тверь⁸ и в этом сане скончался в 1521 г., прожив в России 48 лет своей жизни.

Благополучная служебная карьера Нила не была отмечена какими-либо знаменательными событиями, его имя упоминается в грамотах лишь в тех случаях, где требовалось присутствие его по чину. В описи царского архива 1575—1584 гг. отмечены «списки владыки тверского Нила, что послан был к патриарху во Царьгород»;⁹ из этого заключают, что он ез-

⁶ Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 74. См. также: А. А. Титов. Тверские епископы. Материалы для истории русской церкви. Примечания, составл. Дневным М., 1890, стр. 48 (здесь же биографическая справка о Ниле — стр. 47—48); К. Чередыев. Биографии тверских иерархов. Тверь, 1859, стр. 56—57.

⁷ Никодим. Описание Московского Богоявленского монастыря. Изд. ОИДР, М., 1877, стр. 2, 42.

⁸ ПСРА, т. XIII, М., 1965, стр. 12.

⁹ ААЭ, т. I, СПб., 1836, стр. 339.

дил в Константинополь.¹⁰ Однако более вероятно, что речь идет о грамоте Нила, которая была адресована им Василию Андреевичу Коробову, отправлявшемуся в Константинополь, и где перечислены подарки, посылаемые Нилом патриарху Пахомию. Грамота неоднократно публиковалась, и ее приводят как свидетельство огромных средств, которыми располагали владыки, а также грекофильских настроений Нила.¹¹ «Дать ся рухлядь, — пишет Нил, — государю моему и брату Пахомию патриарху». В списке прежде перечня дорогостоящих мехов (45 соболей, 740 горностаев, 2000 белок и т. п.) дан длинный перечень произведений иконописи, резьбы и других видов прикладного искусства: резанные на кости деисусы с праздниками в десть и в полдесть, «да икона бела мамонтова кость в пол-ладони, а резано 12 праздников», и тому подобные предметы, в которых Нил, по-видимому, знал толк. Эта своеобразная форма экспорта произведений искусства в Константинополь из Руси, где еще недавно дорожили «греческими» и «корсунскими» изделиями, красноречиво свидетельствует о переменах, происшедших за последнее столетие в Восточной Европе.

* * *

Послание Нила является ответом на не дошедшее до нас письмо Юрия (Георгия) Ивановича, второго сына великого князя Ивана III и Софьи Палеолог, в котором тот сообщал о гибели плотника при построении церкви в селе Покровском и, видимо, запрашивал мнение владыки, освящать ли храм и как совершать чин погребения.

Юрию Ивановичу принадлежало четыре удела: Дмитровский, Звенигородский, Кашинский и Углицкий. Кашинский уезд находился в подвластной Нилу Тверской епархии. Село Покровское, о котором идет речь, находилось (и находится) близ Кашина, по Калязинской дороге.¹² Между Нилом и князем Юрием существовали, по-видимому, установившиеся добрые отношения. Юрий Иванович славился своими благодеяниями в пользу монастырей;¹³ вызывающая изумление богатая казна тверского епископа, вероятно, в немалой степени обогащалась пожертвованиями Юрия. По наблюдению М. Н. Тихомирова, по отношению к Юрию Ивановичу в некоторых письменных источниках «употребляется совершенно такая же терминология, как и по отношению к великому князю»;¹⁴ епископ Нил величает Юрия Ивановича «благоверным и благородным и христолюбивым государем».

Послание имеет обычный для такого рода литературы характер разъяснения и поучения.¹⁵ Сомнения Юрия Ивановича, очевидно, были вызваны народными поверьями, запрещающими хоронить умершего от несчастного

¹⁰ А. А. Титов. Тверские епископы, стр. 48; К. Чередеев. Биографии тверских иерархов, стр. 57.

¹¹ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1. СПб., 1899, стр. XXX—XXXII; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 995, прим. 1; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III. М., 1960, стр. 333—334.

¹² См.: Тверская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862, № 6465 («Село Покровское при р. Кашинке»).

¹³ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 132. В Дмитрове Юрий строит каменный собор, заводит собственную иконописную мастерскую, не уступающую великокняжеской. Превосходная коллекция икон из Дмитрова первой четверти XVI в. собрана в Музее Андрея Рублева. При епископе Ниле были открыты мощи Макария Калязинского.

¹⁴ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, стр. 132.

¹⁵ См., например, «Послание Максима Грека утешительное князю Дмитрию»: «Не престае злоначальный человекоубийца и доброненавистливый диавол ратуя и смущая род человеческий и всякими образы истребити сего ища, по мнозей зависти своей» (Сочинения Максима Грека, ч. 2. Казань, 1860, стр. 388).

случая по обычному обряду.¹⁶ Нил в своем послании напоминает о кознях дьявола и приводит пример о гибели Афанасия Афонского: старец поднялся со своим учеником на верх нововыстроенной церкви, и оба разбили крест, взращенного Лотом, владыка заканчивает письмо повелением петь молебны в церкви и «литургисати», а человека похоронить и «поминати, яко и по прочем христианине».

Повод для параллели с Лотом («А прежд того, государь, Лот согрешил и после пришед вся плакася Аврааму с покаянием и положи ему Авраам опитемью...») остается для нас неизвестным. Апокриф о трисоставном древе есть в Толковой палее и присутствует в русских рукописях XVI в. уже в нескольких редакциях.¹⁸ В изложении Нила, однако, есть деталь, которая не известна в других списках, — о том, что бесы выпивали воду, которую Лот носил для поливки «главни», чтобы древо проросло. Автор свободно пересказывает хорошо ему известные легенды, не придерживаясь литературного их изложения.

Нельзя не обратить особенного внимания автора послания к обители Афанасия: о ней он начинает свое повествование, к ней же он снова возвращается, заканчивая рассказ: «И великая обитель есть и поныне, а из обители святого Афанасия от тех мест и донныне сколки монастырей и сколка душе, тмы тмами спаслося». Мысли Нила обращаются к лавре Афанасия, как Максим Грек постоянно обращает свои взоры к *alpha taller* — Ватопедскому монастырю.¹⁹ Если правомерно предположение, что Нил прибыл в Россию из Святой Горы, то наиболее вероятно, что местом его иночества на Афоне была Афанасьевская обитель.

Лавра св. Афанасия Афонского — главный духовный и административный центр Афона — была вместе с тем и крупнейшим центром книжности, с устойчивыми традициями греко-русского общения.²⁰ Здесь в XV в. рядом с греческими писцами работали и русские книжники. В Лавре Нил мог получить основы знания русского языка, которые ему

¹⁶ По этому поводу Максим Грек специально написал «Послание на безумную прелесть и богомерскую мудрствующих, яко погребения для утопленного и убитого бывають плодотлительны стужи земных прозябений», в котором говорит о бесчеловечности этого поверия, приводит в пример Товита и ссылается на эллинских мудрецов, которые повелевают «погresti тело утопленных, поверженных и убиенных» (Сочинения Максима Грека, ч. 3. Казань, 1862, стр. 170—179).

¹⁷ Житие Афанасия Афонского, в котором описаны обстоятельства его смерти, появилось на Руси в 30-х годах XV в., в списках с рукописи, написанной в Лавре Афанасием Русиным (см.: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 746). Библиографию описаний рукописи см.: Г. И. Вздорнов. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. — ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 171—198. В житии Афанасия говорится, однако, не о башмаке, а о тридневном истечении крови от «священного мертвеца» (л. 405). «Чудотворный» башмак св. Афанасия стал позднее в Лавре реликвией, которая упоминается в позднейших описаниях афонских монастырей XVI—XVII вв.

¹⁸ В. Успенский. Толковая палая. Казань, 1876, стр. 53, 94; ВМЧ, сентябрь 14—24. СПб., 1869, стр. 763—766; И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. По рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877, стр. 96—99, 101, 221, 227; А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. III, отд. II, 2. М., 1859, стр. 594. Любопытный вариант апокрифа содержится в рукописи ГПБ, Q.I.1157; сборник смешанного содержания, XVII в., лл. 99 об.—100 об.; в этом варианте автор подвергает критике другие, известные ему редакции сказания.

¹⁹ Ср.: Н. В. Синицына. Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519). — ВВ, т. XXVI, М., 1965, стр. 111.

²⁰ Сведения о библиотеке Афанасьевского монастыря см.: Б. Л. Фонкич. Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X—XIII вв. — Палестинский сборник, вып. 17 (80), Л., 1967, стр. 167—175.

были необходимы, если допустить, не без основания, что он заранее готовил себя к духовной карьере в России.

Послание Нила князю Георгию Ивановичу раскрывает, таким образом, существенную деталь биографии видного церковно-политического деятеля, каким был тверской епископ, грек Нил. Вместе с тем мы приобретаем более ясное представление о тех каналах, по которым практически осуществлялось греко-русское культурное общение во второй половине XV в.

* * *

Из литературного наследия епископа Нила до сих пор было известно его Послание вельможе Георгию Дмитриевичу о панагии и артосе.²¹ Небезынтересно сопоставить это сочинение с вновь открытым Посланием Георгию Ивановичу.

Послание о панагии и артосе написано в разъяснение вопроса, почему от воскресения Христова до Фоминой субботы не совершают чина панагии, т. е. не «воздвизают пречистой хлеба», а «воздвизают» только артос — освященный хлеб со стихом «Христос воскрес». Разъяснение символического значения артоса имеется в сочинениях Кирилла Туровского («пасха бо миру избавление есть от насилия диаволя»)²². Н. Никольский отмечает хождение в славяно-русской письменности нескольких преданий, разъясняющих происхождение этого обряда.²³

Владыка Нил излагает в своем послании апокрифическое сказание о странствии апостолов, во время которого они всегда «клали часть хлеба на Спасово имя» и один из них «воздвизал» хлеб, провозглашая трижды «Христос воскрес». Однажды в Антиохии при совершении этого обычая апостолам будто бы явилась богородица «и покры их благодатию, яко облаком светлым». Греческие авторы свободно обращались к апокрифам и устным преданиям, о чем и заявляет Нил в этом послании: «А буди тебе, господине, ведомо: многи вещи церковные преданы с писмом и без писмени церковь божия держит».²⁴ Окончив рассказ об артосе, Нил кратко излагает содержание нескольких афонских легенд: «А пречистая богородица с апостолом Иваном ходила в Святую Гору в корабли. И стал корабль на том месте, где ныне стоит Иверьский монастырь, и оттоле пошли пети на то место, где ныне стоит монастырь пречистыа богородица Ватопеди, а на том месте жили еллыны не крещены»²⁵ и т. д.

Н. Никольский отметил, что Послание Нила о панагии и артосе было использовано Максимом Греком в сочинении на эту же тему.²⁶ В самом деле, основная часть текста повторена у Максима Грека почти дословно,

²¹ Опубликовано, см.: Н. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности, III. Послание Нила, епископа Тверского, к некоему вельможе Георгию Дмитриевичу о воздвижении Пресвятыя и о артосе. — Христианское чтение, 1909, август—сентябрь, СПб., стр. 1115—1119. В. С. Иконников полагает, что послание адресовано Юрию Тютину, греку родом, родственнику Нила (см.: Максим Грек и его время. Изд. 2-е. Киев, 1915, стр. 460).

²² Цитируется по сборнику ГБЛ, собр. Большакова, № 31, XVI в. — «слово» Кирилла Туровского «О поновление въскресения Христова и артосе и Фомиине испитаний ребрь господень» (лл. 233 об.—240). Опубликовано в кн.: Творения св. Кирилла Туровского. Киев, 1880, стр. 14.

²³ Н. Никольский. Материалы..., стр. 1116—1117. См. также: И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. По рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 416; А. Н. Попов. Первое прибавление к описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова М., 1875, стр. 68.

²⁴ Н. Никольский. Материалы..., стр. 1117.

²⁵ Там же, стр. 1118.

²⁶ Там же, стр. 1117. См. также: Сочинения Максима Грека, ч. 3, стр. 109—113.

с той лишь разницей, что начало сокращено, а окончание более пространно. У Нила оно обрывается на описании, какие народы едят на земле, а какие за столом, и на рассказе о горнице, где Спас столовался с учениками, «а та горница стоит и донныне во Иерусалиме, в коей Спас со ученики ел паску, а служат в ней латыни, а внутри нет ни лавок ничего». В послании Максима Грека после этих слов имеется продолжение с кратким описанием афонских монастырей: «В Иверской земле град был на усть реки Фасьи близ поморя» (о переходе иконы Иверской богородицы на Афон), затем рассказывается о монастырях Иверском и Ватопедском.²⁷ Есть основание полагать, что этот фрагмент также принадлежит Нилу. Текст, которому это произведение Нила опубликовано Н. Никольским (сборник ГПБ, О.ХVII.64, XVI в., лл. 300—301 об.), по-видимому, восходит к дефектному списку сборника XVI в. ГБЛ, Волоколамское собр., № 520, лл. 161—163 об., где статья оборвана как раз на словах «а внутри нет ни лавок ничего», причем в конце фразы, доходящей точно до конца строки, поставлена точка с запятой; далее приплетена другая тетрадь. Упомянутое выше окончание статьи по стилю более соответствует литературной манере Нила, не упускающего возможности дать в свободном пересказе краткое изложение хорошо ему известных сказаний, в том числе и об Афоне.

Обращение к вопросу об артосе в трудах Нила и Максима Грека показывает тесное соприкосновение литературного творчества двух авторов. Для изучения письменного наследия Максима Грека существенное значение имеет выявление сочинений, введенных в русскую литературу его предшественниками, одним из которых был епископ Нил.²⁸

Заметим, что апокриф о панагии и артосе в редакции, изложенной Нилом, послужил литературным источником одноименного сюжета в стенописях XVII в. Его можно встретить в росписи алтарной части ярославской церкви — Ильи Пророка,²⁹ Иоанна Предтечи в Толчкове и др.

Послание Нила Георгию Ивановичу дополняет наше представление об авторе, которое отчасти сложилось при ознакомлении с уже известным Посланием об артосе. Это пастырь, который видел свое предназначение в том, чтобы пасти «о Христе свое стадо во преподобии и правде» (л. 356 тетради). Не мудрствуя лукаво, он сохранял детскую веру в баснословие самого разнообразного толка, естественную у воспитанника святогорского монастыря, чувствуя себя запросто и, можно сказать, уютно в фантастическом мире, созданном позднехристианской мифологией. Простодушная вера не оставляла почвы для малейшего сомнения, что, по-видимому, оказывало умиротворяющее действие в той, полной духовного брожения среде, какую Нил нашел в России. Эти качества в сочетании с дипломатичностью и обеспечили ему, в противовес Максиму Греку, устойчивое общественное положение в трудной и сложной политической обстановке в России в первой четверти XVI в.

²⁷ Сочинения Максима Грека, ч. 3, стр. 112—113.

²⁸ Некоторые произведения Нила могли быть использованы Максимом Греком в его писаниях, другие могли быть включены в сборники сочинений Максима Грека, составленные посмертно. Классификация сборников и выделение группы, составленной при жизни Максима Грека, произведены Н. В. Синецкой, см.: Н. В. Синецкая. Рукописная традиция XVI—XVIII вв. Судьба собраний сочинений Максима Грека. (К постановке вопроса). — ТОДРА, т. XXVI, Л., 1971, стр. 259—266.

²⁹ В Ильинской церкви (стенопись 1681 г.) композиция помещена в алтарной части придела Варлаама Хутынского, на западной стене: богородица в ореоле на облаках, по сторонам ее ангелы, у подножия апостол Петр, преломляющий хлеб. Надпись: «Явися пресвятая богородица апостолом по успении своем в третий день в преломлении хлеба».

Можно предположить, что и русские книжники оценили тот особенный интимный тон в отношении к культово-религиозным вопросам, присущий сочинениям Нила, который обеспечивал популярность произведениям подобного рода среди широкого круга читателей. Это литературное направление характерно для произведений древнерусской литературы XVI в.: сборники того времени изобилуют толкованиями и апокрифами на самые разнообразные темы культовой догматики и церковной истории. В этом смысле приезд Нила «пришелся ко времени»; не исключена возможность, что ему принадлежит авторство и некоторых из анонимных сочинений данного жанра. В окружении епископа Нила нашли, по-видимому, применение своим способностям иноземные специалисты, «хитрецы» разных профессий.³⁰

Подведем итоги.

Вновь найденный памятник письменности — Послание владыки Нила князю Георгию Ивановичу представляет несомненный интерес как свидетельство близких личных отношений двух видных политических деятелей конца XV—первой четверти XVI в., дополняя биографические сведения о каждом из них. Нил прибыл в свите Софьи Палеолог, по-видимому, из Афона, из Лавры св. Афанасия, где он имел возможность получить начатки знания русского языка перед своей поездкой на Русь. Это было необходимо ему, так как, в отличие от многих других прибывших в это же время представителей духовенства, зодчих и живописцев, он остался до конца своих дней в России и, вероятно, готовился к поездке заранее.

Литературное наследие Нила — публикуемое Послание Георгию Ивановичу, как и известное ранее Послание об артосе, — расширяет представление об источниках проникновения новой тематики и новых жанров в русскую литературу конца XV—первой половины XVI в. Отдельные произведения Нила поступали в сборники и перерабатывались другими авторами, в том числе и Максимом Греком. Деятельность епископа Нила и его окружения дает новые материалы для выяснения путей русско-греческих культурных связей времени выхода Руси на международную арену как одного из крупнейших государств Европы.

Текст Послания Нила публикуется по правилам, принятым в ТОДРА при издании текстов XV—XVII вв.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Послание ко благоверному и благородному и христоробивому государю князю Георгию Ивановичу

Богомолец государя великаго князя Василя Ивановича и ваш Нил владыка благословяет и ниско челом бьет. Благодати, государю, мир и любовь от бога Вседержителя, и молю господа бога и пречистую богоро-

³⁰ Нелишне обратить внимание на некоторые произведения (определенно нерусского письма) конца XV—начала XVI в. из Твери и Тверской области, экспонировавшиеся на выставке Музея Андрея Рублева «Живопись древней Твери XIII—XVI вв.» (1969 г.). В их числе следует назвать иконы поясного чина — «Спас» (собрание Калининской картинной галереи) и «Апостол Павел» (собрание Музея Андрея Рублева). И стиль живописи икон, с интересом к передаче объемности форм, проработкой мускулатуры лица и рук, вибрирующим силуэтом, и темные и густые тона черно-синей и вишнево-коричневой одежды заставляют отнести произведения к творчеству приезжих мастеров так называемого итало-греческого круга. Живопись

дицу и великих чудотворец о еже избавитись твоему благородию от всех врагов видимых и невидимых и да наставит еже посетити и помилovati.

Пишешь, государь, к нашему смиренню: с церкви с Покрова святей богородицы в твоём селе в Покровском упал плотник да и умер. И ведомо, государь, от начала супостат наш враг завистник роду человеку: православный человек благодаря бога пошел создати, а не разорити, и враг своим лукавством зажал, много, государь, тому сказывати образцов. Великий Афанасий Афонский создал великую Лавру и в ней церковь святей богородицы иже болший монастырь во Святей горе. И как, государь, овершили великую ту церковь, иже стоит и до сего дня, и по совершению великий Афанасей с своим учеником пошли вверх церкви в лоб очистити кружала и подпоры, понеже сам был великий на то ма||стер а. 349 об. и создатель, и оба упали с великия тоя высоты посреди церкви и успоста вечным сном. И ныне, государь, в церкви той есть башмак и полон крови его, иже был на ноге его и от тех мест и донныне православным на исцеление. А преж того, государь, Лот согрешил и после, пришед, вся плакася Авраму с покаянием и положи ему Авраам опитемью, веле ему три полена сухие поткнути в землю, иже есть нужно токмовской камень. Гора та от Ерусалима яко треть^а поприща, и повеле ему на плещу своем от Иордана носити воду и лити на те полена, и яко оживут и возрастут светием, тогда бог простит от греха. А на гору ту итти осмьнадесят попришь,^б и велми нужен восход по камени и круто велми, и нача воду носити, якоже заповеда ему Авраам. И как понесет воду, и беси сретаху его и претворяхуса во человеческий образ и прошаху у него воды пити своим лукавством, чтоб древа не возрасли. Он же бога ради и любве ради труда своего даваше им воду пити, яко человеком, невидимым || бесом и много а. 350 время тружаяся на пути воду им отдавая, и единою прииде к древом и виде их возрастеша крепце и велице и красны зело, иж есть кедр, пегв, кипарис, и стояху древа те до царства Соломоня^в царя премудраго. И посекоша их в создания святыя церкви и Божиим промыслом не пригодилися и повеле их в церкви положити праздны, иже господь наш Иисус Христос волну страсть подъят на них, на трех пнех, святая трапеза. И великая обитель есть и донныне, а из обители святого Афанасия от тех мест и донныне сколько монастырей и сколько душ тмы тмами спаслося. И супостат наш диявол, завистник роду человеческому, безпрестани воует народ христианский, и нам государь не пригоже потачити нашему супостату дияволу. По нашему государь церковному обычаю пети молебны в церкви той и вода святити и кропити церковь и около ея и благословляет наше смирение литургисати в ней. А яз тебя, государя, благословляю, ниско челом бью и должен бога молити о твоём благородии, а по том, государь, человеку, что упал с церкви, поминати, яко и по прочем христианине.

(ЦГАДА, ф. 196, № 642, лл. 349—350).

предвозвещает стиль письма Симона Ушакова. О нерусском происхождении иконописцев свидетельствуют и надписи (например, «апать Пауль»). Афонским мастером было написано, по-видимому, изображение Николы на обороте выносного образа Одигитрии конца XV в. (принадлежит Музею Андрея Рублева).

^а В ркп. над строкой три. ^б В ркп. над строкой лактей. ^в В ркп. над строкой вместо ня написано на.

ишаха іако не оутражи махмудна доиде оустарий
 коронета . и распустивша екоя . и за покѣ да вѣ
 оулаго екой . іако да миди не паши хатѣ ва . не худити
 готовы мархши не хѣбы . слышавъ то ѿ легара
 занскіи . іако царь мамай (отче на градѣ . их
 ще итти маръ на великоу и нѣа дмитрею нванови
 чамосію кскаго . и посла ѿ легара занскіи послѣ свое
 ивъ царѣ мамайю великого чѣпню

олгара занскіи осыле свое по слѣ грамоте оу
 здари екой и въ царѣ мамаю.

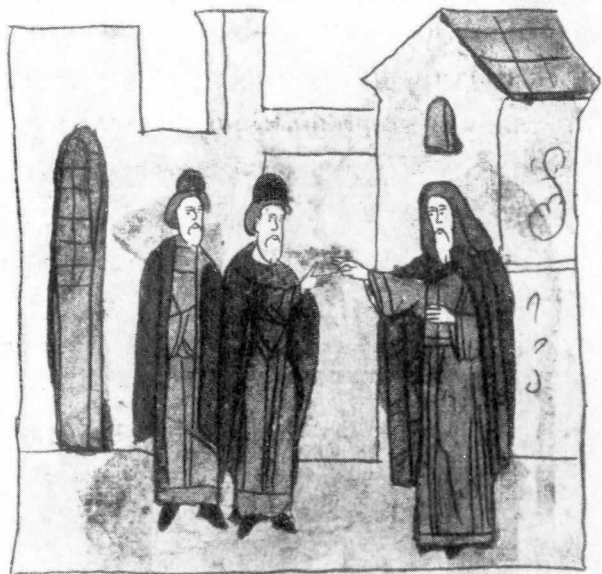
Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище».
 2-я миниатюра, л. 2 об. (Рис. 1).

та полнина . іако сїо слава . грігоріа сѣдова .
 іи нѣли ми . Заповѣдай въ сїорѣ вѣ кратити . онѣ
 сѣтѣ шавасїа тѣхпийа кедѣши нѣзѣ іскеліюмъ іпѣго .
 царѣа дѣбра ѿ сано вѣтї мѣ . іако не оубо ідетъ царѣ нарѣсь .

привѣща на великомъ и нѣн . нѣзыи не ша за ізъици
 іако не іздѣжно царѣ мамай ідетъ нарѣсь .

Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище».
 11-я миниатюра, л. 10 об. (Рис. 2).

И повѣда единомъ митрополитѣхъ рече емъ стѣи
 стареца - и кѣко блѣвнїе дастъ емъ. и всемъ во
 немъ егѣ. ѡрхнейпѣ повелѣ емъ хранити словъ блѣ
 рече емъ стѣи стареца вергїи неповѣдани со
 мѣже. и приспѣ кши четвертїкъ аѣхста въ
 кѣз напѣмъ стѣаго ѡцапї мина ѡхѣдника. и нос
 хотѣ изымти протїи бѣзбѣжнѣ царѣ. и нѣхъ пѣдїи
 димїстрей и кѣновнї поѣ брѣтаскоѣ колдїмера

Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище».
 15-я миниатюра, л. 14. (Рис. 3).

Возвратїишася свѣаїкоѣ и на гїи негѣ. и проїишнѣ
 Вгїи : и нѣхъ же кѣдїи кїи маю держася ѡслѣ и не
 прослезнѣ народѣ рѣ асрцема сѣзѣще ѡтпѣшнѣ
 скоѣ велїи сѣго и на гїи негѣ. и рече - жемѣ ѡще бѣгѣ по
 насѣ то кѣдїи на нѣ. и пѣни кѣтѣ и нѣхъ кѣдїи кїи пѣнѣ брѣ
 кнѣи сѣбїи нѣмъ и кѣи и нѣхъ и нѣхъ кѣдїи кѣдїи ма

Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище».
 19-я миниатюра, л. 17. (Рис. 4).

Зи коєкоды иратницы срътѣша е нарѣцѣне
керѣптѣ. Еписѣпъ срътѣтѣ ёго ко вратѣ градѣ
Зживаюными срътѣи. Иссѣкоромъ. Ишѣснѣи
клинѣго ина срътѣомъ. Ивѣи кошо ёго.

Еписѣпъ поужмненіи срътѣи ина вѣ градѣ
вратѣ Зживаюными срътѣи

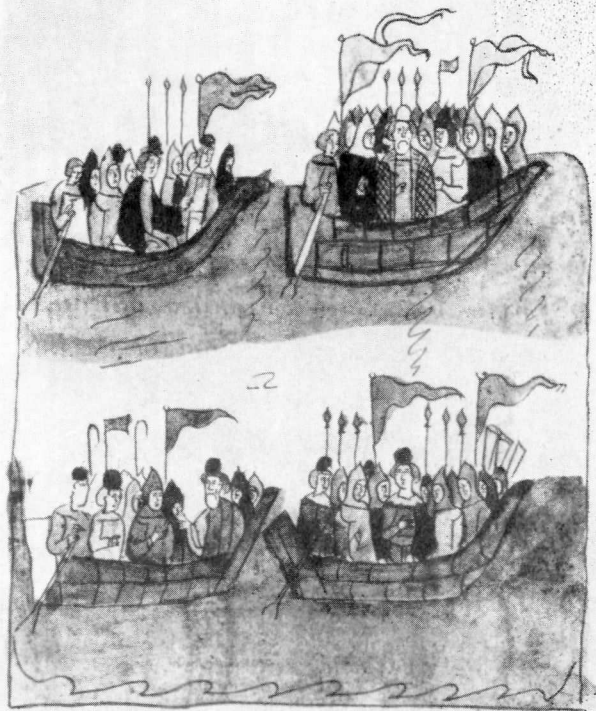
Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». 23-я миниатюра, л. 19 об. (Рис. 5).

и нѣ въ клинѣи повелѣтѣ кѣтѣ мѣ коєводамъ гѣхати
наполѣтѣ. ко спѣху же нѣтѣ по забѣ прѣнии и на
чѣша мнози и ратнѣи прѣхѣи глѣгити и ратнѣи
мнози бѣище истази мнози рѣхѣтѣ

Бѣтѣзи рѣхѣтѣ мѣзи нахѣтѣны оуѣтѣи и нѣтѣи ко

Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». 24-я миниатюра, л. 20. (Рис. 6).

И за похъ да поимъ жъ по днхъ да ище и по поиде паразъ
 сповиземай . ни и по не и се ми птв съ ни единномъ влаетъ
 самъ вкзе блъ кеніе оу е спітпа по лемнскаго . пере кезе са
 ѡ іхъ реіеъ . тѣхъ по влѣ ѡ пхъ стіи претіо и збраннѣ вѣ брѣмъ

Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище».
 25-я миниатюра, л. 21. (Рис. 7).

Днѣи жъ исполнѣхъ ікохъ оубо прѣже вѣ початіи ѡ гѣ ре
 етти дша скоелъ . за спой куііхъ ѡ бнѣ дъ .

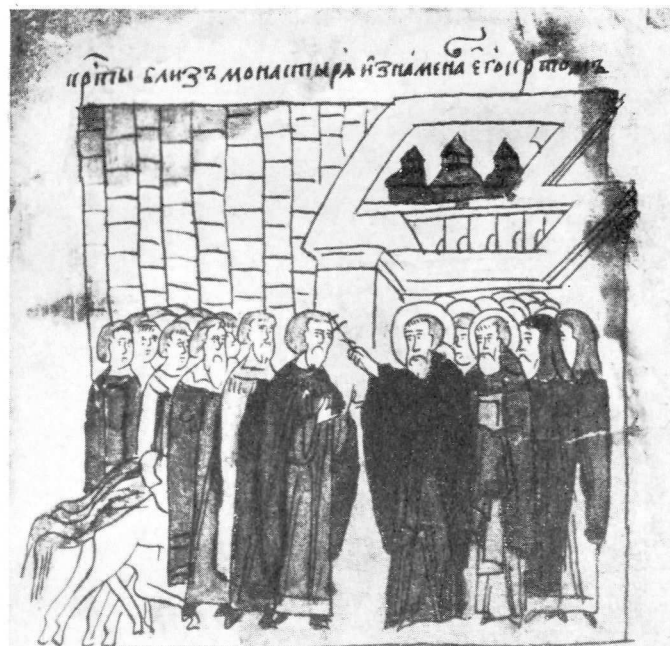
Мнози рѣсетіи богатырі оудержакше егѡ козкрани
 кше емѣ рекѡше неподобаетъ текѣ великомѣ князю
 Кнѣзь великѣи кзѣмѣ копіе ікоѣ , коихотѣ самъ . прѣде
 початіи ѡ гѣ рести дша ікога

Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище».
 47-я миниатюра, л. 36 об. (Рис. 8).

Къ съже великий принде кидомессоге ело - и пѣначѣ
 ждѣти брагаскоѣго . того бради разлѣчиша
 съ брагаскоѣ споймѣ . чѣтѣнѣмѣ спити пѣл дора
 гами много стволудѣи . поидѣ же к бор
 инъ колодѣ меръ вѣло
 шѣи шѣпѣти к вѣкоѣка

Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище».
 63-я миниатюра, л. 47 об. (Рис. 9).

Прѣте радѣиса гнѣишъ пелииш - погелне шѣтѣкохѣи
 стѣко . акапрѣи егѣи шѣвѣи шѣпѣи шѣ . аѣ елѣжѣбнишѣ .
 ирѣмѣишъ хелииш . твои шѣи шѣпѣи шѣ . ашѣи
 слѣжѣнишѣ шѣми шѣкѣи шѣпѣи шѣ . шѣкѣи
 ко ирѣишѣи шѣкѣи шѣпѣи шѣ . шѣкѣи шѣпѣи шѣ
 шѣи шѣпѣи шѣ . шѣкѣи шѣпѣи шѣ . шѣкѣи шѣпѣи шѣ

Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище».
 64-я миниатюра, л. 48. (Рис. 10).

Б. М. КЛОСС

Митрополит Даниил и Никоновская летопись

Текстологическое исследование показало, что все списки Никоновской летописи в части до 1520 г. восходят к списку Оболенского и что, более того, этот список представляет оригинал свода.¹ Эта часть списка Оболенского по палеографическим данным относится к 20—30-м годам XVI в.; кроме того, первоначальный перечень митрополитов кончался здесь именем Даниила, который занимал митрополичью кафедру в 1522—1539 гг. Но датировку свода можно уточнить: перечень новгородских архиепископов был доведен лишь до Макария, который поставлен в 1526 г., а в списке русских великих князей не упомянут сын Василия III Иван, родившийся в 1530 г.² Таким образом, составление свода следует относить ко времени между 1526 и 1530 гг.

Общий церковный характер Никоновского свода и особое внимание, которое в нем уделяется русским митрополитам, вне всякого сомнения приводят к выводу, что летопись составлена при московской митрополичьей кафедре. В частности, в памятке необычайно выпукло отразились взгляды самого митрополита Даниила по важнейшим проблемам внутренней и внешней политики Русского государства периода 20-х годов XVI в.

Известна, например, роль митрополита Даниила в острейшей борьбе, развернувшейся по вопросу о вотчинновладении монастырей. В тексте Никоновской летописи сделано немало вставок, ставящих своей целью подтвердить тезис об исконности прав монастырей на владение селами: под 6721 г. в рассказе о создании Всеволодом Большое Гнездо Рождественского монастыря во Владимире сделано добавление: «и всем удоволи: и села, и бортми, и озера, и реками, и многим именем» (X, 65);³ под 6886 г. (в тексте, заимствованном из жития митрополита Алексея) в известиях об основании Андроникова монастыря и Нижегородского Благовещенского одинаково прибавлено, что митрополит «даровал» им «села

¹ Б. М. Клосс. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, стр. 318—337.

² Верхняя датирующая граница подтверждается также тем обстоятельством, что Никоновская летопись отразилась в митрополичьей Сводной Кормчей (ГБЛ, Унд., № 27, лл. 283—284), составленной до 1531 г.: в этом году был осужден на церковном соборе и сослан сначала в Новгородский Юрьев монастырь, а затем в митрополичий монастырь на Волосове известный каллиграф Исаак Собака, почерком которого написана часть текста Кормчей (лл. 527, 528, 542 об., 543 об.—545, 545 об., 546 об.).

³ При цитировании текста Никоновской летописи указываются номер тома и страница по изданию ПСРЛ (тт. IX—XII, 1862—1901).

и воды и места» (XI, 32), а в заметке об основании Алексеем Константино-Еленинского монастыря сказано: «и всякими потребами удоволи, и села подава и изобильствова всем». Особенное внимание уделяется владениям митрополичьей кафедры: в нескольких местах летописи составители сочли необходимым упомянуть о «градах и селах митрополских» (IX, 116, 152; XI, 213, 224; XII, 14); под 6918 г. сообщается о передаче князем Владимиром Андреевичем села Большое Кудрино с деревнями митрополиту Фотию (XI, 214) — это выдержка из более подробной записи об истории этого села, читающейся в митрополичьей копияной книге земельных актов;⁴ ниже в летописи помещено известие, что ростовский архиепископ Григорий «земли митропольской Кудриньскаго села отступил, что ся были вступили в митрополичь» (XI, 219); в нескольких местах упоминаются «митрополичи озера Сенежския» (XI, 215—217), что соответствует перечислению митрополичьих владений «в волости Сенгу» в копияной книге.⁵

Митрополит Даниил сходен с Иосифом Волоцким во взгляде на необходимость сурово преследовать еретиков, хотя в отличие от своего учителя он считал, что смертная казнь применима лишь к неисправимым еретикам, в отношении которых исчерпаны все другие меры.⁶ Именно эту позицию характеризуют подобранные в Никоновской летописи примеры, рассказывающие о заточении еретиков «в темницы» (IX, 68, 152);⁷ необходимость жестокой расправы с нераскаявшимися еретиками обосновывается следующими словами: «От века убо не кающияся богохулници избиваеми бываху, и в Моисееве убо законе не точию богохулници, но и эле творящеи убиваеми бываху, ноипаче в новом законе богохулници от святых апостол и от святых отець смерти предаяхуся» (IX, 240).

Осуществлявшийся при Данииле на практике союз светской (великокняжеской) и духовной власти подтверждается текстом Никоновской летописи. Страницы свода пестрят выражениями типа: великий князь «со отцем своим митрополитом» или «по благословению отца своего митрополита», митрополит «с сыном своим» или «с сыном своим возлюбленным о Христе» великим князем, и т. п. Любопытно добавление составителя свода, что князь Владимир Святославич «чествоваше» митрополита и «в согласии и любви мнозе с ним пребываше» (IX, 57), а митрополит в свою очередь «бяху всегда в любви и в совете с Володимером» (IX, 64).

Важнейшие моменты внешнеполитической обстановки интересующего нас времени также нашли отражение в Никоновском летописном своде. Притязаниями России на западные земли можно объяснить добавления к именам соответствующих князей длинных родословий, доведенных до владимиристо-суздальских и киевских великих князей, а родословию смоленских князей даже посвящена специальная заметка (X, 153—154; ср. с родословным рядом последнего смоленского князя Юрия Святославича: XI, 202—203). Характерно, что на заявление литовского князя Витовта: «Киев и вся страна Киевска в моей области есть» — епископы по воле составителя свода дают следующий ответ: «но прежде не твоя область бысть» (XI, 227). Представляет интерес, что в Хронографическом списке Новгородской 5-й летописи (источнике Никоновской) против статьи

⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, ч. 1. Подг. к печати Л. В. Черепниным. М., 1951, стр. 49—50.

⁵ Там же, стр. 193.

⁶ См.: В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 406—424.

⁷ Эти известия, а также сообщение под 6559 г. о поставлении митрополита Илариона являются откликом на судебный процесс над Максимом Греком.

6913 г. сделана киноварная помета (между прочим, рукой митрополита Даниила): «Смоленской князь давался Московскому» (ГИМ, Синод., № 280, л. 679). В соответствующем месте Никоновской летописи в речь Юрия Святославича, обращенную к московскому великому князю, добавлены слова: «возми убо град за себя, да ты владеешь им, а не поганаа Литва» (XI, 189).

Остро стоял в 20-е годы XVI в. вопрос о борьбе с татарскими ханствами. Как видно из следственного дела Берсенья Беклемишева и Федора Жареного, митрополит Даниил активно поддерживал наступательную политику Василия III в отношении Казани.⁸ В 1524 г. положение осложнилось тем, что хан Сагиб-Гирей признал себя вассалом Турции и объявил Казанское ханство «юртом» турецкого султана. Послу султана Скиндеру было тогда заявлено: «изначала на тот юрт царей сажаем мы из своих рук» и «то изначала юрт государя нашего».⁹ Василий III именовался в это время в дипломатических документах как «един правый государь всея Руси и иным многим землям восточным и северным государь и великий князь Володимирский, Московский, Ноугородцкий, Псковский, Смоленский, Тферский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных».¹⁰ Чтобы доказать «изначальность» власти русских князей над Казанью, в Никоновскую летопись введены известия, что еще легендарный Кий «на Воложския и Камския Болгары ходив и победи» (IX, 4), а в «лето 6505 ходи Володимер на Болгары Воложския и Камския и, одолев, плени их» (IX, 66). Составители летописи постоянно напоминают, что «Болгары» — это те самые, «иже ныне глаголются Казанцы» (IX, 58, 210; X, 98, 103—104; XI, 12, 20, 24—25, 71, 215).

Митрополит Даниил был крупнейшим писателем своего времени, поэтому возникает мысль не только о причастности его к руководству по составлению Никоновского свода, но и о личном участии его в редактировании летописного текста. Для разрешения этого вопроса необходимо выявить характер обработки источников и особенности литературного стиля редактора. После этого мы сравним полученные данные с известными сочинениями митрополита Даниила, одновременно сопоставляя с произведениями других писателей первой половины XVI в.

При решении поставленной задачи было проведено сравнение собственного летописного текста Никоновской летописи с Новгородской 5-й, Иоасафовской, Симеоновской, Троицкой (Лаврентьевской), Воскресенской и Львовской летописями, Тверским сборником, Хронографом основной и Западнорусской редакции; входящие в летопись памятники сопоставлялись с их же текстами по другим спискам: «Сказание о хулней вере Срациньстей» — со списком ГБЛ, Вол., № 506; «Повесть о происхождении Честнаго Креста» — со списком ГИМ, Синод., № 592; Послание патриарха Луки Хрисоверга князю Андрею Боголюбскому — с текстом, изданным в РИБ, т. VI, СПб., 1880; Житие митрополита Петра — с Киприановской редакцией по изданию ПСРЛ, т. XXI, 1-я пол., СПб., 1908; Житие митрополита Алексея — со списками ГИМ, Чуд., №№ 151, 264; Сказание о Мамаевом побоище — с опубликованными текстами различных редакций; «Хождение» Игнатия Смольнянина — с текстом, изданным в «Православном палестинском сборнике», т. IV, вып. 3, СПб., 1887; «Слово о житии и преставлении» великого князя Дмитрия Ивановича — со списком ГИМ, Синод., № 280; Житие Сергия Радонежского — с из-

⁸ ААЭ, т. 1, СПб., 1856, стр. 144.

⁹ Б. И. Дунаев, Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916, Приложение, стр. 76—77.

¹⁰ Там же, стр. 43, 83.

даниями Н. Тихонравова (Н. Тихонравов. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892, стр. 70—144) и Великих Миней Четиих; Повесть о Луке Колоцком — с текстом, изданным в «Русских повестях XV—XVI веков» (М.—Л., 1958); Соборная грамота о поставлении Григория Цамблака — со списком ГПБ, Q.XVII.50; «Повесть о Фотии митрополите» и его духовная грамота — со списком ГПБ, Соф., № 1281.

Переходим к обзору сочинений митрополита Даниила. Поучение Даниила и его Послание Дионисию Звенигородскому цитируем по списку ГБЛ, Вол., № 492 (лл. 57 об.—68, 228—235 об.), второй четверти XVI в. (часть поучения и целиком послание писаны монахом Иосифо-Волоколамского монастыря Фотием) (список обозначим далее как *B*₁). Окружное послание митрополита Даниила и «Ответ к некоему христоролюбцу, впросившу его о здравии» цитируем по сборнику ГБЛ, Волок., № 514 (лл. 413—424 об., 425—426), составленному в 1563 г. (послания переписаны монахом Евфимием Турковым, будущим волоколамским игуменом) (далее список *B*₂).¹¹ Первый сборник с посланиями Даниила изучаем по древнейшему «Сильвестровскому» сборнику (середина XVI в.) — ГПБ, Соф., № 1281 (далее список *C*). В сборнике содержится 13 посланий; 14-е послание цитируем по списку ГПБ, Погод., № 1149, конца XVI в. (далее список *D*). Второй сборник с посланиями и поучениями Даниила известен в единственном списке 60-х годов XVI в. — ГПБ, Q.I.1439 (далее список *K*).¹² Наконец, Сборник митрополита Даниила с 16 «словами» исследуем по списку МДА, № 197, относящемуся к концу 20-х—30-м годам XVI в. и имеющему следы собственноручной правки Даниила (далее список *M*).¹³ «Наказание» 16-го «слова», отсутствующее в рукописи МДА, № 197, цитируем по списку ГИМ, Синод., № 237, изданному В. Жмакиным в приложении к книге «Митрополит Даниил и его сочинения» (далее список *Ж*).

Вместе с литературными произведениями Даниила считаем возможным привлечь для исследования записи речей митрополита, помещенные в протоколах церковных соборов и в летописях, а также корпус его собственноручных помет и исправлений, сохранившихся в ряде рукописей (анализу почерка Даниила мы посвятим специальную работу).

Из произведений русских писателей первой половины XVI в. рассматриваем следующие:

1) сочинения Иосифа Волоцкого: «Просветитель» (цитируется по казанскому изданию 1857 г.), трактат в защиту церковных имуществ,¹⁴ Духовная грамота и монастырский «Устав», послания;¹⁵

¹¹ Поучение (по списку *B*₁) и Окружное послание (по списку *B*₂) изданы в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. IV, СПб., 1862, стр. 200—204, 194—199). Послание Дионисию Звенигородскому по списку ГПБ, Q.XVII.50 (сборник составлен и частично написан Евфимием Турковым) опубликовано в: АИ, т. I, СПб., 1841, стр. 534—537. Ответ «христоролюбцу» издан (по списку *B*₂) Макарием в «Истории русской церкви» (т. VII, вып. 2, СПб., 1874, стр. 393—394).

¹² Интересующие нас тексты изданы в приложении к работе В. Г. Дружинина «Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века» (ЛЗЭК, вып. 21, СПб., 1909). К произведениям митрополита Даниила относим тексты №№ 2, 6—31, 33.

¹³ В. Жмакин считал самым древним списком Сборника рукопись ГПБ, F.I.522, но, судя по водяным знакам (Брик, № 4449, 1592 г.), она относится к концу XVI в. В приложении к книге В. Жмакина «Митрополит Даниил и его сочинения» (М., 1881) опубликованы лишь некоторые послания и «слова» Даниила.

¹⁴ См.: В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложение, стр. 128—144.

¹⁵ См.: ВМЧ, сентябрь 1—13 СПб., 1868, стлб. 490, 499—615; Послания Иосифа Волоцкого М.—Л., 1959, стр. 139—240, 296—321; Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 28, М., 1966, стр. 236—239.

- 2) Ответ на послание Иосифа Волоцкого И. И. Третьякову (неизвестного автора);¹⁶
- 3) сочинения Вассиана Патрикеева;¹⁷
- 4) сочинения Досифея Топоркова;¹⁸
- 5) послания Федора Карпова: Максиму Греку,¹⁹ монаху Филофею,²⁰ митрополиту Даниилу;²¹
- 6) сочинения Дмитрия Герасимова: послание к дьяку Мисюрю Мунехину, послесловие к переводу Толковой псалтыри Брунона;²²
- 7) сочинения Максима Грека;²³
- 8) послания монаха Филофея;²⁴
- 9) Повесть о втором браке Василия III (неизвестного автора);²⁵
- 10) Похвальное слово великому князю Василию III (неизвестного автора);²⁶
- 11) редакция В. М. Тучкова Жития Михаила Клопского;²⁷
- 12) Житие архиепископа Серапиона (неизвестного автора);²⁸
- 13) Житие Иосифа Волоцкого, составленное Саввой Черным;²⁹
- 14) сочинения Льва Филолога: Житие Иосифа Волоцкого, Слово похвальное князю Михаилу Черниговскому, «Слова» на память Зосимы и Савватия Соловецких, письмо к монаху Богдану;³⁰
- 15) сочинения Зиновия Отенского: послания,³¹ «слова»,³² «Истины показание» и «Послание многословное»;³³
- 16) Летопись Дубровского;³⁴

¹⁶ См.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 336—366.

¹⁷ См.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 223—281.

¹⁸ См.: Надгробное слово преподобному Иосифу Волоцкому, инока Досифея Топоркова. Изд. К. Невоструева. М., 1865; Волоколамский Патерик. — В кн.: Семинарий по древнерусской литературе при Московских высших женских курсах, № 5. Б. м., 6. г.

¹⁹ Сочинения Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, стр. 274—277 (в подстрочном примечании); ГИМ, Синод., № 791, лл. 122—123 об.; ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 4025, лл. 124 об.—125 об.

²⁰ ГБЛ, ф. 380 (собр. Тихонравова), № 380, л. 124—124 об.

²¹ ГПБ, Q.I.1439, лл. 314—329.

²² См.: Прибавления к изданию творений святых отцов, ч. XVIII. М., 1859, стр. 190—192; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. 1. Казань, 1881, стр. 150—151.

²³ Сочинения Максима Грека, ч. I. Казань, 1859; ч. II. Казань, 1860; ч. III; ТОДРА, т. I, Л., 1934, стр. 111—120; В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения, Приложение, стр. 81—84; ВВ, т. XXVI, М., 1965, стр. 128—136.

²⁴ См.: В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Приложение, стр. 7—24, 26—66.

²⁵ ТОДРА, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 115—118.

²⁶ Археографический ежегодник за 1964 г., М., 1965, стр. 281—289.

²⁷ Л. А. Дмитриев. Повести о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958, стр. 141—167.

²⁸ ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 152—165.

²⁹ ВМЧ, сентябрь 1—13. СПб., 1868, стлб. 453—499.

³⁰ ЧОИДР, 1903, кн. 3, отд. II, стр. 13—47; ВМЧ, сентябрь 14—24. СПб., 1869, стлб. 1308—1336; Православный собеседник, изд. при Казанской духовной академии, 1859, № 6, стр. 229—240; № 7, стр. 347—368; Прибавления к изданию творений святых отцов, ч. XVIII, М., 1859, стр. 527.

³¹ ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 219—224; т. XXV, стр. 125—134.

³² ТОДРА, т. XXI, стр. 173—182; Ф. Калугин. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, Приложение, стр. 17—26.

³³ Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия. Казань, 1863; А. Попов. Послание многословное. Сочинение инока Зиновия. — ЧОИДР, 1880, кн. 2.

³⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 490—536 (отражает владычное новгородское летописание).

17) Воскресенская летопись;³⁵

18) Софийская 2-я летопись.³⁶

При изучении литературного стиля авторов и способов использования ими библейских текстов мы, естественно, принимаем во внимание оригинальную часть памятников в Никоновской летописи — только вставленные редактором этой летописи фрагменты. Результаты наблюдений резюмируем в следующих пунктах.

1. Если говорить о композиции произведений митрополита Даниила, необходимо отметить, что многие из них построены по трехчастному принципу: высказываемое в начале положение подтверждается затем цитатами из Библии и сочинений отцов церкви, а в конце помещается соответствующее поучение. В Никоновской летописи некоторые вставные фрагменты, имеющие вполне законченный характер, построены по аналогичному принципу. Таковы, например, рассуждения о «нищелюбии» князя Владимира под 6516 г. (IX, 69) и поучение на тему «Аще гонят вас во граде сем, бегайте в другой» (IX, 214). В небольшом этюде «Девство бо есть аггельское житие» (IX, 226—228) использованы, помимо библейских текстов, толкования Иоанна Златауста на Евангелие от Матфея (в переводе Максима Грека; заимствованы отдельные фрагменты из Бесед 68, 69, 70). Характерно, что и окончание здесь такое же, как в одном из произведений Даниила:

Никоновская летопись

Сиа убо блаженный Златауст и прочии святии сему согласуют (IX, 228).

Сборник Даниила

Сиа убо священный Златауст и прочии святии тако глаголют (М, л. 242 об.).

Упомянем, наконец, поучения о вреде объедения и пьянства (XI, 130) и на тему: «Яко мнози праведнии злою смертию умирают, а грешнии праведною» (XI, 212); последнее включает в себя свидетельства Афанасия Александрийского, Анастасия Синайского и др.

2. Характерна для произведений Даниила организация речи, строящаяся на повторении однородных членов предложения. Та же черта присуща вставным текстам Никоновской летописи. Ограничимся следующими примерами:

«Еже бо супротив брань на брань воздвизати, и жесточяти, и сверепетти, и в ярость приводити, и сице убо бедныя и смертносныя дела совершаються; но сице убо тихостию, и кротостию, и увещательными и сладкими словесы, и всяческим мудрованием утоляти гнев и ярость» (IX, 214);

«...всяка горесть, и ярость, и гнев, и вопль да отъимется от вас со всякою злобою; гнев бо и ярость велиа содевает злая, сице же и зависть и лукавство; тем же потребно есть бегати, и внимати себе, и бдети и молитися» (IX, 214);

«... часто приходя и сматряя лесы великия и дебри пустынные и непроходимыя и тишину и мльчание велие, и въздыхаше и сетоваше, и умиляшешя, и слезный свожаше от очию источник, и глаголаше» (XI, 217).

Типичным для обоих авторов является включение в текст различных комбинаций из слов «тихость», «кротость», «смирение», «любовь», «милость» и др. (см. ниже). Создающаяся в результате определенная рит-

³⁵ ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856; т. VIII, СПб., 1859 (отражает московское великокняжеское летописание).

³⁶ ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 119—276, 320—354 (отражает митрополичье летописание).

мичность речи поддерживается многократно повторяющимися отдельными словами, выражениями, фразеологическими оборотами. См., например, повторы слов «гнев и ярость» в приведенном выше отрывке (IX, 214) или «благочиние и красота» в статье 6495 г.: «всяко *благочиние* и *красоту* о господи чудно устроиша», «показующе им церковную *красоту* и *благочиние*», «предстояща господеву в велице *благочинии* и *красоте*», «несть бо на земли таковыя *красоты* и *благочиния*», «ни забыти можем сицевыя *красоты* и *благочиния*» (IX, 52—53).

3. Вставные тексты Никоновской летописи в большинстве случаев имеют молитвенные заключения двух типов: «молитвами преславных (пречистых) богородици и всех святых, аминь» (IX, 56, 149) — и другое, более распространенное: «благодатию и человеколюбием' господа нашего Иисуса Христа, ему же слава и держава (с отцем и с святым духом, ныне и присно и) в веки веком, аминь» (IX, 70, 252; XI, 161, 209). Подавляющее большинство окончаний в сочинениях митрополита Даниила также имеют указанный вид: концовки 1-го типа встречаются 28 раз,³⁷ 2-го типа — 37 раз.³⁸ Для сравнения заметим, что заключения 1-го типа употреблены 4 раза в Софийской 2-й летописи и по 3 раза у Иосифа Волоцкого и в Воскресенской летописи; выражения 2-го типа встретились лишь по одному-два раза у Иосифа Волоцкого, Вассиана Патрикеева, Досифея Топоркова, Максима Грека и Льва Филолога.

4. Во вставных текстах Никоновской летописи (и только в них!) довольно часто (20 раз) попадают слова «любомудрие», «любомудрствовати» и т. п.: IX, 55, 58 (2 раза), 214 (2 раза, в одном случае — «мудролюбезно»), 223 (2 раза), 226 (3 раза); X, 203, 204, 218; XI, 11, 26, 102, 110, 176, 194, 230. Оказывается, у митрополита Даниила слово «любомудрие» одно из наиболее частых, в его сочинениях оно встретилось 111 раз, причем в двух случаях в форме «мудролюбезно» (К, л. 245—245 об.). Стремление использовать любимые слова сказалось и в редакторских приемах: в рукописи ГБЛ, Троиц., № 131 на л. 34 между словами «о сих упражениих» рукой Даниила сверху написано: «любомудрствующе».

У других писателей слово «любомудрие» используется весьма ограниченно. Так, оно встретилось по 7 раз у Зиновия Отенского, Иосифа Волоцкого и в Софийской 2-й летописи, по одному — у Филофея, Василия Тучкова и в Воскресенской летописи. Несколько особняком в этом смысле стоит Слово на память Зосимы и Савватия Соловецких, приписываемое Льву Филологу. Здесь «любомудрие» употреблено 25 раз, но следует сказать, что более половины из них (14 слов) использованы в «связках», по несколько слов в одном предложении, что не характерно ни для Даниила, ни для составителей Никоновской летописи.

5. Среди вставок Никоновской летописи (и только в них) встречается выражение «сласти плотские»: IX, 119; XI, 159. В сочинениях митрополита Даниила оно использовано 13 раз,³⁹ из других писателей его употребил лишь Максим Грек (один раз).

³⁷ В₁, л. 68; С, лл. 224 об., 226 об., 230, 235 об., 270 об., 289, 291, 294, 297, 358, (2 раза); П, л. 217; К, лл. 121 об., 210, 243 об., 245 об., 250, 287 об., 311, 313 об. (в трех случаях добавлено: «и святых чудотворцев Петра и Алексея»); М, лл. 95 об., 242 об., 281 об., 333, 336 об., 356 об., 442 об.

³⁸ В₁, л. 235 об.; В₂, л. 424 об.; С, лл. 248 об., 282 об., 296; К, лл. 211 об., 213 об., 215 об., 217 об., 221, 224 об., 231 об., 240, 261, 269, 294, 297, 356, 416, 419; М, лл. 5, 41, 64, 119, 204 об., 215 об., 238 об., 276 об., 352, 402, 414, 439 об., 463 об., 475, 476 об., 485 об., 486 об. (в шести случаях использована форма: «слава и держава, честь и покланяние»).

³⁹ В₂, л. 423; С, лл. 250, 283 об., 306 об., 335, 357; К, л. 215 об.; М, лл. 7, 39, 118 об., 409, 410, 454.

6. Слова «демон», «демонский» читаются в Никоновской летописи лишь во вставных фрагментах: IX, 58, 63, 66, 68, 195, 235, 238, 239; X, 13, 28, 92, 108; XI, 47, 126, 133, 185. «Демонскую» терминологию используют Иосиф Волоцкий и Лев Филолог (по одному разу, один раз также — в Воскресенской летописи), Максим Грек (6 раз). Однако наиболее часто эти выражения встречаются у Даниила (13 раз).⁴⁰

7. Чрезвычайно редкие слова «щапление», «щапिति» и т. д. читаются среди вставок Никоновской летописи: X, 224; XI, 102 (2 раза), 129, 131, 159, 211. В произведениях русских писателей первой половины XVI в. эти слова обнаружены только у Даниила (22 раза).⁴¹

8. Следующие выражения, попавшие в летопись: «огнь же хожаше... в толстоте велице» (X, 100), «постнически жити..., неже сладостными и толстыми» (XI, 130), — можно сопоставить с встретившимися у Даниила: «толъстота лыст» (К, л. 270 об.), «о толстоте пицей», «толстыя и тучныя трапезы» (Ж, стр. 37). Аналогичные выражения находим еще только у Филолога («толстота пици», «многотолстотные трапезы»).

9. В рукописи ГБЛ, Троиц., № 94 (л. 309 — 309 об.) рукой митрополита Даниила слова «исцеляют» и «целение» заменены на «врачуют» и «врачевание». В произведениях Даниила слова «врачевание», «врачевати» встречаются довольно часто (24 раза). Во вставных фрагментах Никоновской летописи также находим слова «врачеве», «врачевание» (IX, 116).

10. В ГИМ, Синод., № 230 (л. 20 об.) во фразе «от большого иереа» последнее слово заменено Даниилом на «архиереа». В рукописи ГБЛ, Троиц., № 131 (л. 1 об.) к имени Василия Великого рукой Даниила добавлено: «всемудрый архиерей». В одном из своих посланий Даниил говорит: «сия же вся изыщется от бога страшно на нас архиереох» (К, л. 120 об.); слово «архиерей» встречается и в других его сочинениях (М, лл. 95, 120, 482). Следует обратить внимание, что в Никоновской летописи под 6915 г. к имени патриарха добавлены слова «священный архиерей» (XI, 195).

11. В рукописи ГИМ, Синод., № 230 (л. 194) рукой Даниила слово «възва» (во фразе «възва старец») заменено на «возопи гласом велиим». Это выражение (заимствованное из Библии) встречается в сочинениях Даниила, попало оно и в Никоновскую летопись: X, 56, 91, 185.

12. В рукописи ГБЛ, Троиц., № 131 (лл. 2, 20 об.) слово «стрый» заменено Даниилом на «дядя». Интересно, что в Никоновской летописи в одном случае к слову «стрыа» сделано добавление «сиречь дяди» (IX, 120), в другом оно заменено на слово «дядя» (X, 56).

13. В списке ГИМ, Синод., № 280 (л. 540 об.) к слову «слободы» рукой Даниила добавлено «с данми». Аналогичные добавления видим в тексте Никоновской летописи: «слободы купленыя и з данми и села лучшаа и з данми» (IX, 221), «слободы и власти и з данми» (IX, 223).

14. В той же рукописи на л. 481 слова «от Рима» переделаны почерком Даниила на «из Рима от папы». Сочетания «из Рима от папы», «в Рим к папе» неоднократно встречаются во вставных фрагментах Никоновской летописи: IX, 39, 42, 43, 57, 64, 68, 116; X, 37 (2 раза), 38, 40, 172, 183; XII, 39.

⁴⁰ К, лл. 232 об., 233, 236 об., 238, 241, 243, 270, 288, 294 об.; М, лл. 454 об., 484 об. Ср. также: Н. Н. Покровский. Судные списки Максима Грека и Исака Собака. М., 1971, стр. 122, 123.

⁴¹ В₁, лл. 58 об., 67 об.; К, лл. 215, 276, 286 об., 291, 293 об. (2 раза), 415, 418 об.; М, лл. 60, 60 об., 278 об. (2 раза), 461 об., 484 об. (2 раза); Ж, стр. 37 (4 раза), 38.

15. В той же рукописи на л. 525, в тексте статьи 6586 г., к названию «Болгары» рукой Даниила приписаны слова «Воложския и Камския». Это добавление вошло в Никоновскую летопись, где это выражение встречается еще в целом ряде случаев: IX, 4, 66, 115, 230, 247 (2 раза); X, 15, 50, 83, 97, 125, 188; XII, 9.

16. Пространная запись в Никоновской летописи об учреждении в Новгороде архиепископской кафедры (IX, 233), с повторением в другом месте, что «в Новгороде в Великом изначала быша епископ, а не архиепископи, до лета 6674» (XI, 143), возникла, надо думать, по инициативе митрополита Даниила, так как против соответствующего известия в списке ГИМ, Синод., № 280 (л. 541 об.) на полях его рукой сделана киноварная помета: «Отсуду начаша нарицатися Новгородстии епископи архиепископъми».

17. Одна из примечательных особенностей Никоновской летописи — наличие родословных рядов, сопровождающих имена различных исторических деятелей. Отметим, что уже в источнике летописи — списке ГИМ, Синод., № 280 — родословные сведения внесены в текст самим митрополитом Даниилом. Так, под 6622 г. (л. 530) к имени князя Владимира приписано: «Мономах, сын Всеволожь, внук Ярославль, правнук великаго Владимира» (то же в Никоновской — IX, 144); под 6633 г. (л. 531) снова добавлено: «сын Всеволожь, внук Ярославль, правнук великаго Владимира» (ср. в Никоновской — IX, 152); под 6810 г. (л. 602) к имени князя Ивана Переяславского добавлено: «внук Александров, правнук Всеволожь, праправнук Юрия Долгорукого»; под 6827 г. (л. 605 об.) к имени Михаила Ярославича Тверского добавлено: «внука Ярославля ж, правнука Всеволожа, праправнука Юрия Долгорукого, преправнука Владимира Манамаха» (ср. в Никоновской — X, 187); под 6829 г. (л. 606) к имени Дмитрия Михайловича приписано: «внука Ярославля, правнука Ярославля ж, праправнука Всеволожа, преправнука Юрия Долгорукого»; под 6875 г. (л. 629) к имени великаго князя Дмитрия Ивановича приписано: «внуку Иванову, правнуку Данилову».

18. При перечислении христианских добродетелей, при описании явлений природы и поступков людей и у составителей Никоновской летописи и у митрополита Даниила наиболее часто используются слова: 1) тихость, 2) кротость, 3) смирение, 4) любовь, 5) милость. Эти выражения употребляются как самостоятельно, так и в сочетании со словами «умиление», «терпение», «простота», «молчание» и др. Из указанных выше 5 слов можно получить 26 различных комбинаций. Из них 5 комбинаций не встречаются ни в Никоновской летописи, ни у Даниила (2—4, 1—3—5, 1—4—5, 2—4—5, 1—3—4—5); в 3 случаях комбинации встречаются в летописи, но отсутствуют у Даниила (1—4, 1—5, 1—2—5) и в трех, напротив, отсутствуют в летописи, встречаясь у Даниила (3—5, 1—3—4, 2—3—4—5). Общий «спектр», таким образом, состоит из 15 комбинаций. Для сравнения укажем, что «спектр» Максима Грека содержит 11 комбинаций (в основном в сочетании со словом «правда», что не характерно ни для Даниила, ни для Никоновской летописи), Иосифа Волоцкого — 7 комбинаций, а у других писателей еще меньше.

Но из названных 15 общих комбинаций наиболее показательны следующие случаи (с частотой употребительности не менее трех раз в одном из текстов):⁴²

⁴² В летописи данная комбинация принимается во внимание, если в ее составе не менее половины новых (добавленных составителем) слов.

Комбинация	Количество употреблений	
	в летописи	у Даниила
1—2	13 раз	20 раз
1—3	1	3
2—3	2	13
3—4	17	17
4—5	4	6
1—2—3	6	16
1—2—4	4	3
2—3—4	2	7
3—4—5	5	4
1—2—3—4	4	13
1—2—3—5	3	4
1—2—4—5	2	5
1—2—3—4—5	7	6

Характерно, что две наиболее употребительные у Даниила комбинации («тихость»—«кротость» и «смирение»—«любовь») столь же употребительны и во вставных текстах Никоновской летописи. Учитывая, что при редактировании летописного текста возможности проявления литературной манеры все-таки более ограничены, чем при свободном письме, мы можем сделать вывод, что основные закономерности употребления комбинаций рассматриваемых слов Даниилом достаточно полно отразились в Никоновской летописи.

19. У обоих авторов содержатся утверждения, что смирением «грехи прощаются» и «вся блага обретаются». Сравним тексты:

Никоновская летопись

Смирением вся согрешения разрешаются и вся бо блага послеваются (XI, 195).

Смирением бо вся блага обретаются, без него ничтоже бывает (XI, 211).

Сочинения Даниила

Смирения бо ради вся блага бывают нам. Смирение бо... многа съгрешения пращает. Кроме же смирения прощение грехов не бывает, ниже ино что исправляется (B₂, л. 414 об.).

20. Особенностью обоих авторов является настойчивое обличение «глумлений» и «играний» (IX, 115; X, 213, 214; XI, 109; у Даниила: K, лл. 278 об., 284 об., 286 об., 295 об., 296; M, л. 458), а также «смехотворных бесед», «плясаний» и «позорищ бесовских» (XI, 194, 210, 222; у Даниила: K, лл. 248 об., 275, 284 об., 285, 294 об.; M, лл. 238, 407, 407 об., 408, 411, 437, 458, 484 об., 485; Ж, стр. 37).

21. Сравним терминологию, используемую в тех случаях, где говорится о «суете» человеческой жизни. «Суетное житие», «прелестное житие», а также их сочетание («суетное и прелестное») названы во вставках Никоновской летописи 12 раз, в сочинениях Даниила—27 раз; «маловременное (временное) житие»—в летописи 2 раза, у Даниила 8 раз; «маловременное, и бедное житие»—по одному разу; «скоропогибающее житие»—в летописи 3 раза, у Даниила 2 раза; определения «суетное и скоропогибающее», «суетное и мимотекущее» присутствуют и в Никоновской летописи, и в произведениях Даниила; часто встречается слово «мимотекущее»—в летописи 9 раз, у Даниила около 50 раз.

По частоте употребления отдельных терминов с Даниилом могут сравниться лишь Иосиф Волоцкий («суетное житие»—7 раз) и Максим Грек («суетное житие» и «маловременное житие»—по 8 раз), но у этих писателей (как и у других) не заметно использования всей системы указанных выражений.

22. В развитие предыдущей темы рассмотрим несколько общих выражений, присутствующих в Никоновской летописи и в сочинениях митрополита Даниила:

Никоновская летопись

Почто все мятемся? (IX, 190).
Воистину, все всяк человек и суетно течение его (IX, 195).

Сочинения Даниила

Что убо все мятемся, вси человеци?.. Воистину, все всяк человек и все мятется (С, л. 234).

Воистину, все всяк человек (К, л. 416).

Аще убо и образом ходит человек, но обаче все мятется (М, л. 237).

Что убо все мятемся? (М, л. 237 об.).

23. Рассуждение, помещенное в летописи: «Вси бо есмы в гостех в мимоградушем сем житии» (X, 24), находит соответствие в высказываниях Даниила: «Якоже бо в мимотечении зде есмы в настоящем сем житии и якоже в гостех пребываем» (В₁, л. 58; К, л. 275); «Яко гостей приат нас и скоро яко гостей отпустит нас на оно житие» (В₁, л. 58 об.; К, л. 276); «Всяк человек яко в гостех в мире сем пребываа» (М, л. 63 об.).

24. Еще одна параллель на ту же тему:

Никоновская летопись

Колико аще поживем, в землю отидем; писано бо есть, яко земля и паки в землю поидеши (XI, 109).

Вси убо умрети имамы и страшный суд приати пред господом богом, и страшно истязани будем о содеянных нами не точию о делех и словесех, но и о помышлениях (X, 56).

Сочинения Даниила

Земля, от неаже взяти быхом и в нуже паки отидем, и не точию смерть, но и по смерти, и не точию о делех, но и о помыслех истязаниа страшна (К, л. 312—312 об.).

...смерть и страшный Спасов суд, и делом и словесем и помышлением страшное наказание (М, л. 401).

25. В одном месте Никоновской летописи говорится, что человеческая жизнь «якоже сонное видение» (X, 80). То же самое выражение имеется у Даниила (С, л. 233); в других местах встречаем определение жития как «сонное» (К, лл. 216 об., 226 об.). Сравнения типа «яко сон, яко дым и яко сень» читаются и в Никоновской летописи (X, 80, 132, 150, 209, 225), и в сочинениях Даниила (С, лл. 230 об., 234, 284 об.; К, лл. 412 об., 417; М, л. 400 об.). Хотя выражения последнего типа заимствованы из Библии, в литературе первой половины XVI в. они не очень распространены (у других писателей встречаются всего по одному-два раза).

26. Любопытен портрет первого русского митрополита Михаила, помещенный в Никоновской летописи: «тих убо бе, и кроток, и смирен, и милостив премного, иногда же страшен и свереп, егда время требоваше» (IX, 57). Качества образцового пастыря обрисованы в Духовной грамоте Иссифа Волоцкого: «Подобает бо пастырю быти различну: кротку же и сверепу, смирену же и високу».⁴³ 11-е «слово» Духовной грамоты или близкий текст были использованы в одном из посланий митрополита Даниила, где указанная фраза читается в следующем виде: «Подобает бо пастырю милостиву и страшну быти, смирену же и високу» (С, лл. 223 об.—224). Никоновская летопись соединяет в себе особенности обоих текстов, а в переработке заметна стилистическая манера составителя свода.

⁴³ ВМЧ, сентябрь 1—13, стлб. 564.

27. У митрополита Даниила имеется следующее рассуждение: «Вси бо есмы едино божие създание и вси едино Адамовы внуци, род един ... и паче же едина христианскаа вера, едино крещение, едино всем причащение святых и божественных таин ... и сам создатель всех Христос бог» (К, л. 220; аналогично, но без упоминания «Адамовых внуков»: М, л. 460). То же самое читаем в Никоновской летописи: «создание есмы вси единого бога» (IX, 42); «вси бо есмы от мала до велика брата еднии, внуци Адамли, род и племя едино, едино крещение, едина вера христианскаа, единого бога имеем господя нашего Исуса Христа» (XI, 58). И в других местах встречаются выражения: «Адамови внуци» (XI, 27), «един род и племя Адамово» (IX, 42; X, 90, 95; XI, 8). Отметим, что у других писателей эти выражения не встречаются.

28. В одном месте Никоновской летописи читается: «всею силою стяжите страх божий в себе» (X, 49).оборот «всею силою» — один из любимых у Даниила; р.: «всею силою подшимся к деланию заповедей Христовых» (К, л. 213 об.), «всею силою заповеди Христовы потщимся съблюдати» (К, л. 217 об.), «всею силою духовное мудрование возлюбим» (К, л. 419), «всею силою потщимся и подвигаемся на вся дела благаа» (М, л. 402); другие примеры см.: К, лл. 209 об., 210, 295 об., 296 об.; М, л. 465 об.

29. Известно, что рассказ Никоновской летописи о Куликовской битве представляет собой соединение Летописной повести и Сказания о Мамаевом побоище. Возникшая таким образом особая редакция Сказания, по единодушному мнению исследователей, принадлежит перу самого составителя Никоновской летописи. Стилистические особенности произведения сближают его с творчеством митрополита Даниила;⁴⁴ но существует и внешний признак, свидетельствующий об авторстве Даниила. Заимствованная из Сказания «речь» митрополита Киприана к великому князю, где он поучал, что ярость «нечестивых» православным следует утолять «дарами», подверглась в Никоновской летописи значительному распространению.⁴⁵ И вот этот переработанный текст почти целиком помещен в сборнике с посланиями и поучениями митрополита Даниила (ГПБ, Q.I.1439, лл. 343 об.—344 об.). С одной стороны, видно, что «речь» представляла самостоятельный интерес для составителя Никоновского свода, поскольку она встречается и в другом месте (хотя и в несколько сокращенном виде), где вложена уже в уста Сергия Радонежского (XI, 145). С другой стороны, именно Даниил внес ее в свой сборник, придал ей вид отдельного произведения (изъятые личностные обращения, сделан заголовок «Православным»). Это обстоятельство также позволяет сближить личности составителя свода и митрополита Даниила.

30. Из набора библейских цитат, использованных во вставных текстах Никоновской летописи, наибольшее число встречается именно в произведе-

⁴⁴ Отметим присутствие родословных рядов, различных сочетаний из слов «тихость», «кротость», «смирение», «любовь», «милость», слова «демон», выражений типа «внуци Адамли» и др.

⁴⁵ ПСРЛ, т. XI, стр. 50—51: со слов «Видиши ли, господине» и до слов «исправися к нему и укроти ярость его». Содержание «речи» в различных редакциях Сказания одинаково, отличаясь лишь небольшими разночтениями, см.: ПСРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 128—129, 330 (летописная редакция); С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище. СПб., 1907, стр. 19 (вариант Ундольского Основной редакции); Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 48 (вариант О Основной редакции), 118 (список ГПБ, Погод., № 1414 распространенной редакции), 172 (Забелинский вариант Основной редакции); Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 19 (вариант Михайловского Основной редакции).

дениях Даниила — 39 цитат;⁴⁶ у Максима Грека их оказывается 22, у Зиновия Отенского — 19, у Иосифа Волоцкого — 13, у других писателей еще меньше.

31. Отметим заимствованные из других источников общие выражения, встречающиеся в Никоновской летописи и в сочинениях Даниила. Так, в летописи со ссылкой на Василия Великого приводится фраза: «Аще хощещи внити в рай, въздръжи чрево, бежи пианства» (XI, 130). То же читается у Даниила: «Рече Великий Василие: аще хощещи вселитися в рай, въздержи чрево» (М, л. 117 об.).

Сравним следующие фразы: «аще бы не тако умерл, умерл же бы всяко» (X, 187) и «аще убо бы и не тако умер он, но всяко умерл же бы» (К, л. 415). Аналогичное выражение встретилось нам еще только в летописи Дубровского: «аще не ныне умрем, умрем убо всяко» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, стр. 572).

В Никоновской летописи помещено высказывание: «глаголется убо, яко от зачинающаго рать погибаеть» (IX, 195). Интересно, что приведенная в Воскресенской летописи под 7043 г. речь митрополита Даниила включает в себя те же слова: «зачинающаго рать погубляеться».

32. Под 6918 г. в Никоновской летописи помещена «Повесть о преставлении блаженнаго Арсения епископа Тферскаго». Известие о болезни Арсения сопровождается поучением, содержание которого построено на материале 11-го «слова» Соборника митрополита Даниила: свидетельства Афанасия Александрийского, Анастасия Синайского, Патерика, подборка библейских текстов — все это нашло отражение в рассматриваемом отрывке.

Сравним тексты:

Никоновская летопись

Ничтоже о сем не дивитися, понеже бо жиа судьбы неиспытанны суть; сего ради подобает нам себе внимати и о своих гресех плакати, а о тайных судьбах бо жиних не пытаи: вышших бо тебе, рече, не пытай и глубочайших тебе не ищи; рече великий Афонасие, яко множицею и мужии благочестивии мучатся преже смерти, яко да мы, зряще, убоимся и уцеломудримся; паче же и святии, иже мал некак недостаток имущи, таково мучением, иже на смерти, совершено очищаются и непорочни отходят; грешници же тихо и мирно и вскоре издышут, яко да тамо, отшедше, нестерпиму всяко примут муку;

рече святой Анастасий Синайский: много спасения обретают, иже горкою смертию от тела отлучаются;

Сочинения Даниила

Яко же рече писание, неиспытанны судьбы бо жиа суть (М, л. 357 об.).

О божественных его судьбах, яже он не повеле, не подобает пытаи: вышших бо, рече, тебе не пытай и глубочайших тебе не ищи (М, л. 353).⁴⁷

Великаго Афанасия архиепископа Александръскаго: ... яко множицею и мужие благочестивии мучатся преже смерти или на смерти, яко да и мы, зряще, убоимся и уцеломудримся; паче же и святии, иже мал некак недостаток имущи, таково мучением, иже на смерти, совершено очищаются и непорочни отходят; грешници же мирно и вскоре издышуть, яко да тамо, отшедше, нестерпиму всяко примут муку (М, л. 357).

Святого Анастасия Синайскаго: ... много бо спасение обретают, иже горкою смертию тела отлучающися (М, л. 358 об.).

⁴⁶ Псалт. 31, 10; 33, 20; 50, 19; 83, 11; 113, 11; Притчи, 6, 5; 9, 10; 19, 17; Исая. 30, 15; 66, 2; Матф. 7, 2; 7, 13—14; 11, 12; 11, 29; 19, 19; Лук. 6, 25; 10, 27; 21, 34; Иоан. 10, 1; 15, 13; 15, 17; Деян. 14, 22; Иаков, 2, 13; 4, 6; I Петр. 2, 17—18; 4, 8; I Иоан. 4, 8; 4, 16; 4, 20; Иуд. 1, 22—23; Рим. 9, 18; 9, 19; 11, 33—34; 12, 19; 13, 3; I Кор. 6, 14—16; Гал. 5, 14; Евр. 10, 31.

⁴⁷ Данный фрагмент содержится в оригинальной части — в предисловии к 11-му «слову» Соборника.

рече некий от отецъ: никтоже может судьбы божиа уведети;

мнози убо и праведнии безчестную и стропотную смерть приемлют, мнози же и грешнии не нужною, но тихою и кроткою смертию разлучаются от тела; темже о всех таковых и прочих великий апостол Павел, возопив, рече: о глубина богатства и премудрости и разума божиа, яко не испытанни судьбы его и не исследованни путие его; кто бо разуме ум господень или кто съветник ему бысть? (XI, 12).

От Отеческих: мнози суть судьбы. . и кто может сих уведети (М, л. 364 об.).

Судбы божиа ведати нам невозможно-
сть (М, л. 357).

... мнози праведнии злою смертию умирают, а грешнии праведною (М, л. 372 об.),

... нужною смертию умирают (М, л. 358).

Апостолово еже к Римляном: о глубина богатства и премудрости и разума божиа, яко не испытани судьбы его и не исследовани путие его; кто бо разуме ум господень или кто съветник ему бысть? (М, л. 364 об.).

Помимо того, что текст заимствован из произведения, принадлежащего Даниилу, сама переработка его произведена в духе Даниила — редактора Никоновской летописи. Так, включено сочетание слов «тихий и кроткий»; появление выражения «о своих гресех плакати» соответствует вкусам того и другого: оно встречается во вставных текстах Никоновской летописи (XI, 203, 234 (2 раза)) и в сочинениях митрополита (С, л. 297 об.; К, лл. 210 об., 211* об., 247; М, лл. 356, 412 об., 460); у Даниила же неоднократно используется слово «стропотный»; отметим стремление к повторению однородных членов предложения: «подобает нам себе внимати и о своих гресех плакати, а о тайных судьбах божиих не пытати», «тихо и мирно и вскоре издышут», «безчестную и стропотную смерть», «тихою и кроткою смертию», «о всех таковых и прочих».

Рассмотрение идеологической позиции и литературных приемов составителя Никоновской летописи позволяет отождествить его с митрополитом Даниилом, который, следовательно, являясь не только организатором создания летописного свода, но и лично редактировал некоторые тексты.

Р. П. ДМИТРИЕВА

Волоколамские четьи сборники XVI в.

Волоколамский монастырь в XVI в. был одним из видных и значительных центров книжности. Хорошо сохранившаяся собранная в нем библиотека свидетельствует о книжных интересах и литературных вкусах обитателей Волоколамского монастыря и лиц, связанных с этим монастырем. Среди рукописей монастыря, относящихся к XVI в., значительную долю составляют так называемые четьи сборники. Изучение состава этих сборников и выявление их общих особенностей помогает в известной мере проследить ту роль, которую сыграл Волоколамский монастырь в литературной и культурной жизни XVI в. Установление типичных черт, свойственных большинству волоколамских четьих сборников, позволяет конкретизировать условия создания и бытования отдельных литературных произведений.

Для того чтобы понять некоторое своеобразие и особые черты, свойственные волоколамским четьим сборникам XVI в., необходимо хотя бы кратко остановиться на характеристике развития четьих сборников в XV в.¹ Наиболее интересной чертой в эволюции четьих сборников этого периода было появление среди них разновидности, названной мною условно сборниками энциклопедического типа. Возникновение этого типа сборников было определено оживлением общественной и литературной жизни на Руси во второй половине XV в. Сборники энциклопедического типа представляют наибольший интерес, так как именно они сохранили нам произведения светской литературы, которые появились в XV в.

В состав этих сборников включались статьи с самым разнообразным содержанием, начиная с отрывков из философско-богословских трактатов и кончая заговорами от болезней и рецептами изготовления чернил. Статьи в этих сборниках преимущественно бывают незначительными по размеру, большие произведения включаются в них только в виде отдельных отрывков и выписок. При всем многообразии и многоплановости состава сборников в них можно выделить ряд тем, которые постоянно повторяются почти во всех этих сборниках: 1) спорные вопросы церковной догматики; 2) космография, астрономия, география, описания явлений природы и животного мира; 3) исторические сочинения (в виде отрывков из больших произведений и в виде краткого перечня важнейших событий всемирной и русской истории); 4) занимательное чтение (апокрифические сочинения и повествовательная литература, которая получила рас-

¹ Подробнее см.: Р. П. Дмитриева. Четьи сборники XV в. как жанр. — ТОДРА, т. XXVII, Л., 1972, стр. 150—180.

пространение во второй половине XV в.); 5) статьи, которые служили владельцу сборника в качестве справочно-практического пособия.

Владельцами этих сборников нередко оказывались писцы и дьяки. Это, видимо, и была наиболее активная читающая среда, с которой связано было литературное развитие во второй половине XV в. Наиболее типичными сборниками энциклопедического типа являются сборники книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. Но Ефросин не был одинок. Дошедшие рукописи позволяют назвать разные географические точки, где такие сборники существовали: Псков, Вологда, Кирилло-Белозерский монастырь, Троице-Сергиева лавра, Украина, западные области. Развитие жанра энциклопедических сборников было повсеместным, отдельные сборники не отражают каких-либо ярко выраженных местных тенденций.

Характерным признаком сборников энциклопедического типа является несколько небрежное внешнее оформление. Они обычно написаны несколькими почерками; к сборнику постепенно прилетались новые тетради и внутри них часто вписывались дополнительные статьи. Эти сборники не переписывались, а постепенно пополнялись владельцем — по мере приобретения им интересующих его произведений.

Этот тип сборника продолжал существовать и в начале XVI в.; он по-прежнему имел широкое распространение, был характерен и для Троице-Сергиевой лавры, и для Кирилло-Белозерского и Волоколамского монастырей. Сохранившиеся сборники Волоколамского монастыря не являются наиболее яркими, но общая тенденция сборников энциклопедического типа в них сохраняется.

Установившаяся в XV в. традиционная форма четых сборников продолжает и в XVI в. существовать и развиваться повсеместно. В количественном отношении число четых сборников сравнительно с XV в. значительно выросло. Это безусловно касается и Волоколамского монастыря. Описи рукописей Волоколамского монастыря, составленные в XVI в., свидетельствуют о постоянном пополнении библиотеки в течение всего этого столетия. Значительную долю среди новых поступлений занимают четые сборники.

Волоколамские сборники, целиком посвященные церковно-богословской тематике и учительной переводной литературе, в данной работе не рассматриваются. Внимание главным образом привлечено к тем четым сборникам, в которые включены русские сочинения XVI в., и особенно к сборникам, имеющим в своем составе литературные и другие произведения светского содержания.

Среди волоколамских сборников этого типа удастся выделить группу сборников, которые приобрели некоторые черты, свойственные только данному литературному центру. Эти волоколамские сборники безусловно ведут свое происхождение от сборников энциклопедического типа XV в., упомянутых выше. Но постепенно они утрачивают многоплановость содержания и назначения, свойственную энциклопедическим сборникам, и в содержании их намечается определенная направленность, что и позволяет говорить об их своеобразии. Наиболее четко это своеобразие волоколамских сборников проявилось примерно к середине XVI в. Все эти сборники принадлежат постриженникам Волоколамского монастыря или лицам, тесно связанным с монастырем.

Следует отметить, что установление особого типа волоколамских четых сборников совпадает с ростом церковно-политической значимости Волоколамского монастыря в XVI в. «С начала XVI в. монастырь Иосифа стал местом, откуда выходило большинство иерархов русской

церкви. Главой русской церкви, митрополитом всея Руси стал преемник Иосифа по игуменству Даниил; из игуменов Волоколамского монастыря вышел и другой русский митрополит XVI в. — Макарий». ² Значительные епископские кафедры были заняты постриженниками Волоколамского монастыря.

Многие из рассматриваемых волоколамских сборников принадлежали видным церковно-политическим деятелям, и знакомство с содержанием этих сборников помогает определить общественные интересы и литературные вкусы их владельцев, причем некоторые из владельцев сами были причастны к публицистическому и писательскому творчеству.

В. О. Ключевский так определяет значение Иосифова монастыря в литературной жизни XVI в.: «На сильное участие монастыря в умственном и литературном движении на Руси XVI в. еще яснее, чем эта библиотека, указывает длинный ряд литературных произведений, написанных в стенах этого монастыря или людьми, из него вышедшими. Судя по количеству и качеству этих произведений, можно сказать, что ни один русский монастырь не обнаружил литературного возбуждения, равного тому, какое находим в обители Иосифа». ³ Такое мнение о Волоколамском монастыре, как о виднейшем литературном центре, в какой-то степени определено системой, по которой создавались четьи сборники этого монастыря. Думаю, что не менее значительным литературным центром как в XV, так и в XVI в. оставался и Кирилло-Белозерский монастырь. Но там не было выработано такого охранительно-бережного отношения к своим произведениям, какое было создано в Волоколамском монастыре. Каким путем волоколамские старцы этого добились, выясняется из изучения состава четьих сборников этого монастыря и сопоставления их между собой.

Вернемся к началу века, когда еще повсеместно существовали сборники энциклопедического типа. Ранние волоколамские сборники тоже отражают эту традицию, сохраняя разносторонность содержания. Правда, в библиотеке Волоколамского монастыря таких сборников насчитывается мало и они недостаточно ярки по составу. Но в данном случае не столько важно количество, сколько констатация факта, что получивший в конце XV в. распространение тип четьего сборника проник также и в Волоколамский монастырь.

Прежде чем перейти к конкретным примерам, следует обратить внимание на особенности процесса написания четьих сборников. Четьи сборники, особенно сборники энциклопедического типа, как правило, составлялись их владельцами постепенно, иногда в течение нескольких лет. Владелец подбирал в свой сборник статьи самыми разными способами: переписывал сам, приобретал и приплетал отдельные тетради и листы, написанные другими, современными владельцу писцами, включал иногда статьи, переписанные в более раннее время. Поэтому в энциклопедических сборниках встречаются незаполненные листы и разновременные записи. Нередко в промежутках между отдельными статьями владелец в дальнейшем включал различные мелкие пометы и записи. Иногда впоследствии он скреплял такой сборник как единое целое или составлением оглавления, или единой нумерацией по листам.

Такой способ создания четьих сборников переходит и в XVI в. Многие из сохранившихся четьих сборников XVI в. имеют эти внешние

² См.: Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. — ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 135.

³ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 291—292.

признаки. Наглядным примером того, что составитель, подбирая темы для своего сборника, не обязательно сам все в него вписывал, может служить рукопись из Волоколамского собрания № 514 (далее: собр. Волок.). В предисловии к ней сообщается, что «книга сия, глаголема съборник от многих книг», была написана в 1563 г. новгородским архиепископом Феодосием при участии его учеников Иереми и Евфимия. Об этой же рукописи в монастырской описи 1545 г. сказано, что ее Феодосий «при себе собрал от многих книг».⁴ Таким образом, составитель сборника, пополняя свой сборник, не только сам вписывал сочинения на интересующие его темы, но и делал заказы профессионалам-писцам. В упомянутом примере статьи были написаны для владельца его учениками, — это был один из способов выразить глубокое уважение своему учителю.

Развитый в Волоколамском монастыре обычай почитания наставников нашел проявление во всех сферах писательской и книгописной практики этого монастыря, в том числе, как видим на примере рукописи Феодосия, это отразилось и на способах пополнения четых сборников. Выражением особого пиетета к наставнику являлось и то, что сами наставники иногда оставляли автограф в рукописях своих учеников. Так, все тот же Феодосий оказал внимание своему ученику Евфимию и вписал в его сборник (рукопись ГПБ, Q. XVII. 50) свои сочинения на лл. 267—273, 341—345 об. В свою очередь Евфимий переписал собственное сочинение «О преставлении старца Феодосия, бывшего архиепископа великаго Новаграда и Пьскова, и о житии его вкратце» в сборник своего ученика Левкея Аишева (рукопись Волок., № 512).

Надо отметить еще одну особенность процесса составления четых сборников. Безусловно, с точки зрения выяснения литературной среды, в которой бытовали литературные произведения, наибольший интерес представляют сборники, владельцы которых целенаправленно отбирали для них материал. В таких случаях состав рукописи помогает определить вкусы и интересы, а иногда и черты литературного творчества ее составителя, например приемы редактирования. Каждый из таких сборников является индивидуальным и единственным. В XVI в. эти сборники перестают быть уникальными, их начинают копировать, причем не только отдельные части, но и целиком. Чаще всего это происходит в том же литературном центре, где был составлен оригинал. Такие примеры встречаются и среди волоколамских сборников. Скопированный сборник естественно уже приобретает несколько иной внешний вид: статьи написаны подряд, аккуратно, с сохранением единого типа письма, нередко произведения отделены друг от друга киноварью. По всей видимости, копии писали по заказу писцы-профессионалы.

Как уже было сказано выше, тип энциклопедического сборника продолжает существовать в начале XVI в.; встречаются такие сборники и среди волоколамских рукописей. Наиболее типичной и интересной рукописью, составленной в традициях энциклопедических сборников, является рукопись, относящаяся примерно к 20-м годам XVI в., из собрания Епархиального № 410 (далее: собр. Епарх.). Рукопись сохраняет внешние признаки, свойственные энциклопедическим сборникам: она имеет малый формат (в 8-ку), написана убористо, местами небрежно, разными почерками, в том числе текст на лл. 47—60 написан в XV в. В рукописи есть статьи из разных областей знаний. Помимо отрывков из житий и патерика, в сборник включены статьи естественно-познавательного и гео-

⁴ Опись Иосифова Волоколамского монастыря 1545 (7053) года. — В кн.: В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, стр. 19 (далее: Опись 1545 г.).

графического характера («Лунное течение», «О четырех временах года», «Хождение Арсения Селунского»); широко представлена историческая тематика — переписаны часть Исторической палеи, родословная лиц библейской и византийской истории, летописный текст об испытании вер князем Владимиром, краткий русский летописец за 1283—1492 гг. с приписками за 1532 и 1540 гг. Включены в сборник Пасхалия на 7000 г., индекс отреченных книг (обе эти статьи часто встречаются в энциклопедических сборниках конца XV в.). Из литературных произведений переписаны Прение живота и смерти 3-й редакции и Притчи Варлаама. Наличие в сборнике Пасхалии и краткого летописца, основная часть которого оканчивается 1492 г., заставляет предполагать, что составитель в основу положил какой-то энциклопедический сборник конца XV в. Таким образом, описываемый сборник собственно отражает прошлое в развитии типа четвѣго сборника. Характерно, что Прение живота и смерти, появившееся в конце XV—начале XVI в., присоединено к сборнику такого типа, в какие в XV в. включались литературные произведения. Следует отметить, что в этой рукописи нет статей, связанных с литературной жизнью монастыря.

Сборник собр. Волок., № 535, написанный не позднее первой половины XVI в., в 8-ку, тоже еще тяготеет к сборникам энциклопедического типа. Владельцем его был Иона Пушечников, что устанавливается по описи книг 1545 г.⁵ В нем, как обычно бывает в энциклопедических сборниках, много мелких статей и отрывков из больших произведений (из Зерцала, Пчелы, Палеи). Имеются два апокрифических сочинения («Вопрос Иоанна Богослова Аврааму о праведных душах», «Послание Авгаря к Иисусу Христу»). В то же время в этом сборнике появились уже черты, которые будут повторяться во многих волоколамских сборниках. Здесь переписаны сочинения современников владельца сборника, которые были связаны с Волоколамским монастырем (Послание митрополита Даниила, Послание митрополита Симона Иосифу Волоцкому, Послание самого Иосифа Волоцкого и его духовная). Вместо краткой всемирной хроники и краткого русского летописца, которые часто включались в энциклопедические сборники XV в., в этом сборнике переписан только Летописец Иосифа Волоцкого — краткая биографическая справка об Иосифе Волоцком. Как увидим дальше, этот летописец часто присутствует в волоколамских сборниках.

Характер энциклопедического сборника до некоторой степени носит одна из рукописей (собр. Волок., № 661), принадлежавшая Дионисию Звенигородскому Лупе. В ней содержатся Повесть о Царьграде, выписки из Хронографа и Палеи, отрывки из краткого русского летописца, родословие великих русских князей, родословие удельных князей, ведущих род от Михаила Черниговского, в том числе звенигородских, к которым принадлежал и сам Дионисий. В этот сборник, как и в вышеупомянутый, включены публицистические сочинения современника Дионисия Звенигородского — два послания Нила Полева старцу Герману. В одном из посланий упоминается имя самого Дионисия.

Во второй рукописи Дионисия (собр. Епарх., № 405) еще больше проявлено внимания к произведениям, созданным одновременно с составлением рукописи.⁶ Наряду с византийскими житиями и отрывками из патеричных «слов» в рукопись включены русские сочинения, появившиеся

⁵ Опись 1545 г., стр. 18.

⁶ По водяным знакам — перчатка с розеткой из пяти лепестков, маленькая голова быка со стержнем между рогами (близки к №№ 1551, 1547, 1548 в альбоме

близко ко времени написания рукописи. К началу 20-х годов относятся произведения Максима Грека, включенные в сборник, — «Слово на латинов», направленное Федору Карпову, и одно из посланий Николаю Немчину.⁷ «Сказание о преподобном Пафнутии» представляет собой краткую летописную выписку, составленную на основании Жития Пафнутия Боровского, автором которого был Вассиан Санин. Из прибавленных хронологических выкладок следует, что это сказание было написано примерно в 1518 г.⁸ Две статьи о стихийных бедствиях (о наводнении в Неаполе и о землетрясении в стране Угорской) рассказывают о событиях 1524 г. Начинается же сборник Прением живота и смерти 3-й редакции второй группы. Заметим, что этот список Прения и список, упомянутый выше, в рукописи собр. Епарх., № 410, являются наиболее ранними из сохранившихся списков Прения этой редакции. Таким образом, Дионисий в свой сборник включал статьи, только что увидевшие свет. Интерес к современным сочинениям и особенно к тем, которые как-либо связаны своим происхождением с Волоколамским монастырем, это одна из черт, составляющих своеобразие волоколамских четых сборников.

Перейдем теперь к выяснению некоторых особенностей четых сборников, свидетельствующих о единых тенденциях в литературном круге волоколамских постриженников и о тесной связи, поддерживавшейся между ними. Следует подчеркнуть, что своеобразие волоколамских сборников более всего проявляется в сборниках, принадлежавших преимущественно видным монастырским и церковным деятелям, связанным с этим монастырем. В. Жмакин в своем исследовании о митрополите Данииле заметил: «Здесь замечательно то, что всякий сколько-нибудь выдающийся исторический деятель, вышедший из Волоколамской общины, непременно продолжал поддерживать с нею связь и наконец вносил свое имя в число монастырских вкладчиков книгами и деньгами».⁹

Упрочению такой традиции в монастыре способствовал уже сам Иосиф Волоцкий, который во второй редакции монастырского устава разрешал монахам иметь собственные вещи, в том числе книги и иконы, которые они могли продавать и покупать.¹⁰ Это был один из способов не прерывать связи с теми постриженниками монастыря, которые, получив высокие церковные должности, покидали монастырь. Сохранившиеся в монастырской библиотеке их книги свидетельствуют о том, что они действительно поддерживали связь и с монастырем и друг с другом.

В свою очередь установившаяся в монастыре книгописная и библиотечная система в значительной мере способствовала прославлению не только монастыря, но и лиц, связанных с ним. Те данные, которыми обладают сейчас исследователи многих авторов церковно-публицистических произведений XVI в., в значительной мере были сохранены вследствие системы ведения книгописного дела в Волоколамском монастыре.

Это касается раньше всего самого Иосифа Волоцкого. Еще при жизни Иосифа, в 1514 г., Нил Полев дал в монастырь написанную им рукопись,

Н. П. Лихачева, Вод. зн.) — рукопись можно датировать концом первой четверти и началом второй четверти XVI в. Этот сборник примерно в середине века был скопирован в том же Волоколамском монастыре (собр. Вол., № 638).

⁷ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969, стр. 110—111.

⁸ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 208. В. Ключевский цитирует по рукописи собр. Вол., № 638: «в чернечестве живота его 60 и 3 лета, а как поставил сей монастырь, 74 лета». Это же Сказание переписано в сборнике Марка Левкенинского (собр. Вол., № 515).

⁹ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 119.

¹⁰ Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого..., стр. 135.

которая содержала произведения только одного автора — монастырский устав и Просветитель Иосифа Волоцкого (собр. Соловецкого монастыря, № 301/326).¹¹ И уже с этого времени начинается прославление Иосифа Волоцкого через книгописную деятельность его приверженцев и поклонников. Как известно, местный культ Иосифа Волоцкого возник при Иване IV. Иосифляне стремились придать этому культу общерусское значение.¹² На протяжении всего XVI в. писательская и книгописная деятельность лиц, тесно связанных с монастырем, была направлена именно на это.

Одной из наиболее легко обнаруживаемых особенностей четких волоколамских сборников и является включение сочинений Иосифа Волоцкого в число переписываемых статей. Постриженники монастыря, как правило, составляя сборники, считали своим долгом включить¹ в них или сочинения самого Иосифа, или произведения, посвященные ему, написанные в среде волоколамских старцев. Поэтому его сочинения хорошо представлены в списках, близких ко времени создания их.

Если обратиться к спискам XVI в. сочинений Иосифа Волоцкого, то нетрудно будет убедиться в том, что этот автор в XVI в. был популярен только среди своих сторонников. По существу, его сочинения в этот период переписывались только в иосифлянской среде. Сличение списков произведений Иосифа Волоцкого по всем известным рукописям XVI в. дает следующую картину.

Широкое распространение получило самое значительное сочинение Иосифа Волоцкого — «Сказание о новоявившейся ереси», или Просветитель. Списки XVI в. этого произведения представлены двумя редакциями и большим числом изводов внутри редакций.¹³ Наиболее ранними и близкими оригиналу являются волоколамские списки. Однако «Сказание о новоявившейся ереси» переписывалось и в других литературных центрах. Путь проникновения произведения в эти центры не всегда можно установить, но безусловно его распространению способствовали единомышленники Иосифа Волоцкого. Так, один из сохранившихся списков Просветителя принадлежал митрополиту Макарию, который дал его вкладом в Боровский монастырь.¹⁴ С именем Макария надо связывать и включение других произведений Иосифа Волоцкого в списки Великих четий-миней (собр. Синод., №№ 174, 183, 986, 997; собр. Оболенского, № 51а).

Кроме Просветителя, в XVI в. сравнительно широко переписывались статьи из Устава Иосифа Волоцкого, списки которого встречаются в раз-

¹¹ Запись на л. 4 рукописи: «В лето 7022 дана бысть книга сна иноком Нилом Полевым по трех душах, написати их по преставлении в список повседневной Ксению, инока Марка, инока Нила, в обитель пресвятая богородица в строение преподобнаго отца нашего Иосифа, еже есть близ Волока Ламскаго».

¹² См.: Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 97.

¹³ См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 438—466.

¹⁴ Рукопись собр. Румянцева, № 204. «По благословению» Макария была написана иноком Пафнутиева-Боровского монастыря «Аркадцом» в 1538 г. рукопись собр. Софийское, № 1323, содержащая в своем составе Просветитель. Просветитель в списках XVI в. встречается в разных собраниях (собр. Троице-Сергиевой лавры (далее: ТСА), № 187; собр. Софийское, №№ 1246, 1462; ГБЛ, собр. Московской духовной академии, фонд. (далее: МДА), № 103; Горьковская библиотека им. В. И. Ленина, шифр 17).

ных собраниях (собр. Пискарева, № 143; собр. Софийское, №№ 1420, 1490, 1451, 1460).¹⁵

Основной фонд рукописного наследия сочинений Иосифа Волоцкого в списках XVI в. был создан и хранился в Волоколамском монастыре. Только благодаря тому, что постриженники монастыря собирали и включали в свои четвы сборники произведения Иосифа Волоцкого, так полно сохранилось его эпистолярно-публицистическое наследие. Все списки XVI в. с посланиями Иосифа Волоцкого своим происхождением связаны с Волоколамским монастырем. Исключением является список первого послания князю Юрию Ивановичу в рукописи собр. Софийское, № 1471, место и обстоятельства составления которой определить не удастся.

Четыре сборника (собр. Рогожское, № 530; собр. Синод., № 453; ГПБ, Q.I.214, собр. Мазурина, № 1054), датируемые примерно серединой XVI в. и содержащие значительное число произведений Иосифа Волоцкого, не имеют отметок о принадлежности их Волоколамскому монастырю. Но по характеру подбора статей они настолько близки волоколамским четвым сборникам середины XVI в., что можно не сомневаться в их волоколамском происхождении. Одна из названных рукописей (собр. Рогожское, № 530) имеет помету, что она была списана в 1552 г. для петровского священника Василия Кишатина Ивашкой Степановым, сыном Михайловым. В этой рукописи повторяется содержание сборника собр. Синод., № 453. Есть основание поэтому считать Рогожскую рукопись копией одного из волоколамских сборников, тем более что сохранился еще один сборник, повторяющий также полностью содержание сборника собр. Синод., № 453 — это рукопись конца XVI в. из собр. Егорова, № 457.¹⁶

До настоящего времени дошло 29 рукописей XVI в. с произведениями Иосифа Волоцкого, которые были написаны в Волоколамском монастыре.¹⁷ По данным этих рукописей устанавливается факт все большего возрастания интереса к сочинениям Иосифа до середины XVI в. В наиболее ранних рукописях, относящихся к началу века, включается по одному или по несколько произведений этого автора. Наибольшее число произведений Иосифа оказалось в составе рукописей, относящихся примерно к середине века. Владельцами их были видные волоколамские постриженники — Феодосий, Мартин Рыков, Евфимий Турков. Наиболее полное число сочинений Иосифа собрал в один из своих сборников (Q.XVII.64) Нифонт Кормилицын; Иосиф Волоцкий был автором восемнадцати статей этого сборника. Это свидетельствует о сознательной тенденции возрастания почитания основателя монастыря среди его постриженников.

Старательно сохраняли волоколамские старцы и сочинения второго своего игумена — Даниила. Многие списки его сочинений, относящиеся к XVI в., также находятся в сборниках, связанных своим происхождением с Волоколамским монастырем.¹⁸ Неясно происхождение нескольких

¹⁵ Рукописи собр. Пискарева, № 143 и собр. Софийское, №№ 1420, 1490 близки по составу и имеют общее происхождение.

¹⁶ В. Б. Кобрин. Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию. — Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 28, М., 1966, стр. 227—228.

¹⁷ Собр. Волк., №№ 515, 520, 529, 535, 564, 573, 522, 519, 500, 514; собр. Епарх., №№ 360, 574, 373, 404, 340, 339, 358; собр. Музейное, № 1257; собр. Мазурина, № 1054; ГПБ, Q.XVII.64, Q.XVII.50, Q.XVII.15, Q.I.214; F.I.229; собр. Рогожское, № 530; собр. Синод., №№ 453, 791, 927; БАН, 16.17.29.

¹⁸ Данные о списках сочинений митрополита Даниила в основном взяты по исследованию: В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.

рукописей. Во-первых, список «Отреченной грамоты» (собр. Погодина, № 1563), в настоящее время представляющий отдельную тетрадь, вырванную из сборника XVI в. Установить состав и владельца этого сборника невозможно. В XIX в. «Грамота» была вырвана П. М. Строевым и включена в сборник, уже им самим составленный. Во-вторых, это рукопись ГПБ, F.1.522. В нее включено собрание «слов» Даниила; когда и кем была сделана эта подборка произведений Даниила, установить не удалось. Кроме того, автограф Даниила с его сочинениями хранится среди рукописей Троище-Сергиевой лавры (собр. МДА, № 197).

Вернемся к вопросу о культе Иосифа Волоцкого, который создавался писателями и книгописцами из числа волоколамских постриженников. Одним из способов прославления было создание произведений, посвященных жизни и деятельности основателя монастыря. В волоколамской среде было написано несколько таких произведений. Наиболее популярным у владельцев четых сборников оказался краткий летописец, посвященный основным вехам биографии их патрона. Впервые на этот летописец обратил внимание А. А. Зимин в статье «Краткие летописцы XV—XVI вв.»¹⁹ Автор летописца остался неизвестен. Савва Черный при составлении Жития Иосифа Волоцкого большую часть фактических сведений брал из этого летописца. А. А. Зимин считает, что летописец был составлен в 30-е годы XVI в. Первоначальная его редакция, более пространная, дошла в одном списке — собр. Волоч., № 577, в сборнике Ануфрия Исакова, ученика Дионисия Звенигородского. Краткая редакция сохранилась в большом числе списков, наиболее ранним является список в рукописи собр. Волоч., № 535 Ионы Пушечникова. А. А. Зимин отметил 11 списков летописца (собр. Волоч., №№ 362, 515, 520, 564, 635; собр. Музейн., № 1257; собр. Синод., № 791; ГПБ, Q.XVII.15, Q.XVII.50, Q.XVII.64; собр. Волоч., № 572). К ним можно добавить еще три списка (собр. Епарх., №№ 381, 106; собр. Волоч., № 535). Все эти списки относятся к XVI в. и включены в четыре сборники волоколамских старцев. Многие из постриженников Иосифова монастыря считали своим долгом иметь у себя под рукой справку о биографических данных основателя монастыря. Но вне круга волоколамских постриженников этот летописец распространения не получил.

Другие произведения, посвященные Иосифу Волоцкому, менее часто встречаются в волоколамских четых сборниках. Возможно, это частично объясняется культовым назначением их, поэтому их распространяли больше через церковные служебные книги. Однако это объяснение не является исчерпывающим. Иосифляне упорно добивались канонизации своего учителя, поэтому они должны были быть заинтересованы в пропаганде всех видов произведений, посвященных Иосифу Волоцкому. Многие из них были написаны авторами из их же среды; к этим произведениям в Волоколамском монастыре относились внимательно, и владельцы сборников часто заимствовали их друг у друга. Как бы то ни было, списки с текстами службы и жития Иосифа Волоцкого немногочисленны и довольно близки между собой по времени их написания — 40—60-е годы XVI в.

Надгробное слово Иосифу, составленное Д. Топорковым, имеется в четырех волоколамских сборниках (собр. Волоч., № 551 — Нифонта Кормилицына; собр. Синод., № 927 — Вассиана Кошки; собр. Волоч., № 572 — Евфимия Туркова; сборник № 29, в 8-ку, описанный Строе-

¹⁹ А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — Исторический архив, т. V, М.—Л., 1950, стр. 4—5.

вым).²⁰ Автором службы Иосифу Волоцкому был почитаемый в Волоколамском монастыре старец Фотий, ученик Кассиана Босого. Списки службы XVI в. также немногочисленны (собр. Синод., № 927 — Вассиана Кошки; собр. Волок., №№ 572 и 412 — Евфимия Туркова; собр. Волок., № 564 — список конца XVI в.). Официальное житие, написанное по поручению митрополита Макария постриженником Иосифа крутицким епископом Саввой Черным в 1546 г., мне известно только в одной волоколамской рукописи — Синод., № 927. Житие Иосифа, автором которого, как предполагают был Лев Филолог, в волоколамской библиотеке сохранилось тоже в одном списке. Эта рукопись попала в Волоколамский монастырь в 1566 г. вместе с другими рукописями князя Д. И. Оболенского. По мнению В. О. Ключевского, автор последнего жития не только не был учеником Иосифа, но скорее являлся его противником.²¹ Наличие в библиотеке Волоколамского монастыря лишь по одному списку каждого из двух житий Иосифа, возможно, объясняется тем, что появление их не было связано непосредственно с монастырем, поэтому они и не вызвали к себе большого интереса у волоколамских старцев. Но это только предположение.

Из изложенного видно, что стремление иосифлян добиться канонизации своего патрона и утверждения его культа было тесно связано с развитием книгописания и писательского творчества в самом монастыре. Это отразилось на содержании волоколамских четых сборников. Наиболее характерные из них содержат или сочинения самого Иосифа, или произведения, прославляющие его.

Наряду с вниманием к произведениям, связанным с именем Иосифа Волоцкого, другой не менее характерной чертой типичных волоколамских четых сборников XVI в. является интерес к современным произведениям, авторами которых были старцы этого монастыря и видные церковные деятели, так или иначе связанные с жизнью монастыря. Многие постриженники его являлись авторами публицистических, агиографических и иных произведений. Это отразилось на подборе статей четых сборников. Список лиц, занимавшихся писательской деятельностью, довольно значителен. Ученики и последователи Иосифа Волоцкого постарались сохранить его писательское наследие и перенесли традицию бережного отношения и на сочинения других иосифлян.

Среди волоколамских старцев было принято подчеркивать почитание своих наставников. Во владельческих записях на четых сборниках очень часто помечается, чьим учеником является владелец сборника («Сборник письмо нищего Васиянишка, ученика старца Фатея, Касианова ученика Босово» — собр. Музейное, № 1257; «Сборник Ануфрея Исакова, Денисьева ученика Звенигородского» — собр. Волок., № 577; «Лета 7071 написана бысть книга сия, глаголаемая съборник от многих книг в обители пречистыя Богородици Иосифова монастыря, благословением и велением и последнее руки его прикосновением Феодосия архиепископа великаго Новгорода и Пскова и учеников его Иеремеа и Еуфимия. . .» — собр. Волок., № 514).

Почитание своих наставников выражалось не только таким формальным образом. Главное заключалось в том, что волоколамские старцы

²⁰ См.: П. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. СПб., 1831, стр. 201. Отождествить эту рукопись с сохранившимися рукописями не удалось. В ней переписан также Волоколамский патерик.

²¹ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 293.

в подбираемые ими сборники включали произведения своих учителей, создавали жизнеописания и некрологи, посвященные им. Так, Вассиан Кошка вписал в свой сборник (собр. Синод., № 927) житие своего учителя старца Фотия, автором которого он был сам, и житие Кассиана Босого, наставника Фотия.²² В рукописи собр. Волок., № 512 рукой самого Евфимия Туркова сделана запись о последних днях его учителя Феодосия, архиепископа Новгорода,²³ а в рукописи собр. Волок., № 213 помещен некролог, посвященный Евфимию Туркову. Кончину старца Кассиана Босого Нифонт Кормилицын описал в послании Василию III, текст этого послания он включил в свою рукопись (ГПБ, Q.XVII.64). В конце сборника (собр. Волок., № 577) Ануфрий Исаков сделал приписку о смерти своего учителя Дионисия Звенигородского. В краткий летописец, который составлял Марк Левкеинский, было включено сообщение под 1505 г., что умер старец Левкея (собр. Волок., № 515), в других кратких волоколамских летописях этого известия нет.

В свои сборники волоколамские старцы любили включать произведения своих учителей и писателей, имеющих отношение к монастырю. Как известно, Волоколамский монастырь дал большое число таких церковных деятелей, которые были авторами сочинений определенных жанров. Имена многих из них хорошо известны: Нил Полев, сам Иосиф, Досифей Топорков, митрополит Даниил, Вассиан Кошка, Савва Черный, Фотий Волоколамский, Феодосий архиепископ новгородский, Нифонт Кормилицын, Евфимий Турков. Благодаря сохраняемой между ними связи, постоянному общению с Волоколамским монастырем и заведенной там системе книгописания и хранения рукописей их имена и произведения дошли до нашего времени. Это свойство волоколамских сборников начинает проявляться рано. Уже Дионисий Звенигородский включил в свой сборник послания Нила Полева старцу Герману, в одном из которых упоминается имя самого Дионисия. В дальнейшем эта склонность владельцев волоколамских сборников проявляется еще сильнее, примерно до времени игуменства Евфимия Туркова.

Самым, пожалуй, характерным и наглядно демонстрирующим эту черту является сборник собр. Синод., № 927 середины XVI в., составленный Вассианом Кошкой, Возмитским архимандритом. Сборник целиком посвящен волоколамским постриженникам, в нем собраны только или сочинения волоколамских авторов, или произведения, им посвященные. Большое внимание уделено в сборнике учителю Вассиана старцу Фотию.

Перечислю состав сборника: 1) Волоколамский патерик Досифея Топоркова; 2) Житие Иосифа Волоцкого, написанное Саввой Черным; 3) Житие Кассиана Босого (автором считают Фотия, Ключевский считает Вассиана Кошку); 4) Надгробное слово Иосифу Досифея Топоркова; 5) Послание Иосифа о вельможах; 6) Послание Иосифа о расстригшемся чернце; 7) Послание Иосифа княгине Голениной; 8) Послание Иосифа о хмельных напитках; 9) Служба Иосифу Волоцкому, написанная старцем Фотием; 10) Житие старца Фотия, написанное Вассианом; 11) Послание старца Фотия против сквернословия; 12) Письмо о нелюбках.

Остановлюсь также на трех рукописях, составленных Евфимием Турковым и ему принадлежащих. По характеру подбора статей они несколько отличаются друг от друга, но все являются традиционными

²² Там же, стр. 296.

²³ Там же, стр. 297.

в системе волоколамских четых сборников. В каждом отдельном случае владелец при отборе статей преследовал вполне определенные цели. Одна из рукописей (собр. Волок., № 412) представляет собой канонник. В нем имеется запись Евфимия, в которой говорится о назначении рукописи для поминания его после смерти. Последовательность подбора статей канонника строго продумана, и содержание его отличается ясной целенаправленностью. После наиболее важных общих канонов церковной службы помещена сначала служба, посвященная его патрону святому Евфимию, затем служба Иосифу Волоцкому. Далее следуют произведения самого Евфимия (в черномовиде, с пометами и правкой): духовная грамота, предсмертная исповедь, канон на исход души и канон за друга умершего, некрологи лиц, живших в монастыре во время его игуменства.²⁴

План и тематика другого его сборника (ГПБ, Q.XVII.50) также являются четко продуманными и традиционными для волоколамских сборников. В нем повторяются те же черты, что и в сборнике Вассиана Кошки (собр. Синод., № 927). Сборник по преимуществу составлен из грамот и посланий и по первому впечатлению имеет вид формулярика. В данном случае Евфимий Турков повторяет тип сборников, к составлению которых был склонен его учитель Феодосий. Однако считать, что этот сборник был составлен Евфимием как формулярник для использования его при написании новых посланий, было бы неверно. Против этого говорит предисловие к нему.²⁵ На основании содержания предисловия Я. С. Лурье пришел к выводу, что при составлении этого сборника Евфимий преследовал какие-то свои, идейно-политические интересы: «На связь Евфимиевского сборника с общественной борьбой того времени указывает и предисловие этого сборника, написанное в боевых полемических тонах с упоминанием каких-то врагов, „изгоняющих нас“ и „отлучающих нас от братства“».²⁶

История создания этого сборника тесно связана с судьбой двух других волоколамских сборников — собр. Синод., № 791 и собр. Епарх., № 416. Сборник Синод., № 791 принадлежал новгородскому архиепископу Феодосию, скончавшемуся в 1563 г. в Волоколамском монастыре. Сборник был составлен в 1543 г., о чем сообщается на л. 1. Второй сборник, Епарх., № 416, владельческих записей не имеет. Однако сопоставление внешнего вида сборника и его содержания с предыдущим сборником убеждает в том, что в составлении его приняли участие те же лица, почерка которых есть и в сборнике собр. Синод., № 791, так же как и в сборнике Евфимия Туркова ГПБ, Q.XVII.50. Во всяком случае и Евфимий, и Феодосий причастны к этим трем сборникам.

Из предисловия к сборнику Q.XVII.50 следует, что Евфимий Турков, будучи игуменом, постарался собрать сочинения своих учителей и уважаемых им современников.²⁷ Согласно традициям волоколамских сбор-

²⁴ «Ефимий пишет просто, но его изложение проникнуто теплым чувством и обличает в авторе литературный талант» (В. Ключевский. Древнерусские жития как исторический источник, стр. 296—297).

²⁵ Предисловие опубликовано в кн.: Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зиминой и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 109—110.

²⁶ Послания Иосифа Волоцкого, стр. 112—113.

²⁷ «И начахом съискати труды и исправления и законоположения и завещания отец наших начальников и учителей, преподобнаго чудотворца Иосифа и учеников его, старца Касьяна рекомаго Босова и Иону глаголемаго Голову и Герасима Чернаго и иных многих, иже прежде нас преставльшихся ко господу и их же очи наша видеша и руки наша осязаша. И уши наша слышаша от них душеполезнаа их учения, им же и послужити отчасти сподобихомся. Се аз окаанный и последний во иноцех събрах

ников, он отдает должное основателю монастыря, включает в сборник семь произведений Иосифа Волоцкого и краткий летописец о его жизнедеятельности, популярный в волоколамских четых сборниках. Но еще больше внимания он оказывает своему учителю Феодосию. Пользуясь его материалами, он включает в свой сборник значительное собрание сочинений учителя. Феодосий в свою очередь удостаивает его чести и в сборник Евфимия переписывает сам одно из своих посланий. Об этом имеется запись Евфимия на л. 340 об. сборника: «Письмо самого архиепископа Феодосия бывшего Великаго Новаграда и Пьскова, последнее руки его благословение, во мнозех болезнех и трудах изнеможе докончати, повеле мне, грешному рабу и ученику своему последнему чернецу Еуфимию, сие послание духовное дописати духовною любовью».

Сопоставление состава статей названных трех сборников дает следующие результаты.²⁸ Первые 53 листа сборника ГПБ, Q.XVII.50 совпадают с содержанием начала сборника собр. Синод., № 791.²⁹ Вторая часть не повторяет статей сборника Синод., № 791, но тематика в них общая — сочинения Иосифа Волоцкого, грамоты и послания церковных деятелей, преимущественно новгородских архиепископов. Характер статей второй части сборника Q.XVII.50 особенно близок сборнику Епарх., № 416. Многие из сочинений Феодосия в них совпадают. Скорее всего, произведения Феодосия были переписаны в сборник Евфимия из рукописи Епарх., № 416.

Отличительной чертой сборника Епарх., № 416 является то, что в него не включены сочинения Иосифа Волоцкого и в то же время большое внимание уделено переписке новгородского архиепископа Геннадия. Все это вместе взятое позволяет считать, что сборник Епарх., № 416 был составлен Феодосием в бытность его новгородским архиепископом. Такого же типа сборник (рукопись собр. Румянцева, № 204) в 20-е годы XVI в. был составлен его предшественником на архиепископской кафедре в Новгороде Макарием, который дал эту рукопись вкладом в Пафнутьев-Боровский монастырь. По мнению Л. В. Черепнина, для составления своего сборника Макарий воспользовался материалом кафедральных формулярников и дополнил его современными произведениями.³⁰ Подобными же церковными формулярниками воспользовался и Феодосий, включив одновременно в сборник и свои произведения. Евфимий Турков, составляя сборник, преследующий цель прославления патрона монастыря и своего учителя, воспользовался материалами, собранными Феодосием. Его сборник не является чисто формулярным, он представляет собой один из видов четых сборников церковно-политического содержания, который был выработан в Волоколамском монастыре.

Третий сборник Евфимия Туркова (собр. Волк., № 572) принадлежит к четым сборникам иного типа, которых много в волоколамском собрании. Эти сборники отличаются многоплановостью содержания; именно в них большей частью встречаются светские литературные произведения. Сборник Евфимия Туркова составлен из шести отдельных рукописей, написанных не в одно время, но позднее объединенных вместе.

и снисках, яже бог в руже мои вложи воедино совокупих и главы написах» (ГПБ, Q.XVII.50, л. 3).

²⁸ Из сопоставления исключаются статьи в сборнике Синод., № 791 на лл. 95—164. Они отсутствуют в сборнике ГПБ, Q.XVII.50. По мнению Б. М. Клосса, эта часть рукописи имеет самостоятельное происхождение — копия со сборника Максима Грека

²⁹ Это установил Я. С. Лурье, см.: Послания Иосифа Волоцкого, стр. 112.

³⁰ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 24—25.

Сборник собран одним лицом, и это позволяет рассматривать его как единое целое, отражающее вкусы его владельца.

В этом сборнике Евфимия переписаны в основном произведения, которые появились в волоколамской среде не в момент составления сборника, а в более раннее время. В начале помещено житие Пафнутия Боровского. Оно было переписано до этого в двух других волоколамских сборниках (собр. Волок., №№ 638 и 659). Как характерно для волоколамских сборников вообще, здесь переписаны также произведения, посвященные Иосифу Волоцкому, — надгробное слово Досифея Топоркова и служба, составленная старцем Фотием. Отдельной тетрадкой включены в сборник соборные правила, выписки из творений отцов церкви и житий, Пасхалия. В сборнике имеются Повесть о Евстратии-Велизарии и Сказание о князьях владимирских первой редакции. В конце рукописи переписаны Повесть о Митяе и отрывки хронографического содержания. В целом надо признать, что этот сборник хотя и составлялся уже где-то в 70—80-е годы, но по содержанию он принадлежит к более раннему времени. В связи с этим следует отметить еще одну особенность, наблюдающуюся в волоколамских сборниках. Их владельцы внимательно относятся к вновь появляющимся сочинениям, они любят включать в свои сборники современные им произведения. В то же время для них характерна традиционность в переписывании тех произведений, которые уже раньше вошли в их среду; такие произведения переписываются из сборника в сборник на протяжении многих лет. Такого рода особенность характеризует и рассматриваемый сборник Евфимия.

Хронологическая близость списков произведений авторскому оригиналу может свидетельствовать о единстве писательской и читательской среды. Некоторые волоколамские рукописи позволяют проследить эту конкретную связь между владельцами волоколамских сборников и авторами тех сочинений, которые они включают в свои сборники.

Примером, говорящим о тесной связи одного из постриженников Волоколамского монастыря с литературными кругами своего времени, является сборник собр. Волок., № 659.³¹ Рукопись написана несколькими почерками, часто в ней встречаются вставки и добавления на полях, правка текста под строкой. Ко всему содержанию рукописи составлено оглавление, и тем же почерком на л. 2 сделана запись: «В лето 7044-го съвършися книга сия съборник повелением и благословением господина отца нашего игумена Нифонта при дрѣжаве благовернаго великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и при архиепископе Макарии великаго Новаграда и Пскова». Подобная запись сделана в другой волоколамской рукописи (Волок., № 433), написанной в те же годы — в 1535 г. Имя составителя сборника осталось неизвестным, но из этой записи следует, что он был одновременно связан как с Волоколамским монастырем и игуменом Нифонтом, так и с Новгородом через архиепископа Макария. Это отразилось на содержании сборника, в него включены новгородские и псковские жития и сказания. Повесть о Псковском Печерском монастыре, написанная почерком, близким почерку оглавления, имеет следующее послесловие: «Написана же бысть сия повесть в лето 7039 при дрѣжаве государя великаго князя Василия Ивановича всеа Руси и при архиепископе великаго Новаграда и Пскова владыке Макарии». Эта запись опять указывает на близость составителя сборника кругу архиепископа Макария. Здесь же отметим, что имеющиеся в этой рукописи

³¹ Сборник собр. Волок., № 659 имеет общие статьи на новгородские темы с рукописью ЛОИИ, собр. Лихачева, № 294. См.: Л. А. Дмитриев. Житийные повести Русского Севера XIII—XVII вв. Л., 1973, стр. 172—173.

«Повесть о посаднике Добрыне Новгородском» и «Повесть о Святогорском монастыре, зовомом Иверском» игумен Нифонт в дальнейшем переписал в свой сборник (ГПБ, Q.XVII.15).

Среди житий, включенных в сборник Волок., № 659, имеется Житие Михаила Клопского в редакции Тучкова. Тучковская редакция Жития была написана в том же году, когда был составлен этот сборник. Текст Жития переписан в рукописи тем же почерком, что и оглавление. Составитель сборника получил возможность включить в сборник новое произведение, только что увидевшее свет. Естественно предполагать, что оно могло попасть к нему или через архиепископа Макария, по заданию которого было написано Житие, или непосредственно от автора.

Хронологическая близость составления рукописи Волок., № 659 тем произведениям, которые в нее включены, касается не только Тучковской редакции Жития Михаила Клопского, но и ряда других произведений, в том числе и других житий. Список Жития Пафнутия Боровского в этой рукописи является одним из ранних среди сохранившихся волоколамских списков.³² Житие Павла Обнорского, по мнению В. О. Ключевского, было составлено незадолго до 1538 г.³³ Следовательно, список Волок., № 659 является древнейшим и современным дате написания Жития. «Сказание чудесем преподобнаго отца нашего Макария Колязинского», помещенное в этом сборнике на лл. 336 об.—343, тоже датируется временем написания сборника.³⁴ Включены в сборник также жития русских святых, созданные в более раннее время: ученика Сергия Радонежского Никона, новгородского архиепископа Иоанна, Зосимы и Савватия соловецких, Михаила Клопского первой редакции, Леонтия Ростовского.

Учитывая наличие в сборнике большого числа житийных текстов, посвященных русским святым, в том числе современных написанию сборника, и сопоставив это с указаниями в самом сборнике на связь его составителя с Новгородом и архиепископом Макарием, можно сделать вывод об обстоятельствах составления этого сборника. Видимо, игумен Нифонт поручил кому-то из писцов и книжников, кто был близок новгородскому кружку Макария, получить оттуда для монастыря новые произведения. Как известно, в это время архиепископ Макарий усиленно собирал материал для задуманных им Великих четий-миней. Таким путем и был получен текст Жития Михаила Клопского в редакции Тучкова — в тот же самый год, когда Тучков написал свое произведение для Великих четий-миней. Текст Жития в рукописи Волок., № 659 не имеет отличий от текста в Четиях-минях.³⁵

Часть других статей сборника Волок., № 659 указывает на связь Волоколамского монастыря с другим значительным книгописным мероприя-

³² Списки Жития Пафнутия Боровского собр. Волок., № 572 (Евфимия Туркова) и № 515 (Марка Левкеинского) второй половины XVI в. В рукописях собр. Епарх., № 405 (Дионисия Звенигородского), собр. Волок., № 638 и 515 переписана краткая редакция («Сказание о преподобном Пафнотии»). Житие Пафнутия Боровского написано Вассианом Саниным между 1500—1515 гг. (В. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 204—208).

³³ В. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 271.

³⁴ Краткая записка о Макарии Колязинском со слов его родственницы Ефросинии была составлена в 1524 г. (рукопись собр. Волок., № 515, л. 422 об.). Житие было написано в 1548 г. (В. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 289—230). Волоколамские списки Жития XVI в. — собр. Волок., № 632, собр. Епарх., № 648. «Сказание чудесем» вместе с Житием переписано в рукописи XVI в. — ГПБ, О.1.23.

³⁵ Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1958, стр. 7—8.

тием — составлением летописных сводов. Некоторые произведения, включенные в сборник, не имеют заглавия и начинаются как летописные статьи. Так, включенная в сборник Повесть о создании и взятии Царьграда не озаглавлена, как и в списке Хронографа Досифея Топоркова («В лето 5818 царствующу в Риму богосодетелному великому Константину Флавию... В лето 6961 о взятии Царьграда. Властвующу Туркы безбожному Магмету, Амуратову сыну, и бывый тогда в миру...»).³⁶ Так же как летописная статья, без заглавия, переписано в сборнике Сказание о явлении иконы Богородицы на Тихвине («В лето 6891 во дни благочестиваго великаго князя Дмитрия Ивановича и святейшаго митрополита Пимена при архиепископе Алексии Великаго Новаграда явилася икона пречистыя образ Одигитрии...»).³⁷ Следующее за Сказанием сообщение о построении кирпичной церкви в честь Богородицы тоже написано в виде летописной статьи («В лето 7015 повелением благовернаго князя Василя Ивановича всея Руси, по благословении пресвященнаго архиепископа Серапиона Великаго Новаграда заложиша на Тихвине церковь пречистыя кирпичную...»).³⁸ Летописные тексты о выборе веры князем Владимиром и о его походе на Корсунь выделены пометой «От летописца».³⁹ Какими конкретно летописными сводами или материалами пользовались при написании перечисленных статей в сборнике собр. Волок., № 659, установить не удается. Возможно, источников было несколько. Надо думать, что все эти материалы были извлечены и собраны в связи с работой над составлением летописных сводов в XVI в., в то же время примерно, когда создавался волоколамский сборник.

Таким образом, анализ состава сборника Волок., № 659, показывает, что Волоколамский монастырь активно поддерживал связи с другими литературными центрами того времени и знакомил своих постриженников с вновь появляющимися литературными и публицистическими произведениями. Этот сборник имел несколько своеобразное назначение. В нем нет произведений, связанных непосредственно с жизнью Волоколамского монастыря, что обычно свойственно волоколамским четым сборникам. Но в то же время он был написан по заданию игумена монастыря — не для него лично, а для пользования им в монастыре.⁴⁰ Он был составлен в основном из статей, привезенных из Новгорода и, возможно, из Москвы, для того чтобы его новыми материалами могли пользоваться в монастыре. Сам игумен Нифонт в те же годы, когда был составлен сборник Волок., № 659, заимствовал из него для своего сборника ГПБ,

³⁶ Ср.: ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, СПб., 1911, стр. 443, 445. С этими же особенностями повесть переписана в рукописи того же времени, владельцем которой был Дионисий Звенигородский (собр. Волок., № 661). С пометой «От летописца» переписана Повесть о взятии Царьграда в рукописи ГПБ, Q.XVII.15. В Никоновской летописи повесть озаглавлена (ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, стр. 78, 83).

³⁷ Такое же начало имеет текст Сказания в одном из списков Никоновской летописи, см.: ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 83.

³⁸ Найти это известие в летописях не удалось.

³⁹ По мнению Б. М. Клосса, этот текст списан с хронографического списка Новгородской 5-й летописи Фомой Шмоиловым (доклад Б. М. Клосса «Рукописные мастерские древней Руси и роль Волоколамского монастыря как центра летописания», прочитанный на заседании Сектора древнерусской литературы 18 ноября 1971 г.).

⁴⁰ Подтверждением того, что при игуменстве Нифонта переписывались сборники четьего содержания для знакомства с этой литературой всей братии монастыря, является сборник Волок., № 433, составленный из поучений и слов отцов церкви. В конце сборника сделано заключение: «Божиею помощию съвершился сия книга, съборник, поведением и благословением отца нашего игумена Нифонта в пречестную обитель, в Осифов монастырь, в царство благовернаго и богом хранимаго великаго князя Ивана Васильевича всея Русии самодръжца, в первое лето царства его, лета 7043, и при архиепископе великаго Новаграда и Пскова владыке Макарии».

Q.XVII.15⁴¹ две статьи — «Повесть о посаднике Добрыне Новгородском» и «Повесть о святогорском монастыре, зовомом Иверский». Последнюю статью включил в свой сборник Волок., № 491 и старец Фотий. В сборник ГПБ, Q.XVII. 64 Нифонт переписал отсюда «Повесть о храме св. Богородицы, в ней же родился от Иакима и Анны», а также послесловие, в котором сказано, что эту повесть привез из Рима Еремей Трусов в 1528 г. Повесть была, кроме того, переписана в сборник Волок., № 577 Ануфрия Исакова. Текст Повести о создании и взятии Царьграда, заимствованный из Хронографа, кроме сборника Волок., № 659, включен в современный ему сборник Волок., № 661 Дионисия Звенигородского. Отрывок Повести переписан в рукописи Нифонта Кормилицына ГПБ, Q.XVII.15. Летописный текст об испытании вер Владимиром, кроме сборника Волок., № 659, имеется в рукописи 20-х годов XVI в. — собр. Епарх., № 410.

Хронологическая близость списков произведений, включенных в волоколамские сборники, авторскому тексту касается и тех светских литературных произведений, которые стали популярными среди волоколамских старцев и переписывались из одного сборника в другой. Это относится к некоторым редакциям Прения живота и смерти. Ранние списки третьей редакции, написанные примерно в 20—30-е годы, принадлежат Волоколамскому и Кирилло-Белозерскому монастырям, причем кирилло-белозерские списки передают один вариант этой редакции, а два волоколамских списка представляют два других варианта. Все эти варианты восходят к общему оригиналу. Поэтому можно думать, что текст оригинала третьей редакции Прения живота и смерти в каждом из монастырей подвергся некоторой самостоятельной литературной обработке.⁴²

Самый ранний список четвертой редакции этого же произведения, относящийся к середине XVI в., находится тоже в волоколамском сборнике (Волок., № 520), владельцем которого был старец Мартин Рыков.⁴³ Поэтому есть основание связывать появление четвертой редакции Прения живота и смерти также с волоколамской средой. Еще больше оснований думать, что вторая редакция Прения была написана в Волоколамском монастыре.⁴⁴ Она сохранилась в двух волоколамских сборниках. Ранний текст ее находится в рукописи 20—30-х годов (Епарх., № 82). С этого списка несколько позднее переписал текст Прения в свою рукопись известный старец Иосифова монастыря Фотий. Дальнейшего распространения эта редакция не имела.

С литературной средой Волоколамского монастыря надо связывать появление еще одного произведения, по содержанию близко примыкающего к Прению живота и смерти, — «Сказания о смерти некоего мистра философа». Волоколамский список (Волок., № 573) этого произведения является самым ранним из сохранившихся списков и имеет на полях и внутри текста редакторскую правку. Эта правка в дальнейшем вошла в текст «Сказания». «Сказание» представляет собой перевод польского памятника,

⁴¹ В сборнике Нифонта Волок., № 551 имеется запись о пожертвованных им в Волоколамский монастырь книгах, в том числе о сборнике ГПБ, Q.XVII.15 сказано, что он был написан самим Нифонтом в бытность его игуменом в Волоколамском монастыре (игуменом он был в 1523—1543 гг.). В этот сборник Нифонт включил и другие статьи, связанные с Новгородом (послания архиепископа Геннадия), которых нет в Волок., № 659.

⁴² Повести о споре жизни и смерти. Исследование и подготовка текстов Р. П. Дмитриевой. М.—Л., 1964, стр. 26—30.

⁴³ Там же, стр. 59.

⁴⁴ Там же, стр. 24—25.

который в оригинале называется «Разговор магистра Поликарпа со смертью». В польском оригинале тема спора между человеком и смертью решена в сатирически-юмористическом плане. Русский переводчик сознательно устранил все элементы юмористического характера и создал по существу новое произведение, в нравоучительно-дидактическом тоне. Учитывая близость и темы, и стили этого произведения с Прением живота и смерти, интерес к которому в Волоколамском монастыре на протяжении долгого времени был значительным, можно думать, что если не сам перевод «Сказания о смерти некоего мистра философа» принадлежит кому-то из учеников Иосифа, то редакция безусловно сделана постриженником Волоколамского монастыря.⁴⁵

Не менее популярной в Иосифове монастыре оказалась Повесть о Евстратии-Велизарии, которая во всех волоколамских списках озаглавлена одинаково: «Слово от история о некоем муже, бывшем воеводе в велицем Риме». Эта повесть в течение продолжительного времени переписывалась волоколамскими старцами, в том числе она оказалась включенной в сборники уже упоминаемых выше любителей литературного чтения Онуфрия Исакова (Волок., № 577), Фотия (Волок., № 491), Нифонта Кормилицына (Q.XVII.64), Евфимия Туркова (Волок., № 572). Если не появление первоначального перевода повести, то ее дальнейшее редактирование, вероятно, можно связать с Волоколамским монастырем. Дело в том, что самым ранним сохранившимся списком этой повести полной редакции является список Волоколамского монастыря — собр. Епарх., № 404.⁴⁶ Рукописи собр. Синод., № 453 и собр. Рогожское, № 530, имеющие в своем составе Повесть о Евстратии-Велизарии, едины по содержанию и ведут происхождение из Волоколамского монастыря. Возможно, они вместе со сборником Епарх., № 404 восходят к общему оригиналу, так как, помимо Повести о Евстратии-Велизарии, во всех них имеется текст Просветителя Иосифа Волоцкого первой редакции.

И Прение живота и смерти, и Повесть о Евстратии-Велизарии были популярными и читались в XVI в. повсеместно, не только в Волоколамском монастыре. Однако некоторая обособленность и замкнутость литературного круга Волоколамского монастыря отразилась и на традиции бытования в монастыре повествовательной литературы. Так, упомянутая выше вторая редакция Прения живота и смерти дальше Волоколамского монастыря распространения не получила. Появившаяся в XVI в. Повесть о царице Динаре в круг чтения волоколамских старцев не попала. Единственный список Повести в рукописи Волок., № 627 появился в монастыре уже в 1566 г. вместе с другими книгами библиотеки князя Дмитрия Ивановича Оболенского и не привлек к себе внимания любителей книжности монастыря.⁴⁷ В то же время некоторые произведения XVI в. известны

⁴⁵ Подробнее см.: Р. П. Дмитриева. Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со смертью». — ТОДРА, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 303—317.

⁴⁶ Н. П. Дубовик установила, что вторая часть рукописи собр. Епарх., № 404 в настоящее время находится в ГБЛ в собр. Музейном, № 8757; таким образом, текст Повести о Евстратии-Велизарии оказался разделенным (см. статью Н. П. Дубовик «К изучению Повести о воеводе Евстратии» в настоящем томе, стр. 336—337). Л. В. Тиганова рукопись собр. Музейное, № 8757 датирует концом XV—началом XVI в. (Л. В. Тиганова. Подготовка каталога-справочника русско-славянских рукописей. В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, стр. 152).

⁴⁷ В прибавлении к описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. сказано: «Лета 7074 прибыли книги княже Дмитриевы Ивановича Оболенского... Книга в полдестъ Житие преподобнаго Дмитрия Прилуцкаго скорописью писано» (Опись

только по спискам Волоколамского монастыря. В волоколамских рукописях XVI в. имеется произведение, описывающее кончину старца Антония Галичанина в Павловой пустыни в 1526 г. Это рассказ патеричного типа, ведущийся от лица очевидца. Впервые в Волоколамском монастыре он был переписан в сборнике Дионисия Звенигородского (Волок., № 661), где-то вскоре после описываемого события — не позднее 20—30-х годов. В этой рукописи рассказ не имел заглавия. Нифонт Кормилицын поместил его дважды в своих сборниках ГПБ, Q.XVII.15 и Q.XVII.64; в одном случае он дал ему заглавие «О преставлении старца Антония Галичанина». В рукописях Мартина Рыкова (Волок., № 520) и Фотия (Волок., № 491) рассказ помещен под заглавием «Повесть страшна и zelo полезна». Какого происхождения этот рассказ, читался ли он где-нибудь, кроме Волоколамского монастыря, мне неизвестно. В Волоколамском монастыре он довольно долго привлекал к себе внимание.

Интересно выяснить происхождение включенных в сборники рассказов о стихийных бедствиях: 1) сообщений о наводнении в Неаполе в 1523 г. и о землетрясении в Венгрии в 1524 г.; 2) «Сказания о знамении небесном иже бысть в Немецкой земле в граде Риге» в 1524 г.; 3) «Повести о землетрясении в Римской земле во граде Шимбории и в Турской земле гибель граду Солоникии» в 1524 г. Первые две краткие заметки, о наводнении в Неаполе и о землетрясении в Венгрии, переписаны одна за другой в двух волоколамских сборниках — Дионисия Звенигородского (Епарх., № 405) и Нифонта Кормилицына (Q.XVII.15). Других списков этих текстов нет. Сборник Дионисия Звенигородского составлен в 20-е годы, рукопись Нифонта Кормилицына была написана до 1543 г. Следовательно, Дионисий Звенигородский переписал эти сообщения в свой сборник чуть ли не сразу после событий.⁴⁸ А. И. Соболевский отнес эти заметки к числу переводных.⁴⁹

Краткая заметка под названием «Сказание о знамении небесном иже бысть в Немецкой земле в граде в Риге» тоже описывает события 1524 г.; она известна мне по одной только волоколамской рукописи Вассиана Кошки (Музейное, № 1257). Следом за этой заметкой Вассиан включил рассказ о землетрясении в Шимбории и Солоникии в 1542 г. Переписал этот рассказ также его современник Нифонт Кормилицын в рукопись Волок., № 551. Записи эти сделаны на основании сообщений очевидцев. Рассказ о наводнении в Неаполе написан от имени «господина Лудовика того же града воеводы». Сообщение о землетрясении в Шимбории начинается так: «Приехали в Колывань град немци любечане родом из заморья на корабли из Римьска земли. А сказывают, что они ездили за море в Римскую землю торговать в Шимборию град». А. И. Соболевский считал, что оригинал был написан по-немецки, а данный рассказ является его сокращенным переложением.⁵⁰ А. Д. Седельников скло-

1545 г., стр. 21). Повесть о царице Динаре переписана в сборнике Волок., № 627, который начинается Житием Дмитрия Прилуцкого.

⁴⁸ В книге В. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания» (Киев, 1901, стр. 235) пересказано содержание этих сообщений по рукописи Нифонта. По этому поводу В. Малинин заметил: «В объяснение известий Филофея прибавим, что русские книжники, в том числе и иноки, прислушивались к рассказам этого рода и заносили их на страницы разных сборников... Записи этого рода несомненно современные, вносились в сборники душевспасительного содержания не из праздного любопытства, а ради назидательных выводов, как делает это и летопись».

⁴⁹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, стр. 236.

⁵⁰ Там же, стр. 237. А. И. Соболевскому рассказ был известен по рукописи собр. Соловецкого монастыря, № 682.

нен считать, что автором рассказа о землетрясении в Шимбории был Досифей Топорков.⁵¹ Во всяком случае надо подчеркнуть, что эти сообщения о стихийных бедствиях в Европе быстро доходили до Волоколамского монастыря.

Интерес владельцев четых сборников к современным произведениям, связанным с самого разного рода событиями, сохраняется и в дальнейшем, до 50—60-х годов. Вступление к чину венчания Ивана Грозного на царство, известное под названием «Поставление великих князей русских, откуда бе и како начашася ставитися на великое княжение святыми бармами», включено в три волоколамских сборника (Епарх., № 379; Вол., № 572; ГПБ, Q.I.214), современных венчанию. В первой рукописи, принадлежавшей Нифонту Теряеву, имеются записи 1545 г. (о хозяйственных расчетах), когда игумен монастыря поехал в Москву. Возможно, что текст «Поставления» данной рукописи был получен в Волоколамском монастыре еще до венчания Ивана Грозного. Второй и третий списки были переписаны с текста, содержащего полный чин венчания и поучение митрополита Макария Ивану IV. Написанное ранее «Поставления», в княжения Василия III, «Сказание о князьях владимирских» первой редакции также имеется среди волоколамских рукописей, в том числе список Вол., № 572, являющийся наиболее точным из сохранившихся списков. Он был написан писцом Вавилой Халдеем,⁵² примерно в 30—40-е годы.

По кратким летописным пометам, встречающимся в волоколамских сборниках, видно, что в середине XVI в. монахов монастыря интересовали события общегосударственного значения, такие как церковный собор, посвященный канонизации святых, дело о еретике Матвее Башкине,⁵³ взятие Казани. Интерес к этим событиям в Иосифове монастыре был в значительной степени обусловлен непосредственным участием его иноков в политической жизни государства. Эти события отражены волоколамскими четыми сборниками середины XVI в.

В сборнике Нифонта Кормилицына Q. XVII. 64 нашел отражение факт его биографии — участие в Казанском походе. На лл. 99—105 об. этого сборника один за другим помещены рассказы о походах 1550 и 1552 гг., на лл. 350 об.—351 переписано начало второго из этих рассказов, озаглавленного здесь «О Казанском взятии». О Нифонте упомянуто в первом рассказе, 1550 г.: «И взял царь с собою спасскаго архимандрита Нифонта и воздвиженскаго игумена Сергия со кресты». Другие источники об участии Нифонта в казанских походах ничего не говорят.⁵⁴ Как установил Г. Э. Кунцевич, рассказы в сборнике Нифонта не совпадают текстуально с известиями летописных сводов; они имеют самостоятельное происхож-

⁵¹ А. Д. Седельников. Досифей Топорков и хронограф. — Известия АН СССР, VII серия отд. гуманитарных наук, № 9, Л., 1929, стр. 772—773.

⁵² «Сказание о князьях владимирских» первой редакции имеется еще в двух волоколамских рукописях — собр. Музейн., № 1257 (Вассиана Кошки) и собр. Вол., № 627 (князя Оболенского).

⁵³ В рукописи Игнатия Зайцева (Вол., № 362) есть запись о постановлении собора 1547 г., посвященного празднованию новых чудотворцев. В Часовнике того же Игнатия (Епарх., № 264) перечислены новые чудотворцы, которым читают тропари. В летописце Игнатия Зайцева (Вол., № 362) сказано и о соборе, на котором был осужден Башкин, и о том, что его привезли в заточение в Волоколамский монастырь.

⁵⁴ Отметим, что сразу после походов в 1553 г. Нифонт был переведен в архиепископы сарские: «Того же месяца 11 в неделю пятую св. поста поставлен бысть владыка на Крутицу архимарит Нифонт от Спаса от Нового» (ПСРЛ, т. XIII, вып. 1, СПб., 1904, стр. 237).

дение.⁵⁵ Г. З. Кунцевич высказал предположение, что автором рассказов в сборнике Q. XVII. 64 мог быть сам Нифонт.⁵⁶

В этом же сборнике имеется статья, которая озаглавлена: «О святем мученице Иване, иже за Христа мучен во граде Казани». Кроме Нифонта, эту статью включил в свой сборник его современник старец Мартин Рыков.⁵⁷ Рассказ по своему сюжету очень прост: татары убили пленника по имени Иван за то, что он отказался отречься от православной веры. Любопытными являются некоторые конкретные детали, указывающие на то, что рассказ был составлен лицом, побывавшим в Казани. Описанное событие приурочено к 20 января 1529 г. О пленнике Иване сказано, что он родом из Нижнего Новгорода, а служил в Казани у князя Али-Шукура.⁵⁸ Заканчивается рассказ сообщением, что похоронили мученика «на старом кладбище руском». Некоторыми натуралистическими подробностями описания смерти этот рассказ напоминает Повесть об Антонии Галичанине, о которой говорилось выше. По всей видимости, это небольшое сочинение о мученике Иване, близкое к типу рассказов о чудесах святых, сам Нифонт и вывез из Казани.

Из числа волоколамских постриженников не один Нифонт Кормилицын побывал в эти годы в Казани. На следующий год после взятия Казани архиепископом там был поставлен Гурий Руготин, тоже являвшийся постриженником Иосифова монастыря. Одновременно с ним послан был архимандритом в Свияжский город игумен Селижарова монастыря Герман Садырев, который также был из числа волоколамских монахов. Вместе с Гурием Руготиным в 1555 г. ездил в Казань старец Волоколамского монастыря Герасим Леньков.⁵⁹ Поэтому о казанских событиях были хорошо осведомлены в Волоколамском монастыре. В Часовнике Игнатия Зайцева (Епарх., № 264) сделаны в нескольких местах пометы, что Казань была взята 20 октября 7061 г., и в связи с этим записано, какую службу надо читать в этот день. Тот же Игнатий Зайцев вел летописные записи (Волок., № 362), в которых значительное место уделено известиям, связанным с Казанью. Многие сведения об этом он, по всей видимости, получил от Герасима Ленькова, о смерти которого тоже записал в своей рукописи: «Лета 7068 декабря 3 преставись великий преподобный старец Герасим Леньков». В Часовник (Волок., № 416), составленный в 1559—1560 гг., владелец которого остался неизвестен, внесены краткие записи летописного характера, близкие своим содержанием летописцу Игнатия Зайцева. В него тоже включены известия, относящиеся к Казани.

⁵⁵ Отметим попутно, что рассказы Нифонта Кормилицына не связаны с рассказом об этих походах Адриана Ангелова, который тоже был участником походов.

⁵⁶ Г. З. Кунцевич. Малоизвестные записи о казанских походах 1550 и 1552 года. — ЖМНП, 1898, июль, стр. 135—145.

⁵⁷ Явная связь между сборниками Мартина Рыкова и Нифонта Кормилицына прослеживается на целом ряде статей. Тексты посланий Иосифа Волоцкого, включенные в эти сборники, очень близки друг другу, относятся к одним и тем же редакциям и видам; Послание о расстригшемся чернеце одинаково не доведено до конца. Есть и другие общие статьи в сборниках: Послание архиепископа новгородского Василия к владыке тверскому Феодору о рае, Послание епископа тверского Нила к вельможе Георгию Дмитриевичу, «Поучение Василия Кесарийского, како есть лепо быти черноризцу». Но в целом сборник Мартина Рыкова не является копией со сборника Нифонта, в него, видимо, только переписаны из сборника Нифонта отдельные статьи.

⁵⁸ Али-Шукиров сын упомянут в летописи, его в 1531 г. убили в Казани, см.: ПСРА, т. XIII, ч. 1, СПб., 1904, стр. 57.

⁵⁹ «А из Осифова монастыря старец Герасим Леньков послал князь велики на время с архиепископом» (Волок., № 362, лл. 308 об.—309). Герасим Леньков умер в Волоколамском монастыре в 1559 г.

Обратимся теперь к вопросам летописания в связи с развитием этого жанра в составе четых сборников. Установившаяся в XV в. традиция включения в состав четых сборников кратких летописцев перешла и в четые сборники XVI в.⁶⁰ Природа создания этих кратких летописцев состоит в следующем. Составители четых сборников обычно используют имеющиеся в данный момент в монастыре летописные своды, из которых по своему усмотрению извлекают интересующие их факты, дополняя их сведениями местного характера. Каждый из этих летописцев является индивидуальным, так как отражает творчество разных лиц. Но обычно главный источник в каждом отдельном литературном центре оказывается один и тот же. Появление кратких летописцев в определенной литературной среде связано до известной степени с работой над летописными сводами в данном центре. Интересы к вопросам летописания в Волоколамском монастыре нашли отражение и в четых сборниках его пострижеников.

Такого типа летописцем являются записи в сборнике середины XVI в. (Волок., № 515) Марка Левкеинского.⁶¹ Наиболее ранние сведения в нем относятся к 1409 г., последние — к 1552 г. В этот летописец наряду с общерусскими известиями включены следующие сведения местного характера:

О Пафнутии Боровском

Лета 6985 преставися игумен Пафнутей. Лета 7019 основана в Пафнутьеве монастыре трапеза камня в неделю третью по пасхе майа 4 на память святых мученици Пелаген.

О Иосифовом монастыре и о лицах, связанных с ним

Того же лета (6987) поставлен монастырь Иосифов. Того же лета (7013) преставися старец Левкея месяца апреля 19 день на память преподобнаго отца нашего Иоанна ветхиа лавры при самодръжцы великого князя Василья Ивановича всея Руси и при благоверном князи Феодоре Борисовиче. Лета 7023 августа 28 преставися архиепископ Васьян Ростовский. Лета 7024 преставися старец Иосиф сентября 9 день. Того же лета (7041) генваря 29 преставися Феодосей Левкиева монастыря.

О волоколамских князьях

Лета 7002 маиа 26 на память св. апостола Карпа единого от 70 преставися князь Борис Васильевич. Лета 7011 преставися князь Иван Борисович. Лета 7021 маиа преставися князь Феодор Борисович на память святых мученици Пелаген.

Подобного рода сведения местного характера повторяются и в других кратких летописцах Волоколамского монастыря. Особенностью этого сборника являются только известия о смерти старца Левкея и Феодосия из Левкеева монастыря. В других летописцах о них не упоминается. В данном случае Марк Левкеинский следует традиции, имевшей место в Волоколамском монастыре: постриженики его выражают почитание своим наставникам, упоминая о них в своих четых сборниках.

Из какого более обширного источника заимствовал сведения Марк Левкеинский, установить трудно, так как общерусские известия, включенные им в свой летописец, очень краткие и общеизвестные. Но этот же самый источник был использован в Волоколамском монастыре и в других случаях. Имеются в виду два летописных сборника, в которых наряду с текстами летописных сводов включены краткие выписки, подобные летописцу Марка Левкеинского. Одна из этих рукописей — ГБЛ, собр. Музейное, № 3841 — написана была в 20-е годы XVI в. Основную часть рукописи

⁶⁰ См.: Р. П. Дмитриева. Четые сборники XV в. как жанр, стр. 176—177.

⁶¹ Текст издан, см.: А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — Исторический архив, т. V, стр. 9—14.

занимает текст Софийской 1-й летописи. С л. 276 об. в рукопись включены краткие летописные записи за 1478—1521 гг., затем (лл. 278—288 об.) более подробные сообщения за 1518—1526 гг., об отношениях Русского государства с Казанским ханством и о втором браке Василия III. На лл. 289—312 переписан «Летописец вскоре» патриарха Никифора с добавлением русских известий кончая 1319 г. М. Н. Тихомиров связывал происхождение этой рукописи с Пафнутьевым-Боровским монастырем на основании включения в ее летописные тексты сведений об этом монастыре.⁶² Как видно из летописца Марка Левкеинского, данными о Боровском монастыре интересовались также и в Волоколамском монастыре. Монастыри эти были тесно связаны друг с другом. Летописные записи за 1478—1521 гг. в рукописи Музейн., № 3841 во многих случаях дословно совпадают с записями у Марка Левкеинского. Тот и другой летописец использовали один и тот же источник. Местные сведения тоже носят общий характер, правда Боровскому монастырю в Музейном сборнике уделено значительно больше внимания, чем у Марка Левкеинского. В рукописи Музейн., № 3841 это будут следующие записи:

О Боровском монастыре

В лето 6985 преставися преподобный отец наш Пафнутье месяца мая 1 на память св. пророка Иеремиа в четверток, яко же сам пророче преже единого часа солнца зашествия. В лето 7019 основана трапеза каменная в Пафнутьеве монастыре в неделю 3-ю по пасхе мая 4 на память светяы мученицы Пелагеи. Той же день (7029 год) в четверток игумен Пафнутие и зосиминскими пустынники з братею заложил храм теплой, а церковь полутреи сажени... Того же лета (7031) в Пафнутьеве монастыре поставлена колокольница камена при Пафнутии игумене.

О Волоколамском монастыре

В лето 7023 августу 28 преставися архиепископ Васиян Ростовский. В лето 7029 преставися старец Иосиф сентября 9.

О волоколамских князьях

В лето 7002 мая 25 преставися князь Борис Васильевич.

В рукописи собр. Музейное, № 5837, относящейся к 30-м годам XVI в., переписан сокращенный свод 1495 г. с дополнительными записями до 1520 г. и приписками до 1533 г.⁶³ Эти дополнительные записи к своду 1495 г. близки названным выше двум летописцам и, по всей видимости, составлены на основании того же общего источника, так как в них не только перечисляются одни и те же события, но сохраняются те же фор-

⁶² Характеристику сборника и публикации из него см.: М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI века. — В кн.: Московский край в его прошлом. М., 1930, стр. 105—114. Текст летописца, помещенного в рукописи на лл. 300—312 об., издан А. Н. Насоновым, см.: Летописный свод XV века (по двум спискам). Подготовка текста и вводная статья А. Н. Насонова. — В кн.: Материалы по истории СССР, вып. 2. М., 1955, стр. 277—278. А. Н. Насонов, как и М. Н. Тихомиров, считает, что рукопись своим происхождением связана с Пафнутьевым-Боровским монастырем и архиепископом Макарием, постриженником этого монастыря. Рассказ этой рукописи о пострижении Соломонии послужил одним из дополнительных источников при составлении Типографской (Синодальной) летописи, предпринятом митрополитом Даниилом (А. Н. Насонов. История русского летописания, XI—начало XVIII века. М., 1969, стр. 390—392). Эти наблюдения еще раз подтверждают единство и замкнутость литературного круга иосифлянского направления.

⁶³ Впервые обратил внимание на эту рукопись А. Н. Насонов (А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы. — Проблемы источниковедения, т. IV, М., 1955, стр. 253—254). Определил летопись и связал происхождение этой рукописи с Волоколамским монастырем Б. М. Клосс в статье «О времени создания русского хронографа» (ТОДРА, т. XXVI, Л., 1971, стр. 244—255).

мулировки. Записи, относящиеся к местным событиям, посвящены тем же темам. Однако здесь больше включено сведений о волоколамских князьях:

О Боровском монастыре

В лето 7019 в Пафнутаеве монастыре обложили трапезу каменую мая 4 в неделю мироносец.

О Волоколамском монастыре

В лето 7014 сентября 18 поставлен бысть Роставу архиепископ Васиан, Иосифов брат, митрополитом Симоном. В лето 7023 августа 28 преставися Васиан архиепископ ростовский. В лето 7024 сентября 9 в неделю на всеобщном преставися старец Иосиф.

О волоколамских князьях

В лето 7010 преставися князя Борисова княгиня Иулиана ноября 5 и положена на озмищах в церкви в монастыри. А того же месяца на заговенье Филипово женися князь Федор Борисович, понял княжну Марию. Того же месяца ноября 28 преставися князь Иван Борисович и положен в монастыри Иосифове в пречистой церкви. В лето 7021 преставися князь Федор Борисович и положен бысть в церкви в монастыре Иосифове с братом князем Иваном.

Во всех трех летописцах большое внимание уделяется сношениям Русского государства с Казанским ханством. Но как и в других случаях, каждый из составителей выбирает самостоятельно известия для своего летописца, поэтому полного совпадения между ними не может быть.

Примыкает к упомянутым волоколамским летописцам очень краткий летописец в рукописи второй половины XVI в. писца Сильвестра Капустина (Волок., № 387). Эта статья находится на лл. 522—524, озаглавлена «Летописец вкратце», охватывает события за 1492—1542 гг., с поздней припиской о том, что в 1562 г. приходил на Москву крымский хан. Общерусские известия даны в летописце предельно кратко. Из записей местного характера включены следующие:

1. О Пафнутии Боровском: «В лето 6985 мая в 1 день преставися преподобный игумен Пафнутие Боровский».

2. О Волоколамском монастыре: Летописец Иосифа Волоцкого и запись «В лето 7040 преставися старец Косиан Босой на масленице в неделю».

3. О волоколамских князьях: «В лето 7002 преставися князь Борис Васильевич мая 26 в Рузе. В лето 7005 преставися князь Борисова княгиня Иулиана ноября 5. Того же месяца ноября 28 преставися князь Иван Борисович. В лето 7021 преставися князь Феодор Борисович».

Подробность о том, что Борис Васильевич скончался в Рузе, в других летописцах не встречается.

Безусловно, в первой половине XVI в. в руках волоколамских старцев были более обширные летописи, которыми пользовались при составлении частных кратких летописцев.⁶⁴

⁶⁴ Б. М. Клосс в статье «О времени создания русского хронографа» доказывает, что сокращенный свод 1495 г. был составлен в Волоколамском монастыре. Он считает, что здесь были написаны три списка этого свода (собр. Мазурина, № 289; собр. Архивское, № 365; собр. Музейн., № 5837). Этот свод не был источником названных кратких летописцев; в свою очередь некоторые известия, включенные в них, не повторяются в своде. Кстати, сопоставление одной из последних статей свода, авторство которой должно принадлежать составителю свода, с соответствующими известиями в названных кратких летописцах свидетельствует против вывода о составлении свода в Волоколамском монастыре. Имеется в виду запись о смерти князя Бориса Васильевича. В своде 1495 г. сказано: «Того же месяца 29 (май 1494 г.) в четверток привезоша с Волока князя Бориса Васильевича мертвого, и положиша и в церкви архангела Михаила на Москве» (ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 366). В кратких волоколамских летописцах об этом сообщено иначе: «Лета 7002 мая 26 на память святого апостола Карпа единого от 70 преставися князь Борис Васильевич» (Волок., № 545). В своде 1495 г. запись сделана на основании московских сведений, в лето-

В отличие от названных выше кратких летописцев источник летописца в сборнике Епарх., № 410 определяется точно. Летописец переписан в рукописи Епарх., № 410 на лл. 230 об.—239, охватывает события с 1237 по 1492 г., в конце имеет несколько поздних приписок за 1532 и 1537 гг. Этот летописец представляет собой краткие выписки из свода конца XV в.⁶⁵ Других источников летописец не использует. Каких-либо записей, относящихся к Волоколамскому монастырю, в нем нет. При выписках из источника особое внимание уделено митрополиту Петру, смене митрополитов, назначению епископов.

Два летописца, включенные в четьи сборники второй половины XVI в., — Волок., №№ 362 и 416 — имеют общее происхождение; летописные известия в них начинаются с 1486 г. Рукопись Волок., № 416 более ранняя, летописные записи в ней носят общерусский характер, кончаются 1547 г. В конце рукописи на л. 447 приписано о Казанском взятии. Рукопись Волок., № 362 принадлежала инок Игнатию Зайцеву. Составляя свой летописец, он воспользовался летописными записями из сборника Волок., № 416 и положил их в основу своего летописца, дополнив в соответствующем месте летописцем Иосифа Волоцкого. Далее, после 1547 г., Игнатий Зайцев вел уже самостоятельные записи, в которых он большое внимание уделил взятию Казани и местным волоколамским событиям.⁶⁶ Известия, связанные с Волоколамским монастырем, внес он также и в свой часовник (Епарх., № 264).

Перечисленные краткие летописцы четьих сборников Волоколамского монастыря продолжают традицию, появившуюся в четьих сборниках XV в. Однако все они в отличие от летописцев прошлого века не имеют такой хронологической стройности и последовательности в передаче определенных исторических сведений. Летописцы XV в. чаще начинались краткими сведениями по всемирной истории, взятыми из «Летописца вскоре» патриарха Никифора, и, излагая русскую историю, обращали внимание на последовательность перечисления великих княжений. Волоколамские летописцы в этом отношении являются очень непоследовательными и отрывочными. Они не только не включают сведений по всемирной истории, но и русские события в них чаще начинаются только с XV в. Хронологическая последовательность в них тоже не соблюдается. Составителей этих летописцев интересуют определенные темы, сведения по которым они и подбирают в свои летописцы. Помимо известий местного характера, особенное внимание уделено в них сношениям с татарскими ханствами.

Эти же самые черты наблюдаются и в тех кратких летописных записях, которые помещены в списке хронографа Досифея Топоркова (см.: ГПБ, F.IV.178 и ГПБ, собр. Вяземского, № 97) после Повести о взятии Константинополя.⁶⁷ Рукопись имеет запись, из которой следует, что она принадлежала Досифею Топоркову и была написана в 1538 г. Русские известия за 1453—1531 гг., включенные в список хронографа Досифея Топоркова, по мнению Б. М. Клосса, были составлены на основании сокращенного свода 1495 г. с некоторыми дополнениями по Симеоновской летописи и другим источникам (под 6970, 6979, 6985 гг.).⁶⁸ Этими другими

писце Марка Левкенского это известие является местным и записано с позиций Волоколамского монастыря.

⁶⁵ ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949.

⁶⁶ Текст летописца Игнатия Зайцева издан: А. А. Зиминым. Краткие летописцы XV—XVI вв., стр. 14—22.

⁶⁷ ПСРЛ, т. XXII, СПб., 1911, стр. 460—463.

⁶⁸ Б. М. Клосс. О времени создания русского хронографа, стр. 254.

источниками служили те материалы, которыми пользовались в Волоколамском монастыре и составители кратких летописцев.

В русских статьях, следующих за текстом хронографа (в списке 1538 г.), можно отметить несколько отступлений от текста свода 1495 г., характерных для волоколамских летописцев. Так, в хронографе подробнее сообщено о смерти Пафнутия Боровского:

Хронограф

В лето 985 мая 1 преставися преподобный игумен Пафнотие Боровский за час ноши, а погребен бысть в второй на первомъ часу дни, а пострижеса двадцати лет, а во иноцех жил шездесять и четыре лета, а в своемъ монастыре тридесят и два лета (ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 461).

Свод 1495 г.

В лето 6985 мая в 1 день преставися преподобный игумен Пафнотии Боровский (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 354).

Упомянутое выше (см. стр. 223—225) известие о смерти волоцкого князя Бориса Васильевича в хронографе Досифея Топоркова соединяет воедино текст свода 1495 г. и летописные записи об этом в Волоколамском монастыре: «Того же лета (7002 г.) преставися князь Борис Васильевич, и привезоша его на Москву маиа в 29 и положиша в Архангиле».⁶⁹ Изложение известий после 7002 г. в списке хронографа 1538 г. отрывочно и с большими хронологическими пропусками, как и записи кратких волоколамских летописцев. Изменение текста свода 1495 г. в сообщении о смещении с митрополичьей кафедры Зосимы выдает в авторе этой последней статьи хронографа 1538 г. иосифлянина:

Хронограф

Тое же весны ереси ради и многого ради скворьнения и пьянства сведе с митропольи Зосиму на Симонов маиа в 17 (ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 463).

Свод 1495 г.

Тое же весны, маиа 17, митрополит Зосима остави митрополю и съиде в келью в монастырь на Симаново, и оттоле к Троице (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 366).

Никоновская летопись так же объясняет причины, по которым Зосима оставил митрополичью кафедру, как и список хронографа Досифея Топоркова, хотя текстуальных совпадений между памятниками нет: «Тоя же весны, мая 17, митрополит Зосима оставил митрополю не своею волею, но непомерно литиа держашеса и о церкви божиин не радяше, и тако сниде в келию на Симанове и оттоле к Троице в Сергиев монастырь».⁷⁰ Досифей Топорков, известный автор многих произведений, посвященных Волоколамскому монастырю, безусловно имел отношение к последней статье хронографа в списке 1538 г.

А. Д. Седельников пришел к выводу, что хронограф был заново отредактирован Досифеем Топорковым в 1518—1520 гг. в Волоколамском монастыре.⁷¹ В настоящее время Б. М. Клосс также высказал мнение, что работа над первоначальной редакцией хронографа велась в Волоколамском монастыре, но датой создания этой редакции он считает конец XV в.⁷²

О связи хронографа с Волоколамским монастырем и о работе над ним Досифея Топоркова сохранилось много свидетельств, которые изло-

⁶⁹ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, стр. 463.

⁷⁰ ПСРЛ, т. XII, СПб., 1901, стр. 238. А. Д. Седельников отметил также принадлежность иосифлянину статьи «В Руси престолы епископам, елика их суть» (А. Д. Седельников. Досифей Топорков и хронограф, стр. 758).

⁷¹ А. Д. Седельников. Досифей Топорков и хронограф, стр. 755—773.

⁷² Б. М. Клосс. О времени создания русского хронографа, стр. 244—255.

жены в названном исследовании А. Д. Седельникова. А. Д. Седельников установил, что список хронографа 1538 г. был сделан для самого Досифея Топоркова, который своей рукой внес туда некоторую редакторскую правку. По мнению А. Д. Седельникова, предисловие к хронографу — «Изложение о истинней и православной вере» — является также произведением Досифея Топоркова.

Опись книг Волоколамского монастыря, составленная в 1545 г., сохранила для нас сведения, что Досифей Топорков действительно работал над хронографом. И та же опись показывает, что этот текст хронографа был популярным в монастыре и неоднократно переписывался. Об этом говорят записи в описи: «Бытея в десть новый перевод Дософея Топоркова. Да другая книга в полдесть его же перевода». В описи сказано, что Феодосию, архиепископу новгородскому, принадлежали книги: «Бытия в десть Досифеева переводу, да Криница в полдесть Досифеева же переводу».⁷³ Что в данном случае понимается под словом «перевод»? Весьма вероятно, что творчество Досифея Топоркова выразилось только в написании предисловия или в некоторой правке текста и дополнений в конце хронографа. Чтобы решить этот вопрос, необходимо текстологическое сопоставление списков первой редакции хронографа. Только тогда можно будет сказать, насколько текст списка хронографа Досифея Топоркова близок к оригиналу.

Для данной статьи важно установление факта, что первая редакция хронографа в начале XVI в. была хорошо известна в Волоколамском монастыре. Это в известной мере отразилось на литературной и книгописной деятельности его обитателей. Раньше всего это касается творчества самого Досифея Топоркова. В написанном им Волоколамском патерике была использована хронографическая Повесть о Батые.⁷⁴ В редактировании Досифеем Топорковым Синайского патерика тоже нашло отражение знакомство его с хронографом, тип хронографических статей оказал влияние на некоторые статьи Патерика.⁷⁵

Текст самого хронографа читался и переписывался в монастыре. Один из списков хронографа, соответствующий списку Досифея, принадлежал Феодосию В настоящее время в собрании Волоколамского монастыря сохранилось два списка хронографа XVI в.—Волок., №№ 649 и 650. В рукописи Волоч., № 650 в 20-е годы XVI в. были переписаны главы с 1-й по 106-ю. В переписывании этого текста для Волоколамской библиотеки принимали участие многие писцы монастыря, в том числе старец Фотий.⁷⁶ Отрывки и выписки из хронографа в составе четвх сборников монастыря начинают появляться не позднее 20-х годов. Сличение их с текстом хронографа первой редакции по волоколамским спискам сможет помочь решению вопроса и о времени составления хронографа, и о доле участия в работе над ним Досифея Топоркова. Особенно интересно в этом отношении изучение отрывков из хронографа в ранних сборниках XVI в.—Волок., №№ 583 и 661. Последний сборник принадлежал Дионисию Звенигородскому. Повесть о Царьграде в этой рукописи соответствует тому варианту повести, который имеется в списке Досифея. Хронографические выписки

⁷³ Опись 1545 г., стр. 16, 19. Слово «перевод» может быть истолковано по-разному: список, редакция, текстуальная справка, оригинал.

⁷⁴ А. Кадлубовский. Очерки из истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 125—160. А. Д. Седельников. Досифей Топорков и хронограф, стр. 770—771.

⁷⁵ И. М. Смирнов. Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917, стр. 167.

⁷⁶ А. Д. Седельников. Досифей Топорков и хронограф, стр. 766—767.

содержатся также в следующих четых сборниках: собр. Волок., №№ 511, 514, 572 и 645. Нифонт Кормилицын в своей рукописи ГПБ. Q. XVII. 15 под названием «Гранограф, сиречь летописец. Изложение о вере» переписал часть вступления к хронографу, кончая словами: «возможем разумети лежащая в нем от ветхаго писания».

Подводя итоги в целом, следует отметить, что к середине XVI в. в четых сборниках Волоколамского монастыря установилась своя традиция в подборе материала, отражающая политические и литературные интересы их владельцев. Своеобразие этого типа волоколамских сборников проявилось в ряде признаков. Дело не только в том, что по сравнению со сборниками XV в. претерпел изменение репертуар подбираемых произведений, — это вполне естественно, — но изменился несколько и принцип подбора материала. Перечислим наиболее характерные особенности волоколамских сборников.

Многоплановость содержания маленьких сборников XV в. сменилась некоторой ограниченностью тематики. Такое изменение состава четых сборников определилось в известной мере дальнейшим развитием книгописания: все большее число владельцев сборников получает возможность иметь в своем распоряжении по несколько сборников и подбирает в них статьи по определенным темам. Но в то же время ограниченность тематики волоколамских четых сборников была обусловлена некоторой узостью интересов их владельцев. Так, как уже говорилось выше, литературный круг Волоколамского монастыря был хорошо осведомлен относительно всего нового, что делалось в летописании. Однако владельцев сборников не интересовало историческое повествование в своем полном объеме, что было типично для XV в. Волоколамские старцы предпочитают включать в свои сборники только отдельные летописные статьи. Немногочисленные краткие летописцы, имеющиеся в этих сборниках, ограничиваются известиями за XV—XVI вв., обнаруживая наибольший интерес к событиям местного характера. Чаще же владельцы четых сборников включают в свои сборники летописец, посвященный только жизнедеятельности Иосифа Волоцкого. Ограниченность интересов литературного круга Волоколамского монастыря сказалась и на других темах. Статьи, касающиеся вопросов мироздания, явлений природы и естественного мира, характерные для энциклопедических сборников XV в., теперь встречаются реже. Внимание к занимательному чтению тоже приобретает более ограниченный характер. Тенденция этого чтения в сторону большей официозности видна на упадке интереса к апокрифическим сочинениям.⁷⁷ Как и прежде, в сборники наряду с церковно-дидактическими произведениями включается повествовательная литература светского характера, но репертуар ее по сравнению с XV в. коренным образом изменился. Волоколамские старцы переписывают в свои четые сборники только современные повести нравоучительно-назидательного содержания, которые при этом нередко подвергаются редактированию и переработке.

Характерной чертой типичных волоколамских сборников является преобладание в них тем, связанных с задачей прославления монастыря. Раньше всего это касается сочинений Иосифа Волоцкого и произведений, посвя-

⁷⁷ Апокрифы чаще встречаются в сборниках конца XV—начала XVI в.: собр. Епарх., № 370 — «Сказание како явися бог Аврааму»; собр. Волок., № 365 — «Епистолия о неделе»; собр. Волок., № 564 — «Семдесят имен богу», «Епистолия Евгаря»; собр. Волок., № 13 (рукопись была прислана в монастырь в 1519 г. дьяком Данилой Мамыревым) — «Премудрость Иисова сына Сирахова». В сборниках конца XVI в. собр. Волок., №№ 521 и 566 переписаны «Вопросы Иоанна Богослова Аврааму на Елеонской горе».

щенных ему. Наряду с ними в этих сборниках учитываются также труды других современников, связанных с Волоколамским монастырем. Таким образом, сборники дают богатый материал, выявляющий писательскую деятельность иосифлянского круга.

В Волоколамском монастыре были хорошо информированы относительно деятельности других литературных центров того времени. Внимание наиболее просвещенной части постриженников монастыря к новым литературным и публицистическим произведениям сказалось на составе их четвх сборников. Наличие в них современных сочинений, только что появившихся в свет, можно отметить как одну из особенностей этих сборников. Характерно, что волоколамские списки произведений XVI в. часто бывают близки оригиналу как по точности текста, так и по времени написания.

При наличии большого интереса к современным произведениям в волоколамских сборниках наблюдается верность традиции этого литературного круга, что свидетельствует о его замкнутости и обособленности. Те новые произведения, которые попадают в сферу внимания кого-то из лиц этого круга, затем довольно долго остаются в поле зрения и других обитателей монастыря. Их переписывают из одной рукописи в другую в течение десятилетий. Ученики переписывают и включают в свои сборники не только произведения своих учителей, но и те произведения, которые в свое время заинтересовали их наставников. Традиционность в подборе материала — еще одна из особенностей волоколамских четвх сборников.

Изучение волоколамских четвх сборников XVI в. как культурного явления в целом помогает не только выявить имена отдельных писателей и любителей литературы из среды волоколамских постриженников, но и уяснить общие черты, свойственные этому литературному центру XVI в. Следует отметить, что круг лиц, которых интересовала не одна лишь богослужебная и религиозно-догматическая литература, не был значительным. Основная читающая масса волоколамских постриженников имела в своем личном пользовании, как правило, по несколько богослужебных книг и один или два сборника, состоящих преимущественно из произведений отцов церкви, о чем свидетельствуют сохранившиеся описи книг.

Перечисленные выше свойства относятся к тем волоколамским сборникам, владельцами которых были видные церковно-политические деятели и влиятельные постриженники монастыря. Многие из них являлись авторами сочинений в самых разных жанрах. В их число входят такие хорошо известные лица, как Досифей Топорков, Вассиан Кошка, митрополит Даниил, Дионисий Звенигородский Лупа, Фома Шмоилов, Нифонт Кормилицын, старец Фотей, Феодосий архиепископ Новгородский. Именно в их сборниках встречаются новые повествовательные произведения светского содержания. Развитие литературных направлений в XVI в. во многом зависело от вкусов и интересов этого круга интеллигенции. Ограниченность их литературных запросов, не выходящих за рамки официозного направления, видимо, определена была в известной мере их церковно-политической деятельностью.

В. И. БУГАНОВ, В. И. КОРЕЦКИЙ, А. Л. СТАНИСЛАВСКИЙ

«Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени

Публикуемая впервые «Повесть како отомсти» представляет собой первую редакцию известной «Повести како восхити». Именно она стала одним из основных литературных источников «Иного сказания». Долгое время среди историков и специалистов по древнерусской литературе бытовала точка зрения С. Ф. Платонова о первичности выделенной им в составе «Иного сказания» так называемой «Повести 1606 г.» и вторичности «Повести како восхити».¹ Ни одного списка «Повести како отомсти» С. Ф. Платонов не имел. Яркой страницей в изучении публицистики Смуты явилась работа Е. Н. Кушевой, в которой убедительно доказана обратная зависимость этих литературных памятников.² Поэтому представляется целесообразным издание и более глубокое изучение «Повести како отомсти» — одного из ранних и интереснейших сказаний Смутного времени, в котором еще присутствует указание на авторство современника — неизвестного монаха Троице-Сергиева монастыря.

Сохранилось четыре списка «Повести како отомсти».

1. Лихачевский список — в составе рукописного сборника из собрания Н. П. Лихачева, хранящегося в ЛОИИ, ф. 238, № 11, в 8°, 59 лл.; лл. 33—34 оборваны по правому краю. Сборник написан скорописью и полууставом первой четверти XVII в. — в 1610—1620-е годы.

Водяные знаки: в первой части, написанной скорописью, одноручные кувшинчики с розеткой, гроздью винограда и с буквами IR, RE, VL; во второй части, написанной полууставом, одноручные кувшинчики с полумесяцем и буквами $\frac{P}{DC}$, с розеткой и буквами AV. Тип кувшинчика с полумесяцем и буквами $\frac{P}{DC}$ очень близок к №№ 4127, 4249 в альбоме

Н. П. Лихачева (Лихачев, Вод. зн.), датируемым 1611—1612 гг.; кувшинчики с розетками отдаленно напоминают №№ 1965—1966 (1611 г.).

В сборнике на лл. 1—16 об., 25—35 об. находится «Повесть како отомсти», на лл. 36—37 об., 17—24 об. — Повесть о походе Ивана Грозного на Новгород в 1570 г. (из Новгородской летописи). Обе повести написаны скорописью. С л. 38 сборник написан полууставом и содержит Повесть о видении в Нижнем Новгороде 26 мая 1611 г. (лл. 38—45), Ска-

¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, стр. 5—6 и др.

² Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени. — Ученые записки Саратовского университета, т. V (XIV), Саратов, 1926, стр. 42—50.

зание о мужестве и о уме, и о правде, и о истине (лл. 45 об.—50), Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. (лл. 50—56 об.). На лл. 57—59 об. находятся запись о перенесении мощей царевича Димитрия из Углича в Москву 3 июня 1606 г., тропарь царевичу, краткое житие царевича Димитрия, списанное с его раки.³

2. Сулакадзевский список — в составе рукописного сборника, хранящегося в Рукописном отделе БАН СССР, 24. 5. 9, в 4°, 184 лл.; лл. 1, 176—184 чистые. Сборник написан скорописью разных почерков второй четверти XVII в.

Водяные знаки приблизительно датируются 1630—1640-ми годами: геральдическая лилия в щите под короной соответствует филиграни № 1414 в альбоме К. Тромонина, датированной 1642 г.; двуглавый орел с распростертыми крыльями относится приблизительно к 1644—1646 гг. (Лабар, № 1300), двуглавый орел с двумя небольшими коронами — к 1633—1634 гг. (там же, № 1302).

Рукопись в конце XVIII в. принадлежала казанскому купцу А. И. Сулакадзеву, в XIX в. — И. И. Срезневскому, в 1910 г. подарена Рукописному отделу его вдовой Е. Ф. Срезневской.

Рукопись включает в своем составе Историю о Казанском царстве (Казанский летописец) 1-й редакции (лл. 2—158 об.) и «Повесть како отомсти» (лл. 158 об.—174 об.; на л. 175 помещено несколько строк, написанных в XVIII в.).⁴

3. Список Ю. А. Яворского — в составе рукописного сборника из собрания Ю. А. Яворского, хранящегося в Отделе рукописей ГПБ, № 41, в 8°, 183 лл. Сборник написан скорописью середины XVII в., на л. 183 имеется запись: «Писана книга сия лета 7159-м году», т. е. в 1651 г.

Водяные знаки датируются приблизительно 1640—1660-ми годами: голова шута в первой части рукописи (до л. 111 об.) имеет приблизительно голые аналоги под 1650—1651 гг. в альбоме А. А. Гераклитова (№ 1189), лилия в щите под короной — под 1648—1649, 1660 гг. у А. А. Гераклитова (№№ 211—214) и под 1650 г. у К. Тромонина (№ 431).

Рукопись в XIX—начале XX в. принадлежала сначала ростовскому купцу Н. А. Кайдалову, затем В. И. Лествицыну, И. А. Вахрамееву и Ю. А. Яворскому; в 1917 г. в составе собрания последнего она была приобретена Отделом рукописей Публичной библиотеки.

Сборник содержит Сказание об Александре Македонском (лл. 1—111 об.), компилятивное Сказание о царевиче Димитрии (лл. 112—183), состоящее из предисловия к Житию царевича Димитрия (лл. 112—115) и первой части этого жития (лл. 115—119), составленного Германом Тулуновым, а также компиляцию из «Повести како отомсти» и Сказания о Гришке Расстриге в первой (краткой) редакции (лл. 119 об.—183).⁵

4. Музейный список — в составе рукописного сборника, хранящегося в Музейном собрании ГИМ, № 2347, в 4°, 444 лл.; лл. 176—177 об. чистые. Сборник написан скорописью разных почерков XVII—XVIII вв.

³ Описание рукописи см. также: РИБ, т. 13, изд. 2-е, СПб., 1909, стр. XXXIV—XXXVI; Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени, стр. 42—43, прим. 5; В. И. Буганов. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. — Археологический ежегодник за 1961 г., М., 1962, стр. 267.

⁴ Более подробное описание см.: ПСРЛ, т. XIX, СПб., 1903, стр. V—VI; Описание Рукописного отдела БАН СССР, т. 3, вып. 1. Изд. 2-е. М.—Л., 1959, стр. 374—375; Г. Н. Моисеева. Казанская история. М.—Л., 1954, стр. 28.

⁵ Описание рукописи см.: А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. 2. М., 1892, № 568, стр. 386; в приложении (стр. 1—39) опубликован текст Сказания о царевиче Димитрии (лл. 119 об.—183 рукописи). А. А. Титов ошибочно перевел дату в рамке на л. 183 (1621 г., на самом деле — 1651 г.).

Водяной знак на лл. 178—230 об., где помещены интересующие нас памятники, — двуглавый орел под короной, на туловище изображен герб города Базеля в виде рога изобилия. Аналогичный водяной знак имеется в рукописи из собрания Е. В. Барсова ГИМ, № 182, точно датированный 1647 г. Тем самым список относится примерно к середине XVII в.

Сборник содержит Краткий летописец с известиями из всемирной и русской истории до первых лет царствования Алексея Михайловича (лл. 1—175 об.), компилятивное Сказание о царевице Димитрии, состоящее из предисловия к Житию царевицы Димитрии и первой части этого жития (лл. 178—184 об.), компиляцию из «Повести како отомсти» и Сказания о Гришке Расстриге первой (краткой) редакции (имеющего по сравнению со списком Яворского незначительные разночтения) (лл. 184 об.—230 об.), а также Сказание о путешествии Трифона Коробейникова (лл. 232—279 об.), Казанский летописец (лл. 280—442 об.) и краткие выписки из Степенной книги (лл. 443—444 об.).

Теперь появилась возможность полностью издать тексты «Повести како отомсти», оказавшей большое влияние на русскую литературу первой четверти XVII в.

В настоящем издании использовано три рукописи. За основной принят список ЛОИИ из собрания Лихачева, ф. 238, № 11, далее обозначенный как список Л.

Из двух списков компиляции использован лучший, находящийся в собрании Яворского (в прошлом принадлежал Вахрамееву); в подстрочных примечаниях он обозначен как список В (Музейский список, как сильно испорченный, оставлен нами в стороне). Список Повести из Рукописного отдела БАН СССР (в прошлом принадлежал А. И. Сулакадзеву) очень неисправен, он привлекается только в одном случае, когда текст Повести в списках Л и В не сохранился; в подстрочных примечаниях обозначен буквой С.

Автор Повести относит себя к братии Троице-Сергиева монастыря: «... и ти ныне вкупе с нами содетельствуют во обители пречистые и живоначальные Троицы»;⁶ в Повести описана встреча мощей царевицы Димитрия в Троице-Сергиевом монастыре.

Исследователи давно отметили начитанность автора Повести,⁷ хорошее знакомство его со всемирной историей, Библией и, наконец, встречающиеся в Повести рифмы. Н. П. Попов, считая, что для создания «Повести како отомсти» требовался немалый опыт, предположил, что ее автором был известный писатель XVII в. Иван Шевелев по прозвищу Наседка. Но Иван Наседка перебрався в монастырь только во время его осады.⁸ Не было в это время в монастыре и ставших впоследствии известными на литературном поприще келаря Авраамия Палицына и архимандрита Дионисия Зобниновского. Архимандритом в 1606 г. был Иоасаф, переведенный из Пафнутьева-Боровского монастыря, но за неимением материала мы не можем судить о его литературных способностях. Некоторый свет на личность автора, может быть, проливает рассказанная в Повести биография Гришки Отрепьева. В значительной степени она связана

⁶ ЛОИИ, собр. Лихачева, ф. 238, № 11, л. 32. Далее все цитаты из Повести даются по этому списку (Л) (листы указываются в тексте в скобках).

⁷ См.: Н. П. Попов. К вопросу о первоначальном появлении вирш в северорусской письменности. — ИОРЯС, т. XXII, кн. 2, Пгр., 1918, стр. 259—275; М. А. Яковлев. «Иное сказание» (Повесть о крестьянском движении начала XVII века.) — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. Покровского, факультет языка и литературы, вып. 1, Л., 1938, стр. 183—232; А. С. Орлов. Повесть 1606 года. — ИОЛЯ, т. V, вып. 1, М., 1946, стр. 27—46.

⁸ См.: Житие Дионисия. М., 1824, стр. 35.

с Галичем и Костромой: «И попусти на него такова же врага и законопреступника, Росийския же области града, завомаго Галича, от младыя чади Юшку Яковлева сына Отрепьева... Той же Юшка остася после отца своего млад zelo с матерью своею и научен бысть от нея божественному писанию. Егда же изучи точию часовник и псалмы Давыдовы, и отъиде от матери своея» (л. 9—9 об.). Заметим, что такого подробного рассказа о детстве Самозванца нет ни в правительственных грамотах, ни в других русских сказаниях. Далее в Повести говорится, что, перед тем как бежать в Литву, Гришка Отрепьев «вселися в пределех града Костромы во общее место в монастырь Иоанна Предтечи на Железном Борку» (л. 10 об.). Во всех известных источниках, кроме Пискаревского летописца (Сказание Катывева-Ростовского, Новый летописец, Посольский наказ от 8 июня 1606 г. и т. д.), этот монастырь называется галичским. В Пискаревском летописце говорится, что монастырь расположен в Костромском уезде.⁹ Волость Железный Борок находилась между Галичем и Костромой, и для современников, которые знали лишь то, что Гришка Отрепьев родом из Галича, было естественно и монастырь отнести к этому городу.¹⁰ Вопрос о местоположении монастыря разрешает надпись, сделанная на служебной минее из собрания Мазурина (ЦГАДА, ф. 196, № 1607) в 1535 г.: «Лета 7043[-го] написана бывша книга сия... в монастыре на Борку Железном в Костромском уезде у Ивана Предтечи и у Николы сюдотворца... повелением и строением игумена Нифанта Иванова, сына дьякова, галичанина... а писал Евтихей Иванов сын, галичанин».¹¹

В этой связи примечательно, что книгохранителем монастыря в начале XVII в. был инок Стахий, костромитин (умер в 1609 г.).¹² В это время в библиотеке Троице-Сергиева монастыря было уже несколько сот книг, причем она постоянно увеличивалась за счет вкладов и переписки книг монахами. Так, по свидетельству Симона Азарьина, преемник Стахия книгохранитель Дорофей написал «много книг своея руки».¹³ Одна из этих книг, Четвероевангелие, сохранилась в фонде библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ГБЛ, ф. 304, № 69). Книгохранители назначались не по чину, а по способностям, ими могли быть монахи, иеромонахи, дьяконы и иеродьяконы. Книгохранители могли принимать участие в литературной деятельности монастыря. Например, книгохранитель Антоний Крылов¹⁴ был ближайшим помощником Дионисия в правке богослужебных книг, а затем членом «правильни» московского печатного двора. В свете сказанного вполне допустимо, что автором Повести мог быть троицкий библиотекарь инок Стахий, возможно, знакомый с костромским Железноборским монастырем и с галичскими Отрепьевыми не только понаслышке.

Создание Повести тесно связано с канонизацией царевича Димитрия. Мысль о новом святом оформилась у правительства не сразу. Первые грамоты бояр¹⁵ (май 1606 г.) и Василия Шуйского от 20 мая 1606 г.¹⁶ обходят молчанием смерть царевича Димитрия. Но уже 21 мая в грамоте

⁹ Монастырь позднее относился к Костромской епархии, см.: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 871.

¹⁰ А. А. Новосельский. Роспись крестьянских дворов 1678 г.—ИА, т. IV, М.—Л., 1944, стр. 109 и 120.

¹¹ Эту запись любезно сообщил нам В. Д. Назаров, за что мы выражаем ему глубокую благодарность.

¹² См.: Иеромонах Арсений. Описания славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой лавры. М., 1878, стр. VII.

¹³ Там же, стр. VI.

¹⁴ См. о нем: Д. Скворцов. Дионисий Зобниновский. Тверь, 1890, стр. 196

¹⁵ СГГД, ч. 2, М., 1819, № 142.

¹⁶ ААЭ, т. 2, СПб., 1836, № 44.

от имени царицы Марфы¹⁷ говорится, что царевич убит Борисом Годуновым. А еще через несколько дней в Углич за его мощами были посланы богомольцы во главе с митрополитом Филаретом (28 июня они уже писали из Углича).¹⁸ Очевидно, не раньше этого времени, т. е. в конце мая, и началось создание Повести. Ее сюжет в самом сжатом виде мы находим во второй «окружной» грамоте Василия Шуйского (черновик этой грамоты был составлен 4—5 июня 1606 г.¹⁹): «В прошлом в 99 году за грех всего православного крестьянства, великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси сын благоверный царевич князь Дмитрий Иванович по зависти Бориса Годунова яко агня незлобивое заклася, и святая его праведная и непорочная душа отъиде в вечное блаженство, в небесное царство, а тело его святое погребено на Угличе и много исцеления подает всяким одержимым различного болезнью... а злодеем его и убийцом бог милосердый по своей святой воле, мстя неповинную кровь праведнаго, воздал мечь по их делу, злой смерти предал, и для их злодейского умысла на Росийское государство послал свой праведный гнев».²⁰

Нельзя с уверенностью сказать, что эта грамота была написана раньше Повести; по-видимому, вторая «окружная» грамота и Повесть составлялись одновременно. О. А. Державина, проследившая легенду о смерти царевича Димитрия, хронологически ставит Повесть перед грамотами Шуйского;²¹ очевидно, это не относится к самым первым грамотам, в которых о смерти царевича вообще не говорится. Действительно, несмотря на большую идеологическую близость ко второй «окружной» грамоте Шуйского, в фактическом отношении Повесть следует за более ранними документами, в частности за первой «окружной» грамотой. Составим Повесть с названными грамотами:

Повесть

I «окружная» грамота

II «окружная» грамота

Он, зломысленный, обещая королю отдати Руские области град Смоленск и прочие Северныя страны грады все, даже до Можайска (л. 134).

Он, будучи в Литве, поступился королю Смоленска и Северския земли все, а тестю своему воеводе Сандамирскому и родству его многие города.²²

После смерти того вора взято в его хоромех лист, утвержденной того вора ростири Гришки с воеводою Сандомирским, что было ему отдавати воеводе Сандомирскому да его дочери и их роду Новгород и Псков... да сверх того письма хотел ему тот вор отдати Смоленск и Северу всю со всеми людьми, и казну многую польскому королю и ему, воеводе, обещался тот вор давати.²³

Документы, найденные у Самозванца, появились только в приложениях ко второй «окружной» грамоте, в первой они лишь упоминаются. Эти документы в Повести не использованы. Автор, правда, знает понаслышке о письме Лжедмитрия к папе с просьбой разрешить ему женитьбу

¹⁷ СГГД, ч. 2, № 146, стр. 110.

¹⁸ ААЭ, т. 2, № 48.

¹⁹ См.: А. Л. Станиславский. К истории второй «окружной» грамоты Шуйского. — Археографический ежегодник за 1962 г., М., 1963, стр. 136.

²⁰ ААЭ, т. 2, № 48, стр. 110.

²¹ См.: Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 15, М., 1957, стр. 81.

²² ААЭ, т. 2, № 44, стр. 100.

²³ Там же, № 18, стр. 107—108.

на Марине Мнишек, но вкладывает в него совершенно другое содержание: у него Гришка просит у папы помощи, «чем доступати Рускаго государства».

Высказанные наблюдения позволяют нам сделать вывод, что фактический материал автор черпал из самых первых правительственных грамот; составление Повести поэтому следует отнести к концу мая—началу июня 1606 г.

Некоторое стилистическое сходство со второй «окружной» грамотой наблюдается лишь в рассказе о чудесах царевича Димитрия:

Повесть

И потом принесени быша честныя его и многоцелбныя мощи в церковь архистратига божия Михаила, зримы и поднесь нашим очима и исцеление подают приходящим с верою независтно (л. 29 об.).

II «окружная» грамота

А как его поставили в церкви архангела Михаила, и от его целебоносных мощей пролились реки милосердия; многие болезные различными болезными исцеление получили ... и до сего дни непрестанно исцеляет, и всем приходящим с верою неоскудно милость свою подает.²⁴

С. Ф. Платонов заметил сходство Повести с еще одной июньской грамотой Шуйского,²⁵ посланной соборными владыками князю Василью Константиновичу Острожскому:²⁶

Повесть

Не попусти дивому сему зверю поедати избраннаго своего стада словесных овчат (л. 166 об.).

Днесь же вси православнии людие радуемся и веселимся, хваля и славя искони безначальнаго превечнаго бога нашего (л. 32).

Соборное послание

... не дал бы злым волком и хищником стада своего в расхищение.²⁷

И тебе, воеводе ... о сем радоватися и веселитися, что истинная наша и непорочная христианская вера тверда и непоколебима.²⁸

Очевидно, «Повесть како отомсти» повлияла на последующие правительственные грамоты, хотя в данных примерах возможно также и независимое использование ходовых литературных штампов.

Повесть заканчивается известием о принесении в Москву мощей царевича Димитрия, причем автор пишет, что вместе с троицкой братией радуются иноки «у архистратига божия Михаила, у чудотворца Алексея в Чюдове». Может быть, это указание на то, что автор, троицкий монах, прибыл в Москву вместе с процессией и уже в столице закончил свое произведение.

Для того чтобы выяснить время возникновения второй редакции, сравним ее с первоначальным текстом Повести. Прежде всего обращает на себя внимание изменение заглавия Повести:

I редакция

Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годуну пролитие неповинные крови новаго своего страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличскаго (л. 1).

II редакция

Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти господь бог врага и поругателя, еретика, розстригу Гришку Отрепьева, мстя неповинное кровопролитие новаго своего страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея Угличскаго.²⁹

²⁴ Там же, № 48, стр. 111.

²⁵ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести... стр. 16.

²⁶ ДАИ, т. I, СПб., 1846, стр. 259—262.

²⁷ Там же, стр. 259.

²⁸ Там же, стр. 262.

²⁹ РИБ, т. 13, стлб. 145.

Изменение заглавия призвано обосновать главную мысль второй редакции о незаконном вступлении на престол Бориса Годунова. На первое место в ней выдвигается вопрос о престолонаследии, особенно актуальный для Шуйских.

Во второй редакции опущено указание на то, что автор Повести был иноком Троице-Сергиева монастыря:³⁰

І редакция

А инии братья наша, иноцы, еще в живых остахася, и тии ныне вкупе с нами содетельствуют во обители пречистые и живоначальныя Троицы, а инии у архистратига божия Михаила, у чудотворца Алексея в Чюдове, и такия беды... (лл. 31 об.—32).

ІІ редакция

А инии священнаго чину и иноки, и белцы, еще в живых остахася, а такия беды.³¹

В первой редакции говорится о гонениях Самозванца только на иноков. Во второй появляется следующая вставка: «И не покоряющих же ся его злонравному и проклятому обычаю царские полаты дворяне и дьяки, и многие служивые люди, и церковного чину протопопы и священники, и обличающии его проклятую ересь, он же их многих смерти предать, а иных в заточения розосла».³² Вероятно, составители второй редакции пытались несколько смягчить троицкую окраску Повести. Последняя вставка перекликается с Наказом, врученным 8 июня послан к Сигизмунду III — князю Григорию Волконскому и дьяку Андрею Иванову: «И многих православных крестьян, которые ево знали и злодейство его ведали и обличали, ноипаче же от духовного чину, и иноков многих, побарающих о вере, премучил и в заточенье отослал».³³

Вспомним, что дальше в Повести (и первой и второй редакции) Самозванец «христоролюбивых инок... многим различным мукам предат» (лл. 15 об.—16 об.). Интересно, что в указанном месте Наказ дословно совпадает с уже упоминавшейся грамотой соборных владык Василию Острожскому, посланной в июне.

Изменения, происшедшие во второй редакции, должны были придать Повести более официальный характер и приблизить ее к правительственным грамотам. Кое-где в Повесть были внесены и уточнения, что видно из следующего сопоставления:

І редакция

И воздвиже ненависть на свою господию на князя Ивана Петровича Шуйского и на единокровных его братьий (лл. 2 об.—3).

ІІ редакция

И воздвиже той окаянный Борис злую мысль свою на государевых приятелей и доброхотов, на князя Ивана Петровича Шуйского и на его сродичев, на князя Василия Ивановича Шуйского и на единокровных братьий.³⁴

В рассказе о соглашении Шуйских и Бориса Годунова к словам «и положиша веру со укреплением» (л. 4) во второй редакции для убедительности добавлено: «и со крестным целованием».³⁵ Наконец, вставка

³⁰ С. Ф. Платонов считал это одним из признаков более позднего происхождения Повести по сравнению с первой частью «Иного сказания», где указание на автора как троицкого монаха сохранилось. Списков первой редакции С. Ф. Платонов не знал.

³¹ РИБ, т. 13, стлб. 172.

³² Там же, стлб. 163.

³³ Сборник Русского исторического общества (далее: РИО), т. 137, М., 1912, стр. 244.

³⁴ РИБ, т. 13, стлб. 147.

³⁵ Там же, стлб. 148.

о чудесах от гроба царевича Димитрия в Угличе,³⁶ очевидно, должна была убедить тех, кто не поверил в чудеса, совершавшиеся в Москве, показать им, что у этих чудес есть уже известная традиция.

Рифмы рассыпаны по всему тексту «Повести како отомсти»: «...дабы их, государей наших, воспитали и со всяцем тщанием их царского здравия остерегали» (л. 1 об.); «И видя себе той Борис самого поругаема и ото всенародного множества попираема» (л. 3 об.); «...православная хрстьянская вера попрасти и церкви божия разорити, и вместо церквей костелы римские соиздати» (л. 135); «...везде грады ему отворяху и подобное приклонение и дары приношаху» (л. 140); «И не по своему си разуму и хотению, но по божию и зволению» (л. 13); «...олтари хотел разорити, и монастыри и обителища иноческа раскопати, и православную хрстьянскую веру в отпадшую веру с собою же равну сотворити, и костелы вместо церквей божних соиздати» (л. 25); «И святая было места ему осквернити, иноческа монастыри в домы и в жилища поганцом сотворити, и юных иноков и инокинь по злонравию своему образа иноческаго лишати, и во светлая портища облачати; иноков умысли окаянный женити, а инокинь замуж давати» (л. 27 об.); «...и аер ста неблагогнравия плодити, облацы дожда не даша, не хотяше его окаянного тела обмыти» (л. 172 об.); «...милость божию остати и сатану в помощь призывати» (л. 34 об.).

Характерно, что с рифмами встречаемся мы и во вставках: «...и домы их в расхищение сотвори, и много кроворазлитие учини»;³⁷ «...память его от земли истрыти и чудеса его преславная в презрение положити».³⁸ Важное добавление во второй редакции слов «и крестное целование» рифмовано с предыдущим текстом: «презре свое обещание, забы веру и крестное целование».

По наблюдениям Н. П. Попова, рифмы приумножены в «Ином сказании». Все это лишний раз свидетельствует о создании «Повести како отомсти» в стенах Троице-Сергиева монастыря, который, по мнению Н. П. Попова, дал «первых стихотворцев Московской Руси» и где стихотворные традиции сохранялись и в дальнейшем.³⁹ По-видимому, и переработка «Повести како отомсти» в «Повесть како восхити» происходила в кругу троицкой братии, но на сей раз, возможно, дело не обошлось без участия Посольского приказа, в котором хранились документы о Самозванце, использованные во второй «окружной» грамоте.⁴⁰ Участие деятелей Посольского приказа выразилось в некотором стирании троицкой окраски Повести и придании ей более официального характера.

Связи между Посольским приказом и церковью были очень тесные, и Послание соборных владык дословно цитирует Наказ, составленный в Посольском приказе.

Интересно, что книга о посольстве Волконского и Иванова начинается с небольшой повести, которая обнаруживает знакомство с «Повестью како отомсти». Сравним:

«Повесть како отомсти»

И той окаянный еретик, не могый от него
обличаем быти о безстудном своем законо-

Посольская повесть

И сия слышав, злый и богомер-
ский еретик ... нападет на сего про-

³⁶ Там же, стлб. 153.

³⁷ Там же, стлб. 151.

³⁸ Там же, стлб. 153.

³⁹ Н. П. Попов. К вопросу о первоначальном появлении вирш..., стр. 272.

⁴⁰ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, стр. 95—96, 111, 127 и сл.

преступлении... и повелеста того великаго боярина посреди града смерти предати... Человколюбивый же творец наш и содетель не попусти того быти... хотяи тем стратотерпцом невесту свою, еже есть церковь, сохранить от разорения, и за правое его страдание прославити и выше всех того учинити... точною повеле того прежереченнаго боярина князя Василия Ивановича и единокровных его братьи... по далним и по розным городом розослати в заточения, а домы их и имения повеле расхитити и растоштити (лл. 14 об.—15).

поведника, и злыми томительствы душу праведнаго мучаще, и смерти предати восхоте; но богу соблюдающе его истинны ради, в смерти место царство ему даровати, хотяшу, и во узы, в заточении в темницы юз и з братию его отсылает, и имения вся расхитив.⁴¹

Е. Н. Кушева провела всесторонний анализ содержания и палеографических особенностей известного Строгановского сборника (ГПБ, Q.IV.17), в котором сохранился один из лучших списков Повести второй редакции, и пришла к выводу, что сборник состоит из грамот времени царей Федора, Бориса, первого самозванца, Василия Шуйского, междуцарствия и царя Михаила Федоровича (с 1592 по 1616 г.), расположенных в хронологической последовательности и адресованных в большинстве случаев в Соль Вычегодскую или имеющих в конце пометы о доставке их в Соль Вычегодскую.⁴² В трех списках⁴³ Повесть дошла до нас вместе со второй «окружной» грамотой, посланной 2 июля 1606 г. в Новгород Великий боярину и воеводе князю Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому и оружничему и воеводе Богдану Яковлевичу Бельскому. Не значит ли это, что грамота и Повесть были посланы в Новгород вместе? Если это так, то вторая редакция была составлена в конце июня 1606 г.

В заключение остановимся на отношении Повести к «Иному сказанию». Е. Н. Кушева обратила внимание на то, что в «Ином сказании» использована первая редакция Повести. Особенно близки к «Иному сказанию» компилятивные списки: в них мы также встречаем описку «от полаты» вместо «опалы» и некоторые другие характерные варианты, например «еже Борис помышляет» (в то время как в остальных списках «еже Борис умышляет»), «токмо с ним не единые матери» (в остальных списках «точно с ним не единые матери») и т. д. Следующий пример показывает, как от первой редакции разошлись, с одной стороны, списки второй редакции, с другой — «Иного сказания»:

I редакция	II редакция	«Иное сказание»
И от благовернаго великого князя (л. 174—174 об.).	И от великого князя. ⁴⁴	И от благовернаго князя. ⁴⁵

Кроме «Повести како отомсти» в первую часть «Иного сказания» вошли Житие царевича Димитрия Иоанновича 1607 г., внесенное позднее в Минею Германа Тулузова,⁴⁶ «Извет» Варлаама, известия очевидца (или писавшего со слов очевидца) о событиях у стен Новодевичьего монастыря, когда толпа просила Бориса Годунова принять царский престол, подробности о походе Лжедмитрия (источник их неизвестен) и правительственные грамоты. Эти разнородные материалы, соединенные довольно

⁴¹ РИО, т. 137, стр. 194.

⁴² Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени, стр. 33.

⁴³ ГПБ, F.IV.697, лл. 370—383; ГБЛ, собр. А. Н. Попова, № 2529, лл. 240—251; ГИМ, собр. Уварова, № 896; последний список ранее не был известен.

⁴⁴ РИБ, т. 13, стлб. 168.

⁴⁵ Там же, стлб. 60.

⁴⁶ Там же, стлб. 877—898.

искусно, настолько изменили первоначальный вид Повести, что С. Ф. Платонов принял эту компиляцию за оригинальное произведение, назвав его «Повестью 1606 г.». Вместо скупого известия Повести о том, что Самозванец бежал в Литву с тремя иноками — Мисаилом Повадиным, Венедиктом и Леонидом, в «Ином сказании» появляется обширный «Извет» Варлаама, причем рассказ, предшествующий «Извету», автор «Иного сказания» в свою очередь изменяет, сообщая, будто бы с Григорием бежали Варлаам и Мисаил, и опуская имена Венедикта и Леонида. Между тем в этом месте Повесть вполне заслуживает нашего доверия: о Венедикте — постриженнике Троице-Сергиева монастыря как о спутнике Самозванца говорится в грамоте патриарха Иова, а имя другого его спутника, Леонида, встречается в актах обороны Смоленска.⁴⁷

Лихачевский сборник позволяет увеличить список источников «Иного сказания» еще на один документ. Сборник заканчивается надписью на раке царевича Димитрия — эта надпись дословно использована в «Ином сказании»:

Надпись на раке

И принесены быша мощи его честные с Углича в царствующий град Москву в лето 7114-го году июня в 3 день, а праздн[о]вати ему уложили собором, стихеры и к[анон] сложен на тот день октября в 19 день, на тот день и родился на память святого мученика Иуара, ангел его молитвенный, а во крещении Димитрий Селунский...⁴⁸

«Иное сказание»

Принесены быша мощи его честные со Углича в царствующий и богоспасаемый град Москву в лето 7114, июня в «*пропуск*» день, а праздновати его уложиша собором, стихеры и канон сложен октября в 19 день, на тот же день, в которой день благоверный царевич Дмитрий родился, на память святого мученика Уара. Ангел его молит в тот день, а во святом крещении наречен бысть Солунский Дмитрий.⁴⁹

Итак, публикуемая Повесть претерпела изменения уже вскоре после своего создания, приняв, как мы показали, более официальный, пропагандистский характер, и вторично — при ее включении в состав «Иного сказания». Когда это произошло и чем было вызвано? Е. Н. Кушева относит составление «Иного сказания» к 20-м годам XVII в. Л. В. Черепнин, присоединяясь к этой датировке, связывает «Иное сказание» со стремлением создать официальную летопись в окружении патриарха Филарета.⁵⁰ Если попытка переделать с этой целью Повесть князя И. М. Катырева-Ростовского привела к появлению так называемой «Рукописи Филарета», то обращение к Сказанию Авраамия Палицына настолько разочаровало одного из патриарших «историографов», что подвигло его на создание по сути дела нового литературного памятника, в котором отрицательному отношению Авраамия Палицына к царю Василию Шуйскому была противопоставлена его апологетика.

Текст «Повести како отомсти» воспроизводится по списку ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 11 (Л) с орфографическими упрощениями, принятыми в ТОДРА для памятников XVII в.; восполняемые издателями буквы заключены в квадратные скобки.

В разночтениях приняты следующие условные сокращения:

⁴⁷ ААЭ, т. II, стр. 79; Памятники обороны Смоленска 1609—1611 г. Под ред. Ю. В. Готье. М., 1912, стр. 86. См. также: И. А. Голубцов. «Измена» смольнян при Борисе Годунове и «Извет» Варлаама. — Ученые записки Института истории РАН ИОН, т. V, М., 1928, стр. 235—236.

⁴⁸ ЛОИИ, ф. 238, № 11, л. 59—59 об.

⁴⁹ РИБ, т. 13, столб. 95.

⁵⁰ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века, — ИЗ, т. 14, 1945, стр. 102.

Список ГПБ, собр. Ю. А. Яворского, № 41 (Вахрамеевский) . . . . . В
 Список БАН, 24.5.9 (Сулакадзевский) . . . . . С
 «Повесть како отомсти» . . . . . Повесть
 «Сказание иже содеяся» (текст которого в списке В перемежается
 с текстом «Повести како отомсти») . . . . . Сказание

**¹ Повесть како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову
 пролитие неповинные крови новаго своего страстотерпца
 благовернаго царевича Дмитрея Угличскаго ²** л. 1

Божим изволением, паче же его ³ человеколюбивым ⁴ хотением, бысть в лето 92-е, ⁵ в не же ⁵ преставися благоверный и христолюбивый ⁶ государь наш ⁷ царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси ⁸ самодержец месяца марта в 18 день. И по нем останася ⁹ его царского корене две пресветлии ¹⁰ отрасли || сынове его царевич Феодор Иванович всеа л. 1 об. Руси да мний его брат царевич Дмитрией Иванович всеа Руси, точию ¹¹ не единые ¹² с ним ¹² матери. И, преселяся от жития сего, государь наш царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси и приказа ¹³ благородная ¹⁴ чада своя, ¹⁴ благоверных царевичев Феодора ¹⁵ и Дмитрея, ¹⁶ верному своему приятелю и доброхоту благонравному боярину ¹⁷ князю Ивану Петровичю Шуйскому, да князю Ивану Федоровичю Мстиславскому, да Никите Романовичю Юрьева, дабы их, государей наших, воспитали и со всяцем тщанием их царскаго здравия остерегали.

И по милости в троици славимого || бога нашего ¹⁸ царевич ¹⁹ Феодор ²⁰ после отца своего ²¹ во ²² блаженной памяти ²³ царя и великаго князя Ивана Васильевича ²³ всеа Руси и по его благословению ²⁴ и повелению ²⁴ воцарися и сяде на престоле отца своего в ²⁵ Московском царстве ²⁶ того же 92-го году месяца мая в 1 день на память святого пророка Иеремея, и бысть царь всему Росийскому государству. Брата же своего, юнейшего царевича ²⁷ Дмитрея, ²⁸ отпусти на удел во град Углич и с материю своюю. ²⁹

По мале же времени, богу попущающу, а сатане действующу, вниде зломысленный диявол в сердце некоему от вельмож, зовому Борису Годунову. || Сей же Борис — шурин царю и великому князю Феодору Ивановичю всеа Руси. И уподобися той Борис древней зми, иже прежде в раи прельсти Еву и прадеда нашего Адама и лиши их ³⁰ пища райския ³⁰ насладитися. ³¹ Тако же и сий Борис нача прельщати многих от царские полаты приобщателей бояр и дворян, тако же и ото властелей, и от гостей многих прелестию присвоил к себе, овех дарми преодолел, а иных прелщением, аки змий свистанием ³² угрози. И, видя себе посреди царева ³³ синклита превышши всех почитаема, и нача славобесия дыхании обуреватися, и воздвиже ненависть на свою || ³⁴ господию на князя Ивана л. 3 Петровича Шуйского ³⁴ и на единокровных его братьий. Присно бо доб-

¹⁻² О пролитии крови неповинные новаго страстотерпца и мученика благовернаго и христолюбиваго царевича князя Дмитрия Ивановича Угличскаго В. ² Далее в В название первой главы: По преставлении благовернаго и христолюбиваго, и христоименитаго, и великаго царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси. ³ Нет В. ⁴ человеколюбием В. ⁵⁻⁵ Нет В. ⁶ Доб. и великий В. ⁷ Нет В. ⁸ Доб. обладатель многих государств и В. ⁹ остана В. ¹⁰ светлии В. ¹¹ токмо В. ¹²⁻¹² есмь В. ¹³ Нет В. ¹⁴⁻¹⁴ своя чада В. ¹⁵ Доб. Ивановича В. ¹⁶ Доб. Ивановича приказа В. ¹⁷ Нет В. ¹⁸ Доб. владыки Иисуса Христа В. ¹⁹ Доб. и великий князь В. ²⁰ Доб. Иванович всеа Руси В. ²⁰⁻²¹ по отце своем В. ²² Нет В. ²³⁻²³ по великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче самодержце В. ²⁴⁻²⁴ Нет В. ²⁵ на В. ²⁶ Доб. росийскаго скифетра В. ²⁷ Доб. князя В. ²⁸ Доб. Ивановича В. ²⁹ его царицею В; далее в В название следующей главы: о Борисе Годунове, о его злокозньстве, и како сам на себя студ и поношение привлече. ³⁰⁻³⁰ райския пиши В. ³¹ Нет В. ³² свиста В. ³³ царскаго В. ³⁴⁻³⁴ Нет В.

- рых³⁵ ненавидят лукави;³⁵ и обычай лукавым есть: дондеже постизает хотение, является тих и кроток, и смирен, и безлюбив; егда же получит хотение — сверепейши лютаго³⁶ зверя явится; таковой³⁷ аще что³⁷ и добро сотворит, — обаче зоветца зол;³⁸ горкий бо плод, аще и множицею помажетца медом, не отлагает горчины своее в сладость; обычай бо таков имать.³⁹ Но божию помощию³⁹ не⁴⁰ возможе им⁴⁰ зла сотворити ничто
- л. 3 об. же, точию сам на себе студ и поношение, и укоризну || привлече. И учинися вестно про сие збывшее всенароднаго собрания московских людей множеству, еже Борис умышляет⁴¹ на них, и восхотеша его и со всеми сродницы ему⁴² без милости побити камением. И видя себе⁴³ той Борис самого поругаема и ото всенароднаго⁴⁴ множества попираема, и умысли лукавством своим, и нача паки прельщати того великаго боярина князя Ивана Петровича и его сродичев⁴⁵ князя Василия Ивановича и с его единокровными братьями, глаголюще, дабы им с ними имети любовь сердечная и утвердиться верою, что никому ни на кого злохотенных советов
- л. 4 не сове||щевати и не думати и царскаго величества и здравия⁴⁶ остерегати опасно и бодрественно о вкупе заедин с ними.⁴⁷ Боголюбивый же князь Иван Петрович и его сроднич⁴⁸ князь Василей Иванович и его братья изначала от⁴⁹ прародителей⁵⁰ своих боящеися бога и держаще в сердцах своих⁵¹ к богу⁵¹ велику⁵² веру и к⁵³ человеком нелицемерную правду, и возложиша упование на⁵⁴ милость божию,⁵⁴ и мневша того пронырливаго Бориса, яко правду глаголюща, и положиша веру со укреплением промеж себя, что имети любовь и доброта, яко же и преже. Той же
- л. 4 об. Борис по обете своем не угаси злораспала || маемаго своего огня славобесия и восхоте приобрести славу превыше своея меры: еще умышляет злоковарными своими умышлениями, дабы в чем пакость им сотворити; и тем лукавством не возможе сему благородному боярину князю Ивану Петровичю и его сродничем⁵⁵ зла сотворити никотораго: покрыты бо кровом крылу господнею. И паки нача отверзати лукавая уста своя и изbleвати, яко змия, смертоносный яд свой, тако глаголюще, дабы сей благоверный⁵⁶ боярин князь Иван Петрович учинил в народе проповедь,⁵⁷ что им на Бориса нет гнева, ни мнения никотораго, того ради, дабы его⁵⁸
- л. 5 московстии || народи⁵⁸ смерти не предали. Они же мнеша его, Бориса, яко сущую правду, без лукавства к себе, глаголюща, и возвестиша всем утверждение мирства⁵⁹ своего. И, слышавше сия, московстии людие, пременяшася еже на Бориса от гнева.⁶⁰ И по времени⁶¹ некоем изволи князь Иван Петрович дозрети царскаго жалования, а прародителей своих отчины, поехал во свою отчину, еже во области града Суждаля. Той же лукавый Борис презре все свое обещание и забы веру, узнаючи к погублению его время, и посла своих злосоветников вослед⁶² князя Ивана Петровича,⁶³ и повеле его яти, будто государевым повелением, яко от царскаго || величества опалы,⁶⁴ в заточение⁶⁵ посла того⁶⁵ на Белоозеро, и

³⁵⁻³⁵ лукави ненавидят В. ³⁶ Нет В. ³⁷⁻³⁷ а что аще В. ³⁸ зло В. ³⁹⁻³⁹ По божией помощи В. ⁴⁰⁻⁴⁰ возможем и В. ⁴¹ помышляет В. ⁴² его В. ⁴³ Нет В. ⁴⁴ всего народнаго В. ⁴⁵ сродников В. ⁴⁶ В ркп. слова и здравия написаны по правому полю с выносным знаком, такой же знак стоит в тексте над словом величества. ⁴⁷ Далее в В название следующей главы: О прельщении того же Бориса Годунова, како прельсти князя Ивана Петровича Шуйскаго и его сродников, и о любви князя Ивана Петровича и его сродников з Борисом Годуновым по прелести его. ⁴⁸ сродницы В. ⁴⁹ Нет В. ⁵⁰ родителей В. ⁵¹⁻⁵¹ Нет В. ⁵² великую В. ⁵³ Нет В. ⁵⁴⁻⁵⁴ всещедрого бога В. ⁵⁵ сродникам В. ⁵⁶ благородный В. ⁵⁷ навет В. ⁵⁸⁻⁵⁸ народи московстии В. ⁵⁹ миру В. ⁶⁰ Далее в В название следующей главы: О отъезде князя Ивана Петровича Шуйскаго в вотчину свою и о смерти его на Беле-озере. ⁶¹ Доб. же В. ⁶² Доб. того благороднаго боярина В. ⁶³ Доб. Шуйскаго в лето 7095-го году В. ⁶⁴ от полаты В. ⁶⁵⁻⁶⁵ его посла В.

тамо злою нужною смертию⁶⁶ умори того.⁶⁷ И потом сродичев его, князя Василья Ивановича Шуйского и единокровных его братьей, розосла по розным городом в заточение, а брата же их, князя Андрея Ивановича, отосла в Буй-город и тамо повеле его уморити смертию нужною. Тако же и гостей многих посреде града казнити повеле, а домы их в расхищение предложи; а иных по дальним городом в заточение розосла; и многих жен опустошил и детей осиротил. И еще тою кровию и слезами не наполнил || ненасыщаемыя утробы своя, и паки воздвиже многу вражду на свою л. 6 господию, на князей и на бояр, и⁶⁸ многих от⁶⁹ вельмож различным смертем предаст, их же число бог един весть, и ни тою⁷⁰ кровию славобесные⁷¹ утробы своя не удовли.⁷²

О люте! Да како о сем слезы моя не пролью или како может десница моя начертати тростию о сем? Воставае предатель, аки Июда Скарюдски на учителя своего Исуса Христа, сына божия, тако же и сей⁷³ Борис вооружается убивством на государя своего⁷⁴ царевича князя Дмитрея,⁷⁵ еже и сотвори окаянный святоубийца. Посла во град Углич злосоветников своих || и рачителей дьяка Михаила Битяговского⁷⁶ да сына его Данилка л. 6 об. Битяговского,⁷⁶ да племянника его Никиту Качалова и повеле тое царскую младорастущую и краснорасцветающую⁷⁷ ветвь отторгнути, благовернаго царевича⁷⁸ Дмитрея,⁷⁹ младенца суца и незлобива, смерти предати. О, немилостивыя и человеконелюбивыя⁸⁰ утробы! О, лукавый Борисе, второй Июдо по преданию и второй Святополче по святоубийству! Како и почто еси погубил младенца незлобива, паче же, реку, государя своего и нашего? Кую ти⁸¹ досаду сотворил или чем тебе оскорбил? Но воля господня буди во всем; яко же волит ||⁸² [бла]гость его⁸² прещедрая, л. 7 тако и сотворит по-своему его хотению. Мы же, оставльше⁸³ сия, да⁸³ возвратимся на предающая.⁸⁴

⁸⁵ Бысть в лета⁸⁵ по отшествии мира сего в кровы небесныя⁸⁶ святого и праведнаго⁸⁶ государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии самодержца осмыя тысячи 106-го году месяца генваря в 6 день, бе⁸⁷ же и тогда его⁸⁷ преставление от неправеднаго убивствия того же Бориса.⁸⁸ О, како могу примолчати о сем? Аще мы умолчим, то камение возопиет. И сие приносящее плод благородия, насажденное⁸⁹ десницею всещедрого превечнаго бога, той же Борис подсече и искорени,⁹⁰ даже и до умер||твия его сотвори.⁹¹ И яко же прежде имел нрав лукав и пронырлив, и бояр, и царских сигклит, и велмож, и⁹² властей, и гостей,⁹² и всяких людей прельстил, ово⁹³ дарми, ово⁹⁴ любовию, а иных злым прещением; и не смеяше никто вопреки ему глаголати от бояр и до простых⁹⁵ людей; тако же⁹⁶ и ныне⁹⁶ той⁹⁷ Борис по отшествии к богу⁹⁸ государя

⁶⁶⁻⁶⁷ уморити его повеле В. ⁶⁷ Далее в В название следующей главы: О князе Василье Ивановиче Шуйском и о брате его и о многих гостех; отсюда до слов и еще тою кровию в В вместо Повести текст Сказания. ⁶⁸ Доб. на В. ⁶⁹ Нет В. ⁷⁰ котороку В. ⁷¹ злобесныя В. ⁷² Далее в В название следующей главы: О убиинии благовернаго и христолюбиваго царевича Дмитрея Ивановича в лета 7099-го года месяца мая в 9 день. ⁷³ той В. ⁷⁴ Доб. благовернаго В. ⁷⁵ Доб. Ивановича В. ⁷⁶⁻⁷⁶ Нет В. ⁷⁷ красную разцветающую В. ⁷⁸ Доб. князя В. ⁷⁹ Доб. Ивановича В. ⁸⁰ нечеловеколюбивые В. ⁸¹ Нет В. ⁸²⁻⁸² благостию В. ⁸³⁻⁸³ Нет В. ⁸⁴ Далее в В название следующей главы: О преставлении благовернаго и христолюбиваго великаго государя царя и великаго князя Федора Ивановича всея Русии. ⁸⁵⁻⁸⁵ в лета бысть В. ⁸⁶⁻⁸⁶ праввернаго и христолюбиваго В. ⁸⁷⁻⁸⁷ бе то его царское, того году дни и числа В. ⁸⁸ Доб. Годунова В. ⁸⁹ Доб. древо В. ⁹⁰⁻⁹¹ Нет В. ⁹¹ Далее в В название следующей главы: О лести того же Бориса Годунова. ⁹²⁻⁹² гостей и властей В. ⁹³ овагда В. ⁹⁴ Доб. же В. ⁹⁵ Далее в В название следующей главы: О послании того же Бориса Годунова по граду Москве и по иным градом, чтобы его на государство просили миром. ⁹⁶⁻⁹⁶ Нет В. ⁹⁷ Доб. же В. ⁹⁸ Доб. праввернаго В.

царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии и нача посылати злосоветников своих и рачителей по царствующему граду Москве и по всем сотням, и по слободам, и по всем градом Росийские⁹⁹ области ко всем людем,¹⁰⁰ чтобы^{11,1} на государство || всем миром просили его,² Бориса. Боляре же и власти, и вельможи, и весь царский синклит, и гости, и всенародное множество Московскаго государства бояхуся Борисова злаго прещения и казни и межъусобные брани, а иные его рачители и советники присвоени, паче же богу неизреченными своими судьбами строящу, и никто не сме противу его глаголати.³ Яко же и преже во Цареграде изволением божим Фока Мучитель убиин кроткаго Маврикия царя и прият царство греческое, тако же и ныне⁴ сий⁵ Борис на Москве восприят царство лукавством и венчася царским венцом⁶ во 107-м году⁷ сентября || в 3 день, и царствова⁸ лет 7,⁸ и много боляр и велмож, паче же блаженные памяти⁹ царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии и его сродников, розосла по далним городом и тамо их повеле уморити злоу смертию, и род царской хоте искоренити.

О, братия любовнии! Не дивитесь начинанию, но зрите, како будет скончание!¹⁰ Видев же сия,¹¹ недреманное всевидящее¹² око Христос, яко неправдоу восхити скифетр¹³ Росийския области,¹³ и восхоте ему отмстити пролитие неповинныя крови новых своих¹⁴ страстотерпцов: просиявшего в чудесех¹⁵ царевича¹⁶ Дмитрея¹⁷ || и¹⁸ царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии,¹⁹ и неистовство его и злоубивство неправедное обличити, и прочим его родителем образ показати, чтоб не ревновали²⁰ его²¹ лукавному суровству.²¹ И попусти на него²² такова же врага и законопреступника, Росийския же области града, зовамаго Галича,²³ от младыя чади²⁴ Юшку Яковлева сына Отрепьева, яко²⁵ сам той святоубийца²⁶ Борис Годунов. Той же Юшка остана после отца своего млад зело с матерью своею и научен бысть от нея божественному писанию. Егда же изучи точию часовник и псалмы Давыдовы, и отъиде || от матери своей, и нача витати в царствующем граде Москве. И по некоем времени случися²⁷ беседа ему²⁷ Вятские области града Хлынова Успенскаго²⁸ монастыря со игуменом Трифаном, той же игумен²⁹ увеща его быти мниха. И по совету того игумена острижеся во иноческий образ и наречеся имя ему Григорей; в то время беста ему лет³⁰ 14; и отъиде³¹ во град³² Суждаль, и нача пребывати во обители всемилоствига Спаса в Еуфимьеве монастыре, и ис того монастыря преиде в том же уезде в монастырь к Спасу, по слытию на Куксу. И много³³ рещи не хошу³³ о сем. По многим монастырем ||³⁴ жительство преходя имый³⁴ и паки возвратиси в царствующий град Москву, и нача жительствовати в Чюдове монастыре.³⁵ И по произволению тоя честныя лавры настоятеля архимарита Пафнотия поставлен бысть во дияконы рукоположениям святейшаго Иова патриарха Московскаго и всеа Русии. И вождеде искати и вницати

⁹⁹ руския В. ¹⁰⁰ Нет В.

11, 1 Доб. его В. ² того же В. ³ рещи В. ⁴ Нет В. ⁵ той В. ⁶ Доб. лета В. ⁷ Доб. месяца В. ⁸⁻⁸ 7 лет В. ⁹ Доб. великаго государя В. ¹⁰ Далее в В вставка о голоде и названии следующей главы: Какое отмсти бог всевидящее око Христа Борису Годунову пролитие неповинныя крови новых страстотерпцев. ¹¹ Нет В. ¹¹⁻¹² всевидящее, недреманное В. ¹³⁻¹³ Росийскаго царствия В. ¹⁴ Нет В. ¹⁵ Доб. благовернаго и христоролюбиваго В. ¹⁶ Доб. и великаго князя В. ¹⁷ Доб. Ивановича всеа Русии В. ¹⁸ Доб. великаго государя В. ¹⁹ Доб. самодержца В. ²⁰ ревновали В. ²¹⁻²¹ суровству лукавому В. ²² Доб. бог В. ²³ Углича В. ²⁴ Доб. именем В. ²⁵ яко же В. ²⁶ убийца В. ²⁷⁻²⁷ ему беседовати В. ²⁸ Исправлено по В, в ркп. ошибочно у Спасскаго. ²⁹ Доб. Трифон В. ³⁰ Доб. точию В. ³¹ Доб. он В. ³² Доб. глаголемый В. ³³⁻³³ не хошу рещи В. ³⁴⁻³⁴ имея жительство преходя В. ³⁵ Доб. во обители чудотворца Алексея митрополита В.

с усердием в премудро[сти] богомерзких книг, и впаде в прелютую ересь. А егда жительство имый во царствующем граде Москве, знаем быше многими от мирских человек, тако же и ото властей, и от многих инок. И ис Чюдова³⁶ преиде во обитель к Николе³⁷ || на Угрешу, и нача в безумии своем возноситься, и впаде в прелютую ересь, яко же Арие безумный свержеса с высоты и сниде и с своею премудростию³⁸ во дно адово. И по мале времени изыде от Николы чудотворца с Угреши и вселися в пределех града Костромы во общее место в монастырь Ио[а]нна Предтечи на Железном Борку, и оттуду, оставя православную³⁹ христианскую веру,³⁹ отбежа в Литву и прельсти с собою отъити в Киев трех иноков: чернца Мисаила⁴⁰ Повадина да чернца Венедикта, да чернца Леонида Крипецкого монастыря, и жил во граде Киеве у Успения пречистые богородицы || в Печерском монастыре в чернцах. И повеле тому Леониду зватися своим именем Гришкою Отрепьевым, а сам⁴¹ наименова⁴² себе ложно святого корени ветвию, еже от благороднаго⁴³ и христовъзскаемаго, просветившаго русскую землю святым крещением великаго князя Владимира, нареченнаго во святом крещении Василия, от того святого корени сыном царевым⁴⁴ Дмитрием Ивановичем всеа Руси, еже убиен бысть во граде Угличе и излия кровь свою неповинно, яко же древле благоверные князи Борис и Глеб, того же святого корене честные⁴⁵ отрасли. И извергл с собою окоянный он, преждепомянутый Гришка, иноческий⁴⁶ образ и изучиса,⁴⁷ || живучи, люторской и латынской, и польской грамоте; и бысть отметник и законопреступник православныя сущия христианския веры; и нача прельщати Литовския земля короля, имянуючи себя суша быти царевича Дмитрея,⁴⁸ присного сына благовернаго⁴⁹ государя царя и великаго князя Ивана Васильевича⁵⁰ всеа великия Руси самодержца.⁵⁰ И слышаху то в Киеве литовстии людие и запорожстии казачья, и мневше его быти сущаго царевича,⁵¹ и приложишася к нему; потом рустии в Дону казачья приидоша к нему в Литву⁵² и отойдоша с ним⁵² в вотчину к пану⁵³ ко князю Адаму⁵⁴ || Вишневецкому. И по времени некоем || польский король повеле ему предстати пред собою, и зря его юнна и велеречива, мнев того быти прямаго царевича и обещася ему помогати. А он, зломысленный, обещася королю отдати Руские области град Смоленск и прочие Северныя страны грады все, даже до Можайска, да вера с ним едина веровати. Король же литовский повеле звати вольных людей изо мзды ему на помощь. || А той окоянный Гришка Растрига посла в Рим к папе, и тамо именована себе сам сущаго же царевича Дмитрея, и повеле у него прошати на помощь силы, чем достигати Рускаго государства скифетра царьскаго; и обещася он, окоянный, римскому папе веровати их римская вера, имянуючи ея правую веру, а православная христианская вера попрати || и церкви божия разорити, и вместо церквей костелы римские созидати. По обещанию таго еретика Гришки Ростриги папа римский дает ему злата и от прочих || имения.⁵⁵

³⁶ Доб. монастыря В. ³⁷ Доб. чудотворну В. ³⁸ прелестью В. ³⁹⁻³⁹ веру христианскую В. ⁴⁰ Доб. именем прослытию В. ⁴¹ Доб. дьявольским научением, еретическим умышлением, бесовскими казнями В. ⁴² именована В. ⁴³ благовернаго В. ⁴⁴ Доб. царевичем князем В. ⁴⁵ Доб. его В. ⁴⁶ Доб. ангельский В. ⁴⁷ Доб. ту В. ⁴⁸ Доб. Ивановича В. ⁴⁹ Доб. и христоролюбиваго, православнаго, великаго В. ⁵⁰⁻⁵⁰ самодержца и всеа Руси В. ⁵¹ Доб. Дмитрея Ивановича московскаго В. ⁵²⁻⁵² Нет В. ⁵³ Исправлено по В; в ркп. ошибочно стану. ⁵⁴⁻⁵⁶ В ркп. пропуск, текст Повести восстановлен по В. ⁵⁵ Отсюда до слов О, злаго сего в В вместо Повести текст Сказания; в С после слова имения доб. а король литовский собра ему довольно войска, елико ему годе. И поиде злонравны в Росикские пределы на Северную страну воевати.

а. 138 ... О, злаго сего суровства! Бывши прежде лоза насажденного винограда Христова, и отторжеса, и падеся, и лежа прозябе зол плод, еже ||
 а. 138 об. вкушающим от него смертию уморити. И овча претворися в хищника волка, поддася поядати избраннаго овчате словеснаго стада Христова и искореняти виноград, насажденный десницею всещедраго предвечнаго бога.

И умысли злохищренными волшебствы своими, победив от полков множество воин и пролия реки неповинные крови христианские. И аще не бы богу за умножение грех ради наших попущающу, невозможно быше ему, проклятому, совершити таковая начинание. И умысли лукавствы своими, начат во царствующий град Москву, еже есть мать всем градом руским, и [по] окресным градом, || иже суть в Русийской области, гонцов з грамотами посылати. А в грамотах пишет, именуя себя прироженнаго московского царевича Дмитреям Ивановичем всеа Русии, сына великого государя правовернаго и христоролюбиваго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, и повелевая себя известити и изъяснити всем людем, живущим во градах и в селех, великую свою милость во всех винах, чтобы против его не стояли, пошаду и милосердие, и от темницы свобожделение, и от уз разрешение. И обещася воинскому чину поместья и вотчины изобилавати, и златом и серебром удовлети, а гостем и торговым всяким || тяглым людем великою льготу давати.

Людие же ту рустии прияша размышление в сердцах своих в полагахуся на щедроты божия, мнеше то правду быти и рекуще: егда господь по неизреченным своим судбам прещедрою своею десницею изъят от того Борисаго погубленья. А чаяху быти его суца прироженнаго своея христианския веры царевича Дмитрея Ивановича всеа Русии. А про Бориса добре ведают, яко неправдою возхити царство и подсече древо благоплодия, еже есть праведнаго государя, царя и великого || князя Феодора Ивановича всеа Русии. И много безчисленное пролитие неповинныя христианские крови, доступаючи таго великаго государства. И с радости ожидаху его, и никто же ста братися противу его: аможе прииде, везде грады ему отворяху и подобное приклонение и дары приношаху ему, яко же подобает царскому величеству. || Видев же сия, московстии воеводы бывающае от граждан ему, та же и ти с щиты, и копие, и спросто рещи, вся оружия полагаху пред ним, помня блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии милость и милосердное к себе жалованье его царское, и вси падоша на лица земля пред ним, глаголюще его приснаго сына ему царевича князя Дмитрея Ивановича. А за щитом богомерский он не взя ни единыя веси, не точию чтоб а. 12 малаго некоего града. А знающа || его ⁵⁶ не бе никого ⁵⁷ же в тех ⁵⁸ странах. И доиде та весть до святоубийца оного Бориса, яко ⁵⁹ вси рустии воеводы и все воинство с повинованием поклонишася ему, и ⁶⁰ вскоре смертоносным земли упои себе, ⁶¹ и повеле погresti ся ⁶¹ в соборней церкви у ⁶² Архангела со прочими цари, ту почившими. А по нем остася ⁶³ жена его царица Мария да сын Феодор именем, да тщи ⁶⁴ суци девою. ⁶⁵ И той ⁶⁶ еретик, уведав про сие, сотворшееся на Москве, но и паки ⁶⁷ приде ко царствующему граду ⁶⁷ с великим дерзновением без опасения и ⁶⁸ посла во град наперед себя, и повеле жену Борисову, царицу Марию, ||
 а. 12 об. и сына ея, Феодора, ⁶⁸ злой смерти предати спекулатарем, душа их от

⁵⁶ С этого слова вновь продолжается список Л. ⁵⁷ никто В. ⁵⁸ Доб. градех в В. ⁵⁹ Доб. уже В. ⁶⁰⁻⁶⁰ в то же время он, Борис, вскоре упои себе смертным землем, в лета 7113-го году апреля в 13 день преставися. Царствова на Москве 7 лет и месяц В. ⁶¹ себя В. ⁶² Нет В. ⁶³ остася В. ⁶⁴ дщерь В. ⁶⁵ Доб. именем Ксения В. ⁶⁶ Доб. богомерский В. ⁶⁷⁻⁶⁷ подвижеса на царствующий град Москву В. ⁶⁸⁻⁶⁸ В списке В вместо Повести текст Сказания.

телеси с нуждею отторгнути; а дщерь⁶⁹ повеле в живых оставити, дабы ему лепоты ея насладитися, еже и бысть.

Се днесь зрите, любимицы⁷⁰ мой, какова кончина творящим неправедная беззакония: в ню же меру меряют,⁷¹ возмерится им,⁷² и кую чашу прочим наполняют,⁷³ ту и сами испивают.⁷⁴ Где слава высокоумия?⁷⁵ Где супруга и чада любима?⁷⁵ Где чертоги златоверхии? Где трапезы⁷⁶ пресветлые и тельцы упитанныя? Где рабы⁷⁶ и рабыни предстоящи? Где порты и обуша драгоценныя и где прочая утвари царския? Кто может жену и чада изъяти от руку спекулятора? Возводящими⁷⁷ очеса своя семо и овамо и не обретающе⁷⁸ себе никого же⁷⁸ помощника, яко в последней нищете обретшеся, удавлению вдашеся.

И тако доиде той еретик Гришка предивного и пресловущаго, в поднебесней сияющаго яко светила, великого града Москвы, и вниде в онь 113-го году месяца июня в 20 день четвертка ничим же вредим. И не по своему си разуму и хотению, но по божию изволению, яко не подобает душегубцам и разбойником с праведными во дворятися, и повеле⁷⁹ того преждеупомянутого святоубийца Бориса⁷⁹ из⁸⁰ Архангела⁸¹ от царских родителей⁸² извлещи с поруганием на сонмище. И зряшу всякому⁸³ на нь,⁸⁴ яко сей есть достоверный Борис,⁸⁵ иже прежде подсече благорасцветаемая древа⁸⁶ великая и пожа немилосердным серпом своим, и иных множество, яко цветия травнаго или яко листвия смаковнаго. Се ныне, где сам обреташеся, яко отнюдь нищ⁸⁷ и повержен на позорищи? И повеле его погрести и жену, и сына его во убозем монастыри⁸⁸ девиче, еже именуется Варсунофьин.⁸⁹ И потом вниде в внутренний град, где⁹⁰ же || обиталища царския. И начаше московстии людие, знающе его, мнози познати его. И⁹¹ откры бог⁹² преждепоминаемому первострадалцу⁹² боярину князю Василью Ивановичю Шуйскому того законопреступника и ростригу богомерскую ересь уразумети, и⁹³ нача велегласно законопреступление его во услышание всем ту сущим человеком обличати, сице глаголюще: «Аз вем тя, яко несть ты сын царев, но сущий еси законопреступник розстрига Гришка Богданов сын Отрепьева». Людие же, слышаше сия, во удивлении быша и ужасе и ту ему пакости не сотвориша || ничто же. И той окаянный еретик, не могий от него обличаем быти о беззастудном своем законопреступлении, и умысли со единомысленники своего лукаваго совета, и повелеста того великаго боярина посреди града смерти предати, мечем главу его усекнути, дабы и инии о обличении его ужасались. Человеколюбивый же⁹³ творец наш и содетель не попусти того быти и призре на свое создание, хотяй тем страстотерпцом невесту свою, еже есть церковь, сохранить от разорения, и за правое его страдание прославити и вышше всех того учинити, яко же⁹⁴ своими || праведными усты: «Прославляющая мя прославлю», — рече господь, и избави⁹⁵ того великаго боярина⁹⁶ от его законопреступничья неправеднаго меча заклания, и от неповинные смерти свободи его, и приложи угрызающаго змия в малосокращение, еже не ухапити его своими челюстма отверстыма;

⁶⁹ В списке В вместо слова дщерь вставка из Сказания сестру его царевну Ксению Борисовну. ⁷⁰ Доб. и друзи, и братие, и сродницы, да о сем всяк человек да внимает В. ⁷¹ мерите В. ⁷² вам В. ⁷³⁻⁷⁴ и сами ту же испиют В. ⁷⁴ Доб. и аще не от человек, то от бога месть примут В. ⁷⁵⁻⁷⁵ Нет В. ⁷⁶⁻⁷⁶ Нет В. ⁷⁷⁻⁷⁷ Очесама В. ⁷⁸⁻⁷⁸ никого же себе В. ⁷⁹⁻⁷⁹ Бориса Годунова святоубийцу В. ⁸⁰ Доб. церкви В. ⁸¹ Доб. Михайла В. ⁸² Доб. от древних, благочестивых великих князей В. ⁸³ Нет В. ⁸⁴ ны В. ⁸⁵ Доб. Годунов В. ⁸⁶ дресеса В. ⁸⁷ не имуще ничто же В. ⁸⁸ Доб. в В. ⁸⁹ Варсунофьевской В. ⁹⁰ иде В. ⁹¹ Доб. по времени ж В. ⁹²⁻⁹² В списке В вместо этих слов вставка из Сказания. ⁹³⁻⁹³ В списке В вместо Повести текст Сказания. ⁹⁴ Доб. рече В. ⁹⁵ Доб. господь В. ⁹⁶ В ркп. ошибочно боярина, исправлено по В.

- точию повеле того прежереченнаго боярина князя Василия Ивановича и единокровных его братьей, князя Дмитрея и князя Ивана Ивановичев Шуйских, по⁹⁷ далним и по⁹⁷ розным городом⁹⁸ розослати в заточения,
- л. 15 об. а дома их и имения повеле расхитити и растоштити.⁹⁸ || И пребыста в том заточении великий бояре,⁹⁹ яко мимошедшу полугоду; а вся сия пострадаша¹⁰⁰ любве ради Христовы за истинную православную христианскую веру. И потом видяхут того боярина мужественное дерзновение, и распалавшися огнем духовным и желанием сердечным, и ревнуя поревноваша той же дерзости мнози^{111, 1} и от христолюбивых инок, хотящеи умрети за истинную христианскую веру и за благочестие. И по действию святого духа узревше сердечныма очима своима суща его быти еретика и законопреступника, и начаша, яко трубы, велегласно посреди || народа вопити и проклятию его ересь обличати, тако глаголюще: «О, мужие, народы московстии и всего православного христианства множество! Воистинну сущее глаголем вам, яко несть се царь, ни сын царев, иже ныне на Москве царствует, но сущий законопреступник и розстрига, проклятый еретик, иже прежде со святей соборней и апостольстей церкви пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Успения соборне проклинали его, Гришку Отрепьева».² Он же, злосердый, люте палим быв огнем ярости по сотонину наводжению к их погублению и веле сих имати, и многим различным мукам || предаст их,² и³ по дальним странам Росийския области в темницы затворити многих⁴ повеле, и с великим утверждением заклепа, а иных без милости смерти предаст; и вонзи страх и трепет в сердца человека, яко и знающим его изящно, никому же смеюшу зрети, не точию⁵ обличати.
- л. 16 об. ⁶И вскоре треклятыч воцарился того же 113-го году июля в 29 день недельный,⁶ и нача⁷ многия пакости в царствующем граде⁸ творити,⁹ и велия пакости¹⁰ православному христианству¹⁰ содевати.¹¹ И тако отпаде от православныя веры¹² окаянный законопреступник, сатанин предотеца,
- л. 25 яко и са¹³||мому образу божию поругатися, и церкви божия, олтари хотел разорити, и монастыри и обителища иноческая раскопати, и православную христианскую веру в отпадшую веру¹⁴ с собою же равну сотворити, и кастелы вместо церквей божиих соиздати; и тако начаша жити, яко же и прочии иноязычницы и еретики, и ко идолопоклонянию православных христиан всячески понуждати восхоте, и многих черноризци юных осквернил, и отроков и отроковиц тако же многих растри;¹⁵ и великий плач и рыдание в людех сотвори, яко же николи¹⁶ такия беды находящия || на ны;¹⁷ и сотвори себе в маловременней сей жизни и потеху, а в будущий век знамение превечнаго своего домовища, его же в Росийском¹⁸ государстве, ни во иных,¹⁹ кроме подземнаго, никто его на земли не виде; ад превелик зело, имеющ у себе три главы. И содела обуюду челюстей его от меди бряцало велие; егда же разверзет челюсти своя, и извну его, яко пламя²⁰ предстоящим ту является, и велие бряцание исходит из гортани его; зубы же ему имеющу ослабление и ногты, яко го-

97-97 *Нет В.* 98-98 *В списке В под влиянием Сказания* розвести в заточение по темницам, а имения их повеле расхитити. ⁹⁹ *Доб.* князь Василей Иванович Шуйской со единокровною своею братиею *В.* ¹⁰⁰ *Доб.* благородные сии бояре *В.* ^{111, 1} *Доб.* же *В.* ²⁻² *В списке В вместо Повести текст Сказания.* ³ *Доб.* многих *В.* ⁴ *Нет В.* ⁵ *Доб.* его *В.* ⁶⁻⁶ *Нет В.* ⁷ *Доб.* той проклятый богомерский еретик Гришка Растрига *В.* ⁸ *Доб.* Москве *В.* ⁹⁻¹⁰ *Нет В.* ¹⁰ *В ркп. ошибочно* пакости, *исправлено по В.* ¹⁰⁻¹⁰ православным христианом *В.* ¹¹ *Нет В.* ¹² *Доб.* христианския *В.* ¹³ *Далее в ркп. на лл. 17-24 об. Повесть о походе Ивана Грозного в Новгород в 1571 г., наша Повесть продолжается на л. 25 и т. д.* ¹⁴ *Доб.* еретическую *В.* ¹⁵ *растли В.* ¹⁶ *Доб.* же *В.* ¹⁷ *Доб.* не бысть *В.* ¹⁸ *Руском В.* ¹⁹ *Доб.* государствах *В.* ²⁰ *пламень В.*

товы на ухапленіе; и изо ушию ²¹ яко пламени распалившуся. И постави ²² его проклятый || прямо себе на Москве-реце, себе во обличіе, даж ему ^{л. 26} ис превысочайших обиталищ ²³ своих зрети на нь повсегда ²⁴ и готову быти в некончаемыя веки в онь на вселенней со прочими единомысленики своими. ²⁵

И поят себе жену бесерменские веры от тмосуших Литовския земля люторку, такову же злохитрену, волшебной премудрости исполнену, яков и сам, дщерь некоего пана Юрья Сандомирскаго Мнишки, девку именем Марину. И с нею приде в Російское государство и отцу ее пан Юрье, оставя все свое имение, еже во области Литовстей, и с ним много иных великих рот панов приишоша. ²⁶ || И женился той окаянный законопреступник ²⁷ месяца мая во 8 день, в четверток, ²⁸ в праздник святого апостола иеуагелиста Ио[а]нна Богослова, против пятка и против памяти ²⁹ чудотворца Николы. И вскоре ³⁰ после женитвы ³¹ своея в той же ³² час воздвиже ³³ бурю велию ³³ и гонение на християны; ³⁴ и ³⁵ опроверже християнскую веру, ³⁵ и начат суботствовати по-римски, яко же обещася папе в ³⁶ том; а в среду и в пяток млеко и телчья мяса и прочая нечистоты ясти. ³⁷

И умысли сей окаянный гонитель со своими злосоветники мая во 18 день неделный бояр и гостей, и всех правосла||вных християн побити ^{л. 27} О, люте быша бы нам нынешняго 114-го году месяца мая во 18 день, в день неделный, еже есть Христова воскресения, ³⁷ хотящу ему зломысленному волку суровому и немилостивому, яко же Фоде мучителю и Константину Мотылоимянному, ³⁸ и Ульяну законопреступнику, ³⁹ или яко ⁴⁰ фараону на Израиля, изоострившу меч на ⁴¹ наю, еже ⁴² посекаати и до остатка нас, ⁴³ православных християн, туне и неповинно кровь нашу проливати, дабы нам той радостный день Христова воскресения предложити в день плачевный. И святая было места ему осквернити, иноческа монастыри в дома и в жилища || поганцом ⁴⁴ сотворити, и юных иноков ^{л. 27 об.} и инокинь по злонравію своему ⁴⁵ образа иноческаго лишати, и во светлая портища облачати; ⁴⁶ иноков ⁴⁷ умысли окаянный женити, а инокинь замуж давати, а не хотящих повергнути ангельскаго образа и не возжелевших прелестнаго сего мимотекущаго житія иноков и инокинь всех ⁴⁸ под меч подклонити. И вся быша ⁴⁹ злая в сей ⁵⁰ неделный день; ⁵¹ умысли окаянный сотворити ⁵² и наполни Російское ⁵³ царство поганных ⁵³ иноверцов, ⁵⁴ литвы и жидовей, и поляков, и иных сквернавых, ⁵⁴ яко русских людей в них мало зрети, и теми было сквернавыми ⁵⁵ вся сия напа ⁵⁶ || сти в сий неделный день содевати было. ^{л. 166 об.}

Искони же сотворивый нас, раб своих, владыко Исус Христос, творец и содетель наш, не забы, яко же обещася нам, и молитвами пречистые его матере богородицы, и утоли от наю слезное рыдание, не попусти дивому сему зверю поедати избраннаго своего стада словесных овчат, и не пред-

²¹ Доб. его В. ²² В ркп. поставиша, но слог ша зачеркнут; поставиша В. ²³ Нет В. ²⁴ всегда В. ²⁵⁻²⁶ В списке В вместо Повести текст Сказания. ²⁷ Доб. богомерский еретик Гришка Рострига В. ²⁸ четверг В. ²⁹ Доб. святого, великаго В. ³⁰ Доб. же В. ³¹ Литвы В. ³² Нет В. ³³⁻³³ велию бурю В. ³⁴ християнскую веру В. ³⁵⁻³⁵ Нет В. ³⁶ о В. ³⁷⁻³⁷ В списке В вместо Повести текст Сказания. ³⁸ Мотылоименитому В. ³⁹ законопреступному В. ⁴⁰ Доб. же В. ⁴¹ Нет В. ⁴² Доб. есть В. ⁴³ Нет В. ⁴⁴ поганым В. ⁴⁵ Доб. повеле их В. ⁴⁶ облекати В. ⁴⁷ Доб. повелевая и В. ⁴⁸ Доб. повеле В. ⁴⁹ бывшая В. ⁵⁰⁻⁵¹ день неделный В. ⁵¹ Доб. по сем В. ⁵²⁻⁵² сие исполни В. ⁵³⁻⁵³ государство погибельных В. ⁵⁴⁻⁵⁴ поляков и литвы, и ляхов, и жидов, и люторей, и римлян, и угрян, и иных многих неверных вер скверных В. ⁵⁵ скверными В. ⁵⁶⁻⁵⁷ В ркп. пропуск, текст Повести восстановлен по В.

ложи день своего тридневнаго воскресение нам, верным рабом своим, [во] оскорбление, но ему, злобному змию, зияюще ны поглотити, и излю || бленный день суботный предложити ему в вечное погубление и в неутешимый плач, и рыдание в некончаемы веки. И обрати господь бог остроенный меч на его выю и на единомысленников его, окоянных поганцов, по писанному слову Давида пророка и царя: «Ров изрыи и ископай, и впадется в яму, юже содела, обратится болезнь его на главу его». Он бо, окоянный законопреступник, восхотевый пребыти в древней злобе и мерзости запустения у возгордевашаго сотаны в недрах, вяще же предитекущего Иуды быти, и потщатися еще ему быти и самого сотаны в пропостех адовых превысочайший, || и наименова себе не точию царем, но непобедимым цесарем, и вскоре всея земныя и мимотекуция славы лиши себе, и со всякою нуждею злосмрадную свою душу из вну злонравнаго своего телеси испроверже.

а. 170 об. В 10 день после своая женитвы || мечем и прочим оружием убийственным убиен бысть, и всяко влечаху его за смрадные его струпы ис превысочайших и пресветлых чертогов по земли множайших человек руками: а. 171 им же не бе воз || можно живущаго и прямо лицу его зрети, не точию сомому ему косатися. И тако извлечен бысть из вну града, и поверже на торжищи, от всех проклинаема и поругаема, и попираем, и от всякого всяко поругаема за злохитренный своя и суровые обычая.

И невидимую своєю силою творц, избавитель наш Христос, победи единым часом единомысленников его, преждепомянутых злохитренных поганцов множество людей. Людие же рустии, унылые и безооружны, их убийственные оружие помощию божиею от них отъяша, и их же оружие а. 171 об. вооруженных победиша. И толико их, поганых, || погибе в сий суботный день, яко по всем стогнам великого града Москвы от трупия их невозможно пройти. А нас, грешных раб своих, владыко Христос избави от сея великия, душетленные язя и смертоносныя язвы.

И бысть окоянный он, богоборец, лежа на торжищи, даже до трею дней, всякому на сквернавый его труп зряще, никим же бе ни от кого покрываем, наг, яко же от чрева матере своая.

А их же бо он возлюби, идолы да положены быша ему на персах, и ничто же ему помощи возмогоша. И по трею днех извержен бысть окоянный из внешнего града || на лице поля. Егда же лежашу трупу его на позорищи, не точию человеком гнусно зрети на нь, но и самая та земля возгнушася, от нея же взят бысть.

Мы же, видяще сие, глаголюще кождо к себе: О люте! Яко родихся, святым крещением просветихся и нарекохся быти сын днєви, а ныне изволихся сам быти сын погибели!

Егда же лежашу ему на поли, мнози человецы слышаху в полунощное время, даже до куроглошения, над окоянным его трупом великий а. 172 об. клич бысть || и плищ, и бубны, и свирели, и прочая бесовская игралица: радует бо ся сатана о пришествии его, угодника своего. Ох, увы и люте тебе, окоянному! Яко и земля на себе держати возгнушашесь треклятаго твоего еретического трупа, и аер ста небагонравия плодити, облацы дождя не даша, не хотяше его окояннаго тела обмыти, и солнце не возсия на землю огревати, и паде мраз на всеплодие, и отъят тука пшеничная, гроздие, донде же злосмрадное тело его на земли повержено ⁵⁷ быша. ||

а. 174 И божиим промыслом и пречистые богородицы матери к рождьмуся из нея молитвами и великих чудотворцов Петра, Алексея и Ионы, и всех святых пособствием мы, православные христьяне, всю рускою областию,

⁵⁷ В ркп. ошибочно поверно.

избрав, излюбили себе на царство царские же полаты синиклита мужа праведна и благочестива, прежних великих, благородных царей корени от великого князя Владимира, нареченного во святом крещении Василия, и от благоверного великого князя || Александра Ярославича Невского, от того святого корене, великого боярина, князя Василья Ивановича Шуйскаго, еже первые пострада за провасланую христьянскую веру. И наречен бысть на царство того же году лета 7114-го году месяца мая в 19 день, в день понеделничный. л. 174 об.

Сотворителю же нашему, человеколюбцу богу, не попущающу своей твари, еже ей от обычая своего пременитися и еже не принести всеполодие всем живущим человеком на земли, рабом своим, и скоза верному своему слуге, крестоносному государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии великие самодержцу и обладателю многих государств, по вере его, от бога свыше ему дарованных ^{57 а} || дабы того л. 28 злаго еретика ⁵⁸ разстриги Гришки, ⁵⁸ преждевспомянутый ⁵⁹ ему дом, сотворенный им ⁶⁰ ад ввергши, сожещи всесквернавое ⁶¹ его проклятое ⁶¹ законопреступнич[ь]е тело, еже и бысть; сожжен на месте, нарицаемом Котле, от града ⁶² яко семь поприщ. И благоволи бог ⁶³ государю нашему ⁶⁴ царю, ⁶⁵ еже видети пречестные мощи благоверного царевича ⁶⁶ Угледкаго ⁶⁷ в богоспасаемом граде Москве. И посла государь на Углич по честные мощи его ⁶⁸ богомольцов своих Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, да ⁶⁹ Феодосия, архиепископа Астраханскаго ⁷⁰ и Терскаго, и архимаритов, да бояр || своих князя Ивана Михайловича л. 28 об. Воротынскаго ⁷⁰ да Петра Никитича Шереметева, ⁷¹ да Григорья Федоровича да Ондreja Александровича Напих. ⁷¹ Егда же приближающимся честным его мощем ко пречестней ⁷² лавре святых и живоначальных Троица и Сергея чудотворца, и тоя честных обители архимарит и священницы, и дяконы, облачяся во ⁷³ священная одежда, с кандилы, и прочая вся братия со свещами, сретают его пречестные и многоцелебные мощи вне ограды с радостными слезами и подобное надгробное ⁷⁴ псалмопение лица ему да воспевахут. И обита во обители в соборней церкви || пречистых л. 29 ⁷⁵ и живоначальных троица некую годину и паки поиде ко царствующему граду Москве. Егда же ему ⁷⁶ дошедшу богоспасаемога града Москвы, и народи московстии, мужи и жены и отрочата, такожде ⁷⁷ с радостными слезами стретают и кождо, припадая к раце его, милости да ⁷⁸ просит.

И пришедши ⁷⁹ в внутренний град, поставлен бысть на место горнее, еже нарицается Лобное, и ту нача многа чудеса творити просящим с верою: слепым прозрение подает, хромым быстротечение, ⁸⁰ слухим исправление и глухим слышание; и кождо, имеяше ⁸¹ паки недуг, ⁸¹ к раце ⁸² мощей ⁸³ его припадает, исцеление || получит неоскудно. И потом прине- л. 29 об. сени быша честных его и ⁸⁴ многоцелебных мощи ⁸⁴ в церковь архистратига божия Михаила, зрими и поднесь ⁸⁵ нашим очима и исцеление подают приходящим с верою независимо. ⁸⁶

Пребысть же в нареченном царстве ⁸⁷ государь наш ⁸⁸ царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии самодержецъ две седмицы и венчяся царским венцом и диадимому месяца ⁸⁹ июня в 1 день в день недельный, и

⁵⁸⁻⁵⁸ растригу Гришку в В. ⁵⁹ преждевспомянутый В. ⁶⁰ Нет В. ⁶¹⁻⁶¹ проклятое его В. ⁶² Доб. Москвы В. ⁶³ Доб. великому В. ⁶⁴ Нет В. ⁶⁵ Доб. и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии В. ⁶⁶ Доб. Дмитрея Ивановича В. ⁶⁷ Нет В. ⁶⁸ Нет В. ⁶⁹ Нет В. ⁷⁰⁻⁷⁰ Нет В. ⁷¹⁻⁷¹ с товарищи В. ⁷² пречестней В. ⁷³ Доб. вся В. ⁷⁴ Нет В. ⁷⁵ пресвятые В. ⁷⁶ Доб. не В. ⁷⁷ кождо В. ⁷⁸ Нет В. ⁷⁹ Доб. ему В. ⁸⁰ быстрое течение В. ⁸¹⁻⁸¹ коими недуги В. ⁸² Доб. честным В. ⁸³ мощем В. ⁸⁴⁻⁸⁴ мощи многоцелебные В. ⁸⁵ днесь В. ⁸⁶ неоскудно В. ⁸⁷ Доб. великий В. ⁸⁸ Нет В. ⁸⁹⁻⁸⁹ Нет В.

сяде⁸⁹ на царском своем престоле, и прия скифетр Российския области от всемогущаго бога во свою десницу, и страшен явися всем окрестным царем, ||⁹⁰ иже суть⁹⁰ в поднебесней. И сотвори господь бог во всей Росийской области православным христианом трикратную радость: первое, яко сокруши⁹¹ богомерзкаго своего отступника, а нашего гонителя, еретика Гришку Отрепьева; вторая сия, яко дарова⁹² с небесе дождь и теплоту солнечную на всеплодие; третья же вящше и изящнейший сих, яко принесеным бывшим честным⁹³ мощем новаго⁹⁴ страстотерпца благовернаго⁹⁵ царевича Дмитрея⁹⁶ от града Углича в пресловущий⁹⁷ великий царствующий⁹⁷ град Москву, его же бе именем⁹⁸ назва себе той законпреступник, еретик Гришка Отрепьев, || и дарова⁹⁹ сему страстотерпцу своему благодать и исцеление припадающим¹⁰⁰ с верою к раце мощей его подавати во^{IV, 1} всяцех различных недужех одержимым исцеление и неоскудное здравие. И о сих всех днесь православнии рустии собори веселимся и радуемся, яко посети и сотвори² избавление людем своим.³

О, велико⁴ человеколюбие божие!⁴ О, неизреченных и неиспытанных судеб его! Кто свесть ум господень и кто советник ему бысть? Воистинну никто же, ни ангели, ни архангели, ни начала, ни власти, ни престолы, ни господствия, ни силы, ни херувимы, ни страшная серафими, но то||чию сам единый в троицы славимый бог наш, той сам пути человеческия зрит и стопы его сматрает и вся творит, яко же хошет. Мы же сущии раби Христовы, поклоняющесе искони безначалному в троицы славимому Христу, богу нашему; о⁵ сих о всех славим и похвалим создавшаго нас владыку Христа, сице глаголюще: «Слава единому премудро⁶ жизнедателю богу, яко малым наказа нас, но много помилова, предложи нам смерть и дарова живот». Он бо, преждепомянутый проклятый еретик и законопреступник, поостряя⁷ меч свой, еже погубити все православное христианство до⁸ остатка, || и не возможе ничто же сотворити нам, точию сам погибе, и бысть сын погибели, и сущии с ним, рачащии⁹ его злому обычаю, паче света немерцаема, и своею волею сами повинушася, и не беша им ни муки, ни прещения, но сами осуетишася. А их же окаянный еретик¹⁰ и, мучив,¹⁰ предаст в различные смерти иноков и бельцов, и мы сия вемы, яко вси ти умроша в сущей православной христианской вере. А инии братия наша иноцы еще в живых ошастася, и тии ныне вкупе с нами содетельствуют¹¹ во обители пречистые¹² и живоначальные

Троицы, а инии у¹³ архистратига божия¹⁴ || Михаила, у чудотворца Алексея¹⁵ в Чюдове,¹⁶ и такия беды и тесноты и напасти претерпеша, а милости божии не отвергошася, и вси¹⁷ о страдании своем радуются, славяще и благодаряще бога и пречистую¹⁸ богородицу, и новаго страстотерпца, просиявшаго в Российской области, благовернаго царевича Дмитрея.

Днесь же вси православнии людие радуемся и веселимся, хваля и славя искони безначального превечнаго бога нашего, даровавшаго нам¹⁹ по всещедрому хотению²⁰ своему такова²¹ благочестива государя царя и

90-90 В ркп. зачеркнуто. 91 Доб. господь В. 92 Доб. господь В. 93 Доб. и многоцелебным В. 94 Доб. чудотворца и В. 95 Доб. и христолюбиваго, великаго В. 96 Доб. Ивановича В. 97-97 Нет В. 98 Нет В. 99 Доб. господь В. 100 приходящим В. IV, 1 Нет В. 2 Доб. господь В. 2-3 людем своим избавление В. 4-4 божие человеколюбие В. 5 от В. 6 В ркп. премудро написано по правому полю с выносным знаком; такой же знак стоит в тексте над словом единому; премудрому В. 7 поощряя В. 8 без В. 9 рачиталие В. 10-10 мучивша В. 11 содетельствуют В. 12 пресвятая В. 13 во обители В. 14 Нет В. 15 Доб. митрополита московского и всеа Руси В. 16 монастыре В. 17 Доб. тив В. 18 Доб. богоматерь В. 19 Доб. было В. 20 Нет В. 21 Доб. было В.

великаго князя Василья Ивановича ²² всеа Русии самодержца, ²² истин- л. 32 об. наго ²³ заступника и пастыря словесным овцам своим, а не наймника; и тако полагает душу свою за овца во время скорби и погибели нашея, не точию о имении своем не ²⁴ поскорбе, но и плоти своя не пощаде, и ныне соблюдает истинную православную христианскую веру, яко зеницу ока, и управляет и наставляет всякого на путь спасения, дабы по отшествии своем вси были наследницы породы жизненные, а не ведет нас в пагубу ²⁵ и, паки реку, совращает с пути погibelнаго. И о сем и во всем слава богу, сотворшему нас. Аминь. ²⁶ ||

Покусих же ²⁷ аз многогрешный и грубный ²⁸ богови, и непотребный ²⁸ л. 33 разумом предати повесть сию писанием, не слухом уверяясь, кроме того как той еретик и законопреступник был в Литовской ²⁹ земли, а что сотворися в Росийском царстве, то вся сия зря своима очима. И не возмог[ох] ³⁰ умолчати такового зло[во]стания в нынешнем веце, н[апи]сал ³⁰ а прочитающим на ползу [и на] память, а прочим [зломы]сленником, рачащим [его зло]нравному законопрес[тупле]нию, дабы пришли во [уми]ление и от таковых лука[вствий] престаи. ³¹ Он бо, проклятый, воцарился и мн[о]||жеством имений, еже есть в Росийском царствии, ³² пообладал, и л. 33 об. обогател вельми зело вскоре, и вскоре ³³ и погibe, и не остася в ³⁴ том ³⁵ имениих его [ни]мала лепта срачицы на [пок]ровение безстуднаго его [тру]па. ³⁶ А инии невегла[си тун]е душа своя погубляют, [еже де]ржатся книг, отреченных [святыми] отцы седми вселенских [соборов], и заповеда[вших нам в ни]х не внищати, и по[читающии их] ничто же пользу [ими приобр]егают, точию ³⁷ [душевный сво]й каравль во глу[бине грехо]вней погружают, [яко же] рече писание: «Вериги ³⁸ [каме]нь на высоту, сокрушит [главу с]вою им; ³⁹ поляцай сеть || увязнет в ней; вжигай огонь, згорит в нем». Поумилися, ⁴⁰ о, человеце, л. 34 о сем збывшемся учении, еже глаголет божественое писание: «⁴¹ Аще человек ⁴¹ и весь мир приобрещет, душу же свою отщетит, что даст измену на души своей». Се ⁴² зриши, яко сей зл[о]хитреный волхв и вес[ь] мир приобрел, душу же с[вою] отщетил, кую добрую хв[а]лу и славу получил? точию [в нес]коечаемыя веки пог[ибл] душею и телом и [со зло]-хитренными своими ча[роде]йствы и со студ[ом лиши]хся себе маловременны[я] сея мимотекущая жизни.

А ты, безстудне, како сия тво[риши], || еже милость божию остати ⁴³ л. 34 об. и сатану в помощь призывать, ⁴⁴ не могуща и себе пособити ⁴⁵ в болезни своей ничто же? ⁴⁶ Прежде уразумей себе, каков [еси] человек и что есть кончи[на д]ний твоих, и послы, ⁴⁷ како ти [предс]тати праведному не на [лице ⁴⁸ с]удящему ⁴⁹ Христу, богу [нашему]. И отсылаемо ти быти [во тму] кромешную и в че[рвь] неусыпаемый и по[кусися], можеши ли терпети [ныне в жит]ии своем сей чювственный огонь; аще ли и мо[жеши, но] будущаго негаси[мага огн]я не стерпиши, раз[ливаает бо] ся пламень его [от земля] даже до небеси. [Согреши]вый убо человек — гной || и л. 35 сын человеческий — червь, и ад ему есть дом, тма же ему постеля, и отец

²²⁻²² самодержца и всеа Русии В. ²³ Доб. было В. ²⁴ Нет В. ²⁵ погибель В. ²⁶ Доб. да в подлиннике пишет про то, иже кто сие приписал В. ²⁷ Доб. ся и В. ²⁸⁻²⁸ Нет В. ²⁹ Литве и в польской В. ³⁰ Последние листы в ркп. подклеены; заклеенные слоги и слова восстанавливаются по В. ³⁰ а по сих В. ³¹ В ркп. ошибочно предстали, исправлено по В. ³² государстве В. ³³ Доб. же В. ³⁴ от В. ³⁵ Нет В. ³⁶ тела В. ³⁷ токмо В. ³⁸ Вергий В. ³⁹ Нет В. ⁴⁰ Умилися В. ⁴¹⁻⁴¹ А что человек аще В. ⁴² Нет В. ⁴³ оставити В. ⁴⁴ Доб. себе В. ⁴⁵ Нет В. ⁴⁶ Доб. помощи В. ⁴⁷ Помысли В. ⁴⁸ Доб. зря В. ⁴⁹ Доб. суд. Здесь оканчивается В; далее пропущенные слоги и слова восстанавливаются по „Иному сказанию“.

ему смерть, мати же и сестра ему тление. Како смееши и во уме помыслити, но точию что нам милости божии отлучитися и к сатане и дьяволу прилепитися, ангела божия, наставника своего и хранителя опечалити? Аще, грубителю божий, не пременишия от злаго сего обычая своего, ей, рекути, постражди zde и в будущем, яко же сей проклятый еретик Гришка Отрепьев. ||

л. 35 об. Благодать же и мир да будет з духом нашим, братие, ныне и присно и во веки веком. Аминь. Тако глаголет господь вседержитель: «Слышите, людие мои и человеколюбия глубины, и вся кротости; аз дах вам много вина и пшеницы, и всякого обилия, а вы не брежете словес моих и писания моего не слушаете».

С. Н. ГУХМАН

«Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России

«Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России открывает цикл малоизвестных и почти неизученных произведений древнерусской литературы XVII в., повествующих о принесении ризы Христовой из Персии в Москву. В описях рукописных отделов и архивов, а также в научной литературе они обычно называются «Сказаниями о ризе Христовой».¹

«Документальное» сказание любопытно не только своим сюжетом и композицией, но и тем, что в нем отразилось характерное для литературы XVII в. явление: тесное сближение формы литературного произведения с формой делового документа (при одновременном процессе отграничения художественной литературы от деловой письменности). Оно важно также как памятник культурной политической и дипломатической мысли XVII в.

«Документальное» сказание не нашло своего исследователя, хотя было известно уже в 50-е годы XIX в.

В 1851 г. был опубликован текст «Документального» сказания (под заглавием: «Выписано из кизылбашских отписок государевых посланников Василья Коробьина да дьяка Остафья Кувшинова и из роспросу Иеросалимского келаря Ониекея о срацище господа нашего Иисуса Христа») по 4 спискам.² Позднее С. А. Белокуров издал еще один список произведения.³

В небольших предисловиях к публикации текстов «Документального» сказания в обоих трудах указывалось на большое историческое и литературное значение памятника, но сам он остался неизученным, списки его — полностью не разысканными, текст неисследованным. Объем данной статьи не позволяет исчерпать всех вопросов, связанных с изучением «Документального» сказания. Остановимся лишь на том, что представляет собой «Документальное» сказание как произведение древнерусской письменности, как и где это произведение было создано, каковы его форма и жанровые особенности.

В основу «Документального» сказания положены факты и материалы, связанные с посольством Василия Коробьина и Евстафия Кувшинова в Персию к шаху Аббасу в 1621 г. и принесением от него ризы Христовой

¹ Кроме «Документального» сказания, нам известны еще «Проложное сказание» о даре шаха Аббаса России, «Краткая повесть» о даре шаха Аббаса, «Легендарное» сказание об обретении дара шаха Аббаса.

² Дворцовые разряды, т. II. СПб., 1851, стр. 761—822.

³ Дело о присылке шахом Аббасом ризы господней из Персии в Москву в 1625 году. М., 1891.

в Москву в 1625 г. Но «Документальное» сказание не может рассматриваться только как исторический источник. Это — произведение древнерусской литературы. Сопоставление подлинных материалов о ризе с содержанием «Документального» сказания позволяет убедиться в этом и установить источники произведения.

В числе источников «Документального» сказания находятся выдержки из подлинной отписки Василия Коробьина и Евстафия Кувшинова царю Михаилу Федоровичу из города Терка,⁴ подлинное «показание» келаря Новоспасского монастыря в Москве грека Иоанникия о ризе, данное им в Посольском приказе дьяку Ивану Грамотину,⁵ документы о встрече персидских послов в Москве,⁶ царская грамота на принесение ризы,⁷ роспись чудес исцеления от ризы и др.

Но в то же время «Документальное» сказание отнюдь не простое механическое соединение этих официальных документов. В нем мы видим строгий подбор известий, сделанный по определенному плану и с определенной целью. Так, например, из подлинной отписки Василия Коробьина и Евстафия Кувшинова в «Документальном» сказании точно цитируются лишь те фрагменты, которые имеют отношение к истории ризы, все же остальные сведения русских посланников о взаимоотношениях Грузии и Персии опущены. Из подлинного «показания» Иоанникия взят почти целиком весь рассказ об обретении ризы в Грузии, но опущен рассказ о другой святыне — нерукотворном образе Христа. Из документов, описывающих торжественную церемонию встречи персидских послов в Москве, заимствованы лишь даты приезда и приема персидских послов, которые вручили патриарху Филарету драгоценный дар, но в произведение не попали ответы грузинского архиепископа Феодосия на вопросы о ризе, сохранившиеся в подлинном «показании» Феодосия⁸ и в первоначальных черновых столбцах «Документального» сказания.

Таким образом, «Документальное» сказание — своеобразная редакция всех документальных известий, приобретающая характер самостоятельного произведения.

В чем же заключалась редактура? Как видно из источников, которыми пользовался автор при составлении «Документального» сказания, в его распоряжении находился почти весь материал, касающийся истории ризы, но далеко не весь он был использован автором. Так, в «Документальное» сказание не были включены упомянутые «показания» грузинского архиепископа Феодосия о ризе, и, очевидно, потому, что правительству Михаила Федоровича и патриарха Филарета было явно невыгодно обнародование этого «показания», противоречащего официальной политике властей. Для полноты сведений о ризе автор включает в свое произведение выписки из евангелий, а также считает необходимым вставить в текст «Документального» сказания легенду о животворящем кресте, видя как бы прямую связь между всеми святынями, связанными с Иисусом Христом.

Где могло быть создано «Документальное» сказание? Из содержания памятника и подлинных документов видно, что материалы о ризе связаны с работой одного из крупных деятелей Посольского приказа Ивана Грамотина.

⁴ ЦГАДА, Грузинские дела, ф. 110, 1624 г., № 2, стлб. 54—56.

⁵ Там же, № 1, стлб. 85—89.

⁶ Дворцовые разряды, т. I. СПб., 1850, стр. 661—667.

⁷ СГГД, ч. III, М., 1882, стр. 290—292.

⁸ ЦГАДА, Грузинские дела, ф. 110, 1624 г., № 1, стлб. 75—79.

Нам представляется поэтому реальной связью «Документального» сказания с Посольским приказом, который в это время, в XVII в., играл большую роль в дипломатической и литературной жизни Московской Руси, — с той группой произведений, создававшихся в среде Посольского приказа, которые использовали форму дипломатических документов. Тема «Документального» сказания, так же как и многих других произведений, созданных в Посольском приказе, была взята из дипломатической жизни Русского государства в первой половине XVII в.

Но можно ли считать, что «Документальное» сказание было создано в Посольском приказе и кем-нибудь из деятелей его? Утвердительно ответить на это нельзя. На наш взгляд, роль Посольского приказа свелась главным образом к подбору источников, быть может, к составлению выписок из архивного делопроизводства, как например выписок из отписок Кувшинова и Коробьина царю Михаилу Федоровичу из Персии или из «роспроса» Иоанникия о ризе. Обработка этого сырого архивного материала была поручена кому-нибудь из близких к патриарху Филарету лиц, и весьма вероятно, что окончательный текст получил санкцию самого патриарха. Нам представляется вероятным, что автор получил официальное задание создать особый литературный памятник на материале всего дела о ризе, ставшего одним из важных моментов внутригосударственной и международной политики.

В тексте «Документального» сказания нет никаких указаний на автора памятника. Но использование в произведении церковной литературы — выписок из Евангелия, легенды о животворящем кресте — вызывает предположение, что автором могло быть духовное лицо, а внесение в текст «Документального» сказания официальных материалов — о близости автора к правящим кругам. Наиболее вероятным будет предположение, что памятник составлен при патриаршем дворе.⁹

Что представляет собой «Документальное» сказание в жанровом отношении? В нем наблюдается незаметное на первый взгляд, характерное для древнерусской литературы взаимопроникновение различных жанров и стилей. По форме «Документальное» сказание — посольская «отписка» и распросные речи с приложением деловых документов (писем, грамот, росписи чудес), но внутри этой компиляции можно наметить черты определенного жанра, близкого к жанру «чудес от иконы». Проанализируем это, исходя из содержания сведений, находящихся в деловых документах.

Важное место в содержании «Документального» сказания занимают опрос и показание келаря Иоанникия о ризе Христовой (см. ниже текст, стр. 261—262). Его ответ — пересказ легенды об обретении ризы — есть не что иное, как один из многочисленных вариантов книжной христианской легенды о ризе Христовой, распространенных в Грузии, Греции, Сирии, Армении.¹⁰

Содержание ее таково. Во время распятия Христа в Иерусалиме с него сняли одежду воины, которые должны были его казнить, и разделили ее между собой. Хитон лазоревый достался по жребию воину родом из Грузинской земли. И он, взяв одежду Христа, принес ее в Грузию и рассказал всем о случившемся. Услышав об этом, родная сестра того воина по-

⁹ О том, что подобные случаи существовали в практике правительства Михаила Федоровича и патриарха Филарета, свидетельствует большая историографическая работа, которая велась непосредственно при патриаршей канцелярии. См.: Л. В. Черепнин и н. «Смута» и историография XVII века. — ИЗ, т. 14, 1945, стр. 81—128.

¹⁰ Наиболее распространенные версии этих легенд рассматриваются Н. Я. Марром, см.: Н. Я. Марр. Хитон господень в книжных легендах армян, грузин и сирийцев СПб., 1897.

просила у брата хитон вместо подарка и берегла его до самой смерти. А перед смертью она наказала родителям своим похоронить ее в этом хитоне. Желание ее было исполнено, и вскоре от ее гроба выросло целебное дерево, источающее миро и дающее исцеление. И так продолжалось много лет. После крещения Грузии грузинские цари поставили над тем деревом церковь, где их погребали после смерти. Во время нашествия в Грузию шаха Аббаса церковь эта была разорена и дерево перестало источать чудеса. После изгнания иноплемennых грузины соорудили над деревом чашу, надеясь на возобновление чудес, но их не было больше.

Как видно, в этом рассказе есть все признаки письменной христианской легенды, относящейся к сказаниям «чудес от иконы»: из могилы вырастает дерево, источающее миро и дающее чудеса исцеления. По этому случаю, как повествует легенда, была поставлена церковь, учреждена митрополия, даже принято христианство. Общим для памятников такого жанра является и мотив нашествия иноплемennых — нашествие в Грузию шаха Аббаса, как и в других памятниках этого жанра.

Эта легенда сближается с сюжетом Сказания о чудотворной Казанской иконе: некая девочка увидела во сне икону, икону откопали, она стала совершать чудеса, потом икону водворили в храм.¹¹ Можно привести еще целый ряд подобных сравнений. К этому жанру сказаний относится легенда о животворящем кресте, введенная автором в содержание «Документального» сказания.

Вслед за рассказом о чудесном явлении иконы в сказаниях о чудесах повествуется обычно об утверждении праздника в ее честь, а затем излагаются отдельные рассказы о дальнейших ее чудесах. В «Документальном» сказании эти элементы также имеются: после исцеления болящих, как рассказывается в сказании, царь и патриарх назначили торжественное празднование 27 марта; здесь также приводится роспись 14 чудес исцеления, происшедших за неделю.

Роспись чудес, как и в сказаниях этого жанра, представляет собой отдельные законченные рассказы. Каждый из этих небольших по объему 14 рассказов является сюжетно самостоятельным. Все они построены по одной схеме (несчастье заставляет обратиться к ризе, и она дает избавление), меняются лишь имена действующих лиц: то это подьячий Посольского приказа Иван Зиновьев, то это костромские дьяки, то это четырехлетняя девочка и т. п. Роспись чудес исцеления, как и в сказаниях этого жанра, составлена при церкви по поручению царя и патриарха и должна была явиться основанием для почитания святыни. Но если в подобных сказаниях мы имеем пример художественной стилистической обработки документа в литературное произведение, то в «Документальном» сказании все ограничивалось лишь документами, подлинными свидетельствами, данными «комиссией» и потом включенными в текст сказания без дальнейшей обработки; отсюда сугубо деловая форма рассказов о чудесах — точная дата события, конкретные имена людей. Имеется здесь и другая особенность этого жанра: есть святыня (икона или, как в данном случае, риза) как материально существующая вещь. В тематике чудес «Документального» сказания риза — лишь исцелительница болезней, как например Абалацкая икона,¹² т. е., как и в других сказаниях этого жанра XVII в., происходит своего рода «измельчание» чудес. «Документальное» сказание обнаруживает связь со сказаниями этого жанра позднего происхождения, когда

¹¹ Сказание о чудотворной Казанской иконе. М., 1889.

¹² Е. К. Ромодановская. Русская литература в Сибири 1-й половины XVII века. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1968, стр. 15.

зарождается и укрепляется скептицизм по отношению к тем или иным святыням. Этот скептицизм был характерен для русского общества того времени, когда под влиянием классовых противоречий в условиях исторических событий эпохи Смуты менялась психология русского человека. Значение «Документального» сказания не ограничивалось лишь описанием чудес. Пафос произведения составлял сам факт принесения дара из Персии, как святыни, достойной Руси, в эпоху первого Романова.

Связь «Документального» сказания с жанром сказаний чудес от иконы усматривал и Н. К. Никольский, который в своей картотеке поместил его в ряду этих сказаний.

С другой стороны, элементы жанра чудес от иконы в «Документальном» сказании содержатся в компиляции деловых документов. Это позволяет усмотреть связь «Документального» сказания с такими произведениями древнерусской литературы XVII в., как «Повесть о двух посольствах», «Поэтическая повесть об Азове», которые писались в форме дипломатической переписки и были типичным явлением для XVII в.

* * *

Ниже публикуются текст основной редакции «Документального» сказания (I) по списку ЦГАДА (ф. 135, Приложение, рубр. III, № 41) и текст краткого пересказа «Документального» сказания (II) по списку ИРЛИ (Древлехранилище, Северодвинское собр., № 85, XIX в.). Тексты публикуются по правилам, принятым в ТОДРЛ.

I

**Выписано из кизылбашских отписок государевых посланников
Василья Коробьина да дьяка Остафья Кувшинова
и из роспросу иерусалимского келаря Оникея о срачице господя
нашего Иисуса Христа**

В прошлом во 132 году июня в 27 день писали ко государю царю и великому князю || Михаилу Федоровичу всеа Руси и Кизылбаш государевы посланники Василей Коробин да дьяк Остафей Кувшинов, как де по государеву указу были они в Кизылбашех у Аббас шаха, и говорил де им шах в первом приезде и в иных приездах: взял де он в Ъверской земле Христову срачицу, в которой Христос распят, и как де Христа жидове распяли и на кресте || ударили его копьем в ребра, и та де кровь на той срачице и ныне знать. И хто де помолитца с верою и к той срачице коснетца — и того де бог помилует, от той || срачицы изцелеет, а хто придет без веры, а к той срачице коснетца — и у того тотчас очи выпадут. И ныне де он тою срачицу посылает к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси и ко отцу ево государеву к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси с послы своими. А великий де государь святейший патриарх, святитель великой, брату ево, великому государю, его царскому величеству отец, а ему, шаху, по государе отец и за государя бога молит, и он, де шах, чает, что и ево во святых своих молитвах к богу помянет. А присылали де к нему, к шаху, из ыных христианских || государств для тое Христовой срачицы, и он де ее для их, великих государей, нигде не дал, да и сам де он, шах, во Христа и в мать ево пречистую богородицу верует. А хто во Христа и в пречистую богородицу не верует или которое слово молыт хульное, и тово де и род ево

весь надобно зжечь, и как де ево станут жечь, и хто, мимо идучи, на него дров полено кинет, и тот будет свят.

И после де того спрашивали они шахова посла Русамбека, которой едет ко государю от шаха в послех: откуда к ним в Грузи Христова срачица пришла и сколь давно, и где у них в Грузех та Христова срачица по ся места и у кого была, и коими обычеи шах ее сыскал?

И шахов де посол Русамбек им сказал: слышел де он, что в Грузех та Христова срачица была у митропо||лита заделана в кресте, и шах ее сыскал и послал ко государю с ним, Русамбеком.

И 132-го же году июля в 7 день государь царь || и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии и отец ево государев, великий государь святейший патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Русии, выслушав посланников отписки, приказали думному дьяку Ивану Грамотину роспросити Спаса Нового монастыря келаря Ионикей греченина, что приехал ко государю съ ерусалимским архиепискупом^а Феофаном, как он был въ Ерусалиме, и лучилось ли ему ведать про Христову срачицу и про иные святыни: где они ныне, в котором государстве. А говорят многие, что те святыни были в Грузинской земле. И будет в Грузинской земле, и коими обычаи там дошли, при котором царе? И лучилось ли ему в Грузинской земле быть, и те святыни сам он видал ли или от ково слышал

и где их чает ныне? || И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и отца его государева, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии приказу думной диак Иван Грамотин Спаса Нового монастыря келаря греченина старца Ионикей про то про все в Посолском приказе спрашивал. И спаской келарь Ианикей сказал, что ему, в Ерусалиме будучи, лучилось слышать ото многих, от верных людей: как де Пилат и архиереи осудили господа нашего Исуса Христа на смерть и отдали ево воином, а велели распяти, и они, пришед на место, где его распяли, платье с него сняли и розделили. Да на Христе же был хитон, от веру и до долу, ||

а ткала де тот хитон сама святая богородица, а того не ведает — в шельку ли, или во лну, или в волне, а цветом де, сказывают, был лазорев. А делом кабы манатъя, без рукав, широк и долог, толко лише тем рознился, что без бору и без сшитъя весь ткан^б сверху. А словет по греческому язы||ку хитон. Да и ныне де тем делом во Аравии платье носят, а словет по-арапски «ихрам», как его человек положит на себя, да и обогнетца им, и назади станет долго и широко. А на делу де тот хитон достался Грузинские земли человеку, а он де в то время был в воинех, и после де того тот человек пришел в свою землю в Грузи и росказывал, что в Ерусалиме зделалось. И слыша де от него про Христово убивство сестра его родная и просила у него того хитона себе, и он ей дал вместо подарка. И та де девица была разумна, и, слыша про Христа, почала быти верна и приказала де родителем своим: как ее не станет, и они б ее положили во гроб в том хитоне. И после де того вскоре ее и не стало,

и племя ее, по ее приказу, положили ее в том хитоне || вместо савана, и от того де гроба выросло древо велико, и почало от него быти миро и исцеление многое. И как де грузинцы приняли святое крещение еще при великом царе Костянтине, и они де тем миром помазалися^в и крестились,^г и шло де то миро от того древа много лет. И грузинские де цари, видя от того древа чюдеса, поставили над тем древом великую церковь и

^а Затем зачеркнуто и другим почерком написано патриархом. ^б Первоначально было написано писан. ^в Затем другими чернилами переправлено на помазавалися. ^г Затем другими чернилами переправлено на крестилися.

устроили тут архиепискупа начального, и сами грузинские и карталинские цари по смерти своей велели себя класти в той церкви. И как де нынешняго шаха дед воевал Грузинскую землю, а в то время был в Грузинской земле царем Симонов отец, и многие де места шаховы люди разорили и осквернили, и в той церкви ставили лошади и скоты, и с тех де мест миро от того древа течь перестало. И как де грузинские цари землю свою от шаха очистили и ту церковь освятили и над тем де местом поставили позади святительского места столп, высотой сажени з две, а поперег сажени, а в том месте, где от древа шло миро от корени, учинили окошечко невелико да поставили || чашу, надеючись на то, любо еще вперед миро будет. И после де того от того древа миро не бывало и до ныне. А как де он, Аникей, был в Грузинской земле при Теймуразе царе тому ныне лет с 16, и он де в той церкви был и не одинова и то де древо видел, а мира уж от него нет. А говорят де о том грузинцы многие люди, что то древо выросло от хитона, в котором положена мертвая девица, сестра того воина, которой со Христа тот хитон снял, а самому де ему того хитона видеть нелучилось, нечто будет тот хитон выняли из земли грузинские люди после его. л. 12

А про гвозди, которыми пригвоздили Христа ко кресту, ведомо всем, что их взяла во Иерусалиме царица Елена и принесла во Царьгород к сыну своему к царю Костянтину, а где ныне те гвозди, того не ведает. || л. 13

И в прошлом же во 132-м году июля в 7 день питано от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси к посланником к Василью Коробьину да к дьяку к Остафью Кувшинову, а велено им тотчас отписать ко государю насоро: как они были в шахове земле, и они з грузинцы и с шаховым послом о том говаривали ль, и от них слышали ль, где та Христова срачица была в Грузех? И ведомо ль про нее подлинно, что она прямая Христова срачица? И в какове чести в Грузинской земле была и какая она — тафтяная ли или полотняная, и сами оне ее видели ль? Да и в розговорех велено им с шаховым послом с Русанбеком поговорить поподлиннее: ^а где та срачица была и мочно ль ее им посмотреть самим? Да будет ее им покажут, и им велено посмотреть ее гораздо: какая она и сколь велика мерою, и в каких местех ^е || кровь л. 14 на ней знать. Да о том велено им тотчас отписать к государю насоро.

И нынешнего 133-го ноября в 16 день писали к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси посланники Василей Коробьин да дьяк Остафей Кувшинов, что в прошлом во 130-м году генваря в 21 день, как они у шаха были в первом приезде, и шах де им про тое срачицу объявил сам: взял де он в Ыверской земле Христову срачицу, в которой Христос распят, и как де Христа жидове распяли и на кресте его ударили копием в ребра, и та де кровь на той срачице и ныне знать, и * тое де срачицу * посылает к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и ко отцу его государеву, к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси с послы своими. И они де шаха спрашивали: сколь давно и каким обычаем он в Грузех Христову срачицу сыскал. И шах де им сказал: как де он Грузинскую землю взял, и ему де учинилась весть, что в Грузинской земле есть Христова срачица, и он де ее много сы||скавал, и сыскал ее. л. 15

Да в прошлом де во 132-м году декабря в 17 день, едуци дорогою

^а Затем другими чернилами добавлено второе „н“: поподлиннее. ^е На обороте столбца запись XVII — первой половины XVIII в.: зачало премудрости страх божий, зачало премудрости страх господен. *—* Испр.; в ркп. тое ден рачицу.

ис Кизылбаш, говорили оне в розговорех с шаховым послом с Русамбеком: как они были у шаха в Ыспогани и в Фарабате на отпуске, и сказывал де им шах, что он послал к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси и к отцу его к государеву, к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси с ними Христову срачицу, и он бы им объявил, откуда к ним в Грузи Христова срачица пришла и сколь давно, и где у них в Грузех та Христова срачица по ся места и у ково была, и коими обычаи шах ее сыскал? И посол де Русамбек им сказал: слышал де он в Грузех, что та Христова срачица была у митрополита заделана в кресте, и шах де ее сыскал и послал к государю и к государю святейшему патриарху с купчиною с Ма||меселеем, устроена в золотых паволоках.

- а. 16 Да в нынешнем во 133-м году по государеве грамоте говорили оне с шаховым послом с Русамбеком да с купчиною с Мамеселеем вдругорядь и их спрашивали: а где та срачица Христова была в Грузех, и ведомо ль про нее подлинно, что она прямая Христова срачица, и в какове чести в Грузинской земле была, и какая она — тафтяная л или полотняная, и сколь велика мерою, и в каких местех кровь на ней знать, и чтоб ее дали им посмотреть. И шахов де посол Русамбек им сказал: как он был в Грузех, и он Христовы срачицы не видал. А как шах Грузи взял, и тое Христову срачицу сыскал шах у митрополита, заделана в кресте. И хто немощен к той срачице коснетца с верою, и тово бог милует, от той срачицы исцелает, а кто к той срачице коснетца без веры, и у тово тотчас очи выпадут. А та де срачица полотняная. А какова она мерою и в коем месте на ней кровь знать, тово он не ведает, что он той Христовы срачицы сам не видал, а послал де || шах тое срачицу к государю и к великому государю святейшему патриарху до Москвы с купчиною с Мамеселеем, а на Москве ему, Русамбеку, та Христова срачица велено взять у купчины и нести к государю патриарху самому. А шахов де купчина Мамеселей им сказал: дал де ему шах сундучок за своею печатью, а в сундучке сказал ему Христову срачицу. А велел вести ему до Москвы, а на Москве де шах тот сундучок со всем велел отдать послу Русамбеку, а Русамбеку тот сундучок нести к отцу государеву, к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси. А как де они Василей и Остафей были в шахове земле, и им де з грузинцы о той Христове срачице говорити не лучилось, потому что к ним грузинцы, ведомые люди, не хаживали. ||
- а. 18 А архиепископ Нектарей про Христову срачицу и про хитон прислал в Посолской приказ письмо. А в письме ево написано: был он ³ у патриарха Константинопольского архидьякон, и посылал ево патриарх в Грузинскую землю. И он де в Грузех ходил к церкви, имянем Исхета, и видел на правом крылосе в церкви у первого столпа стояли свечи зажены, и он спросил священников о том, что то есть? И они ему сказали, что под тем столпом положен хитон Христов, сиречь одежда Христова, а принес де некоторой воин, что был у распятия Христова третей человек с сынами, и взял ту Христову одежду. И меташа жребий, и падоша жребий ему, и взял он всю одежду целу и принес ее в Грузинскую землю,
- а. 19 и многие от нея чюдеса сотворишася. ||

³ Выписано из Евангелия толкового.
Евангелие от Матфея, глава 112:

³ Доб. другими чернилами. ^и—^и Затем другим почерком сделаны добавления, а фраза получилась следующей: И выписано из Евангелия толкового для свидетельства о Христове срачице или хитоне.

Тогда воины игемоннови приемши Иисуса на судищи, собраша нань все множество воин и, совлекше его, одеяша хламидою червленою и, сплетше венец от терния, возложиша на главу его,^к и трость в десницу его,^к и поклоншися на колену. Толк. Зде убо тогда скончевашеся слово Давыдово. «Поношение безумному дал ми еси». Воины бо, безумнии суще, подобная своему разуму творяху, хламидою бо вместо порфиры яко царя облекоша.

Того же Матфея Евангелие, глава 113:

И пришедше на место, нарицаемое Голгофа, еже есть глаголемое Краниево место, распенша же его, разделиша ризы его, вергше жребия. Толк. || Краниево место нарицается, еже есть по нашему языку Лобное место, разделяют же ризы его, яко нищу сушу и ничтоже имуща. ||

Ино Евангелие от Луки, глава 110:

Ведяху же и ина два злодея с ним убити, и егда приидоша на место, нарицаемое Краниево, ту пропяша его, разделяюще же ризы его, меташу жребия. Толк. Что же ради деляху ризы его? Что бе много в ризах тех? Но уничижение и укор творяще, деляху. Речено же бе о сем во Иванне боле и^а выше.

Евангелие от Иоанна, зачало 60:

Глаголаху же Пилату архиереи иудейстии: «Не пиши царь иудейский, но яко сам рече: „Царь есмь иудейский“». Отвеща Пилат: «Еже писах, писах». Воины же егда пропяша Иисуса, прияша ризы его и сотвориша четыре части, комуждо воину часть, и хитон, бе же хитон нешвен, но свыше исткан весь. Реша же к себе: «Не предерем его, но метнем жребия о нем, кому будет». Да збудетца писание, глаголющее: «Разделиша ризы моя себе и о матисме моей меташа жребия». Воины же убо сия сотвориша. И против сего Евангилия смотри || во вседневном Евангилье и в Ыванне Толковом в 60-м зачале пишет сущее на указ: «И глагола иудеом: „Се царь ваш“. Они же || вопияху: „Возьми, возьми и распни его“». В том же зачале в 3-м толковании о хитоне сказует: «Ими же дьявол лукавнует, пророчества збываютца». И виждь истинну: три суть распяти и обаче о сем едином збываютца, яже от пророк. И смотри пророчество известие: «Не бо яко разделиша токмо, но яко не разделиша, — рече пророк. — Ины бо ризы разделиша, хитон же ни», но жребие вращи повелеша. А еже свыше исткан, не впросто лежит. Инии убо ину речь вещаше: «явити того ради, яко не прост бе человек распинаемый, но свыше божество имея». Нецыи же самый вид хитона вещаша евангелисту изобразити, понеже бо в Палестине две ширине составляюще, сииречь две полотне основают ризы, в шва место основу являя. Ин,^к яко так^н || бе хитон, рече: «Яко свыше всяко основан», се же есть с верха и до долу, являет же зде худость риз Христовых. Инии же реша, яко в Палестине основают основу, не яко у нас: горе сущим чином и утку, доле же полотну являему и тако возходящу, тамо противно, доле суть убо чинове, горе же являютца основа. Таков бе, веща, хитон господень.

И 133-го февраля в 25 день кызылбашские послы к Москве приехали. || А у государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и у отца его государева, великого государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси были на посольстве марта в 11 день, на другой неделе великого поста в пятницу. И шахов посол

^{к-к} Вписано над строкой. ^а Доб. другими чернилами. ^н Затем другими чернилами переправлено в Иван. ^н Затем другими чернилами переправлено в таков.

грузинец Русамбек правил государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и отцу его, великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии от шаха поклон. А после поклона посол Русамбек поднес к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии ковчег золот с камнем, с лалы и з бирюзы, а молил: «Государь мой, Аббас шахово величество, прислал к тебе, великому святителю, ковчег золот, а в нем великого и славнаго Иуса Христа срачица». И великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии тот ковче-
ж. 26 жец принял || сам, встав, и спрашивал посла о шахове здоровье. И того же дни после посольства великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии на своем святительском дворе с митрополитом Кипреяном Сарским и Подонским, и с Нектарием архиепископом греческим, и с архимариты, и игумены, и с протопопы того ковчежца осматривали, и по досмотру в том ковчежке часть некая полотняна, кабы красновата, походила на мели, или будет от давних лет лице изменила, а ткана во льну.

И марта в 18 день великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии говорил сыну своему великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, что прислал к нему, великому государю, персидцкой Аббас шах ковчег золот,
ж. 27 а в нем, посол ево сказал, срачица господа нашего Иуса Христа, || а по досмотру в том ковчежке часть некая полотняна, а от давних лет кабы видом красновата, кабы на мели походила. А под нею писаны распятие и иные страсти Спасовы латынским писмом, а латыня еретики, а та святыня, что называют Христовою срачицею, прислана от иновернаго царя Аббас шаха, и без истиннаго свидетельства тое святыни ° прияти опасно. И тое б святыню свидетельствовати чудеса, пети молебны, и ходити с нею к болящим и полагати на них, и просити всещедрого человеколюбца бога, чтоб милосердый бог тое святыню уверил, яко же весть святая его воля, понеже истиннаго свидетельства о той святыни несть, а не-
ж. 28 верных слово без испытания во свидетельство || не приемлетца.

И уложили для того великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии ему, государю, и митрополиту, и архиепископу, и архимаритом, и игуменом, и в монастырех старцом поститися неделю целую, а протопопом и попом служити литургии божии и молитися, чтоб господь бог с той святыни проявил им святую свою волю. А святыню повеле носить, и пети молебны, и воду святити, и полагати на недужных и болящих сего ради, яко издревле, егда блаженная царица Елена обрете честный крест Христов, с ним же и ина два креста
ж. 29 разбойнича, и не ведяху живоноснаго || креста, на нем же владыка Христос распятся, дондеже изнесоша мертвую девицу и кресты по единому на ней полагаху. Егда же положиша живоносное древо, на нем же Христос распятся, и абие воста мертвая девица и хождаше, и сомнимое и утаенное от богоборец жидов всем во явление прииде. Тако же и ныне достоин быти, и о ней же святыни имама неизвестное и опасное, и о сем помолити человеколюбца бога, яко да явит сокровенное и неявленное открывает
ж. 30 в славу святого || имени своего.

И приказали с тою святынею ходити к болящим, и пети молебны, и воду святити, и полагати на них Спаскому нового монастыря архимариту Иосифу, а с ним крестовым диаком Ивану Семенову да Михаилу Усти-

° Затем другими чернилами было вписано над строкой за истинну.

нову. А сватыню повелеша устроити в особном в серебряном ковчежце, и запечаташа святительскою печатью. А для ведома велели архимариту дати памятьцу такову сего ради, аще воспросит кто: «что есть и какая сватыня, полагаемая на них», и да ведят, како сказати о сем. ||

133 марта в 11 день к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии самодержцу и к отцу его государеву, к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии, персидцкый Аббас шах прислал посла своего, с ним к царскому величеству и к святейшему патриарху прислал многие дары, любочествующи их, государей, по достоинству царства и высоты святительства. Да с тем же послом персидцкый Аббас шах прислал к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии часть от срачицы господа нашего Иисуса Христа в золотом ковчежце.

А как были в Персидцкой земле царского величества посланники Василей Короббин да диак Остафей Кувшинов, и им говорил персидцкый Аббас шах сам, что он тое срачицу сыскал в Грузинской земле у митрополита, заделана была в кресте, и посылает ее к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии, слышачи об нем, государе, что он, || государь, Христову закону ревнитель, и чая того, что он, государь, о нем помолитца. А присылали де к нему о той срачице многие государи, и он, кроме его, государя, ни х кому тое сватыни не послал. Да и сам де он, шах, Христову веру похваляет. А они, посланники, сами тое срачицы не видали и того подлинно не ведают, — прямая ли та Христова срачица или нет?

А греческой архиепископ Нектарей и ерусалимской келарь Ианикей великому государю, святейшему патриарху, сказывали: то они ведают, что в Грузинской земле та сватыня была, а та ли ныне прислана или не та, того подлинно не ведают. И великий государь святейший патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Русии говоря о том с сыном своим, великим государем царем и великим князем Михаилом Федоровичем всеа Русии, и уложил с митрополитом Киприяном Сарским и Подонским, и с архиепископом с Нектарием, и с архимариты, и игумены, и протопопы и со всем освященным собором тое сватыню свидетельствовати чудесы, || с молебным пением полагати на болящих и известовати чудесы, яко же хошет святая воля божия, тако и сотворит, понеже истиннаго свидетельства с той сватыни несть, а неверных слово без испытаня во свидетельство не приемлетца. || Архимарит же и крестовые диаки по повелению царя и святителя к болящим хождуа, молебная совершающе и сватыню оную на кождо от болящих полагаху.

И марта в 22 день крестовые диаки Иван Семионов да Михайло^п Устинов, пришед к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии, возвестиша, ему, государю, что они, по его святительскому повелению, были в дому у подьячего у Ивана Зиновьева и в иных домах и в богадельнях, и молебны пели, и воду святили, и тое сватыню на болящих полагали. И по человеколюбию божию подьячему Ивану Зиновьеву и иным от тое сватыни || помощь есть. И великий государь святейший патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Русии, слыша о том, попремногу благодарения всылая богу, обаче и еще не сме во явление произвести, яко истинная Христова срачица, но лучшего ради уверения посылает ко оным болящим, их же, глаголют,

^п Испр.; в ркп. Михо.

исцелевших, Кипреяна митрополита Сарского и Подонского, а с ним Симанова монастыря архимарита Левкея, да Богоявленского монастыря
 л. 36 из-за торгу || игумена Илью, да Новинского игумена Еуфимия и повеле тех всех болящих и тех людей, которые с ними живут в домех, вопросити и самех досмотрети *аще истинно исцеление прияша.* ||

л. 37 И марта в 23 день митрополит Кипреян и архимариты, пришед к великому государю святейшему патриарху, возвестиша, что они к тем людям, про которых изведал Спаской архимарит, в дома их и в богадельни ходили и их спрашивали^р по единому: *аще истинно исцеления прияша?* И те де люди сказывали им, что им от тое святыни, от Христовы срачицы, во многих болезнях исцеление есть, да и сторонние люди, которые с ними живут в домех и в храминах, сказывали про них то же. Да подали митрополит и архимариты великому государю святейшему патриарху роспросу и сыску своему свидетельственное письмо, за своими
 л. 38 руками, а в письме пишет: || «133-го марта в 23 день. По указу великого государя святейшего Филарета Никитича патриарха московского и всеа Русии Киприян митрополит Сарский и Подонский, да с ним Симанова монастыря архимарит Левкей, да Богоявленского монастыря игумен Илья, да Новинской игумен Еуфимей на улице на Тверской в богадельне допрашивали Тараса Филатова про болезнь: давно ли ему и какая болезнь случилась. И Тарасей сказал: рознемогся де он нынешнего 133-го году, после масленой недели, заговев в среду на Федоровой неделе, а лежал огневою болезнью^с до третьей недели великого поста. И как де в субботу отпели молебен, и после молебна ему, Тарасью, учинилось облегченье от Спасовы срачицы, и ныне он от тое болезни здрав. ||

л. 39 Того ж числа сказала в роспросе Гликерья Офонасьева дочь: ногами де она больна и дряхла вся и глуха была тринадцать лет; и марта в 19 день молебен пели над Спасовою срачицею и воду святили, и после де молебна я святые воды испила, и мне де учинилась милость божья, облегченье стало велико, и на ногах хожу о себе, и ступаю крепко и животом стала здрава.

Девица Марина сказала в роспросе, что она одержима была чорною болезнью, и сердечною, и слепа, и языком мало владела десеть лет. И после де молебна святые воды испила, и мне де в субботу на третьей неделе великого поста учинилось от Спасовы срачицы облегченье и от сердечные и от черные болезни, и языком здрава и очима видит гораздо. ||

л. 40 Ирина Спиридонова сказала в роспросе: была де она дряхла четырнадцать лет и людей мало знала, и после молебна в субботу на третьей неделе великого поста испила святые воды, и мне де дал бог облегченье от Спасовы срачицы, и людей де знаю и от тое болезни здрава.

Анна Никонова сказала в роспросе: ноги де у ней были болны, ломаны тому двенадцать лет, и очми не видела; и как де пели молебен в субботу на третьей неделе над Спасовою срачицею, и я де после молебна святые воды испила, и мне де стало очам тяжело, и я де учала плакать, большое де я прогневала бога, и марта в 22 день в благовестие к часом прозрела совершенно одним оком, милосердие божие, и людей вижу.

Еуфимья Филипова дочь: была больна пятнадцать лет, страх нападал и ужас сердечной. И как де пели молебен в субботу на третьей неделе, а пила де я святую воду в неделю крестопоклонную, и мне де после святые воды от тех болезней стало облегченье от Спасовы срачицы, и ныне де у ней страху и ужасу сердечного нет. ||

^р Затем другими чернилами исправлено в роспрашивали. ^с Испр. другими чернилами; первоначально было волезнью.

Девица Ульяна четырех лет, Смирного Потемкина дочь, больна очима с полгода. И после де молебна, как пели в субботу третьье недели поста, и после де тово молебна взяла святые воды вдова Парасковья Смольянка и отнесла на подворье к жене Смирного Потемкина, ко вдове Матроне, к матери тое девицы Ульяны, и тою де святою водою у тое девицы Ульяны мать ее очи помыла, и очем дал бог облегчение. И ныне де та девица Ульяна видит обема очима, от Спасовы срачицы учинилось ей здоровье. л. 41

Да на Покровке в богадельне сказал старец Левкея: в субботу де на третьее неделе великого поста пели молебен, и ему де в неделю крестопоклонную во весь день было ногам великое облегчение, а после де тово дни стало гораздо тяжело.

Посольсково приказу бывшей подьячей Иван Зиновьев сказал в роспро||се: лежал де он семь лет, не владел собою, а находило де на него стень, а языком де мало же владел, а говорил де по великой нужде, о чом его хто спросит, и ногою и рукою левою не владел же, а очми временем видел, а иным временем не видел, а год лежал, со одра не вставал нисколько. И как де в среду на третьей недели пели у него в дому молебен и воду святили, и как де он после молебна святые воды испил, и ему де, Ивану, от Спасовы срачицы учинилось облегчение и начал к церкви ходити и говорити молитву Исусову и всякую речь памятно, и стень де от него отошла от тово времени, а очима ныне видит неповелику. л. 42

Костромские чети дьяк Офонасей Андронников сказал в роспросе: как де я был в Казани в дьяках, и мне де в Казани учинилась болезнь внутри и в костях жгота, а сказывают де, что их низовая болезнь — чечуя, || а той де болезни во мне семь лет. И нынешняго де 133-го году с осени начал он, Офонасей, лежать и с одра никуда не ходит, от тое болезни и чрево у него туго, что камень, и росло. И марта в 18 день, как к нему, к Офонасью, приходили со Спасовою срачицею, и молебен пели и воду святили, и он де, Офонасей, тое святою воду пил и свои болезни тою святою водою смачивал, и ему де от Спасовы срачицы и святые воды учинилося облегчение великое и ис костей жгота минулась, и чреву де стало от старого гораздо облегчение, и на ногах учал сам ^т о себе ^т ходити. л. 43

Марта в 24 день с Покровки из богадельные избы старица Агафья сказала: была де больна девица Макрида девети лет, а жила она с матерью в Путилове || приказе Резанова у стрельца у Офонасья Максимова в суседех, и та де девица Макрида разболелась на масленице в пятницу, отнеслась у нее рука левая да нога левая жь, не владела нисколько, и была де она больна и до сего дни. И как де сказали у них в богадельне сего дни, что от государя патриарха будет к ним в багаделне власть з господнею ризою, и она де, старица Агафья, тое девочку, взяв у матери, принесла к себе в богаделню для пришествия господни ризы. И как де игумен Новинской приехал к ним з господнею ризою, и отпел молебен, и тое больную девицу приложил к ковчегу ризы господня, и покропил святою водою, и дали ей пить святые воды, и руки больную и ногу больную же помазали святою же водою. И только де игумен свехал от них з богаделново двора, и та де девица тотчас стала на ноги, и ходить стала,^у и руками обема стала владеть и ходить по-прежнему, как и наперед тово здрава была и ничем стала невредима. || л. 44

- л. 45 133-го марта в 25 день как пел молебен Новинского монастыря игумен Еуфимей, и того дни на павечерницы сказывала ему ^ф вдова Фетинья, Юрьева дочь, при всех людех,^х что де ее бог помиловал очною болезнию, а был де у нее лом в голове и шум до родительские суботы за неделю, и по сей де день не видела одним глазом ничего, а ныне не дал бог, вижу. ||
- л. 46 Той же богаделни ^и с Покровки ^и вдова Парасковья Матвеева, дочь Анучина: болезнь у ней была сердечная, и рвота тяжкая, и опухоль утробная, а занемогла де 132-го году августа с 15-го числа. И та Парасковья в то же время марта в 24 день после молебна к Спасове ризе приложилась, и водою святою ее кропили, и после того ей бог дал тотчас здравие по-прежнему. ||
- л. 47 133-го марта в 26 день в субботу на обедне девица Марина одержима была черным недугом и в субботу третия недели великого поста от Спасовы срачицы от тое болезни исцелела. И после того начало быти страхованье и тягость и нечистый дух приходил к ней во сне и на яве, грозя ей, и милостью божию в субботу четвертыя недели великого поста от того страхованья и от нечистаго духа та девица Марина в обедню исцелела, и во всем бог учинил ее зело умну и здраву. ||
- л. 48 И великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии возвести о том сыну своему, великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и свидетельственное писание прочтоша и о неизреченном человеколюбии божию попремному
- л. 49 воздаша хвалу богу, || сподобльшему их такуюю преславную благодать божию видети во благочестивом царстве их. И приговорили о том быти собору в царских полатах марта в 26 день в субботу, и тое святыню и божию преславная чюдеса, действуемая спасителем нашим Исус Христом,
- л. 50 объявити царскому синглиту и всему народу, и потом в радости || духовной в соборной церкви всемогущему богу принести молебная благодарения, и совершити празденство со всеошным пением. И уложили той святыни быти в соборной церкви пречистые богородицы Успения у животносного гроба господня, и устроить в златом ковчеге, и пети молебны, и воду святити, и болящим и всем с чистою совестью приходити и исцеления просити невозбранно в честь и в славу госуду нашему Исусу Христу, пострадавшему нашего ради спасения и воскресшу, с ним же и нас ^и умерщвленных, грехи совоскресившу и на небеса возведшему, ему же слава во веки веком. Аминь!^ч

II

- Слово о преславном и предивном велии чюдеси божию, како содеяся в велицей Росии неизреченная милость и человеколюбие божие, како || прииде риза срачица господа бога и Спаса нашего Исуса Христа во царствующий град Москву. Благослови отче**
- л. 140

В лета 7133 марта в 11 день к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Росии и ко отцу его государеву, великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московьскому и всеа Росии перьсидцкой Абабас шах прислал посла своего именем Ру-

^ф Вписано над строкой. ^х Вписано над строкой. ^{и-и} Вписано над строкой. ^{ч-ч} Кусок оторван и слова восстановлены по списку БАН 45.6.8.

самбека со многими дары, любечес||твующе их государей по достоинству царства и высоты святительства, да к царскому же величеству, к великому государю святейшему патриарху, Абабас шах прислал часть от срачицы господа нашего Исуса Христа во золотом ковчеге, а посланники царского величества, которые были в перьсидской земле, Василей Коробин да дияк Остафей Кувшинов во отписках писали: говорил де шах на посольстве: сыскал де я в грузиньской земле Христову || срачицу, в чем Христов распят бысть, а нашли де ея у митрополита, заделана бысть в кресте, и для де той срачицы Христовы присылали к нему, шаху, многие государи из иных государствъ, и он де никому не послал, а ныне он, шах, посылает ея к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому всеа Росии, ведая про него, государя, что он Христову закону ревнитель, и чая того, что он, государь, и о нем помолится. || И сам он, шах, Христову веру похваляет, а прямая ли та Христова сра- л. 141 об
чица, того не ведомо, и проведати им, посланником, было неким. А на Москве греческой архиепископ Нектарей Иеросалимьской, старец Спаса Новаго монастыря келарь Ианикей и ныне греческие старцы великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Росии сказывали: то они ведают, что в грузинской || земле Христова л. 142
срачица была, а та ли ныне прислана или не та, того не ведают. И великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский всеа Росии, говоря с сыном своим великим государем царем и великим князем Михайлом Феодоровичем всеа Росии, и уложили с митрополитом Киприяном Сирьским и Подонским, и со архиепископом Нектарием, и со архимариты, и со всем освященным || собором, а велели тое святыню с молебным пе- л. 142 об
нием полагати на болящих и известовати чудеса, якоже хощет святая воля божия и тако и сотворит, понеже о той святыни истиннаго свидетельства несть, а неверным слово бейзо испытания во сведетельство не приемлется. И с тою святынею ходили к болящим в дома Спаса Новаго монастыря архимарит Иосиф, да с ним государевы крестовыя дияки Иван || Семенов да Михайло Устинов и с молебным пением тое святыню полагали л. 143
на болящих. И по человеколюбию божию от тоя святыни многие болящии исцеление приняли и ото всяких болезней те люди, на которых полагали ту святую святыню и свободилися, здравие получили все. И известили про то государю царю и великому князю Михайлу Феодоровичю всеа Русии и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю || Мос- л. 143 об
ковскому и всеа Росии. Царь же, да святитель, моля о том всещедрого человеколюбиваго бога, яко да подасть господь бог помощь свыше, благодать и милость верующим в оны, и учинили собор в Золотой полате и такое великое чудо объявити велели всем православным. И после того государь царь и великий князь Михайло Феодоровичь всеа Росии да великий государь святейший патриарх Филарет Никитичь Московский всеа Росии || учинили празднество в соборной церкви апостольской Успения пречистей богородицы, и велели пети вечерню и всенощное бдение и утрен- л. 144
ное славословие честному и животворящему кресту господню, и по всем церквам велели пети молебны звоном, и тое святую святыню устроили всем собором освещенным у господня гроба. И ныне с верою приходящим неоскудная милость и исцеления и чудеса изливаются, слепии прозирают, || немый глаголют и хромии ходят, беснующии свободилися от нечистых дух л. 144 об
и всякия немощи, и недужныя исцеляются и здравие получили, да и впред идущая лета повелением великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Росии и великаго государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского всеа Росии празновати той святой святыни ризе господне еже есть год марта в 27 день || на память святыни л. 145

мученицы Матрены иже в Селуне. А ко иным болящим святейший патриарх посылал ко многим митрополита Киприяна в соборне и многое множество чудес и божия милости и исцеления немощным и недужным всякими недуги здравие получили и многие чудеса быша. О, владыко всещедрый и милосердый и многомилостивый господь бог и Спас наш Иисус Христос! Каковою обрадова нас милостию своею и подаст велие и неизреченное милосердие и чудо на великую Росию на всю Рускую землю! Мы же грешнии услышим тое святыя святыни и Божию милость и чудеса неизреченныя и прославим господа бога нашего Иисуса Христа, сына божия, и молящимся ему, и пролием слезы своя к нему, и просим у него свыше милости божия и всякия благодати, дабы избавил нас от нахождения безбожных и поганьских язык и от всякого зла. Богу нашему слава и ныне и присно и во веки веком. Аминь!

А. А. САЛТЫКОВ

Эстетические взгляды Иосифа Владимирова

(по «Посланию к Симону Ушакову»¹)

Вторая половина XVII в. была временем напряженного внимания к вопросам искусства в России. Целый ряд сочинений и правительственных документов свидетельствует, что интерес русской мысли к этим проблемам был тогда даже больше, чем в XVIII в., не оставившем ни одного самостоятельного сочинения не только о живописи, но и об изобразительном искусстве вообще. Одним из наиболее важных сочинений об искусстве XVII в. является «Послание» Иосифа Владимирова Симону Ушакову, в котором мы впервые встречаем попытку поднять обсуждение вопросов, связанных с живописью, до уровня теории искусства. По сравнению с другими сочинениями здесь имеется наиболее полный охват вопросов живописи. Объем «Послания» значителен — 78 листов в 4^о, в то время как «Записка» Симеона Полоцкого составляет всего лишь 8 листов в 4^о,² а сочинения, приписываемые Симону Ушакову³ и Кариону Истомину,⁴ еще меньше.

Нужно отметить, что «Послание» Владимирова явилось основополагающим документом для других авторов. Так, в очевидной зависимости от него стоит «Записка» Симеона Полоцкого, на что обратил внимание еще Л. Майков.⁵ Поскольку Симеон Полоцкий принимал активное участие в подготовке постановлений об иконописании 1667—1668 гг., становится ясным значение «Послания» и для этих постановлений.

Несколько особняком стоит второе сочинение Симеона Полоцкого об иконописании (1677 г.), направленное против протестантов,⁶ которое содержит полемику против некоторых положений, повторяющих тезисы «Послания» Иосифа Владимирова. Это также говорит о значении последнего.

¹ Полное название: «Послание некоего изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу». См.: Е. С. Овчинникова. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве. — В кн.: Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964, стр. 9—61 (далее: Е. С. Овчинникова).

² ГБА, собр. Румянцева, № CCCLXXVI, лл. 12—20.

³ «Слово к люботщательному иконного писания» опубликовано Г. Филимоновым, см.: Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. Материалы. М., 1874, стр. 22—24.

⁴ «Слово к люботщателем иконного писания» опубликовано А. Никольским, см.: Вестник археологии и истории, вып. XX, СПб., 1911.

⁵ Л. Майков. Симеон Полоцкий о русском иконописании. СПб., 1889, стр. 4, 8.

⁶ См. «Беседу о почитании икон святых» Симеона Полоцкого: ГИМ, собр. Синодальное, № 256 (660), лл. 80—95 об. (далее: Симеон Полоцкий).

Без «Послания» Иосифа Владимировича вряд ли могла быть написана и работа, приписываемая Симону Ушакову. Рассуждения последнего о различных видах искусства и намерение создать нечто вроде анатомического атласа свидетельствуют о наличии уже довольно определенных представлений о реальном изображении, в то время как у Владимировича поставлена лишь задача обоснования его возможности.

В целом значение «Послания» для искусства XVII в. было ясно уже Ф. И. Буслаеву, опубликовавшему выдержки из него и сделавшему первые попытки проанализировать его положения.⁷ Из других исследователей нужно отметить советских ученых Ю. Н. Дмитриева⁸ и особенно Е. С. Овчинникову,⁹ которая впервые полностью опубликовала текст трактата с учетом всех известных на сегодняшний день списков. Оба эти автора говорят об общем значении «Послания» и выделяют отдельные высказывания Владимировича. Однако нам кажется необходимой попытка конкретного изучения взглядов Владимировича на искусство с целью уточнить его место в развитии русской художественно-общественной мысли XVII в.

Отношение «Послания» к произведениям других авторов несколько выясняется при уточнении времени его создания. По этому вопросу существуют две точки зрения: Г. Д. Филимонова и Е. С. Овчинниковой. Филимонов в виде предположения высказывает мысль, что «Послание» написано не позже 1664 г., когда Владимирович работал на печатном дворе, но не приводит никаких аргументов, подтверждающих это мнение.¹⁰ Овчинникова же считает, что «Послание» связано с подготовкой собора 1666—1667 гг. и непосредственно ему предшествует. По ее мнению, оно закончено в 1665—1666 гг.¹¹

Между тем отдельные детали, злободневные намеки в «Послании» дают весьма прочные основания относить его к несколько более раннему времени, чем думают эти два исследователя. Так, «Послание» не могло быть написано позже 1663 г., ибо лишь в этом году умер вологодский архиепископ Маркелл,¹² о котором Владимирович упоминает как о здравствующем и правящем епископе (л. 37—38 об.).¹³ Но мы должны отодвинуть дату создания «Послания» еще дальше. Это с несомненностью вытекает из той формы титула Никона, которую употребляет Владимирович. Он дважды называет Никона «великим государем», а известно, что именно этот титул явился предлогом для разрыва Никона с Алексеем Михайловичем 10 июля 1658 г. и отречения Никона от патриаршества, последовавшего в этот же день.¹⁴ Период 1658—1667 гг. вошел в историю как период межпатриаршества. Никон в документах этого времени именуется «бывшим патриархом» или «великим господином». Естественно,

⁷ Ф. И. Буслаев. Русская эстетика XVII в. — В кн.: Ф. И. Буслаев. Сочинения, т. II. СПб., 1911, стр. 423—434.

⁸ Ю. Дмитриев и И. Данилова. Семнадцатый век и его культура. — В кн.: История русского искусства, т. IV. М., 1959, стр. 7—54 (далее: Ю. Н. Дмитриев. Семнадцатый век); Ю. Н. Дмитриев. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси. — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 97—116.

⁹ Е. С. Овчинникова, стр. 9—61.

¹⁰ Г. Д. Филимонов. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи. — Сборник на 1873 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873, стр. 80 (далее: Г. Д. Филимонов).

¹¹ Е. С. Овчинникова, стр. 18.

¹² См.: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 73.

¹³ Все ссылки на «Послание» Владимировича даются по опубликованному Е. С. Овчинниковой списку (ГИМ, Уваровское собр., № 915).

¹⁴ Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897, стр. 21—22 и сл.

что звать опального патриарха прежним титулом значило бы подвергнуть себя самой печальной участи.¹⁵

Таким образом, сочинение Иосифа Владимирова было закончено до 10 июля 1658 г. Мы можем уточнить и нижнюю хронологическую границу его создания. Сам Владимиров упоминает в тексте о 1653—1654 гг. как о недавнем прошлом (л. 46). Указания на факты несколько более позднего времени содержат возражения против ссылок его оппонента на авторитет патриарха. Оппонент Владимирова Иоанн Плешкович, защищая старую живопись, ссылался на то, что патриарх Никон «живописцев проклинает», что он «иконы поверг и скрегбати велел» (лл. 60 об.—61).

Здесь и Владимиров, и его противник, видимо, находятся под впечатлением событий, происходивших в неделю Торжества православия в Москве в 1655 г., очевидцами которых они вполне могли быть. Мы знаем из красочного описания Павла Алеппского об анафеме, провозглашенной тогда Никоном и патриархом Антиохийским Макарием против «всех, кто впредь будет писать или держать у себя в доме франкские иконы»,¹⁶ а затем московский патриарх «поверг» иконы, по деликатному выражению Владимирова, или, как разъясняет Павел Алеппский, «бросал на железные плиты пола так, что они разбивались».¹⁷

Из сказанного ясно, что «Послание» Владимирова написано не ранее 1655 г. Остается прибавить, что, по свидетельству самого Иосифа, оно написано через год после спора с Иоанном Плешковичем в доме Симона Ушакова («егда пред сим летом бых у тебе» (л. 1), — говорит он), происшедшего после событий в неделю Торжества православия, т. е. в феврале—марте 1655 г. Следовательно, окончательная датировка «Послания» определяется 1656—1658 гг.

Если сочинения Симеона Полоцкого и Симона Ушакова написаны в связи с подготовкой собора 1666—1667 гг., то «Послание» Владимирова совпадает с расцветом реформационной деятельности патриарха Никона и отражает — в большей или меньшей степени — его художественную политику. Сам Владимиров ставит свои требования улучшения живописи в один ряд с производившимся исправлением книг и реформой церковного пения (лл. 4 об. и 72 об.), утвержденной собором 1652 г. Его осведомленность и интерес к этим столь значительным мероприятиям видны также из упоминания «премудрейших», занятых «до днесь» исправлением книг (л. 4 об.), т. е. ученых киевлян во главе с «изящным дидаскалом»¹⁸ Епифанием Славинецким, с 1649 г. работавших в Андреевском монастыре.

В иконописании патриарх Никон не произвел столь радикальных перемен, как в других областях религиозной жизни, и его отношение к живописи до сих пор было не совсем ясно. Действия Никона были таковы, что позволяли современникам давать его взглядам противоположные оценки. Это видно, в частности, из спора Владимирова с его оппонентом Иоанном Плешковичем: каждый из них ссылается на авторитет патриарха. Владимиров дает краткую характеристику деятельности Никона в области

¹⁵ Судя по опубликованным документам, в последний раз Никон именуется «великим государем» в послании к нему епископа Полоцкого Каллиста от 21 июля 1658 г., см.: Н. Гиббенет. Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. II. СПб., 1884, стр. 488. Очевидно, новость об опале Никона еще не успела разойтись по всей России в течение июля 1658 г.

¹⁶ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. М., 1898, стр. 137 (далее: Павел Алеппский).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Так Епифаний именуется в предисловии к изданному в 1656 г. сборнику «Слов» Григория Богослова.

иконописания, которая показывает, что он, несмотря на провозглашение Никоном грозной анафемы против «франкских» икон, не хуже протопопа Аввакума чувствовал скрытую тенденцию действий патриарха. Владимир весьма правдоподобно объясняет выступление Никона против живописных икон: по его словам, Никон выступает вовсе не против латинских икон вообще, а против плохо писанных, с его точки зрения, икон, при этом «не токмо латинских, но и русских», а также против попыток некоторых иконописцев подражать западным образцам, не имея достаточного мастерства (л. 61—61 об.). Конечно, Владимиров лучше знал подлинное положение дел, чем заезжий иноземец Плешкович, который, как и Павел Алеппский, видел лишь внешнюю сторону деятельности Никона. Да и сохранившиеся до наших дней фрагменты икон из Ново-Иерусалимского монастыря¹⁹ достаточно ярко иллюстрируют вкусы Никона, любившего именно «живоподобные» иконы, но принимавшего и иконы, написанные в старой манере. Как видно из возражений Иосифа Плешковичу, крутые действия Никона в неделю Торжества православия нисколько не испугали московских «западников».²⁰

Взгляды Никона и Владимирова совпадают и в их отношении к иконам, которые негодны для церковного употребления: Никон требовал сожжения плохих «франкских» икон; Владимиров также считает, со ссылкой на авторитет иерусалимского патриарха Софрония, что следует сжигать старые иконы (л. 65). Можно предположить, что свое обоснование сожжения икон Владимиров также заимствовал в кругах, близких к Никону, так как последний обычно не решался действовать самостоятельно в своих реформационных попытках, но, как правило, опирался на признанные авторитеты.

Для понимания отношения Никона к иконописи представляет интерес сообщение Владимирова о действиях вологодского епископа Маркелла, направленных на улучшение иконописания. Маркелл запретил писать плохим мастерам, назначил в мастерских старост и велел мастерам подписывать иконы (л. 38 об.). Чем были вызваны мероприятия епископа Маркелла? Если принять во внимание, что епископ Маркелл и патриарх Никон отправляли совместное богослужение в памятную неделю Торжества православия,²¹ то станет ясной связь его действий с общей художественной политикой Никона, который, вероятно, не собирался ограничиться лишь негативными оценками иконописи.²²

Иосиф Владимиров — весьма хорошо образованный для своего времени книжник. Он умело пользуется самой разнообразной литературой. Им упоминаются и киевские издания, и острожские, и московские последних лет. Владимиров знаком и с современными ему рукописными переводами, осуществлявшимися в Посольском приказе. Так, он ссылается на написанную в Киеве полемическую книгу «Лифос», или «Камень» (в русском переводе), переведенную с польского языка в 1652—1653 гг.²³ Е. С. Овчинникова подсчитала, что в «Послании» имеется 113 ссылок.²⁴

¹⁹ Находятся в Музее им. Андрея Рублева, см., например: №№ ВП176, ВП177, КП646

²⁰ На основании свидетельства Павла Алеппского некоторые исследователи находят сходство в воззрениях Никона и Аввакума на иконопись (см., например: Ю. Н. Дмитриев. Семнадцатый век, стр. 54). С этим, конечно, нельзя согласиться.

²¹ Павел Алеппский, стр. 129.

²² Протопоп Аввакум, вероятно, мог иметь реальные основания говорить, что именно Никон «умыслил, будто живых писати» (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1960, стр. 135).

²³ Переводчиком книги был киевский певчий Петр Иванов Бережанский, см.: Материалы для истории русского церковного пения. — ЧОИДР, 1846, № 3, стр. 28.

²⁴ Е. С. Овчинникова, стр. 18.

Используемая Владимиром литература может быть отнесена к следующим разделам: 1) Священное писание; 2) гимнография; 3) жития святых; 4) произведения канонического права; 5) литература об иконопочитании и толковый иконописный подлинник; 6) разные творения святых отцов; 7) современная полемическая литература; 8) униатская литература (одна ссылка); 9) светская литература: хроники, лексикон. Упоминания о «козмографиях» и «геометрических чертежах» (л. 42 об.) дополняют представление о широте кругозора Владимира.

По объему материала, привлекаемого Владимиром для обоснования своих взглядов, он далеко превосходит других авторов, своих современников.

«Послание» состоит из предисловия (лл. 1—9 об.), оглавления (лл. 10—12), первой части (лл. 12 об.—39) и второй части (лл. 39—78). Собственно посланием к Симону Ушакову является лишь первая часть с предисловием. Только для первой части составлено оглавление, что придает этой части законченность. Вторая часть представляет собой ожесточенную полемику с «вредоумным» Иоанном Плешковичем. В обеих частях рассматриваются одни и те же вопросы живописи, поэтому сочинение является единым целым. Но во второй части эти вопросы разработаны с большей полнотой, так как полемика обязывала автора к максимальной аргументации своих мнений. Сложность построения «Послания» такова, что по существу оно выходит за рамки обычного эпистолярного произведения и приобретает характер «научного» для своего времени трактата.

Судя по эрудиции нашего автора, он принадлежал к тому небольшому кружку образованных для своего времени людей, которые в основном группировались вокруг Посольского приказа и вокруг Ф. Ртищева. На «Послании», вероятно, отразились взгляды этого кружка. Владимир ставит своей задачей, во-первых, дать наставление в искусстве живописи и, во-вторых, показать преимущество «живописания» над традиционным искусством. Но, как говорит сам Иосиф, к написанию «Послания» его толкнула «внутренняя ревность» (л. 3 об.) о состоянии русского искусства, продиктованная сознанием важности последнего для национального достоинства. Именно с этих позиций он выступает против прежнего иконописания в споре с Плешковичем. Он даже подозревает Плешковича в намеренном унижении русских «от лукавого помышления» (л. 4). Его задевает то, что иностранцы «зазирают» и «смеются плохому писанию» русской живописи (л. 34). Впервые достоинства русского искусства начинают мерять иностранными образцами. Этим объясняются постановка вопроса Владимиром и его аргументация.

Когда несколько позже (в 60-х годах XVII в.) англичанин Колинс спросил, почему русская живопись так плоха (по его мнению), то услышал в ответ, что «русские не горды».²⁵ Ответ примечателен тем, что говорит о наличии характерного для средневековья сознания недопустимости личного самоутверждения в искусстве. Но пример Владимира показывает, что в искусстве начинает уже активно выходить на первый план личность художника. Это одна из причин его пренебрежительного отношения к старине. Само такое отношение было признаком назревающего раскола. Оппонент Владимира Плешкович близок по своим взглядам к старообрядцам (что отметил еще Буслаев), которые вслед за Василием Великим и Иоанном Дамаскином могли выражать опасение: «Если начнем

²⁵ С Колинс. Нынешнее состояние России, изложенное в письмах к другу. Перевод П. Киреевского. М., 1846, стр. 9.

отвергать неписанные обычаи, как имеющие небольшое значение, то незаметно повредим Евангелию в самом главном».²⁶ Смелость же Владимирова простирается до того, что он позволяет себе иронизировать над приписыванием авторства многих икон евангелисту Луке (л. 76 об.). Такое рационалистическое отношение к тому, что было предметом веры, и возможность столь открыто высказывать свои взгляды по данному вопросу, как это делает Владимиров в «Послании», свидетельствуют об очень сильных сдвигах в общественном сознании России за довольно короткий период. Нужно вспомнить, что еще совсем недавно, в конце XVI в., по словам датского посла Ульфельда, за сомнение в подлинности иконы богородицы можно было попасть на костер.²⁷

Русские сочинения об иконописании, как правило, являются, как отмечал еще Цветаев, одним из аспектов протестантской полемики.²⁸ Их основной задачей является обоснование самой возможности иконописания, а как часть этой задачи — разграничение русской и западной живописи. Владимиров впервые ставит вопрос: какова должна быть собственно русская живопись? Этот вопрос мог возникнуть лишь в процессе полемики внутри самого православия, поднятой патриархом Никоном. Отсюда большое теоретическое значение трактата Владимирова.

Потребность в теоретическом осмыслении могла появиться только тогда, когда на смену понятию иконописи как священного ремесла (в которое необходимо включалось эстетическое начало) пришло понятие иконописи как собственно искусства в современном понимании этого слова. Появление этого нового понятия было следствием определенного перелома в мировоззрении. Если раньше представление высшей причины — воли бога — делало незначительными, второстепенными реальные причинные связи между явлениями, то теперь они постепенно становятся в центре внимания человека. Отношение к божеству незаметно становится все более формальным, и это соответственно отражается в изобразительном искусстве. «Послание» Владимирова является обобщением тех изменений в эстетических представлениях, которые накапливались в искусстве уже с середины XVI в. По произведениям того времени легко видеть, как основной интерес художников сосредоточивается на созерцании игры форм, все более изысканных и изящных. Разрабатывается орнамент, особенно в изображении одежды; в композициях растет количество фигур. Совершенствование и полировка форм, созданных древнерусской традицией в более раннее время, были доведены до тончайшей виртуозности в произведениях лучших мастеров первой половины XVII в. и достигли в конце концов предела, за которым начинается переход к новому взгляду на вещи, к иному их осмыслению. Такой попыткой и является «Послание» Владимирова. Данное им обоснование новых художественных принципов лежит в основе программы ушаковской школы, которая, как известно, определила характер искусства второй половины XVII в. Эти новые принципы заключались в попытке впервые обосновать «живоподобие», т. е. обращение к натуре.

Как заметил Ю. Н. Дмитриев, Владимиров вкладывает новое содержание в старые понятия.²⁹ Но наряду с этим Владимиров впервые делает попытку создать новую терминологию, которая бы выражала новые ху-

²⁶ Иоанн Дамаскин. Полное собрание творений. СПб., 1913, стр. 359.

²⁷ Л. Рущинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. Б. г., б. м., стр. 78.

²⁸ Д. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразования. М., 1890, стр. 520.

²⁹ Ю. Н. Дмитриев. Семнадцатый век, стр. 53.

дожественные понятия. Так, он вводит термин «персонография» (л. 1 об.), который должен обозначать, по-видимому, и светскую, и церковную живопись, так как понятия «образ» и «персона», как и «икона» и «портрет», еще не различались современниками с достаточной ясностью.³⁰ Поэтому одно понятие легко подменялось другим. Владимирова также впервые обоснованно употребляет термин «живописание», перешедший в современный язык в форме слова «живопись». До Владимирова в литературе не встречается и самый термин «живоподобие», который является основным у этого автора и как нельзя лучше выражает его понимание задач искусства.

Обоснование собственных взглядов Владимирова осуществляет как путем положительной аргументации, так и путем критики взглядов своих противников. Объектом этой очень резкой критики является современное ему «неискусное» иконописание — «плошье». С чувством немалого превосходства он обрушивается на шуян, холоуян и палешан, которые пишут дешевые иконы и распространяют их в народе. Он всячески принижает эту живопись и уверяет, что встречались даже иконы, которые «не походили на человеческия образы, но на диких людей обличем подобне наморано» (л. 18 об.). Этому, однако, трудно верить, так как даже в эпоху упадка иконописания, в XIX в., лики народных икон тщательно выписывались. Несмотря на очевидную пристрастность Владимирова, его «Послание» содержит некоторые интересные данные о характере народной иконописи. Так, он указывает на ее связь с народной росписью: «есть ныне простии и неискуснии мазари, котории на обоконях и на шахмотных досках морают личин непотребных, такови ж иконы пишут» (л. 34). Ясно при этом, что близость к народному творчеству в его глазах является большим недостатком. Он сравнивает народную иконопись с гончарством (л. 32 об.). В «Послании» имеется указание, что в Холуе «плошье» «марали» женщины (л. 23, на поле справа), что говорит, очевидно, о развитии торгово-ремесленном характере иконного производства холоуян.

Только что отмеченную тенденциозность Владимирова можно объяснить не только его принадлежностью к высшим кругам общества, но и тем, что плохим письмом он считал, видимо, едва ли не всю прежнюю иконопись и старался опровергнуть самые основы традиционного искусства. Владимирова отрицательно относился и к тем старым иконам, которые имели славу чудотворных, но, по его мнению, были «плохо писаны» (лл. 21—22, 25—29). Критику художественных свойств иконописи Владимирова довольно демагогично объединяет с критикой суеверий, указывая на существование апокрифических сюжетов в иконописи. Так, он описывает композицию с изображением архангела Михаила «в черном одеянии и посхимлена, с сатаною борющаяся» (л. 73), иллюстрирующую известный апокриф богумильского происхождения. Это сообщение Владимирова само по себе весьма интересно, так как до нашего времени дошла лишь одна композиция народноапокрифического содержания, изображающая 12 трясавиц.

Очень показательна критика Владимирова старого извода «Сошествия святого духа» (л. 73 об.), служащая как бы комментарием к его собственной иконе на этот сюжет, написанной для церкви Троицы в Никит-

³⁰ Четкое различение этих понятий появляется позднее. В описи Ново-Иерусалимского монастыря за 1679 г. изображения святого царя Константина и Алексея Михайловича одинаково называются словом «образ» (Леонид, арх. Историческое описание ставропигиального воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. 1874, стр. 195). Но в описи 1685 г. при описании той же иконы говорится уже об «образе» царя Константина и «персоне» Алексея Михайловича (там же, стр. 243).

никах (Москва). С негодованием против невежества иконописцев он говорит об отсутствии в старых композициях изображения богородицы. Сам он помещает ее изображение в центре и перегруппировывает расположение апостолов так, что заполняет место, где обычно изображался старец — «Космос». По поводу «Космоса» он восклицает с иронией: «Разве старого узришь во тьме стояща посреде дому...».³¹ Наименование для «Космоса» «старый» встречается иногда на иконах, изображающих «Сшествие святого духа», XVII в. Дело в том, что к этому времени уже было забыто символическое значение фигуры, олицетворявшей вселенную, освящаемую святым духом. Владимиров своей критикой и своей живописью подтверждает утрату в русском обществе прежних представлений о символическом содержании иконописи.

Владимиров не был, конечно, кабинетным мыслителем, и в своих рассуждениях он исходит из существовавшей в его время практики. Он оставил интересное описание метода работы художника в XVII в., которое совпадает с другими свидетельствами о том, как работал древнерусский художник. По мнению Владимирова, из самого метода вытекает необходимость «живоподобия». Этот метод основан преимущественно на создании изображений по воспоминанию. Художник должен по смерти святого обстоятельно и подробно, «тонце» узнать о его внешности или «подобии» и в соответствии с этим изобразить его (л. 15 об.). Именно так описывается, например, создание изображения Александра Ошевенского.³² «Елико кто можаше видети чувственныма очима, тако и воображаем», — говорит Владимиров (л. 16). По его мнению, таким путем искусные художники достигают вполне достоверного, буквального сходства (лл. 14 об.—15 об.). С нашей современной точки зрения достоверность такого изображения простирается не дальше, чем достоверность описания толковых иконописных подлинников, ограничивавшихся, как известно, лишь самыми общими типологическими признаками определенных типов святых, причем описания внешности, имеющие самый общий характер, смешиваются с указаниями психологического характера; например, одинаково важны размеры бороды и «умильность» взора. Владимиров еще близок к средневековым представлениям об образе как об идеальном портрете «внутреннего» человека. Но одновременно он сообщает в «Послании» о своем знакомстве — правда, по слухам, — с совершенно иным, невиданным на Руси способом живописи с натуры: «Глаголют бо, таково есть то премудрое живописующих училище: егда бы ты кто ввел тамо, то многих узришь неведомых вещей сложения и драгих их шаров составления и различных персон, странна и чудна воображения. Ученицы ж тамо ов главы начертает, ин руже пишет, иному ж на таблицах лица воображающе. Над всеми же сими приходит майстр тех или изрядный учитель живописнаго художества. И овому начертанное презнаменует, и иному написанное приправляет, ко иному ж пришед, взем острие и ново написание учениче долу выскрегабает и потом лучшее воображает. И всему подробну и искусне научает» (лл. 61 об.—62).

Это первое свидетельство о знакомстве русских художников с европейским художественным методом. Точное и подробное описание, данное

³¹ В списке ГИМ, собр. Уварова, № 915 стоит «пираго», в списках ГИМ, собр. И. Е. Забелина, ф. 440, ед. хр. 560 и 1070 и ГПБ, Q.I-1101 написано «гираго» (Е. С. Овчинникова, стр. 60), что, судя по смыслу, является искажением слова «старого» при переписке.

³² Ю. Н. Дмитриев. О творчестве древнерусского художника. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 552. Приводимые Дмитриевым факты использования натуры древнерусскими художниками не ослабляют значения идеализации образа для средневекового искусства.

Владимировым, говорит о сильном впечатлении, которое производили на русских художников рассказы иностранцев об искусстве их стран. Подобный рассказ о преподавании живописи Владимиром мог слышать, например, от Ганса Детерсона, крупнейшего иностранного художника того времени в России, который несомненно вызывал большой интерес у своих московских собратьев. Детерсон и в Москве рисовал с натуры и держал в мастерской для этой цели череп, что, видимо, было известно.³³ Но «совершенного художества» можно достичь и «самоучением» (л. 75), говорит Владимир, имея в виду, очевидно, русских мастеров и их описательный метод. Он определенно ставит в один ряд современное русское описательное искусство и произведения иностранных художников и не находит принципиальной разницы между ними. «Премудрый» художник «что видит или в последствовании слышит, тако и во образех, рекше в лицах начертывает и противу слуху и видения уподобляет» (л. 70—70 об.; разрядка наша, — А. С.). Разумеется, подобное сопоставление совершенно различных художественных методов средневековья и нового времени, как якобы одинаковых, возможно лишь при еще полном незнании природы и неумении наблюдать реальные формы.

Приведенное высказывание Владимирова позволяет оценить весьма малое значение природы в творчестве древнерусского художника. По его мнению, и то и другое искусство дает одинаковое «подобие». Хотя как практик он отмечает, что «против всякого уда и гбежа свойственный вид благоумными живописцы составляется» (л. 54 об.), но не видит существенных различий художественного языка в русском и западном искусстве того времени. Вместе с тем он отдает явное предпочтение произведениям иностранных мастеров, о которых он многократно говорит с благоговением. Вот одно из наиболее характерных мест: «Аще у своеземцов или у иноземцов видаем Христов и Богородичен образ добре выдрукован или премудрым живописанием написан, ту многия любве и радости очеса наша наполняются... Мы такие благодетельныя вещи паче всех земских вещей предпочитаем, и от рук иноземных любочестно искупуем, иныя ж и за великий дар испрашаем и приемлем Христово воображение на листех и на досках, любезно целуючи» (л. 48 об.). Владимир с сочувствием пишет, что в западноевропейских государствах художники не только изображают религиозные сюжеты, но и прославляют живописью подвиги своих государей, подобно тому как это словом делает литература. Для него важно отметить, что изображения эти реалистичны: «кои каковыми обличия были и одеяния на себе носили, таковых и воображают» (л. 41 об. — 42). Замечание об «обличиях» явно направлено против условных «образных» одежд и форм древней традиции. Он отмечает назидательное значение такого западного искусства, а также то, что оно приносит славу и честь государям и землям (там же).

Между тем описательность как метод живописи, а тем более столь обобщенная, как в творчестве древнерусских мастеров, не выпускает художника за пределы условно понятых форм. Высокая степень обобщения ведет к их символическому переосмыслению. На Руси оно осуществлялось по творениям псевдо-Дионисия Ареопагита, дающего подробное толкование всех частей человеческой фигуры.³⁴ Символическое восприятие

³³ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевел с немецкого Павел Барсов. Б. г., б. м., стр. 167 (далее: *Олеарий*).

³⁴ Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. — ЧОИДР, 1898, кн. II, М., стр. 7.

изображения исключает буквализм; таким образом, переход Владимирова на позиции искусства, подражающего природе, свидетельствует об отказе от символики в его кругу. Не случайно он нигде ни разу о ней не упоминает, хотя вообще средневековые (включая и XVII век в России) очень любят всюду находить скрытые значения.

Все это является сильнейшим контрастом со взглядами, господствовавшими на Руси еще в XVI в. «А что в вашей стране деется о образех, и аз о том глаголати не хошу, како есте подались в бесовскую прелесть», — писал Иван Грозный Яну Роките.³⁵ Очень четкое различие между русской живописью и западной проводится в статье, приписываемой Максиму Греку.³⁶ Максим Грек (если он действительно автор этой статьи) знал реалистическое искусство Италии и прекрасно определил различие между западноевропейским и русским искусством того времени. Приведя притчу о кесаревом динарии, он указывает: Христос «не рече не творите образ, но воздадите подобная подобному, понеже и тогда быша образы, но не вси равни и одинацы: ови убо точию на показание века памяти ради, якоже монархов и прочих, овии же святынь ради, якоже и zde херувими славы вешает... Зри опасно и внемли о сем разумно, аще убо римских кесарей, по евангелистову речению, на цатах и на златницах и дсках писаша образы то и прочих царей... не не пщуй же образом их быти писаным... аще убо... Спаса Христа писати подобает, то достоит ли ему без чести быти и с простыми образы смешати... Тако же подобает внимати во образе пречистия его Богоматери и святых».³⁷ Максим Грек отличает, согласно святоотеческой традиции, «образ» от «подобия»: подобие выражается в действиях, например в щедрости, а образ — в свойствах. Так, «ум, слово и дух» в человеке есть образ Троицы.³⁸ Эти характеристики важны для иконописца, как отличие человека от прочих существ; отсюда новая необходимость условности в иконописи в отличие от западноевропейского искусства, не выдвигающего таких требований. Не отступали от этой точки зрения и западнорусские полемисты, чьи сочинения были широко известны в Московской Руси. Так, архидьякон Евстафий, повторяя основную мысль Максима Грека о различии образа и подобия, подчеркивает отличие «естественного» человека от «первообраза», т. е. от божества. Он ссылается на то, что если Адам, согласно Библии, был создан по образу и подобию божию, то дети Адама имели уже только его, Адама, образ и подобие, утерав в результате грехопадения образ божества. Нынешнее состояние человека — это «рабий образ», который принял Христос, говорит Евстафий. Из этого он выводит смысл иконописи в условном обозначении божества.³⁹

Другой писатель, киевлянин А. Кальнофойский, пишет, повторяя Иоанна Дамаскина: «Икона есть подобие, выражающее первообраз, однако же так, что от него в чем-либо и разнится».⁴⁰

³⁵ Ответ царя Ивана Васильевича Грозного Яну Роките. — ЧОИДР, 1878, кн. II, М., стр. 52.

³⁶ О святых иконах, им же поклоняются подобает. — В кн.: Подлинник иконописный. Изд. С. Большакова. М., 1903, стр. 16—18 (далее: Подлинник). Авторство Максима Грека этой статье приписывается А. И. Ивановым по рукописи XIX в. (А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, стр. 119). Издание С. Большакова ему, очевидно, осталось неизвестным.

³⁷ Подлинник, стр. 17.

³⁸ Там же

³⁹ Евстафий, архидьякон. Списание против люторов в двух редакциях. — РИБ, т. XIX, СПб., 1903, столб. 77.

⁴⁰ Цит. по кн.: С. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, ч. II. Киев, 1898, стр. 301.

Владимиров резко порывает с этой традицией. Стремление обосновать превосходство «живоподобия» с неумолимой логикой ведет его к пересмотру основных положений, на которые опирались прежде русские художники. Слова Библии о том, что человек создан «по образу и подобию» он использует в прямо противоположном смысле, чем упоминавшиеся выше авторы. Эти слова у Владимирова являются основой именно для изображения физического совершенства человека. Он говорит о «богодарованней красоте» святых как о красоте реальной, зримой (л. 71—71 об.); он попрекает Плешковича, в частности, тем, что того устало «человекоподобие» образа Христа (л. 50 об.). Таким образом, Владимирова «тамошние красоты» (л. 69) представляются по аналогии с физическим совершенством человека. Бог Владимирова, независимо от его желания, антропоморфен, что говорит о приближении взглядов автора к материализму.

Но требование «живоподобия» вовсе не означает у Владимирова только буквального копирования действительности. Он никак не может избежать столь важного вопроса, как идеальность образа святого. Поэтому «живоподобие», согласно Владимирова, допускает известную условность: даже если святые в этой жизни были «стары или смяглы», «скудны и умерщвлены» (л. 68 об.), изображение их должно быть не только «живоподобное», но и «благообразное». В основе этой идеализации лежат, по-видимому, традиционные формы. В этом — важная уступка прошлому.

Свои представления о благообразном «живоподобию» он кратко формулирует в требовании писать «светло и румяно, тенно и живоподобно» (л. 54 об.) и в понятии «первообразного». Разумеется, он ссылается на произведения древних живописцев в соответствии с постановлениями Стоглава, которые до Большого Московского собора 1666—1667 гг. пользовались непререкаемым авторитетом.

Однако его ссылки на Стоглав не вызывают доверия. Владимирова старается всячески показать свою преемственность по отношению к Стоглаву, но фактически отходит от его традиций. Если Стоглав считает основным для иконописца нравственный облик (который охарактеризован в его решениях очень полно), то Владимирова выдвигает в качестве самого главного «мудрость» художника, что было новшеством для того времени. «Мудрый живописец» — это идеал художника, который Владимирова и пытается обрисовать. Сам стиль «Послания» становится чрезвычайно риторическим, когда автор говорит о «мудром живописце» (например, л. 75). Если Стоглав обращается назад, к древним образам, то Владимирова обращает к Западу, он обращен вперед. К Стоглаву Владимирова обращается по обязывающей традиции, к Западу — по влечению, охватившему в то время привилегированные слои русского общества.

Совершенно по-новому звучит у Владимирова понятие «первообраза». Одним из важных положений древнерусской эстетики являлось изречение Василия Великого о том, что «честь, воздаваемая образу, переходит на первообразное». Владимирова, казалось бы, в духе этого изречения говорит о том, что следует взирать на образ, «преже живописуя в сердцы своем первообразный его лица зрак» (л. 14). Или: «И тако на иконы телесныма очима взирающе, а сердечныма на того, чье есть подобие внимающе» (л. 17 об.). Вместе с тем он энергично подчеркивает неопределимость, неизобразимость, непознаваемость божества. Бог есть дух, присутствующий всюду (л. 37). Божественное «существо», т. е. сущность, недоступно «ни ангелом, ни человеком» (л. 58 об.). Для «описания» доступно только «плотское смотрение» Христа (л. 58 об.). Точно так же и ангелов изображают лишь на основании их явления в видимых формах: «бесплотных не по естеству, но по схождению их написуем, еслико кто можаше ви-

дети чувственныма очима» (л. 16). Следовательно, согласно Владимирову получается, что общение с божеством осуществляется только через видимые формы природы. Фактически он отрицает традиционное различие сущности и явления внутри самой духовной субстанции, характерное для православия и допускающее существование особого духовного, мистического опыта. Чрезвычайная, на первый взгляд, спиритуалистичность Владимиров по существу рационалистична. Поэтому «первообраз» он понимает как соответствие реальному, исторически достоверному факту. Здесь уже не остается никакого места для символики. Очевидно, рационализм этот шел от все шире проникавших на Русь иностранцев-протестантов, которым у нас отдавали предпочтение перед католиками, как более «безопасными» для православия.

В качестве конкретного примера, поясняющего понятие первообраза в его отношении к образу, Владимиров приводит сказание о нерукотворном Спасе, который, по его мнению, неизбежно был «живоподобным» изображением. Такое изображение, по словам Владимиров, имеется в Риме (л. 58). Он имеет в виду, вероятно, изображения нерукотворного Спаса католического происхождения, которые в это время были известны на Руси и которым он, по-видимому, подражал в созданной им самим гравюре нерукотворного Спаса.⁴¹ Значение, которое Владимиров придавал «живоподобию» нерукотворного Спаса, нашло свое отражение в знаменитых «Спасах» Симона Ушакова.⁴²

Новое истолкование понятия первообраза ведет к новым представлениям о задачах живописи. Образ должен быть полностью подобен первообразу «и телесных того в особстве и доблести исполнен» (л. 56 об.). В основу искусства кладется принцип подражательности, который требует богатства и разнообразия форм, но вместе с тем заключает художника в столь строгие рамки, которых не знало древнерусское искусство до сих пор. Поскольку наши художники еще не знали понятия художественной фантазии, то «живоподобие» превращается в копию, в механическое повторение, к которому приближается изображение Спасов у Ушакова. Эти Спасы лишены всякой внутренней теплоты, похожи на мертвые гипсовые маски-слепки и по образу имеют близкие точки соприкосновения с высказываниями Владимиров об изображении внешнего подобия. И Ушаков, и Владимиров культивировали одни и те же представления о художественном образе — как о воспроизведении лишь внешних, несколько идеализированных форм.

В соответствии с новыми понятиями о живописи Владимиров иначе, чем прежние художники, судит о значении надписи на иконе. По представлениям прежней эстетики, надпись выражает первообраз в не меньшей, а, может быть, даже в большей степени, чем живопись. Без надписи не может быть иконы, так как почитание равно относится и к образу, и к имени. «И на иконах напишем Ис Христос, а не Аполлона или Дия... — указывает архидьякон Евстафий. — Такожъ и всех святых угодников имена описуем, возводим ум нашъ, ревнуючи добраго жития их...»;⁴³ «Темже мы пред образом Христовым о имени его святом поклоняемся, и яко апостол глаголетъ: „Да о имени Исусови всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних“» (2-я редакция: «А так мы пред образом Христовым к титулу Его святому глядячи, имени его Исус Хри-

⁴¹ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, т. II. М., 1910, стр. 53.

⁴² Один из них написан в 1658 г для церкви Троицы в Никитниках (находится в ГТГ, инв № 28601).

⁴³ Евстафий, архидьякон. Списание против люторов. ., стлб. 51.

стове покланяемся»).⁴⁴ Соответственно этому в самой живописи надпись органически входит в художественное целое иконы. Начертание имени как бы утверждает образ, свидетельствует о его реальности. Используя древнее выражение, можно сказать, что надписание является «образом голоса», дополняющим живопись. Но в живописи, стремящейся к реалистическому воспроизведению действительности, для надписи нет места. Владимиров знает о значении надписи, но считает это предрассудком. «Сменщики и осначи... подпись всякую икону справливают, того ради и плоше свято быти», — замечает иронически Владимиров, добавляя, что «такого веления... нигде обрящешь» (л. 55). Зато он стремится показать необходимость авторской подписи (л. 38 об.), впервые пролагая путь к утверждению авторской индивидуальности. Так постепенно живопись из символического изображения божества превращается в отражение человеческого восприятия мира.

Древнерусские полемисты использовали «имяславие» в борьбе против протестантских обвинений в идолопоклонстве. Протестанты указывали на неизобразимость божества и на то, что нельзя проводить знак равенства между земным и небесным. Вместе с тем они говорили, что изображения Христа возможны, но лишь «на память», т. е. как историческая живопись.⁴⁵

Таким образом, когда Владимиров обосновывает «живоподобие» ссылками на известный ему опыт западного искусства, отвергая условные формы русского искусства, он использует те же аргументы, которыми ранее протестанты пытались показать идолопоклонство русских. Владимиров этого не замечает, видимо, потому, что его собственные взгляды на живопись приближаются к протестантским.⁴⁶ Как и протестанты, Владимиров подходит к иконописи с точки зрения исторической живописи: «Не знаменити бо ради и чудес подобныя персони святых или прочих человек писати обыкоша любомудрии, но истиннаго ради образа и вечного их возпоминания» (л. 25 об.). Известный историзм вообще присущ византийскому и древнерусскому искусству, но ранее это была лишь одна из сторон иконописи, которая теперь становится преобладающей. С точкой зрения иноземцев Владимиров знаком скорее всего лично. Он знает, что они не отрицают иконописи как исторической живописи: «не иконы святообразныя хулят, ниже образом святых ругаются, но смеются плохописанию и неразсмотрению истинны» (л. 34). Очевидно, что речь идет именно о протестантах, так как доказывать, что католики почитают иконы, не было необходимости.

Смелость и необычность взглядов Владимирова становятся особенно ясными, если вспомнить, что его «Послание» написано всего лишь через 12—14 лет после прений о вере с датским королевичем Вальдемаром в Москве, когда русская сторона отстаивала традиционные православные взгляды по всем пунктам, в том числе и по вопросу живописи.

⁴⁴ Там же, стлб. 79—80. О значении надписи в древнерусской живописи см.: П. А. Флоренский. Иконостас. — Богословские труды, сб. 9. М., 1972, стр. 100, 111.

⁴⁵ См.: Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные А. Голубцовым. — ЧОИДР, 1892, кн. II, М., стр. 44 (письмо королевича Вальдемара патриарху Иосифу, гл. 8: «...образом честь воздавать подобает... также подобает Христовы образы поставляти в чистых местах и взирати по времени, по изволению, с умилением, что написаны на память, и о чем написаны... только молитися им не велено»).

⁴⁶ Такие взгляды, видимо, были довольно распространены в привилегированных кругах, и Владимиров не был исключением. Так, Олеарий рассказывает об одном русском купце, «истинном христианине», как он выражается, который судил об иконах по аналогии с портретом шведского короля Густава. В этой же связи Олеарий упоминает и о других «знатных людях» (Олеарий, стр. 335—336).

Проведение знака равенства между традиционно русским описательным и западноевропейским подражательным (говоря условно) изобразительными методами подготавливало на самом деле замену первого вторым. Старая эстетика прекрасно понимала противоположность этих методов в отношении к натуре и фактически запрещала рисовать с натуры: «Не подобает ему (т. е. иконописцу, — А. С.) кроме святых икон воображения ничтоже начертавати, рекше воображати, еже есть на глумление человеком, ни зверска образа, ни змиева, ниже ино что от плещущих, или рода гмышевеска...».⁴⁷ Запрещалось также приобретать иконы «от неверных иностранных римлян и германов», даже если «зело иконное воображение есть по подобию и хитро».⁴⁸ Теперь же проникновение западных влияний ощущалось всеми. «Живоподобные» произведения вызывали насмешки у сторонников старины. Интересно, что Плешкович, как и позднее протопоп Аввакум, сравнивает «живоподобный» образ Христа с «немчином» (л. 46 об.). Это сравнение было, видимо, распространенным, настолько явны были особенности вновь появившегося «живоподобия».

Однако новшества, которые воспринимались как «внешняя мудрость», казались оскорбительными для многих и вызывали не только иронию, но и стремление обосновать свои взгляды ссылками на богословские авторитеты. Владимиров полемизирует с одним из важнейших положений своих противников, ссылавшихся, как это следует из его пересказа (л. 77), на правило 100-е Пятого-Шестого собора. Правило гласит: «...отцы повелеша... да не пишутся образы, иже на срамные дела подвизают глядающих на ня, и растлевают им ум...».⁴⁹ В несколько ином пересказе это правило вошло в толковый подлинник.⁵⁰ Сформулированное на заре средневековья, оно определило нравственно-воспитательное значение средневекового искусства. Возражая на применение этого правила к живописанию, Владимиров апеллирует к нормам христианской этики: «Како не боишися лукаво позирати на образы святых и прелесть помышляти в сердцы? Сии иконное благообразие, истинному бо и благочестивому христианину, егда и на самых блудницъ взирав, прельщатися не подобает, а не еже на иконы — святых зря разжизатися» (л. 77 об.). Таким образом, Владимиров существенно изменяет самый характер отношений между иконой и зрителем: если раньше икона рассматривалась как идеальный образ, предназначенный для несовершенного человека, то у Владимирова живопись уже предназначена для «благочестивых», и этим фактически со зрителя снимаются требования, предъявлявшиеся прежней живописью. Новый живописный строй способствует тому, чтобы зритель ощущал себя во всех отношениях наравне с евангельскими персонажами, в то время как раньше подчеркивалось огромное расстояние между ними.

В отношении собственно живописи новые представления Владимирова, основанные на традиционных формах, заключаются в требованиях писать «светло и румяно, тенно и живоподобно» (л. 54 об.; ср. л. 66), причем речь здесь идет и о цвете, и о передаче объема в изображении. Сопо-

⁴⁷ Подлинник, стр. 22.

⁴⁸ Там же. Ср. свидетельство Олеария: «Русские не уважают и не почитают образов, писанных не русским или не греком и кем-либо из других народов, хотя бы иконы эти были сделаны изящно и искусно» (Олеарий, стр. 331).

⁴⁹ Кормчая. М., 1885, л. 207.

⁵⁰ «Сторичное 6-го собора правило зографию, рекше живописания безчестна, яже зрящих, к безместным поощревают слаstem на стенах начертавати отричет всячески, понеже чувства удобне невнемлют яже теми зрямая, якоже и слышмая в душу впускают и вреают, сего убо ради, и очи твои праве да зрят премудрость рече, и всяким хранением соблюдай свое сердце» (Подлинник, стр. 2).

ставляя парные противоположные понятия, Владимиров впервые в России выдвигает формально-художественные требования к живописи.

Владимирову лики старых икон кажутся «очадельми», темными, так как он уже иначе видит цвет, чем прежние мастера. Дело здесь не в упадке искусства во времена Владимирова, ибо темные лики встречаются и в классических произведениях XV в. О тонком различии цвета для изображения «личного» свидетельствуют не только сами произведения, но и более поздние наставления, содержащиеся, в частности, в «Ерминии» Дионисия из Фурны, где различается, например, употребление просто черной краски и тонко-черной или говорится об отличии цвета тела от цвета фона.⁵¹ Цвет выражал телесность и должен был быть более или менее темным по смысловому и художественному контрасту с нематериальным, обычно светлым фоном — «светом». Но Владимиров уже не видит художественной цельности старых произведений: при «живоподобии» фигура отделяется от фона, цвет ее сопоставляется сам с собой, что ведет к появлению ощущения локального цвета и светотени. Об этом свидетельствуют требования Владимирова. Выдвинутые им понятия «румяного» и «белого» (л. 66) являются совершенно новыми для русского искусства эстетическими категориями, совпадающими с народными представлениями о красоте, которые господствовали в древней Руси и сохранялись в народных представлениях более позднего времени. В этих представлениях понятие красоты было неотделимо от «румянности» и «белости». Идеал, выражаемый этими понятиями, имел национальное происхождение, и его появление в живописи, видимо, можно связать с процессом «обмирщения» искусства.

Вместе с тем «румянность» и «белость» являются у Владимирова техническими терминами живописи, выражающими новые, локальные цветовые отношения.

Неразрывно связано с этими понятиями и понятие светотени, которое имеет в виду Владимиров, когда говорит о «светлости» и «тенности». Смысл светотени по существу противоположен смыслу высветлений и пробелов в старой живописи. Главным в изображении становится конкретная, индивидуальная форма, выявляемая светотенью, неразрывно с ней связанной, в то время как в предшествующие эпохи свет, выражаемый пробелами, являлся, как и форма, вполне самостоятельной данностью.

На вопросе о свете Владимиров останавливается более подробно. Постановка Владимировым этого важнейшего вопроса древнерусской живописи такова, что свидетельствует о новых взглядах на природу света в изобразительном искусстве. Владимиров говорит лишь о «плотском световыявлении», т. е. обращается к понятию светотени. Символом святости является лишь количественное, по существу, увеличение света — «паче солнца». Таким образом, Владимиров представляет божественный свет тварным и этим неожиданно как бы возрождает знаменитые споры о фаворском свете XIV в., находясь при этом на стороне Варлаама. Хотя на Руси мало знали об исихастских спорах, вопрос о природе божественного света имел большое значение для живописи. Наиболее существенные черты учения о нетварном свете были прекрасно известны из произведений византийской гимнографии, в частности из стихир и канонов Преображения и некоторых других служб. Это в основном те же идеи, которые получили догматическое оформление на соборе 1351 г. Поскольку сам Владимиров цитирует в необходимых для него случаях церковные песнопения,

⁵¹ Ерминия, или Наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурнаграфитом, 1701—1733 гг. Издал Порфирий, епископ Чигиринский Киев, 1868, стр 35

последние, очевидно, могли влиять на сложение особенностей древнерусской живописи.

В службе Преображения встречаются следующие определения фаворского света: «воскресения светлость», «истинное отческого существа сияние», «божества малая заря», «свет неприступный», «огнь невестествен», «неизреченный» (свет), «свет Отца и Духа», (свет) «солнце светле». В службе в неделю Православия говорится об «умном свете». Встречается характерное выражение «свет немерцающий». Эти разнообразные определения обстоятельно раскрываются как явление «началообразный доброты благолепия, и то не все совершенно: ... но яко можаху вмещати телесныма очима стерпяще», как зрение «невидимого зрака» и т. д. Понятие света соединяется с понятием «благодати», которая «световидна» (неделя Православия). Возможность созерцания этого света раскрывает Иоанн Дамаскин в каноне Преображению в таком образе: «Яко каменным телом покрыв ся, видением невидимаго зря Моисей боговидец».⁵² Приведенные определения света противопоставляются понятию «очерневшего естества» Адама, т. е. реальной данности. Исхождение света от Христа определяется как «светолитие» — термин, который может хорошо выразить художественную природу пробелов.

Все эти разнообразные характеристики, дающие возможность разнообразных цветовых символических решений, не интересуют Владимирова, поскольку они уже не укладываются в его художественную систему. Как мы видим, он ищет красоту именно в том, что считалось «очерневшим естеством». Эти взгляды Владимирова обогнали эпоху по крайней мере на полстолетия. Связь с художественными традициями старины приобретает у него лишь формальный характер. Но значение канона еще было столь велико, что в своем непосредственном художественном творчестве он гораздо менее радикален, чем в теории. Произведение Владимирова «Сошествие святого духа» показывает, что на практике новшества касались в основном изменения иконографических деталей, достижения натуралистических цветовых эффектов (в изображении сияния святого духа) и очень скромных попыток передачи реального пространства. Икона имеет и надпись, но она дана почти незаметно, где-то в углу. Кажется, что художник стеснялся показать ее. О связи с традициями свидетельствует также и упоминание в трактате изображений по принципу «продолженного действия» (см. описание мученических образов на л. 67 об.). Основные достижения «живоподобия» в духе требований Владимирова относятся уже к творчеству мастеров конца XVII в., прошедших ушаковскую школу.

Увлечение «живоподобием» было так велико и принимало подчас столь крайние формы, что против него выступали не только консервативные, но и вполне ортодоксальные круги. Очень интересную картину споров о живописи в московских кругах рисует Симеон Полоцкий. В «Беседе о почитании икон святых» он пишет: «... на некоей беседе мужие неции благочестия слово знающии и поборници того являющиися, не вем коим духом возбуждени, начаша о чести святых икон разглагольствовати и то утвердительно повествовати, яко точию тыя токмо образы подобает почитати, иже совершенно живоподобни суть первообразным. Не имущия же живоподобия совершеннаго, отметати. Именно же слово их течаше о образех Христа господа и Спаса нашего, глаголаша бо, яко аще кий образ Христов несть таков изображениемъ, каков Христос господь плотию бяше, не почитаем того.

⁵² Цитируется по дониконовскому тексту. В исправленных Никоном книгах вместо «видением» стоит «обожением», что существенно меняет смысл.

Аз сицевая слышав от толиких муж, удивихся, сожалихоси и противу став рех, яко аз всякий образ Христа бога нашего аще живописаный, аще не живописаный, точию по чину церковному изображенный, и паче аще есть имеяй подписание имене Христова, почитаю и лобзаю. Вем бо яко между многими тысящами образов Спасовых негли едва един живому лицу Христову обрящется подобен. То убо един бы точию той образ почитати подобало, прочыя же вся пометати. Что есть дело еретическо. Паче же явственно есть яко вси образы Спасови не суть ему совершенно подобни, или качеством, или количеством, или самем начертанием. То бы вся образы подобало пометати. Сие же есть иконоборство. Довлеетже ко почитанию святых икон то, аще по чину изобразуют человечество Христово, и его божественная действа, с подписанием чинным, а несть нужда конечная живоподобия. Хвалю, блажю живоподобие, аще кому то возможно сотворити. Но кто виде живаго Христа господа, каков бяше; или поне кто согладаше его нерукотворенный образ, от него же могл бы списати праведно подобие Христово. И коль мнози суть художници, искусство имущии живописания; тем же доволно есть нам во образех святых усмотряти, да будут по чину церковному писани. Аще и не суть по изяществу совершенному художества живописцев начертани. За сицев ответ многую досаду словесы укорительными понесох. Что им да простит господь, а о святых иконах лучше мудрствовати да наставит».⁵³

Из приведенного текста видно, что спор Симеона Полоцкого с его противниками об иконописи касался как раз тех пунктов, на которых останавливался и Иосиф Владимиров. Полоцкий собственно нисколько не протестует против «живоподобия» как такового. Оно импонирует его вкусу, но, как осторожный и проницательный деятель, он легко вскрывает иконоборческую природу крайних аргументов своих противников. Поэтому, возражая против «живоподобия», он исходит из чисто практических соображений: во-первых, надо соблюдать «чин»; во-вторых, слишком мало искусных художников. Правда, ранее Полоцкий указывает на «метафоричность» священных изображений,⁵⁴ но его мысль не проникает в глубь этих «метафор», и он не понимает их значения для формы. В целом в приведенных взглядах самого Полоцкого чувствуется известная неуверенность. Интересно, что он показывает своих противников образованными людьми. Они принадлежат, как и Владимиров, к верхним слоям общества.

О новой живописи с осуждением высказывался и патриарх Иоаким,⁵⁵ также исходящий из практических церковных потребностей. Однако «живоподобие» продолжало существовать. Защитники традиционного искусства не сумели выдвинуть глубоких теоретических аргументов в защиту этого искусства, а запреты, разумеется, помочь не могли. Влияние Запада поставило перед русским сознанием новые вопросы в области искусства, ответы на которые не были подготовлены в предшествующее время. Вследствие совершившегося фактического отрыва художественной практики от средневековых форм мышления, обусловленных аскетической моралью, усилились западные влияния, некритически воспринятые обществом. Поэтому Владимиров и его единомышленники создавали первую на Руси теорию искусства, по существу не имея предшественников. Они были связаны, однако, наличием определенной художественной традиции, с которой необходимо было считаться. Они, конечно, не посмели поднять руку на традиционные «благообразные» формы и этим засвидетельство-

⁵³ Симеон Полоцкий, л. 91—91 об.

⁵⁴ Там же, л. 89 об.

⁵⁵ Грамота патриарха Иоакима. — ААЭ, т. 4, стр. 220.

вали свою принадлежность к древнерусской культуре. Трактат Владимира явился попыткой теоретического осмысления форм древнерусского искусства, но западный, в конечном смысле, источник его мысли обусловил выдвинутые им оценки. Сочинение Владимира является попыткой преодолеть интерпретирующий характер древнерусского искусства и поставить новые художественные задачи. Владимир провозглашает весьма значительный разрыв с символично-истолковательным содержанием древнерусского искусства при незначительном еще отходе от сложившихся форм. Он и его современники еще слишком чужды психологизму западноевропейского искусства. Это подчеркивает половинчатый характер сочинения Владимира, лишь подготавливавший безоговорочное принятие западноевропейских форм искусства в XVIII в. Несомненно, «Послание» имело большое значение для художников второй половины XVII в., пробуждая в них стремление к «подобию» как цели искусства и утверждая мысль о самоценности творчества. Усилия Владимира обосновать исключительное значение внешней формы были новой попыткой ее канонизации при значительном ослаблении значения традиционного содержания в искусстве. Внутренне глубоко противоречивый характер теории «живоподобия» не мог удовлетворить потребности искусства, и поэтому «живоподобный» стиль скоро был отброшен в ходе коренных преобразований XVIII в., не оказав никакого влияния на дальнейшее развитие русского искусства. Лишь некоторые достижения «живоподобия» перешли, как ни странно, в искусство тех, кто горячо боролся с ними вначале — к старообрядцам. Таковы одутловатость ликов и элементы пейзажа в старообрядческой живописи. Был полностью забыт и трактат Владимира. Таким образом, то, что современники воспринимали как едва ли не революционные преобразования в искусстве, на фоне общего исторического развития оказалось всего лишь компромиссом. Но дух компромисса неприемлем для истории.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II

В 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» начали по частям выходить «Записки касательно российской истории». Автор этого сочинения в журнале не обозначен, но было известно, что «российскими древностями» занимается императрица Екатерина II. В письмах к иностранным корреспондентам она охотно сообщала о своем увлечении.

В 1787 г. «Записки касательно российской истории» вышли отдельным изданием (в 6 частях), и почти одновременно императрица написала три драматических сочинения на сюжеты по древней русской истории: «Подражания Шакеспиру. Историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил из жизни Рюрика» (СПб., 1786); «Начальное управление Олега. Подражание Шакеспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил» (СПб., 1787); «Игорь. Историческое представление без обыкновенных феатральных правил». Драма об Игоре была не закончена и датируется 1786 г. на основании сведений, сообщенных в дневнике А. В. Храповицкого.

Совершенно очевидно, что к драматургии на сюжеты из русской истории Екатерина II подошла в результате ознакомления с древнерусскими литературными и историческими памятниками, собранными в ее библиотеке. По подсчету В. С. Иконникова, у Екатерины II было около 150 летописцев.¹ В настоящее время в Эрмитажном собрании ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, являющемся остатком екатерининской библиотеки, их сохранилось немногим менее 50.²

Какие же памятники древнерусской литературы использовала Екатерина II для воссоздания событий IX в.? Как охарактеризовала она исторических деятелей этого времени? Что привлекало ее к изображению именно этого периода русской истории?

В предисловии к «Запискам касательно российской истории» Екатерина II намечает периодизацию исторического процесса, выделяя «пять эпох».

«Первая эпоха до великого князя Рюрика, или 862 года» — она разделяется ею на «три времени»: «Первое: . . . от сотворения мира до потопа. Второе время то после потопа. . . Третье время то, о котором из-

¹ В. С. Иконников. Императрица Екатерина II как историк. — Русский архив, т. 7, М., 1911, стр. 307.

² Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание составил Д. Н. Альшиц. М., 1968, стр. 5—36.

вестия до нас дошли, но в святом писании не находятся». Здесь «известия баснословные, но смешанные со истиною».³

Все три «исторических представления» Екатерины «из жизни» Рюрика, Олега и Игоря отображают, следовательно, по ее терминологии, «третье время» «первой эпохи». Екатерина, основываясь на «Новгородском летописце», сообщает в «Записках» о князе Славяне, который с братом Скифом переселился со своим племенем с Черного моря на Север. Потомком Славяна был князь Гостомысл, владевший славянами, русью и чудью. Воинственные варяги наложили «дань тяжкую» на эти племена, но Гостомысл «варяг изгнал и при море град во имя старшего своего сына Выбора построил, учинил мир с варягами, и бысть тишина в той земле». Далее Екатерина II характеризует Гостомысла: «Был муж храбрый, мудрый, соседями почитаемы. . . многие же князи от далеких стран приходили морем и землю послушати мудрости и видети суд его, и просити совета и учения его, яко тем прославися повсюду.

Гостомысл имел четыре сына и три дочери. Сыновья померли прежде отца; большая дочь была за Изборским, от которой Ольга княгиня; средняя дочь его, Умила, была в замужестве за финским королем отродия варяжского; от сего супружества родился Рюрик с братьями.

Гостомысл оставил завещание своим подданным, чтоб по смерти его призван был владеть в Новгород внук его, сын средней дочери, — Рюрик, князь варяжский, со братьями Синеусом и Трувором».⁴ «Новгородцы приняли Гостомыслов здравый совет. . . послы, пришед к варягам, говорили князьям между прочим сии достопамятные слова: „Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет; приндите владеть нами“.

Рюрик со братьями, услыша о несогласии, своеволии, прихоти и беспорядке новгородцев, с трудом согласились на просьбу их. Наконец, склонились на предложение послов. Князь Рюрик со братиею и своими домами собравшись, взяли с собою великое число своего народа, пришли из Варяг к рубежам (границам) русским в 861 году».⁵

Далее Екатерина II сообщает о правлении Рюрика, об отправлении варяжских князей в города Полоцк и Смоленск и «пасынка» Рюрика — Оскольда в Киев, о беспокойстве, начатом «от зависти новгородцев против варяг. Начальник оных был муж храбрый, именем Вадим, князь славянский. . . Но великий князь Рюрик вскоре усмирил те беспокойствия и начинщиков наказал».⁶

Эти известия, приведенные Екатериною II в «Записках касательно российской истории», являются основой сюжетообразования «исторического представления из жизни Рюрика». Следует при этом сказать, что в драматическом произведении появляются имена действующих лиц, которые только вскользь упоминаются в «Записках»: «посадники новгородские», возглавившие посольство к Рюрику, — Добрынин, Триян, Рулав, Людбрат, а также король финский, отец Рюрика, Синеуса и Трувора, Едвинда, княжна урманская, супруга Рюрика и др.

«Историческое представление из жизни Рюрика» открывается речью умирающего Гостомысла, обращенной к старейшинам «славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович»: «Я вижу между вами несогласие, всяк из вас по своей мысли и прихоти правит и судит. . . сами собою править

³ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. 8. СПб., 1901, стр. 8—9.

⁴ Там же, т. 8, стр. 11.

⁵ Там же, стр. 24—25.

⁶ Там же, стр. 26—27.

не можете: и для того по кончине моей надобно вам князя, которой бы над вами владел. Таковые три брата князи честного происхождения обретаются в варягах, кои разумом и храбростию славны; они внуки мои родные, дети средней дочери моей Умилы, супруги финского короля».⁷

Завязка «исторического представления» начинается сразу же после монолога Гостомысла. Вадим, сын его младшей дочери, поражен приказанием Гостомысла. Он рассуждает о том, что, будучи славянским князем, имеет также право на наследование престолом. Но Добрынин, новгородский посадник, сразу же высказывает свое политическое кредо, преследуя цель пресечь намерения Вадима: «Народы, приобъехши повиноваться государю, деду твоему, не поважены иметь тут прение, где следует исполнять его волю; кто из нас не умеет повиноваться, тот не способен другими повелевать».⁸

Мы не должны удивляться, встретив подобное же рассуждение в «Наказе» Екатерины II. Политические реминисценции можно встретить и в «историческом представлении из жизни Рюрика», и в драме об Олеге и Игоре.

Действие II «исторического представления из жизни Рюрика» происходит в «стране Варягорусс» — так Екатерина II обозначила королевство Людбрата, куда прибывает славянское посольство просить на княжение в Новгород Рюрика с братьями. Следует речь Трияна: «Милостивейший король Финляндский и Упландский! мы, избранные послы от славян, русов, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, предстали пред тобою, быв посланы к вам во исполнение последней воли премудрого нашего князя Гостомысла; с ним род князей славянских пресекася. . . земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет, придите владети нами, установите согласие, правосудие; избавьте великий Новгород от разорения».⁹

Людбрат обращается к Рюрику с вопросом, согласен ли он принять предложение славяно-русских послов. Тот отвечает: «Я привычен следовать и повиноваться воле моего родителя, оборонять Отечество, употреблять оружие для общей пользы».¹⁰

После длительных переговоров с послами (этому посвящено явление 4 действия III) Рюрик с братьями, шурином Олегом, пасынком Оскольдом, варяжскими князьями и войском отправляется в Старую Ладогу и здесь узнает о «беспокойствах в народе», возбуждаемых князем Вадимом. Рюрик посылает в Новгород Олега.

В действии открывается сообщением Олега о том, что в Новгороде, узнав о возможном прибытии варягов, «славяне оттого стали колебаться; Рагуил (посадник, — Г. М.), приметя то, посылал их уговаривать то ласкою, то угрозами, чтоб разошлись по домам в послушании по-прежнему; многие из них ушли из города, иные переловлены, в том числе сам князь Вадим».¹¹ Приводят пленного Вадима, и Рюрик прощает его «горячность», он бросает на землю меч и обращается с речью: «Но пусть Рюрик в сей день окажется, каков есть. . . и в винном вижу я лишь человека. Теперь судите сами, отдам ли я на осуждение брата моего двоюродного, князя Вадима. Бодрость духа его, предпримчивость, неустрашимость и прочия из того истекающие качества могут быть полезны государству вперед. . . Освободите его из-под стражи и пошлите о сем сказать в Новгород, куда я сам сей час поеду». Вадим, становясь на колени, восклицает: «О, госу-

⁷ Там же, т. 2, СПб., 1901, стр. 221.

⁸ Там же, стр. 224.

⁹ Там же, стр. 233.

¹⁰ Там же, стр. 237.

¹¹ Там же, стр. 247.

дарь! ты к победам рожден, ты милосердием врагов всех победиши, ты дерзость тем же обуздаешь... Я верный твой подданный вечно».¹²

«Начальному управлению Олега» предпослано «Предупреждение», в котором автор сообщает, что «в сем историческом представлении более есть исторической истины, нежели выдумки; ибо история повествует, что „при конце жизни великого князя Рюрика, когда был вельми болен и начал изнемогати, видев сына своего во младых летах, отдал княжение и сына своему шурина Олегу князю урманскому“».¹³

Ссылаясь на «Записки касательно российской истории» как на самый авторитетный источник, автор «Начального управления Олега» кратко сообщает содержание «исторического представления», в котором, «согласно с историею», Олег, победив греков и заключив с ними почетный мир, укреплает на ипподроме в Царьграде «щит Игорев».

В «Начальном управлении Олега» рассказывается об основании Москвы, об устранении Олегом с киевского престола Оскольда (по просьбе киевлян). При этом сообщается, что Оскольда не убивают, как это известно из «Повести временных лет», а он сам уходит из Киева с уграми.

В действии III показана свадьба изборской княжны Прекрасы (будущей княгини Ольги) с Игорем. В «историческое представление» включены русские народные песни и обрядовые свадебные песни и причитания. При этом автора не смущает то обстоятельство, что описание свадебного обряда относится к XVII в., а в драме обрисовываются события 903 г.

В действие V включены отрывки из од Ломоносова, исполняемые хором, а также сцены из трагедии Еврипида «Альцеста», которые смотрит в Царьграде князь Олег вместе с греческим императором Леоном и его супругой Зоей.

Налет политических рекомендаций автора «исторических представлений» из жизни Рюрика и Олега не снимает вопроса, из какого источника почерпнула Екатерина II сведения о происхождении Гостомысла, Рюрика, Вадима, подробности о жизни Оскольда. В изданных к этому времени летописях Кенигсбергской (СПб., 1767) и Никоновской (СПб., 1768) этих известий не имеется.

Но если мы учтем, что в 1768 г. в «Истории российской» В. Н. Татищевым был издан отрывок из Иоакимовской летописи, то ответ на многие из поставленных вопросов будет найден. В первой редакции «Истории российской», как это видно из новейшего исследования и издания.¹⁴ В. Н. Татищев опирался в основном на летопись Нестора. Во вторую редакцию он ввел отрывок из Иоакимовской летописи. И как раз эта вторая редакция «Истории российской» была издана Г. Ф. Миллером в 1768 г. Кроме печатного издания, в распоряжении Екатерины II были рукописи В. Н. Татищева.¹⁵

В Иоакимовской летописи сообщено, что «Гостомысл приа власть... град во имя старейшаго сына своего Выбора при мори построи, учини с варяги мир, и бысть тишина по всей земли. Сей Гостомысл бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем его любим, расправы ради и правосудиа... Многи же князи от далеких стран прихождаху морем и землю послушати мудрости, и видети суд его, и просити совета и учения его, яко тем прославися всюду».¹⁶

¹² Там же, стр. 250—251.

¹³ Там же, стр. 261.

¹⁴ См.: С. Н. В а л к. О рукописях первой редакции второй части «Истории российской» В. Н. Татищева. — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. IV. М.—Л., 1964, стр. 5—26.

¹⁵ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, стр. 101—102.

¹⁶ В. Н. Татищев. История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 109—110.

Из Иоакимовской летописи Екатериной II почерпнуты сведения и о потомках Гостомысла: «... имел четыре сына и три дочери. Сынове его сообщены некоторые подробности о кончине Гостомысла и о созыве им сына, а дочери выданы быша соседним князем в жены».¹⁷ В этой летописи сообщены некоторые подробности о кончине Гостомысла и о созыве им старейшин «земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и драгович... и посла избраннейшия в варяги просити князя».¹⁸

Из Иоакимовской летописи попали и в «Записки касательно российской истории», и в «исторические представления» из жизни Рюрика и Олега имена матери Рюрика — королевы Умилы и его жены — Ефанды, дочери князя урманского, сведения о пасынке Оскольде и шурине Олеге.

В драматургических сочинениях Екатерины II смягчены характеристики князей: расправа с восставшими новгородцами и их предводителем Вадимом показана как мирное умиротворение «беспорядков». Вадим остается жить и едет в Киев с пасынком Рюрика Оскольдом. Оскольда также не убивают по приказу Олега (как сообщено в «Повести временных лет»), а устраняют с княжеского престола по наговору киевлян.

Тесная зависимость «исторического представления» из жизни Рюрика от летописи Иоакима, помещенной в «Истории российской», с полным основанием дала возможность историку И. Н. Болтину написать в примечаниях ко второму изданию этой драмы о том, что автор ее (И. Н. Болтин не упоминает имени Екатерины II) передает факты, которые запечатлены в древнерусских исторических сочинениях: «Соображал я читаемое мною с летописями и сочинениями, мне известными, и нашел, что основа сего сочинения не из выдумок или сплетений баснословных составлена, но из бытий истинных и верных, что лица, на сцену выводимые, не суть подставные, но особы действительно некогда существовавшие и по истории нашей известные».¹⁹

И. Н. Болтин признает право писателя на вымысел, сообразующийся с исторической достоверностью. В качестве удачного примера он приводит имена новгородских посадников в «историческом представлении» из жизни Рюрика: «Добрынин, Триан и Рулав — посадники новгородские... сих имен ни в Иоакиме, ни в Несторе нет, но ежели они и вымышленные, то выдуманы прилично, ибо по именам их судить можно, кто из них был Славянин и кто Русс».²⁰

Право на вымысел в литературном произведении было узаконено еще в «Поэтике» Аристотеля, строго отделявшего его от исторического сочинения: «Задача поэта — говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости. Историк и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой — прозой. Ведь сочинения Геродота можно было бы переложить в стихи, и все-таки это была бы такая же история в метрах, как и без метров. Разница в том, что один рассказывает о происшедшем, другой о том, что могло бы произойти».²¹

Этот теоретический вывод по существу оставался основным законом литературного творчества. Его разделяли и западноевропейские авторы

¹⁷ Там же, стр. 110.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил из жизни Рюрика. Вновь изданное с примечаниями ген.-майора И. Болтина. СПб., 1792, стр. I.

²⁰ Там же, стр. IV.

²¹ Аристотель. Поэтика. Перевод, введение и примечания Н. И. Новосадского. «Academia», Л., 1927, стр. 51.

поэтик, и их русские коллеги XVII в. В близкой к Аристотелю формулировке передает этот тезис Феофан Прокопович: «Поэт описывает деяния определенных лиц, что делает и историк: но историк излагает, как они были совершены, поэт же — как должны были совершиться».²²

Ломоносов первый ввел в «Риторике» 1748 г. новое теоретическое понятие «смешанного вымысла». Характеризуя его отличие от «чистого вымысла», он писал: «Смешанные вымыслы, которые состоят отчасти из правдивых, отчасти из вымышленных действий, содержащих в себе похвалу славных мужей или какие знатные, в свете бывающие приключения, с которыми соединено бывает нравоучение».²³

Екатерина II в драматургических сочинениях на сюжеты из древней русской истории следовала, как мы видим, теоретическим выводам Ломоносова, изложенным в его «Риторике» 1748 г. Может быть, об этой книге она напоминала своему секретарю А. В. Козицкому как раз в 1786 г., когда была закончена работа над «историческим представлением» из жизни Рюрика: «Возьмите с собой, что у меня на столе лежит: переводы с старинных авторов, также Ломоносова, русские песни и лексикон двухсотязычный».²⁴

По-видимому, с этим новым, отличным от ортодоксального, представлением о характере драматического произведения, в котором отображаются не только вымышленные, но и достоверные обстоятельства, и связан заголовок исторических драм Екатерины II: «Историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил...» (разрядка наша, — Г. М.). Екатерина II опиралась на известия Иоакимовской летописи, сделанные достоянием науки В. Н. Татищевым — историком, труды которого она уважала, и ей представлялось, что она нарушает существовавшую устоявшуюся традицию, вводя в число действующих лиц театральной пьесы исторических лиц. Творческий опыт Шекспира, обработавшего в своих трагедиях исторические сюжеты, почерпнутые из древних хроник, служил Екатерине II в известной степени образцом, и естественно поэтому, что обе свои пьесы «из жизни» исторических деятелей Рюрика и Олега она назвала «подражаниями Шакеспиру».

Обращаясь к «баснословным» временам русской истории, Екатерина II была более свободна в комбинации разнородных материалов для придания хотя бы минимальной сценичности «историческому представлению», «вытянутому» по плоскости хронологической последовательности исторических событий, взаимосвязь которых в силу краткости летописных сообщений остается неясной. Это отсутствие прочного фундамента фактов в описании событий IX в. ясно ощущается в «Записках касательно российской истории». В театральном представлении эти «лакуны» должны были заполняться посредством различных сценических эффектов, живописных декораций, ярких и роскошных княжеских костюмов, хоров, музыки. Очевидно, что если бы Екатерина II решилась написать «историческое представление» о событиях, более близких к XVIII в., о которых известно значительно больше исторических фактов, она должна была бы искать новые формы сценической разработки исторического сюжета. В этом отношении у русской литературы XVIII в. был накоплен некоторый опыт: трагедия Ломоносова «Тамира и Селим» была основана на тщательном изучении

²² Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 346.

²³ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., 1952, стр. 222—223.

²⁴ Собственноручные письма и записки императрицы Екатерины II к А. В. Храповицкому. 1783—1793. — Русский архив, т. XI, М., 1872, столб. 2067.

памятников куликовского цикла; через изучение литературных произведений Смутного времени подошел Сумароков к воспроизведению образа Расстриги в трагедии 1774 г. «Димитрий Самозванец».

Исследование исторических сочинений Екатерины II, таких как «Житие великого князя Александра Ярославича без чудес», «Записки касательно российской истории», относящиеся к описанию событий, предшествующих Куликовской битве 1380 г. («Записки» заканчиваются этим годом), показывает ее как историка, тщательно собирающего факты. Сопоставление подготовительных материалов, источников и окончательной редакции «Записок», анализ системы примечаний и комментирования исторического текста позволяют подойти к решению вопроса, на своевременность постановки которого указал С. Л. Пештич, — «о взаимовлиянии исторических знаний на литературу и литературы на исторические знания» в России XVIII в.²⁵

---

²⁵ С. Л. Пештич. Русская литература XVIII века, ч. II. Л., 1965, стр. 45.

В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ

Достоевский и поэтический мир древней Руси

(Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых»)*

Тема, как она обозначена в названии моей статьи, очень широка. Достоевский был внимательным читателем и глубоким знатоком произведений древней русской письменности, вообще архаических художественных и нехудожественных форм. В этом смысле он не отличался от других крупных русских авторов (таких как Гоголь, Лесков, поздний Толстой), интересы которых то и дело обращались к той же сфере. Не только осведомленность, но даже особого рода изысканность, особый эстетизм (в котором чувствуется профессиональное писательское честолюбие) поражают исследователя творчества Достоевского, когда он изучает это творчество с точки зрения архаических его источников. Мне представляется любопытным и знаменательным в этом отношении признание Достоевского в том, например, что одну из больших и важных книг своего последнего романа (книгу «Русский инок») он «писал <...> для немногих».¹ Это обстоятельство обычно не учитывается исследователями, тогда как оно означает расчет писателя и на специальные симпатии какой-то узкой аудитории, и на ее специальную осведомленность. Достоевский иногда «писал <...> для немногих» — и в этом заключается одна из трудностей понимания и истолкования его произведений.

* * *

Вопрос об архаических источниках творчества Достоевского я хочу поставить в связь с особой многоплановостью его произведений. Есть разного рода многоплановость. Одна, как например у Толстого («Война и мир»), достигается методом соположения: одно рядом с другим (поместья, столнца, заграница; один герой, а следовательно, его связи с другими, его движения и передвижения, события, которые с ним происходят; затем другой герой привносит свои, новые связи, новый ряд событий, новый ряд отношений, и т. д.). Многоплановость как бы возникает на путях освоения нового и нового пространства, вовлечения в эпический рассказ новых действующих лиц, мест, событий, каждый раз заслуживающих тщательной обрисовки. Такие пути обычны. Именно они свойственны и древним формам эпоса (Гомер).

* Доклад, прочитанный на конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского, 16 ноября 1971 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

¹ Ф. М. Достоевский. Письма, т. IV (1878—1881). Под ред. и с прим., А. С. Долинина. М., 1959, стр. 94.

Многоплановость произведений Достоевского иная. Они кажутся узкими в своих пространственных границах: сравнительно небольшой круг действующих лиц, сравнительно мало происходит событий, далеко не каждое из этих лиц и событий обрисовано с исчерпывающей полнотой. Многоплановость произведений Достоевского возникает не за счет, вернее, не столько за счет расширения пространства, сколько внутри узких пространственных границ, благодаря литературным (и не только литературным) параллелям, так или иначе автором здесь указанным. Эта многоплановость идет не вширь, но как бы вглубь, и выявление новых граней, смысловых оттенков в освещении одних и тех же лиц, одних и тех же событий и деталей рассказа здесь как бы замещает пространственную устремленность многопланового повествования другого рода.

Введение древнерусского или фольклорного материала служит в принципе той же цели, что и цитаты, а также упоминания о Шиллере, или Бальзаке, или Гете. Оно назначено указать ту или иную параллель, а следовательно, ввести определенные ассоциации, осветить события и лица новым светом, дать новый план рассказа. Тут важно подчеркнуть именно множество параллелей, множество планов. Каждая отдельная параллель и каждый отдельный план есть лишь звено художественной мысли, и только все они вместе могут дать приблизительное представление об авторском осмыслении явления в целом. Вот почему, кстати сказать, произведения Достоевского нельзя рассматривать как аллегории (хотя некоторые историки литературы и критики, особенно те, которые по времени близки Достоевскому, склонны были это делать). События и лица конкретного плана романов Достоевского не имеют прямой и однозначной соотнесенности — только с одним рядом идей и представлений (а именно это характерно для аллегории). Как правило, эти события и лица благодаря литературным параллелям находятся во взаимодействии одновременно с несколькими идейными рядами.

Мне представляется невозможным истолкование произведений Достоевского без учета таких литературных и фольклорных параллелей. Рамки этой статьи не позволяют, однако, привести их с более или менее удовлетворительной полнотой.² Я останавлиюсь на немногом: на некоторых мотивах древнерусских апокрифов, имеющих отношение к «Братьям Карамазовым», прежде всего к главам «Бунт» и «Великий инквизитор» (книга пятая «Pro et contra»).

Напомню, что рассуждение Ивана в главе «Бунт» заканчивается словами о том, что невозможно возводить «здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей» на мучениях и крови хотя бы одного «маленького замученного», хотя бы одного ребенка (9, 308).³ Алеша, слушающий Ивана, говорит ему о Христе, который сам отдал «неповинную кровь свою за всех и за все», «а на нем-то (т. е. на Христе, — В. В.) и созиждается здание, и это ему воскликнут: „Прав ты, господи, ибо открылись пути твои“» (9, 308). В ответ на эти слова Алеши Иван и рассказывает брату свою поэму «Великий инквизитор», начиная ее «литературным предисловием»: «Ведь вот и тут без предисловия невозможно, то

² Мне уже приходилось дважды касаться этой темы, см.: В. Е. Ветловская. 1) Символика чисел в «Братьях Карамазовых». — ТОДРА, т. XXVI, Л., 1971, стр. 139—150; 2) Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека божия и духовный стих о нем). — В кн.: Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство. Сборник статей. М., 1971, стр. 325—354.

³ Все ссылки на роман «Братья Карамазовы» даются по изданию: Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 10 томах, тт. 9, 10. Гос. изд. худож. литературы, М., 1958 (курсивом обозначен номер тома, прямым — страница).

есть без литературного предисловия, тьфу! — засмеялся Иван, — а какой уж я сочинитель!» (9, 309).

Действие поэмы происходит в XVI в., «а тогда, — объясняет Иван, — ... как раз было в обычае сводить в поэтических произведениях на землю горние силы. Я уж про Данта не говорю» (9, 309). Не только где-нибудь во Франции, но и «у нас в Москве, в допетровскую старину», устраивались драматические представления, особенно из Ветхого Завета, а кроме них «ходило тогда много повестей и „стихов“,⁴ в которых действовали по надобности святые, ангелы и вся сила небесная. У нас по монастырям, — продолжает Иван, — занимались тоже переводами, списыванием и даже сочинением таких поэм. . . Есть, например, одна монастырская поэмка (конечно, с греческого): „Хождение богородицы по мукам“, с картинками и со смелостью не ниже дантовских» (9, 310). Далее идет пересказ этого знаменитого апокрифа.⁵

Несколько публикаций «Хождения богородицы по мукам» могли быть известны Достоевскому. Одна (краткая и далеко не лучшая) редакция этого апокрифа по позднему и малохудожественному списку была опубликована А. Н. Пыпиным в «Отечественных записках» за 1857 г. Она предлагает любопытную и неожиданную концовку, резко отличающуюся от концовок других редакций. Слов об «одном презанимательном разряде грешников в горящем озере», которые никак не могут оттуда выплыть и которых «забывает бог» (выражение, останавливающее внимание Ивана своей «глубиной и силой» — 9, 310), здесь нет. О византийском подлиннике этого апокрифа (ср. слова Ивана: «конечно, с греческого») Пыпин хотя и говорит, но предположительно: «... мы не проследили еще до источников судьбу этого сказания, но думаем, что его византийское начало не подлежит сомнению».⁶

Прекрасная редакция этого апокрифа была помещена в «Памятниках старинной русской литературы, издаваемых графом Григорием Кушелевым-Безбородко».⁷ Здесь уже упомянуты грешники, мучающиеся в огненной реке,⁸ и тьма кругом, и скрежет зубов. «И рече Михаил к богородице: „аще ся кто затворит во тмѣ сей, нѣсть памяти о нем от бога“».⁹ Это те самые слова, которые, восхищаясь, приводит Иван. Публикация не сопровождается какими бы то ни было историко-литературными объяснениями, так что о переводном характере памятника здесь ничего не говорится.

В 1863 г. «Хождение богородицы по мукам» было опубликовано Н. Тихонравовым во втором томе «Памятников отреченной русской литера-

⁴ Слово «стихи» Достоевский ставит в кавычках, обозначая этим определенный жанр (т. е. духовные стихи), а не стихотворные формы вообще.

⁵ «Хождение богородицы по мукам», не только упомянутое, но и пересказанное в «Братьях Карамазовых», имеет важное значение для понимания романа в целом. Этот апокриф дан среди настойчивых мотивов, относящихся к богородице вообще. Но говорить об этих мотивах и их особом, самостоятельном значении я здесь не буду. В данном случае «Хождение богородицы по мукам» более важно в своей служебной, не основной роли в романе.

⁶ А. Н. Пыпин. Древняя русская литература. Старинные апокрифы. Сказание о хождении богородицы по мукам. — Отечественные записки, СПб., 1857, № 11, стр. 350.

⁷ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. СПб., 1862. Текст «Хождения...» публикуется здесь по рукописи ГПБ, XVII, Q.82, 1602 г., лл. 45—57, с вариантами из рукописи ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 12 (2023), конца XII—начала XIII в., лл. 30—38.

⁸ То обстоятельство, что Иван вместо огненной реки, которая дается во всех редакциях «Хождения...» без всяких исключений, говорит об огненном озере, мне представляется не случайным, но соображения на этот счет лучше привести в другом месте.

⁹ Памятники старинной русской литературы..., вып. 3, стр. 122.

туры»,¹⁰ как и у Кушелева, среди других апокрифических сочинений. В предисловии к этому изданию Н. Тихонравов указывает на распространенность этого памятника на Руси в «нескольких, не зависимых друг от друга редакциях».¹¹ Русское «Хождение богородицы по мукам» в сборнике Тихонравова удерживает мотив страдания грешников в огненной реке, о которых «забывает бог».¹²

Наконец, одна из редакций апокрifa была дважды опубликована И. И. Срезневским: один раз в «Известиях императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности»,¹³ другой — в «Древних памятниках русского письма и языка (X—XIV веков)».¹⁴ Публикации Срезневского интересны прежде всего тем, что русский текст «Хождения» здесь дается параллельно с греческим текстом (вспомним слова Ивана: «конечно, с греческого»). В списке Срезневского (вообще несколько поврежденном: есть пропуски) тоже говорится об огненной реке и тьме крошечной, в которой «затворены» некоторые грешники, и, так же как и в других редакциях, «рече Михаил к богородици: аще ся кто затворит в тьмѣ сеи, нѣсть памяти о нем от бога».¹⁵

Трудно сказать, какая из перечисленных публикаций имелась в виду Достоевским, когда он вводил этот апокриф в свой роман. Не исключено, что все они, или почти все, были ему известны.

Чтобы покончить с кругом сведений относительно публикации «Хождения богородицы по мукам», приведу одну, как мне кажется любопытную, параллель. В статье Ф. И. Буслаева «Русская поэзия XVII века», где текст «Хождения» приведен по болгарскому источнику, об этом апокрифе говорится: «Как ни баснословны подробности этого сказания, нельзя, однако, с точки зрения поэтической, безусловно отвергать его значение в нравственном развитии масс народа. В отношении поэтическом оно заменяло им то, что итальянцам дал великий флорентинец в своей „Божественной Комедии“. Было бы смешно предположить, чтоб кто-нибудь вздумал безусловно сравнивать эти два поэтические произведения; но никто не может отрицать, что оба они одинаково могли действовать на фантазию наивной эпохи. . . На стороне Данта остается только то, что приобретено было Западом еще в XIII веке и чего у нас не доставало даже в начале XVIII-го, то есть общечеловеческое просвещение, воспитанное веками и получившее в поэме Данта высокохудожественную форму».¹⁶

Упоминание Данте в связи с «Хождением богородицы по мукам» и тот контекст, который его окружает, характерны, и явная (полемиическая) перекличка слов Ивана на этот счет в его «литературном предисловии» со словами Буслаева представляется не случайной. Поздней мысль Буслаева почти дословно повторил Сахаров, подчеркнув широкое распространение и популярность этого апокрifa: «Было бы смешно предположить, чтобы

¹⁰ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II. М., 1863, стр. 23—39. Текст памятника публикуется здесь по пергаменной рукописи XII в. Троице-Сергиевой лавры, № 12, лл. 30—38, и сербской рукописи XV в., принадлежавшей проф. Б. И. Григоровичу, лл. 20—32 об.

¹¹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I. М., 1862, стр. X.

¹² Там же, т. II, стр. 27.

¹³ ИпоРЯС, т. X, СПб., 1861—1863, стр. 551—578.

¹⁴ И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). СПб., 1863, стр. 204—217.

¹⁵ Там же, стр. 213.

¹⁶ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 496.

кто-нибудь вздумал безусловно сравнивать это произведение с Дантовой поэмой; но нельзя отрицать того, что в отношении поэтическом оно заменяло для русской массы то, что итальянцам для своего народа дал Дант в своей поэме. Благодаря своим поэтическим достоинствам „Хождение“ было особенно распространено в древней Руси; оно имело влияние на народную поэзию как русскую, так и других славян.¹⁷ Здесь же автор указывает на духовные народные стихи из сборников Киреевского, Варенцова и Бессонова, в которых влияние апокрифа выразилось наиболее сильно.¹⁸ О популярности «Хождения» говорил в свое время и Пыпин в упомянутой статье «Отечественных записок»: «Хождение богородицы», вообще апокрифы о конце мира, загробной жизни, страшном суде и антихристе были излюбленным народным чтением.¹⁹ Это обстоятельство подтверждается и поздними фольклорными записями подобного рода произведений — того же «Хождения богородицы по мукам».

Замечания о распространенности «Хождения» в древней Руси, близости этого апокрифа каким-то существенным моментам народного мирозерцания (о чем свидетельствует усвоение апокрифа народным стихом) имели для Достоевского серьезное значение: ведь в «Братьях Карамазовых», да и в других более ранних романах — «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах», «Подростке» — Достоевский стремился ориентироваться не просто на христианскую сумму идей, но на их народную адаптацию. Характерно, что поздний Достоевский (и в «Братьях Карамазовых» можно уследить даже определенную закономерность и последовательность в этом смысле) почти всегда предпочитает канонизированной христианской идее ее обмирщенный вариант.

Вернемся к «Великому инквизитору». Закончив свой пересказ «Хождения», а вместе с тем и свое «литературное предисловие», Иван говорит: «Ну вот и моя поэмка была бы в том же роде, если б явилась в то время» (9, 310). Таким образом, Иван ставит выдуманную им поэму в круг средневековых апокрифических повестей, «стихов» и сказаний. Его поэма и есть апокриф, «ложность» и «отреченность» которого одним обозначением жанра герой невольно, но сразу же указал, а автор в дальнейшем более детально аргументировал.

Какого же рода апокрифы соотносятся с поэмой «Великий инквизитор», уж если эта поэма стоит в их ряду? Тут же скажем, что это не «Хождение богородицы по мукам», которое в данной связи есть только знак жанра собственного произведения Ивана.

Содержание поэмы Ивана определяет круг соотносящихся с ней апокрифов довольно четко — это апокрифы о конце мира и явлении антихриста.

Характерно, что одна из редакций апокрифа «Прение господне с дьяволом», опубликованная Н. Тихонравовым во II томе «Памятников отреченной русской литературы», начинается с трех искусовых вопросов Христу в пустыне (вопросов, имеющих чрезвычайное значение в «Великом инквизиторе»), а кончается пророчеством о последних днях и судьбах мира: «И озрѣвша диявол... и рече: „Господи! а се что! не погуби меня“. И рече господь: „Не погублю тя, дияволе! но еще тебѣ даю царствовать на земли 3 лѣта, но на конец вѣка“».²⁰

¹⁷ В. Сахаров. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879, стр. 198.

¹⁸ О списках «Хождения» на Западе см.: там же, стр. 193.

¹⁹ А. Н. Пыпин. Древняя русская литература..., стр. 353.

²⁰ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 288; см. также стр. 284—285. Ср.: Слово о Иисусе Христе. — В кн. Памятники старинной русской литературы..., вып. 3, стр. 87.

Я ставлю в связь с апокрифами эсхатологического свойства настойчивый мотив прошедших пятнадцати веков до появления Христа в поэме Ивана. Герой говорит, что действие его поэмы происходит в XVI в., затем повторяет: «Пятнадцать веков уже минуло тому, как он (Христос, — В. В.) дал обетование прийти во царствии своем, пятнадцать веков, как пророк его написал: „Се грядущи скоро“» (9, 310). И дальше в словах Инквизитора: «... свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад... Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой...» (9, 315); «... теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что все в этих трех вопросах (имеется в виду искушение в пустыне, — В. В.) до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более» (9, 317).

В самых разных эсхатологических сочинениях, спирающихся на канонические тексты, конец мира приурочивался к окончанию 7-й—началу 8-й тысячи лет от его сотворения, т. е. к концу XV в. По распространенным в свое время верованиям, в семитысячном году (1489) ожидалось пришествие антихриста и затем трехлетнее его царство.²¹

То обстоятельство, что Иван относит действие своей поэмы к XVI, а не к XV в., понятно. В XVI в. реформация охватывает Европу: «Огромная звезда, „подобная светильнику“ (то есть церкви) „пала на источники вод, и стали они горьки“» (9, 311). В XVI в. возникает орден иезуитов. И то, и другое было важно Достоевскому в общей системе его художественной мысли. Но указание на XVI век есть дань истории, так сказать, реализму, а настойчивое повторение прошедших пятнадцати столетий есть указание на литературную (впрочем, не только литературную) традицию и фантастическое. «... тебя... разбаловал современный реализм, — говорит в начале своей поэмы Иван Алеше, — и ты не можешь вынести ничего фантастического... Но не все ли равно нам с тобою, что qui pro quo, что безбрежная фантазия? Тут дело в том только, что... надо высказаться...» (9, 314).

Следует упомянуть, что хотя кончину мира на Западе и в России предполагали в XV в. (по всем предсказаниям и расчетам), но как только эти расчеты не оправдались, ее стали ждать в 8-е тысячелетие, в следующем, XVI в. Ожидания даже усилились в это время в связи с нападками католиков на православие и введением унии на юго-западе России. Православные, как и протестанты, называли папу антихристом, считая, что время его наступило.²²

Отнесение действия поэмы в XVI век и настойчивое упоминание XV столетия на единственный (но характерный) намек на то, что поэма, хотя и приурочена к прошедшему, на самом деле пророчествует о будущем (так, как это будущее хотел бы видеть Иван). Среди косвенных свидетельств на этот счет, помимо анахронизмов (их отмечает Розанов в своей книге «Легенда о Великом инквизиторе»²³), важны многочисленные цитаты из Апокалипсиса Иоанна, повествующего о конечных судьбах мира и втором пришествии Христа, но главное то, что в самой поэме Ивана в сущности об этом втором (лишь предстоящем) пришествии и говорится.

²¹ См. об этом. В. Сахаров. Очерк происхождения и развития эсхатологических идей и образов на Востоке, переход и влияние их на народное религиозное мирозерцание в древней Руси. — ЧОЛДП, М., 1879, № 2, отд. II, стр. 113. Здесь же дается и литература на эту тему.

²² См. об этом: К. Невоструев. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1968, стр. 101.

²³ В Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. Изд. 3-е. СПб., 1906.

Имел ли в виду эту параллель Иван, автор «Великого инквизитора»? По-видимому, нет. Он даже прямо говорит Алеше: «О, это конечно было не то сошествие, в котором явится он (Христос, — В. В.), по обещанию своему, в конце времен во всей славе небесной...» (9, 312). Иван отмечает эту параллель, в частности, потому, что в сознании его единственного слушателя, Алеши, неизбежно возникли бы нежелательные для автора поэмы ассоциации, компрометирующие то, что Ивану хотелось бы восславить. Но по воле автора романа эти ассоциации должны возникнуть у читателя: отчасти вследствие того, о чем выше уже говорилось, отчасти же и по другим причинам, — идущим как бы из существа дела, как бы объективно.

Почти во всех апокрифических памятниках, повествующих о втором пришествии Христа, и в массе народных стихов на эту тему говорится о том, что это второе пришествие наступит вслед за царством антихриста. Это царство по ряду обстоятельств (каких именно и почему, здесь не важно) увязывалось с Римским царством. В картине страшного суда, как она представлена в русских подлинниках, изображается среди прочего ангел, который показывает Даниилу «четыре царства погибельных: первое Вавилонское, второе Мидское, третье Перское, четвертое Римское, еже есть антихристово».²⁴ Некоторые эсхатологические сочинения, восходящие ко II в., само имя антихриста соединяют с латинянами и Римом на том основании, что оно передает апокалиптическое «число зверино» — 666 (Апокалипсис, XIII, 18): «... имя *λατῆινος* (т. е. латынянин, — В. В.) имеет число 666, и весьма вероятно, потому что последнее царство (римское, — В. В.) носит это название».²⁵ С XVI в., как говорилось, в сознании православных и протестантов имя антихриста и его царство прочно увязывались с папой и католичеством. Князь Мышкин обнаруживает осведомленность в такого рода заключениях и свидетельствах, когда в гостиниой Епанчиных в речи своей заявляет: «Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю вас!».²⁶

Главный герой поэмы Ивана — Великий инквизитор. За этой фигурой стоят Рим, католичество, иезуиты. Великий инквизитор, как и антихрист, с дьявольской помощью создаст себе царство. «... мы взяли от него (т. е. дьявола, — В. В.) Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию... Долго еще ждать завершения его, и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем кесарями и тогда уже помыслим о всемирном счастье людей» (9, 323).

Непомерное властолюбие и гордыня, жажда поклонения и рабских восторгов в равной степени отличают и героя эсхатологических сказаний, и Великого инквизитора. Получив власть и царство, антихрист, как говорится в одном из апокрифов, «умножит знамения ложная (т. е. чудеса, — В. В.), людем во всѣм восхваляющим его, мечтании ради (т. е. опять-таки из-за чудес, — В. В.), воззовет гласом крѣпким...: разумеите людие, колѣна, языци, мою великую власть и силу, и крѣпость моего цар-

²⁴ Ф. И. Буслаев. Изображение страшного суда по русским подлинникам. — В кн.: Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, стр. 135.

²⁵ Ириней Лионский. Памятники древней христианской письменности в русском переводе. Пять книг против ересей. М., 1868, стр. 665.

²⁶ Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 10 томах, т. 6. М., ГИХЛ, 1957, стр. 614—615.

ства, кто силен, якоже аз; кто бог велии развѣ мене; кто власти моей съпротиво станет; представит горы пред очима зрящих, шествует по морю немокрыми стопами, сведет огонь с небес...» и т. д.²⁷

Всеобщее поклонение, которое поначалу окружает этого не то дьявола, не то человека, действующего по наущению дьявола,²⁸ и впрямь доходит до трепета и идолопоклонства. «И мнози, — как повествует другой апокриф, — учнут вѣровати в него и богом звати его».²⁹ Ср. с этим слова Великого инквизитора: «Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов...» (9, 318). Уже и теперь (а не где-то в отдаленном будущем) народ «до того... приучен, покорен и трепетно послушен... что толпа немедленно раздвигается...» или «моментально, вся как один человек, склоняется головами до земли» по одному лишь слабому мановению этого старика (9, 313).

Ужас и страдание, «скорбь» и «туга»,³⁰ голод и жажда начнутся в царстве антихриста. И многие люди, как говорится в апокрифах, «тѣсноты ради пищныя» (т. е. из-за хлеба) придут к антихристу и «поклонятся ему».³¹

Здесь нет надобности входить в детальное сопоставление поэмы Ивана с кругом повестей и сказаний об антихристе и конце мира. Достаточно отметить только, что такое сопоставление могло бы быть очень простран- ным: так много соотносящихся друг с другом мотивов. К некоторым из них мы ниже вернемся. Сейчас важнее подчеркнуть отличие. Ни в одном из эсхатологических сказаний, ни в одном из народных стихов на эту тему ничего не говорится о любви «отступника»³² к людям. В поэме о Великом инквизиторе этот мотив является постоянным и важнейшим. «Иль тебе дороги, — говорит Великий инквизитор Христу, — лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые» (9, 318).

Вслед за многими другими исследователями «Братьев Карамазовых» я считаю, что в связи именно с этим обстоятельством (т. е. любовью, даже одержимостью этим чувством любви, Великого инквизитора к людям) находится конец поэмы — поцелуй Христа.

В апокрифических сочинениях говорится, что когда наступят дни последней скорби и исполнятся, наконец, «времена и сроки», придет Христос и убьет антихриста «дыханьем уст своих».³³ А в поэме Ивана Христос целует Великого инквизитора: «... он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста.

²⁷ К. Невоструев. Слово святого Ипполита об антихристе..., стр. 205. См. также: И. И. Срезневский. Сказания об антихристе в славянских переводах... СПб., 1874, отд. II, стр. 41. Имеются параллельные мотивы и в других списках, публикуемых здесь Срезневским. Ср. также: Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы..., т. II, стр. 265 («Слово Мефодия Патарского»).

²⁸ В эсхатологических памятниках антихрист — то «орудие» и «жилище» сатаны, то сам дьявол.

²⁹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 264.

³⁰ Там же, стр. 225, 277.

³¹ Там же, стр. 265; К. Невоструев. Слово святого Ипполита об антихристе..., стр. 206; И. И. Срезневский. Сказания об антихристе..., стр. 42.

³² Понятие «отступник» идет из представления, разделяемого почти всеми сочинениями об антихристе, что он явится поначалу кротким и смиренным, богобоязненным и христоролюбивым (ср. с Великим инквизитором — 9, 328) и лишь впоследствии обнаружит свою злую и антихристову сущность.

³³ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 226 («Слово Мефодия Патарского»); К. Невоструев. Слово об антихристе..., стр. 220.

Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, открывает ее и говорит ему: „Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!“. И выпускает его на „темные стогна града“. Пленник уходит.

— А старик?

— Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее» (9, 330).

Не за эту идею, как здесь совершенно ясно, целует Христос Великого инквизитора, а за его сердце, хотя и безумно, хотя и на свой лад, но любящее человечество. Любовь же (и эта мысль проведена в романе сознательно, последовательно и без всяких уклонений) есть дело божье. Вот почему поцелуй Христа есть не только признание Великого инквизитора, как, может быть, хотел Иван, но (это никак нельзя опускать) и приговор ему. Целуя этого своего «отступника» и богоборца, сознательно идущего путями дьявола, Христос, если пользоваться выражением древних памятников, «убивает» его «дыханьем уст своих», ибо отменяет свое и божье в душах тех, кто против бога выступает; он обесмысливает тем самым их бунт. Но вот это последнее обстоятельство имеет в виду не Иван, автор «Великого инквизитора», а Достоевский, автор «Братьев Карамазовых», потому что оно становится ясным не из контекста придуманной героем поэмы, а из контекста всего романа, в который эта поэма помещена.³⁴

Заметим, что не только Христос целует Великого инквизитора, но и Алеша целует Ивана, и его поцелуй несет тот же двойной смысл, что и поцелуй Христа. Напомним, что когда Алеша это делает, Иван кричит с «каким-то восторгом»: «Литературное воровство!... это ты украл из моей поэмы!» (9, 331). Но для «восторга» Ивана немного оснований; и если связь Алеши с Христом никак не может унижить героя, то о сближении Ивана с Великим инквизитором этого сказать нельзя. Фигуры антихриста и дьявола возникают при этом в сознании читателя рядом с фигурой Ивана.

Здесь я хочу еще раз вернуться к кругу апокрифических сказаний. Обычно они повествуют о том, что в последние дни царства антихриста бог пошлет на землю своих пророков Илию и Еноха (иногда к ним присоединяется Иоанн Богослов) «на обличение съпостату ... и обличят прѣльст его, и покажут его лъжа прѣд всѣми человеки, и ничьсоже суща»,³⁵ за что тот в гневе своем убьет святых (иногда добавляется, что это произойдет в церкви: «... посѣчет Илию и Еноха в церкви. И мнози повѣстуют, будто от Илиины и Еноховы крови загорится земля. Но нѣсть тако»).³⁶

Обличение антихриста Илией и Енохом и убиение того и другого встречаются чаще всего как в апокрифах, так и в народных стихах на эту тему. В «Вопросах Иоанна Богослова господу на горе Фаворской» господь, однако, говорит: «тогда пошлю Еноха и Илию на обличение его, покажет лжа суща и преступника и тогда убьет Илию на жертвенищѣ и

³⁴ Мотивы божьей природы любви вынесены за пределы поэмы, равно как и противостоящие им мотивы дьявольской природы всякого зла и нечестья.

³⁵ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 226 («Слово Мефодия Патарского»); см. также другие редакции этого «Слова»: стр. 247, 267, 281. См.: К. Не в о с т р у е в. Слово об антихристе..., стр. 68; Сказание Иоанна Богослова. — В кн.: И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, стр. 408.

³⁶ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 267 («Слово Мефодия Патарского»), 167, 184 («Вопросы Иоанна Богослова господу на горе Фаворской»).

якож преже пророк рече Давыдовы». ³⁷ Здесь антихрист убивает только Илью. ³⁸ В духовном стихе, посвященном Илье пророку, только он и называется в качестве предшественника Христа во втором пришествии:

О Илье славны!
Илье велик пророче,
Пред пришествием вторым предотеча... ³⁹

Строки эти идут в качестве рефрена и потому все время здесь повторяются. В некоторых народных стихах на тему конца мира (обычно начинающихся важным для нас в данном случае стихом: «Пречудная царица богородица»; ср. упоминание богородицы в начале «Великого инквизитора») Илья тоже как бы особым образом выделяется:

Тогда ⁴⁰ сам господь о грешных жалуется:
Сошлет пророков неживых...
Сойдет Илья, божий пророк, и Онов, ⁴¹ божий пророк.
Начнут пророки пророчествовати...
Побьют они Илью, божьего пророка. ⁴²

Антихрист велит их побить:

Отступят от них святые ангелы,
Приступят к ним все бесы темные,
Побьют они Илью, божьего пророка. ⁴²

В другом варианте этого же стиха (Бессонов, № 483) бог посылает на землю только Илью: «Он сошлет Илью пророка с небес на сыру землю...», и, естественно, только Илья и побивается потом антихристом. ⁴³ Этот, последний вариант заимствован Бессоновым у П. Якушкина и был напечатан в «Летописях русской литературы и древности, издаваемых Н. Тихонравовым» (т. I, М., 1859, стр. 148); затем в 1860 г. при публикации собрания народных песен П. Якушкина в «Отечественных записках» (тт. 129—133), а затем каждый раз, когда это собрание выходило отдельной книжкой. (В известном сборнике В. Варенцова в стихе, посвященном этой же теме, имена пророков — обличителей антихриста — не названы). ⁴⁴

Илья пророк как обличитель антихриста может особо выделяться или не выделяться, но всегда, когда пророки именуются, он (а не Енох и не Иоанн) упоминается непременно. По-видимому, это предпочтение находится в ближайшей связи с популярностью этого святого на Руси и вообще во всем восточном христианстве. «Илья, — пишет А. Н. Веселовский, — принадлежит к популярным святым всего восточного христианства. Храмы его имени, его культ встречаются или встречались всюду, куда ни проникало, надолго или временно, восточное церковное влияние:

³⁷ Там же, стр. 176.

³⁸ А. Н. Веселовский писал о том, что в греческих текстах апокрифических «Вопросов Иоанна Богослова господу на горе Фаворской» Енох и Илья обличают антихриста в лжи и преступлении и оба убиваются им, «тогда как славянский текст сообщает (вероятно, по забвению) лишь о смерти Илии» (см.: А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха. Приложение к XLV тому Записок имп. Акад. наук, СПб., 1883, стр. 335; В. Сахаров. Эсхатологические сочинения и сказания... стр. 124.

³⁹ П. Бессонов. Калеки переходные, вып. 3. М., 1861, № 200, стр. 768; см. также следующий вариант Киреевского, № 201.

⁴⁰ Т. е. в последнее, антихристово время.

⁴¹ Онов, т. е. Енох; народный стих называет его также Онофрием, Онохрием.

⁴² П. Бессонов. Калеки переходные, вып. 5. М., 1863, № 482, стр. 149; см. также вар. № 484.

⁴³ Там же, стр. 154.

⁴⁴ В. Варенцов. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 154.

в Греции и Румынии, в Сицилии и Южной Италии и на Кавказе, у южных славян и на Руси, где еще при Игоре существовала церковь во имя пророка. Его праздник (у нас и пятница, ему предшествующая) соблюдался свято...».⁴⁵

Мне представляется несомненной соотнесенность имени Илюшечки и роли данного героя в «Братьях Карамазовых» с именем и ролью этого святого. В другом месте и на другом основании (не в историко-литературном плане, а в плане поэтики) мне уже приходилось писать о том, что Илюшечка Снегирев и вся его история с отцом и Митей служат самым решительным аргументом автора против богоборческих и философских построений Ивана, как они выразились в главах «Бунт» и «Великий инквизитор».⁴⁶ Здесь я только их кратко повторяю.

Иван начинает свой бунт из-за слез хотя бы одного ребенка. Он приводит факты страдания детей и заключает свое рассуждение той мыслью, которая предшествует его поэме и которую я привела вначале: безнравственно быть архитектором здания человеческой гармонии, если в основании этого здания лежит замученный ребенок. По мысли Ивана, именно бог и является таким архитектором («Бунт»). Вслед за отрицанием Иван развивает собственную положительную программу («Великий инквизитор»). Но вот по этой программе неизбежно должны страдать взрослые, а стало быть — отцы. Вспомним сотню сожженных еретиков в один только день *ad maiorem gloriam Dei* (9, 312), нелестные высказывания о взрослых в главе «Бунт»,⁴⁷ отношение Ивана к взрослым, которые его окружают (к отцу, Мите, Грушеньке, Катерине Ивановне, пьяному мужичонке, Максиму, приставу на суде и т. д.), вспомним его роль в «катастрофе», происшедшей с его отцом Федором Павловичем. Вот это-то обстоятельство и служит обличению героя.

Дело в том, что Илюша, который, казалось бы, по всем признакам должен был «восполнить число» в коллекции Ивана, страдает не за себя, а за ничтожного и жалкого шута, своего отца. Картина страдания этого ребенка за оскорбление и унижение его отца, штабс-капитана Снегирева, выписана Достоевским вполне красноречиво. Он «один против всех, — рассказывал штабс-капитан Алеше, — восстал за отца. За отца и за истину-с, за правду-с. Ибо, что он тогда вынес, как вашему братцу руки целовал и кричал ему: „Простите папочку, простите папочку“ — то это только бог один знает да я-с» (9, 258). С этого дня, как говорится в романе, и начинается смертельная болезнь Илюши.

Итак, Илюша страдает (и умирает) за отца, а именно им, отцам, несет страдание и гибель положительная программа Ивана, его способ устроения всеобщей гармонии. Страдание и гибель отцов означают страдание и гибель детей — вот мысль Достоевского, и история Илюши ярче, чем другие факты романа, свидетельствует об этом. Поскольку в романе страдание отцов неизбежно означает и страдание детей, именно Иван, сам того не разумея, становится архитектором здания, в основании которого лежит замученный ребенок. «Что ты, Иван, что ты? — сказал как-то в горе и изумлении Алеша, — ... ты обижаешь ребенка!» (10, 116). Так высказанную Иваном мысль автор оборачивает против сказавшего. Взрослые и дети неразрывно связаны в романе. Вот почему того же Илюшу (и это

⁴⁵ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха... стр. 347.

⁴⁶ В. Е. Ветловская. Отношение автора к речи персонажей («Братья Карамазовы» Достоевского). — ИЮЛЯ, т. XXVIII, М., 1969, вып. 4, стр. 327—329.

⁴⁷ Например: «Я не говорю про страдания больших, те яблоко съели, и черт с ними, и пусть бы их всех черт взял...» (9, 304).

очень важно, что Илюшу) Коля Красоткин называет «старик» (10, 43 и сл.), а штабс-капитан, видя мертвого своего мальчика, «полоумно» восклицает: «батюшка, милый батюшка!» (10, 329).

Илюша заключает в себе взрослого и ребенка и, в отличие от Ивана, разрывающего живую связь вещей, демонстрирует ее невольно и органично. Этот герой, Илюша, история его страдания и смерти свидетельствуют, по мысли автора «Братьев Карамазовых», против богоборческой проповеди Ивана. В этом же смысле я истолковываю и сцену, которая мне представляется символической, — сцену прощания и как бы завещания умирающего Илюшечки, когда он крепко и навсегда соединяет ребенка и взрослого, Колю Красоткина (характерно, что именно Колю) и своего отца: «— Папа, папа, поди сюда... мы... — пролепетал было Илюша в чрезвычайном возбуждении, но, видимо не в силах продолжать, вдруг бросил свои обе исхудалые ручки вперед и крепко, как только мог, обнял их обоих разом, и Колю и папу, соединив их в одно объятие и сам к ним прижавшись...»

— Папа, папа! Как мне жалко тебя, папа! — горько простонал Илюша» (10, 67). На страданиях этого ребенка, окруженного ореолом святости, не должно, но как бы вынуждено строиться новое здание. Однако это не совсем то здание, о котором хлопотал Иван.

* * *

Сказанное здесь ни в коей мере не исчерпывает ни той темы, которая указана в названии моей статьи, ни даже того узкого аспекта ее, который я избрала. Но на этом можно остановиться. Повторяю, что в художественной структуре романов Достоевского за первым, конкретным планом и лицами рассказа встают, благодаря организованным, целенаправленным ассоциациям, другие планы и другие лица. В результате суета и разорванность живой, современной автору жизни наделяются глубиной и силой, идущей от старины и предания. Этот поистине огромный, неисчерпаемый мир вместе с гуманистическим пафосом автора, который его создает и одушевляет, и дает нам великого Достоевского.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. Г. ЗЫКОВ

Русская переделка древнеболгарского стихотворения

Древнеболгарские писатели с самого начала обнаружили отчетливое стремление к всестороннему овладению литературным опытом своих высококультурных соседей — византийцев. Замечательно, что уже на рубеже IX—X вв., в пору становления болгарской литературы, создаются и стихотворные произведения. К их числу относится широко известная «Азбучная молитва», принадлежащая перу выдающегося просветителя болгар Константина, епископа Преславского, и представляющая вступление к его сборнику воскресных поучений — к «Учительному евангелию».

«Пролог о Христе умерен» Константина (таково авторское название «Азбучной молитвы») — памятник, свидетельствующий не только о творческой одаренности его составителя, но и о высоком уровне начальной болгарской литературы, о ее связи с живой действительностью. Являясь в формальном отношении молитвенным обращением к святой Троице (Константин просит ее о творческом вдохновении, необходимом для написания «Учительного евангелия»), «Пролог» по существу — гимн «славянскому племени», которое, приобщившись к христианской цивилизации, успешно строит новую культуру и благодаря этому становится в один ряд с просвещенными народами мира.

Непосредственным образцом, которому следовал Константин, был, как ныне установлено,¹ азбучный акростих Григория Назианзина,² авторитетнейшего в кирилло-мефодиевской среде «отца церкви». Стихотворения сближают форма (азбучные акростихи), двенадцатисложное строение, местоположение цезуры (как правило, 5+7, реже 7+5); наконец, для обоих авторов не является нормой ударение на втором слоге от конца.³

Азбучные акростихи получили в византийской литературе широкое распространение.⁴ Большой популярностью пользовались они и у славян. Количество славянских сочинений подобного рода, именуемых в рукописях и в исследовательской практике обыкновенно «толковыми азбуками», вну-

¹ Е. Георгиев. 1) Кирил и Методий, основоположники на славянските литератури. София, 1956, стр. 193 и сл.; 2) Кирил и Методий. Истината за създателите на българската и славянска писменост. София, 1969, стр. 249—250.

² Опубликован, см.: F. Migne. Patrologiae cursus completus, series graeca, vol. XXXVII. Paris, 1857, col. 908—910.

³ Ср.: А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — СОРЯС, т. LXXXVIII, № 3, СПб., 1910, стр. 2—3.

⁴ Около 40 византийских азбучных молитв опубликовано Д. Н. Анастасиевичем, см.: D. N. Anastasijewić. Die paränetischen Alphabete in der griechischen Literatur. München, 1905.

нительно.⁵ Несмотря на то что они представляют интересное литературное явление, их изучение по существу только лишь начинается. Долгое время эти памятники не были предметом специального филологического анализа, дело в основном ограничивалось публикацией отдельных текстов,⁶ поисками новых списков «азбук», а также установлением их роли в обучении грамоте.⁷ Высказывавшиеся иногда при этом суждения о времени и месте возникновения, о литературной судьбе, об отношениях акростихов друг к другу основывались нередко на первых, а потому в большинстве своем случайных и поверхностных впечатлениях. В силу сказанного попытка рассмотреть, а тем более решить весь комплекс проблем, связанных с выяснением значения стихотворения епископа Константина в славянской письменности, в частности в становлении и развитии жанра «толковых азбук», была бы пока преждевременной. Исследователю, обращаясь к этой теме, по необходимости приходится быть очень осторожным: его выводы и заключения неизбежно будут носить предварительный, в значительной мере гипотетический характер.

Был ли «Пролог о Христе» первым славянским азбучным акростихом? Учитывая крайне неудовлетворительную сохранность книжного наследия славян, на этот вопрос, разумеется, нельзя ответить безусловно утвердительно. Вместе с тем мы не можем поддержать и гипотезу Ф. В. Мареша, прямо ставящую под сомнение приоритет Константина Преславского в утверждении этой литературной формы в славянской письменности. Предпринятые Марешем усилия связать с именем Кирилла Философа известную «азбуку» «Аз есмь всему миру свет»⁸ не могут быть признаны успешными. В первую очередь не следует, на наш взгляд, проходить мимо того обстоятельства, что ни один из источников по истории солунских братьев, в том числе их пространные жития, не содержит даже глухого намека на что-либо подобное составлению Константином-Кириллом азбучного акростиха. А между тем этот замечательный факт, имея он место на самом деле, вряд ли выпал бы из поля зрения славянских книжников, прежде всего биографов просветителей славян и черноризца Храбра.⁹

Утверждая мысль о раннем происхождении «азбуки» «Аз есмь всему миру свет», Ф. В. Мареш полагает, что стихотворение «было предназначено для глаголической азбуки», и особо подчеркивает, что в нем «все слабые глухие имеют право слога».¹⁰ Однако как глаголица, так и редуцированные в качестве слогаобразующих употреблялись не только в IX в., когда жил и работал предполагаемый Марешем автор акростиха, но и позже. С другой стороны, вызывает сомнения и ориентированность стихотворения (по меньшей мере в том виде, в котором оно дошло до нас)

⁵ А. И. Соболевский (Материалы и исследования... стр. 4) насчитывал их до 20. См. также: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937, стр. 10—14.

⁶ Подробные сведения об изданиях приведены в статье Н. С. Демковой и Н. Ф. Дробленковой «К изучению славянских азбучных стихов» (ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 27—28, прим. 2).

⁷ В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря. (Роль и значение азбучного акростиха в процессе обучения русской грамоте в XIV, XV и первой половине XVI в.). — Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской, т. 4, Л., 1958, стр. 239—254.

⁸ F. V. Mareš. Azbučna báseň z rukopisu státní veřejné knihovny Saltykova-Sčedrina v Leningradě (Sign. Q.I.1202). — Slovo, Zagreb, 1964, № 14, str. 5—24.

⁹ Примечательно, что один из поздних редакторов «Сказания» Храбра счел необходимым дополнить сообщение об «устроении» славянского алфавита акростихом «Аз есмь бог». См.: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку Отделения языка и словесности Академии наук, т. I. СПб., 1885—1895, стр. 303—305.

¹⁰ F. V. Mareš. Azbučna báseň... str. 24.

на глаголический алфавит. Во всяком случае Мареш не привел в подтверждение этого положения бесспорных доводов. Заключение о глаголическом протооригинале «азбуки» делается на той основе, что в ней предполагаются три стиха на букву «И». Но, во-первых, реконструкция, предложенная Марешем, в данном случае весьма сомнительна; во-вторых, сам факт существования в азбуке Константина-Кирилла трех совершенно самостоятельных буквенных обозначений для звука «И» не доказан.

«Пролог о Христе», отличающийся высокими поэтическими достоинствами, проникнутый глубоким религиозным чувством, получил признание в южнославянской и особенно в русской письменности и обеспечил себе почти девятивековую активную жизнь. За несколько столетий он распространился по всей территории древнерусского государства.

Высказывалось убеждение, что акrostих епископа Константина использовался в практических целях, в качестве учебного пособия для заучивания букв и их порядка при обучении грамоте.¹¹ Однако это утверждение беспочвенно. Не говоря уже о том, что «Азбучная молитва» «не оставила никаких следов в известных в настоящее время памятниках русской учебной книги»¹² и встречается лишь в сборниках церковно-религиозного содержания, по своему характеру она не могла удовлетворять нуждам «грамотного учения», ибо с момента своего появления не содержала полного перечня букв славянского алфавита. Предпринимавшиеся впоследствии робкие попытки пополнить этот перечень не дали заметного результата. Возникнув как поэтический пролог к «Учительному евангелию», как изощренная литературная форма, стихотворение и воспринималось славянскими книжниками в качестве таковых. Тем не менее мы, очевидно, вправе указать на генетическую связь многочисленных славяно-русских «азбук-границ» с сочинением преславского епископа. Будучи одним из первых (если не первым) азбучных акrostихов, оно помогло в становлении и оформлении этого вида учебной литературы, сыгравшего далеко не последнюю роль в приобщении наших предков к «почитанию книжному».

Из сохранившихся «толковых азбук» бесспорное и непосредственное воздействие «Пролога о Христе» обнаруживает лишь так называемый «Ярославский азбуковник» (или «Азбука покаяльная»), сохранившийся в значительном количестве русских списков, из которых наиболее ранний датируется второй половиной XIII в.¹³ Этот факт хорошо известен специалистам,¹⁴ поэтому нет необходимости на нем подробно останавливаться.

¹¹ См.: Е. Георгиев. 1) Началото на славянската писменост в България. София, 1942, стр. 80; 2) Кирил и Методий, основоположници на славянските литератури, стр. 153; Е. Н. Медынский. История педагогики. М., 1947, стр. 303; и др.

¹² В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря... стр. 247.

¹³ См.: А. И. Соболевский. 1) Церковнославянските стихотворения от IX—X век и тяхното значение за черковнославянския език. — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XVI—XVII, София, 1900, стр. 314—324; 2) Материалы и исследования... стр. 3—4, 13—17. Помимо списков, указанных А. И. Соболевским и В. И. Лукьяненко (К истории русского букваря... стр. 248—249), назову лишь списки из собрания Уварова (ГИМ), №№ 25 (лл. 16 об.—19 об.), 503 (лл. 33—34 об.), 778 (лл. 275 об.—277), 848 (лл. 417—419). Все они относятся к XVII в. См.: Леонид, арх. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. 4. М., 1894, №№ 2093, 2087, 1892, 1894. Восстановленный текст Азбуковника см. также: Р. Якобсон. Заметка о древнеболгарском стихосложении. — ИОРЯС, т. XXIV, 2, Пгр., 1923, стр. 354—356.

¹⁴ См., например: Н. Н. Дурново. 1) Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — Byzantinoslavica, I, Praha, 1929, стр. 78 и сл.; 2) Мюнхенский абecedарий. — Известия АН СССР, 1930, № 3, стр. 215 и сл.; Е. Георгиев. 1) Началото на славянската писменост в България, стр. 76; 2) Кирил и Методий, основоположници на славянските литератури, стр. 149, прим. 3.

Азбуковник состоит из 36 двустижий, буквенный его ряд почти целиком повторяет буквенный ряд «Азбучной молитвы».¹⁵ Бросается в глаза и текстуальное сходство стихов названных памятников. Ясно, что автор «Азбуки покаяльной» хорошо знал стихотворение епископа Константина и следовал ему как образцу.¹⁶

Принято думать, что «Азбука покаяльная» — памятник древнеболгарского происхождения, возникший, по словам А. И. Соболевского, в пору, «когда все древние Ъ, Ъ и И еще существовали как гласные звуки и составляли слог», т. е. «никак не позднее конца X века»,¹⁷ и к тому же ориентированный на глаголицу. Подкреплялось это мнение в какой-то мере и убеждением, что русские книжники XI—XIII вв. не имели понятия о стихосложении. Однако никаких признаков азбуковника в южнославянской письменности до сих пор не обнаружено. С другой стороны, известно, что искусственное произношение редуцированных на Руси сохранялось и позже X в., в XI—XII и даже XIII столетиях.¹⁸ Знала древняя Русь и глаголицу. Что касается знакомства первых наших литераторов с правилами стихотворства, сознательного их использования, то это ныне можно сказать, установленный факт.¹⁹ Если учесть все сказанное, а также отсутствие черт, которые непременно указывали бы на Болгарию как на место сложения обсуждаемого акростиха, то категоричность традиционного суждения внушает некоторое недоверие. Иными словами, склоняясь в пользу болгарского происхождения «Ярославского азбуковника», мы не должны, до тех пор пока не будет проведен тщательный его анализ, исключать и другую возможность, тем более что памятник этот не вполне самостоятельный, а скроенный на манер «Пролога о Христе» Константина Преславского.

В богатой фактическим материалом и ценными наблюдениями работе Н. С. Демковой и Н. Ф. Дробленковой «К изучению славянских азбучных стихов» отмечается фразеологическая близость «Пролога о Христе» еще к одной «толковой азбуке» — «Аз преже о господе бозе начинаю вещати», которую они пытаются связать «с эпохой Кирилла и Мефодия и их последователей».²⁰ Исследовательницы полагают, в частности, что 8-й стих («Село бо закон его и свет стезям моим») «возможно даже... представляет собой стяжение и переработку двух строк из „Азбучной молитвы“:

¹⁵ Отличия касаются лишь 12-го стиха «Азбучной молитвы» и 12-го двустижия Азбуковника. Последний в соответствии с глаголическим алфавитом начинается с буквы «ѣ»: «Геоны и мя избави вечныя || и грозы и червьи неусыпающа» (А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 13; цитаты из памятников даются в современной орфографии). Этот факт еще раз убеждает в том, что 12-я строка «Пролога о Христе» соответствовала глаголическому «гервь», а не какому-то третьему «И». Наконец, в «Азбуке покаяльной» один дистих на «Ш».

¹⁶ Это вызвало возражения лишь у В. И. Лукьяненко, по мнению которой «Азбука покаяльная» «по своему содержанию является вполне самостоятельным произведением; по-видимому, некоторые... черты, сблизжающие ее с „Молитвой Константина философа“ (с «Азбучной молитвой», — Э. З.), являются общими стилистическими особенностями для азбучных акростихов XII—XIII вв.» (В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря..., стр. 248). Однако сходство в выражениях обоих памятников слишком существенно, чтобы отрицать прямую зависимость одного от другого. К тому же эти «общие стилистические особенности» нигде более не проявляются.

¹⁷ А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 4.

¹⁸ Срезневский. Материалы, т. III, столб. 1616—1617; А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 263—265.

¹⁹ См.: А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства, стр. 256—265.

²⁰ Н. С. Демкова и Н. Ф. Дробленкова. К изучению славянских азбучных стихов, стр. 47.

Село бо есть светильник жизни
Закон твои и свет стъзам».²¹

Одновременно они допускают, что названное сходство могло явиться и следствием общности источника — Псалтыри (ср. Псалт., СХVIII, 105: «Слово твое — светильник ноге моей и свет стезе моей»). Однако можно было бы указать и на смысловую переключку этих двух памятников. «Пролог о Христе», как известно, это молитва о творческом вдохновении, возвеличивающая святую Троицу, которая способна даровать «пространо слово» «просящууму», «силу и мудрость» достойным, «херовьску мысль и ум» верующим в нее. Эта же тема весьма отчетливо звучит и в «азбуке» «Аз преже о госпде бозе начинаю вещати» (ср.: «Иже от божеских помышляют, глубоко им разум дастся. И на всяку мудрость помысл их простирается»²² и т. д.). Ко всему прочему, в ней использовано изречение Григория Назианзина: 'Αρχὴν ἀπάντων καὶ τέλος ποιῶν Θεόν»,²³ отразившееся в «предисловии» к «Учительному евангелию», причем воспроизведено оно почти в том же виде, что и у Константина (ср.: «азбука» — «Добро бо и благодарно от бога начинати и кончати»; «предисловие» по списку ГИМ, Син., № 262, л. 3 — «Добро есть от бога начинати и до бога коньчавати»). Так что взаимозависимость этих двух акростихов отнюдь не невероятна.

Дошедшие до нас списки «Пролога о Христе» обнаруживают между собой различия, порой весьма существенные. В подавляющем большинстве случаев они порождены не сколько-нибудь осознанным стремлением к изменению копируемого текста, а невнимательностью или небрежностью писца, слабостью его памяти, возможно, шеткостью воспроизводимой рукописи и т. п. Накапливаясь, эти произвольные ошибки, замены одного-двух слов, одних грамматических форм другими приводили к значительной трансформации первоначального вида стихотворения, а проще говоря — к его порче. Именно о порче, а не о переработке «Азбучной молитвы» следует вести разговор, обращаясь к текстам, представленным списками Ундольского (ГБЛ, ф. 310, № 66),²⁴ ОИДР (ГБЛ, ф. 205, № 1. 192)²⁵ или же Воскресенским (ГИМ, собр. Воскресенского мон., № 103). В отношении этих последних, по-видимому, законен даже вопрос: не записаны ли они (или же их протографы) по памяти? Всякая переделка (а не искажение!) памятника предполагает целенаправленность работы ее исполнителя. Таковую целенаправленность, продиктованную желанием приспособить акростих епископа Константина к кириллице, мы установили, анализируя группу, представленную Троицким, Соловецкими, Волоколамскими и некоторыми другими родственными списками.²⁶ Вполне сознательной обработке подвергнут текст «Пролога о Христе», помещенный в сборнике из коллекции графа А. С. Уварова, № 859.²⁷ Автор переделки взял

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 58.

²³ Им открывается азбучный акростих Григория. Цит. по кн.: Е. Георгиев. Кирил и Методий, основоположники на славянские литературы, стр. 196.

²⁴ Ср.: К. Куев. Към въпроса за авторството на Азбучната молитва. — В кн.: Славистични студии. Сборник по случай V Международен славистичен конгрес в София. София, 1963, стр. 334.

²⁵ Ср.: К. Куев. Незвестни преписи от Азбучната молитва. — Език и литература, год. XXIV, кн. 1, София, 1969, стр. 74.

²⁶ См.: Э. Г. Зыков. Судьба «Азбучной молитвы» в древнерусской письменности. — ТОДРА, т. XXVI, л., 1971, стр. 177—191.

²⁷ Сборник писан в России в XVII в. несколькими почерками (полууставом и скорописью). Ныне хранится в ГИМ (Увар., Q.859). Акростих, озаглавленный «Молитва Константина Философа, сотворена азбукою», на лл. 237 об.—238. Фототипи-

за основу один из списков 2-й редакции, близкий к Волоколамским спискам №№ 573 и 551. Переработка выполнена очень неискусной рукой, сделанные добавления не всегда уместны, в итоге истинный смысл произведения в какой-то степени затемнен. Для иллюстрации приводим начало акростиха:

Аз словом сим молюся богу о гресех своих:
 Боже, всея твари содетелью и зжителю бог,
 Видемя, невидемя всея твари господь бог.
 Господня духа послѣ живущаго на люди своя,
 Да вдохнет в сердце мое слово разумети умом
 и т. д.

Совершенно иную картину представляет переделка, читающаяся в рукописи Уваровского собрания, Q. 778.²⁸ В данном случае мы имеем дело в сущности с самостоятельным произведением, хотя в основание его и положено древнеболгарское стихотворение (опять же во второй редакции).²⁹

Неизвестный русский книжник коренным образом перестроил сочинение епископа Константина. Под его пером оно приобрело иную направленность, иное идейное наполнение. Центр внимания переносится на людские прегрешения, на необходимость искупления грехов, на божье милосердие. Автор переделки также просит «вдохнуть» в его сердце «слово». Но мольба эта играет подчиненную роль, являясь всего лишь подступом к основной теме произведения. Если для Константина «просто слово» (или, как бы мы сказали ныне, творческий заряд) — залог успеха в работе по составлению «Учительного евангелия» во имя просвещения «славянского племени», то русскому книжнику «слово благоугодно» необходимо в основном для того, чтобы его голос был услышан адресатом и ему (а вместе с тем и его единоверцам) было даровано «спасение» и «одоление на враги». К призывам ниспослать помощь и силу для борьбы с «супостатами», от которых «уныние же и скорби... бывают», автор возвращается неоднократно. Настойчиво утверждает и мысль о всеобщем грехопадении, о душевной гибели; книжник постоянно сбивается с первого лица единственного числа на множественное. В конце молитвы в благочестивые размышления и обращения к всевышнему органически вплетается уверение в богоизбранности Русской земли: «...хощет господь Рускую землю разпространити, а сосуды диавольския истощити...». Разумеется, во всех этих случаях авторская индивидуальность весьма ограничена, упомянутые мотивы неоригинальны, обычны для христианской гимнографии. В частности, автор переделки, по-видимому, взял кое-что для себя из «Ярославского азбуковника» и из акростиха «Аз преже о господе бозе начинаю вещати»; первый помещен в Уваровском сборнике рядом с его творением и, скорее всего, сопровождал переделку не только в нем, но и в рукописи, скопированной одним из писцов

чески воспроизведен К. Куевым в статье «Неизвестни преписи на Азбучната молитва» (стр. 81—82). Более подробную характеристику рукописи см.: Леонид, арх. Систематическое описание... IV, стр. 275—282.

²⁸ Сборник в четверть, писан скорописью XVII в., на 307 лл. (ГИМ, Увар., Q. 778). Состоит из четырех рукописей, писанных разными почерками и переплетенных вместе в новое время. Интересующий нас текст, озаглавленный «Молитва святого Константина мудраго Философа, сложена азбукою», занимает лл. 277—278 об. Он помещен в третьей рукописи, среди других «азбук» (в их числе «Ярославский азбуковник», «Аз есмь всему миру свет», «Аз наречеса Адам», «Аще кто красится целомудрием», «Аще видиши брань, уклонися, беги и не постой»). См.: Леонид, арх. Систематическое описание... т. IV, стр. 258—262.

²⁹ Наличие в рукописи описок («подоление» вместо «и одоление») и искажений (см. текст) говорит о том, что автором переделки не мог быть писец, изготовивший ее.

сборника. Однако взятые все вместе, эти мотивы невольно вынуждают искать объективные причины, побудившие русского книжника так кардинально перекроить древнеболгарское стихотворение. В связи с этим не имеем ли мы права с некоторой долей уверенности в своей правоте высказать предположение, что рассматриваемая переделка явилась в какой-то мере откликом на одну из ожесточенных богословских схваток XVII в.: либо на распри «ревнителей древлего благочестия» с никонианами в период церковной реформы, расколовшей русское общество, либо на знаменитый спор о пресуществлении святых даров? Определить точно время ее появления не представляется возможным. Но состав буквенного ряда, сопровождающего текст, позволяет как будто заключить, что она возникла в ту пору, когда так называемое второе южнославянское влияние было позади, т. е. не ранее середины—второй половины XVI в. Если же высказанное выше предположение будет принято, то в таком случае составление переделки отодвинется на столетие позже.

Затруднительно дать исчерпывающий ответ на вопрос, какое место занимает «Пролог о Христе» в утверждении в славянских литературах искusstвенного стихотворства. Несомненно, однако, что двенадцатисложник, легший в основание «Пролога», в начальной болгарской книжности получил известное распространение. Не бездумно следовал ритмической схеме «Азбучной молитвы» составитель «Похвалы царю Симеону», открывающей «Изборник 1073 года». Этому же размеру придерживались авторы «Прогласа к Евангелю» и «Ярославского азбуквника». Учитывая трагичность судьбы древнеболгарских памятников³⁰ и тот факт, что значительное число славянских акростихов до неузнаваемости испорчено переписчиками и начальный их облик трудно восстановим, следует, видимо, признать, что двенадцатисложный цезурованный стих был не таким уж «уникальным явлением». Поэтому заключение Л. И. Тимофеева, что даже в момент своего рождения эти произведения были «лишь графическим подражанием внешнему виду стихотворных строк («византийских образцов», — Э. З.), каждая из которых писалась отдельно и начиналась с большой буквы»,³¹ мягко говоря, поспешно. Не более оправдано и следующее суждение Л. И. Тимофеева — об отсутствии в них «ритма». Касательно «рифмы» исследователь прав, но рифма отнюдь не обязательный признак стиха. Ритм же стиха, как известно, создается повторением соизмеримых отрезков. Такие отрезки, содержащие по 12 слогов в каждом, наличествуют в упомянутых памятниках. Усилению ритма, по справедливому убеждению их авторов, должен был способствовать и «дополнительный ритмический определитель» — цезура. Как звучали эти стихи в живом исполнении, нам узнать, очевидно, не суждено; современная мерка к ним не подходит. Ясно одно: зачинатели славянской книжности стремились к наиболее полному освоению византийского литературного опыта.

Еще менее определенны представления о стихотворстве киевского периода русской литературы. Не будем вдаваться в существо этого вопроса; современное состояние его разработки достаточно полно освещено в упоминавшейся статье А. М. Панченко. Автор статьи совершенно прав, утверждая мысль о несостоятельности взгляда, высказанного А. И. Соболевским, согласно которому русские писцы, копировавшие древнеболгар-

³⁰ См.: Э. Г. Зыков. Некоторые соображения об объеме и характере начальной болгарской литературы. — Ученые записки Карельского педагогического института, т. XVIII, Петрозаводск, 1967, стр. 68—75.

³¹ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, стр. 206.

ские стихотворения, не понимали, что имеют дело со стихами.³² Приведенные А. М. Панченко контраргументы вполне убедительны. Добавим лишь, что система знаков, обозначающих ритмический рисунок «Похвалы царю Симеону» в «Изборнике 1073 года» и «Пролога о Христе» в Синодальном списке «Учительного евангелия», графическое их оформление сохраняли силу именно потому, что русские книжники различали стихи и прозу, а не вследствие рабского подражания рукописи, которую они переписывали. Забвение представленной «Похвалой» и «Прологом» стихотворной формы³³ привело к тому, что тексты стали переписываться в сплошную строку, чему не могла воспрепятствовать даже «необходимость следовать каждой букве азбуки» в азбучных акrostихах.³⁴

В заключение заметим, что изучение отражения принципов, которыми руководствовался епископ Константин при создании «Пролога о Христе», в русской стихотворной практике старшей поры станет возможным тогда, когда сама эта практика будет более или менее основательно исследована. В нынешних же условиях любые суждения на сей счет не могут выйти за пределы очень шатких допущений и предположений. Публикуемый нами ниже текст русской переделки «Пролога о Христе» дается по рукописи ГИМ, собр. Уварова, Q.778.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Молитва святого Константина, мудраго Философа, сложена азбукою ^а

л. 277

- А Аз словом сим молюся творцу своему и богу:
 Б Боже всеа твари, содетелю и зиждителю мой,
 В Видимыя и невидимыя всеа твари содетелю, небесныя и земныя,
 Г Господня духа послѣ ми животворящаго своего,
 Д Да вдохнет в сердце мое слово благоугодно; тебе, || богу моему, поработаю. л. 277 об.
 Е Еже будет во устех всем человеком благоугодно слово сие,
 Ж Живущих в заповедех господних.
 З Село бо есть поспешник, чающе от тебе, владыки, великия милости и будущаго воскресения.
 И Заповедие закона твоего господня сподоблюся «и» жизни вечныя.
 И Иже чают и чтут евангелския твоя божественныя учительныя словеса. Невниманию (так! — Э. З.) сердцу моему и всем человеком, верующым в тя.
 I I летит бо ныне словенскаго языка ^б племен ^в упование православныя христианскыя веры.
 К Ко крещению твоему вси обратшася, христиане вернии,
 Л Люди твои, господи, нарешися хотя.
 М Милости твоя, господи, прошу и молю: дай же ми отпущение грехов.
 Н Но мне, господи, многогрешному рабу своему, подаждь помощь и силу на враги.
 О О пресвятая и пречестная и всевятая Троице, преложи печаль на радость мою и настави мя на истинный путь ко спасению.
 П Просящему у тебе, всещедраго владыки, пищи душевныя на спасение и на утверждение сердец наших.
 Р Руце свои воздевающе || присно к тебе, владыко, вопиюще: помилуй мя, падшего. л. 278

³² А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства, стр. 262 и сл.

³³ В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 1. СПб., 1900, стр. 3.

³⁴ Ср.: А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства, стр. 262.

^а В ркп. текст в сплошную строку. В конце каждого стиха поставлена точка, реже — запятая. Начальные буквы стихов жирно наведены. Буквенный ряд расположен по полю. Текст приводится в современной графике, за исключением буквенного ояда и зачала стихов. Гитла раскрыты. ^б Испр.; в ркп. языка. ^в Испр.; в ркп. племена; слово это как будто вообще лишнее.

- С Силу и мудрость у тебя хотяще восприяти, от тебе, владыки, дай же ми,
господи, помощ³ и одоленне⁴ на враги.
- Т Ты бо, господи, даеши свет всем изобилно,⁵ к тебе нелицемерно ся помолится.
- У Оуныние же и скорби от супостат бывают. Ты, владыко, царю, исцеляеши всех
прибегающих к твоему покрову.
- Ф Фараоновы мя злобы избави, владыко.
- Х Херувимскую песнь и ум подаждь ми, господи, славити тя, истиннаго бога.
- Щ Щте и сыне и святыи душе, утешителю всем верующым в тя.
- Ц Целомудренно начну пети и славити господа бога моего на всяко время
и на всяк час.
- Ч Чудеса твоя, господи, повем землям предивна зело многа.
- Ш Шествием обновил еси, владыко, всю землю,
- Щ Щедростию своею и милосердием неизглаголаным грехи вземляи всего мира.
- Ъ Ъблико тако похоте с небеси сойти и воплотися в деву Марию.
- Ы Ыавно, господи, сошед во ад, и узы окованных разруши, и прелесть
диаволскую погаси.
- Ъ Ъдин господь все сотвори, понеже силен.
- Ю Юн и стар есмь || наставляемь господним спасителным разумом.
- Я Якоже бо хошет господь Рускую землю разпространити, а сосуды диаволския
истоштити, а все совершил своим воскресением.
- Ѡ Ѡто отца послан бысть всю тварь обновити.
- Ѳ Ѳоздателью богу припадем, помолимся с верою.
- Ѱ Ѱаломским гласом да возопием: помилуй нас, владыко, погибших и недостойных
раб своих. Аминь.

³⁻⁴ Испр.; в ркп. подоление.⁵ Испр.; в ркп. изобилно.

Г. М. ПРОХОРОВ

**Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник,
Авва Дорофей, Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов,
Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой
лавы с XIV по XVII в.**

Как мы знаем из богатой интересными сведениями статьи Р. П. Дмитриевой «Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры)»,¹ процентный состав светских произведений в библиотеках ведущих русских монастырей от XV к XVI в. уменьшался при одновременном росте самих этих библиотек, происходившем главным образом за счет церковно-назидательных сочинений. Это не вызывает особого удивления, поскольку речь идет о монастырских библиотеках: вполне естественно, что монахам нужна была в первую очередь церковно-назидательная и церковно-служебная литература. Удивительно было бы обратное.

Я хочу обратить внимание как раз на такого рода обратный процесс — на уменьшение места, занимаемого в монастырской библиотеке церковно-назидательной, точнее, именно монашеско-назидательной, литературой, — на явление неожиданное и поразительное.

Для наблюдений была избрана Троице-Сергиева лавра, поскольку лишь она, один из ведущих монастырей московского периода, позволяет начать наблюдения с XIV в., — с самого начала того культурного импульса, благодаря которому келейная учительная литература (переводы сочинений Иоанна Синайского или Лествичника,² VI в., Аввы Дорофея, VI—VII вв., Исаака Сириянина, VII в., Симеона Нового Богослова, XI в., Григория Синаита, XIV в., и др.)³ получила большое распространение на Руси. Перечисленные авторы — мистики-созерцатели, писавшие для воспитания подобных им подвижников. Вот характерные заголовки из их сочинений: «О священном и преподобном тела и души безмолвии», «О многословии и молчании», «О памяти смертной», «О безгневи и кротости», «О нестяжании», «О бдении телесном» (Иоанн Лествичник), «О смиренномудрии», «О совести», «О божественном страхе» (Авва

¹ См.: ТОДРА, т. XXIII, л., 1968, стр. 143—170.

² Книга «Лествица» известна в славянском (болгарском) переводе по спискам XII столетия (см.: А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 2. М., 1859, стр. 198), но широкое распространение на Руси получила она лишь с конца XIV в.

³ Разумеется, круг такого рода писателей гораздо шире; мною избраны были лишь самые, как мне показалось, популярные.

Дорофей), «О молчании и безмолвии и о житии тихом», «О чистой молитве», «Откуда съхраняется трезвение умное, еже внутрь в души бываемое», «О хранении сердца и видении тончайшем» (Исаак Сирий), «О делании духовнем», «О мысленном раи боговидения и древе животнем» (Симеон Новый Богослов), «О безмолвии», «О образех молитвы», «О еже како подобает сидети в безмолвии» (Григорий Синаит).

На такого рода сочинениях базировались в своей защите учения о божественной энергии в мире и о нетварном свете мистических созерцаний византийские исихасты XIV столетия. Сама порожденная исихастскими спорами богословско-философская полемическая литература на Русь почти не попала, но лежащая в ее основании «келейная» проникла в большом количестве. Это проникновение можно рассматривать как один из показателей распространения с Балкан на Русь монашеского общественного движения,⁴ а в конечном итоге — как показатель влияния исихазма на русскую культуру.

Последующее изменение интенсивности переписки этой литературы в основанном Сергием Радонежским монастыре может служить хорошим индикатором изменений, происходивших со временем в интеллектуальной и духовной жизни тамошних монахов; а поскольку речь идет об одном из крупнейших книжных и культурных центров страны, — показателем некоторых перемен в культуре Руси в целом.

Сохранившиеся рукописи Троице-Сергиевой лавры находятся в настоящее время в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в трех собраниях: 1) Троице-Сергиевой лавры (далее: ТСЛ), 2) Московской духовной академии (далее: МДА фонд.) и 3) Музейном. Подсчет интересующих нас рукописей собрания ТСЛ сделан по книге Арсения и Илария «Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры» (т. I, 1878; т. II, 1878; т. III, 1879). Подсчет рукописей собрания МДА — по книге архимандрита Леонида «Сведения о славянских пергаментных и бумажных рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г.» (вып. 1—2. М., 1887). В Музейном собрании — собрания лаврской ризницы интересующих нас рукописей нет.

Уточнения в перечень рукописей внесены по данным, приведенным в указанной выше статье Р. П. Дмитриевой (так, например, из числа списков XV в. сочинений Григория Синаита исключена рукопись ТСЛ, № 37, так как, судя по владельческой записи, она попала в библиотеку лавры позже,⁵ а число списков XVI в. сочинений Симеона Нового Богослова пополнено рукописью ГПБ, Q.I.1468, происходящей из ТСЛ).⁶

Уточнения в датировке многих рукописей внесены по данным, любезно сообщенным мне сотрудницей отдела рукописей ГБЛ Л. В. Тигановой.

И. Иоанн Лествичник

XIV в.

1) ТСЛ, № 10 (2028), Лествица, 1334 г.;

2) МДА фонд., № 152, Лествица (рука митр. Киприана), 1387 г.;

⁴ См.: Г. М. Прохоров. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе XIV в. — ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 103.

⁵ Р. П. Дмитриева. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв., стр. 156, прим. 73.

⁶ Там же, стр. 170, прим. 107.

- 3) ТСЛ, № 15 (2026), Мерило Праведное, конец XIV в. (выписки);
- 4) ТСЛ, № 155 (1672), Лествица, кон. XIV—нач. XV в.;
- 5) ТСЛ, № 183 (1675), Лествица и др., кон. XIV—нач. XV в.

XV в.

- 1) ТСЛ, № 158 (1683), Лествица, нач. XV в.;
- 2) ТСЛ, № 156 (1681), Лествица, 1412 г.;
- 3) ТСЛ, № 157 (1684), Лествица, 1412 г.;
- 4) ТСЛ, № 167 (1673), Лествица и др., 1423 г.;
- 5) ТСЛ, № 185 (1677), Лествица и др., 1425 г.;
- 6) ТСЛ, № 168 (1682), Лествица и др., 1433 г.;
- 7) МДА фонд., № 154, Сборник, 2-я четв. XV в. (выписки);
- 8) ТСЛ, № 170 (1678), Лествица и др., 1-я пол. XV в.;
- 9) ТСЛ, № 171 (1674), Лествица и др., 1-я пол. XV в.;
- 10) ТСЛ, № 184 (1680), Лествица и др., 1-я пол. XV в.;
- 11) ТСЛ, № 751 (1883), Сборник, сер. XV в. (выписки);
- 12) ТСЛ, № 763 (1834), Сборник, XV в. (выписки);
- 13) ТСЛ, № 408 (1345), Стихирарь крюковой и др., 2-я пол. XV в. (выписки);
- 14) ТСЛ, № 710 (1915), Патерик египетский, 1493 г. (выписки);
- 15) ТСЛ, № 767 (1636), Сборник, кон. XV—нач. XVI в. (выписки).

XVI в.

- 1) ТСЛ, № 162 (1670), Лествица и др., нач. XVI в.;
- 2) ТСЛ, № 771 (1875), Сборник, 1524 г. (выписки);
- 3) ТСЛ, № 159 (1685), Лествица, 1526 г.;
- 4) МДА фонд., № 207, Сборник житий, 1-я пол. XVI в. (выписки);
- 5) ТСЛ, № 143 (1657), Иоанн Златоуст и др., 1557 г. (выписки);
- 6) ТСЛ, № 160 (1671), Лествица и др., XVI в.;
- 7) ТСЛ, № 161 (1679), Лествица, кон. XVI—нач. XVII в.

XVII в.

- 1) МДА фонд., № 38, Лествица с толкованием, нач. XVII в.;
- 2) МДА фонд., № 37, Лествица с толкованием, 1-я треть XVII в.;
- 3) МДА фонд., № 185, Нил Сорский, сер. XVII в. (выписки);
- 4) ТСЛ, № 807 (1930), Сборник, XVII в. (выписки).

II. Авва Дорофей**XIV в.**

- 1) ТСЛ, № 164 (1722), Авва Дорофей и др., посл. треть (м. б. 60—70-е годы) XIV в.

XV в.

- 1) ТСЛ, № 165 (1720), Авва Дорофей и др., 1414 г.;
- 2) ТСЛ, № 181 (1723), Авва Дорофей, Симеон Новый Богослов и др., нач. XV в.;
- 3) ТСЛ, № 163 (1719), Авва Дорофей, 1-я четв. XV в.;
- 4) ТСЛ, № 167 (1673), Авва Дорофей, Лествица и др., 1423 г.;
- 5) ТСЛ, № 185 (1677), Авва Дорофей, Лествица и др., 1425 г.;
- 6) ТСЛ, № 175 (1844), Авва Дорофей, Исаак Сирий и др., 1431 г.;
- 7) ТСЛ, № 168 (1682), Авва Дорофей, Лествица и др., 1433 г.;
- 8) ТСЛ, № 169 (1676), Авва Дорофей, Лествица и др., 1433 г.;
- 9) МДА фонд., № 154, Симеон Новый Богослов, Авва Дорофей и др., 2-я четв. XV в.;
- 10) ТСЛ, № 170 (1678), Авва Дорофей, Лествица и др., 1-я пол. XV в.;
- 11) ТСЛ, № 171 (1674), Авва Дорофей, Лествица и др., 1-я пол. XV в.;
- 12) ТСЛ, № 180 (1859), Авва Дорофей, Симеон Новый Богослов и др., 1445 г.;
- 13) МДА фонд., № 60, Авва Дорофей и др., кон. XV—нач. XVI в.;
- 14) ТСЛ, № 767 (1636), Сборник, кон. XV—нач. XVI в. (выписки);
- 15) ТСЛ, № 768 (1201), Сборник, кон. XV—нач. XVI в. (выписки).

XVI в.

- 1) ТСА, № 771 (1875), Сборник, 1524 г. (выписки);
- 2) ТСА, № 166 (1721), Авва Дорофей и др., XVI в.;
- 3) ТСА, № 794 (1899), Измарагд и Сборник, XVI в. (выписки);
- 4) МДА фонд., № 59, Патерик скитский и Авва Дорофей, 3-я четв. XVI в.;
- 5) ТСА, № 657 (1905), Сборник, кон. XVI—нач. XVII в. (выписки).

XVII в.

- 1) ТСА, № 799 (1927), Нил Сорский и др., нач. XVII в. (выписки);
- 2) ТСА, № 661 (562), Сборник богослужебный, XVII в. (выписки);
- 3) ТСА, № 802 (1211), Сборник, XVII в. (выписки).

III. Исаак Сирин**XIV в.**

- 1) МДА фонд., № 151.2, Исаак Сирин, 1-я четв. XIV в. (серб.);
- 2) ТСА, № 172 (1862), Исаак Сирин, 1381 г.;
- 3) ТСА, № 164 (1722), Авва Дорофей и др., посл. треть XIV в. (выписки);
- 4) ТСА, № 179 (1851), Петр Дамаскин и др., кон. XIV в. (выписки);
- 5) ТСА, № 13 (2024), Сборник, кон. XIV в. (выписки);
- 6) ТСА, № 121 (1655), Апокалипсис, Иоанн Дамаскин и др., кон. XIV в. (выписки).

XV в.

- 1) ТСА, № 181 (1723), Авва Дорофей, Симеон Новый Богослов и др., нач. XV в.;
- 2) ТСА, № 157 (1684), Лествица и др., 1412 г. (выписки);
- 3) МДА фонд., № 151.1, Исаак Сирин, 1-я треть XV в.;
- 4) ТСА, № 185 (1677), Исаак Сирин, Лествица, Авва Дорофей и др., 1425 г.;
- 5) ТСА, № 175 (1844), Исаак Сирин и Авва Дорофей, 1431 г.;
- 6) ТСА, № 171 (1674), Лествица, Авва Дорофей и др., 1-я пол. XV в. (выписки);
- 7) ТСА, № 184 (1680), Лествица, Петр Дамаскин и др., 1-я пол. XV в. (выписки);
- 8) ТСА, № 173 (1860), Исаак Сирин, 2-я четв.—середина XV в.;
- 9) ТСА, № 174 (1861), Исаак Сирин, XV в.;
- 10) ТСА, № 408 (1345), Стихирарь крюковой и др., 2-я пол. XV в.

XVI в.

- 1) ТСА, № 771 (1875), Сборник, 1425 г. (выписки);
- 2) МДА фонд., № 207, Сборник житий, 1-я пол. XVI в. (выписки);
- 3) МДА фонд., № 55, Пандекты Никона Черногорца, XVI в. (выписки);
- 4) ТСА, № 784 (1650), Сборник, XVI в. (выписки);
- 5) ТСА, № 160 (1671), Лествица и др., XVI в. (выписки).

XVII в.

- 1) МДА фонд., № 185, Нил Сорский, сер. XVII в. (выписки).

IV. Симеон Новый Богослов**XIV в.**

- 1) ТСА, № 744 (1885), Сборник, посл. четв. XIV в. (выписки);
- 2) ТСА, № 13 (2024), Сборник, кон. XIV в. (выписки);
- 3) ТСА, № 183 (1675), Лествица и др., кон. XIV—нач. XV в.;
- 4) МДА фонд., № 49, Симеон Новый Богослов, кон. XIV—нач. XV в.

XV в.

- 1) ТСА, № 165 (1720), Авва Дорофей и др., 1414 г. (выписки);
- 2) ТСА, № 181 (1723), Авва Дорофей, Симеон Новый Богослов и др., нач. XV в.;
- 3) ТСА, № 167 (1673), Лествица, Авва Дорофей и др., 1423 г. (выписки);
- 4) ТСА, № 185 (1677), Лествица, Авва Дорофей и др., 1425 г. (выписки);
- 5) ТСА, № 756 (1637), Сборник, кон. 1-й—нач. 2-й четв. XV в. (выписки);
- 6) ТСА, № 407 (1351), Стихирарь крюковой и др., 1437 г. (выписки);
- 7) МДА фонд., № 154, Симеон Новый Богослов, Авва Дорофей и др., 2-я четв. XV в.;

- 8) ТСА, № 184 (1680), Лествица, Петр Дамаскин, Симеон Новый Богослов, 1-я пол. XV в.;
- 9) ТСА, № 180 (1859), Симеон Новый Богослов, Авва Дорофей и др., 1445 г.;
- 10) ТСА, № 760 (1852), Петр Дамаскин и др., XV в. (выписки);
- 11) ТСА, № 763 (1834), Сборник, XV в. (выписки);
- 12) МДА фонд., № 77, Миния общая, посл. четв. XV в. (выписки);
- 13) ТСА, № 766 (1625), Сборник, кон. XV в. (выписки).

XVI в.

- 1) ТСА, № 413 (1327), Стихирарь крюковой и др., нач. XVI в. (выписки);
- 2) ТСА, № 771 (1875), Сборник, 1524 г. (выписки);
- 3) ТСА, № 785 (1642), Сборник, XVI в. (выписки);
- 4) ТСА, № 182 (1858), Симеон Новый Богослов и др., XVI в.;
- 5) ГПБ, Q.I.1468, Симеон Новый Богослов, XVI в.

XVII в.

- 1) ТСА, № 200 (1843), Максим Грек, нач. XVII в. (выписки);
- 2) ТСА, № 343 (874), Псалтырь с воссл., XVII в. (выписки);
- 3) ТСА, № 189 (1613), Нил Сорский, Петр Дамаскин, Симеон Новый Богослов и др., 3-я четв. XVII в.

V. Григорий Синаит

XIV в.

- 1) ТСА, № 13 (2024), Сборник, кон. XIV в. (выписки);
- 2) ТСА, № 183 (1675), Лествица, Симеон Новый Богослов и др., кон. XIV—нач. XV в. (выписки);
- 3) МДА фонд., № 49, Симеон Новый Богослов и др., кон. XIV—нач. XV в. (выписки).

XV в.

- 1) ТСА, № 156 (1681), Лествица и др., 1412 г. (выписки);
- 2) ТСА, № 756 (1637), Сборник, кон. 1-й—нач. 2-й четв. XV в. (выписки);
- 3) ТСА, № 308 (841), Псалтырь и др., 1429 г. (выписки);
- 4) ТСА, № 407 (1351), Стихирарь крюковой, 1437 г. (выписки);
- 5) ТСА, № 186 (1866), Григорий Синаит и др., XV в.;
- 6) ТСА, № 704 (1821), Патерик скитский, Григорий Синаит и др., XV в.;
- 7) ТСА, № 748 (1657), Сборник и Григорий Синаит, XV в.;
- 8) ТСА, № 753 (1629), Сборник, XV в. (выписки);
- 9) ТСА, № 763 (1834), Сборник, XV в. (выписки);
- 10) ТСА, № 758 (1635), Сборник, кон. XV в. (выписки);
- 11) ТСА, № 766 (1625), Сборник, кон. XV в. (выписки);
- 12) ТСА, № 767 (1636), Сборник, кон. XV—нач. XVI в. (выписки);
- 13) ТСА, № 768 (1201), Сборник, кон. XV—нач. XVI в. (выписки).

XVI в.

- 1) ТСА, № 770 (1554), Сборник, нач. XVI в. (выписки);
- 2) МДА фонд., № 82, Антилатинский сборник, сер. XVI в. (выписки).

Полученные данные о количестве списков сведем в таблицу.

Век	Иоанн Лествичник	Авва Дорофей	Исаак Сирия	Симеон Новый Богослов	Григорий Синаит	Суммарное число списков	Число рукописей ⁷
XIV	5	1	5	4	3	18	12
XV	15	15	10	13	13	66	36
XVI	7	5	5	5	2	24	19
XVII	4	3	1	3	—	11	10

⁷ Число рукописей отличается от суммарного числа списков (меньше его), потому что сочинения интересующих нас авторов часто встречаются в одних и тех же сборниках.

Как видим, потребность в сочинениях этих писателей возникла одновременно с созданием монастыря, в XIV в. Наиболее интенсивно переписывали их в XV в. А затем интерес к ним резко упал, хотя монастырская библиотека продолжала расти и выросла за XVI в. более чем в два раза.⁸ В XVII в. в исихастских наставлениях монахи лавры нуждались еще меньше, чем в XVI в.

Мы можем проследить этот любопытный процесс более подробно, ибо время создания 61 рукописи из 77 (т. е. 80%) известно нам более точно, чем просто тот или иной век. Распределим эти рукописи по четвертям столетия, сделав все необходимые оговорки.

Рукописи, датированные первой или последней третью века, отнесем к первой или последней четверти. Рукописи, датированные концом одного—началом другого столетия, будем относить частично к последней четверти одного века, частично — к первой четверти другого. Подобным же образом рукописи «первой половины», «середины» и «второй половины» века поделим соответственно между первой и второй, второй и третьей, третьей и четвертой четвертями столетия. Что же касается тех 16 кодексов, которые датированы пока только веком, то очевидно, что мы не можем произвольно отнести их к тому или иному двадцатипятилетию, но должны поровну поделить между всеми четвертями. Ясно, что эти вынужденные «деления» несколько сгладят искомую нами характеристику процесса, но они допустимы, поскольку неспособны изменить ее по существу.

Ниже приводится расчет интенсивности переписки произведений рассматриваемых нами авторов с точностью до четверти столетия.

XIV в.

Две рукописи, созданные ранее середины XIV в., но происходящие из Троице-Сергиевой лавры, сочтем свидетельствующими о начальном периоде существования этого монастыря, т. е. отнесем к третьей четверти XIV в.: ТСА, № 10 (2028), 1334 г. и МДА фонд., № 151.2, 1-я треть XIV в.

Последняя четверть. Восемь «целых» рукописей: 1) ТСА, № 172 (1862), 1381 г.; 2) МДА фонд., № 152, 1387 г.; 3) ТСА, № 164 (1722), посл. треть XIV в.; 4) ТСА, № 744 (1885), посл. четв. XIV в.; 5) ТСА, № 13 (2024), кон. XIV в.; 6) ТСА, № 15 (2026), кон. XIV в.; 7) ТСА, № 121 (1655), кон. XIV в.; 8) ТСА, № 179 (1851), кон. XIV в. К этому числу прибавляем 1.5 за счет трех следующих рукописей конца XIV—начала XV в.: 1) ТСА, № 155 (1672), 2) ТСА, № 183 (1675) и 3) МДА фонд., № 49. Всего для последней четверти XIV в. получаем: $8 + 1.5 = 9.5$.

XV в.

Первая четверть. Восемь «целых» рукописей: 1) ТСА, № 158 (1683), нач. XV в.; 2) ТСА, № 181 (1723), нач. XV в.; 3) ТСА, № 156 (1681), 1412 г.; 4) ТСА, № 157 (1673), 1412 г.; 5) ТСА, № 165 (1720), 1414 г.; 6) ТСА, № 163 (1719), 1-я четв. XV в.; 7) ТСА, № 167 (1673), 1423 г.; 8) МДА фонд., № 151.1, 1-я треть XV в. Прибавляем к этому числу 1 — за счет двух рукописей конца первой—начала 2-й четверти XV в.: 1) ТСА, № 185 (1677), 1425 г. и 2) ТСА, № 756 (1637); 1.5 — за счет трех рукописей 1-й половины XV в.: 1) ТСА, № 170 (1678), 2) ТСА, № 171 (1674) и 3) ТСА, № 184 (1680); 1.75 — за счет семи рукописей «XV в.»: 1) ТСА, № 763 (1834), 2) ТСА, № 174 (1861), 3) ТСА, № 760 (1852), 4) ТСА, № 186 (1866), 5) ТСА, № 704 (1821), 6) ТСА, № 748 (1647) и 7) ТСА, № 753 (1629); 1.5 — за счет указанных выше трех рукописей «конца XIV—начала XV в.». Итого получаем: $8 + 1 + 1.5 + 1.75 + 1.5 = 13.75$.

Вторая четверть. Восемь «целых» рукописей: 1) ТСА, № 168 (1682), 1433 г.; 2) ТСА, № 175 (1844); 1431 г.; 3) ТСА, № 169 (1676), 1433 г.; 4) ТСА, № 180 (1859), 1445 г.; 5) ТСА, № 407 (1351), 1437 г.; 6) ТСА, № 308 (841),

⁸ См.: Р. П. Дмитриева. Светская литература. . . , стр. 166.

1429 г.; 7) МДА фонд., № 154, 2-я четв. XV в.; 8) ТСЛ, № 173 (1860), 2-я четв. XV в. К этому числу прибавляем 0.5 — за счет одной рукописи «середины XV в.»; 1 — за счет двух рукописей конца 1-й — начала 2-й четверти XV в.; 1.5 — за счет трех рукописей 1-й половины XV в.; 1.75 — за счет семи рукописей «XV в.» Всего получается: $8+0.5+1+1.5+1.75=12.75$.

Третья четверть. 0.5 — за счет одной рукописи «середины XV в.»; 0.5 — за счет одной рукописи «второй половины» века; 1.75 — за счет семи рукописей просто «XV в.» Всего: $0.5+0.5+1.75=2.75$.

Последняя четверть. Четыре «целых» рукописи: 1) ТСЛ, № 710 (1915), 1493 г.; 2) МДА фонд., № 77, посл. четв. XV в.; 3) ТСЛ, № 766 (1625), кон. XV в.; 4) ТСЛ, № 758 (1635), кон. XV в. К этому числу прибавляем 0.5 — за счет одной рукописи «второй половины» века; 1.75 — за счет семи рукописей «XV в.»; 1.5 — за счет трех рукописей конца XV — начала XVI в.: 1) ТСЛ, № 767 (1636), 2) МДА фонд., № 60 и 3) ТСЛ, № 768 (1201). Всего: $4+0.5+1.75+1.5=7.75$.

XVI в.

Первая четверть. Пять «целых» рукописей: 1) ТСЛ, № 162 (1670), нач. XVI в.; 2) ТСЛ, № 771 (1875), 1524 г.; 3) ТСЛ, № 166 (1721), 1524 г.; 4) ТСЛ, № 770 (1554), нач. XVI в.; 5) ТСЛ, № 413 (1327), нач. XVI в. К этому числу прибавляем 0.5 — за счет одной рукописи 1-й половины XVI в. (МДА фонд., № 207); 1.75 — за счет семи рукописей «XVI в.»: 1) ТСЛ, № 160 (1671), 2) ТСЛ, № 794 (1899); 3) МДА фонд., № 55, 4) ТСЛ, № 784 (1650), 5) ТСЛ, № 785 (1642), 6) ТСЛ, № 182 (1858) и 7) ГПБ, Q.I.1468. Всего: $5+0.5+1.75=7.25$.

Вторая четверть. Одна «целая» рукопись — ТСЛ, № 159 (1685), 1526 г. Прибавляем 0.5 — за счет одной рукописи «первой половины» века; 1.75 — за счет рукописей «XVI в.»; 0.5 — за счет одной рукописи «середины XVI в.» (МДА фонд., № 82). Всего: $1+0.5+1.75+0.5=3.75$.

Третья четверть. Две «целых» рукописи: 1) ТСЛ, № 143 (1657), 1557 г.; 2) МДА фонд., № 59, 3-я четв. XVI в. Прибавляем 0.5 — за счет одной рукописи «середины века»; 1.75 — за счет одной рукописи «XVI в.» Всего: $2+0.5+1.75=4.25$.

Последняя четверть. 1 — за счет двух рукописей конца XVI — начала XVII в.: 1) ТСЛ, № 161 (1679) и 2) ТСЛ, № 657 (1905); 1.75 — за счет рукописей «XVI в.» Всего: $1+1.75=2.75$.

XVII в.

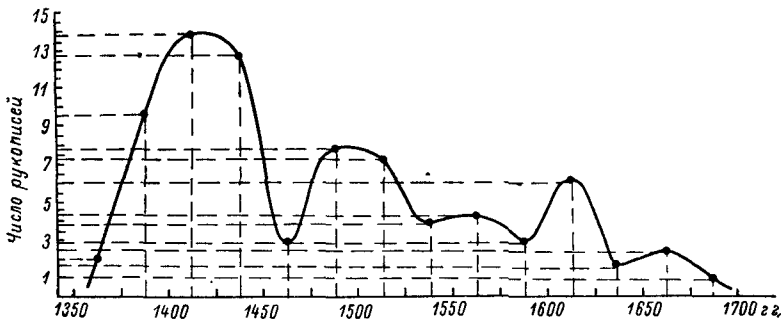
Первая четверть. 4 «целых» рукописи: 1) МДА фонд., № 38, нач. XVII в.; 2) МДА фонд., № 37, 1-я треть XVII в.; 3) ТСЛ, № 799 (1927), нач. XVII в.; 4) ТСЛ, № 200 (1843), нач. XVII в. К этому числу прибавляем 1 — за счет двух рукописей конца XVI — начала XVII в.; 1 — за счет четырех рукописей просто «XVII в.»: 1) ТСЛ, № 807 (1930), 2) ТСЛ, № 661 (562), 3) ТСЛ, № 802 (1211) и 4) ТСЛ, № 343 (874). Всего: $4+1+1=6$.

Вторая четверть. 0.5 — за счет одной рукописи «середины» XVII в. (МДА фонд., № 185); 1 — за счет четырех рукописей «XVII в.» Всего: $0.5+1=1.5$.

Третья четверть. 1 — за счет одной рукописи 3-й четверти века (ТСЛ, № 189 (1613)); 0.5 — за счет одной рукописи «середины века»; 1 — за счет четырех рукописей «XVII в.» Всего: $1+0.5+1=2.5$.

Последняя четверть. 1 — за счет четырех рукописей «XVII в.»

По полученным цифрам можем построить кривую интенсивности переписки интересующих нас книг:

Как видим, самым мощным был первоначальный, идущий, вне сомнений, от Сергия Радонежского, толчок интереса к византийским авторам-исихастам. Своего апогея интенсивность переписки их сочинений достигает в 20—30-е годы XV в. Вслед за тем, в середине века, происходит значительный спад, объясняемый, может быть, отчасти тем, что стало хватать уже переписанных книг (а отчасти, может быть, фактом заключения греками и латинянами Флорентийской унии); в третьей четверти столетия этот спад сменяется подъемом, связанным, очевидно, с новым оживлением скитничества, старчества, с творчеством Нила Сорского и спорами «иосифлян» и нестяжателей. После этого вплоть до конца XVI в. потребность в келейной созерцательской литературе, несмотря на незначительный подъем в третьей четверти века, в общем падает. Последний заметный рост интереса к ней приходится на Смутное время.

В целом начерченный нами график напоминает волны, возбужденные брошенным в воду камнем. Первая, самая высокая волна соответствует так называемому «второму южнославянскому» — точнее, второму византийскому — влиянию на русскую литературу, а в более широком, восточно-европейском плане — православному возрождению.

О. Ф. КОНОВАЛОВА

Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского

В системе поэтического языка Епифания эпитет занимает значительное место. Он разнообразен, менее традиционен, чем другие поэтические тропы, сочетает в себе изобразительные и лирические функции. Наблюдения над эпитетами, встречающимися в Житии Стефана Пермского, показали, что они могут быть разделены на: тавтологические — светлый светильник, трудолюбивый сподвизалец; пояснительные — невеста добра, хороша, красна; метафорические — виноград разумный, море житейское, очи сердечные; порицательные — волхв очарованный, семя хананейское. В каждую из этих групп могут входить эпитеты постоянные (традиционные), например: овцы словесные, муж добрый, свет истинный.

Рассмотрим некоторые конкретные случаи употребления эпитетов в Житии Стефана Пермского. В главе «О епископстве» писатель говорит о том, каким должен быть епископ, и о том, что Стефан Пермский обладает именно теми качествами, которые необходимо иметь епископу: «Подобает епископу непорочну быти, трезву, целомудрену, учителну, не пианчиву, не битливу, рассмотреливу, не тяжблыву, правдиву, воздержливу, не гневливу, не самолюбиву, не себе угодливу, страннолюбцу, не сребролюбцу, не мздоимцу, благолюбцу, преподобну, заступающу верна слово учения, да силен будет утешати учением здравым, да мощен будет въпреки глаголющаа обличати и еретиком уста загражати».¹ В приводимом фрагменте содержатся рекомендации и одновременно оценка качеств, которыми должен обладать епископ.

Для характеристики епископа автор жития использует тексты посланий Павла к Тимофею и Титу. Эти послания обычно называют пастырскими, так как они адресованы не к целым общинам, как например Послания Римлянам, Коринфянам, Галатам, а преимущественно к пастырям, руководителям общин. Главная тема посланий — наставления епископам. По-видимому, почему Епифаний обращается именно к этим источникам, стремясь дать наставления Стефану, руководителю пермян, их пастырю, их будущему епископу.

Сопоставление текстов посланий и жития показывает, что Епифаний подбирает эпитеты для характеристики епископа из евангельских текстов.

---

¹ Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897, стр. 60 (далее в тексте даются страницы по этому изданию).

Если считать, что Новый Завет сохранился приблизительно в том виде, в каком он был во времена Епифания, то можно заключить, что писатель сознательно компоновал свои стилистические периоды из известных ему апостольских посланий.

Естественно, что Епифаний выбрал именно эти тексты, так как качества, которыми должен обладать новый епископ, перечислены в посланиях Павла к Тимофею и Титу. Стефан наделен эпитетами, характеризующими различные стороны его характера (по замыслу автора — характера идеального героя). Эпитеты раскрывают отдельные стороны деятельности подвижника и показывают, каковы его человеческие качества и почему ему поверили пермяне. Одновременно автор наставляет слушателей в том, каким должен быть истинно верующий христианин, и подчеркивает, что его герой действительно «святой», обладающий добродетелями, записанными в святых книгах.

Все эпитеты, которыми наделен епископ, имеют оценочный характер. Они известны читателю — современнику Епифания. Можно сказать, что их метафорическое значение стирается и они приобрели вид словесной формулы, особого литературного приема. Однако писатель, чувствуя именно это обстоятельство, стремится найти какой-то выход. Слова должны зазвучать громче, они должны произвести впечатление сильное, тем более что они известны и употребляются часто. Епифаний отбирает из различных текстов эпитеты по определенному признаку и располагает их так, чтобы образовались своеобразные звуковые, музыкальные фразы. Например: «...Тимофею о сем утвержающа, пишуща, и посылающа, и глаголюща: подобает епископу непорочну быти, трезву, целомудрену, учителну, не pianчиву, не битливу, рассмотреливу, не тяжеливу, правдиву, воздержливу, не гневливу, не самолюбиву, не себе угодливу, страннолюбцу, не сребролюбцу, не мздоимцу, благолюбцу, преподобну, заступающу верна слово учения, да силен будет утешати учением здравым, да мощен будет вопреки глаголющаа обличати и еретиком уста заграждати» (стр. 60).

Писатель использует единоначатие-анафору, поэтический прием, который встречается почти во всех рассматриваемых примерах употребления тропов. Повторяются звуки в начале ритмических построений — «не». В этом же примере употреблена эпифора, которая применяется в виде повторения четырех типов конечных слогов: «ща», «ну», «ву», «цу». Даже для литературы житийной, отличающейся, как известно, сложностью стилистических периодов, сочетание в одном, композиционно законченном фрагменте различных видов звуковой аллитерации — явление необычное, свидетельствующее об особом художественном мастерстве писателя. Епифаний придавал большое значение этим, выписанным или приведенным по памяти текстам из посланий Павла. Вспомним, что именно с апостолом Павлом писатель на протяжении всего произведения сравнивает Стефана, а в конце и прямо отождествляет их деятельность. В «Плаче пермских людей» автор жития повторяет эти тексты, но уже без ссылки на источник. Пермяне характеризуют умершего епископа именно теми словами, которые использовал писатель, рисуя начало деятельности Стефана на епископском поприще: «Ныне же что сътворим в скорби нашей... молися господину жатве да изведеть делателя на жатву свою, да чтобы были делатели тии добре правяща слово истины, чтобы были делатели и непостыдны, непорочны, не себе угажающа и не ищуща своя пользы, но многих да спасут, делателя непосрамны, не сребролюбивы, не мздоимны, делателя верны, строителя тайнам его, делателя винограду Христову, делателя, делающа не брашно гыблющее, но

брашно пребывающее в жизнь вечную, делателя полезны, поспешны в проповедь евангелскую, делателя, делающа спасение человеком: тацех делатель хошем и просим, тацех требует земля наша, якоже ты и сам веси нас не хуже» (стр. 88—89). Епифаний ссылается на авторитетный источник в том случае, когда ему необходимо поддержать, подтвердить сказанное им же. В плаче по Стефану дела последнего говорят сами за себя, и пермяне, обращенные Стефаном в истинную веру, скорбят о его смерти.

Писатель соединяет здесь пригчу о жатве, винограде и его делателе с апостольскими определениями добродетелей.

В отличие от уже рассмотренного фрагмента в этом периоде автор жития делает ударение не на эпитетах, определяющих достоинства святого, а на слове «делатель», которым символически обозначает подвижника; все же остальные определения святого служат как бы фоном для развития мысли о том, что Стефан — «делатель винограда Христова».

Почти во всех случаях для характеристики Стефана писатель нагнетает несколько эпитетов. Епифания не удовлетворяет один или два эпитета, он нанизывает их, казалось бы, без меры, однако при более пристальном рассмотрении всюду обнаруживается поэтическое задание, которое автор ставил себе.

В «Плаче пермских людей» Стефан вновь наделен целым рядом качеств, выраженных эмоциональными метафорическими эпитетами, но имеющими вместе с тем и оценочный характер: «Един тот был у нас епископ, то же был нам законодавецъ и законоположник, то же креститель и апостол, учитель, честитель, посетитель, правитель, исцелитель, архирей, стражевож, пастырь, наставник, сказатель, отец, епископ» (стр. 88).

Плачи содержат эпитеты, которые раскрывают качества Стефана как пастыря пермян, как их проповедника. Окрашенные скорбью обращенных в христианство пермян, эпитеты в этих частях жития обладают особой эмоциональностью. Общий тон плачей, их назначение, связь с фольклором сказались в подборе и расположении эпитетов. Подчеркивая по-прежнему идеальный признак предмета, эти эпитеты разнообразнее и более, чем в других главах, отражают индивидуальность автора.

С воплями и жалобами воспринимают пермяне сообщение о смерти Стефана: «О люте вести тоя страшныя и пристранныя, увы мне, вести тоя пламенныя и горкиа и печалны, жалую тя пермьскаа церкви, и паку реку: жаль ми тебе, о злоприлучныя тоя вести, поведающи церкви печаль ту» (стр. 91). Эти эпитеты яснее, проще, не имеют библейских аналогий, а следовательно, не нуждаются и в толкованиях; они имеют черты, сближающие их с народной речью. Семантический характер рассматриваемых эпитетов различен, несмотря на то что в данном примере все эпитеты определяют одно и то же существительное — «вести».

Речь может идти о таких стилистических функциях эпитетов, как создание «высокости», некоего священного ореола. Епифаний придавал существенное значение расположению слов. Не случайно и в данном примере настойчивое трехкратное повторение слова «вести», к которому и относятся все эпитеты.

Некоторые эпитеты в житии можно отнести к типу постоянных, пользуясь терминологией фольклористов, во всяком случае постоянных для данного жанра, так как они употребляются и во многих других житийных произведениях. Это такие эпитеты, как «доблий», «святой», «блаженный», «божественный», «непорочный», «светлый», «грешный», «истинный», «добрый», «словесный» и др.

Многими исследователями был отмечен эпитет «добрый» («молодец добрый») как постоянный, широко распространенный в устном народном творчестве. Этот же эпитет встречается в Житии Стефана Пермского в сочетании с различными существительными: господин добрый (стр. 87), дело доброе (стр. 78, 106), дерзновение доброе (стр. 14), женише добрый (стр. 92), житие доброе (стр. 2), исповедание доброе (стр. 14, 31), кормник добрый (стр. 101), муж добрый (стр. 60), пастух добрый (стр. 87), податель добр (стр. 87), промышленник добр (стр. 87), подвижник добр (стр. 87), талант добрый (стр. 106), церковь добра (стр. 34) и др.

Наибольший интерес представляет эпитет «добрый» в сочетании с существительным «муж», в связи с тем, что именно так действующие лица произведения и сам автор чаще всего характеризуют Стефана. В плаче жития рассуждение о том, кто же должен стать епископом в Перми, заканчивается словами: «... аз ныне обретох того самого Стефана, мужа добра, мудра, разумна, смыслена, умна суща и хитра и всячески добродетelmi украшена и таковаго дара достоина бывша... слышав же архиереи старци и книжници и клирици вси вкупе, яко едиными усты рекоша: во истину добр муж достоин есть таковыя благодати» (стр. 60—61). Эпитеты, которыми наделен здесь Стефан, располагаются в определенной последовательности — в цепи эпитетов первым и последним звеном оказывается эпитет «добрый».² Подчеркивается именно этот признак, характеризующий подвижника, обобщающий все его добродетели, направляющий читателя к образу человеческого совершенства. Все остальные эпитеты — «мудр», «разумен», «смыслен», «умен», «хитер», — являющиеся синонимическими, выполняют логическую функцию. Логически мысль в данном фрагменте выражена безупречно: общая оценка — конкретизация — повторение общей оценки. При этом создается и определенный интонационный строй фразы, в котором эпитет «добрый» играет ведущую роль. Цель писателя — усиление лирической эмоциональности, а поэтому в каждом стилистическом периоде он стремится к созданию особого ритмического рисунка. При этом Епифаний находит многообразные решения, в данном случае — это изменение порядка слов в словосочетаниях — «муж добр» и «добр муж».

Особую игру слов («извитие словес») представляет собой стилистический круг, в центре которого также находится эпитет «добрый». В «Плаче пермских людей» читаем: «... горе, горе нам, братие, како оставом добраго господина и учителя! Горе, горе нам, како лишени быхом добраго пастуха и правителя! ... многа добра нам податель, о како оставом очистника душам нашим и печалника телом нашим, то перво оставом добра промышленника и ходатая... — О епископе наш добрый... о добрый подвижник правыя веры... камо заиде доброта твоя, камо отиде от нас, или камо ся еси дел от нас изиде, а нас сирых оставил еси, пастуше наш добрый» (стр. 87). Намеренное повторение одного и того же эпитета является особым авторским приемом и находится в функциональном взаимодействии с общей «теорией» стиля писателя. Задача автора жития — постоянно, всегда и всюду подчеркивать значение деяний Стефана, изобразить, воспеть его добродетели, направить, ориентировать читателя всегда и только на восхищение героем. Отсюда намеренно сочиненная цепь одинаковых эпитетов, завораживающая ритмичность и музыкальность каждого стилистического фрагмента. Образ святого рас-

² Эпитет «добрый» широко используется в библейских книгах (см.: Симфония на Ветхий и Новый Завет. СПб., 1896, стр. 314).

крывается посредством «наступления на читателя», стремления «запрограммировать» в его сознании единое, постоянное представление о свято-сти. Однообразное повторение одного и того же эпитета играет такую же роль, как и нанизывание разнообразных, сложных и простых эпитетов, заимствованных из других произведений или сочиненных самим писателем, — остановить внимание, задержать мысль читателя, поразить необычным, привести к размышлениям о величии излагаемой истории. Такого рода построения не снимают логики развития мысли, не затмевают смысла произведения, так как, насколько можно об этом судить, именно таким задумано изложение самим автором.

Во всех других случаях применения эпитета «добрый» он имеет оценочный характер и сочетает функции пояснительные и эмоциональные. Стоящий близко к фольклорному «постоянному» эпитету, эпитет «добрый» в произведении Епифания все же отличается от названного типа именно тем, что сочетание постоянное оказывается разложимым, и эпитет «добрый» применяется и по отношению к другим предметам, а не только характеризует подвижника.

Постоянным в житии Стефана может быть назван эпитет «словесный» — «овцы словесные», «млеко словесное», «бращны словесные», «стадо словесное» и др. Многочисленные варианты библейских притч о пастыре, овцах, овчем дворе³ известны многим памятникам русской литературы.⁴

В сочинении Епифания Премудрого словосочетание «словесные овцы», «словесное стадо» имеет значение «духовные», «духовное» и употребляется как стилистическая формула, раскрывающая смысл и одновременно результат обращения в христианство пермян-язычников. Новообращенная Пермь воспринимается писателем как «словесное» стадо, а пермян он называет «словесными» овцами: «Митрополит... сущих в его митрополии о множестве словесных овецъ, паче и о новокрещеных, и о сем прилежно думаше и гадаше, искаше и пыташе, кого изыскати, изобрести и избрати, и поставити, и послати епископа в Пермь» (стр. 60); «Тацити суть дарове, иже дарова бог земли Пермьстеи, тако вера зачало приимаше и злоба от среды отгонима бываше, тако ти крещение приаша, тако грамоте сподобиша, тако христиане прибываху, тако стадо словесное исполняшеся, тако виноград господа Саваофа добре цветяше...» (стр. 74); «...мы бо есмы овчята словеснаго стада и своего пастуха глас знаем» (стр. 42); «Призри, господи, на люди сна новокрещеныя и на словесныя сия овца твоя...» (стр. 81). Эпитет «словесные», «словесное» является традиционным, словосочетание в целом следует рассматривать как метафору. Так как такие эпитеты-метафоры были широко известны и всегда должны были пониматься однозначно, то писателю в данном случае не требуется никаких дополнительных объяснений или ссылок. Поэтому эпитеты даны в относительно простом окружении, здесь отсутствуют обычные, характерные для Епифания, нагромождения и уточнения.

Корни рассматриваемого эпитета уходят в библейские книги, и историю его употребления можно себе представить следующим образом. В основе христианского учения лежит «слово божие», верующие — это после-

³ См.: Еванг. Матф., VII, 15; XVIII, 12—14; Еванг. Иоанна, X, 1—16, 27, 28; Еванг. Луки, XII, 32, и др.

⁴ См.: В. П. Адрианова-Перетц *Очерки поэтического стиля древней Руси*. М.—Л., 1947, стр. 101. См. также Срезневский И. *Материалы*, т. 3, стлб 409: «Розго многоплодна... Гръзны принося словесныя»; стлб. 1437: «Дньсь бо весна разумная вьсия угащающи цветы словесныя».

дователи пастыря-бога, учения божия, т. е. «словесные овцы». Несмотря на многочисленные случаи использования этой метафоры-эпитета в произведениях Илариона и Кирилла Туровского, которые придавали эпитету «словесный» исторический оттенок, в целом образ «стадо—пастух—овца» в древней русской литературе сохраняет евангельскую традицию.

Вариант эпитета «словесный» содержится в словосочетаниях «млеко словесное», «брашны словесные». Применение метафорического прилагательного для характеристики таких конкретных предметов, как «млеко» и «брашно», связано со стремлением воспринимать «пищу» как символ христианского учения. Такое восприятие встречается в произведениях многих древнерусских авторов.⁵

Источником всех употреблений этого рода явились тексты Нового Завета. В обширном рассуждении о новообращенных пермянах Елифаний сравнивает пермян с новорожденными младенцами, пьющими «словесное млеко», используя при этом текст Первого послания Петра: «... тем же глаголю вы по апостолу глаголющу: отложите всяку злобу⁶ давних дел ваших и возненавидите всех дел ваших, и возненавидите вся дела лукаваа, совлекшеся ветхаго человека, истлевшаго в похотех телесных,⁷ да яко новорождении младенци словесное и не телесное млеко добродетели возлюбивше пити,⁸ да в нем возрастъше достигнете в разум съвершен, уже не будете акы младенцы зыблющися умом, акы ветром колеблющися бурей треволнения грехов, и не дети бываите умом, но злобою младенствуйте, а умом свершени бываите,⁹ в благое же крепци и тверди и свершени умом бываите, достойно званию ходите, в он же позвани бысте,¹⁰ в съхранение заповеди господень» (стр. 78—79). Цитата с эпитетом «словесное млеко» находится в центре мозаики из новозаветных изречений, которую писатель составил, считая ее одним из наиболее убедительных способов изложения. Тексты, хотя и из различных источников, подобраны по смыслу, поэтому логика рассуждений не нарушается и период производит впечатление законченности.¹¹

В «Плаче пермских людей» Елифаний словами Соломона утешает пермян и убеждает их в том, что успокоиться они смогут лишь приобщившись к истинной вере: «Добре ж и Соломон лечит печаль, велит бо печалнымъ давати пити вино,¹² винограда делателем, не сего упивания делатели, иже пианством упиваются, но вино, сердце веселящее животней-

⁵ У Кирилла Туровского употреблена метафора «млеко учения», в Минее служебной находим «алчущим бессмертное брашно». Встречается этот образ и в литературе более позднего времени. Так, в «Житии» протопопа Аввакума читаем: «... яко же тело альчуще желяет ясти и жаждуще желяет пити, тако и душа, отче мой... брашна духовного желяет». См.: В. П. Андрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 52, 97—102.

⁶ I посл. Петра, II, 1.

⁷ Посл. Ефесянам, IV, 22.

⁸ I посл. Петра, II, 2.

⁹ I посл. Коринфянам, XIV, 20.

¹⁰ Посл. Ефесянам, IV, 1.

¹¹ Интересно отметить, что в списке Жития Стефана Пермского по рукописи ГИМ, № 91 находим «словесное и не телесное млеко»; в славянских переводах Первого соборного послания апостола Петра стоит также «не телесное»; в списке жития ГПБ, № 862 (собр. Погодина) имеется разночтение — «словесное и не телесное». Можно предположить, что Елифаний в постоянном стремлении приспособлять библейские тексты к нуждам своего произведения пересказал текст послания по-своему, заменив слово «не телесные» на «не телесные», которое больше гармонизовало с предыдущим изречением «совлекшеся человека ветхаго, истлевшаго в похотех телесных» и помогало создать сочетание из однокоренных слов. Переписчик же мог заменить незнакомое выражение «не телесное» привычным «не телесное».

¹² Притчи Соломона, XXXI, 6.

шим растворением, изобиль гостится словесными брашны, яко нам зело на веселие прменитися плачу» (стр. 97). Мысль выражена символами, каждое слово, каждый образ имеет прежде всего символическое значение. При этом используется традиционный эпитет «словесный» в применении к традиционному же символу «брашно».

Метафорические образы «брашно» и «млеко» используются автором жития еще раз и опять-таки в контексте, содержащем рассуждения о вере. Стефан, обращаясь к пермянам, говорит: «...до ныне млеком питах вы, а уже отселе твердою пищею достоин ми кормити вы и черъством брашном питати вы» (стр. 75). Здесь к слову-метафоре «брашно» применен эпитет «черствый», также часто встречающийся в агиографической литературе. В отличие от «словесного брашна», где смысловая непоследовательность традиционных метафорических эпитетов проявилась особенно ярко, словосочетание «черствое брашно» основано на принципе конкретизации и представляет собой эпитет предметный. Рассматриваемый пример показывает, что для Епифания возможно было не только традиционное толкование и употребление тех или иных библейских символов. Здесь традиционные метафоры и метафорический эпитет следует понимать в довольно простом житейском смысле. Пермяне должны делами доказать Стефану свою преданность, поэтому-то он и говорит им, что младенческое «млеко» надлежит заменить «твердой пищей», и разъясняет, что должны делать пермяне: «Ныне убо покажите ми первие от дел ваших веру свою... и аще кто верен и мудр хотяи быти в вас вящшии паче всех, и хотяи быти изо всех и более всех любовь имети ко мне, да изищет и испытает, аще где възведает кумир сущъ таящся... да обреть, изнесеть и на среду пред всеми...» (стр. 75). Перед нами интересный случай, когда основанная на конкретном материале метафора, со временем ставшая традиционной, получает нетрадиционное толкование, а символический образ снова приобретает утраченную конкретность.

Представляет интерес и использование постоянного эпитета «истинный», который является наиболее распространенным как в русских житиях, так и в произведениях южнославянских книжников. В Житии Стефана Пермского этот эпитет находится в следующих сочетаниях: «бог истинный», «притча истинная», «пастух истинный», «раб истинный», «разум истинный», «слово истинное». Этот эпитет, имеющий объяснительный характер, подчеркивающий один признак предмета, выступает в значении «настоящий».

Рассмотрим некоторые примеры. «Ты бо еси истинный пастух и посетитель душ наших, единый без греха, не призри дело руку твою... и дай же им разум еже уведати тебе и познати тя, единого истинного бога» (стр. 22). Истинный пастух — символическое изображение Христа, здесь же это понятие как бы уточняется словами: «познати тя, единого истинного бога». Словосочетание «истинный бог» встречается в Житии часто и всегда в одном и том же значении (см. стр. 13, 22, 52 и др.).

Писатель называет Стефана «служителем слову истинному» (стр. 13). Эпитет употреблен в символическом словосочетании, обозначающем христианское учение. Все словосочетание — «служитель слову истинному» — может рассматриваться как сложный эпитет, характеризующий важную сторону деятельности подвижника.

Останавливает внимание и сопоставление таких выражений, как «призови я в разум истины твой» (стр. 18) и «бог даст им разум истинный» (стр. 19). Первая цитата показывает, каким путем был образован эпитет «истинный» во втором примере. Здесь особенно ясно выступает «внутрен-

няя норма» эпитета, связь его с богословскими представлениями и понятиями.

Опираясь на изложенное, можно сделать вывод, что постоянные, традиционные эпитеты определяют самые общие признаки предметов и чаще всего лишают слово его конкретного значения.

Группа эпитетов, имеющих эмоциональный осудительный оттенок, относится к характеристике Пама-волхва. Это так называемые «порицательные» эпитеты, состоящие из слова или словосочетания, выступающего в функции обращения и выражающего отрицательное отношение говорящего к лицу, к которому он обращается.¹³

Перед автором жития стоит цель — развенчать религию Пама, унижить его в глазах читателя, доказать превосходство христианина Стефана. Для этого Епифаний рисует вполне «реалистическую» картину спора Стефана и Пама об истинности веры. В ответ на слова Пама, что тот не боится «дидаскала Стефана и суесловия и сущих с ними ученик его», Стефан произносит речь, полную оскорблений по отношению к язычнику Паму: «Божий же человек Стефан укрепився благодатию божиею, и рече к волхву: „О прелестниче и развращению началниче. вавилонское семя, халдейский род, хананейское племя, тмы темныя помраченое чадо, пентаполиев сын, египтския прелестныя тмы внуче и разрушеннаго столпотворения правнуче! Послушай, тако глаголет Исайа пророк: горе напаяющему ближняго своего смещения мутна“» (стр. 44). Эпитеты выражены сочетаниями прилагательных и существительных. Ни один из эпитетов не имеет конкретного значения. Все слова заключают в себе только символический смысл. Свои изощренные «ругательства» писатель черпает из Священного писания. Осудительные (порицательные) эпитеты, которыми «награжден» вождь язычников, воздействуют на пермян и, разумеется, на читателей главным образом значительностью библейских аналогий и общей напряженностью тона. «Изысканные» оскорбления предполагают знание читателями библейской истории, поэтому, казалось бы, невероятные сочетания у современников писателя могли вызвать вполне определенные ассоциации, и осуждение Пама-язычника должно было восприниматься и пониматься полностью.

Все названные эпитеты придуманы самим Епифанием. В данном случае он использует не традиционные готовые формулы, а известные факты библейской истории, опираясь на которые он и создает свои эпитеты.

Порицательные эпитеты, осуждающие Пама, имеющие оценочный в связи с этим смысл, распространены в житии довольно широко. Волхв — «очарованный», «нечестивый» (стр. 55), «чародевный старец, лукавый мечетник, нарочит кудесник, волхвом начальник, обавником старейшина, ставником больший, иже на волшебныя хитрости всегда упражняся иже кудесному чарованию тепл сын помощник» (стр. 39).

Эпитеты расположены в определенной последовательности. Тип расположения — амплификация. Каждый последующий дополняет, уточняет предыдущий. В целом нагнетание эпитетов создает особую напряженность, которая усиливается еще и тем, что каждый эпитет в отдельности отмечает какую-то одну сторону враждебной деятельности волхва, предупреждает о подобной опасности. В литературе такого рода эпитеты не удалось отметить. В словаре И. И. Срезневского и в картотеке «Древнерусского словаря» отмечены примеры их употребления только из Жития Стефана.¹⁴

¹³ См.: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, стр. 527.

¹⁴ Ср.: Срезневский. Материалы, т. II, стр. 496, 760, 469 и др.

Синонимический эпитет также занимает значительное место в системе эпитетов у Епифания Премудрого. Следует отметить, что сочетания синонимов в качестве средства усиления воздействия древнерусские писатели применяют широко. Одна из функций синонимии— усиление значения путем постановки рядом двух или более синонимов. Основанием для сочетания синонимов служит совпадение значений. Стилистические функции их заключаются в уточнении значения, а не в создании нового значения.¹⁵ Именно по такому принципу созданы синонимические ряды в житии Стефана: «... иже иногда веселяхся акы брачне ликующи, ныне же умилено сетую беды ради стениющи, иже иногда праздновах ликоствующи и радостнотворныя песни поющи, ныне же рыдалныя и опечаленыя, и плачевныя, и надгробныя песни; иже иногда светлыми облачахся одеждами брачными, и чертожными, и многоценными, ныне же облекохся в студ, облекохся в ризы черныя, и брачныя и плачевныя...» (стр. 94). Кроме того, особое расположение синонимических эпитетов способствует выделению основного значения и усиливает экспрессивность изложения.

Система эпитетов в Житии Стефана Пермского, как показал анализ наиболее типичных для Епифания примеров, сложна и включает в себя различные типы эпитетов и разные способы их использования. Однако при всем разнообразии почти все эпитеты сочетают в себе изобразительные (объяснительные) и эмоциональные (лирические) функции, так как писатель во всех случаях стремится выказать свое отношение к изображаемому лицу или событию. Эпитет у Епифания указывает признак частный, но может отмечать и несколько признаков. В качестве материала эпитетов используются традиционные эпитеты или пересказанные, переосмысленные библейские тексты. Традиционность эпитетов преодолевается писателем различными путями: то эпитеты находят новое наполнение путем их особого расположения, благодаря которому усиливается их значение, возрастает их стилистическая роль, то в эпитетах раскрывается богатство признаков предмета или разнообразие оттенков какого-либо явления; эпитеты при этом нагнетаются, распространяются и образуют целую цепь, характеризующую один и тот же объект. Это явление близко нагнетанию эпитетов в устном народном творчестве.¹⁶

Нагнетание эпитетов, их разнообразие и вместе с тем некоторая однотонность способствовали усилению эмоциональности. Таким образом, оценочный или изобразительный эпитет выполнял функции эмоционального.

Епифаний сочетает различные типы эпитетов, и именно в этом проявляется тончайшее искусство его стиля, умение найти в пределах одной и той же стилистической схемы нужный вариант поэтического тропа. Писатель учитывает все оттенки значений слов, комбинирует эпитеты, создавая замысловатые сочетания, используя в том или ином случае все возможные лексические и стилистические варианты, звуковые аллитерации, рифмующиеся строки и т. д. Концентрируя в одном стилистическом периоде различные оттенки значений слов, писатель как бы компенсирует ограничения, накладываемые необходимостью использовать традиционные образы и стилистические формулы. Вполне возможно, что он делал это не сознательно, но в силу особенностей своего дарования.

Теологический фонд служил Епифанию основой его стилистических построений, теологические понятия легли в основу его творческого ме-

¹⁵ См.: А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). — ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 240 и др.

¹⁶ Там же, стр. 162.

тогда. Это понятно, так как иначе и не могло быть у церковного писателя. Однако и в эту сильную теологическую струю время от времени вливались стилистические приемы устного народного творчества и откладывали свой отпечаток на многие способы изложения.

А. П. Евгеньева распределяет эпитеты, встречающиеся в произведениях устного народного творчества, на определенные типы, основой которых служат те явления в поэтической речи, которые могут рассматриваться как общие, характерные для употребления эпитетов вообще: 1) подновление нарицательного значения (смысловая тавтология), 2) подчеркивание выдающегося качества предмета, 3) указание на идеальный, желаемый признак или на самую высокую ступень признака.¹⁷ Д. С. Лихачев отмечает, что те же типы эпитетов в стиле эпохи южнославянского влияния служат иному мировоззрению, чем в народной поэзии.¹⁸ К этому следует добавить, что использование общих эпитетов в стиле Елифания Премудрого сопровождается усилением, усложнением того или иного типа их, расположением их в определенной звуковой гамме, нагнетанием синонимических эпитетов, которое подчас принимает преувеличенные формы. Д. С. Лихачев отмечает зависимость стиля от мировоззрения писателя и в употреблении эпитетов. «К эпитетам... меньше всего может быть приложено определение их как „украшающих“. Обычно они раскрывают такие качества, которые необходимы писателю как христианину и ученому-богослову... В них вскрываются не конкретные признаки явления, а его „вечная“ сущность; одновременно с помощью эпитетов писатель добивается сильной эмоциональной окраски описываемых явлений».¹⁹

В отличие от фольклорных, традиционные для агиографической литературы эпитеты не имеют вида «литературного клише», словосочетания в житиях обычно бывают разделимы, и особенность употребления такого рода эпитетов заключается в том, что один и тот же эпитет применяется для характеристики чрезвычайно широкого круга различных предметов, явлений, абстрактных понятий.

Несмотря на существенное однообразие в выборе эпитетов, как и других поэтических средств, писатель в силу своего таланта так сочетает эти известные, используемые другими авторами образы, что создает новые оригинальные стилистические варианты, которые покоряют читателей, ведут за собой, подчиняют своему влиянию.

¹⁷ Там же, стр. 165—166.

¹⁸ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 120

¹⁹ Там же.

Н. П. ДУБОВИК

К изучению Повести о воеводе Евстратии

Древнерусской Повести о воеводе Евстратии посвящено единственное исследование — статья П. Н. Сакулина.¹ Автор рассматривал Повесть в ее связи с международным сюжетом, восходящим к византийской саге об ослепленном Велизарии. Для исследователя Повесть представляла интерес прежде всего как русская версия византийской легенды. Легенда, по его предположению, была записана византийскими хронистами в X в. Ее отражение П. Н. Сакулин нашел в изданных В. Вагнером стихотворных поэмах:² две из них анонимны, третья принадлежит родосскому поэту XV в. Эммануилу Георгиλλу.³

П. Н. Сакулин обнаружил, что легенда об ослепленном Велизарии была известна в XVI в. польскому хронисту Мартину Бельскому, она нашла место в его Всемирной хронике. Хроника Мартина Бельского явилась одним из источников Хронографа редакции 1617 г.,⁴ и через нее же легенда проникла в русский Хронограф. Эта же легенда, по мнению П. Н. Сакулина, в XV в. проникла на Русь иным путем и дала сюжет Повести о Евстратии: непосредственный оригинал Повести неизвестен, но он греческого происхождения.

В статье П. Н. Сакулина названо четыре рукописи с текстами Повести. Древнейшая из них — рукопись Московского публичного музея (ныне ГБЛ, Музейное собр., № 3271) — в то время была только что найдена и датирована О. С. Долговым концом XV в. Текст Повести из этой рукописи полностью приводится в статье П. Н. Сакулина. Там же цитируются отрывки Повести по списку, читающемуся в сборнике собрания А. Попова⁵ (ученый датировал эту рукопись концом XVI в.).

Тексты Повести о Евстратии в этих двух рукописях значительно отличаются друг от друга. Текст из рукописи собрания Попова П. Н. Сакулин определил как «старейшую», «наиболее полную редакцию», в то время как версия из рукописи Музейного собрания, по его мнению, представляла собой «оригинальный пересказ повести».

¹ П. Н. Сакулин. Русская повесть о воеводе Евстратии. (К литературной истории саги о Велизарии). — В кн.: Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженка. М., 1902, стр. 481—487.

² W. Wagner. Carmina graeca medii aevi. Lipsiae, 1874.

³ Поэма Эммануила Георгиλλа была напечатана также и в другом издании В. Вагнера: Medieval greek texts, Part 1. London, 1870.

⁴ Андрей Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 107.

⁵ ГБЛ, собр. Попова, № 60, лл. 93—102.

П. Н. Сакулин, характеризуя Повесть о Евстратии по списку ее «наиболее полной редакции», определил ее как «обстоятельный трактат по аскетической философии».⁶

В последние годы Повесть вновь привлекла к себе внимание исследователей. Я. С. Лурье упоминает ее в многочисленном ряду произведений беллетристики XVI в., представленном, кроме «Повести о Евстратии — Велизарии», «Повестью о Динаре» и «Повестью о белом клобуке». Несмотря на то что «учительные», назидательные функции в этих повестях очень сильны, формальную возможность для рассмотрения их в ряду повестей дают отсутствие в них ярко выраженного «делового» назначения и интерес к сюжетному повествованию.⁷

Другое важное суждение о Повести было высказано И. М. Кудрявцевым. По его мнению, Повесть о Евстратии свидетельствует не только о литературных вкусах составителя сборника (Музейное собр., № 3271); — появление повести И. М. Кудрявцев связывает с историческими событиями последней четверти XV в. Он пишет: «Вероятно, не только литературная сторона произведения, его взволнованность и общечеловечность привлекли к нему внимание составителя. В русской действительности видел он то, что составляет основу повести — забвение воинских заслуг и опалу верных сынов государства. Примеров этому немало. Достаточно указать на имена Даниила Холмского или Федора Басенка».⁸

Р. П. Дмитриева в докладе «Четыре сборники XVI века», прочитанном 19 мая 1971 г. на заседании сектора древнерусской литературы ИРЛИ,⁹ указала на связь Повести о Евстратии с литературной школой, идеологическим центром которой был Иосифов Волоколамский монастырь.

В настоящее время нам известно двадцать списков Повести о Евстратии в составе рукописей XV—XVI вв. Предварительное сравнение списков дает материал для восстановления литературной истории памятника.

От конца XV—начала XVI в. сохранилось две рукописи с текстами Повести:

1. ГБЛ, Музейное собр., № 3271. Сборник исторический (летописный), 4°, конца XV—начала XVI в., без начала и конца, на 292 л., писанный полууставом нескольких почерков. Характеристика сборника содержится в упомянутой выше статье И. М. Кудрявцева.¹⁰

2. ГБЛ, Музейное собр., № 8757. Сборник, 4°, конца XV—начала XVI в., без начала и конца, на 27 л., писанный полууставом разных почерков.¹¹

Заметим сразу, что в ГБЛ находится лишь 27 листов, которые, как можно судить по старой пагинации, являются листами 204—230 обширной рукописи. При рассмотрении других списков Повести удалось установить, что сборник Муз., № 8757 — фрагмент рукописи ГИМ (собр. Епархиальное, № 404), в которой как раз утрачены листы 204—230 по

⁶ П. Н. Сакулин. Русская повесть о воеводе Евстратии, стр. 487.

⁷ Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 397—398.

⁸ И. М. Кудрявцев. Сборник последней четверти XV—начала XVI века из Музейного собрания. Материалы к исследованию. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 25, М., 1962, стр. 276.

⁹ В статье Р. П. Дмитриевой «Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI веков» (ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 165) указано, что Повесть о Евстратии входит в состав нескольких сборников библиотеки Волоколамского монастыря. Этот же факт был отмечен и Я. С. Лурье (Истоки русской беллетристики, стр. 398).

¹⁰ И. М. Кудрявцев. Сборник..., стр. 220—288.

¹¹ Об этом сборнике см.: Л. В. Тиганова. Подготовка каталога-справочника русско-славянских рукописей. (Рукописные собрания ГБЛ). — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, стр. 152.

старой пагинации. Именно эта часть рукописи и выявлена недавно в Музейном собрании ГБЛ. Так, в сборнике Епарх., № 404 на лл. 189 об.—203 об. помещено «Сказание о глаголющих, что ради несть второго пришествия Христова долго». Оно обрывается после слов: «Руце твои сотвористе мя и создасте мя. Потом же приложи и порази мя еси». Продолжение текста «Сказания» находим в Муз., № 8757. Рукопись начинается с л. 204 (старой пагинации), со слов «... но помяни, яко кал създад мя еси. в землю паки възвращаеши мя...».¹²

В свою очередь, если на л. 230 об. рукописи Муз., № 8757 текст Повести о Евстратии обрывается на словах: «и прилагаеть сих отсюду и нами, овех убо от богатства в нищету, овех же от нищеты вь...», то на л. 231 рукописи Епарх., № 404 читается продолжение фразы: «... славу. Иных убо изводя от житья, другия же в тех место вводя и некия премудрия и разумныя искушаеть». Восстановленное место точно соответствует чтению Повести в других ее списках (ср., например, со списками Повести в рукописях: ГБЛ, Рогожск., № 530, л. 7 об.; ГБЛ, Волокол., № 491, л. 122 об.; ГПБ, Q. XVII. 64, л. 235 об. и др.).

Итак, правомерно считать рукопись Муз., № 8757 фрагментом сборника Епарх., № 404. Учитывая исключительное значение, которое эта рукопись имеет для изучения Повести, целесообразно привести описание ее состава.

Состав рукописи таков:

Л. 2— Житие Феодора Эдесского.

Л. 120 — Житие Паисия Великого, списано Иоанном Коловом.

Л. 174 — «Сказания» о «скончании седьмой тысящи».¹³ Первое «сказание» на лл. 174—189 об.; второе — на лл. 189 об.—203 об.; от слов «но помяни, яко кал създад мя еси» и до конца — в рукописи ГБЛ, Муз., № 8757, на лл. 204—206 об.; третье — на лл. 207—219.

Л. 219 — Послание «О седьмой же тысящи» Дмитрия Траханиота.

Л. 222 — «О трегубной аллилуиа» от книги Феодора Эдесского.

Л. 223 — Повесть о воеводе Евстратии. От слов «и прилагаеть сих отсюду и намо, овех убо от богатства в нищету, овех же от нищеты вь...» и до конца — в рукописи Епарх., № 404, лл. 231—240.

Вернемся к рукописи Муз., № 3271, с тем чтобы сравнить текст Повести в этих двух сборниках: Муз., № 3271 и Епарх., № 404. Для сопоставления приведем первую часть Повести — «историю»¹⁴ по списку Епарх., № 404 (включая фрагмент из Муз., № 8757):

«Слово от история о некоем мужи, бывшем воеводе в велицем Риме.

Некогда, рече, проязду творящу царю римьскому в велицем граде Риме прилучися ему въехати в необычную улицу и виде человека сидяща убога и в портах нищах, в ризах худех и глаголаше: „Аз есмь Еустратии, честь и дръжава римскаа, ныне есмь проситель, дайте ми бога ради“. Царь же став зряще на нь. И покоснев вторицею то ж слово рече, и паки покоснев третицею то же слово рече: „Аз есмь Еустратие, честь и держава римскаа, ныне есмь проситель, дайте ми бога ради“. Царь подивися и рече к сущим окрест егѡ, что убо суть глаголи сиа убогаго сего. Предстоащии же рекоша: „Тако есть державнии царю, тои бо мужь древле некогда у преже тебе бывших царей велми честен воевода бо бысть крепок и сла-

¹² Ср. издание текста «Сказания» в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века М.—Л., 1955, стр. 407.

¹³ В описании даны принятые в науке названия памятников.

¹⁴ В дальнейшем мы условно делим текст Повести на две композиционные части — «историю» и «слово», основываясь на самом названии памятника: «Слово от история».

вен в странах разумом и силою и богатством и крепостию мног бысть. Многы бо победы поставил яко ратным, токмо именованна его боатися и зваху его в странах непобедимы воевода. Дивляху бо ся мужьству и храбрости и мудрости. Завистию же неции движими врази его оболгаша к цареви. Он же ем веру врагом его. И поймав, ослепи его. Тогда и потушила о немь вся страна Римьскаа“. Царь же помыслив себе, яко да такова мужа удержит близ себе думы ради и съвета, и посла к нему своего южика, яко да речеть ему царево приательство и что хошеть показати к нему свою милость и извести его от ускыя и тесныя и скорбныя куща, и вселити его в храмы светлыи, пространныи, и пременити его от многога злострадания и упокоити его, яко же подобаеть его честности. И пришедши к нему посланыи от царя, поведи ему вся глаголы цареви: „Слышав бо, рече, царь древнюю твою славу и проявление и светлость и потом нашедшее ти злодутьство. И ныне очи мои видеша твое злострадание, и не хошу презрети тя“. И сказа ему вся глаголы цареви. Той же мужь услышав и из глубины сердца въздохнув и рече...¹⁵ Далее следует пространное «слово» Евстратия, в котором он отказывается от царской милости.

Приводим краткий пересказ в сборнике историческом:

«В царских книгах писано: „Аз есмь Еустратие, честь и держава Римская, ныне же есмь проситель, дайте ми, бога ради“. По ослеплении цареви такого его прошение было, у кого нищелюбца просит. И ин некий царь поцарствовавшего царство прият, хотел Еустратия ослепленного преупокоити, посла к нему некоего от вельмож своих, чтобы не пекся ни яством, ни питьем, ни о одежи. И ответ его вельможе: „То мне преже советовали и искренний мои друзи, но яз сежду в целомудрии мудрым, а в наказание безумным“».¹⁶

В обоих текстах одинаково звучат слова нищего Евстратия и наблюдается явно выраженное сюжетное сходство. Это говорит об их текстуальной связи. Вопрос о том, какая из редакций первична, решался исследователями не в пользу «краткой». П. Н. Сакулин называл эту редакцию «оригинальным пересказом» Повести,¹⁷ указывая на ее вторичность. Л. В. Тиганова в сообщении об открытии рукописи Муз., № 8757, конца XV—начала XVI в., помещенном в ее статье, повторила то же мнение: «Быть может, более древний текст находится в сборнике Музейного собрания № 3271 последней четверти XV—начала XVI в., но это только краткий пересказ Повести».¹⁸ Ясно, что в данном случае определение «более древний текст» относится лишь к дате списка, но не самого текста.

Сборник Муз., № 3271 состоит из статей разного характера и времени, в связи с этим исследователи разделили материал сборника на три части. Первая его часть (лл. 1—65) включила в себя статьи исторические, естественнонаучные и богословско-полемические,¹⁹ вторая — летописные и третья — «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия.²⁰ Так как По-

¹⁵ ГБА, Муз., № 8757, лл. 223—224.

¹⁶ ГБА, Муз., № 3271, л. 65.

¹⁷ П. Н. Сакулин. Русская повесть о воеводе Евстратии, стр. 486.

¹⁸ Л. В. Тиганова. Подготовка каталога... стр. 152.

¹⁹ Археологическое описание первой части сборника Муз., № 3271 содержится в статье: А. Д. Седелников. Рассказ 1490 года об инквизиции. — Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I, Л., 1932, стр. 36—46.

²⁰ Характеристика второй части сборника Муз., № 3271 дана в статье: А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы. (Новые материалы). — Проблемы источниковедения, вып. IV, М., 1955, стр. 243—285. Исследование третьей части см. в кн.: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 19—20.

весть о Евстратии входит в состав первой части, необходимо в дальнейшем ориентироваться в большей степени на характеристику этой части сборника Муз., № 3271. Установлено, что эта часть рукописи составлена не ранее 1492 г., так как она содержит Приговор по делу еретиков и Поучение митрополита Зосимы.

Сборник Епарх., № 404 также датируется концом XV—началом XVI в. В нем тоже содержатся материалы, направленные против «лжеучений» еретиков (первая редакция «Сказаний» о «скончании седьмой тысячи»).²¹ Заметим, что все сочинения сборника Епарх., № 404, кроме Повести, написаны одним почерком, коричневыми чернилами. Бумага, на которой написана повесть, темнее и загрязнена, чернила черные, почерк другой, намного крупнее. Вне сомнения, рукопись Повести существовала некоторое время самостоятельно и позднее была присоединена к сборнику. Вполне возможно, что рукопись Повести в сборнике Епарх., № 404 в хронологическом отношении предшествовала составлению первой части сборника Муз., № 3271.

П. Н. Сакулин не располагал материалом, на основании которого он мог бы объективно утверждать, какой текст послужил основой для краткого переложения: в его распоряжении были лишь списки Повести в рукописях XVII в. Даже рукопись с «пространной редакцией» Повести, которую он считал «старейшей» и датировал концом XVI в. — собр. Попова, № 2522 (ныне: собр. Попова, № 60), — по новейшим справочникам филиграней и по анализу почерка сейчас датируется второй четвертью XVII в.²²

Тем более важно, что текст «наиболее полной», «пространной редакции» обнаружен в рукописи конца XV—начала XVI в. Это свидетельствует о существовании пространной редакции Повести в момент составления ее краткого пересказа. Неполного изложения сюжета Повести в списке Муз., № 3271 бесспорна: несмотря на то что слова нищего переданы точно так же, как и в полном варианте, здесь опущен рассказ о прошлом нищего, нет даже упоминания, что он был когда-то воеводой, что пострадал от клеветы завистников. Нет упоминания о встрече нищего с царем и объяснения намерений царя «преупокоити» нищего Евстратия «думы и съвета ради». Отсутствующие элементы содержания отнюдь не восполняются словами нищего: «Аз есмь Еустратие, честь и держава римская». Если не ориентироваться на полный текст, то трудно даже понять, что они значат.

Итак, краткий текст действительно, как и предполагал П. Н. Сакулин, представляет собой пересказ Повести. Сокращение ее и исключение религиозно-нравоучительного текста было продиктовано установкой составителя, собиравшего в рукопись «от многих малая» на темы русской истории и истории русской церкви. Но вместе с тем краткий пересказ представляет собой творческую переработку Повести, ее особую, краткую редакцию. Других списков этой редакции пока не обнаружено.

Все остальные тексты списков относятся к пространной редакции Повести. Они содержат «историю» Евстратия в том виде, в каком она помещена выше, но различаются текстом «слова».

Списки Повести по нашим наблюдениям могут быть разделены на три группы — Пространную, Краткую и Особую редакции. К Пространной редакции относятся списки: ГИМ, Епарх. собр., № 404; Синод. собр., № 453; ГПБ, Q.XVII.64; ГБЛ, Волокол. собр., №№ 491, 572, 577; Рогожск. собр., № 530; Румянц. собр., № 376; собр. Попова, № 60; собр.

²¹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... стр. 391—414.

²² Л. В. Тиганова. Подготовка каталога... стр. 152.

Егорова, № 457; Фундамент. собр., № 171; Музейн. собр., № 2991; ЦГАДА, Типографск. собр., № 12(391).

К краткой редакции относятся списки: ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 123/380; ГБЛ, Тихонравовск. собр., № 225; ГИМ, собр. Уварова, № 1801; ЛОИИ, собр. Археогр. комиссии, № 140; БАН, 33.2.5. Особая редакция представлена одним списком: ГБЛ, Муз. собр., № 3271.

Основанием для выделения видов являются наиболее существенные различия их текстов, но данные текстологического анализа списков и вопросы их взаимоотношений будут изложены в отдельной работе.

* * *

В научной литературе «Слово от история о некоем мужи, бывшем воеводе в велицем Риме» обычно называется «Повестью о Евстратии — Велизарии». Иногда в названии Повести имя Евстратий даже опускают.²³

Традиция отождествления этих лиц восходит к А. Х. Востокову. Обнаружив на полях текста Повести в списке Румянц., № 376 глоссу к имени Евстратий — «Велисарий в хронографе», А. Х. Востоков так определил памятник: «История о некоем мужи, бывшем воеводе в велицем Риме. О Велисарии, который здесь назван Евстратием, как в Хронографе. Рассказывается случай, когда он просил подаяния. Из этого выведено длинное поучительное слово».²⁴

П. Н. Сакулин, следуя указаниям А. Востокова, обратился к Хронографу редакции 1617 г., где и обнаружил рассказ об ослеплении Велизария. Ученый также пришел к выводу о тождестве персонажей, носящих имена Евстратия и Велизария. Повесть о Евстратии он определил как русскую версию международного сюжета византийской саги об ослепленном Велизарии. Легендарного Велизария он в свою очередь отождествил с историческим, предположив, что сага была записана византийскими хронистами в X в.²⁵

Между тем исследования профессора Мюнхенского университета Г. Г. Бека содержат по этому поводу иные суждения. Предметом его исследований была эпическая песнь о Велисарии (Belisarlied). Ученый пришел к выводу: «Не существовало ни ранневизантийской, ни средневизантийской эпической песни о Велисарии, сюжет не проникал в греческие народные песни. Песнь о Велисарии была поздневизантийской!».²⁶

Г. Г. Бек допускал, что изданные В. Вагнером поэмы о Велисарии²⁷ содержали в себе оригинал, первую версию сюжета о нищенстве ослепленного полководца.²⁸

В данном случае уместной будет небольшая историческая справка. VI век истории Византии богат памятниками письменности. Царствование Юстиниана Великого отразилось в сочинениях Прокопия Кесарийского,²⁹

²³ Л. В. Тиганова, например, пишет: «Быть может, более древний текст о Велизарии находится в сборнике Музейного собр. № 3271» (Л. В. Тиганова. Подготовка каталога. . . , стр. 152).

²⁴ Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842, стр. 557.

²⁵ П. Н. Сакулин. Русская повесть о воеводе Евстратии, стр. 482.

²⁶ Н. Г. Веск. Belisarios und die Mauern Konstantinopels. — Die Welt der Slaven, Vierteljahrsschrift für Slavistik, V, Hf. 3—4, 1960, S. 256. (Перевод наш, — Н. Д.).

²⁷ W. Wagner. Carmina graeca medii aevi. Lipsiae, 1874.

²⁸ Н. Г. Веск. Belisarios und die Mauern Konstantinopels, S. 256.

²⁹ Прокопий Кесарийский. 1) История войн римлян с персами, вандалами и готами. Перевод с греч. С. Дестуниса. Кн. 1—2. СПб., 1876—1880; 2) Вандальская война. Перевод с греч. С. Дестуниса. Кн. 1. СПб., 1891; 3) О постройках. Перевод с греч. С. П. Кондратьева. — Вестник древней истории, 1938, № 4.

Агафия,³⁰ Зонары,³¹ Иоанна Малалы,³² Манассии³³ и многих других историков и хронистов. Но ни один из этих авторов не упоминает об ослеплении Велизария Юстинианом. Не содержит сообщения об этом и Русский хронограф редакции 1512 г.,³⁴ опиравшийся в рассказе о Велизарии на Хронику Манассии.

Самым ранним историческим памятником, отразившим легенду об ослеплении Велизария, на Руси была, видимо, Хроника Мартина Бельского,³⁵ явившаяся одним из источников Хронографа редакции 1617 г.

Остановимся подробнее на взаимоотношениях Хронографа редакции 1617 г. с его источниками. В Хронографе 1512 г. царствованию Юстиниана посвящена статья «О брани на вандалы и на римского ригу Гелимера», в которой значительное место отводится рассказу о военных походах византийского войска во главе с Велизарием. Эта статья в Хронографе редакции 1512 г. соответствует тексту из Хроники Манассии, а так как нас в данном случае интересует лишь рассказ о злосчастной судьбе полководца, то мы сравним из этих памятников отрывки, посвященные этому моменту.

В Хронике Манассии:

«Бе же сие храбрѣство краснеише паче прѣввых и велик Велисарие беше в храбрѣствох, ну убо сиа не беху угодна зависти злой. Тем и горце възре на воинову славу, и въсеми обратися стрѣмлению на тогову славу, зависть бо, яко же глаголят, не вестъ полезнаго. От сего многославный и великий военачяльник, иже Хозроя устрашивый, великаго персом князя, иже царя приведый под ярем работы, иже мечем преемыи Ливийское царство и язык, иже рати раздрушауи, иже прѣвее в бранех львоаростен, завистиу повоеван быв, лютым зверем, без воин и ратник и тулоносец, паде падением страшным, достойным слѣз быст. О горе, окаанен, и нажаиши въздуха, испи, увы, напастнуу превеликуу чашу, обнажен быст от своих, яки бегунь раб, седеше война, оле страсти, ожидау, когда мечем того выи отсечет. О зависти, зверю лютый, разбойниче, гонителю, скорпие многожулнаа, тигрю человекосъедный, змие ядовитаа, былко смъртнаа, стрело безжелезнаа, копие въсех острейшее! Каковаа твориши и мучительствуеши, и каковаа зла съшиваеши! Препобеждает мя страсть, и съмущае мя плачь, и призывает слѣзу из моею очию. Доколе, губителю, сице възможеши? Доколе, злодею, житие съмущаеши, мучителю злокъзнный, убийце въсех враждууи. И аз бо, яки непотребен, в твоя въпад длани и искусив твоя стрелы, лежу еле дышу».³⁶

В Хронографе: «И сему, иже в победах великому Велисарію зависть позавиде, иже Хозроя, персом царя, устрашивый, иже в бронех лвоаростен, завистиу повоеван бысть, лютым зверем, без воин и оруженосец, испи, увы, напастную чашу, обнажен бысть от своих, яко бегун раб держим —

³⁰ Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. М.—Л., 1953.

³¹ [О. Бодянский]. Паралипомен Зонарин.— ЧОИДР, М., 1847, № 1, стр. 1—119.

³² В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги XV—XVII и приложения.— СОРЯС, т. 91, Пгр., 1915, стр. 26—29.

³³ Cronica lui Constantin Manasses. Text și glosar de Ioan Bogdan. București, 1922 (далее: Хроника Манассии).

³⁴ См. статью «О брани на вандалы и на римского ригу Гелимера» в Хронографе редакции 1512 г. (ПСРЛ, т. XXII, кн. 1, СПб., 1911, стр. 296—297) и в Хронографе западнорусской редакции (там же, кн. 2, СПб., 1914, стр. 111—112).

³⁵ Древнерусский перевод Хроники Мартина Бельского, сделанный, как полагают, с издания 1564 г., сохранился в нескольких списках. Мы цитируем Хронику по списку ГПБ, F.IV.162.

³⁶ Хроника Манассии, стр. 119.

оле страсти — ожидая, когда мечем выя того отсечется. О зависти, зверю лютой, разбойниче, гонителю, скорпие многожалнаа, тигру человекоснедныи, былка смертная! И доколе, злодею, житие смущаеши? И аз бо, яко непотребен, в твоя впад длани, искусив твоя стрелы, лежу еле дыша: препобеждает мя смерть и смущает мя плачь и призывает слезы из моею очию».³⁷

Как видим, рассказ о Велизарии в Хронографе редакции 1512 г. значительно сокращен по сравнению с источником. При этом в Хронографе, как и у Манассии, содержится лишь намек на какое-то несчастье, постигшее Велизария: он «завистия повеован бысть», «испи, увы, напастную чашу»; но далее после слов «ожидая, когда мечем выя того отсечется» автор ограничивается лишь риторическим обличением зависти, ничего не говоря о судьбе полководца.

Одноименная статья «О брани на вандалы и на римсково ригу Гелимера» в Хронографе редакции 1617 г.³⁸ в основном совпадает с чтением Хронографа редакции 1512 г., но имеет несколько отличий. Она дополнена и переработана по другим источникам и прежде всего по Хронике Мартина Бельского. Во-первых, из статьи хроники «О разорении Римском» заимствовано при составлении Хронографа редакции 1617 г. сообщение о четырех «падениях» Рима и из статьи «О цысаре Устияне» — рассказ об ослеплении Велизария и о воеводе Маркеле, отвоевавшем у готов Рим. Сообщение о «падениях» Рима в статье «О брани на вандалы и на римсково ригу Гелимера» представляет собой почти дословную вставку из хроники Бельского:

Хроника М. Бельского

Рим был взят и разорен четырижды во 139 лет, преже взят был Рим от Алерика, готсково короля, при Онории цысаре, в другой взят был от Генсирика, вандалсково короля, при Марчиане, в трети взят был от Тотилиаса остроготсково.³⁹

Хронограф 1617 г.

И Рим старыи, его же взяша готвы, аще при Анории царе Алериком, ригую готвьским, сеи Велисарии в греческую державу возврати. Тогда бо греки Римом не владеху 139 лет, а в толико время пленен бысть четырижды: перьвое от Алерика при Анории, второе от Генсирика при Маркиане, третие от Тотила остроготсково риги Велисарии воевода Устиниану царю во греческую державу возвратил.⁴⁰

В другом случае заимствованный текст значительно переработан:

И Начирьс, другой воевода, услышато, не хотел к цысарю ехати во Царьград, чтобы ему такожде не зделал и остался во влохах в неаполитаниих.⁴¹

И еще у Велисария был другой товариш, имянем Маркел, и тот паки ко греческой державе Рим обратил, а сам Маркел воевода ко Иустиниану царю в Царьград не пошел. Аще, рече, вниду к царю, то же мне учинят, яко же и Велисарию.⁴²

Но наибольший интерес для нас представляет рассказ об ослеплении Велизария в Хронографе редакции 1617 г. Он имеет следующий вид: «Оле, братия, се ныне зде узрим зависти силу и вражю пакость. Увы,

³⁷ ПСРЛ, т. XXII, кн. 2, стр. 112.

³⁸ Хронограф редакции 1617 г. цитируется по списку Основного (древнейшего) вида: БАН, Арханг., С.139 (см.: О. В. Творогов. О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРА, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 168—171, стр. 177).

³⁹ ГПБ, F.IV.162, лл. 338 об.—339.

⁴⁰ БАН, Арханг., С.139, л. 290.

⁴¹ ГПБ, F.IV.162, л. 383 об.

⁴² БАН, Арханг., С.139, л. 291.

такового велехрабра и многоратнаго Велисария воеводу без оружия и стрел зависть повоева и аки лютый зверь низложи, иже преже персы и прочия страны устраши, ныне же аки бегун раб связан держим, ничто же зла сотворь, но точию от своих завистию оболган, и ожидая, когда выя того мечем отсечется. О зависте, звере лютый, разбойниче и гонителе злый, скорпия смертоядная, тигре человекобиинны. Былка смертная, доколе, злодее, житие смущаеши! Таковый убо муж, аки непотребен, во твои длани впаде, и стрелы твои искуси. Мечем убо того не сконча царь, но от очию его свет отъя. И бысть, аки един от убогих, повержен, скитаяся по стогнах града Рима, иже потом именовашеся Евстратие. Егда же Велисария царь ослепи, тогда паки Оттотил остроготской рига Рим пленил».⁴³

Как можно видеть из сопоставления со сходным фрагментом Хронографа редакции 1512 г. (ср. выше), в Хронографе редакции 1617 г., во-первых, оказалось переработанным риторическое обличение зависти:

И аз бо, яко непотребен, в твои впад
длани, искусив твои стрелы, лежу еле
дыша (Хр. 1512).   Таковыи убо муж, аки непотребен,
во твои длани впаде и стрелы твои ис-
куси (Хр. 1617).

То, что автор говорил о себе, теперь отнесено к Велизарю.

Слова, выделенные в приведенной выше цитате из Хронографа редакции 1617 г. разрядкой, вообще не находят соответствий в Хронографе редакции 1512 г. Однако не вся эта вставка покрывается текстом Хроники Бельского. У Бельского говорится лишь следующее: «И пожив мало, Велисарий воевода был счастлив и несчастлив: по некоторым слову велел (Юстиниан) воеводе своему Велисарию глаза вынуть».⁴⁴

Таким образом, Хроника Бельского приводит лишь сам факт ослепления Велизария. Откуда же взяты мотив нищенства и упоминание о переименовании Велизария?

При знакомстве с Хроникой Бельского у редактора Хронографа могла возникнуть ассоциация с сюжетом Повести о Евстратии. Из нее в Хронограф редакции 1617 г. и перешли упоминание о нищенстве ослепленного Велизария и его новое имя. Факт свободного обращения в Хронографе редакции 1617 г. с материалами Хроники Мартина Бельского в науке уже установлен.⁴⁵

Характерно, что ни в одном списке Повести имя Евстратия не заменено именем Велизария. Только переписчик списка Румянц., № 376 на полях рукописи против имени Евстратий сделал запись: «Велисарий в хронографе», о чем уже говорилось ранее. Заметим, что эта рукопись датирована XVII в.

Имя Велисария было известно на Руси в первой половине XVI в. не только благодаря Хронографу. Максим Грек перевел из Лексикона Свиды в числе других и статью «О Велисарии».⁴⁶ Ничего общего с текстом По-

⁴³ Там же, лл. 290 об.—291.

⁴⁴ ГПБ, F.IV.162, л. 383 об.

⁴⁵ См. об этом статью С. П. Розанова «Время составления первоначальной редакции русского Хронографа» (ИОРЯС, т. XXX, 1926, стр. 129—130), а также статью О. В. Творогова «О Хронографе редакции 1617 г.» (ТОДРА, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 162, 164).

⁴⁶ Статья о Велизарии издана в кн.: Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, стр. 238—239. Встречается в рукописных сборниках: ГБЛ, Рогожск., № 341, лл. 536—536 об.; ГПБ, F.I.425, лл. 558—559 об.; ГПБ, Q.I.219, лл. 385—385 об., 554—554 об.; ГПБ, Солов., № 310 (495); ГИМ, Увар., № 251, л. 310; Увар., № 311, л. 306. Греческий текст ее см.: Lexicon Suidae, t. I, pars 1, ed. 1853, col. 978—979.

вести эта статья не имеет,⁴⁷ как и не содержит интересующего нас факта, связывающего Повесть и статью из Хронографа редакции 1617 г. с византийской легендой. Но из-за существующего в науке отождествления имен Евстратий и Велизарий один из списков этой статьи оказался среди списков Повести о Евстратии в «Библиографии древнерусской повести», составленной В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской.⁴⁸

Итак, на Руси Евстратий длительное время не воспринимался как Велизарий. Ассоциация легендарного Евстратия с историческим Велизарием возникла только в XVII в., в связи с переводом Хроники Мартина Бельского.

---

⁴⁷ О переводной статье «Сказание о Велисарии стратиге» см. в кн.: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969, стр. 40, 72.

⁴⁸ Древнерусская повесть. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Вып. 1. М.—Л., 1940, стр. 106.

Н. А. КАЗАКОВА

К изучению Кормчей Вассиана Патрикеева

Кормчая Вассиана Патрикеева занимает исключительно важное место не только в его творческой биографии, но и в истории идеологической борьбы в России в первой трети XVI в. «Нестяжательская» Кормчая Вассиана, отрицающая право монастырей на владение вотчинами, представляла собой посягательство на основу экономического могущества церкви, — посягательство тем более значительное и смелое, что оно было облечено в форму церковных законов. Однако до сих пор Кормчая Вассиана не стала предметом специального исследования, если не считать небольшого этюда А. Павлова, опубликованного более 100 лет назад.¹ Поэтому целый ряд вопросов, связанных с историей создания Кормчей, остается неясным. В настоящей статье предлагается попытка решения некоторых из этих вопросов.

Кормчая Вассиана Патрикеева известна в трех списках: ГБЛ, Музейное собр., № 474 (бывш. собр. Пискарева, № 228/39); ГПБ, Ф. II. 74 (бывш. собр. Толстого, № 169); ЦГАДА, № 181/1597 (бывш. Московское государственное древлехранилище, № 145).²

В списках Толстовском и ЦГАДА имеется запись о составлении Кормчей, гласящая: «Сиа книга списана по благословению господина нашего Варлаама, митрополита всеа Руси, в лето 7025-го месяца мая 27 день. Писана с Симановских правил, да с другого списка с правил архиепископа Васиана ростовьскаго, что вывез из Святой горы Сава Савиньскаго монастыря, что в Твери».³ Таким образом, в качестве года со-

¹ А. Павлов. О Кормчей инока-князя Вассиана Патрикеева. — Ученые записки Казанского университета по отделению историко-филологических и политико-юридических наук, 1864, вып. 2, стр. 489—498.

² Все три списка впервые указаны в кн.: А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I. Одесса, 1871, стр. 72, прим. 2.

³ ГПБ, Ф. II. 74, л. 447; ср.: ЦГАДА, № 181/1597, л. За. В. С. Иконников и А. И. Иванов называют еще один список Кормчей Вассиана — собрания Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря, № 16. См.: В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 404; А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, стр. 49, прим. 31 (далее: А. И. Иванов). В названной Кормчей, ныне находящейся во Владимирско-Суздальском историко-художественном и архитектурном музее-заповеднике (В 5636/399), на л. 4 об. имеется запись: «Сиа книга списана по благословению господина нашего Варлаама, митрополита всеа Руси, в лето 7025-го месяца мая 27 день. А писана с Симановских правил, да с другого списка с правил архиепископа Васиана ростовьскаго, что вывез из Святой горы Сава Савиньскаго монастыря, что в Твери, да с третьяго списка, с правил епископа суздальскаго Евфимиа, что вывез их изо Брянска с собою». На основе приведенной записи, а также беглого ознакомления с Суздальской Кормчей мы полагаем, что она представляла собой соединение Кормчей Вассиана с неизвестной нам Кормчей, вывезенной из Брянска суздальским епископом Евфимием. Но это предположение нуждается в проверке.

ставления Кормчей в записи назван 1517 г. Эта дата подтверждается и судебным делом Вассиана Патрикеева (1531 г.), в котором сохранилось высказывание Досифея, епископа крутицкого, о времени составления Кормчей Вассиана: «...как Васьян иновья своя правила написал, тому 14 лет».⁴ Однако уже А. Павлов в своей статье, написанной на основе только одного Толстовского списка Кормчей Вассиана, отметил, что году, названному в записи о составлении Кормчей, противоречит упоминание в ней Максима Грека, приехавшего в Россию в 1518 г. В связи с этим А. Павлов высказал предположение, что в записи год составления Кормчей указан неправильно.⁵

Недавно А. И. Иванов, суммировавший на основании Толстовского списка Кормчей Вассиана (ГПБ, Ф. II. 74) указания на участие в ее составлении Максима Грека,⁶ высказал мнение, что год написания Кормчей, названный в приведенной выше записи, обозначает время составления Вассианом первой редакции книги; время же написания второй ее редакции, в создании которой участвовал М. Грек, «правильнее всего отнести к 1521 г., как это обозначено у митрополита Евгения на основании некоторых списков».⁷ А. И. Ивановым сделан, как мы это покажем дальше, правильный вывод о существовании двух редакций Кормчей Вассиана Патрикеева и о том, что первую редакцию следует датировать 1517 г. Однако, что представляла собой первая редакция и сохранились ли ее списки, А. И. Иванов не говорит; устанавливая существование второй редакции Кормчей на основании Толстовского списка, он не указывает, к какой редакции относятся списки Пискаревский и ЦГАДА; нуждается в уточнении и предложенная им датировка второй редакции.

Автор настоящей статьи, занимаясь более 10 лет назад изучением творчества Вассиана Патрикеева, произвел самое предварительное обследование списков его Кормчей (не ставя целью ее специальное исследование). В результате он пришел к выводу, что «список Кормчей Вассиана из собрания Пискарева отличается от списков из собрания Толстого и ЦГАДА отсутствием второй части — книги Фотия, а также статей, принадлежащих Максиму Греку. Очевидно, Кормчая из собрания Пискарева представляет собой первый вариант Кормчей Вассиана, составленный до приезда в Москву Максима Грека, ... списки из собрания Толстого и ЦГАДА — второй вариант, составленный Вассианом при содействии Максима Грека после 1518 г.»⁸ Но этот вывод, сформулированный лишь в примечаниях к двум монографиям, не сопровождался изложением наблюдений, позволивших его сделать. Приведем сейчас эти наблюдения.

В списках ЦГАДА и Толстовском Кормчей Вассиана имеются следующие свидетельства участия Максима Грека в ее составлении.

1. Запись слов Максима Грека о составителях толкований на правила Кормчей книги: «Максим Грек сказывал, что Псалтырь толковую переводил с греческаго языка на руский, правила переводил по гранем и по главам Фотей, митрополит Констянтинаграда, а толковники, кажет, 1 — Иоаннис Зонарас, мних, патриарх антиохииский, 2 — Феодоръ Валсамон,

⁴ Судное дело Вассиана Патрикеева. — В кн.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 287.

⁵ А. Павлов. О Кормчей инок-князя Вассиана Патрикеева, стр. 489—490, прим. 4.

⁶ А. И. Иванов, стр. 49—52.

⁷ Там же, стр. 49, прим. 31 и стр. 52.

⁸ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 197, прим. 168. Этот вывод повторен в монографии: Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970, стр. 111 и прим. 100.

3 — Матфеос иеромонахос, 4 — Арменопулос, 5 — Хоматионос, архиепископ ахридский».⁹

2. Запись о переводе Максимом Греком толкования Федора Вальсамона на 14-е апостольское правило: «Сие правило переведено с богородицких правил с соборных, с греческих, на Москве Максимом, старцом Святыя горы, что переводил Псалтырь толковую».¹⁰

3. Принадлежащее Максиму Греку произведение «Сказание старца Максима Святыя горы к старцу Васиану о Святой горе жительства», включенное в Кормчую в качестве одной из статей.¹¹

4. Перевод 24-го правила IV Вселенского собора и 12-го и 18-го правил VII Вселенского собора и толкований к ним, которым заканчивается текст включенного в Кормчую канонического трактата Вассиана «Собрание некоего старца». Указание на принадлежность этого перевода Максиму Греку в Кормчей отсутствует. Авторство Максима Грека доказывается тем, что из трех списков трактата Вассиана, сохранившихся в составе списков его Кормчей — Пискаревском, Толстовском и ЦГАДА, — текст названных правил имеется только в двух последних списках Кормчей,¹² включающих приведенные выше прямые указания на участие Максима Грека в создании Кормчей (пункты 1—3).

5. Пояснение к читающимся в каноническом трактате Вассиана словам «приградие сельное»: «Сие тлкуется проастион, сиречь пашни и винограды, а не села с житейскими христианы».¹³ Хотя в тексте пояснения, помещенном на нижнем поле лисга, имя Максима Грека не названо, но совершенно очевидно, что именно он был автором пояснения, так как оно сделано к словам, находящимся в последней части трактата Вассиана, включающей названные выше переводные правила вселенских соборов (пункт 4).

Все приведенные тексты, свидетельствующие об участии Максима Грека в создании Кормчей Вассиана, в Пискаревском списке ее отсутствуют. Это подтверждает сделанный в наших прежних работах вывод о том, что Пискаревский список представляет собой первую редакцию Кормчей Вассиана, составленную до приезда Максима Грека в Россию. Что касается названной в списках ЦГАДА и Толстовском Кормчей Вассиана даты ее написания — 27 мая 1517 г., то ее следует считать, как это отметил А. И. Иванов, датой завершения работы над первой редакцией Кормчей.¹⁴ Поскольку эта дата знаменовала собой окончание первого и самого важного этапа работы Вассиана Патрикеева над своей Кормчей, постольку она переносилась затем в другие списки, отражающие последующий этап работы над Кормчей.

⁹ ГПБ, Ф. II. 74, лл. 24 об.—25; ср.: ЦГАДА, № 181/1597, л. 18 (21). Публикации: 1) Г. А. Розенкампф. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829, стр. 76, прим. 73 (по неназванным спискам); 2) А. И. Иванов, стр. 51, прим. 35 (по Толстовскому списку).

¹⁰ ГПБ, Ф. II. 74, л. 61 (101); ср.: ЦГАДА, № 181/1597, л. 79 (83). Публикации: А. И. Иванов, стр. 51, прим. 36 (по Толстовскому списку).

¹¹ ГПБ, Ф. II. 74, лл. 351 об.—352 (392 об.—393); ср.: ЦГАДА, № 181/1597, лл. 332 об.—333 (336 об.—337). Публикации: Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, стр. 243—245.

¹² ГПБ, Ф. II. 74, лл. 337—340 об. (378—381 об.); ср.: ЦГАДА, № 181/1597, лл. 319 об.—323 об. (323 об.—327 об.). Публикации: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 234—238 (по списку ЦГАДА).

¹³ ГПБ, Ф. II. 74, л. 339 (380); ср.: ЦГАДА, № 181/1597, л. 322 (326). Публикации: 1) Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 236, прим. н—о (по списку ЦГАДА); А. И. Иванов, стр. 51 (по Толстовскому списку).

¹⁴ Отсутствие этой даты в Пискаревском списке объясняется, вероятно, случайностью.

Последующий этап в развитии Кормчей Вассиана, ее вторая и окончательная редакция, связанная с участием Максима Грека, запечатлена, как это явствует из наших наблюдений, не только в Толстовском списке (что подмечено А. И. Ивановым), но и в списке ЦГАДА. Предложенная А. И. Ивановым со ссылкой на митрополита Евгения датировка этой редакции 1521 г.¹⁵ вряд ли может быть принята. У митрополита Евгения указано, что патриарх Иоаким в своей книге «Остен» свидетельствует о переводе Максимом Греком в 1521 г., а по другим спискам — в 1542 г. Кормчей книги, которая хранится в патриаршей ризнице.¹⁶ Нам кажется, что на позднее свидетельство патриарха Иоакима (1674—1680 гг.) нельзя полагаться: Иоаким говорит о переводе Максимом Греком Кормчей книги целиком (что А. И. Иванов справедливо оспаривает¹⁷), к тому же у него названы две даты — 1521 и 1542 гг., тогда как в сохранившихся списках Кормчей Вассиана имеется, как уже отмечено, лишь дата «27 мая 1517 г.». Но поскольку эта дата может быть приурочена только к первой редакции Кормчей, постольку датировку второй редакции приходится производить на основании косвенных данных. Естественно, что нижней гранью времени составления этой редакции является 1518 г. — год приезда в Москву Максима Грека; установить верхнюю грань помогает анализ книгописного наследия Гурия Тушина.

Гурий Тушин, пострижник и одно время игумен Кирилло-Белозерского монастыря, был плодовитым книгописцем, перу которого и работавшей под его началом артели книгописцев принадлежало 37 книг. По своим взглядам Гурий Тушин примыкал к нестяжателям и пропагандировал их идеи, включая в свои сборники произведения крупнейших писателей нестяжательского направления — Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, Максима Грека.

Гурию Тушину принадлежит особая редакция канонического трактата Вассиана Патрикеева «Собрание некоего старца», написанного, как мы уже указывали, Вассианом для своей Кормчей. Не останавливаясь на особенностях Тушинской редакции «Собрания некоего старца», отметим, что при работе над ней Гурий Тушин использовал также статью «От обоих правил», отсутствующую в первой редакции Кормчей Вассиана (Пискаревский список), но имеющуюся во второй, окончательной ее редакции (списки ЦГАДА, лл. 323 об.—325 об., и Толстовский, лл. 341—343 (382—384)).¹⁸ Следовательно, когда Тушин составлял свою редакцию «Собрания некоего старца», он пользовался второй, уже существовавшей редакцией Кормчей Вассиана, и дату написания Тушинской редакции «Собрания некоего старца» мы можем считать датой ante que составления окончательной редакции Кормчей Вассиана.

Тушинская редакция «Собрания некоего старца» не датирована. Но время ее создания (в рамках нескольких лет) можно установить. Поскольку Гурий Тушин использовал окончательный вариант Кормчей Вассиана, в составлении которого принимал участие Максим Грек, очевидно, что Тушинская редакция «Собрания некоего старца» была написана после 1518 г. Верхняя грань времени ее создания определяется путем

¹⁵ А. И. Иванов, стр. 52, прим. 43.

¹⁶ Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви, т. II. СПб., 1827, стр. 37.

¹⁷ А. И. Иванов, стр. 50.

¹⁸ О Тушинской редакции «Собрания некоего старца» см.: Н. А. Казакова. 1) Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 183—186; 2) Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в., стр. 262—265.

датировки сборника, в котором она находится. Сборник (ГПБ, Софийское собр., № 1451) не имеет датирующей пометы, так же как и порядкового номера (из 37 книг, написанных Гурием Тушиным или под его руководством, порядковые номера имеют лишь книги 35-я, 36-я и 37-я¹⁹). Софийский сборник представляет собой конвюлют, рукой Тушина в нем написаны листы 88 об.—136, 139—147, 233—236. Несомненно, что часть, принадлежащая Тушину, была написана ранее его 35-й книги (поскольку сборник не имеет порядкового номера), работа же над 35-й книгой была закончена Тушиным не позднее 19 декабря 1524 г.²⁰ Следовательно, 19 декабря 1524 г. является верхней гранью времени написания и принадлежащей Тушину части Софийского сборника, № 1451, и входящей в его состав Тушинской редакции «Собрания некоего старца». Очевидно также, что 1524 г. представляет собой верхнюю грань датировки и окончательного варианта Кормчей Вассиана, так как именно этот вариант Тушин использовал, как мы уже отмечали, при написании своей редакции «Собрания некоего старца».

О том, что вторая редакция Кормчей Вассиана была создана не позднее 1524 г., свидетельствует еще одно обстоятельство, на этот раз связанное с судьбой Максима Грека. Около начала декабря 1524 г. он был арестован²¹ и тем самым временно лишен возможности участвовать в каких-либо литературных предприятиях.

Итак, если первая редакция Кормчей Вассиана Патрикеева была составлена в 1517 г., то создание второй редакции (с участием Максима Грека) следует относить к 1518—1524 гг.

¹⁹ Н. А. Казакова. 1) Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина, стр. 176—177, прим. 41, 42, 43; 2) Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в., стр. 252—253, прим. 43, 44, 45.

²⁰ Датирующих помет 35-я книга Гурия Тушина не имеет, но в 36-й они есть. На л. 105 этой книги (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 215/472) имеется помета Тушина о том, что писать книгу он начал 20 декабря, а кончил 19 января в игуменство Алексея. Алексей был игуменом Кирилло-Белозерского монастыря с апреля 1520 по апрель 1525 г. (см.: П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 55). Таким образом, 36-я книга Гурия Тушина написана не ранее 20 декабря 1520—19 января 1521 г. и не позднее 20 декабря 1524—19 января 1525 г. Поскольку 35-ю книгу Тушин написал непосредственно перед 36-й, мы можем считать, что 35-я книга была закончена не позднее 19 декабря 1524 г. (при этом мы руководствуемся самой поздней из возможных дат написания 36-й книги).

²¹ См.: Следственное дело Берсения Беклемишева. — ААЭ, т. I, СПб., 1836, № 172, стр. 144.

Б. М. КЛОСС

Неизвестное послание Иосифа Волоцкого

В одном сборнике Иосифо-Волоколамского монастыря (Волоколамское собр., № 583) сохранился текст анонимного послания, направленного против ереси «жидовствующих».

Послание представляет собой ответ неизвестному корреспонденту, писавшему о «наругательствах» еретиков над христианской верой. Приведя ряд выдержек из «Пророков», автор продолжает: «Аще же попускает господь, а не погубит их, о сем не дивися, таков бо есть обычай человекалюбца бога нашего: ожидает убо всем покаания, аще ли же не обратятся истинною, тогда примут сужение с диаволом, прелстившим их». Тем не менее в заключение следует обращение к адресату с призывом к активным действиям и «попечению о истинне».

Обнаруживаются стилистические и идейные совпадения рассматриваемого текста с отдельными произведениями Иосифа Волоцкого, особенно с его посланиями епископу Суздальскому Нифонту и брату Вассиану Санину.¹ Учитывая это обстоятельство, а также то, что памятник содержится в Волоколамском сборнике, решаемся отождествить его автора с Иосифом Волоцким.

Действительно, начало описываемого нами послания по своей конструкции чрезвычайно напоминает начало второй части послания Иосифа Нифонту:

А что, господине, писал ми еси о еретицех, что наругаются христианом, а сами жидовство держат, ведомо тебе, господине, что божествени пророци от них родишяся, а о их безаконии прорекоша... (Вол., № 583, л. 106).

А что еси, господине, ко мне писал: «Аще прокленет еретик христианина, то следует ли ему божественный суд? То еретическое проклятие во проклятие ли, или ни во что?». Ино ты сам, господине, ведаеш, что мнози еретици христиан прокляша...²

«Тебе же, господине, — призывает автор рассматриваемого послания, — ныне время благоприятно о истинне попечение имети и немощных подкрепитьи». «И ныне, господине, — пишет Иосиф Нифонту, — о том стати накрепко некому, опроче тебя ..., и о тебе укрепятся вси».³ «Подвигнися убо и ты, брате, пострадади за пострадавшего по нас ..., — обращается Иосиф к своему брату Вассиану, — ныне же ти время благопотребно...».⁴

¹ Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 160—168, 173—175.

² Там же, стр. 165.

³ Там же, стр. 161.

⁴ Там же, стр. 173—174.

Настойчивый призыв к активным действиям и готовность идти на любые жертвы слышатся в словах послания: «Аще и скорбно прилучится претерпети Христа ради, занеже никто же не подвизався венець приати, или кто спя победу сътвори, или кто почиваа похвалу прием? Ибо болезни ражают славу и труды исходатайствуют венца». Ту же образность в сравнениях и энергичность слога видим в обращении Иосифа к епископу Нифонту: «Ныне время купли, время труду, время мене, время течению и подвигом»; и далее: «Сего ради блажен необленивыйся, ниже разслабев ныне, яко болши пръвых мученик и славнейши имат быти».⁵

Если говорить об адресате послания, то им с наибольшей вероятностью может быть признан архиепископ новгородский Геннадий. Известно, что именно Геннадий посылал в 1487—1489 гг. грамоты великому князю, митрополиту и епископам Прохору Сарскому, Нифонту Суздальскому, Иоасафу Ростовскому, в которых писал, что еретики «ныне наругаютца христьянству», «жидовскую веру величают, а нашу веру православную Христову хулят»⁶ (вспомним, что адресат также писал о еретиках, «что наругаются христианом, а сами жидовъство держат»). Обращался Геннадий (через Иоасафа) за помощью к известным «старцам» — Паисию Ярославову и Нилу Майкову.⁷ Тем более естественно признать факт переписки между новгородским архиепископом и его единомышленником, игуменом находившегося в той же епархии монастыря. Судя по тому, что в нашем послании обсуждаются те же вопросы, что и в перечисленных грамотах Геннадия, памятник следует датировать концом 80-х годов XV в.

Сборник Вол., № 583 по палеографическим признакам относится к началу XVI в.⁸ Рассматриваемое послание помещено на л. 106—106 об. Далее тем же почерком написана на лл. 106 об.—107 статья «Феодоритово, како подобает креститися». Листы 106 и 107 не имеют водяных знаков, а их почерк не встречается в остальной части рукописи. Но писец нам знаком: им переписана часть текста в сборниках Вол., № 505 (лл. 246—250 об.) и Вол., № 506 (лл. 57 об.—60, 155—189). Той же рукой сделаны записи (на последних листах рукописей) о вкладыях в Иосифо-Волоколамский монастырь книг: в 1519 г. — великокняжеского дьяка Данилы Мамырева (Вол., №№ 13, 443), в 1526 г. — епископа Суздальского Геннадия (Вол., № 452). Судя по тому, что записи о вкладыях должен был делать келарь монастыря, мы отождествляем автора этих записей (а следовательно, переписчика послания) с иноком Селиваном, который в актовых материалах как раз и упоминается как келарь в 1516—1526 гг.⁹

Ниже публикуется текст Послания.

А что, господине, писал ми еси о еретицех, что наругаются христиа- л. 106
ном, а сами жидовъство держат, ведомо тебе, господине, что божественнии пророци от них родишяся, а о их безаконии прорекоша. Пръввый Моисей рече: «Слыши, Израилю, не к тому будет тебе встати уже, но дасть ти господь сердце печално и исчезновены очи и растаемую душу». Паки

⁵ Там же, стр. 162—163.

⁶ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 312, 313—314.

⁷ Там же, стр. 318, 320.

⁸ Водяные знаки: 1) Голова быка с крестом, обвитым змеей, — типа Брикe, № 15376 (1498 г.), № 15395 (1508 г.); 2) Тиара — типа Брикe, № 4930 (1502 г.); 3) Перчатка под звездой — типа Брикe, № 10719 (1501—1527 гг.). Между прочим, текст на лл. 40—43 об. писан тем же почерком, что и в сборнике начала XVI в. Вол., № 508 (лл. 334 об.—337 об.).

⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 2. М., 1956, №№ 68, 72, 77, 78, 81, 83, 96.

Малахиа рече: «Паде Израиль и не приложит к тому възстати». Исайа же сице глаголетъ: «Кто умолен будет о тебе, Израилю, или кто приклонится к миру твоему». Глаголетъ ¹⁰ господь: «Простру руку мою и растлю тебе и к тому не възнесу тебе и град, иже дах вам, дам в поношение и в безчестие вечное». Божественый же Захария глаголетъ тако: «Глаголетъ господь богъ Израилев: се аз наведу на Израиля злаа и низложу их оружиемъ предъ врагы их, и сътворю град их в разрушение и в повесть вечную, и покажу им день погыбели, и дам их в расеание всемъ царствомъ земнымъ, и будетъ в поношение и в мерзость и в клятву въ всехъ странахъ». Божественый же Предтеча Иоанъ нарицаетъ ихъ изчадия змиина. Господь богъ нашъ Исусъ Христосъ истинный светъ, просвещая всякого человека, || рече к нимъ: «Вы отца вашего диавола есте и похоти его хощете творити».

Аще же попускаетъ господь, а не погубитъ ихъ, о семъ не дивися, таковъ бо есть обычайъ человекалюбца бога нашего: ожидаетъ убо всемъ покаанна, аще ли же не обратятся истинною, тогда примутъ сужение съ диаволомъ, прелстившимъ ихъ. Тебе же, господине, ныне время благоприятно о истинне попечении имети и немощныхъ подкрепитьи. Аще и скорбно прилучится претерпети Христа ради, занеже никто же не подвизався венець прияти, или кто спя победу ¹¹ сътвори, или кто почиваа похвалу приемъ? Ибо болезни ражаютъ славу и труды исходатайствуютъ венца. Конечъ симъ всемъ господь нашъ Исусъ Христосъ и иже тебе мзду въздасть противу твоему труду. Аминь.

¹⁰ В рукописи «глаголе».

¹¹ В рукописи «победу».

О. В. ТВОРОГОВ

О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода

А. Е. Пресняков, подробно описавший состав второго¹ и третьего² томов Лицевого свода (далее: ЛС-2 и ЛС-3), установил, что источниками хронографических статей ЛС являются Еллинский летописец второй редакции (далее: ЕЛ-2) и Хронограф редакции 1512 г. (далее: Хр. 1512).³ Но в самом описании А. Е. Пресняков постоянно ссылается на «выписки из Малалы» или «из Амартола», на «вставки» в текст этих памятников, подменяя, таким образом, ссылки на ЕЛ-2 ссылками на его источники. Отдельные неточности в описании вызваны тем, что А. Е. Пресняков сопоставлял ЛС не с текстом древнерусского перевода Хроники Амартола, а с греческим текстом по изданию Э. Г. Муральта.⁴ Впоследствии В. М. Истрин показал, что древнерусский перевод Хроники сделан с иной версии греческого текста,⁵ поэтому ряд указаний А. Е. Преснякова на отличия от Хроники Амартола теряют смысл. При сопоставлениях с Хр. 1512 А. Е. Пресняков опирался, видимо, не на текст хронографа, а на его описание в монографии А. Н. Попова.⁶ Все это умаляет ценность проделанной исследователем работы и требует нового обращения к описанию ЛС.

Наше описание не является поштатейным, его цель иная — указать на соответствия текста ЛС-2 и ЛС-3 их основным источникам — ЕЛ-2, Хр. 1512 и Хронике Георгия Амартола.

ЛС-2 несколько лет назад был заново описан В. Ф. Покровской.⁷ Это описание полностью заменяет описание А. Е. Преснякова и исправляет содержащиеся в нем неточности. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

Начиная со статьи «Видение Даниила пророка. Видение первое о Сусане» ЛС-2 обращается не к Книге Даниила, а к ЕЛ-2, обнаруживая при этом близкое сходство со списками ГБЛ, собр. Пискарева, № 162 и БАН,

¹ Рукопись БАН, 17.17.9.

² Рукопись ГПБ, F.IV.151.

³ А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI века. — ИОРЯС, т. V, кн. 3, СПб., 1900, стр. 854.

⁴ Хронограф Георгия Амартола. Греческий подлинник, приготовленный к изданию Э. Г. фон Муральтом. СПб., 1859.

⁵ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. Пгр., 1922, стр. 127—136.

⁶ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866.

⁷ Исторические сборники XV—XVII вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2. Составили А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.—Л., 1955, стр. 14—24.

33.8.13.⁸ Сравнительно с ЕЛ-2 этого типа в ЛС-2 отмечены следующие отличия:

1. Опущены статьи «Царство 21 Иохониа»,⁹ «Царство 2-е Седекиево» и «(О) плѣнении Иерусалиму», так как их текст в значительной части восходит к IV Книге Царств, которая полностью приведена в ЛС-2 выше.

2. Опущены фрагменты текста (преимущественно «толкования») в статьях «О образѣ тѣла», «Видѣние Данилово 5-е», «Царство Вавилонское 1-е Навходоносорово», «Видѣние Данилово 7-е», «Видѣние Данилово 8-е».

3. Опущена статья «Слово святаго Иоана Богословца о преиудшем вѣдѣ».

4. Опущены отдельные фразы и фрагменты в статьѣ «Видѣние Данилово 9-е».

5. Опущены слова «И умре Астигии. В ня же лѣта бѣ философ Солон (вместо Солон, — О. Т.)», заключающие статью «Царство 4-е Дариево Мидянина».

6. В статьѣ «Видѣние Данилово 10-е» опущены фрагменты текста и произведены перестановки. Частично текст ЕЛ-2 кратко пересказан.

7. В статьѣ «О Михаиле царе» добавлено: «Царь же Астигиас преложися ко отцем своим и прият Кур Персин царство его».

8. После статьи «О убьении змиа», как отмечено В. Ф. Покровской, читается извлечение из Сказания Дорофеева («Данил пророк. Се преложение от жидовьска Феодоритово есть»).

Таким образом, начиная с Книг Даниила и до Александрии, за исключением фрагмента из Книги Дорофея, в ЛС-2 содержится текст ЕЛ-2 с некоторыми сокращениями и перестановками.

Текст ЛС-2 на лл. 798—955 также полностью совпадает с ЕЛ-2 за исключением следующих фрагментов:

а) на лл. 876—878 об. фрагмент из Хронографа 1512 г. «вскоре изрицаю осужение... кесаря оставив умираю» (ср. стр. 230, 5—28).¹⁰

б) на лл. 853 об.—863 об. и 898—904 об. статьи «О крещении господа нашего Иисуса Христа и о Иоанне Предтечи» и «Разрешает сон господень Предтеча Иоан Ироду Филиппу» из Хр. 1512 (ср. стр. 234—237).

в) на лл. 905—907 статьи «О распятии господа нашего Иисуса Христа» и «О катапезме» из Хр. 1512 (ср. стр. 238—239).

В пределах включенной в состав ЛС-2 «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия читаются два фрагмента из Хр. 1512:

а) на лл. 1025 об.—1026 об. статья «Разрешает сон господень Предтеча Иоан» (без заголовка) (ср. Хр. 1512, стр. 235, 22—29);

б) на лл. 1030 об.—1033 статья «О Иисусе Христе», соответствующая статьѣ «Свѣдѣтельство Иосипа Еврѣина о Христѣ» (ср. стр. 237, 22—238, 19), однако без глоссы «а един талант 500 рублей русских».

Обратимся к рассмотрению третьего тома Лицевого свода. Его состав по отношению к источникам следующий.

Лл. 1—8, 10—55, 9, 56—145 (листы при переплетении перепутаны) со слов «и свѣтлѣиши и силнѣиши и свѣдѣтельствуеет образѣ» статьи «Царство Титово сына Успасианя» текст из ЕЛ-2 (ср. лл. 115 в—152 г.).¹¹

⁸ Подробнее о соотношении ЛС и ЕЛ-2 см. ниже, стр. 362—363.

⁹ Приводятся только начальные слова заголовков. Заголовки статей, опущенных в ЛС-2, приводятся в орфографии Пискаревского списка (с некоторыми упрощениями).

¹⁰ Хронограф 1512 года. — ПСРА, т. XXII, ч. 1, СПб., 1911. Если границы текста, включенного в ЛС-2 или ЛС-3, не совпадают с границами статьи в Хр. 1512, то после страницы указывается строка (отсчет сверху).

¹¹ Указываются листы списка БАН, 33.8.13.

Л. 146. Фрагмент «Макарие же тогда бѣ патриарх... при Улиане Преступницѣ» из Хр. 1512 (ср. стр. 271, 12—33).

Л. 150. Фрагмент «Тогда же Елена царица повеле... и недужных доволно», статьи «О преставлении Еленинѣ» и следующие (до слов «но осуди по правдѣ неправеднаго въскорѣ» статьи «Царство 2-е Костянтиево сына Коньстянтинова») из ЕЛ-2 (ср. лл. 152 г—159 г).

Л. 190 об. Статьи «О просажении Ария» и «О Иулианѣ Преступницѣ» из Хр. 1512 (ср. стр. 274—275).

Л. 197. Слова «сиде разыдошася во вселенныя конца» из ЕЛ-2 (ср. л. 160 б).

Л. 197. Статья «О месалиянех» из Хр. 1512 (ср. стр. 275).

Л. 197 об. Статьи «Царство 3-е Иулиана Преступника» и следующие (до слов «идеже есть престол владычень» статьи «О преставлении Иоанна Златоустаго») из ЕЛ-2 (ср. лл. 160 в—180 б).

Л. 331 об. Фрагмент «Аркадий же царь... мечь прияша» и статья «О Онории царе» из Хр. 1512 (ср. стр. 283, 32—284).

Л. 336 об. Статья «Царство 9-е Феодосия Малаго» из ЕЛ-2 (ср. л. 180 б).

Л. 338. Статья «О Евдокии царицы» из Хр. 1512 (ср. стр. 284—285).

Л. 341 об. Фрагмент «Той же Феодосии царь церковь созда... етеру стену за 7 днии» из ЕЛ-2 (ср. л. 180).

Л. 342. Статьи «О воскресении седми отрок» и «О трусѣ» из Хр. 1512 (ср. стр. 285—286).

Л. 346. Фрагмент «При сем бысть Савва Пустынныи... и здрава преславно из купѣли изведе», статьи «О святѣм третием вселенском соборѣ» и следующие из ЕЛ-2 (ср. лл. 180 в—183 в).

Л. 373 об. Статья «О вражди царицы Евдокии» из Хр. 1512 (ср. стр. 287).

Л. 379. Статья «О Нестории еретицѣ» до слов «и изврѣщи из епископства» из ЕЛ-2 (ср. лл. 183 в—184 а).

Л. 380. Статья «О Уалентияне цари и о взятии Рима Изгирихом» из Хр. 1512 (ср. стр. 285).

Л. 385 об. Фрагмент «Царь же Феодосии увѣдав... и по двюю днех умре Феодосий лѣт сый 51» и статьи «Царство 10-е Маркиане» и «О святѣм четвертом соборѣ» из ЕЛ-2 (ср. лл. 183 г—184 в).

Л. 392 об. Статьи «О свитцѣ православных и еретичестем» и «О свитцѣ» (до слов «столп православия») из Хр. 1512 (ср. стр. 288—289, 8).

Л. 394. Фрагмент «При сем Симеон Столпник... двѣма лѣтома», статьи «Царство 11 Лва Великаго» и следующие (до слов «При сем бысть Иоан Постник» статьи «Царство 14 Анастасьево») из ЕЛ-2 (ср. лл. 184 в—192 а).

Л. 467. Фрагмент «Сий же царь Анастасий изначяла являшеся благочестив... народ благочестивый» из Хр. 1512 (ср. стр. 290, 16—23).

Л. 468. Фрагмент «И постави Севира прозвутера патриарха в Антиохии Велицей от черноризец бывша» из ЕЛ-2 (ср. л. 192 а).

Л. 468 об. Фрагмент «Сава же и Феодосие с десятию тысящ черноризец... сожгоша огнем в студии» и статья «О трусех» из Хр. 1512 (ср. стр. 290, 23—291, 8).

Л. 472. Фрагмент «Сий же царь медяная капища... сына любо дщерь» из ЕЛ-2 (ср. л. 192 в).

Л. 473. Статья «О возбранении праведнаго злата» (до слов «муку сие сотворшим наводит»), заголовок статьи «О турках» и первая фраза этой статьи из Хр. 1512 (ср. стр. 292, 6—19 и 291, 9—10).

Л. 475 об. Фрагмент «В царство же его отвержеса Виталин... любо в дом зажещи» из ЕЛ-2 (ср. л. 192 в—г).

Л. 477 об. Фрагмент «В Анастасиево же царство начяльник... в ересь отоидоша» из Хр. 1512 (ср. стр. 291, 14—25).

Л. 479 об. Фрагмент «В царство же его оставися... и ина многа» из ЕЛ-2 (ср. л. 192 г).

Л. 480. Статья «О смерти царя Анастасия» и фрагмент «Жит убо Анастасие 80 лет... Кириак отшелник» из Хр. 1512 (ср. стр. 291—292 и 292, 19—24).

Л. 483. Статьи «Царство 15 Устияново» (в ней после слов «злата два кентаря» заголовок «О казнях Антиохии пятое падение») и следующие из ЕЛ-2 (ср. л. 193 а—211 г).

Л. 573 об. Статьи «О брани на Уандалы и на римскаго ригу Гелимера» и «О ереси аффортодокитской» (до слов «в заточение посла») из Хр. 1512 (ср. стр. 296—297, 26).

Л. 583. Фраза «И царствова Устин Великий по соборе 13 лет», статьи «Царство 17 Устиново сына Устинианова» и «О жидовиновѣ сыну» из ЕЛ-2 (ср. лл. 211 г—212 в).

Л. 590 об. Фрагмент «Бе же благ и праведен... и въздыхаше», статьи «О судии праведнем» и «О Софии царици и о сняти долга с народа» из Хр. 1512 (ср. стр. 298, 8—299).

Л. 597 об. Статьи «Царство 18 Тивериево» и «Царство 19 Маврикиево» (до слов «О сем же доселѣ и на прочее шествует») из ЕЛ-2 (ср. лл. 212 в—213 г).

Л. 604. Фрагмент «Хоздрою же перскому царю... и приведе сих Маврикию» и статья «О туркох» (до слов «во имяни слово ферт») из Хр. 1512 (ср. стр. 300, 27—301, 4).

Л. 605 об. Статья «О плѣне» (заголовок на поле) — фрагмент «Ибо хоган приложився... от воин Маврикиевых 12 тысяч» из Хр. 1512 (ср. стр. 301, 7—11).

Л. 606 об. Фрагмент «Бояром же помолвившимся цареви... да отпустит я» из ЕЛ-2 (ср. л. 213 г).

Л. 607. Фрагмент «Хаган же посла к Маврикию... укаряем о жестоцердини» из Хр. 1512 (ср. стр. 301, 11—23).

Л. 608. Фрагменты «начяша на нь вси глаголати... да здѣ грѣх примет», «Маврикию же богу молящуся... и рукострогание нарицают», статьи «Царство 20 Фоки Мучителя» и следующие (до слов «тако возвратишася въсвоися» статьи «О гладѣ и морѣ»; в ЛС-3 этого заголовка нет и статья примыкает к статье «Царство 21 Ираклионово») из ЕЛ-2 (ср. лл. 214 а—216 в).

Л. 633 об. Статьи «О пришествии персян на Иерусалим и на Царьград» и следующие (до конца статьи «О смерти Ираклиевѣ») из Хр. 1512 (ср. стр. 304—306).

Л. 650 об. Статьи «О нѣкоем богатѣ, сотворшим милостыню» и следующие (до слов «душу свою за друга своего») из ЕЛ-2 (ср. лл. 217 в—229 в).

Л. 691 об. Фрагмент «Конста же царь, внук Ираклиев... и вскорѣ падет» и начало статьи «Царство 25 Костянтиново Брадатаго» (до слов «совершеною брадою») из Хр. 1512 (ср. стр. 309, 20—310, 12).

Л. 696. Фрагмент «И приде в Костянтинград и прият же всѣми... не проходими глаголют» из ЕЛ-2 (ср. л. 231а—в).

Л. 700. Фрагмент «Сей совокупив собор... святыми отци» и статья «О святѣм вселенском шестом соборѣ» (до слов «избавление бывше всего мира») из Хр. 1512 (ср. стр. 310, 12—311, 2).

Л. 702. Статьи «О срацинех» и «Болгары» (оба заголовка на поле) и начало статьи «Царство 26 Устияне» (до слов «печаловаше ни о чем же») из ЕЛ-2 (ср. лл. 232б—233а).

Л. 711. Статья «О втором собрании святого собора шестаго» (до слов «много нудим рече») из Хр. 1512 (ср. стр. 311—312, 5).

Л. 714 об. Фрагмент «слава дръжавнаму богу тръпящему... и оземьства в Курсунѣ» из ЕЛ-2 (ср. л. 233 б).

Л. 716. Статья «Царство 27 Леонтиеве» из Хр. 1512 (ср. стр. 312).

Л. 719. Начало статьи «Царство 28 Аспимара Тивирия» (до слов «Фаддѣй Келевии») из ЕЛ-2 (ср. л. 233 в).

Л. 719. Фрагмент «Имяше убо Аспимар греческую власть... и жажда ради водныя предаша град» и статья «Царство 29 Иустияна Корноносаго» (до слов «в заточение посла в Рим») из Хр. 1512 (ср. стр. 312, 31—313, 25).

Л. 724 об. Фрагмент «И в того мѣсто постави патриарха Кирьяка... избѣгнути в варвары» из ЕЛ-2 (ср. л. 233 в—г).

Л. 726. Фрагмент «К сим же яряшеся... царя же и владыку Филиппика сотвориша» из Хр. 1512 (ср. стр. 313, 25—314, 12).

Л. 729. Фраза «При сем бысть Григории епископ акраганьский, сын Харитонов и матери Феодотьи» из ЕЛ-2 (ср. л. 234 а).

Л. 729. Статьи «Царство 30 Филиппикаво, иже и Вардан», «Царство 31 Артемия, иже и Анастасии» и начало статьи «Царство 32 Феодосия Адраментина» (до слов «два нѣкая богоборных жидов») из Хр. 1512 (ср. стр. 314—315, 13).

Л. 735 об. Фрагмент «выну всегда воююще на господа... Исавриискія страны» (из статьи «Царство 33 Леона Исаврянина») и статья «О Львѣ цари» (заголовок на поле) из ЕЛ-2 (ср. л. 234 в—г) со вставками отдельных слов из Хр. 1512.

Л. 741 об. Статья «Царство 33 Лва Саврянина» (до слов «каменеие честно») из Хр. 1512 (ср. стр. 316, 4—10).

Л. 742. Фрагмент «Царю же отвѣщавшу... послушание приемлет» из ЕЛ-2 (ср. л. 235 а).

Л. 743. Статья «О попрании икон» (фрагмент «Оле, божиих судеб... крови землю напояху») из Хр. 1512 (ср. стр. 316, 16—18).

Л. 743. Фрагменты «И възбѣсовася убо на правую вѣру... благочестивых и вѣрных царь» и «призвав паки преподобнаго Германа... и тако изыде от срѣды их» из ЕЛ-2 (ср. лл. 235 б—236 в).

Л. 749 об. Фрагменты «О, горе, пастыря волк... темен день и мрачнѣишии» и «Повелѣвает же прелютыи звѣрь... в пустынях крыяхуся» из Хр. 1512 (ср. стр. 316, 34—317, 3 и 317, 33—318, 6).

Л. 751 об. Фрагмент «И гонение великое воздвиже... Ферфурия и сестры ея Ферфы приснодевыя» из ЕЛ-2 (ср. л. 236 г).

Л. 752 об. Фрагмент «И апостольскіи первопрестолник Григорие папа... гарвана чернѣшаго от черности покажу» из Хр. 1512 (ср. стр. 317, 6—9).

Л. 753. Фрагмент «В та лѣта трус бысть велии... и свое побѣждение», статьи «О мужи, иже милостыню творяше» и следующие (до слов «богом многим се сотворив») статьи «Царство 34 Костянтиново Гноютезнаго») из ЕЛ-2 (ср. лл. 236 г—239 а).

Л. 767 об. Фрагмент «В жертву и честь бесовскую... иже и земли недостойныи» из Хр. 1512 (ср. стр. 318, 33, 318, 35—319, 6).

Л. 768 об. Фрагмент «Срацином же усобь крамолу дръжащим... от Петра суть окаяннаго» и статья «О знаменіах и о мору» (до слов «возгордѣвся окаянныи») из ЕЛ-2 (ср. л. 239 а—в).

Л. 773. Фрагменты «Таковая слышав душею радостный Иоан Дамаскин... чревный рабы» и «По сих же божиим гнѣвом... стояху на мѣсте святѣм» из Хр. 1512 (ср. стр. 319, 25—28 и 320, 27—33).

Л. 773 об. Фрагмент «О них же убо по истиннѣ бесѣдуют... и сотвори дѣло» из ЕЛ-2 (ср. л. 239 в—г).

Л. 774. Фрагмент «Потом же увѣдѣв мучитель... на уподромии» из Хр. 1512 (ср. стр. 320, 33—321, 1).

Л. 774 об. Фрагмент «Тако нѣ в кое мѣсто заверт его... гроб нарече Пелагиново мѣсто» из ЕЛ-2 (ср. лл. 239 г—240 а).

Л. 775. Фрагменты «Сице убо почте избраннаго... бѣсованія суца» и «К сим же иночествующих... от житія изведе его» из Хр. 1512 (ср. стр. 321, 5—7 и 319, 8—16).

Л. 777. Фрагмент «Повелѣ влекома въврещи в Пелагию.. царьских таин и богатства» из ЕЛ-2 (ср. л. 240 б).

Л. 777 об. Фрагмент «И инѣх многих умучи... и песьими костыми сожгоша» из Хр. 1512 (ср. стр. 319, 16—24).

Л. 779 об. Фрагмент «И бѣ видѣти по всѣм градом... истиннѣ предасть» из ЕЛ-2 (ср. л. 240 б).

Л. 780 об. Статья «О войне Артавадза на Копронима» (до слов «пожат в сытость») из Хр. 1512 (ср. стр. 319—320, 14).

Л. 783. Фрагмент «И на болгары иде с вои и побѣждением», статьи «О мразѣ» и следующие (до слов «прият церкви старую и первую красоту» статьи «Царство 36 Костянтиново») из ЕЛ-2 (ср. лл. 240 б—243 в).

Л. 807. Статьи «О шестаго собора до седмаго... О святѣм вселенском соборѣ седмом» и «О отцех» из Хр. 1512 (ср. стр. 322—323).

Л. 808 об. Статьи «Сказание о латынех...» и следующие (до статьи «О Вретании, о князи Алманитском» включительно) из Хр. 1512 (ср. стр. 324—327).

Л. 825 об. Статьи «О изгнании Ирины царицы от царства» и «О ослеплении царя Константина» (до слов «сице сотвориша царю Коньстятину») из Хр. 1512 (ср. стр. 323—324, 15).

Л. 831 об. Фрагмент «И по времени нѣкоем... десят лѣт» и статья «Царство 37 Ириново» из ЕЛ-2 (ср. л. 244 а—б).

Л. 834 об. Статья «Царство 48 Никифора Геника» (до слов «ему свою нужу») из Хр. 1512 (ср. стр. 327—328, 5).

Л. 837. Фрагмент «Тому повелику отрицающуся... и обратися в Магнию» из ЕЛ-2 (ср. л. 244 б—в).

Л. 838. Фрагмент «Сеи бога убоявся... и междуособныя брани» из Хр. 1512 (ср. стр. 328, 5—18).

Л. 839 об. Фрагмент «И в себе рекыи... и покои убогим» из ЕЛ-2 (ср. лл. 244 в—245 а).

Л. 842. Фрагмент «Патриарху же Тарасию к господу отшедшу... и царя обличаши» из Хр. 1512 (ср. стр. 328, 22—28).

Л. 843. Фрагмент «Иосифа ради вѣнчавшаго... в священничество» из ЕЛ-2 (ср. л. 245 а—б).

Л. 843 об. Фрагмент «Царь же на них собор епископский собра... бысть в Царьградѣ», статьи «О Николе воине» и следующие (до слов «разумѣ нечестие его» статьи «Царство 41-е Лва Арменина») из Хр. 1512 (ср. стр. 328, 28—333, 3).

Л. 862. Статья «Знамение» (до слов «их же у себя дрѣжа в полатѣ») из ЕЛ-2 (ср. л. 246 б—в).

Л. 863 об. Фрагмент «Потом же посылает к патриарху... в полату к царю» из Хр. 1512 (ср. стр. 333, 3—5).

Л. 864. Фрагмент «Рече же к ним царь... Никифора патриарха из града изгнав» из ЕЛ-2 (ср. лл. 246 в—247 а).

Л. 866 об. Фрагмент «посла в заточение... и от сего Лев сверепѣиши бысть» из Хр. 1512 (ср. стр. 333, 10—334, 10).

Л. 871 об. Фрагмент «паче же и звѣроимныи... на святыи нашъ закон» из ЕЛ-2 (ср. лл. 247 а—248 а).

Л. 873 об. Фрагмент «И различными муками... исповѣдницы Христови» из Хр. 1512 (ср. стр. 334, 10—12).

Л. 874. Фрагмент «Тѣм же послѣди возревновав нечестивому... за нѣколько дни избиваше» из ЕЛ-2 (ср. лл. 248 а—249 в).

Л. 878. Фрагмент «В сих убо Лев зол бѣ... на позорищи повергоша» из Хр. 1512 (ср. стр. 334, 12—336, 5).

Л. 886 об. Фрагмент «Тако убо испроверже... от богословнаго языка» из ЕЛ-2 (ср. лл. 249 г—250 г).

Л. 889. Фрагмент «При сем и Григорие... Илариион новии Далматский» и статья «Царство 42-е Михаила Травлаго» (до слов «огнен дерзостию») из Хр. 1512 (ср. стр. 336, 6—26).

Л. 891 об. Фрагмент «Ибо от греческия страны... христиан прельстив» из ЕЛ-2 (ср. л. 251 б).

Л. 891 об. Фрагмент «воинственую крѣпость.. лвица лютыя и кровоядныя» из Хр. 1512 (ср. стр. 336, 26—29).

Л. 891 об. Фрагмент «яко нѣкии другии Сенахирим... совѣт господень во вѣки пребывает» из ЕЛ-2 (ср. л. 251 б—в).

Л. 892. Фрагмент «И вся Фрацьские объступль грады... осквернив свои рудѣ» из Хр. 1512 (ср. стр. 336, 29—33).

Л. 893. Фрагмент «Обаче бо аще Костянтинъ град... усѣкнувше ему рудѣ и нозѣ» из ЕЛ-2 (ср. лл. 251 в—252 в).

Л. 898. Фрагмент «И угасиша ему добросвѣтлыя свѣтилники... скипетры вручает» из Хр. 1512 (ср. стр. 336, 34—36).

Л. 898 об. Фрагмент «И умре мочитися не могыи и лядвиями великою болѣзнию одрѣжим» из ЕЛ-2 (ср. л. 250 г).

Л. 899. Статья «Царство 43-е Феофилово» (до слов «плениша и изсѣкоша») из Хр. 1512 (ср. стр. 337, 1—5).

Л. 900. Фрагмент «Еще же в лодиях многах изшедше... ничто же мня явитися» из ЕЛ-2 (ср. л. 252 г).

Л. 901. Фрагмент «Едию точию добро обрѣте преславне.. терние сердечное» из Хр. 1512 (ср. стр. 337, 7—12).

Л. 901 об. Фрагмент «Паки же и тои гонение на церковь тако же протре» из ЕЛ-2 (ср. л. 252 г).

Л. 901 об. Фрагмент «ибо отменяся священных начертании... в него мѣсто постави» из Хр. 1512 (ср. стр. 337, 13—16).

Л. 902. Фрагмент «учителя и борборника еретичеству... злобы ради и неприязньства» из ЕЛ-2 (ср. лл. 252 г—253 в).

Л. 904. Фрагмент «Христова же исповѣдника Мефодиа... исчезает от жития Феофил» из Хр. 1512 (ср. стр. 337, 19—340, 15), затем добавлено из ЕЛ-2 «и умре прелоги» (ср. л. 252 в).

Л. 916 об. Статья «Царство 44-е Михаила и Феодоры» (до слов «каликлю логофету») из ЕЛ-2 (ср. л. 253 в—г).

Л. 918. Фрагмент «Царица же Феодора... в мѣсто, глаголемое Ключь» из Хр. 1512 (ср. стр. 340, 19—20, 341, 36 и 342, 1—5) с добавлениями по ЕЛ-2.

Л. 919 об. Фрагмент «Христова же исповѣдника Мефодия... тму ерическую» из Хр. 1512 (ср. стр. 340, 20—21).

Л. 919 об. Фрагмент «И во изгнании сущих и в темницах... на проклятие безбожным еретиком» из ЕЛ-2 (ср. лл. 256 г—258 б).

Л. 929. Фрагмент «Потом же царица бысть сообщница святым мужем... бурю от сердца ея» из Хр. 1512 (ср. стр. 341, 24—35).

Л. 930. Фрагмент «Почюдим же ся братие... и во вѣки вѣком аминь» из ЕЛ-2 (ср. л. 258 б—в).

Л. 930 об. Статья «О оклеветании Мефодия патриарха» из Хр. 1512 (ср. стр. 342—343).

Л. 934 об. Фрагмент «Посла же Феодора царица... акувит возлегъша» из ЕЛ-2 (ср. л. 255 а—в).

Л. 938 об. Статьи «О Василии Македоньстем» и «О изгнании царици Феодоры от царства» из Хр. 1512 (ср. стр. 343—344).

Л. 945 об. Фрагмент «По сих же царствова Михаил един... воя не придут» из ЕЛ-2 (ср. л. 258 в—г).

Л. 947 об. Статьи «О прелюбодѣвстве Варды кесаря», «О крещении болгарском» и следующие (до слов «сего ради цари болгарский нарицахуся») из Хр. 1512 (ср. стр. 344—345, 17 и 347, 22—348, 5).

Л. 958. Фрагмент «Нечестивым же измаильтом бѣду греком творящим... и в книгичи комитана», статья «О хлевѣ царевѣ» и фрагмент «В лѣто 6477-е царь Михаил на агаряны изыде воевати... всю ночь молбу твориша» из ЕЛ-2 (ср. лл. 259 а—260 б).

Л. 970. Статья «О убиении Варды кесаря» (до слов «не возвратиши бо ся вспять») из Хр. 1512 (ср. стр. 348, 18—34).

Л. 973. Фрагмент «По праздницы же святыя Пасхи... и тако едва избы убиства» и статья «О поставлении Василия Македонянина на царство» из ЕЛ-2 (ср. лл. 265 в—266 в).

Л. 984. Статья «О разбиении зеркала» из Хр. 1512 (ср. стр. 349).

Л. 986. Фрагмент «Субатии же кесарев зять... в своя дома ведоша я стрѣгушей» из Хроники Амартола (ср. стр. 515, 17—516, 8).

Л. 989 об. Статьи «О убьении Михаила царя» и «Царство 45-е Василиа Македонянина» (до слов «исходя на враги») из ЕЛ-2 (ср. лл. 266 г—268 б).

Л. 1004. Фрагмент «Аще бо и злѣ Михаил... неправе творящим» из Хр. 1512 (ср. стр. 350, 20—30).

Л. 1008. Фрагмент «Царь же в день рождества... да ему дасть, его же уполучи» из ЕЛ-2 (ср. л. 268 в—г).

Л. 1014 об. Фрагмент «Егда же срацыньская гордость... боляром восприимшим их от крещения» из Хроники Амартола (ср. стр. 520, 26—523, 16).

Л. 1028 об. Фрагмент «и саны им дарова... Логофета постави» и «Всехотѣ же царь Василие... греческий жезл» из Хр. 1512 (ср. стр. 351, 14—17).

Л. 1032. Фрагмент «Паки же посих цареви копати персть... и в Коньстянтин град возвратися» из ЕЛ-2 (ср. лл. 268 г—269 б).

Л. 1035 об. Фрагмент «И понеже убо буря... неции суть в челоувѣцѣх» из Хр. 1512 (ср. стр. 351, 17—26).

Л. 1037. Фрагмент «Царь же сице на Германикию иде... любя его» из ЕЛ-2 (ср. л. 269 б).

Л. 1038. Фрагмент «Ибо многии в разумѣ сем Василие... волхва и чародея» из Хр. 1512 (ср. стр. 351, 26—352, 3).

Л. 1039 об. Фрагмент «В первыи же день мая мѣсяца... инѣю нарекшу, иже сказанное новая» из ЕЛ-2 (ср. л. 269 б).

Л. 1040. Фрагмент «Поят же жену Лев... яко же и преже бѣ» из Хр. 1512 (ср. стр. 352, 4—25) с добавлениями из ЕЛ-2.

Л. 1045. Фрагмент «По обычаю же пришествию бывшу... таче паки наречен бысть Ондръи domestik» из Хроники Амартола (ср. стр. 525, 24—33).

Л. 1046 об. Статья «О князи рустем» из Хр. 1512 (ср. стр. 352, 26—353, 2).

Л. 1050. Фрагмент «Преже сих речены Никифор Фочин сын... убиен бысть Прокопии» из ЕЛ-2 (ср. л. 269 б—в).

Л. 1051. Фрагмент «И по сих умыслившу же на царя Иванну доместику... протовестиарии Феодосии» из ЕЛ-2 (ср. лл. 269 в—272 а).

Л. 1085. Статья «О воинѣ Олгове на Царьград».

Л. 1091 об. Фрагмент «При сем цари в Корсуну живущии убиша... въспрѣги от обѣда» из ЕЛ-2 (ср. лл. 272 г—275 г).

Л. 1132. Фрагмент «И убо Николае первыи сын тогда... осужен бывает» из Хр. 1512 (ср. стр. 353, 36—354, 2).

Л. 1132 об. Фрагмент «И в лодеицу малу вшедшу... снѣг велик» из ЕЛ-2 (ср. лл. 275 г—276 а).

Л. 1133. Фрагмент «И в него мѣсто поставляется... именем Еуфимие» из Хр. 1512 (ср. стр. 354, 2—3).

Л. 1133. Фрагмент «сункул боголѣпныи же патриарх... етериархом постави» из ЕЛ-2 (ср. лл. 276 а—283 а).

Л. 1212. Фрагмент «Не по мнозѣ же Фока магнист... такового полка» из Хр. 1512 (ср. стр. 356, 5—20).

Л. 1214. Фрагмент от слов «Роман же царев отец златы печати сотворив...» до конца рукописи (до слов «и не прияту бывшу» статьи «Царство 48-е Костянтиново») из ЕЛ-2 (ср. л. 283 а—в).

Итак, мы можем с полным основанием говорить о тексте ЛС-3 как о компиляции двух источников: Хр. 1512 и ЕЛ-2. Но этому утверждению, казалось бы, противоречит следующий факт.

А. Н. Попов и В. М. Истрин полагали, что в ЕЛ, начиная от статьи «Царство 17 Юстиниана Великого», содержится полный текст Амартола (с дополнительными статьями).¹² В действительности же оказывается, что в ЕЛ-2 (в отличие от ЕЛ 1-й редакции; далее: ЕЛ-1) опущено несколько фрагментов:¹³ стр. 446, 24—448, 30; 505, 17—508, 10; 511, 21—513, 16; 515, 17—516, 8; 520, 26—523, 21; 524, 25—525, 33 и 569, 21—570, 30.¹⁴

В то же время в ЛС-3 мы находим три фрагмента, приходящиеся как раз на указанные лакуны ЕЛ-2: лл. 986—989 (ср. Хроника Амартола, стр. 515, 17—516, 8), лл. 1014 об.—1028 (ср. стр. 520, 26—523, 16); и лл. 1045—1046 об. (ср. стр. 525, 24—33). Объясним ли этот факт обращением составителя ЛС-3 непосредственно к Хр. Амартола или же в его распоряжении находился иной, чем известный нам, текст ЕЛ-2, в котором упомянутые выше фрагменты не были опущены? Приняв первое из высказанных предположений, мы должны будем допустить, что составитель ЛС постоянно производил сверку своего источника, ЕЛ-2, с его источником — Хроникой Амартола. При этом он восстановил не все многочисленные (особенно в первой части ЕЛ-2, т. е. до рассказа о царствовании Юстиниана) лакуны, а лишь три из них, причем последнюю лишь частично. К тому же это противоречит общей тенденции составителя ЛС-3, сокращавшего текст своих источников и в пределах рассматриваемого тома

¹² А. Попов. Обзор хронографов..., вып. 1, стр. 71; В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. II, стр. 366, 381 и 422.

¹³ Указаны страницы и строки по изданию: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пгр., 1920.

¹⁴ Кроме того, заменен иным текстом рассказ Амартола (ср. стр. 567, 1—568, 19) о походе Руси на Царьград.

не сделавшего ни одной вставки, кроме тех трех фрагментов из Хроники Амартола, о которых идет речь. Все это делает предположение об использовании Амартола маловероятным.

Обратим также внимание на следующее. Текст ЕЛ-1 в пределах фрагмента Амартол, стр. 520, 26—523, 15, опущенного в ЕЛ-2, но сохраненного в ЛС-3, имеет несколько отличий от Амартола (во второй редакции древнерусского перевода, так как соответствующий текст в Троицком списке, восходящем к первооригиналу перевода, утрачен).¹⁵ В. М. Истрин привел эти отличия как свидетельство того, что ЕЛ-1 (восходивший, по его мнению, к первой редакции Амартола) сохранил первоначальный текст лучше, чем списки второй редакции. Так вот во всех этих случаях¹⁶ оказывается, что ЛС-3 совпадает с чтением ЕЛ-1.

Так, во фразе «обнажися от скуфян западных бѣ» в ЛС-3 (л. 1015), как и в ЕЛ-1, не добавлено после слова «скуфян» слово «западно», как читается во второй редакции Хроники Амартола (ср. стр. 521, 2). Вместо чтения второй редакции «воеводамерче» (стр. 521, 12) в ЛС-3 (л. 1018) и ЕЛ-1 — «воеводам рече». Вместо чтения второй редакции «давше рукою» в ЕЛ-1 и ЛС-3 (л. 1018) — «под вашею рукою». Вместо испорченного чтения второй редакции «на деревом» (стр. 522, 7) в ЛС-3 (л. 1021) и в ЕЛ-1 правильно «Андрѣем». В ЛС-3 (л. 1023 об.), как и в ЕЛ-1, после слова «почтена» нет пропуска слов «Никифором царемъ, сына бо своего, внука же» (ср. Хроника Амартола, стр. 522, 20) и т. д.

Итак, напрашивается как наиболее вероятное следующее предположение: все указанные лакуны взяты не из Амартола, а из текста ЕЛ, отразившего, однако, более близкий к первооригиналу текст Амартола, чем тот, который мы видим во второй редакции Хроники. Что это был за текст ЕЛ и как он соотносится с известными нам редакциями ЕЛ? Иначе говоря: справедливо ли выдвинутое еще А. Е. Пресняковым и принятое нами предположение, что ЛС основан на Еллинском летописце второй редакции?

Во-первых, надо решительно отказаться от мысли, что в основу ЛС мог быть положен ЕЛ-1: ЛС-2 и ЛС-3 содержат ряд статей, читающихся только в ЕЛ-2 (например, в полном соответствии с ЕЛ-2 в ЛС-2 вошли книги Даниила с толкованиями; в ЛС-3 вошел текст Жития Константина и Елены, читающегося только в ЕЛ-2; в том же томе ЛС имеются статья «О вдовицинѣ дщери» и полный текст «Сказания» о строительстве собора св. Софии, отсутствующие в ЕЛ-1, и т. д. и т. п.).

Во-вторых, можно предположить, что ЛС восходил к такому списку ЕЛ-2, который отражал архетипный вид редакции, тогда как обе известных нам сейчас группы списков этой редакции¹⁷ — Академический вид (представленный списками *КБ*, *Соф*, *БАН-2*, *Писк*, *Ег* и *У*) и Чудовский (списки *Чуд*, *Т* и *ОЛДП*) — отражают уже вторичные виды ее текста.

В ЛС-2 тот же порядок статей и фрагментов в части, содержащей видения Даниила, как и в списках Академического вида (в противополож-

¹⁵ Подробнее о редакциях древнерусского перевода Хр. Амартола см.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. II, стр. 310—346.

¹⁶ См.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. II, стр. 262.

¹⁷ Известны следующие списки: 1) ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 1/6 и его продолжение — ГИМ, Синод. собр., № 86; далее — список *КБ*; 2) ГПБ, Софийск. собр., № 1520 — *Соф*; 3) БАН, 33.8.13 — *БАН-2*; 4) ГБЛ, собр. Пискарева, № 162 — *Писк*; 5) ГБЛ, собр. Егорова, № 867 — *Ег*; 6) ГБЛ, собр. Ундольского, № 720 — *У*; 7) ГИМ, Чудовск. собр., № 51/353 — *Чуд*; 8) ГПБ, F.IV.91 (бывш. Толстовское собр.) — *Т*; 9) ГПБ, собр. ОЛДП, F.33 — *ОЛДП*.

ность Чудовскому).¹⁸ В ЛС-2 и ЛС-3 нет ряда лакун, которые мы встречаем в списках *Чуд*, *Т* и *ОЛДП*. Следовательно, ЛС не может восходить к одному из списков Чудовского вида. Но он не может также восходить и к какому-либо списку Академического вида, так как отдельные чтения в ЛС совпадают с чтениями списков Чудовского вида, отличаясь от остальных чтений списков Академического вида.

Приведем несколько характерных примеров.

1. В ЛС-2 читается: «Поставиша в себѣ воеводу рикса силна в сѣчех» (л. 581); аналогично в *Т* и *Чуд*; в списках *КБ*, *Писк* и *У* (в *БАН-2* и *Соф* текст отсутствует): «поставиша в себѣ ригу силна (ризу силну — *У*) в сечах»;

2. В ЛС-2 читается: «старьи же пръвое размыслив како поити на противныя блюдется...» (л. 614 об.), как и в списках Академического вида; в *Т* и *Чуд*: «Старьи же пръвое, како поити на противныя, блюдется...» (*Т*, л. 28 об.; *Чуд*, л. 75 об.).

3. В списках Чудовского вида в тексте «Александрии» после фразы «иде с ними на другыи град пръскыи и возьмь дары, омиривъ я и дасть им свои дръжатель граду, в немже живутъ» повторено: «и оттудѣ, поим воя, иде с ними на другыи град... в немже живутъ» (*Т*, л. 11 об.; *Чуд*, л. 92—92 об.). В ЛС-2 (л. 654), как и в списках Академического вида, этого добавления нет.

4. В ЛС-3, как и в *Чуд* и *Т*, читается «водныя пути» (л. 845), тогда как в списках Академического вида — «водныя по пути»; в ЛС-3 (сходно в *Чуд* и *Т*) — «Малеон же повельъ жерцемъ творити» (л. 585), тогда как в списках *БАН-2*, *Писк* и *У* — «повельъ жерцомъ сии Малеос творити».

Все эти примеры близости ЛС то к спискам Академического, то Чудовского вида свидетельствуют о том, что ЛС основан на таком тексте ЕЛ-2, который предшествовал разделению редакции на два вида и, следовательно, был близок к архетипному списку ЕЛ-2. Но архетипные списки Академического и Чудовского видов не могли восходить к тому же списку, ибо они восходят к тексту, где пропущены фрагменты из Хр. Амартола, о которых речь шла выше.

Сказанное не означает, что текст фрагментов из ЕЛ-2 в составе ЛС может быть признан аутентичным архетипному тексту ЕЛ-2: в ЛС все источники переданы со многими искажениями, что отмечалось исследователями уже при анализе других входящих в ЛС текстов.¹⁹

Остается решить последний вопрос: к какой же из разновидностей текста Хр. 1512 восходят извлечения из этого источника в составе ЛС-2 и ЛС-3? В качестве примера возьмем несколько характерных чтений.

1. Во фразе «се есть врагъ святыа Троица» (Хр. 1512, стр. 291) в списке ГПБ, Ф. IV. 95, представителе Сокращенного вида Хр. 1512²⁰ (далее: *Т*₁), вместо «Троица» читается «църкве»; аналогичное чтение «църкви» находим в ЛС-3 (л. 470 об.).

¹⁸ Например, в ЛС-2, как и в списках Академического вида, «Книга пророка Даниила» начинается со статьи о Сусанне (а не со статьи «Видение 1-е о пленении», как в списках *Чуд* и *Т*); фрагмент «Данил же бѣ отъ колѣна Иудина... красенъ благодатию Вышняго» читается в ЛС-2, как и в списках Академического вида, после заголовка «Книгы Данила пророка. Провидение же временъ послѣднихъ. Видение 1-е како пророчествова о плене в Вавилоне, како царю сонъ сказа», а в *Чуд* этот фрагмент помещен после статьи о Сусанне.

¹⁹ См. например: В. Н. Щепкин. Лицевой сборник Российского Исторического музея — ИОРЯС, т. IV, кн. 4, 1899, стр. 1373—1374.

²⁰ Характеристику Сокращенного вида Хр. 1512 см.: С. П. Розанов. Хронографъ редакци 1512 г. К вопросу об издании Хронографа. — ЛЗАК, вып. 18, СПб., 1907, стр. 3—7.

2. Во фразе «В Неокесарии же тросу бывшую» (Хр. 1512, стр. 291) в ЛС-3 (л. 471 об.), как и в T_1 , вместо «тросу» читается «огню».

3. Во фразе «во градѣ же огневи предасть многи от болярскихъ домов» (Хр. 1512, стр. 313) в ЛС-3 (л. 723), как и в T_1 , вместо «домов» читается «родов».

4. Во фразе «Слышав же Иустиниан, смутився страхом...» (Хр. 1512, стр. 314) слово «страхом» опущено в T_1 и ЛС-3 (л. 729).

5. Во фразе «зане малую храмину ея своими великими храмы застави и свѣт помрачи, не терпящи имѣти толикую тму и малую храмину ея сего ради оставити» (Хр. 1512, стр. 338) слова, выделенные разрядкой, опущены как в T_1 , так и в ЛС-3 (л. 909).

Таким образом, при составлении ЛС был использован, видимо, список широко распространенного Сокращенного вида Хр. 1512.

Н. А. ЧЕРНЫШЕВ

Апокалипсический сюжет Годуновского паникадила Софийского собора в Новгороде

В Софийском соборе в Новгороде перед главным иконостасом, под куполом, находится замечательное произведение бронзолитейного искусства — центральное паникадило, называемое Годуновским. На серебряном шаре, подвешенном к паникадилу, имелась вкладная надпись: «Поставлено бысть сие паникадило во святей велицей, соборней и апостольстей церкви в Софеи неизреченныя премудрости божия на украшение церкви божии при державе государя царя и в. князя Бориса Феодоровича всея Руси самодержца во второе лето царства его, и при его государыне благоверной царицы и в. княгине Марии, при царевиче князе Феодоре Борисовиче всея Руси, и при царевне Ксении Борисовне, и при Иове патриархе Московском и всея Руси боголюбивым Варлаамом митрополитом Новгорода и В. Лук, в 8-е лето святительства его, лета 7108 (1600) месяца февраля в 24 день».¹

Это паникадило, подобно Магдебургским вратам Софийского собора, является работой западных мастеров. Оно было создано нюрнбергскими мастерами на рубеже поздней готики и эпохи Возрождения, о чем можно судить по графичности и плоскостности этого ажурного сооружения, чуждого пластической скульптурности итальянской литой бронзы.

Выделяясь прежде всего своими размерами (4.5 м в высоту и 3.5 м в размахе нижнего яруса), паникадило грандиозно; оно играет большую роль в интерьере, как один из моментов, организующих архитектурное пространство. Громадное сооружение из металла (оно состоит из множества деталей: только бронзовых около 800!), при весе около полутора тонн, оно тем не менее кажется воздушным, кружевным, парящим в воздухе. Интересны свешники-перья в виде гиппокампов в окружении аканфового листа, как бы захлестнутые морской волной; дельфины, всевозможные пальметы с сидящими на них птицами, колокольчики и цветы. Ряд деталей теряется в общей массе, но они имеют значение для раскрытия семантики паникадила. На нижнем ярусе свешников-перьев находятся небольшие фигурки двенадцати апостолов (размером меньше свечей), а на концах свешников-перьев этого же яруса — восьмикрылые херувимы. На самом нижнем большом шаре центрального стержня (веретена) — двенадцать парящих ангелов.

На первый взгляд, изображение ангелов и апостолов на церковной утвари правомерно. Но если рассмотрим ряд аналогичных произведений более

---

¹ Надпись опубликована в кн.: Макарий, арх. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 2. М., 1860, стр. 229.

раннего времени, восходящих еще к XII в., то станет ясно, что эти изображения обладают особым смыслом, придающим центральному паникадилу религиозно-мистическое значение, связанное с одним из важнейших памятников новозаветного цикла — с Апокалипсисом («Откровением Иоанна»).

Свет и его источник во все времена и у всех народов имели религиозное осмысление. Это и определяет выбор формы и декора самих «носителей света», превращение на первый взгляд чисто конструктивных элементов в художественные образы с глубоким внутренним смыслом. Поэтому центральное паникадило, освещающее храм, было чем-то гораздо большим, чем просто лампой, фонарем. Примечательно, что центральное паникадило не горит все время, а зажигается в определенные, особо торжественные богослужения. Например, в пасхальную заутреню одновременно с возгласом «Христос воскрес», когда духовенство меняет черные траурные ризы на светлые; во время обряда венчания и т. д. В греческой церкви, на Афоне, иногда во время богослужения паникадило приводят в движение, чем создается особое эмоциональное впечатление.²

Только исходя из объяснения значения света в церковном богослужении возможно понять семантику паникадила, очевидно традиционную.

В связи с тем что ранних паникадил, бытовавших в древней Руси, не сохранилось (хотя упоминания о них встречаются начиная с 1066 г.),³ для раскрытия символики паникадил придется обратиться к памятникам европейского средневековья.

В соборах Германии и Франции этого периода сохранилось несколько паникадил (немедко — Lichtkrone). Самое раннее из поддающихся датировке — паникадило Аахенского собора. Имеющаяся на нем гравированная надпись очень важна для раскрытия интересующей нас семантики. Надпись сообщает, что «Фридрих Барбаросса (Cesar Cattolicus Romanorum Fridericus) принес в дар и посвятил это паникадило (Krone) Пресвятой Деве как символ небесного Иерусалима». Датировать этот вклад следует, по-видимому, 1165 г., временем, когда Фридрихом Барбароссой был перенесен в Аахенский собор прах Карла Великого.⁴

Идея символа «Нового Иерусалима», нисходящего с неба и проливающего свет на верующих, изукрашенного чистым золотом, драгоценными камнями и жемчугом, с 12 воротами и 12 городскими концами с изображением апостолов, пророков и ангелов, полностью отвечает тексту Апокалипсиса: «И веде мя духом на гору велику и високу, и показа ми град великий, святой Иерусалим, нисходящ с небесе от бога, имущ славу божию; и светило его подобно камени драгому, яко камени яспису кристалловидну; имущ стену велику и високу, имущ врат дванадесять, и на вратех аггелов дванадесять, и имена написана, яже суть имена дванадесять коленом сынов Израилевых. От востока врата троя, и от севера врата троя, от юга врата троя, и от запада врата троя. И стена града имаше оснований дванадесять, и на них имен дванадесять апостолов агничих» (XXI, 10—14); «И основания стены града всяким другим камением украшены бяху...» (XXI, 19); «И дванадесять врат, дванадесять бисеров: едина каяждо врата беша от единого бисера; и сточны града злато чисто, яко

² См.: Н. В. Покровский. Церковно-археологический музей С.-Петербургской духовной академии. 1879—1909 СПб., 1909, стр. 34.

³ В Новгородской первой летописи под 1066 г., при описании вторжения в Новгород полоцкого князя Всеслава Брячиславовича, среди похищенной утвари упомянуты колокола и хоросы — паникадила (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М—Л., 1950, стр. 17). Упомянем также деталь хороса из Вщижа; к сожалению, она не дает возможности определить ни размера, ни конструкции паникадила.

⁴ В. В u c h e r. Geschichte der technische Künste, Bd. II. Berlin und Stuttgart, 1886, S. 217.

сткло пресветло» (XXI, 21); «И языцы спасени во свете его пойдут, и цари земстии принесут славу и честь свою» (XXI, 24).

Любопытно, что другое сохранившееся паникадило — из собора в Хилдесхайме, также большое по размеру (5,5 м в поперечнике), точно следовало приведенному описанию Апокалипсиса. Основание паникадила — круг типа широкого колеса — как бы образовывало подобие городской стены с зубцами, двенадцать фонарей — это двенадцать башен, между ними двенадцать воротных башен, тоже фонарей. В башнях находились литые изображения апостолов и ангелов.

Известно, что подобные «Lichtkrone», символически изображающие «Небесный Иерусалим», были, кроме Аахена и Хилдесхайма, в церкви аббатства в Комбурге, Кельне, Шпейере, а во Франции — в Реймсе и Туре.⁵ Этот далеко не полный перечень показывает, как широко была распространена идея «Небесного Иерусалима», проливающего свет на верующих.

По описям известны и другие паникадила, имевшие изображения, подобные сохранившимся на центральном паникадиле Софийского собора. Как пример можно привести серебряное паникадило английской работы, вложенное в Московский Успенский собор боярином Ильей Ивановичем Морозовым; в сохранившемся описании его упомянуты фигуры апостолов, пророков и ангелов. Это паникадило не сохранилось до наших дней, оно было позднее переплавлено на металл.⁶

Рассмотрение раннесредневековых западноевропейских «корон» позволяет утверждать, что изображение апостолов, херувимов и ангелов на Годуновском паникадиле не просто случайный декор, а символическое изображение «Небесного Иерусалима», может быть, к XVI в. полузабытое, но все еще традиционно сохраняемое.

Паникадила XVII в. постепенно «обмирщаются» и перестают быть церковной утварью. На них изображаются полуобнаженные фигуры сирен и фавнов; ангелы превращаются в итальянских putti; словом, паникадила становятся светской люстрой.

Русский мастер, который производил перекомпановку различных литых деталей и составлял окончательную композицию 48-свечного Годуновского паникадила, на втором ярусе свешников-перьев принужден был «прилить» особые крепления для пальмет и для гиппокампов в виде волют. Получившиеся «приливы» мастер покрыл травным орнаментом, чисто русским, и на одном из таких «приливов» выгравировал, очень неумело и наивно, схематическое изображение распятия. Оно очень близко образительным граффити XII в. на стенах Софийского собора. По поводу данного изображения распятия можно высказать два предположения: либо перед нами «оберег», магическое заклятье, столь распространенное в средние века и так долго сохранявшееся и у нас на Руси; либо это граффическое начертание молитвы, не словами, а изображением. Такой смысл схематических изображений распятий (иногда даже с предстоящими) имеет место в упомянутых граффити на стенах Софийского собора, где иное толкование и немислимо.

Сопоставление изображений апостолов, ангелов и схематического гравированного распятия на Годуновском паникадиле с изображениями на других паникадилах Софийского собора, относящихся к XVII в., свидетельствует, что именно в нем ярко представлена традиционная, полная глубокого смысла символика, свойственная средневековому искусству.

⁵ Там же.

⁶ Н. Р. Левинсон. Подвесные осветительные приборы XVI—XVII вв. (Материалы к истории осветительных приборов в России). — Труды ГИМ, вып. XIII, М., 1941, стр. 88.

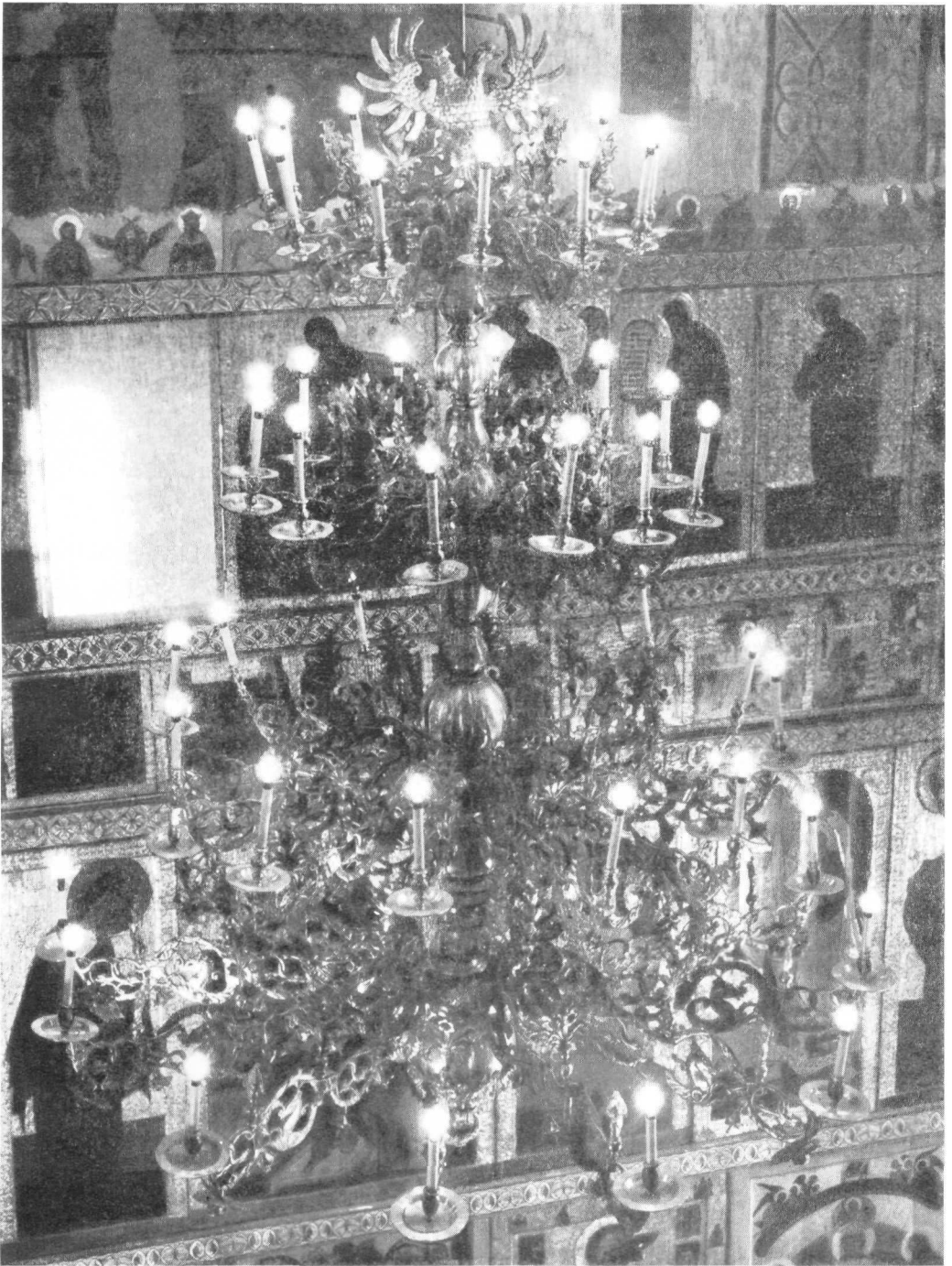

Рис. 1. Годуновское паникадило из Софийского собора в Новгороде. Общий вид.

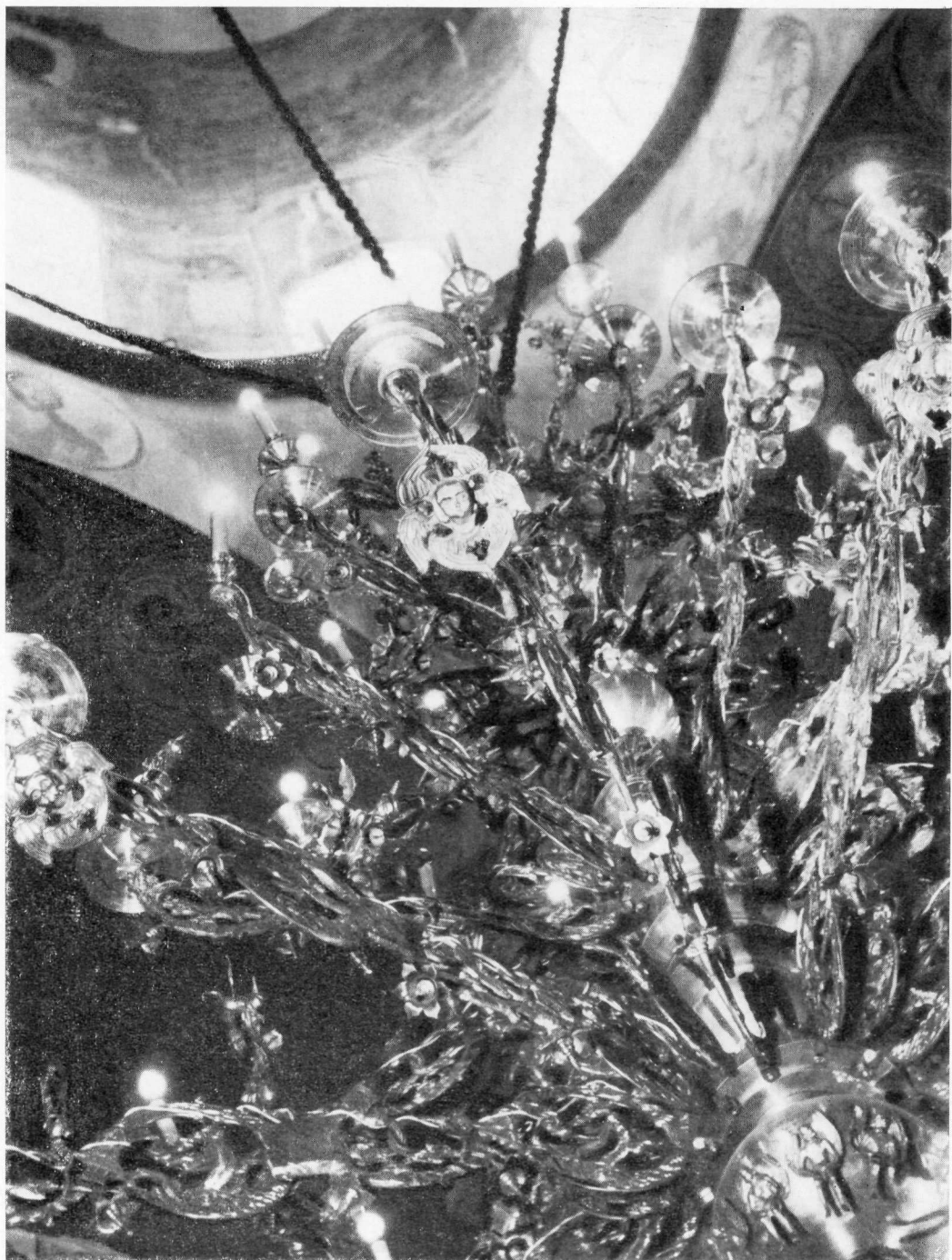

Рис. 2. Годуновское паникадило из Софийского собора в Новгороде. Деталь.

А. М. ПАНЧЕНКО

Материалы по древнерусской поэзии, I—III.

(I. Стихотворное наставление о чтении вирш.

II. Похвала грамматике. III. Декламация Сильвестра Медведева в честь царевны Евдокии)

I

Нынешние представления о нормах чтения книжных стихотворений XVII в. основываются на косвенных данных — главным образом на анализе рифмы.¹ Нормы эти, по-видимому, не были раз навсегда данными, они менялись вместе с метрикой. На мой взгляд, существовала принципиальная разница в чтении «досиллабических» стихов, с одной стороны, и классической силлабики Симеона Полоцкого и его учеников — с другой.

Исследование «досиллабической» рифмовой техники и сопоставление ее с раешной рифмой позволили предположить, что в первой половине XVII в. подравнивания ударных и неударных слогов по силе выдыхания не было, что «досиллабические» вирши произносились не монотонно, как во времена Симеона Полоцкого, а подобно раешнику — с выделением каждого слова.

Эта гипотеза, возможно, подтверждается следующим стихотворным текстом (сохраняю ъ и знаки препинания):

Вѣдати подобает. Како вирши читати:
Чтобы читателю рѣчь с рѣчью не смѣшати.
На запятых бы рѣчь препинати:
А на крыжиках докончавати.

Эти четыре стиха записаны на пустом листе в рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 250/455, л. 156. Как известно, именно в этом сборнике конца XVII в. сохранился самый представительный цикл стихотворных эпистолий 30—40-х годов, созданных поэтами так называемой приказной школы.² Публикуемый текст, по-видимому, также относится к этому времени, о чем свидетельствует неровнослженная метрика (14—13—10—10). Здесь употребляется термин «вирши», в то время как приказные авторы предпочитали сочетание «двострочное согласие». Однако это не может служить

¹ См. дискуссию по этому поводу в сб.: Теория стиха. Л., 1968, стр. 280 и сл.; здесь же даны отсылки к старым работам И. П. Еремина и Б. В. Томашевского.

² См.: Л. С. Шептаев. Стихи справщика Савватия. — ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 5—28; А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, стр. 34—77, 242—269. Описание рукописи см. в кн.: П. К. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899, стр. 64—66.

основанием для сомнений, потому что и слово «*вирши*» встречается в эпистолиях (ср. в этой же рукописи лл. 223 об., 249, 267 об.). Любопытно, что в практике приказных стихотворцев это слово писалось с «и» восьмеричным, а не с ѣ, как у Симеона Полоцкого.

Замечательна пунктуация в тексте эпистолий: выделено (чаще всего точкой с запятой) буквально каждое фонетическое слово, т. е. слово с энклитиками и проклитиками, имевшее только одно ударение. После всякого двоестрочия ставится «*крыжик*» — четыре точки, образующие форму креста. Если сопоставить эту пунктуацию с данными вышеприведенного стихотворения, то можно с надеждой на успех предположить, что в основной части рассматриваемая рукопись воспроизводит оригинальную пунктуацию приказной школы.

Такая пунктуация, согласно средневековым традициям, выполняла интонационную, а не логико-синтаксическую функцию. Приказные *вирши*, очевидно, читались с «препинанием» голоса после каждого фонетического слова. Двоестрочие завершалось более длительной паузой.

Публикуемые стихи интересны также как редчайший опыт «лабораторного» творчества. В этом смысле может иметь значение и следующее двустишие, которое находится на л. 20 того же сборника:

Стихи из веселаго сердца происходят,
Питие, пища светло ум на то плодят.

II

Среди жанров приказной школы безраздельно господствовала эпистолия. Подчиненное положение занимали стихотворные проповеди и учебные *вирши*, подобные предисловию в «*Азбуке*» Василия Бурцева или наставлениям Савватия своему ученику, князю Михаилу Никитичу Одоевскому (см. БАН, Архангельское собр., № 527, лл. 108—114). Публикуемый ниже текст — это именно учебное предисловие, «*двоес<т>рочие о грамматице*». Он находится в сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1574, описанном А. Ф. Бычковым.³ Это конволют, состоящий из пяти тетрадей XVII в. Интересующая нас тетрадь по почерку и бумажному знаку (ваза с неразборчивыми буквами) может быть датирована первой половиной, а возможно и первой третью XVII в.

Перед «*Двоестрочием о грамматице*» на л. 180 помещено общее заглавие памятника (публикуемый текст — это предисловие к нему): «*Книга, в ней же беседует о книжном исправлении. Нарицается Кормило писанию, сииреч Грамматика. Настовляет добре к совершенному пристанищу, рекше к познанию истинне*». За стихотворным вступлением следует прозаическое «*Предисловие словянского языка читателем*» (лл. 180 об.—182), которое обрывается на полуслове.

«Двоес<т>рочие о грамматице»

л. 180

Сие писание еже о Христе любовнимателем
пристойт внимати любоприлежннйшим читателем.
Со усердным потщанием тем напишю,
на люботрудное же прилежание их воставляю.
Всяк же внимай сие да разумеваеи,

³ А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, стр. 137. Здесь приведены две первые строки стихотворения.

о мне же ко господу молитвы да возсылает,
 тем убо вѣще постизати разум,
 изрядно же и честно украшати свой ум.
 Аще кто философию постигнет
 и чрез естественную богословию достигнет,
 грамматики же не разумев, не совершенно мнится, —
 кроме бо украшения вещь не удражится.
 Обычай неким некая брашна сладостию услуждати,
 подобне ж и сребро украсително позлащати.
 Тако и нам украшати свой ум достойт,
 украсителнаго же ума цена паче не восходит.
 Неудобно убо иноко в храмину внити,
 но токмо входом дверным прохожению быти.
 Тако же и нам неудобно постигнути мудрость,
 аще к грамматики не будет умность.
 Грамматика убо есть твердое замыкало,
 благоумием же своим ей буди ты отмыкало.
 Аще убо сие заклепание отомкнеши,
 тогда и внутрь комары (так!) да внидеши,
 и обрящещи в ней безценное сокровище,
 ему же и всерагое земное недостойно суще.
 И кто убо, слыша сие, не потрудится, —
 толикие доброты лености ради лишится.
 Но яко же облаки и буря закрывает солнце,
 леность же и неприлежание омрачает сердце.
 Сего ради сие всяк благоразумный должен внимати,
 о нас же в своей мысли со благоумием смышляти. Аминь.

л. 180 об.

III

«Похвала Евдокии» публикуется по рукописи ИРЛИ, Пинежское собр., № 113. Это стихотворение (конец не дописан) входит в цикл, атрибутированный мной Сильвестру Медведеву и частично уже опубликованный.⁴ «Похвала» может быть точно датирована по следующей записи на поле л. 602 об., рядом с заглавием: «Писаны 189-го <1681>, генваря в де<нь>», говорен у великаго государя в Верху марта в 1 день». Эта помета доказывает, что наш список восходит к авторской рукописи; иначе невозможно объяснить происхождение записи, в которой указывается не только день произведения стихотворения во дворце, но и реальная дата его сочинения.

В «Похвале» излагается житие мученицы Евдокии. Однако это произведение, вне всякого сомнения, написано по случаю именин царской сестры, царевны Евдокии Алексеевны (1650—1712). То, что о царевне не говорится прямо, не должно нас смущать: ведь сохранился лишь фрагмент текста, хотя и большой (270 стихов). Обязательность реального адресата доказывается виршами Симеона Полоцкого на ту же тему, включенными в «Рифмологийон». Симеон создал их всего за два года до сочинения публикуемой «Похвалы», как видно из авторской ремарки: «Глаголаннии в Верху в храме святых мученицы Евдокии в день празднника ея, при великом государе царе и великом князе Феодоре Алексиевиче в лето 7187 (1679)» (л. 626). Можно предположить, что и вирши Медведева звучали в той же дворцовой церкви, на малом торжестве, потому что день 1 марта приходился в 1681 г. на великий пост (пасха была 3 апреля).

⁴ См.: А. М. Панченко. 1) Придворные вирши 80-х годов XVII столетия. — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 65—73 (здесь и описание сборника); 2) Декламация Сильвестра Медведева на тему Страстей Христовых. — В кн.: Рукописное наследие древней Руси. Л., 1972, стр. 115—135.

Оба произведения писались для произнесения вслух. В связи с этим следует указать на следующие обстоятельства. «Похвала Евдокии» относится к жанру декламации. Произведения этого жанра обыкновенно говорились «отроками» — в данном случае, по-видимому, «недоростками» из числа певчих. Публикуемый памятник не составляет исключения. Он разбит на отдельные нумерованные куски, которые и раздавались «отрокам».

Вообще со времен Симеона Полоцкого вирши как звучащая речь прочно входят в дворцовый, боярский и церковный быт. Симеон писал стихотворные приветствия по самым различным поводам: для возгласения за царской трапезой, по случаю прихода гостей, в рождество — от внука к деду (конкретно — для семьи Богдана Матвеевича Хитрова) и т. п. В «Рифмологие» очень часто встречаются вирши такого рода, например: «Отрок, чашу поднося, глаголет к гостем сице...» (л. 322); или: «Стиси ко благоверным царевнам от отрочати млада...» (л. 356).

В наше время между поэтом и читателем почти всегда существует посредник — книга. Не преуменьшая значения текста, рукописного или печатного, для XVII в., мы должны помнить, что в ту эпоху стихи гораздо чаще говорились вслух, чем читались «про себя». Это нужно учитывать при оценке публикуемого памятника.

Стиси краегласнии в похвалу преподобныя мученицы Евдокии

л. 602 об.

От православных кто днесь не возвеселится,
о благодати божией не удивится?
Кто от творящих грѣхи^а не прибѣгнет к нему,^б
Христу спасу, душ наших врачу истинному,
Иже нам кающимся грѣхи оставляет,
небеснаго царствія жители являет;
Иже хошет грѣшным нам всѣм спасеным быти,
с ним, творцем нашим богом, вѣчно в небѣ жити!
О, даждь нам, Христе боже наш, то улучшить,
дабы с тобою, царем нашим, в небѣ жити!
Разными образы нас к себѣ призывает,
разныя ко спасенію пути предлагает.
Житія святых на всяк день почитаются,
разныя ко спасенію пути являються,
Во еже бы житію святых подражати,
словом и дѣлом Христу работати, —
Яко же празнуема днесь святая мати,
по грѣсех достойна быти благодати;
Онѣя житію да възподражаим,
о грѣсех наших слезы присно проливаем.
Тѣм же о жизни слово нынѣ предлагаю
тоя святыя, Христа теплѣ умоляю:
Даждь нам, Христе боже наш, слично глаголати,
преподобну и святу матерь прославляти!
И тебе, Евдокия мати всесвятая,
невѣста Христу богу прелюбезная,
Молим: подшися^в сама ходатайствовати
о нас к богу, и ум наш право наставляти,
Житіе твое сказав, жити спасенно,
чисто, свято, безгрѣшно и многолѣтственно
Блажен, имѣяй очи свѣтом просвѣщенны,^г
еже познати вещи мира быти тлѣнны,^д
Яко вся красная в нем яже зрятся быти,
во прах^е и во пепел вся имут вратити.
Злато есть блато, и прах — земна сокровища,

л. 603

^{а-б} В ркп. к нему не прибѣгнет. ^в В ркп. подшися. ^г В ркп. просвѣщенны.
^д В ркп. тлѣнны. ^е В ркп. повторено и во прах и взято в скобки.

л. 603 об.

вся лицъ красныхъ доброта — червие суть пища.
 Вся сласти тѣлесныя в горестъ обратятся,
 веселія временна в слезы измѣнятся.
 Блажен, иже, презрѣвъ миръ, богу работаетъ,
 радости и веселія в небѣ ожидаетъ.
 То Евдокия, мати святая, провидѣ,
 тѣмъ же от тѣлннхъ скоро днесь отиде.
 Красоты мира весма она обругала,
 прелести и богатства дивнѣ вся попрапа,
 Плотския совершенно страсти умертвила,
 егда тѣло си постомъ приснымъ утрудила.
 Познася, яко велий зѣло врагъ плоть бѣше,
 душу ея в тѣлесней сквернѣ содержаше,^ж
 Тѣмъ же ту она постомъ многимъ уморила,
 духъ свой Христу владыцѣ весма покорила,
 В покаянии животъ свой провождаше,
 оставления грѣховъ у Христа прошаше.
 Чесого дѣле видѣ во ужасѣ на небѣ
 восприемшия радость анггела в себѣ,
 Ефиопа же черна излиха стѣняща,
 аки многу обиду от нея терпяща.
 Тѣмъ же сокровище си скоро расточаше,^з
 страннымъ, убогимъ, еже зла собрала бѣше.
 Того ради достойна бысть небесна лика,
 в онъ же причте ю Христосъ, богъ всѣхъ и владыка.

л. 604

Зѣло есть претѣсный путь пресвѣтлаго неба,
 в скорбѣхъ и нуждахъ итти во оно потреба.
 Терниемъ острымъ весь той путь преисполнися,
 но шипокъ благовонный в кончинѣ явися,
 Зѣло красной вонюю своею наслаждай,^и
 душу и тѣло купно превозвеселяй, —
 Еже есть веселие на небеси вѣчно,
 слава, честь и блаженство весма безконечно.
 Той Евдокия свята вседушно желаше,
 тѣмъ же путь тѣсный в мирѣ и скорбный течаше,
 Днемъ и ночью плоть си крѣпко томила есть
 постомъ и трудами, а бога молила есть.
 Хлѣбъ ея сухъ бѣ, вода жажду утоляше,
 приснымъ течениемъ слезъ людей удивляше,
 Негли аггели ся тому почюдиша,
 како во дни и в нощи в хлѣбъ ей слезы быша.
 За что отецъ небесный во дщерьъ любезну себѣ
 приобщи ю и вѣнча в емпирийскомъ небѣ,
 Во мирѣ учреждаетъ премирному своему (так!),
 со анггелы вѣчными брашны и святыми.
 Идѣ же за тя, царю от бога намъ данный,
 ко оному ходатай есть она непрестанный, —
 Да тя благоизволитъ здѣ благословити,
 царствіе твое всюду миромъ оградити;
 Подъ твоя нога враговъ твоихъ да смиряетъ,
 предѣлы твоя славно да распространяетъ;
 Славну ти, здраву, честну да дастъ пребывати
 премногія лѣта, и небо пристяжати;
 Ихъ же благъ всеусердно хошемъ тебѣ,
 господь богъ ти да подастъ, царствуя въ небѣ.
 О, преблаженна еси, Евдокие мати,
 сподобльшаяся радостъ вышнимъ силамъ дати,
 С ними же сама нынѣ живещи в радости,
 за земныя горести в небеснѣй сладости;
 О немъ же мы блаженствѣ привѣтство ти дѣемъ,
 о пособіе молити молитися съѣмъ:
 Умоли у господя Феодору царю
 здравіе лѣта многа, вѣрну государю,

л. 604 об.

^ж В ркп. содержаще. ^з В ркп. расточаше. ^и В ркп. наслаждаяся.

Да изволит он его в мирѣ прославляти,
 крѣпость, храбрость и силу ему даровати,
 Весело, здраво, мирно многолѣтствовати,
 благополучно царство свое управляти.
 От господа же ему поданной царицѣ,
 государинѣ нашей, скорой заступницѣ,
 Агафии здѣ здраво многолѣтно жити
 и во наслѣдие чад благоплодной быти.
 Благовѣрной царицѣ тѣхся умолити
 Натални во здравии многолѣтно жити.
 Благовѣрный царевичь Иоанн от бога
 да имать дар здравия на лѣта премного.
 Пресвѣтлой царевичь Петр здрав да возрастает,
 в пособие царству силен, мудр бывает.
 Пресвѣтлыя царевны сам да соблюдает
 во здравии, и во благоденствѣ прилагает.
 Умоли, Евдокие, господа, святая,
 да изволит послати людем вся благая,
 Премрачную же луну турския державы
 да просвѣтит своя свѣтом вскорѣ славы,
 И кто-либо враг царю нашему явится,
 абие мечем его славно да смирится.
 Упроси мир мирови и плодов лѣта,
 да во радости славим подателя свѣта.
 За ту милость имама ты вси прославляти,
 пѣньми и пѣсньми во вся лѣта величати.

л. 605

Велию радость хошу аз днесь глаголати,
 милость Христову ко грѣшным свѣтло возвѣщати,
 Како он кающихся и грѣшных прощает,
 чудотворения и неба сподобляет.
 Ибо днесь празнуема пресвятая мати
 Евдокия по грѣсех бысть во благодати.
 Во градѣ Ерополѣ самарийстѣм бяше,
 В блудѣ первие, забывши смерть си, живяше,
 Зане она превзыде ины красотою,
 тѣм бысть в погибель многим мужем добротою,
 С ними же желание си зло исполняше,
 от них же и богатство велие собраше,
 Мня присно скаредство радость себѣ быти
 и во оной утѣхе хотѣ вѣчно жити.
 Яже начало жизни злоюто живяше,
 тоя конец свят, честен и блажен бяше.
 Донеле же пребы во тмѣ она язычестѣй,
 тогда работа страсти злѣ чловѣчестѣй.
 Егда же в ня благодать дхну духа святаго
 к познанию единого бога истиннаго,
 Тогда Германом^к она вѣре научися,
 от злых, богу мерских дѣл^а весма отлучися.
 К епископу абие радостно течаше,
 о крещении того прилѣжно моляше,
 Да исхитит работы люты демонския
 и избавит от вѣчны муки геенския,
 И сотворит дщерь богу, отцу небесному,
 а невѣсту жениху Христу любезному.
 Плакаше зѣльнѣ, у ног пастырских лежащи,
 милосердия его пастырска просящи
 Пастырь же добрый рад быв о обращении
 тоя овцы, и правом ея возвращении,
 Потщася, довольнѣ ю наказав, крестити,
 от грѣховной скверности всечисто омыти,
 Егда же, от грѣх яко вран бывша черная,

л. 605об.

^к В ркп. первоначально было Герматор (исправ. на поле).
 (при конъектуре дѣлес в стихе появляется лишний слог).

^а В ркп. дѣле

от тѣлесныхъ сквернъ что сажа чермная,
 Паче чистѣйшаго снѣга убѣлися,
 от сквернъ, аки от блага, чюднѣ очистися,
 Тогда бысть раба богу, отцу истинному,
 и невѣста жениху Христу любезному.
 О ней же небесныя силы ликовашу
 и о радостной оной вси ся веселяху.
 О сей радости Христос бог сам изявляет,
 яко о грѣшномъ в небѣ единомъ бываетъ.

О семъ намъ, грѣшнымъ, требѣ въ веселии быти,
 толику царску милость всюду всѣмъ гласити.
 Егда в небеси радость многа сотворися,
 еже бо Евдокия святая крестися,
 Тогда демони люте зѣло возстенаша,
 о спасении ея вельми сътоваша,^к
 Яко имъ та удица, тая съте отяся,
 ею же человѣчскій родъ во адъ уловяся.^л
 Видѣ сама святая тѣ сѣтующия,
 ангелы же святыя ся веселящия,^о
 Ибо яко апостолъ Павелъ просвѣщенна
 бывши, во возторзѣ бысть в небо восхищенна.
 Отнуду же от силы в силу поступаше,
 добродѣтели многи зѣло проявляше.
 В чистотѣ восхотѣ плоти и духа пребыти,
 во чинѣ иноческомъ Христови служити,
 В немъ же плоти си и страсти тако умертвила,
 яко и ангелы вся превозвеселила.^п
 И мощно бѣ ангеломъ ону нарицати,
 ангельску житию ся ея удивляти.
 Не толь угодна бѣше бѣсу служениемъ,
 елико любезна бѣ Христу служениемъ.
 За житие си злое и пьянственное
 восприятъ трезвѣние повседневственное;
 За сладкия пищи сухъ хлѣбъ скуднѣ вкушаше,
 за сладко вино хладну воду принимаше;
 За златыя ризы зати себе украшаше,
 в раздрано рубище себе облачаше;
 За скверныя пѣсни псалмы пѣвше духовныя,
 за скаканіе творя поклоны всенощныя;
 За мяхки^р постели на земли валяшеша,
 за многій сонъ бдѣніе же совершашеша;
 За скверныя^с любители Христа единого
 возлюбила всѣмъ сердцемъ, бога истиннаго.
 Злато же и сребро все убогимъ раздаше,^т
 насъ ради обнищавшу, в нищету служаше.
 За богатство мирское скверныя собранное
 купи себѣ царствіе вѣчно небесное;
 За присное плотское си угождение
 яви богу духовно выну служение;
 За вседневно веселость слезы изливаше
 во дни и в нощи, — аки хлѣбъ сладкій ей бѣше.
 Яже вреда и блазни камень прежде бывый,
 юнымъ то источники слезныя явивый,
 Ими же молитву си жертвъ преуспѣлаше,
 зѣло преугодную богу сотворяше;
 Всесожжение тогда тучно является,
 егда смиренна сердца слезы смочается.
 Тѣмъ же подобаетъ намъ слезы изливати,
 многыя наша грѣхи тѣми омывати,
 Да чисты пречистому господу явимся,
 в небесный чертогъ внити с нимъ удостоимся.

л. 606

л. 606 об.

* В ркп. сътоваше.   л В ркп. уловяся.   о В ркп. веселящися.   н В ркп. превозвеселящая.   р В ркп. мяхкии.   с В ркп. кверны.   т В ркп. раздаше.

Тако убо святая господу служаше^у
 яко от него чудес силу^ф восприяше
 Толику, яко словом своим умерщвляти,^х
 и паки мертвых тѣм же чудне воскрешати.

Нѣкто Филострат, ея красоты рачитель,
 предваршии паче многих усердно любитель,
 От лукаваго бѣса бысть зѣло наученный,^з
 на прелесть всехитрости^к ко " святѣи пущенный,
 Хотя преподобную лукавию прелстити,
 похотствование си скверно совершити.
 Яко же Евву егда демон искушаше,
 тогда во змиин образ себе вообразаше;
 Тако Филострат хотѣ святѣи сотворити,
 к сотворению грѣха удобну явити.
 Облече в монашеско ся одѣяние,
 да возимѣют с нею бесѣдование.
 О, люты в погибель души лести демонские,
 злолукавыи хитрости вся сатанинския!
 Волк в овчей коже хоцет оцу поглотити
 Христову,^ш и от жизни к смерти преложити.
 Приходит раб демонск,^щ сын тмы, ко дщери свѣта,
 хотя прелстити, яко в предваршая лѣта,
 И свѣт благодати в ней грѣхом помрачити,
 от стези святыя в дебрь скверны низринути.
 Но единою себе богу вручившая,
 вся красоты плоти возненавидѣвшая,
 Вся сласти, вся красоты мирския презрѣла,
 вся бо та душегубны^р ей благи^ы узрѣла.
 Тѣм Филострата прежде, тлнувше, умертвила,
 таже удобно паки словом воскресила.
 И научи вѣчны смерти ся бояти,
 временная в тлѣнная весма презирати.
 Покаявшая же ся настави грѣшника,
 от скверн очищенная — сквернаго блудника,
 Да яко прежде с нею общник злобы бѣше,
 тако покаяние подобное взяше.
 Не престай же супостат брани на нь творити,
 но паче, паче прежняя зѣло ратовати.
 Чрез рачители ея пакость ей творяше,
 Уалернану же царю глаголаше,
 Ибо чет она Христа распятаго,
 повѣдает ѿ — благий бога истиннаго.
 Ему же представ, бога^в исповѣда быти,
 и яко готова за нь душу положить.
 По страдании сына царева воскресила,
 самого царя вѣре во Христа научила.
 И елико враг паче на нь устремляшешя,
 толико ею^р славнѣ той побѣждашешя.
 За что ята бысть рабом его Игеметом,
 по муках свобождает прияти Диагеном...

л. 607

л. 607 об.

^у В ркп. служаше.   ^ф В ркп. силы.   ^х В ркп. умерщвляти.   ^з В ркп. первоначально было науянный (исправ. на поле).   ^к В ркп. первоначально было со (исправ. на поле).   ^ш В ркп. Христовы.   ^щ В ркп. демонш.   ^р В ркп. душегубныи.   ^ы В ркп. благии.   ^в В ркп. дальше начато исти (взято в скобки).
^р В ркп. ея.

С. Н. ГУХМАН

Соловецкая редакция «Документального» сказания о даре шаха Аббаса России

Соловецкая редакция «Документального» сказания представлена двумя списками.

1. Сборник ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 873, XVII в. (далее: С).¹ Текст «Документального» сказания на лл. 134—153. Кроме «Документального» сказания, в сборнике содержатся шесть слов Севериана Гавальского, Слово Иоанна Златоуста и другие памятники.

2. Сборник ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 2, XVII в. (далее: К).² Текст «Документального» сказания на лл. 196—211. Кроме «Документального» сказания, сборник содержит Азбуковник, Сказание о Тохтамыше, Сказание о Темир-Аксаке, Слово о купце Басарге и другие памятники.

Оба списка находятся в сборниках Соловецкого монастыря, относятся к середине XVII в. За основной при публикации нами принят список К, как наиболее исправный по сравнению с С, содержащий полный текст «Документального» сказания.

Есть возможность установить место создания рассматриваемой редакции. Из рассказа, заключающего Соловецкую редакцию, видно, что автором ее был один из монахов Соловецкого монастыря, которому хорошо были известны события, связанные с принесением ризы в Москву, не упоминаемые в Основной редакции: и то, что патриарх Филарет Никитич повелел составить праздничную службу, стихиры и канон на положение ризы в Успенском соборе, и то, что патриарх повелел праздновать этот праздник по всем городам русским «марта в 27 день». В рассказе этом говорится следующее: «У нас же в северной стране. !. в Соловецкой обители, отец наш игумен Макарей повеле праздновати праздник сий в неделю по празнице Благовещения пресвятей богородицы или преж праздника в неделю, егда будет вместено, в постен же день — егда прилучитца, марта 27 день праздновати ризе господне не повеле, разви разрешения великаго поста».

Из рассказа следует также, что в Соловецком монастыре, вопреки указаниям патриарха, праздник ризы не отмечался 27 марта в виду великаго поста. Об этом автор мог сказать только тогда, когда уже по всей стране и в Соловецкой обители стали известны грамоты царя и патриарха о назначении службы на 27 марта, когда тексты службы, стихир и канонов вошли в практику, т. е. после составления Основной редакции

¹ См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, т. I. Казань, 1881, стр. 110.

² См.: В. И. Малышев. Новый список «Моления Даниила Заточника». — ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 193.

«Документального» сказания, так как известия Основной редакции заканчиваются лишь рассказом о назначении собора 26 марта по случаю утверждения вновь принесенной святыни. Точное указание дня празднования 27 марта в Соловецкой редакции помогает более определенно датировать и Основную редакцию, так как в ней не было прямого указания на этот день. День празднования 27 марта был утвержден собором 26 марта вскоре после принесения ризы, а в царствование Алексея Михайловича был утвержден окончательно 10 июля.³ Значит, Соловецкая редакция была составлена при Михаиле Федоровиче, до 1645 г. (т. е. до года его смерти).

Кроме того, простое сравнение текстов обеих редакций убеждает нас во вторичности Соловецкой редакции, так как Основная тесно связана с документами. Невозможно допустить, что на основании Соловецкой редакции позднейший книжник составил более распространенный и более документальный рассказ, внося в него, например, выписки из евангелий и роспись чудес исцеления, отсутствующие в Соловецкой редакции. Трудно допустить, что позднейший составитель внес в рассказ целиком те документы и грамоты, которые только в пересказе или в виде отдельных фраз представлены в Соловецкой редакции.

Соловецкая редакция в ряде случаев оказывается полнее своего оригинала за счет вставок, отступлений и поздних сведений.

Таким образом, Соловецкая редакция значительно отличается от Основной, но не только потому, что в ней имеются некоторые добавления, а и потому, что изменился самый характер всего произведения в целом, что оно превратилось в произведение литературное.

Автор сохраняет в нем все элементы повествования Основной редакции, но не полностью: как было сказано выше, здесь не приведены выписки из Евангелия, отсутствует роспись чудес исцеления, но зато добавлены рассказы о кресте господнем, о гробе господнем и переданы последующие события, связанные с положением ризы в Успенском соборе и празднованием дня ризы 27 марта в Соловецком монастыре, отсутствующие в Основной редакции.

Иногда автор Соловецкой редакции сокращает содержание отдельных эпизодов. Так, например, в эпизоде, рассказывающем о поднесении ризы патриарху Филарету Никитичу послом шаха Аббаса Русамбеком, автор опускает весь монолог персидского посла, имеющийся в Основной редакции «Документального» сказания; в рассказе об осмотре ризы он ограничивается сообщением о внешнем виде святыни.

Автор Соловецкой редакции совершенно свободно обращается с имеющимся у него текстом Основной редакции, превращая его в живое повествование с непрерывным развитием сюжета, с монологами и диалогами.

Для того чтобы наглядно представить себе, как громоздкое и документальное изложение многих эпизодов в Основной редакции заменяется яркими, живыми, непосредственными рассказами в Соловецкой редакции, сопоставим, например, рассказ об осмотре ризы властями, как он читается в Соловецкой редакции и в первоначальной редакции «Документального» сказания:

Основная редакция

И того же дни после посольства великий государь святейший патриарх Фила-

Соловецкая редакция

И государь царь и патриарх Филарет Никитич тот сундучек распечатали и тое

³ См.: Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (1632—1682). М., 1844, стр. 12, 48, 76. См. также: ДАИ, т. VI, СПб., 1853, стр. 109.

рет Никитич Московский и всеа Русии на своем святительском дворе с митрополитом Киприяном Сарским и Подонским, и с Нектарием архиепископом греческим, и с архимариты и игумены, и с протопопы того ковчежца осматривали, и по досмотру в том ковчежце часть некая полотняна кабы красновата, походила на мели, или будет от давных лет лице изменила, а тканя во лну.

ризы господни досмотрили. И мерою та часть ризы господни в длину полторы пяди, а в ширину в пядь, а видением та часть ризы господни как бы мели или полотенцо тонкое ординское ни бело, ни желто.

Отрывок Соловецкой редакции близок к разговорной речи, отрывок же Основной редакции «Документального» сказания — документальное, почти протокольное описание события.

В такой же разговорной манере написан рассказ о положении ризы в Успенском соборе, отсутствующий в Основной редакции «Документального» сказания: «И той святитель... повеле в царствующем граде Москве в соборной церкви Успения богородицы от западных дверей на десной стране за столпом устроить теремец древян чуден, от вне стены ее украсити златом, а извне по стенам застилати слудами. Длинною теремец и поперег дву сажен, и в нем поставити гроб господень, таков же мерою, как во Иеросалиме, в нем же лежало тело господне, и покры драгими паволоками и повеле зделати ковчежец сребрян и положить в нем ковчег златый, принесенный с ризою господнею... и постави в том же теремце у возглавия гроба господня, и отъя часть ризы господня, принесенныя ис Персиды, и вложи в другой ковчег сребрян, и положи тот ковчежец на гробе господне в том теремке на поклоняние православным христианом и на исцеление всяких недуг».

Соловецкая редакция, тесно связанная с Соловецким монастырем, обращенная по преимуществу к читателям-монахам, не могла, естественно, конкурировать с Основной редакцией, задачей которой было прославление Руси и святых, достойной власти первого Романова.

Ниже публикуется текст Соловецкой редакции по списку: ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 2. Необходимые исправления сделаны по списку ГПБ, Соловецкое собр., № 873 (обозначен — С).

л. 196

**Сказание о ризе господа нашего Иисуса Христа,
како и откуду принесена бысть во преименитый, и преславный,
и царствующый град Москву. Выписано из отписок^{1, а}
государевых послов Василия Короб(ъ)ина
да дияка Еустаф(ъ)я Кувшинова,^б что писали к государю, к Москве,
из Перския земли^в сиречь ис Козылбаш,
из роспросу вологоцко^г архиепискупа Нектария греченина
ис нового Спаского монастыря келаря старца Иоаникия
греченина же || о той ризе господа нашего Иисуса Христа**

л. 196 об.

В лето 7132-го году июня в 22 день писали к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии ис Перс его государевы послы, дворянин Василей Гаврилов сын Короб(ъ)ин да дияк Еустафей

^{1, а} Испр. по С; в ркп. изо списков. ^б Испр. по С.; в ркп. Кукшинова.
^в Испр. по С; в ркп. зе. ^г Испр. по С; в ркп. вологоцко.

Кувшинов,⁴ как де оне по его государеву указу были в Персиде у перского царя Аббас шаха на посолстве, и говорил им де перской царь Аббас шах в первом приезде и во иных приездах, как оне у него были на посолстве: пленил де он Иверскую землю, сииречь Грузинскую,⁵ и взял де он в той Иверской || земли Христову срачицу, в которой Христос распят быст, как де Христа жидове распяли и на кресте ударили его копием в ребра, и та де кровь на той срачице и ныне знати. И которой де человек помолитца с верою и к той срачице коснетца, и того де бог помилует — от той срачицы исцелеет, а кто де прииде без веры и к той срачице коснется, и у того де тотчас очи выпадут. л. 197

И ныне де он тое Христову срачицу посылает к Москве к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и ко святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии || с послы своими. А и ему де, перскому царю Аббас шаху, патриарх Филарет Никитич по * государе отец * и за государя де бога молят, и он де чаёт, что и ево во святых своих молитвах к богу помянет. А к нему де, Аббас шаху, присылали из иных христианских государств для тое Христовы срачицы просити, и он де для их, великих государей, ни в которое государство не отдал, да и сам де он, перской царь Аббас шах, в господу нашего Исуса Христа и в мать его пречистую богородицу верует и говорит: хто де молвит хулное которое слово на господа нашего Исуса Христа и на мать его пречистую богородицу, и того де и род весь надобно сожечь, || и как де станут жечь, и хто де, мимо идучи, на тово человека дров полено кинет, и тот де будет свят. л. 197 об.

И после де того спрашивали оне перского царя Аббас шаха послы Урусамбека, которой едет к государю от него в послех: откуда де в Грузии Христова срачица пришла и кол давно, и где в Грузех та Христова срачица по ся мест у кого была, и коими обычаи перской царь Аббас шах ее сыскал? И перского де царя посол Урузамбек сказал им: слышал де он, что в Грузех та срачица Христова была у митрополита заделана в кресте и перской де царь Аббас шах ее сыскал и послал к государю к Москве с ним, Урусамбеком. || л. 198

И во 132-го июля в 7 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии и отец его государев, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, выслушав от послы отписки, приказали думному дяку Ивану Граматину респросити Спаса Нового монастыря келаря старца Иоаникия Греченина, которой приехал к государю к Москве со иеросалимским патриархом с Феофаном: как был во Иеросалиме,лучилось ли ему слышати про Христову срачицу и про иные святыни, где оне ныне и в котором государстве? А говорят многие, что те святыни были в Грузинской земли. || А будет в Грузинской земли были, и которыми обычаи тамо дошли, при котором царе? И лучилось ли ему в Грузинской земли быти, и те святыни сам он видел ли или от кого слышал, где их чаёт ныне? л. 198 об.

И по государеву указу и по благословению патриархову думной дяк Иван Граматин Спаса Нового монастыря келаря старца Иоаникия Греченина про то про все в посолском приказе розпрашивал. И Спаса Нового монастыря старец Иоаникей Греченин в респросе сказал, что де ему, во Иеросалиме будучи, лучилось слышати о том от многих верных людей: как де Пилат и архиереи осудили господа || нашего Исуса Христа на смерть и отдали его воином и велели распяти, и воины пришли на Лобное л. 199

⁴ Испр. по С; в ркп. Кувшинов. ⁵ Испр. по С; в ркп. грузскую. ^{ж-3} Испр. по С; в ркп. госпде со отцы.

место, где его распяли, ризы с него сняли и разделили. А на Христе де был хитон от верху и до долу, а ткала де его, тот хитон, сама святая богородица своима рукама, а того де он не ведает, в шолку ли или во лну тот хитон был. А цветом лазорев тот хитон был. А делом кабы манатъя, без рукавов, и долог, токмо лише тем от монати рознилося, что без бору и без шития весь ткан сверху, словет по греческу языку хитон. Да и ныне де тем подобием во Аравии плат(ь)е носят, а словет де по аравийску языку ихрам, || как его человек облачит на себя, да и обогнетя им, и назади станет долго и широко. А как де и при распятии господа нашего Исуса Христа воици делили ризы его, и на делу де тот хитон достался воину родом Грузинския^а земли человеку, а он де в то время был при распятии господне во Иеросалиме в римских воинех, и после де распятия господня тот воин пришед во свою землю в Грузи, розказывал про Христовы чюдеса и про распятие, что предо очима его во Иеросалиме содеялося, все по тонку, всем людем, и той де хитон из Иерусалима принес с собою в Грузинскую землю.

л. 200

л. 200 об.

И слыша де то от него про Христовы чюдеса и про страсти || и по плоти сестра его родная, девица, уязвися любовию еже во Христа, испроси у него тот хитон себе вместо дара велика. Той же воин не можаше моления презрети по плоти девы, сестры своея, дасть ей тот хитон вместо дара велика. Та же девица бысть благоразумна сущи, и слыша Христовы многие чюдеса и страсти, но и паче же верою Христовою утвержашеся,^к и имевше сие безценное сокровище с великою честью, и девство свое в целомудрии и чистоте соблюдающе, и заповеда родителема своима: по

л. 201

смерти ея телу ея положити во гробе || в том хитоне в савана место. И от того же девицина гроба возрасте древо велико, и потече от того древа от корени миро, и изцеление нача быти недужным от того древа и от мира много. И как де и грузинцы приняли святое крещение еще при великом цари Константине, и они де тем миром помазывались и крестили, и шло де то миро от того древа много лет. И грузинские цари, видя от того древа многие чюдеса, поставили нат тем древом великую церковь и устроили тут архиепископа начального, и сами грузинские и кардолинские цари по смерти своей || велели собя класти в той церкви.

л. 201 об.

И как де и нынешнаго персакаго царя Аббас шаха дед воевал Грузиньскую^а землю, а в то де время был в Грузех Симонов отец царем, и многие де святыя места перские вои разорили и осквернили, и тое де церковь такожде разорили и осквернили, ставили в ней лошади и скоты, и с тех де мест от того древа миро тещи престало. И как де грузинские цари землю свою очистили от перских вой и ту церковь освятили и над тем де местом поставили позади святительскага места столп каменен,

л. 202

высотою сажени в две, а поперег сажени, а в том месте, || где от древа миро изходило от корени, учинили оконцо невелико и поставили чашу, уповая на^к то, чая^н еще впрעדь миро от того древа потечет. И после де того от него миро не бывало и до сего дни.

А как де он, старец Аникей греченин, был в Грузинской земли при Тимуразе царе тому 16 лет, и он де в той церкви был и не одныжды,^о но многжды и то де древо видел, а миро от него не истекает. А говорят так многие люди грузинцы, что то древо выросло от хитона Христова, в котором положена мертва девица, сестра того воина, которой со Христа тот хитон снял, а самому де ему, старцу Иоаникею, того хитона видети

^а Испр. по С; в ркп. Грузакя.   ^к Испр. по С; в ркп. увержешя.   ^л Испр. по С; в ркп. грузскую.   ^{м-н} Испр. по С; в ркп. протчая.   ^о Так в ркп.

не лучилося, || нечто де и будет, тот хитон выняли из земли грузинские л. 202 об.
люди после его. А про гвозди, которыми пригвоздили ко кресту Христа
бога нашего, про то де известно всем, что те гвозди взяла во Иеросалиме
царица Елена и принесла во Царьград к сыну своему царю Константину,
а где те ныне гвозди, тово он не ведает, а про крест господень сказал,
что тот крест, на нем же распять господь плотию, рознят на благослове-
ние на мощи и на дробные части, а с того де креста снята мера, и зделан
таков же крест и поставлен на святей Голгофе, иде же распят бысть гос-
подь наш Исус Христос плотию.

А вологодский архиепископ Нектарей греченин про Христов хитон
прислал || в Посолской приказ письмо, а в письме ево написано: как де он, л. 203
Нектарей, был у патриарха костентинопольского архидиаконом, и посы-
лал де ево патриарх в Грузинскую землю, и он де в Грузех ходил
к церкви именем Исхета и видел де на правом крыласе в церкви у пер-
ваго столпа стояли свечи, и яз де спрашивал у священников, что то есть.
И оне ему сказали, что под тем столпом положен Христов хитон, сииречь
одежда Христа бога нашего, а принес де тот хитон некоторой воин, что
был при распятии господне в римских воинех трет(ь)ей человек, и егда
де по Христове распятии о одежде его меташа жребии воини, и испаде ||
тому воину на Христов хитон жребий, и он де его взял весь цел и при- л. 203 об.
нес его в Грузинскую землю. И многие от того хитона чудеса сотво-
ришася.

И 132-го июля в 7 день писано от государя царя и великого князя
Михаила Федоровича всеа Руси с Москвы в Персиду к послом к Ва-
сил(ь)ю Короб(ь)ину да дяку Еустаф(ь)ю Кувшинову,^н а велено им
отписать к государю к Москве тотчас наскоре, как оне были в Перской
земли, и оне с грузинцы и с перским послом, которой идет к государю
к Москве, о том говорили ли и от них слышали ли, где та срачица
Христа бога нашего была. И в Грузех^р ведомо ли про нее подлинно, что
она прямая || и святая Христова срачица и в какове чести в Грузинской л. 204
земли была и какая она: тафтяная ли или пологняная, и сами оне ея ви-
дели ли? Да и в розговорех велено им^с со Аббас шаховым послом^т Уру-
замбекам поговорить подлинно, где та срачица была и мочно ли им ея
посмотрити самем? Да будет ея им покажут, и им досмотрети ея гораздо:
какая она и скол велика мерою, и в каких местех кровь на ней знать?
И о том велено им тотчас отписать к государю наскоре.

И во 133-го году ноября в 16 день писали к Москве, к государю царю
послы его Василей Короб(ь)ин да Еустафей Кувшинов,^у что в прошлом ||
во 133-м году генваря в 21 день, как оне у Аббас шаха были в первом л. 204 об.
приезде, и Аббас шах де им про тое срачицу объявил сам: взял де он
в Ыверской земли Христову срачицу, в которой Христос распят, и как
де жидове Христа распяли и на кресте его ударили копием в ребра, и
та де кровь на той срачице и ныне знать, и тое де он срачицу посылает
к великому государю нашему и к патриарху к Москве с послы своими.
И оне де у Аббас шаха спрашивали: сколь давно и каким обычаем в Гру-
зех Христову срачицу сыскал? ^фИ Аббас шах де им сказал: ^хКак де он
Грузинскую землю взял, и ему де учинилася весть, что в Грузинской
земли есть Христова срачица, и || он де ея много сыскивал и сыскал ея. л. 205

Да в прошлом во 132-м году декабря в 17 день, едучи дорогою ис
Перския земли, говорили оне в розговорех со Аббас шаховым послом

^н Испр. по С; в ркп. Кукшинову. ^р Испр. по С; в ркп. рузех.
^{с-т} Испр.; в ркп. у перских послов; в С со у Аббас шаховым послом. ^у Испр. по
С; в ркп. Кукшинов. ^{ф-х} Доб. по С; Аббас испр. из Уаббас.

Урусамбеком: как ^н де они, послы, были у Аббас шаха в Перской земли в городех в Испагани и в Фарабатех на отпуске, и сказывал де им царь Аббас шах, что де он послал к государю царю и святейшему патриарху к Москве с ними Христову срачицу, и он бы им объявил: откуда и каким образом в Грузех Христова срачица была и коими обычаи Аббас шах ея сыскал? И посол Урусомбек сказал им: слышал де он в Грузех,^н что та Христова срачица была || у митрополита заделана в кресте и Аббас шах де ея сыскал и послал ея к вашему государю и ко отцу его святейшему патриарху к Москве с купчиною с Малелеем, устроена во златых павлоках.

Да в нынешнем во 133-м году по государеве грамоте говорили де они со Аббас шаховым послом, со Урасамбеком, и с купчиною с Малелеем в другой ряд и их спрашивали: где та срачица Христова была в Грузех, ведомо ли про нее подлинно, что она прямая Христова срачица и в какове чести в Грузинской земли была, и какая она — тафтяная или она полотняная, и сколь велика мерою, и в каких местах кровь на ней есть, и чтоб ея || дали посмотреть. И Аббас шахов посол Урусамбек им ^н сказал: как де он был в Грузех, и он Христови срачицы не видал. А как Аббас шах Грузи взял, и тое де Христову срачицу сыскал, у митрополита заделана в кресте. А хто де немощен к той срачице коснетца с верою, и того де бог помилует, от той срачицы исцелеет, а хто к той срачице коснется без веры, и у того человека тотчас очи выпадут. А та де срачица полотняная. А какова она мерою и в коем месте на ней кровь знать, тово он не ведает, потому что он той срачицы Христовы сам не видал, а послал де Аббас шах тое срачицу к государю и к патриарху до Мо||сковы с купчиною с Малелеем, а на Москве ему, Урусамбеку, та Христова срачица велено взять у купчины и нести к государю патриарху самому. Аббас шахо де купчина Малелей и сам сказал: дал ^н де ему Аббас шах сундучек за своею печатию, а в сундучке сказал ему Христову срачицу, а велел ему вести до Москвы, а на Москве де Аббас шах тот сундучек со всем велел отдать послу Урусамбеку. А Урусамбеку де тот ковчежец нести к государеву отцу, святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси.

А как де оне Василей и Еустафей были в Перской земли, и им де ^н з грузин||цы о той Христове ризе говорить не лучилось, потому что к ним грузинцы известные люди не хаживали.

И во 133-м году февраля в 25 день приехали к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси к Москве ис Персиды от царя от Аббас шаха послы Урусамбек да купчина Малелей. И у государя и у святейшего патриарха Филарета Никитича были на посолстве марта 17 день на другой недели великого поста в пяток. И Аббас шахов посол правил государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси и отцу его великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси от царя || от Аббас шаха посылство.

И после посолства посол Урусамбек поднес к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси ковчег золот с камением драгим, а сказал, что в том ковчеге риза господня, а велел де тот ковчег Аббас шах отдать ему государю патриарху самому в руки. И государь царь и патриарх Филарет Никитич тот сундучек

^н В ркп. слово повторено.   ^н Испр. по С; в ркп. рузех.   ^н Испр. по С; в ркп. и.   ^н Доб. по С.

роspечатали и тое ризы господни досмотрили. И мерою та часть ризы господни в длину полторы пяди, а в ширину в пядь, а видением та часть ризы господни как бы мели или полотенцо тонкое ординское ни бело, ни желто. И великий || государь святейши патриарх Филарет Никитич советовав с сыном своим з государем царем, чтобы восприяти пост и тое святыню полагати на болящих и просити всецедраго человеколюбца бога милости, чтобы милосердый господь тое святыню уверил, якоже весть святая его воля, понеже истиннаго свидетелства о той святыни несть, а неверных слово без испытаня во свидетелство не приемлется.

А уложили того ради великий государь святейший патриарх ему государю и митрополиту, и архиепископом, и епископом, и архимаритом, и игуменом, и в монастырех иноком пости||тися целую седмицу, а протопопом и попам служити литургии божии и молитися, чтобы господь бог о таковой святыни проявил им святую свою волю, а святыню повеле носити по болящим Новинского монастыря игумену Еуфимию да пречистенскому соборному ключарю Марку, да спасскому протопопу з дворца Стефану, да Николы Гостюнского протопопу Ивану, да соборному пречистескому попу Михайлу и иным протопопам и попам осми человеку, да дворяном Ивану Кондыреву, Ивану Ваейкову, Томилу ° Луговскому, да дякам Федору Стефанову, да Михайлу Смывалову и велели пети молебны, || и воду святити, и полагати на недужных и болящих, сего ради якоже древле блаженная царица Елена обрете честный крест Христов, с ним же и ина два креста разбойнича. И не ведяху живоноснаго Христова креста, на нем же владыко Христос распяты, дондеже изнесоша мертвую девицу и кресты по единому на ней полагаху. Егда же положиша живоносное древо, на нем же кресте распят бысть господь наш Исус Христос, и абие воста мертвая девица и хождаше. Народи же, видевше преславное величие божие, прославиша бога. И великий государь святейший патриарх Филарет Никитич и весь освященны собор по уложению || седмицу постилися и бога молили, чтобы господь бог тоя святыню проявил и тое святыню архимарит и протопопы и дворяне носили по 3 дни по домом по болящим и полагали на недужных всякими недуги одержимых. И благодатию Христовою вси исцеляху и здрави бываху, и на четвертый день великий святейший патриарх Филарет Никитич повеле тое святыню внести в соборную церковь пресвятыя богородицы честнаго ея Успения, и ту мнозии недужныи различными недуги одержими приходяще с верою прикасахуся и приемляху исцеления неоскудны, здравы отхожаху в дома своя, славище Христа бога нашего, даровавшего таковое || безценное сокровище царствующему граду Москве на одержание и нам верным последнему роду на спасение и грехом на очищение и страстем на избавление и недугом на изцеление.

И той ° святитель патриарх Филарет повеле в царствующем граде Москве в соборной церкви Успения богородицы от западных дверей на десной стране за столпом устроити теремец деревян чуден, от вне стены ее украсити златом, а извне по стенам застилаети слудами. Длиною теремец и поперег дву сажень, и в нем поставити гроб господень, таков же мерою, как во Иеросалиме, в нем же лежало тело господне, и покры драгими паволоками и повеле зделати ковчежец серебрян и положить в нем ковчег золотый, принесенный с ризою ° господнею ис Персиды и запечата царскою своею ° печат(ь)ю, и постави в том же теремце у возглавия гроба господня, и отъя часть ризы господня, принесенныя ис Персиды, и вложи в другой ковчег серебрян, и положи || тот ковчежец на гробе гос-

° Испр. по С; в ркп. Томилы.

° Испр.; в ркп. том.

°-° Доб. из С; в ркп. и.

подне в том теремке на поклоняние православным християном и на исцеление всяких недугов. Приходяще же православнии християне, елици различными недуги одержими, прикасаютца с верою и приемлют изцеление неоскудно и здрави отходят в дома своя, прославляюще господа.

И видя таковая преславная величия божия и неизреченная чюдеса бывающия изцеления от боготелесных ризы господа бога и Спаса нашего Исуса Христа, всея великия Россия первопрестолник, иже тогда правя ^ю кормила церковная и украшая ^а престол матере слова божия всечестнаго ея Успения, великий государь святитель Филарет Никитич патриарх Московский и повеле составити празнственую службу стихеры и канун и вся по чину церковному, на положение многоцелебных ризы господа нашего Исуса Христа, повеле празновати празник сий в царствующем граде Москве и по всем градовом Русийскаго государства месяца марта 27 день. ||

а. 211 И у нас в северной стране на край свету, идеже солнце нощию луча своего летом не таит, на студеном мори-окияне, в Соловецкой обители отец наш игумен Макарей повеле празновати празник сий в неделю по празнице Благовещения пресвятей богородицы или прежде празника в неделю, егда будет вместе, в постен же день — егда прилучитца, марта 27 день празновати ризе господне не повеле, разви разрешения великаго поста, понже де пост умыслися святыми апостолы и богоносными отци прежде, а сие празнество составися ^{II, а} после, ради преестественных великих чюдес бога Спаса нашего Исуса Христа, бывающих от многоцелебных ризы его. Снеди же братии на трапезе повеле в той день преставляти, якоже и в день воздвижения честнаго креста господня, и в неделю трет(ь)юю святого великаго поста, на поклонение честному кресту: рыбы же в той день иноком и белцом никакоже повеле, понже бо поется всекрестно. И по благословению и по повелению святейшего патриарха Филарета Никитича Московского || и митрополита Киприяна Новгородского празнуют празник сий — положение ризе господни — в Соловецкой обители и окрест Соловецкия обители в пределах студеного моря-окияна в неделю по празнице Благовещен(ь)я богородицы или в неделю прежде празника Благовещения егда будет вместе, на трапезе же простыя снеди тогда поставляются ивхарь, сиречь икра черная или красная, какова прилучитца, да три варения с маслом, *крамбия*,^б да лапша сочивная, да каша соковая, да квас от меду. Мирене же тако же удовляются земными плоды, благодаряще и воспоминающе пострадавшаго владыку Христа, искупившаго нас от работы вражия честною своею кровию, излиянною на кресте из пречистых его ребр и даровавшаго нам таковое безценное сокровище честную свою и боготелесную и многоцелебную^в ризу на исцеление недуг всяческих и на спасение душам нашим. Ему же слава, честь и держава и велелепие и поклоняние от всеа видимыя твари со безначальным его отцем и со пресвятым и благим и живогворящим духом ныне . . . безконечныя.^г

^{ю-я} Доб. по С.

^{II, а} Испр. по С; в ркп. оставися.

^б Испр. по С; в ркп. краменя.

^в В ркп. слова и многоцелебную написаны над строкой. ^г В ркп. последняя строка срезана; в С благим и живогворящим духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Н. С. ДЕМКОВА

Из истории ранней старообрядческой литературы

I. «ПИСАНЕЙЦЕ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА ФЕОДОРУ МИХАЙЛОВИЧУ РТИЩЕВУ (КОНЕЦ ИЮЛЯ—АВГУСТ 1664 г.)

Текст этот принадлежит к числу малоизвестных сочинений Аввакума; он дошел в единственном списке последней четверти XVII в. — в сборнике ГБЛ, ф. 247, № 667, лл. 417—421;¹ по этой рукописи был издан полностью в малодоступной теперь книге И. А. Кириллова,² но со многими ошибками. П. С. Смирнов предполагал опубликовать этот текст во II томе «Памятников истории старообрядчества»,³ однако издание тома осуществлено не было.

«Писанейце» Аввакума Ртищеву — одно из немногих дошедших до нас ранних сочинений Аввакума. Вернувшись из сибирской ссылки в Москву весной 1664 г., Аввакум начинает вести борьбу с никоновской реформой и властями: он пишет несколько челобитных царю, «записку» о жестокостях воеводы Афанасия Пашкова, послание Андрею Плещееву и «писанейце» Ф. М. Ртищеву. В начальной части текста «писанейца» содержатся точные хронологические указания: «Быша же сицева вопрошения от окольниковево к протопопу во 172-м году, июля в 27 день».

«Писанейце» Ртищеву посвящено вопросу, казалось бы, далекому от острых проблем религиозно-общественной борьбы — вопросу о «внешней мудрости», и тем не менее выступление против «мудрости» в тот период означало выступление против реформы Никона, так как реформа прово-

¹ «Писанейце» находится в отдельной тетради с сочинениями Аввакума в составе рукописи конца XVII в., в 4°, из 438 лл., писанной полууставом и скорописью; переплет — доски в коже, без застежек. На л. 2 об. миниатюра, выполненная пером, изображающая «царя великого»; заглавия отдельных статей — киноварью. Филлигранные тетради с сочинениями Аввакума: 1) голова шута с семью бубенцами и надписью «I. Bea[uf]ort» в вытянутой рамке (Клепиков, стр. 201, № 1105, 1669—1671 гг.; Тромонин, № 1282, 1676 г.); 2) герб Амстердама. Содержание рукописи: лл. 3—139 об. — статьи из «Великого миротворного круга», 1591 г.; лл. 143—180 об. — материалы собора 1660 г. о низложении Никона; лл. 183—316 — «отписки» Никона и послания архиереев царю Алексею Михайловичу «противо клятвы Никоновы» (1662—1663 гг.); лл. 316 об.—393 — челобитные и послания Ивана Неронова и послания, адресованные ему; лл. 394—413 об. — «молебное писание» Спиридона Потемкина; лл. 417—421 — «писанейце» Аввакума Ф. М. Ртищеву; лл. 422—428 — «первая» челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу (в редакции «б» из «Христианопасного щита веры» по классификации РИБ); лл. 430—437 об. — безымянное послание «наименьшего во архиереох» к «святейшему собору».

² И. А. Кириллов. Правда старой веры. М., 1916, стр. 257—266.

³ См.: Памятники истории старообрядчества, кн. I, вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. 39).

дилась под лозунгом исправления «премудрейшими учителями» ошибок невежественных писцов. Любопытно, что в этом «писанейце» нет ни одного слова против «никониан», не употребляется и сам этот термин, хотя к лету 1664 г. он уже существовал: Аввакум так называл сторонников Никона в «первой» челобитной царю Алексею Михайловичу, написанной весной 1664 г. Видимо, «академизм» тона Аввакума в данном случае объясняется тем, что он не хотел ссориться с Ф. М. Ртищевым, щадил его, надеясь на изменение его взглядов. Впоследствии Аввакум неоднократно будет вспоминать о спорах в доме Ф. М. Ртищева: «А к Феодору Ртищеву бранитца со отступниками ходил»; ⁴ «У Феодора Ртищева с ним (Симеоном Полоцким, — Н. Д.) от писания в полатке... щиталися».⁵

«Писанейце» Ф. М. Ртищеву представляет для нас интерес как специфический текст ранних сочинений Аввакума: в противоположность известному его письму 1653 г. Ивану Неронову и «первой» челобитной царю Алексею Михайловичу здесь полностью отсутствуют автобиографические подробности, воспоминания; убеждение инакомыслящего осуществляется за счет системы цитат, выписок из книг.

Видимо, исходя из этого общего принципа композиции данного текста, И. А. Кириллов считал, что заглавие и предисловие к тексту были «сделаны составителем или переписчиком сборника», а «собственно сочинение протопопа Аввакума начинается со слов „Не нарицайтесь учителя...“» (цитата из Евангелия от Матфея).

Однако у нас нет достаточных оснований для такого безоговорочного утверждения, и мы не можем считать заглавие и начало текста не принадлежащими Аввакуму. Известно, что существовал еще один список этих «выписок» Аввакума, он находился в одном из свитков XVII в. Синодальной библиотеки ⁶ и был издан Н. Субботиным в составе «Допросных речей» Саввы Семенова и Андрея Самойлова от 30 августа 1664 г., ⁷ где часть списка в свое время была удостоверена как текст, написанный протопопом Аввакумом (в конце столбца была подпись: «Андрюшка Самойлов сказа: „Се писмо писал протопоп Аввакум“».⁸ В этих выписках текст действительно начинается со слов: «Матфей, зач. 93. Не нарицайтесь учителя...», что, казалось бы, подтверждает предположение И. А. Кириллова. Однако выписки, изданные Н. Субботиным, представляют собой, по-видимому, черновые заготовки, первоначальный вариант текста, отправленного Ф. М. Ртищеву в качестве специального «писанейца»: здесь нет не только начала — обоснования цели составления этих выписок, но и конца — заключительных фраз, свойственных произведению эпистолярного жанра («... протопоп Аввакум с сими глаголы и коленом твоим касаюся. Писанейце же, государь, сие мне отдай, а пьяным философом не кажи... Мир ти о господе. Аминь»). Таким образом, у нас нет достаточных оснований считать начальный текст не принадлежащим Аввакуму. Так как Аввакум

⁴ См.: «Житие» Аввакума в редакции «А»: РИБ, т. 39, стлб. 49.

⁵ См. Житие Аввакума по Прянишниковскому списку в кн.: Житие протопопа Аввакума и другие сочинения, им написанные. М., 1960, стр. 332. Известно свидетельство Ивана Неронова в его челобитной царю Алексею Михайловичу от 6 декабря 1664 г. о спорах Аввакума «в дому окольничева Федора Михайловича Ртищева» (Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. I. М., 1874, стр. 199; далее: Материалы). Подробнее о спорах в доме Ф. М. Ртищева и их идеологической основе см.: А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, стр. 115; И. П. Козловский. Ф. М. Ртищев. Историко-библиографическое исследование. Киев, 1906, стр. 89—90.

⁶ ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1158 (в настоящее время утерян).

⁷ См.: Материалы, стр. 487—490.

⁸ Там же, стр. 485; ср. стр. 487.

сам производил обработку первоначальных выписок в «писанейце», то мог сам и предварить их текст подробным заглавием и предисловием.

П. И. Смирнов считал, что этот текст представляет лишь часть письма Аввакума к Ртищеву, но завершенность изложения, совпадение заглавия «писанейца» с заглавием сочинения Аввакума, отобранного у игумена Феоктиста в 1666 г.,⁹ и совпадение объема (4 листа в формате книги, писанной в 4-ку) позволяют видеть в этом тексте не отрывок, а полное «писанейце» Аввакума, созданное в пору его первых полемических опытов.¹⁰

Текст заново подготовлен к печати по рукописи по правилам ГОДРЛ; специально оговариваем, что выносные буквы вносятся в текст в случаях орфографической необходимости со знаками ь или ъ, выносная буква ж (в частице) передается как же; сокращенные написания слов на полях рукописи восполняются в скобках.¹¹

«Писанейце» Аввакума Феодору Михайловичу Ртищеву

⁹ Собрание от божественных писаний протопопа Аввакума Петрова, л. 417
вопросившу того от царьскаго сигклита околичему Феодору Михайловичу Ртищеву: «Достоит, рече, учиться риторике, диалектике и философии?». Быша же сиева вопрошения от околичево к протопопу во 172-м году июля в 27 день.⁴

Довольно убо беседа к тем от божественнаго писания от уст, протопоп Аввакум представлял тем богословию Христову, свидетельствуемую четырьмя вселенскими благовестники и евангелисты: Матвеом, Марком,

⁹ И. А. Кириллов предполагал, что «тетратка», отобранная у игумена Феоктиста, и есть настоящее сочинение. В «Росписи книг и писем», взятых при обыске у игумена Феоктиста на Вятке в январе 1666 г., значится под № 15: «Тетрадка, а в ней писано на четырех листах от божественного писания, собрание протопопа Аввакума» (см. «Роспись», изданную Н. Субботиным: Материалы, стр. 326).

¹⁰ Аргументы против «внешней мудрости» — выписки из сочинений отцов церкви — использовались Аввакумом и много лет спустя: в «Книге толкований», в особом разделе ее «Как нужно жить в вере» (завершение «Книги» датируется 1677 г.), читается очень близкий «писанейцу» текст: «Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе поживите, понеже ритор и философ ье может быти христианин. Григорий Ниский пишет и Златоуст тому же согласует, сие глаголя, яко ни на праг церковный ритор и философ достоин внити» (РИБ, т. 39, табл. 547).

¹¹ Автор глубоко признателен А. С. Демину за окончательную сверку текста «писанейца» по рукописи. В настоящее время И. М. Кудрявцев обнаружил подлинный сборник третьей четверти XVII в. (ГБЛ, ф. 17, № 883), текст которого скреплен подписями всех четверых пустозерских узников — Аввакума, Епифания, Федора и Лазаря. В составе сборника на лл. 247—250 об. находятся выписки Аввакума из книг, часть которых (№№ 16, 66—80) дословно совпадает с частью «писанейца» Аввакума Ф. М. Ртищеву (см.: И. М. Кудрявцев. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 33, М., 1972, стр. 148—212). Эта находка объясняет факт совпадения текстов ранних и поздних сочинений Аввакума, отмеченный выше, и открывает один из видов чтения Аввакума в Пустозерске — выписки, первоначально сделанные, возможно, и не им самим. Таким образом, при определении круга чтения Аввакума следует иметь в виду, что в некоторых случаях он мог быть знаком не со всей книгой в целом, а с выписками из нее. С точки зрения И. М. Кудрявцева, публикуемый нами текст — «наброски и выписки Аввакума, отредактированные и озаглавленные лицом, близко к нему стоящим» (стр. 159; там же см. подробный комментарий к тексту).

^{а-а} *Весь текст заглавия написан киноварью. Первоначально в рукописи после слов протопопа Аввакума стоял знак пропуска — крестик, теперь стертый; внизу листа сохранилась вставка, написанная киноварью: на внешних философ, молящих тому учиться риторике, диалектике и философии, во 172-м году. Последние слова, начиная с молящих... заключены в рамку (черными чернилами), по-видимому как повторение следующего далее (в заглавии) текста.*

Лукою, Иоанном Богословом. И яко не внешняя премудрость пользует церковь, но чистая вера и простота рыбацкая; не книжны бо суще, по писанию, умудришася, нашедшу духу святому и силу и благодать тем дашу, вселенную в веру привлекоша. Внешняя же || премудрость, рече, яко некая бещестная рабыня не оставлена бысть внити внутрь церкви, ниже вникнути во Христовы тайны. И верных христиан простота толико мудрейши суть еллинских мудрецов, елико же посредство Платону же и духу святому.

Предложив же и написана свидетельства от божественнаго писания сицева.

⁶ Не нарицайтесь учителя никто же на земли, един бо есть учитель ваш Христос.⁶ И паки: Аз вам дам уста и премудрость,⁶ ей же не возмогут противитися, ни отвещати вси противляющиися вам.

² И еще: Христос убо не учил диалектики, а ни красноречию, потому что ритор и философ не может быти христианин.

Григорий Нисский, епископ, любил диалектику и риторику; сего ради л. 418 об. брат его, Григорий || Нанзийский, поношая, писал к нему, глаголя: Почто возлюбил еси лутчи называти себе ритором, неже христианином? Воспомяни, откуду ниспал еси, и прочая.

⁴ Златоуст же Иоанн философ нарицает трипенежными псами. Нынешних же философов мы како наречем? Песыми сынами? И паки инъде пишет: Аще кто от христиан не истощит от своего помышления всяку премудрость внешнюю и всяку память еллинских философ, спастися не может.

⁶ Премудрость бо еллинская мати всем лукавым догматом.

Чюдно рещи, яко ко приятию учения Христова невежество ключаемо есть наипаче, нежели премудрость внешних философ.

Христианом открывает бог Христовы тайны духом святым, а не внешнею мудростию, та бо || яко рабыни бещестная не оставлена бысть внити внутрь церкви, ниже вникнути во Христовы тайны. ² Толико христиане мудрейши суть еллинских мудрецов, елико же посредство Платону и духу святому.

⁴ Преподобный же Ефрем Сирий рече: И кроме философии и риторики, и кроме грамматики мощно есть верну сущу препрети всех противящихся истинне. И по сему слову веры потреба ко спасению и ко прению противящихся, а не литорики и грамматики,⁴ и христианских добродетелей от чиста сердца, а не философскаго кичения.

⁴ Еже бо в распятого веровати, сие премудрости не требует, ниже умышленей, но веры.

Ныне же, аще кто не будет буй, сиречь аще не всяко умы || шление и всяку премудрость истощит и вере себя предасть, — не возможет спастися.

⁴ Внешняя премудрость сама себе низложи и ни во что же бысть потребна, прочее. Егда бо достояше ей показати своя си и дела, ведети владыку — не хотяше, сего ради аще и хошет ныне ввести себе — не может.

⁶ Ибо путь богоразумия много болши есть оного; сий сего ради веры и простоты потреба и сию всюду искати и от внешнего предпочитати пре-

⁶ На полях против этого текста: Мат(фей), зач(ало) 93 (все указания на полях на источники здесь и далее написаны киноварью). ⁶ На полях: Лука, зач(ало) 106. ² На полях: Бароний, рок 369-й. ⁶ На полях: Бесед(ы), лист 1803-й. ⁶ На полях: Бесед(ы), лист 543-й. ^ж На полях: Бесед(ы), лист 555-й. ⁶ На полях: Бесед(ы), лист 556-й. ⁴ На полях: В книг(е) его, лист 11. ^к Испр., в ркп. слово не дописано: граммати. ⁴ На полях: Бесед(ы), лист 543-й. ^ж На полях: Бесед(ы), лист 557-й. ⁴ На полях: Бесед(ы), лист 543-й. ⁶ На полях: лист 544-й.

мудрости; о буи бо рече бог: Премудрость что естъ, о буи? Бую показа сущую к веры постижения.

^п Нарочитейшаго философа вселенней проповедник Златоустый Иоанн — Сократа — свинью нарече: свинью, ^р рече, вош пияше, зане от вшей изъяден || зле, живот сконча. ^с И ругаяся, Златоуст рече: Яко же разбойник от судей, сице и той от вшей трепеташе и последнее осуждашеся; мудрость же сего, яко свиню от вшей, беды смертныя не изимаше. л. 419 об.

^т Платон же, иже жительство некое ново поставити хотяй, наипаче же часть жительства, и не закона божия преложив, но просто деяние, введиная вместо иных, и беду приемляше: от сикелий извержен быв, умрети. Елма же сие не бысть, свободы отпаде самыя и зле исчезе.

^у Тако и Протагор философ, и Диагор Миасийский, и Феодор, глаголемый безбожный, новосечения ради. ^ф Толику беду подъяша философи и мудрии мужи, живота и отечества отпадоша.

Внимати подобает гонящим философию, диале || ктику и риторику, л. 420 каков конец ваши учителя прияша: и ни в веце сем славу приобретаюша, и память бо сих оскверняет воздух. Рыбари же к богоразумию вселенную уловыше, по бозе быша бози и по господе господския, и свет миру всему показашася, и память их во веки пребывает, удивляема бо суть аггелы и человеки.

Многия отцы и матери драгою ценою купят детям своим вечную погубель, живота вечнаго даром взяти не хотят, глаголет мудрец. К сему прочти Исуса Сирахова главу первонадесятую и познаеш, како тя превратит иноземец во всех путех твоих и сотворит тя быти посмеянна всему миру.

^з И яко же от искры воспалется огонь велик, тако и лукавый человек || воздвизает многое кровопролитие и многих погубляет. л. 420 об.

А на первом вселенском соборе некоему философу дякон велел умолкнути, и философ онемел, и ничто же когда могл глаголати. Главу я пропамятовал, протопоп. Мощно разуметь от Спиридона епископа Тримифийскаго, како кроме философии препре еретик и верных сотвори, толика сила веры и простоты, паче же, реку, божия премудрость, нежели философии и риторики з диалектиком — внешния премудрости.

Свет мой, Феодор Михайлович, и я тебе вещаю, яко и Григорий Нисский брату его: возлюби зватися христианином, якоже и естъ, нежели литором слыть и чужю Христа быть. Мудрость бо плотская, кормилец мой, и иже на нея || уповаша, а не на святаго духа во время брани, якоже и л. 421 пишет, закону бо божию не повинуется, ни может бо, а коли не повинуется, и Христос не обитает ту. Лутче тебе быть с сею простотою, да почитет в тебе Христос, нежели от риторства аггелом слыть без Христа.

Простота, государь, о Христе с любюю созидает, а разум от риторства кичит. Попросим мы ^и с тобою от Христа, бога нашего, истиннаго разума, како бы спастися, ^к да наставит нас дух святыи на всяку истинну, а не риторику з диалектиком.

Протопоп Аввакум с сими глаголы и коленом твоим касаюся.

Писанейце же, государь, сие мне отдай, а пьяным философом не кажи, понеже плотская мудръствуют и тебя обманывают, и не приемлют духовная.

Мир ти о господе. Аминь. ||

(ГБЛ, ф. 247, № 667, лл. 417—421).

^п На полях: Бесед(ы), лист 547-й. ^р Испр., в ркп. свинюю. ^с На полях: лист той же. ^т На полях: Бесед(ы), лист 549-й. ^у На полях: И лист 540-й.

^ф Испр., в ркп. реди. ^з На полях: Сирах, глав(а) 11. ^и Испр., в ркп. мь.

^к Испр., в ркп. стасться.

II. ОТРЫВОК ИЗ НЕИЗВЕСТНОГО СОЧИНЕНИЯ АВВАКУМА ОБ АНТИХРИСТЕ

В рукописи № 259 из собрания Е. В. Барсова (ГБЛ, ф. 17) на л. 58—58 об. находится небольшой фрагмент текста, надписанный именем протопопа Аввакума («Выписано из книги Аввакума протопопа»).¹²

Стиль и содержание фрагмента убеждают в достоверности заглавия: это несомненно отрывок из неизвестного нам сочинения Аввакума, посвященный толкованию текста Апокалипсиса (главы XVII—XVIII) в плане старообрядческих представлений о распространении «ложного учения» антихриста (антихрист в данном контексте — «змий»).

Продолжая публикацию неизданных фрагментов из сочинений Аввакума,¹³ предлагаем этот текст вниманию исследователей.

«Отрывок из неизвестного сочинения Аввакума об антихристе»

л. 58

«Выписано из книги Аввакума протопопа»^а

Не^б дивися тому, что таковым падением падоша с^о прелюбодейцею римскую и соединилися со дьяволом седмоглавным. За что ему их воевать, своих сущих? Нас же, христиан, сопротивляющихся истекшей его воде, которая из седмой его главе вытекла,¹ за женою, парившею в пустыню, и зело ратует различными козньми,⁴ яко не прием его воды, сиречь не приемлем ложного учения, понеже имамы кождо из^е нас два крила, сиречь Новаго и Ветхаго закона книги. И сими чувственный^ж христианин от воды змиевы да улетает и не потоплен бывает. || Не имей же сих крыл, сиречь не ученый книгам, сии да имеют два крила: си есть смирение и послушание и прочие добродетели законьнии, сими да улетает же змиевы воды.

(ГБЛ, ф. 17, № 259, л. 58—58 об.).

III. О СТАРЦЕ ЕПИФАНИИ ПЕЛШЕМСКОМ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЕ АВВАКУМА, ТЕЗКЕ СОЛОВЕЦКОГО ИНОКА ЕПИФАНИЯ

В XVI томе ТОДРА мной был опубликован фрагмент письма неизвестного лица из заточения, датированный 1685 г.¹⁴ В письме, обращенном к «отцам и братии», неизвестный автор сообщал о своем заключении в темницу, где он и сидит «доньне», «по вся дни... смерти ожидая себе», подробно рассказывал о допросе в приказной избе, о том, как уговаривал его устюжский архиепископ Александр, плывший в то время «с Москвы» («крест перемени по-нашему, как власти изволили ныне»), о пытках, вынесенных его товарищем Исайей Титовым, и о слабости духа Исайи, ко-

¹² Рукопись (341 лл.) представляет собой конволют, в 4°, состоящий из нескольких рукописей XIX в., писанных полууставом и плохой скорописью. По содержанию это сборник выписок из различных книг: из Пчелы, Стефанита и Ихнилата, Великого Зеркала, Пролога, из старообрядческих сочинений об антихристе (лл. 58—64) и др. Кроме того, в сборнике имеются две толковые азбуки (об Адаме и «Азбука покаянная» — лл. 208 об.—212) и «Прение живота и смерти» (лл. 66—73). Бумага тетрадки с выпиской из неизвестного сочинения Аввакума имеет штампель второй половины XIX в. (двуглавый орел в овале).

¹³ См.: Н. С. Демкова. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума. — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 211—239.

¹⁴ Н. С. Сарафанова. Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.). — ТОДРА, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 481—483.

^а Заголовок написан киноварью. ^б Написано киноварью. ^в Испр., в ркп. нет. ^г Далее, по-видимому, пропуск в тексте. ^д Испр., в ркп. козъми. ^е Испр., в ркп. нет. ^ж Испр., в ркп. чувственны.

торый «повинился» перед властями, но напрасно: «лише бедного объманили, а и не выпустили на свободу». Письмо насыщено конкретными реалиями быта; четкий, не усложненный синтаксис, а также внимание автора к описанию собственных чувств и переживаний напоминают о «Житии» известного инока Епифания, духовного отца Аввакума. Факты, сообщаемые в письме, и косвенные соображения позволили определить место, где происходят описываемые события, — это г. Тотьма, и датировать письмо 1685 г.

В недавно изданной статье В. И. Малышева (в приложении II) на основании документальных данных — «дела» XVII в., хранящегося в ЦГАДА (ф. 159, оп. 1, № 2225),¹⁵ — сообщаются любопытные сведения об одном из последователей Аввакума — иноке Епифании, личность которого может быть отождествлена с личностью автора письма, опубликованного в ТОДРА.

Епифаний, житель лесного скита в Тотемском уезде (Пелшемский волок), был схвачен в 1688 г. вместе с товарищем Исачкой Дружининым и доставлен в тотемскую приказную избу. Общественное положение автора (иннок-старообрядец), место действия (г. Тотьма), имя товарища («Исайя» — «Исачко») и обстоятельства заключения (описания допросов, факт отречения Исайи-Исачки от старообрядчества и др.) — все говорит о том, что автор упоминавшегося выше письма и Епифаний Пелшемский — одно лицо. Противоречит этому только дата письма, предложенная мной, — 1685 г. Основанием для датировки письма этим годом было сближение двух обстоятельств — авторского упоминания о проезде «с Москвы» архиепископа устюжского Александра (хиротонисан 8 февраля 1685 г., умер в 1699 г.) и исторических известий о двух поездках Александра в Москву в 1685 г. Теперь эту датировку следует признать недостаточно строгой (возможно, что Александр Устюжский еще не один раз ездил в Москву после 1685 г., хотя указаний на это и не было обнаружено в исторических источниках) и датировать текст зимой 1688—1689 г.

Несовпадение наименований Исайи — «Титов» в письме и «Дружинин» в «деле» — не может быть использовано как аргумент contra, так как вполне допустимо, что «Титов» — это наименование Исайи по отцу (письмо обращено к людям, знающим Исайю), а в «деле» называется родовая фамилия Исайи («Дружинин»).

Отождествление личности автора письма из заточения и Епифания из Пелшемского скита — весьма любопытный факт истории литературы начального периода старообрядчества. Сопоставление данных исторического документа с письмом Епифания позволяет охарактеризовать его как деятельного и убежденного сторонника «старой веры», тесно связанного с Аввакумом, Соловецким монастырем, старцем Досифеем (в его мешке, отнятом при обыске, бережно хранились просвиры протоппа Аввакума, Соловецкого монастыря, старца Досифея), как книжника, создавшего и хранившего скитский архив, видимо, переписчика некоторых из рукописей и, наконец, как самостоятельного автора, пишущего в той самой традиции «русского природного языка», которую оправдывал и на которую ориентировал своих читателей Аввакум.

Отождествление личности автора письма из заточения с личностью Епифания Пелшемского позволяет атрибутировать еще один текст — текст «загадочного» письма Епифания-«пустынника» некой «Антониде Афанасьевне», который был опубликован А. К. Бороздиным как письмо известного соловецкого инока Епифания, пустозерского союзника и друга

¹⁵ В. И. Малышев. О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протоппа Аввакума. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, стр. 117—118. Текст документа, подготовленный к публикации, был любезно предоставлен автору статьи В. И. Малышевым.

Аввакума.¹⁶ Атрибуция А. К. Бороздина была поддержана В. Г. Дружининим, который включил этот текст в число сочинений инока Епифания.¹⁷ Последующие исследователи творчества Епифания (С. А. Зеньковский и А. Н. Робинсон) обходили этот текст стороной, даже не упоминая его и как бы молчаливо сомневаясь в его принадлежности духовному отцу Аввакума.

Письмо старца Епифания, «пустынника», Антониде Афанасьевне известно в единственном списке конца XVII в. и находится в той же самой рукописи ГПБ, Q.XVII.37, что и письмо Епифания Пелшемского «отцам и братии» из заточения; более того, оно непосредственно примыкает к нему: письмо «отцам и братии» кончается на л. 36, а на л. 36 об. начинается письмо Антониде Афанасьевне, озаглавленное как «Послание 2». Таким образом, несомненно, что в своеобразной по составу текстов рукописи О.XVII.37 сохранился цикл писем Епифания Пелшемского. Возможно, что перу этого Епифания принадлежит и третий текст из той же рукописи — «Прение верного инока с отступником»,¹⁸ оригинальное старообрядческое сочинение 1670-х годов, следующее непосредственно за его письмами (все три текста написаны одним почерком).

Ниже печатается текст письма Епифания Пелшемского.

л. 36. об.

|| Послание 2. Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Аминь.

Юзник о господе, многогрешный старец Епифаний, пустынный, горемыка бедной, заключен в темнице сежу от иудей, паче же от жидов новых, никониян-еретиков, посажен бысть за слово божие, и за свидетельство Иисусово, и за честный и животворящий крест его, и за молитву Иисусову, и за старопечатные «книги святых»,^a в темнице сежу, мучюся и терплю всяку скорбь, бога моля, и по премногу челом бью и благословение посылаю госпоже моей матушке Антониде Афанасьевне да Ирине сестрице Арефьевне и з братцами ея, и всему их богодарованному дому, малу и велику, верным о Христе всем православным христианом благословение и поклон от меня, грешнаго старца, до лица земнаго. Здраво ли вы, светы мой приятели, живете и как вас Христос бог милует? А про меня, грешнаго,^b изволите вспомянуть^c в молитвах к богу свету и к богородице о мне, грешнем. И я, грешник, еще жив телесно, мучюся, сежу по-старому в рову неведения, паче же в печи вавилонской горю с отроки святые, и о вас воспоминание имея^d в молитвах моих пред богом, да утвердит вас в вере своей до конца неповинным пребыти и не осужденным быти в день он страшный пред славою его великою. Тако же и вы, мои светы, воспоминание имейте в молитвах святых своих к богу и к богородице-свету, и о мне, грешнике бедном, да укрепит бог ваших ради молитв во исповедании православныя веры даже до смерти стояти и противитися врагам никониянам за церков его || ...

(ГПБ, О.XVII. 37, л. 36 об.).

¹⁶ А. К. Бороздин. Источники первоначальной истории раскола. XX. Послание инока Епифания к Антониде Афанасьевне. — Христианское чтение, 1889, № 1, стр. 240.

¹⁷ См.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 169.

¹⁸ См.: Н. С. Сарафанова. Прение верного инока с отступником (из истории старообрядческой литературы XVII в.). — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 281—289.

^a Над этими словами поставлен знак перестановки: святых книги. ^b Над строкой тем же почерком исправлено окончание: ика (т. е. грешника). ^c Над строкой надписана буква и (вспомянути). ^d Над строкой над конечной буквой я надписана ю.

М. А. АЛПАТОВ

В чем прав и в чем неправ Гюнтер Штёкль?

Проблемы древнерусской истории и историографии привлекали внимание западных исследователей как в дореволюционное время, так и сейчас. Много делается в этом отношении в Германской Демократической Республике. Особое место здесь занимает проблема отношений между Русью и Германией. Достаточно вспомнить исследования Б. Видеры, охватывающие широкий круг вопросов, касающихся отношений между Киевской Русью, Германией, варягами и Византией. Плодотворная работа этого марксиста — крупный вклад в разработку как истории этой части Европы, так и истории исторической мысли.

Из исследований историков Федеративной Республики Германии по древнерусской историографии обращает на себя внимание небольшой по объему, но очень важный историографический труд Гюнтера Штёкля «Изображение западных стран в древнерусских летописях».¹ Работа эта представляет доклад на заседании ученого общества «Северный Рейн — Вестфалия»; вместе с докладом напечатано и краткое изложение дискуссии по докладу. Поэтому речь идет о взглядах целой группы западногерманских историков; их высказывания помогают составить представление о состоянии интересующей нас проблемы в ФРГ. Гюнтер Штёкль — крупный знаток древнерусских источников и русской литературы по средневековому периоду. В ряде случаев он принимает выводы советских ученых (Б. Д. Грекова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина, Я. С. Лурье и др.). Выяснить, что знают летописцы о Западе и как они к нему относятся, — такова цель данного доклада Гюнтера Штёкля.

Докладчик далек от мысли изображать древнюю Русь отгороженной китайской стеной от Запада. Отношения с Западной Европой, главным образом с Империей и папством, существовали не только во времена Киевской Руси, они существовали и в период феодальной раздробленности. Галицко-Волынское княжество было связано с Венгрией и Австрией, Новгород — с Ганзой. Как показали берестяные грамоты, для широких слоев новгородцев отношения с немцами были уже повседневной реальностью. Владимиро-Суздальская Русь, правда, из-за своей отдаленности от Запада не имела прямой связи с ним, и это поначалу сказалось и на Москве. Здесь мы не видим ни Золотых ворот на польский манер, как это было в Киеве, ни Немецких ворот, как в Галиче, ни Подворья св. Петра — резиденции немецких купцов, как в Новгороде.

Но скоро Москва сыграла новую роль в отношениях Русского государства с Западной Европой. Со второй половины XV в. русские связи

---

¹ Günther Stöckl. Das Bild des Abendlandes in den altrussischen Chroniken. Köln, 1965.

с Западом стали возрастать, а это сказалось и на русском летописании. Историческая мысль выступает союзником во внешней политике крепнущей Московской Руси, что особенно видно с тех пор, как появляется Посольский приказ. Раздвигается кругозор летописцев. Они теперь интересуются не только соседними, но и весьма отдаленными государствами. В стране начинает накапливаться дипломатическая документация, ибо теперь дипломатическое ведомство должно иметь налаженное делопроизводство. В терминологии летописцев наблюдается большая точность, чем раньше. Летописец со знанием дела определяет страну, чин и должность прибывшего в Москву иностранца, тем более если это посол. Он уже не называет любую западную территорию «немецкой землей», главу Ливонского ордена именуется уже не «местер», а «магистр», неопределенный термин «фряжские земли» заменяет более точным «итальянские земли», и только термин «немцы» еще ждет своего уточнения. Русские летописцы начинают вести происхождение московской власти не только из византийского, но и из римского корня. Такова связь исторической мысли с тогдашней действительностью.

Но автора интересует прежде всего аспект историографический.

Гюнтер Штёкль коснулся чрезвычайно важного вопроса, о котором размышляли как дореволюционные русские историки,² так и историки советские.³ Речь идет о скудости западного материала в «Повести временных лет». Явление это выражается в двух формах. Во-первых, имеются факты из области отношений между Киевской Русью и Германией, о которых летопись умалчивает и о которых известно только из западных источников. Например, летописцы молчат об обращении княгини Ольги к Оттону I с просьбой о присылке духовенства. В летописи не говорится о Генрихе IV, который в 1075 г. посылал миссию в Киев, хотя о самой миссии и сказано; к тому же Генрих IV не мог быть неизвестен летописцам, поскольку за ним была замужем русская княжна Евпраксия, затем снова вернувшаяся в Киев. Ничего из летописи не узнаем о Конраде III, который поддерживал Юрия Долгорукова в борьбе против Изяслава. Нет ни слова о Фридрихе Барбароссе, посылавшем Андрею Боголюбскому мастеров для строительства великокняжеской резиденции во Владимире.

Во-вторых, даже те факты, о которых говорится в «Повести», даны слишком глухо. Летопись не называет ни одной столицы не только отдаленных, но даже соседних государств; из летописи нельзя получить конкретного представления о тех или иных зарубежных правителях. Не один раз говорится о «немцах из Рима», которые приходили на Русь, но кто они, остается неизвестным. Так, мы не знаем, кто были «немцы из Рима», предлагавшие Владимиру свою веру; точно так же неизвестно, в какой стране посланцы Владимира наблюдали западное богослужение, в котором они «красоты не видали никакой». Знакомство летописцев с Западом ограничивалось лишь теми сведениями, какие они могли почерпнуть от приезжавших с Запада посланцев, их осведомленность не выходила за пределы книжных представлений.

В чем причина такого явления? Гюнтер Штёкль вслед за другими исследователями, как нашими, так и зарубежными, называет религию. И это совершенно правильно. Разделение церквей и борьба католичества и православия, как известно, наложили заметную печать на летописание, нахо-

² М. Д. Приселков. Очерки церковно-политической жизни Киевской Руси. СПб., 1913.

³ М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI веке. — ЛЗАК, вып. 1 (34), 1927, стр. 3—26.

дившееся в руках монахов. Нет ничего невероятного в том, что русские летописцы-чернецы изрядно поуменьшили в летописях известия о «папском» Западе, а материал, уделевший в летописи, получил антизападный колорит.

Знакомство Гюнтера Штёкля с русскими средневековыми источниками сказалоcь и на предложенной им периодизации. Автор намечает следующие этапы, через которые прошло формирование взглядов русских летописцев на Западную Европу: Киевская Русь, время Александра Невского, время Флорентийского собора и, наконец, Московская Русь. С этим нельзя не согласиться, потому что в исторической действительности именно эти хронологические рубежи были главными вехами в знакомстве русских книжников со странами Западной Европы.

* * *

Исследование Гюнтера Штёкля — это результат большого труда серьезного ученого, крупного знатока предмета. Остается, однако, пожалуй, что этому исследованию присущ важный методологический изъян. Всякое как историческое, так и историографическое явление, как известно, представляет результат многих, хотя и неодинаковых по своей значимости причин. Историку приходится с этим считаться, выяснять место различных причин в формировании — в данном случае историографических — фактов. Однобокий подход, игнорирование многосторонности историографических фактов неизбежно ведет к их искаженному изображению.

Гюнтер Штёкль порой односторонен, иногда явно переоценивает конфессиональную сторону дела. И это далеко не случайно, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что в дискуссии по докладу конфессиональные вопросы заняли незаслуженно большое место. Это относится не только к выступлению доктора теологии Йозефа Пинера, но и многих других участников дискуссии.

Возьмем летописание времен Киевской Руси. Конечно, нельзя возразить против того, что причину малой осведомленности летописцев в делах на Западе Гюнтер Штёкль видит во влиянии православной церкви. Но разве конфессиональная причина была единственной? Разве не сказывалась здесь также неразвитость международного общения в средние века? Нужно ли доказывать, что рассказы летописцев об отношениях Руси с теми или иными странами являются отражением реально существовавших явлений. Почему в «Повести временных лет» сообщений об отношениях с Империей и папством гораздо больше, чем об отношениях с Англией и Францией? Да потому, что так было в живой действительности. Поездки на Русь Регина Прюмского и Бруно Кверфуртского, как и показания Титмара Мерзебургского, связаны с «натиском на Восток»; интерес к Руси со стороны папства был связан с тем же «натиском», ибо немецкое католическое духовенство было в тесном союзе с немецкими феодалами в их захвате земель, лежавших на пути на Восток. Не случайно, что и Регинон, и Бруно, и Титмар — все они духовные лица. В то же время летописная информация о русско-германских отношениях (даже если собрать все немецкие сообщения) оказывается значительно меньше по объему информации об отношениях Руси и Польши. Причина этого очень простая: польско-русские отношения в действительности были более развитыми, чем отношения русско-германские. И это несмотря на то, что в Польше победило католичество. Никакие киевские летописцы не смогли стереть следы весьма драматических отношений между Киевской Русью и Пястовской Польшей. Значит, на летописных сообщениях о русско-немецких связях сказывалась

не только позиция киевских православных монахов, но и состояние самих этих связей.

Мы придем к тем же результатам, если взглянем на дело с обратной стороны. Гюнтер Штёкль убежден в превосходстве немецких сообщений о Руси над русскими известиями о Германии. Летописцы не дают индивидуальных характеристик немецким князьям, а вот на основании данных Бруно Кверфуртского и Титмара Мерзебургского современному исследователю Манфреду Хелльманну⁴ удалось составить характеристику Владимиру Святославичу больше других киевских князей повезло в немецких хрониках. Но можно спросить: много ли в тогдашней немецкой хронографии сообщений о Киевской Руси? Кроме известий Бруно Кверфуртского и Титмара Мерзебургского, а также более ранних сообщений Регинона Прюмского, не только в немецкой, но и во всей западной хронографии того времени почти нет упоминаний о Киевской Руси. Правда, все упомянутые авторы оставили нам весьма достоверные показания. Регинон и Бруно писали по личным наблюдениям, Титмар Мерзебургский — на основании расспросов своих земляков-саксонцев, побывавших в Киеве вместе с войсками Болеслава Храброго. Более поздние рассказы о Руси Петра Дамиани и интерполятора Хроники Адемара Шабанского были несомненным шагом назад, ибо полны фантастических измышлений, отражающих тенденции папства, переживавшего во времена Григория VII свой подъем и развивавшего тезис об изначальном крещении Руси католическими миссионерами.

Но помимо скудости данных о Руси в тогдашних немецких хрониках есть и другая сторона: все эти сведения сообщаются лишь попутно. О Руси речь идет не потому, что отношения между Киевской Русью и Германией были очень развиты, а потому, что немецкие миссионеры по пути на Восток натолкнулись на Русь. В самом деле. Деятельность Бруно Кверфуртского и Титмара Мерзебургского (конец X—начало XI в.) была характерной для периода «натиска». Бруно и Титмар были не только родственниками, но и товарищами по монастырской школе в Магдебурге, являвшемся центром епископств, созданных в захваченных славянских землях. Двое юношей-аристократов увлеклись модной тогда в немецких феодальных и церковных кругах идеей проповедовать христианство среди язычников-славян. Титмар затем был участником немецких походов против поляков, но известность приобрел как епископ Мерзебургский, занимавшийся распространением католичества на завоеванных территориях. Между германским императором и польским королем Болеславом Храбрым шли длительные войны, закончившиеся Будишинским миром 1018 г. Генрих II стремился сломить сопротивление Польши натиску германских феодалов и направить польских феодалов на Восток. Болеслав Храбрый совершает в 1013 г. поход против Владимира Святославича и в 1018 г. против Ярослава. В походе против Руси участвовал и саксонский отряд; рассказы саксонцев, как уже говорилось, и послужили источником для сведений Титмара о Киевской Руси. Русь его интересует не сама по себе, а как попутный эпизод в истории германского «натиска», как эпизод, в котором участвовали его земляки.

Бруно Кверфуртский, 27-летний епископ, которого выпроводил из Венгрии король Стефан, не желавший очутиться в подчинении германскому императору, отправился к печенегам, а путь к ним лежал через Киев;

⁴ V. Hellmann, Vladimir der Heilige in der zeitgenössischen abendländischen Überlieferung. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 7, H. 4, 1959, SS. 397—412.

здесь он и встретился с князем Владимиром (1007 г.). И в этом случае немецкий епископ ехал вовсе не на Русь, не она была целью его путешествия, не с ней были связаны его интересы. Он не сообщает даже имени князя Владимира, ни слова не говорит и о таком событии, как крещение Руси; для него все решалось тем, что Русь была уже христианской страной. Что касается Титмара, то ему саксонцы рассказали, что Русь получила христианство из Византии, но изрядно напугали, приняв жену Владимира гречанку Анну за княгиню Ольгу.⁵

Иначе говоря, русский материал в немецких хрониках столь же небогат, как небогат немецкий материал в русской летописи, а главная причина этого — неразвитость самих связей между Киевской Русью и Германией. Следует заметить, что весь материал о русско-германских отношениях связан с теми моментами, когда государства разрывали тогдашнюю изолированность, выходили на международную арену. Такой момент наступил, когда княгиня Ольга обратилась к Оттону I с просьбой о присылке духовенства, но вслед за этим последовала языческая реакция на Руси и не всем членам оттоновской миссии удалось уйти живыми с киевской земли. На времена Владимира и Ярослава приходится ранний, чрезвычайно активный период в «натиске» германских феодалов на Восток; это продвижение по маршруту «натиска» своим правым флангом отдаленно коснулось и Киевской Руси — в виде мирного приезда Бруно Кверфуртского и в виде военного вторжения саксонского отряда с войсками Болеслава Храброго. Время Владимира и Ярослава, как известно, было периодом наивысшего взлета Киевской Руси, в том числе и в международном аспекте. Русь вышла на европейскую арену, причем масштабы ее международного значения в это время переросли рамки русско-германских отношений; Киевская Русь завязала связи не только с «окольными» государствами, но также с Францией, отчасти с Англией и со Скандинавией. С наступлением феодальной раздробленности эти достижения были утеряны.

* * *

Обратимся ко времени Александра Невского. Автор прав, когда говорит, что канонизация Александра Невского — дело политическое; причина, которая сделала знаменитого князя святым, это его победы над шведами на Неве (1240 г.) и над ливонскими рыцарями на льду Чудского озера (1242 г.). Но Гюнтер Штёкль глубоко неправ, когда пытается иронизировать над бесспорными фактами. Эти факты состоят в том, что нападения шведов и Ливонского ордена на Россию последовали непосредственно вслед за вторжением на русскую землю татарских завоевателей. Это, говорит Гюнтер Штёкль, и в дореволюционной русской историографии, и у советских историков изображается-де как заговор реакционных сил папства и Империи против России, как удар ножом в спину. Автор считает, что оснований для этого нет — в русских источниках и даже в Житии Александра Невского тогдашняя ситуация так не оценивается, события объясняются божьим попустительством, а в Никоновской летописи — ис-

⁵ Сведения о Руси носят случайный характер и у других авторов. Лиутпранд Кременский говорит о киевском князе Игоре в связи со своим путешествием в Константинополь. Адам Бременский дает некоторые сведения об общественном строе древней Руси в рассказе о прибалтийских славянах. Ламберт Герсфельдский сообщает о борьбе между сыновьями Ярослава, излагая историю Германии. Оттон Бамбергский упоминает о событиях на Руси потому, что в этом была необходимость в повествовании о христианизации прибалтийских славян. Гельмольд приводит данные о Руси в своей хронике о западных славянах, используя «Деяния гамбургских архиепископов» Адама Бременского. Все эти авторы пользовались сведениями из вторых рук.

точнике более позднем — говорится только о шведах, которые, улучив момент, когда было «Батыево пленение на Руси... надеяшаяся оставшую Русь поглотити». Иначе говоря, на крайний случай автор готов принять точку зрения советских историков лишь в применении к шведам, но только не относительно Ливонского ордена и папства.

А между тем правы именно советские историки. Речь идет не о каком-то заговоре, речь идет о традиционной политике Ордена и папства по отношению к России. Под Псков и Новгород ливонских рыцарей привела дорога протяженностью более двух веков. Все, что лежало на их пути, было завоевано мечом и крестом. Крестоносные отряды вышли теперь на рубежи русских земель. Та же Никоновская летопись сообщает, что битве на Чудском озере предшествовала борьба за Копорье и Псков. О прямом захвате русских земель говорит тот факт, что рыцари «приидоша на Псков... и наместников своих посадиша на Пскове».⁶

И разве случайно, что нашествие немецких крестоносных отрядов на Русь хронологически совпало и со шведским нашествием, и с татарским завоеванием? Совершенно очевидно, что для Швеции и Ордена сложилась благоприятная ситуация: пользуясь тяжелым положением Русского государства, попавшего под удар монголо-татар, шведы и Орден пытались захватить русские территории, уцелевшие после татар. И если средневековому западному хронисту и русскому летописцу это могло казаться результатом «божьего соизволения», то современному историку такое объяснение никак не может казаться убедительным. Уже авторы Никоновского свода не сомневались, что шведы, пользуясь нашествием татар, пытались овладеть остатками русских земель.

В этом свете и выступает огромная роль побед Александра Невского: в тяжелое время, когда волна монголо-татар захлестнула Русь, этот полководец отстоял остатки Русского государства от западных завоевателей. Гюнтер Штёкль выражает недовольство тем, что фигура Александра Невского получила в русской историографии несколько антизападную трактовку. Однако при оценке деятельности этого князя надо принимать в расчет все три слагаемых: Россию, монголо-татар и Западную Европу. В частности, русская демократическая историография XIX в. не раз интересовалась историческим значением борьбы России с монголо-татарским игом. Декабристы Никита Муравьев и Михаил Лунин указывали на то обстоятельство, что русский народ загородил собой Западную Европу от монголо-татарского вторжения. Силы народа, необходимые для борьбы за исторический прогресс, были поглощены борьбой с татарами. А. С. Пушкин писал, что необозримые равнины России «поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующее просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».⁷ В этом же плане писал А. И. Герцен; такого же мнения был Н. Г. Чернышевский, указывавший, что русские по отношению к Западу были «спасителями от ига монголов, которое сдерживали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы...».⁸ Нападение Швеции и Ордена на новгородские и псковские земли было ответом «благодарной Европы» на исторический подвиг России. Стоит ли в этом случае обижаться, что Александр Невский рисуется русским фигурой антизападной. Противники, с которыми ему пришлось сражаться, приходили не с Востока.

⁶ ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 125.

⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949, стр. 268.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XIV. М., 1949, стр. 48.

А папство? Можно ли его отделять от «натиска на Восток»? Ответ может быть только отрицательным. Между западными государями и папами бывали всякого рода разногласия, бывала острая борьба, бывали периоды усиления и ослабления папской власти, бывали времена, когда папы выступали простыми марионетками в руках императора или какого-либо короля, впоследствии имело место знаменитое «Авиньонское пленение пап», и т. д. Но что касается «натиска на Восток», то в этих *partibus infidelium* между мечом и крестом всегда царило единодушие, рыцари и миссионеры шли рука об руку и сам поход крестоносного войска совершался под эгидой церкви, именем божьим. Тот же Иннокентий IV, который в то время занимал папский престол, был всего лишь типичным папой своего времени. Находясь в смертельной вражде с германским императором Фридрихом II, враг Гогенштауфенов и Империи вообще, он в то же время всеми средствами поддерживал Тевтонский орден, закреплял за ним захваченные земли, насаждал католическую иерархию в Пруссии и на славянских территориях. При помощи унии он стремился подчинить себе православную церковь, пытался столкнуть Александра Невского и монголо-татар, побуждая каждую сторону к выступлению. Цель состояла в том, чтобы создать благоприятную обстановку для захвата Орденом чужих земель. Острейшая борьба между папой и императором не помешала папе и Ордену быть верными союзниками. Можно ли при всем этом утверждать, как это делает автор, что подобная ситуация вовсе не похожа на заговор папства и Ордена против России?

* * *

Следующий подъем интереса русских книжников к Западу связан с Флорентийским собором. Гюнтер Штёкль приходит к двум выводам относительно поведения русской стороны на этом соборе. Во-первых, русская делегация не играла никакой роли в том ожесточенном диспуте, который развернулся на соборе вокруг догматов католической и православной церкви. Во-вторых, русские обнаружили совершенно фанатическое упрямство в деле объединения церквей, решительно не приняли унию, несмотря на то что в принятии унии и заключался самый смысл решения Флорентийского собора.

Что касается первого вывода, то тут Гюнтер Штёкль прав; для такого вывода есть все основания в русских источниках. Путевые записки Неизвестного суздальца, автором которых было светское лицо — скорее всего, какой-нибудь суздальский дьяк, ничего не говорят о догматической стороне дела. Если обратиться к основному русскому источнику — Повести Симеона суздальского, — то едва ли можно усомниться в том, что богословская подготовка русской духовной делегации оказалась совершенно недостаточной по сравнению с подготовкой константинопольского и римского духовенства. Судя по всему, русские делегаты не знали не только латинского, но и греческого языка, знать который они были обязаны, и поэтому весь спор между сторонами прошел мимо них. В Повести Симеона мы не найдем ни строчки даже о пресловутом «*filioque*», занимавшем огромное место в дискуссии. Оратор византийской стороны Марк Эфесский произносит у Симеона суздальского одну и ту же речь, содержащую лишь некоторые, и притом элементарные, положения православия. Видимо, дальше этого богословская премудрость Симеона не шла. В рассказе о фактическом ходе собора в Повести содержится немало фантастического. И по охвату материала, и по богословской осведомленности труд Симеона стоит несомненно ниже и известного труда византийского участника собора

Сильвестра Сиропула, и византийского латинофильствующего труда «Acta consilii Florentini», не говоря уже об основном католическом документе — протоколах Ферраро-Флорентийского собора, вошедших в знаменитый корпус Манси.

Но если говорить о втором выводе Гюнтера Штёкля — враждебности русских к унии, то тут автор совершенно неправ. Русские были весьма неважными богословами, но оказались весьма твердыми политиками. Русская делегация на Флорентийском соборе отстаивала независимость поднимавшегося Русского государства. В истории не раз складывались ситуации, когда церковь на международной арене защищала независимость своего государства. Это относится и к католицизму. Под знаменем католицизма Испания боролась против Наполеона, а Бельгия вела борьбу против нидерландской монархии; в наши дни католики Ольстера ведут борьбу против протестантских экстремистов за гражданские права. А. И. Герцен называл это «революционным католицизмом»; подобное явление послужило исходной точкой для ошибочной идеи П. Я. Чаадаева о противопоставлении католичества порядкам николаевской России.

Международная ситуация во времена Флорентийского собора хорошо известна. Над Византией нависла угроза со стороны турок, она взывала к помощи Запада. Светские государи вообще не откликнулись на этот зов, зато откликнулось папство. У святейшего престола не было ни возможности, ни желания спасти Византию, но открылась возможность подчинить восточную церковь при помощи унии. Среди государств, которые благодаря этому оказались бы под эгидой папства, наибольшую ценность представляла Россия. Первый шаг был уже сделан — во главе русской церкви оказался папский ставленник, сторонник унии Исидор.

На самом соборе, как известно, дело складывалось не в пользу православной стороны. У Византии не было выбора, уния для нее была актом отчаяния. В верхах византийской церкви было сильно латинофильское течение; из трех ораторов православной стороны — Марка Эфесского, Виссариона Никейского и Исидора Русского — двое последних были яркими латинофилами и вскоре стали кардиналами. И все же дело оказалось не таким простым. Папство встретило на соборе отчаянное сопротивление, оно пустило в ход все средства давления и особенно подкуп. Русская делегация, начиная с помощника Исидора — суздальского епископа Авраамия, отказалась подписаться под унией. Исидор прибег к «тактике выкручивания рук». Некоторые делегаты оказались в тюрьме, некоторым пришлось бежать из Флоренции.

В Москву Исидор прибыл папским легатом русских и прибалтийских земель. В послании папы Евгения, которое Исидор привез великому князю Василию II, предписывалось всячески помогать русскому митрополиту Исидору, в частности в деле сбора папских доходов приходило ему на помощь «усердно, со всею своею мышцею». Эффект был соответствующий — великий князь арестовал Исидора, обратился с возмущенным письмом в Константинополь, где резко осудил и самого Исидора, «учителя волков», и «суемысленный» Флорентийский собор. Митрополичью кафедру в Москве занял Иона (1448 г.). Русская церковь стала независимой не только от Рима, но и от Константинополя, поскольку вскоре Константинополь был взят турками. Позиция русской церкви совпадала с позицией московской великокняжеской власти, занятой созданием Русского централизованного государства и отстаиванием его престижа на международной арене. Отпор русской делегации папским притязаниям на Флорентийском соборе был составной частью этого исторически прогрессивного дела. В этом русские посланники ничем не провинились перед современной наукой.

* * *

Последний период, которого касается Гюнтер Штёкль, — время Московской Руси. Читатель получает совершенно отчетливое представление о новом положении Русского государства на международной арене. Византия пала, татарское иго свергнуто. Набиравшая силу, централизующаяся Россия раздвигает масштабы своих международных связей, она достаточно сильна, чтобы начать борьбу за возвращение своих земель, захваченных Литвой и Польшей. Следует добавить, что это было не только собиране русских земель, но и борьба за выход к морю, чтобы приобрести наиболее удобный путь в Западную Европу. Насколько это было важно для России и насколько эта борьба была трудна, говорит хотя бы тот факт, что борьба, начатая Грозным, вывела Россию на балтийское побережье только к концу Петровского времени.

Естественно, что это не могло не создать целого поворота в сфере исторических концепций. Совершался переход от исторических концепций, связанных с византийской традицией, к концепциям, ориентированным на Запад. Из концепций первого рода автор говорит только об известной теории «Москва — третий Рим». Его внимания совершенно не привлекала концепция всемирно-исторического процесса, созданная русским Хронографом, а она была прямой предтечей теории «Москва — третий Рим». По сравнению с «Повестью временных лет» Хронограф был несомненным шагом вперед в разработке концепции всемирно-исторического процесса. Он перенес на русскую почву бытовавшую в западноевропейской средневековой историографии теорию четырех мировых монархий.

Всемирно-исторический процесс, согласно этой теории, есть последовательная смена мировых монархий: Ассиро-Вавилонской, Мидо-Персидской, Греко-Македонской и Римской. Для западных людей Римская империя продолжала существовать. Рим почитался «вечным» городом. Карл Великий был убежден, что он — реставратор Римской империи; германские императоры верили в фикцию Священной Римской империи германской нации. Для русских книжников теория четырех монархий имела совсем иной смысл. Для них существовало два Рима — западный и восточный. Рим западный уже давно погряз в грехах, оказался во власти «папешей», а потому утратил право возглавлять христианский мир. Но оказалось, что и Рим второй, Константинополь, капитулировал перед нечестивыми латинянами, тоже погряз во скверне, и карающая десница вседержителя уже занесена над Царьградом. А что дальше? Кто возглавит христианский мир, если Царьград падет под ударами турок? В Хронографе еще не содержится формулы о том, что третьим Римом должна стать Москва.

Из концепций, связывавших Россию с Византией, теория «Москва — третий Рим» была не единственная. Рядом с ней бытовало «Сказание о Вавилоне-граде». Согласно этому «Сказанию», мировой центр, находившийся в Вавилоне, переместился в Константинополь, а затем в Москву. Это была теория, которая пыталась сделать Москву центром мировой истории, минуя Рим. Но у Москвы нашелся и конкурент — Новгород, выступивший с «Повестью о новгородском белом клобуке». Император Константин Великий в знак признания превосходства духовной власти над светской передал папе Сильвестру белый клобук, который переходит затем в Константинополь, а потом в Новгород, к архиепископу. Москва в Повести ни разу не упоминается, весь смысл этого источника в том, что Новгород выше Москвы, ибо духовная власть выше власти светской. «Повесть о новгородском белом клобуке» — некоторая аналогия известной легенде о «Константиновом даре».

Но теории, служившие мотивировкой исторического права России на византийское наследство, уже не составляли магистральной линии русской исторической мысли. Главным направлением стали теории, обращенные в сторону Запада. Впервые это со всей отчетливостью было сформулировано в «Сказании о князьях Владимирских». Происхождение московских великих князей здесь связывается уже с Августом-кесарем, а посредником между ними выступает Рюрик. Наследником Августа на территории, получившей потом название Пруссии, был ближайший родич кесаря Прус, а потомком Пруса объявлен Рюрик. Легенда о варягах получает теперь иное звучание: если в «Повести временных лет» Рюрик аттестовался скандинавом и служил славе киевских князей, то теперь он приобретает новую генеалогию и новые функции. Русская история через посредство Рюрика смыкалась с западной. «Сказание о князьях Владимирских» вовсе не порывало с византийской традицией, как не порывали с ней и на Западе. Основатель династии Меровингов Хлодвиг, стремясь поднять значение своей власти, ссылался, как известно, на то, что византийский император Анастасий отослал ему знаки своего императорского достоинства. Но, как и на Западе, «Сказание о князьях Владимирских» подчиняло эту византийскую традицию западной ориентации. «Крабица сердоликовая», которую, согласно сказанию, получает русский князь Владимир Мономах от византийского императора Константина Мономаха, оказывается, раньше принадлежала тому же Риму, и из нее «Август кесарь римский веселишася».

И вся эта теоретическая конструкция была направлена против литовских князей. Автор «Сказания» выдает свою цель: речь шла о весьма практических делах, о воссоединении русских земель, захваченных Литвой и Польшей. Именно поэтому теория эта фактически становится официальной исторической теорией, получает широкое распространение в тогдашней русской литературе — Степенной книге, Хронографе, Четвх-Минеях, исторических повестях⁹ и в русской дипломатической практике. Достаточно вспомнить, что в 1672 г. по распоряжению царя Алексея Михайловича была составлена «Книга, а в ней собрание, откуда произыде корень великих государей, царей и великих князей российских» («Царский Титулярник»). В ней говорится о западном происхождении русских царей, ибо этот «корень изыде от превысочайшего кесарского престола и прекрасно цветущего и пресветлого Августа кесаря, обладавшего всею вселенною». Подобной версией обязаны были пользоваться все русские дипломаты.

Другими словами, рубеж XV—XVI вв. в России ознаменовался появлением многочисленных теорий, имевших целью исторически мотивировать высокое положение России в мировой истории. Синхронность и обилие этих теорий были выражением крупных перемен в исторических судьбах России. Во внутренних отношениях происходил переход к централизованной монархии, а в отношениях внешних это был рубеж, когда Запад все больше становился главным направлением внешней политики России. Время Ивана III и Василия III явилось преддверием эпохи Грозного. В области исторической мысли свидетельством этого поворота выступило «Сказание о князьях Владимирских».

Вспоминать об этом приходится потому, что Гюнтер Штёкль придерживается иного взгляда на указанный период русской исторической мысли. Он, во-первых, проходит мимо некоторых исторических теорий, поэтому историография в Московском государстве выглядит гораздо бед-

⁹ См. предисловие Д. С. Лихачева к книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях Владимирских» (М.—Л., 1955, стр. 3).

нее, чем она была в действительности. Это относится к теориям, обращенным в сторону Византии. А во-вторых, он неверно расставляет акценты, и это относится ко взгляду тогдашних русских книжников на Запад. Автор не придает должного значения «Сказанию о князьях Владимирских», ограничившись лишь ссылкой на книгу Р. П. Дмитриевой на этот сюжет, а все свое внимание отдал разбору «Повести о двух посольствах». Если позицию автора по отношению к теориям, где речь идет о Византии, можно понять ввиду краткости его доклада, к тому же теории эти не являются предметом его исследования, то позицию относительно теорий, интересовавшихся Западом, понять труднее. Дело в том, что обращение к «Повести о двух посольствах» для характеристики поворота Московского государства в сторону Запада совершенно неправомерно. Если «Сказание о князьях Владимирских» и хронологически и по своему содержанию действительно является выражением этого этапа в истории русской исторической мысли, то «Повесть о двух посольствах» появилась на добрую сотню лет позже. Она относится к первой четверти XVII в., к периоду после Крестьянской войны и польско-шведской интервенции, когда безымянный автор, связанный с Посольским приказом, стремился возродить былое положение России на международной арене, поколебленное внутренними потрясениями. «Повесть о двух посольствах» — это развитие идей, ранее сформулированных в «Сказании о князьях Владимирских», и применение их в дипломатической практике более позднего времени. Примечательно, что все это убедительно изложено в статьях М. Д. Каган¹⁰ и Я. С. Лурье,¹¹ хорошо известных автору, но они, видимо, ни в чем его не убедили.

Таковы некоторые размышления, возникающие при чтении книги Гюнтера Штекля «Изображение западных стран в древнерусских летописях». Перед нами интересное произведение западногерманского ученого, крупного специалиста в области древнерусской исторической мысли. Книга эта вызвала большой интерес среди советских историков. Но в ней содержится и такая интерпретация фактов, с какой советский историк согласиться не может.

¹⁰ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 218—254.

¹¹ Я. С. Лурье. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. — ИЗ, т. 27, М., 1948, стр. 291—300.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Малышева)

Н. С. ДЕМКОВА, Л. И. САЗОНОВА

Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму

С 4 по 30 июля 1971 г. совместная экспедиция Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) и филологического факультета Ленинградского университета¹ продолжала археографическое изучение Пинеги и Северной Двины, начатое в предыдущие годы.

На Северной Двине, в Архангельской области, работало несколько групп археографов: в Виноградовском районе — в селе Борок с группой прилегающих к нему деревень (Скобели, Фалюки, Городок, Нагорье и др.), в Топсе, старинном старообрядческом центре (Герасим Двор, Кукуево, Кучериха, Типутиха, Вакорино и др.), в Рочегде; в Верхнетоемском районе (Вершины, Нестеровская, Паленьга); в Черевковском районе (Черевково, Блёшкино и Ляхово); в Красноборском районе (Красноборск, Прокино, Мануйловская, Телегово и Пермогорье).

Результаты экспедиции этого года намного превзошли наши ожидания: было привезено 122 рукописи, в том числе остатки архива Н. П. Шестакова (6 единиц хранения), 2 настенных лубочных листа середины XIX в. и 15 старопечатных книг. Основное пополнение получили территориальные собрания Пушкинского Дома — Северодвинское (№№ 119—210)² и Красноборское (№№ 119—136). С Пинеги было привезено всего 15 рукописей.

На Северной Двине работа началась в районе с. Борок. В археографическом отношении этот район был открыт Т. Волковой и Н. Литвиновой: в прошлом году отсюда за пять дней работы они привезли 30 рукописей.³ Борок — старинное село, где еще недавно было много старообрядцев (теперь здесь насчитывается только десять старообрядческих семей). Основной хранильницей и собирательницей старины в Борке до последнего времени была А. Ф. Богданова,⁴ которая подарила нам пять рукописей,

---

¹ В работе экспедиции принимали участие аспирантка ИРЛИ АН СССР Л. И. Сазонова и студенты ЛГУ И. Азволинская, Н. Александрова, Н. Макарова, Е. Кукушкина, Г. Малютина, Н. Кудрявцева, Е. Семенова, О. Нарудкая, Г. Ульянова, руководитель — Н. С. Демкова. Н. И. Николаев, участник той же экспедиции ЛГУ, работал в Онежском районе Архангельской области вместе с сотрудником ИРЛИ АН СССР Г. В. Маркеловым.

² Цифра в скобках означает номер территориального собрания.

³ См.: Т. Ф. Волкова, Н. Н. Литвинова, М. В. Рождественская. Археографические разыскания на Ваге и Северной Двине. — В кн.: ТОДРА, т. XXVII, М.—Л., 1972, стр. 431—436.

⁴ Подробнее о библиотеке А. Ф. Богдановой, переданной в настоящее время в ИРЛИ АН СССР, см.: Л. И. Сазонова. Северодвинская крестьянская библио-

в том числе: литературный сборник XVII в. с повестью из Великого Зерцала об Удоне, притчей Варлаама о печали житейской, Словом о пьянстве, статьями из Пролога и другими произведениями (№ 126); рукопись XVIII в. с Житием Зосимы и Савватия Соловецких и Повестью о Германе Соловецком (№ 130); сборник XVIII в., содержащий Сказание Максима Грека о птице, притчу о золотом древе, выписки из Пролога, Измарагда, «слова» и поучения о пьянстве (№ 138); сборную рукопись XVIII в. с отрывком из Жития Корнилия Выговского, Житием Иоанна Кушника (№ 144). Из других находок в Борке нужно отметить сборник XVIII в., полученный от Н. А. Пироговой, с выписками из Стоглава Ивана Грозного, из сочинений Максима Грека и духовным стихом о Борисе и Глебе (№ 147). П. Д. Никитина отдала рукопись с Повестью о царе Иустиниане Малом и о царе Маврикии. Выписки из Степенной книги с повестью о взятии Царьграда и из Хронографа с сочинением Ивана Пересветова о турецком султани Махмете находим в рукописи № 146. Трефолой начала XVII в., привезенный также из Борка, имеет вкладную запись с указанием имени писца — Петруши Широхова на нижнем поле (№ 124). Любопытна записная книжка крестьянина Кургоменской волости В. С. Орлова за 1856—1888 гг., содержащая наряду с записями пословиц и загадок, стихов русских поэтов XIX в. (Лермонтова, Фета) воспоминания, хозяйственные записи, заметки метеорологического характера (№ 68).

В Борке собирает книги директор школы Н. И. Сенчуков, и в школе сейчас хранится несколько книг издания старообрядческих типографий XVIII в. — Златоуст (Вильно, 1798), Пролог (декабрь—февраль) (1786) и др.

Удачно проходила работа и в районе Топсы, откуда мы привезли 51 рукопись, причем большинство из них историко-литературные. В Рочегде нам удалось познакомиться с М. Я. Осокиной и получить разрешение взять из ее старого дома в дер. Герасим Двор оставшиеся при переезде рукописи. Их оказалось 16, среди них сборник XVII в. со Страстями Георгия Победоносца, Сказанием об Агапии (№ 122), сборники духовных стихов XIX в. (№№ 157, 158, 164), сборник XIX в. с выписками из Пчелы и Великого Зерцала (№ 169), Целебник (№ 171), сборник XIX в., содержащий житие инока Тимофея Засухина, выписки из Жития Андрея Цареградского и из произведений выговских писателей (№ 181).

Из дер. Большая Горка мы получили историко-литературный сборник XVIII в. (№ 139). Он содержит несколько предисловий к читателю, в том числе одно стихотворное, Историю взятия Соловецкого монастыря Семена Денисова, Повесть о новгородском посаднике Шиле, Сказание о табаке и др. Другой сборник XVIII в. включает в себя редко встречающееся Слово о пьянстве Антония Подольского 1620 г. (№ 143). Большой интерес представляет сборник выговских произведений XIX в. Эта рукопись переплетена в Выго-Лексинском общежитии; скорописные почерка, возможно, являются автографами местных деятелей. Сборник включает сочинения Феодосия Васильева, Андрея Денисова, Поликарпа Яковлева, Семена Денисова (№ 155).

Из рукописных находок в Верхнетоемском районе наиболее интересными являются Пролог за март—май с припиской писца Ефрема о написании книги в 1590 г. (№ 120) и лицевой сборник духовно-нравственного содержания конца XVIII—начала XIX в. (№ 152), близкий по сво-

ему составу к Синодику и сказаниям о загробных мучениях грешников. 116 миниатюр, иллюстрирующих сборник, как отметила О. А. Белоброва, связаны по колориту и характеру прописей, возможно, с северодвинской традицией и очень близки к миниатюрам рукописи из собрания В. Н. Перетца № 548, Карельского собрания № 140 и рукописи из собрания Буслаева в ГПБ, О.И.428. Обе рукописи — и Пролог 1590 г., и лицевой сборник — передал нам А. В. Шарапов. Из Верхней Тоймы были привезены также два печатных лубочных настенных листа середины XIX в., иллюстрирующие Житие Николы и 50-й псалом «Всякое дыхание да славит господа». Книги из Борка, Топсы и Верхней Тоймы вошли в Северодвинское собрание.

На следующем этапе работы — в Черевково и Красноборске — мы нашли рукописей значительно меньше, возможно, потому, что работали здесь недолго: основное экспедиционное время прошло в Борке и Топсе. В Черевково мы достали лишь сборник XVIII в. (Красноборское собр., № 121), на первом листе которого есть запись о том, что книга написана в Киево-Печерской лавре иеромонахом Ильей. В этот сборник входит Алфавит духовный, Житие Андрея Цареградского и ученика его Елифания. Две другие рукописи из Черевково — Сон богородицы XIX в. (№ 128) и Устав и святцы XIX в. (№ 129). Однако и в Черевково мы почувствовали существование некогда сильной старообрядческой культуры. Созданный по инициативе учителя В. А. Пономарева в черевковской школе краеведческий музей располагает большой коллекцией печатных книг старообрядческих изданий XVIII—XX вв. Все книги мы просмотрели и составили для музея их краткую опись.

В Красноборске от семьи Шестаковых мы получили остатки книг из библиотеки известного на Двине писца и рисовальщика Николая Прокопьевича Шестакова. В 1960 г. несколько рукописей и рисунков Н. П. Шестакова в собрание ИРЛИ привез А. М. Панченко.⁵ Неоднократно дом Шестаковых навещали московские экспедиции и частные лица, которые по частям разобрали интереснейшее собрание Шестаковых. На этот раз мы взяли все оставшееся, то есть 10 рукописей и архив Шестакова. Среди рукописей месячная Миняя за август (первая половина XVI в.) с заметками о покупке и продаже книг, содержащая службы русским святым — Александру Свирскому, Василию Блаженному, Петру митрополиту и Владимирской иконе (№ 119), а также стихирарь XVI в. (№ 120). Архив Шестакова содержит деловые бумаги и обширную переписку старообрядческой семьи конца XIX—начала XX в. Переписка дает глубокое представление о быте старообрядческой семьи, ее общественных и социальных связях; в ней есть сведения о том, где покупали книги и иконы, кто и где их реставрировал, сколько стоили книги и где их хранили.

Из Красноборска мы привезли актовый материал, переданный местным краеведом П. Г. Зашихиным, а также письма и дневники Василия Арсентьевича Никонова — местного учителя, большого знатока книги.⁶

В этом году на Двине удалось познакомиться с книгами местной двинской рукописной традиции. К именам известных уже двинских мастеров книжного дела — Паладьи Матвеевны Амосовой (написанные ею рукописи находятся в собрании А. Ф. Богдановой из Борка) и Николая

⁵ А. М. Панченко. Отчет об археографической экспедиции в Красноборский район Архангельской области и г. Тотьму Вологодской области в 1960 г. — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 426—431.

⁶ О библиотеке В. А. Никонова см. также в археографическом отчете 1960 г. А. М. Панченко: ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 427.

Прокопьевича Шестакова (из Красноборска) можно добавить имена Петра Гавриловича Сысоева и Петра Михайловича Вилачева, писавших в Топсе. Оказалось, что в Пучуге в начале XX в. существовала книгописная мастерская, в которой было налажено «производство» лицевых святцев в духе примитивного народного рисунка. Три книги святцев пучугского письма теперь находятся в собрании ИРЛИ (Северодвинское собр., №№ 188—190).

На Пинеге были вновь обследованы район Покшеньги (деревни Лохново, Кобелево, Большое и Малое Кротово, Земцово), группы деревень вокруг Карпагор (Кеврола, Немнюга, Шотова Гора, Марьяна Гора и др.), Верколы и Явзоры.

Репертуар пинежских находок этого года весьма ограничен: Триодь постная и цветная первой половины XVII в. (№ 506), сборник молитв и апокрифических текстов XIX в. (молитва Михаилу-архангелу, грозному воеводе, Сон богородицы, Страсти Христовы и др.; № 512), Житие Евстафия Плакиды (№ 516), богослужебные сборники (№№ 509, 512, 519), Псалтырь XIX в. с отрывками из Сказания о двенадцати мытарствах (№ 513), рукописи местного письма (Канон за единоумершего, 1913 г., № 517). Известный интерес представляют рукописные тексты XIX в., восстанавливающие круг крестьянского чтения: басня А. Измайлова «Воробы и Овсянка» и отрывок из «Песни пахаря» А. Кольцова (подклеены к переплету рукописи № 510), «Ода, выбранная из Иова» М. В. Ломоносова (№ 508).

В дар Пушкинскому Дому 85-летний С. А. Ступин, участник первой мировой войны, передал свои записки — о мобилизации 1914 г. на Пинеге, о выступлении В. И. Ленина в 1919 г. в Москве перед солдатами, вернувшимися из немецкого плена (№ 518).

Привезли мы также печатные книги XVIII в. (Псалтырь, «Последование церковного пения» и др.), служившие нескольким поколениям пинежан (переплеты этих книг оклеены крестьянскими письмами XIX в.).

Небольшое количество рукописей, привезенных в этом году с Пинеги, несомненно, знак истощения этого некогда богатейшего старинными книгами района. Традиция книжной культуры, идущей «из веков», дала себя знать только в одной находке: с Пинеги привезена рукопись XV в., содержащая отрывки из сочинения «о сотворении земли и твари» (№ 505), — самая «старая» рукопись нашей экспедиции.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Археографическая экспедиция на Онежский полуостров летом 1971 г.

58 / 742

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР проводит систематическое археографическое обследование всех районов Русского Севера. В соответствии с планом этих работ для изучения и сбора местной рукописной книжной традиции институтом была направлена экспедиция в Архангельскую область, в район Онежского полуострова. В маршрут экспедиции должны были войти населенные пункты по берегам полуострова — Летнему, восточному берегу Двинской губы, и Онежскому, западному берегу Онежской губы. В экспедиции принимали участие автор этих заметок и студент филологического факультета ЛГУ Н. Н. Николаев. Как и в каждой археографической экспедиции, мы считывали прежде всего на местное старообрядчество, не утратившее симпатии к старине и древней письменности. Нам было известно и о существовании старейших скрытнических скитов на Онежском полуострове, в частности Амбургского скита. Именно с него и начинался наш маршрут.

Амбургский скит расположен в труднодоступной местности, и поэтому еще несколько десятилетий назад здесь активно действовала старообрядческая община. Экспедиция ЛГУ под руководством Н. С. Демковой в 1967 г. успела застать в ските несколько жителей, но мы нашли моленную уже заколоченной, со следами посещения туристов. Тем не менее нам удалось привезти из Амбургского скита 11 рукописей и много отрывков XVI—XIX вв., которые без сомнения являются остатками скитской библиотеки. Почти все внутреннее убранство моленной сохранилось, но находится в весьма плачевном состоянии из-за сырости, перепада температур и проч. Поэтому необходимо срочно вывезти из Амбургского скита редкостную утварь, особенно великолепный иконостас XVI—XVIII вв., за целостность которого уже в ближайшее время не придется ручаться.

Затем мы побывали в Северодвинске. Здесь в краеведческом музее хранится несколько старообрядческих рукописей XIX—XX вв., в основном служебных.

Следующим пунктом нашего маршрута была деревня Ненокса. Это одно из древнейших поселений Русского Поморья. Ненокский посад был знаменит своими соляными варницами — владениями Соловецкого и Николо-Корельского монастырей. В центре деревни расположен архитектурный ансамбль — церкви постройки XVII в., являющиеся выдающимся памятником северного деревянного зодчества. В одной из церквей в шкафу хранились документы из архива местного прихода. Эти документы числом 339 единиц за 1717—1829 гг. мы привезли в Древлехранилище. Они представляют собой деловые бумаги, содержащие ценные сведения по истории, экономике, жизни и быту местного населения, копии правитель-

ственных указов, постановлений Духовного синода и Архангельской консистории, административно-политические, церковные и другие документы. Поиски литературных рукописей не увенчались успехом. В Неноксе нам удалось найти лишь несколько старопечатных книг, из которых отметим Триодь цветную московской печати 1670 г. Местные старожилы рассказывали нам, что в деревне была рукописная книга, в которую якобы с древнейших времен записывали исторические события, главным образом местного значения, вели своего рода летопись, но напасть на реальные следы ее нам не удалось. В следующей деревне — Сюзьме, некогда старообрядческой, мы нашли лишь одну позднюю служебную рукопись, переписанную, по словам владельца, в Амбургском слезе.

За оставшиеся три недели экспедиции мы прошли следующие деревни: Красная Гора, Пертоминск, Уна, Луда, Яреньга, Лопшеньга, Летняя Золотица, Пушлахта, Лямца, Пурнема, Нижозеро, Кянда, Тамица, Покровское; кроме того, мы посетили город Онегу. В общем об этих деревнях можно сказать, что, несмотря на отдельные случайные находки, здесь не было устоявшейся книжно-рукописной традиции, население не старообрядческое, значительная часть старшего поколения — люди малограмотные. Попадались нам книги и старой синодальной печати. Кроме того, эти места часто посещались различными экспедициями как центральных, так и местных музеев, а также частными собирателями. Итоговые результаты экспедиции показывают, что район Онежского полуострова представляется малоперспективным в археографическом отношении.

По возвращении в Архангельск мы посетили семью К. П. и А. Г. Гемп, собрание рукописей которых представлено в Пушкинском Доме отдельным фондом. Они передали нам старопечатную Псалтырь (Вильно, 1576) и коллекцию столбцов и деловых бумаг, числом более 40. Девять из них XVI в. — с 1547 по 1585 г.; 15 столбцов относятся к судному делу целовальника Двинского таможенного кружечного двора Дорофея Мельцова, уличенного в хищении казенного вина и денег. Ряд документов крестьянских — имущественного, торгового и иного содержания. Некоторые бумаги ярко характеризуют Петровскую эпоху. Изучение столбцов Гемп внесло бы свой вклад в исследование истории Северного края, экономики, культуры, быта, а также языка поморов.

Среди рукописей, найденных нашей экспедицией и пополнивших фонды Северодвинского собрания, отметим сборник XVI в. (№ 101) литературного содержания. В нем произведения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Климента Охридского, слова нравоучительные и повествовательные, жития, чудеса и похвальные слова святым, в том числе русским Ефросинье, Петру митрополиту, Дмитрию Прилуцкому и др. Два служебных сборника датируются XVII в. (начало), один из них (№ 103) крюковой. Любопытен сборник XVIII в. (№ 106), содержащий Премудрости Соломона, повести о царедворце и льве, змие и пифике, поучения «о еже не упиватися», эсхатологические сочинения, о римском отступлении и ереси, слова из Минеи-Четьи, отрывки из житий Корнилия Выговского, Таисии Блудницы, Льва Равенского, поучения Льва Селунского, выписки из библейских книг и проч. Привезенный материал содержит и старообрядческие сочинения, в том числе неизвестные. Среди поздних рукописей выделим сборник стихов, переписанный крестьянином дер. Пурнема Е. Е. Крюковым в 1881 г. Пурнема, расположенная на берегу Онежской губы, подвергалась осаде англичанами в 1854 г. Воспоминания о событиях тех лет сохраняются у местных жителей, поэтому стих об осаде Соловецкого монастыря 1854 г., содержащийся в сборнике стихов Крюкова, имеет особое значение для историко-культурной характеристики края.

Н. В. ПОНЫРКО

Поездка за рукописями в Беломорье летом 1971 г.

Целью нашей экспедиции было обследование Поморского берега Белого моря. Ее маршрут лежал с севера на юг и включал в себя Кандалакшский, Кемский, Лоухский, Беломорский и Медвежьегорский районы. Все они, за исключением Кандалакшского района Мурманской области, относятся к Карельской АССР.

Карелия уже давно привлекает внимание археографов. В 30—40-е годы здесь не раз бывал В. И. Малышев. Приобретенные тогда рукописи положили начало Карельскому собранию Пушкинского Дома. Несколько раз ездили за рукописями в Карелию Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев. Совсем недавно, летом 1969 г., в Беломорском и Кемском районах Карельской АССР работала экспедиция, в которой участвовали Т. В. Рождественская, М. В. Рождественская, Е. К. Пиотровская и В. Гребенюк.

Учитывая все это, вполне естественным было ожидать, что новая экспедиция принесет малое количество рукописей; она была задумана как в некотором роде заключительная. Нужно было пройти по подробно обследованным путям.

Первым пунктом была Кандалакша. Здесь, в старой Кандалакше, я приобрела 4 рукописи: месяцеслов XVII в., сборную богослужебную рукопись XVII в., отрывки из Молитвослова XVIII в., а также сборник последней четверти XVI в., содержащий Валаамскую беседу, повесть об Иоанне Новгородском и другие ценные литературные произведения.

Кандалакша сейчас превращается в крупный населенный пункт с морским портом и промышленным производством. Старожильческое население здесь все больше растворяется среди пришлого. Старшее поколение уходит из жизни, и то немногое из рукописного наследия, что остается от него, находится в крайнем небрежении.

Надо сказать, что в нынешнем году в Кандалакше создан народный музей, вокруг которого группируются энтузиасты, собирающие самые различные экспонаты. Их внимание привлекают и рукописи, и старопечатные книги.

Затем была обследована группа деревень Кемского и Лоухского районов. Удача ждала в деревне Кереть. Некогда цветущее село теперь уже наполовину заброшено. Здесь живет 85-летняя Зинаида Федоровна Тоскаева. Раньше она возглавляла деревенское старообрядчество, теперь это просто единственный человек, сохранивший еще и почитающий рукописные книги. Несмотря на то что Зинаида Федоровна очень дорожит своей небольшой библиотекой, она отдала мне 8 рукописей из своего собрания, оставив у себя только печатные книги.

Среди рукописей, принадлежавших Э. Ф. Тоскаевой, особенно ценным в историко-литературном отношении является выговский сборник второй четверти XVIII в. на 589 листах, возможно содержащий автографы выговских деятелей. В сборнике находятся жития Евфимия Новгородского, Ефросина Псковского, Леонтия Ростовского, повесть о Петре и Февронии и множество других произведений. Житие Саввы Сербского представлено в этом сборнике в двух вариантах. Зинаида Федоровна подарила также сборник первой половины XVII в., содержащий повести из Скитского патерика, слово Ефрема Сирина об антихристе, Житие Марии Египетской и другие произведения, богослужебные сборники XVI и XVII вв., месяцеслов XVIII в., рукопись Страстей Христовых XVIII в., рукописи житий Саввы Сербского первой четверти XIX в. и Варлаамия Керетского, тоже в списке XIX в.

Во время путешествия мне часто называли деревню Гридино, стоящую на берегу Белого моря. Все были единодушны в догадках о том, что в Гридино сохранилось немало рукописей. Но мною рукописи здесь обнаружены не были, поскольку в последнее время в Карелию, как и на весь Русский Север в целом, хлынул поток частных собирателей. Избегать его не удалось и гридянам.

Не были приобретены рукописи и в Кеми, стародавнем центре старообрядчества, а сейчас главным пункте, через который направляется основной поток туристов на Соловки. Здесь то и дело приходилось ходить по следам неведомых туристов — собирателей, интересовавшихся книгами.

В деревне Шижня Беломорского района у Ангелины Федоровны Синицыной была приобретена Цветная триодь, переписанная в середине XVII в. с издания Андроника Невежи. Среди записей, сделанных разными почерками на полях этой книги, имеется следующий любопытный текст: «а другая половина <нрзб.> Иванова Климова да Петра Левонтьева сына Грудинина. Та у нас половина тое книги Треоди цъветныя, вместе у Ивана да у Петра. А положили ту книгу вместе Николе чудотворцю в дом в Григорову слободу по своих родителюм».

На самом юге Поморского берега, у границы с Архангельской областью, есть деревня Нюхча. В начале нынешнего века здесь находилась большая группа старообрядцев. Сейчас здесь осталось несколько старушек, еще почитающих рукописную книжность. Среди них Анна Ивановна, большой знаток крюкового пения. Анна Ивановна в молодости получила образование в старообрядческих кельях, тогда же она постигла искусство крюкового пения. В библиотеке Анны Ивановны крюковой обиход, октоих, переписанный ее собственной рукой. Она рассказывает, что в молодости ей доводилось заниматься перепиской многих книг, и не только крюковых.

В Нюхче был приобретен и старообрядческий сборник последней четверти XIX в., содержащий старообрядческое сочинение об антихристе.

В последнем пункте — Сум-Посаде — были обнаружены старопечатные книги: тетро-евангелие XVII в. и часовник XVII в., Беседы Иоанна Златоуста на 12 посланий апостола Павла, издание Киево-Печерской лавры 1623 г.

Кроме того, были обследованы Медвежьегорск, группа деревень, его окружающих, и Петрозаводск. Здесь рукописи приобрести не удалось.

Создается впечатление, что названные районы исчерпаны в археографическом отношении и в дальнейшем не могут представлять большого интереса, хотя и не исключено, что отдельные поступления еще будут возможны. Очень вероятно, что это будут частные собрания местных коллекционеров. Известно, что они имеются и в Петрозаводске, и в Медвежьегорске.

ЗАМЕТКИ

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

К фразеологии «Слова о полку Игореве»

В тексте памятника рядом с формой «буесть», переводимой словарями одним из значений — «запальчивость, смелость, храбрость»¹ или «храбрость, отвага, ярость в битве»,² дважды употреблена форма «буйство», которую Срезневский переводит как «смелость» (т. I, стлб. 192), а Словарь-справочник в одном случае — «дерзость» (стр. 76), а в сочетании с глаголом «одолеи» — «высокий полет» (стр. 76—77). В переводных памятниках этот глагол встречается в сочетании с формой «буесть». Срезневский приводит пример из Златоустра XII в.: «Кумирьская вера на земли располелася бяше и буесть одолевааше» (т. I, стлб. 190). Здесь «буесть» переведено как «нечестие». Другой пример также перевода с греческого языка находим в пергаменном тексте Пчелы.³ Выписка из Плутарха рассказывает следующее, не имеющее отношения к вопросам веры: «Мнози человеци, аже кого застануть повествующа пира дея — или сон, или поезд, или убийство, или лов, или свар с другом, то отверзенама ушима слушают с молчанием, аще кто привлечеть я к собе, учити хотя что полезная и наказати и запрещати от прегрешения, то не сътерпят, но аще могут буестью своею одолети, сваряться противу тому слову. Аще ли не могут супротвити, то рищуть бегающе к инем сладьким словом». В греческом тексте слову «буесть» соответствует «честолюбие». Не может ли этот оттенок значения быть учтен и при переводе сочетания «в буйстве одолети» в «Слове о полку Игореве»? Самый поход Игоря Святославича был в значительной мере связан с честолюбивым замыслом, о котором напоминает «злато слово» князя Святослава, приписывающее молодым князьям такую похвалбу: «Мужаимеся сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами поделим».

К тексту «Уже соколома крильца припешали поганых саблями, а самою опуташа в путины железны» можно добавить следующие параллели. В списке Пчелы начала XVI в. читаем: «Ум остр, николи же слыша святых книг, аки она припешена птица, не может борзо възлетити». Характерно, что в сербской передаче этот текст не имеет — видимо, типичного для русского языка — выражения «припешена птица»; вместо него читаем «птица без перья».⁴ К слову «путины», известному лишь по былин-

¹ См.: Срезневский. Материалы, т. I, стлб. 190.

² Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, А—Г. Составитель В. А. Виноградова. М.—Л., 1965, стр. 73—74.

³ В. Семенов. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893, стр. 158.

⁴ С. П. Розанов. Материалы по истории русских Пчел. — ПДП, вып. CLXV, СПб., 1904, стр. 49.

ным текстам, близкая параллель находится во второй переделке «Послания» Даниила Заточника по списку XVII в.: «кречату разрешатся оупытныи».⁵

К тексту «Тогда пушашеть 10 соколовь на стадо лебедей» дает параллель тот же список второй переделки редакции XIII в. «Послания» Даниила Заточника: «А кречату егда пута разрешатся, тогда он напушашается на стада лебединые».⁶

Боян в «Слове о полку Игореве» поет песнь, играя на гусях: «Аще кому хотяше песнь творити... своя вещья прѣсты на живая струны въскладаше». Параллель к сочетанию «песнь творити» под игру на гусях находим в Пчеле, точно передающей здесь греческий оригинал: «Яко же и при гуслах не довлееть единою струною песнь творити, но по всем преходить».⁷

---

⁵ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, стр. 103. Ниже в том же тексте обычная форма «пута»: «А кречату егда пута разрешатся».

⁶ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника... стр. 103.

⁷ В. Семенов. Древняя русская Пчела... стр. 4.

Д. П. БОГДАН

О некоторых современных вопросах славянской палеографии

Учитывая, что графика является основой человеческой цивилизации, можно понять, почему среди так называемых (по традиции) вспомогательных исторических дисциплин палеография занимает первое место. Ибо эта дисциплина изучает зарождение и эволюцию графики, на основании ее определяется основа основ исторической науки: даются датировка и определение «подлинности источников», как совершенно справедливо утверждал М. Н. Тихомиров.¹

Ниже мы остановимся на нескольких главных вопросах современной славянской и связанной с ней румыно-славянской палеографии.

1. ПРЕДМЕТ ПАЛЕОГРАФИИ

Сравнительно с греческой и латинской палеографиями славянская палеография не исследовалась столь глубоко ни в прошлом, ни в наши дни. Не случайно, что о самом предмете этой дисциплины три корифея русской палеографии — А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский и В. Н. Щепкин — высказываются по-разному. Соболевский пишет следующее: «Задача палеографии заключается в том, чтобы на основании данных рукописей датированных (в которых означено время и место, когда и где они написаны) определять время и место написания рукописей недатированных... Сверх того, палеография может давать указания на особенности оригинала, к которому восходит рукопись, и отвечать на вопрос о происхождении текста, находящегося в рукописи».² Карский, напротив, указывает: «Палеография относится к области дисциплин археологических... Она занимается исследованием происхождения, видоизменения и распространения письмен и всего относящегося к последним: материала, на котором писали, способа письма, писцов и т. п.». Затем, уточнив, что кирилловская палеография занимается только рукописями, написанными кириллицей, он добавляет, что в его книге «внимание будет сосредоточено главным образом на рассмотрении старинных рукописей (Карский заканчивает исследование XVIII веком, — Д. Б.), на указании способов чтения их, отличия подлинности их и точного определения времени, когда они написаны».³

¹ М. Н. Тихомиров. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — ВИ, 1961, № 4, стр. 67.

² А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, стр. 19—20.

³ Е. Ф. Карский. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901, стр. 3—4. Такую же точку зрения автор излагает в работе «Славянская кирилловская палеография» (Л., 1928).

Зато Щепкин высказывается очень кратко: «Палеография есть вспомогательная дисциплина историко-филологического разряда, исследующая письменные памятники с внешней стороны с целью определить время и место их возникновения».⁴

Точку зрения Щепкина разделяет и Н. В. Степанов, опубликовавший в 1940 г. «Учебный палеографический альбом».⁵

Известный медиевист Л. В. Черепнин до 1956 г. считал, что «палеография изучает главным образом рукописные книги; изучение всех рукописных документов (дипломатических, юридических и др.) относится к области дипломатики».⁶ Эта точка зрения была справедливо опровергнута А. Т. Николаевой.⁷ В работе, выпущенной в 1956 г., Л. В. Черепнин уточняет, что «палеография — это одна из вспомогательных исторических дисциплин, изучающая внешние признаки рукописных памятников»,⁸ добавляя, однако, что основные практические задачи палеографии «решаются прежде всего на основе анализа содержания рукописей. Изучение же внешних признаков рукописей дает лишь дополнительный материал для решения поставленных вопросов».⁹ Эту последнюю точку зрения справедливо критиковали советские исследователи Л. П. Жуковская¹⁰ и М. В. Кукушкина.¹¹

Утверждениям Л. В. Черепнина можно противопоставить и мнение Ж. Маллона, который заявляет следующее: «Предметом палеографии является внешняя форма текстов, тогда как сами тексты, их историческое содержание, их филологическая сторона хотя и имеют для палеографии определенное значение, но (только) вспомогательное».¹²

Л. П. Жуковская, показав, что палеография изучает графемы и их эволюцию, а также графический материал и орудия письма, отмечает, что установление языка, на котором написан изучаемый текст, и использованного алфавита является предварительным условием любого палеографического исследования.¹³ Это утверждение едва ли справедливо, поскольку язык относится к внутренним чертам, не входящим в ведение палеографии. М. В. Кукушкина, напротив, показывает совершенно точно, что именно является предметом палеографии.¹⁴

Но если, например, Е. Ф. Карский и наряду с ним Н. М. Каринский включают в предмет палеографии и исследование подлинности текстов (конечно, только с графической точки зрения),¹⁵ то Л. П. Жуковская опровергает это утверждение,¹⁶ как и утверждение, касающееся чтения старых рукописей, справедливо критикуемое М. В. Кукушкиной,¹⁷ ссылаясь

⁴ В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 12.

⁵ См.: Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963, стр. 99.

⁶ См.: БСЭ, изд. 2-е, т. 31, стр. 583.

⁷ А. Т. Николаева. Некоторые вопросы вспомогательных исторических дисциплин. — ИА, 1956, № 2, стр. 218.

⁸ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 3.

⁹ Там же, стр. 18.

¹⁰ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии, стр. 4.

¹¹ М. В. Кукушкина. Советская палеография. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, I. Л., 1968, стр. 76.

¹² Jan Mallon. Paléographie romaine. — In: L'Histoire et ses méthodes (Encyclopédie de la Pléiade), Brugge, 1957, p. 557.

¹³ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии, стр. 4.

¹⁴ М. В. Кукушкина. Советская палеография, стр. 76.

¹⁵ Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, стр. 5.

¹⁶ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии, стр. 4.

¹⁷ М. В. Кукушкина. Советская палеография, стр. 3.

при этом на «Русскую палеографию» М. Н. Тихомирова и А. В. Муравьева.¹⁸

Точка зрения автора данных строк осталась неизменной с 1956 г.¹⁹ Этот же вопрос затрагивает палеограф Э. Выртосу, который считает, что «палеография ограничила поле своей деятельности только расшифровкой текстов. Следовательно, и румыно-кирилловская палеография, действуя таким же образом, будет заниматься лишь расшифровкой и транскрипцией текстов — актов, рукописей, печатных книг, надписей и заметок, то есть займется нарративными источниками, дипломатическими источниками и всякими другими письменными источниками».²⁰ Таким образом, автор сначала утверждает, что предметом палеографии является только расшифровка текстов, что неверно, а затем заявляет, что палеография занимается и принципами их воспроизведения, что опять-таки неправильно, поскольку транскрипция текстов относится к области эдиционной техники.

Следует отметить и следующий факт: советские палеографы относят к палеографическим текстам не только написанные чернилами источники, но и те, которые начертаны на бересте металлической или костяной заостренной палочкой.²¹

Определенную точку зрения представляет также и включение в предмет русской палеографии текстов XIX и XX вв.; этот вопрос три десятилетия назад был поднят И. Ф. Колесниковым.²² Л. В. Черепнин, присоединяясь к мнению Колесникова, пишет: «Может быть, наряду с термином „палеография“ закономерно ввести в научный оборот термин „неография“, обозначая им вспомогательную дисциплину, изучающую внешние признаки рукописных памятников с XIX примерно века, когда письменность приобретает ряд новых черт».²³ Для этой же дисциплины в применении к XIX в. П. Н. Берков предлагал название «неотерография» от греческого слова *νέωτερος*²⁴ — «более новый, современный».

По мнению академика М. Н. Тихомирова, палеография занимается не только рукописными текстами, но и печатными и машинописными;²⁵ однако он не применяет по отношению к этим последним термин «неография».

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАГОЛИЧЕСКОГО АЛФАВИТА

Фундаментальным вопросом славянской палеографии является происхождение глаголического алфавита. В связи с тем, что от времен Кирилла и Мефодия не сохранилось никаких источников, а также из-за скудости

¹⁸ М. Н. Тихомиров и А. В. Муравьев. Русская палеография. М., 1966, стр. 3.

¹⁹ См.: Damian P. Bogdan. Din paleografia slavo-română. Documento privind istoria României. București, 1956, p. 82. Ср. также: Compendiu al paleografiei româno-slave, I, București, 1969, p. 3.

²⁰ Emil Vîrtosu. Paleografia româno-chirilică. București, 1968, p. 11.

²¹ См.: М. В. Кукушкина. Советская палеография, стр. 79.

²² И. Ф. Колесников. 1) Палеография документальной (архивной) письменности. — Архивное дело, М., 1939, № 4/52; 2) Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для исторической и архивной работы. — Там же, 1940, № 2/54. См.: М. В. Кукушкина. Советская палеография, стр. 81—82.

²³ Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 574.

²⁴ П. Н. Берков. О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, стр. 37.

²⁵ См.: ВИ, 1960, № 3, стр. 189; Археографический ежегодник за 1959 г., М., 1960, стр. 353; М. Н. Тихомиров и А. В. Муравьев, Русская палеография, стр. 3.

последующих источников, происхождение этого алфавита вызвало свыше сорока гипотез,²⁶ среди которых господствующее место занимает гипотеза о происхождении глаголического алфавита от греческого курсивного письма, предложенная известным английским палеографом И. Тейлором и развитая впоследствии выдающимся славистом В. Ягичем; в науке эта гипотеза получила название теории Тейлора—Ягича.²⁷ Сегодня гипотеза Тейлора—Ягича опровергнута Е. Э. Гранстрем,²⁸ как и превосходной работой А. Вайана,²⁹ опиравшегося на наблюдения А. Ральфса.³⁰ Но поистине удивительно, что труд А. Вайана не только не был проанализирован, но даже и не цитировался такими компетентными представителями славистики, как, например, И. Вашица,³¹ Д. Радойчиц³² и А. Достал,³³ которые продолжают придерживаться старой теории Тейлора—Ягича.

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КИРИЛЛОВСКОГО АЛФАВИТА

Проблемой является и происхождение кирилловского алфавита. Согласно одной из гипотез, предложенной выдающимся палеографом И. П. Срезневским, кирилловский алфавит предшествует глаголическому.³⁴

К данной гипотезе присоединился в 1936 г. и болгарский ученый Е. Георгиев.³⁵ Нам кажется наиболее достоверной гипотеза, выдвинутая в 1932 г. болгарским ученым К. Миятевым, согласно которой кирилловские графемы прописных букв происходят от греческих надписей болгарских ханов.³⁶ Этой же точки зрения придерживается А. Вайан, независимо, однако, от гипотезы Миятева.

Несколько замечаний относительно терминологии.

В славянской палеографии начинают использоваться некоторые названия из греческой и латинской палеографий. Так, о наличии в кирилловской румыно-славянской палеографии минускульного письма писал еще в 1861 г. румынский писатель и ученый А. И. Одобеску.³⁷ Византийским курсивным и минускульным письмом в русских рукописях второй половины XV в. и первой половины следующего века занимался М. Н. Сперанский.³⁸

²⁶ См.: Damian P. Bogdan. La vie et l'oeuvre des frères Constantin-Cyrille et Methode. — *Κυρίλλω και Μεθοδίω τόμος ἐορτίς ἐπὶ τῇ 1100 ἐτηρίδι*, т. II. 'Εν Θεσσαλονίκῃ, 1968, с. 44.

²⁷ Там же, стр. 45.

²⁸ Е. Э. Гранстрем. 1) К вопросу о происхождении глаголической азбуки. — *ГОДРЛ*, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 427—442; 2) К вопросу о византийском минускуле. — *ВВ*, т. XIII, М., 1956, стр. 222—245.

²⁹ André Vaillant. L'alphabet vieux slave. — *Revue des études slaves*, т. 32, 1955, pp. 7—31.

³⁰ Arnold Rahlfs. Zur Frage nach Herkunft des glagolischen Alphabets. — *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, XLV, 1913, SS. 285—287.

³¹ Josef Vašica. Literární památky epochy Velkomoravské 863—885. Praha, 1966, pp. 14—19.

³² Djordje Sp. Radojičić. Traditions cyrillo-methodiennes chez les Serbes. — *Κυρίλλω και Μεθοδίω τόμος ἐορτίς ἐπὶ τῇ 1100 ἐτηρίδι*, т. I, 'Εν Θεσσαλονίκῃ, 1966, с. 197.

³³ Antonin Dostal. La tradition cyrillo-methodienne en Moravie. — *Ibid.*, pp. 153—182.

³⁴ Damian P. Bogdan. La vie et l'oeuvre des frères Constantin-Cyrille et Methode, pp. 46—47.

³⁵ Там же, стр. 47.

³⁶ К. Миятев. Кржглата църква в Преслав. София, 1932, стр. 157.

³⁷ A. I. Odobescu. Despre unele manuscrise șicărți tipărite aflate în mănăstirea Bistrita (Districtul Vâlcea în România). — *Revista Română pentru științe literare și arte*, I, București, 1861, p. 709.

³⁸ М. Н. Сперанский. «Греческое» и «лигатурное» письмо в русских рукописях XV—XVI вв. — *Byzantinoslavica*, IV, Praha, 1932, стр. 58—64, с факсимиле. Нам

Обсуждались и названия типов письма — устав, полуустав и скоропись, обозначающие три графических этапа: унциальный, полуунциальный и курсивный. Так, еще 12 мая 1901 г. в сообщении «Новые работы по славянской палеографии», прочитанном в славянской комиссии Московского археологического общества, известный славист А. И. Яцимирский выступил против неточности (имеющей место и у Соболевского) в разделении графики на устав, полуустав и скоропись, потому что в таком случае, добавлял автор сообщения, можно говорить об одновременном существовании скорописи и устава в период с XI по XVIII в.³⁹ В связи с этим Яцимирский пишет, что для румыно-славянских текстов он не использует термины «устав» и «полуустав», поскольку ни тот, ни другой не охватывают всех особенностей графики молдо-влахийского письма.⁴⁰

Вопрос о терминологии кирилловской графики был предметом исследований известного палеографа В. Гардтгаузена,⁴¹ который утверждал, что в основе кирилловского алфавита лежит новое, или литургическое, византийское унциальное письмо. Однако его мнение, что соответствующий тип письма включается в графическую четырехлинейную систему, т. е. письмо ограничено четырьмя воображаемыми горизонтальными линиями,⁴² несостоятельно. То обстоятельство, что только несколько букв выступают за рамки строки, представляет собой исключение из общего правила, так что новое унциальное письмо входит в состав двухлинейной графической системы, состоящей из двух воображаемых параллельных горизонтальных линий.⁴³

Терминологией типов письма занимались и югославские ученые-палеографы Г. Чремошник⁴⁴ и В. Мошин.⁴⁵ Первый выступал за принятие латинской терминологии, а второй — за сохранение русских средневековых названий: устав, полуустав и скоропись. Первый тип, согласно Мошину, представляет собой регулярное письмо, а второй — полурегулярное. Однако это утверждение несостоятельно. Мы поддерживаем предложение Чремошника о введении из греческой и латинской палеографий терминов «унциальное», «полуунциальное» и «курсивное» письмо. Кстати, такой же точки зрения придерживался и известный советский исследователь А. Г. Шцигал, который отмечал ограниченность классификации славянских кирилловских график (разделение на устав, полуустав и скоропись) и предлагал обратиться к аналогичной классификации графики в латинской палеографии. Исходя из данных латинской палеографии, Шцигал предлагает следующие принципы классификации славянской кирилловской графики: 1) связь любого письма с точным историческим периодом;

кажется поистине удивительным то обстоятельство, что ни в работе известного советского палеографа А. Т. Николаевой (*Русская палеография*, М., 1956), ни в книге Л. В. Черепнина «Русская палеография» не только не принимаются во внимание предпосылки Сперанского, но даже и сама его работа не цитируется.

³⁹ Ср. резюме сообщения в кн.: Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества, т. III, 1902, стр. 45.

⁴⁰ А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. — *СОРЯС*, т. 79, СПб., 1905, стр. XXXIII—XXXIV.

⁴¹ В. Гардтгаузен. Греческое письмо IX—X столетий. — *Энциклопедия славянской филологии*, вып. 3, СПб., 1911, стр. 1 и сл.

⁴² Любопытно, что точка зрения Гардтгаузена не только не была рассмотрена специалистами в области кирилловской палеографии — Карским и Черепниным, но даже не была упомянута.

⁴³ См.: Damian P. Bogdan. *Compendiu al paleografiei româno-slave*, II. București, 1969.

⁴⁴ Gregor Čremošnik. *Studije iz srpske paleografije i diplomatike*. — *Glasnik skopskog naučnog društva, Otdelene društvenih nauka*, 21, Skopje, 1940, pp. 1—8.

⁴⁵ Vladimir Mošin. *Metodološke bilješke o tipovima pisma u cirilici 15—16 v.* — *Slovo*, 15, Zagreb, 1965, pp. 150—182.

2) разделение график по функциональным особенностям.⁴⁶ Но Л. В. Черепнин, подробно рассмотрев точку зрения Шицгала, утверждает, что предложенное этим последним механическое применение к славянским алфавитам наблюдений из области латинской палеографии не может быть принято.⁴⁷ Австрийский ученый Экардт Торви, напротив, высказался за применение терминологии, принятой в латинской палеографии.⁴⁸

Мы стоим за использование терминов «унциальное» и «курсивное» письмо, воспринятых греческой палеографией из латинской; во всяком случае эти термины полностью соответствуют кирилловской палеографии, поскольку кирилловский алфавит происходит из греческого. К вышесказанному можно добавить, что латинские термины — «унциальное», «полуунциальное» и «курсивное» письмо — встречаются, например, в знаменитом каталоге «*Soupis staroslovanskych rukopisu Národního Musea v Praze*», составленном учеными Й. Вашицей и И. Вайсом.

Упомянем, наконец, о случае использования в терминологии графических типов названия «полуунциальное минускульное письмо»⁴⁹ для обозначения полуунциального письма с мелкими буквами, что приводит к терминологической путанице.

Ряд палеографов, в частности А. И. Срезневский, Е. Ф. Карский и В. Н. Щепкин, утверждают, что только при помощи графики можно датировать текст, на котором отсутствует дата. Однако более глубокое рассмотрение фактов позволяет прийти к выводу, что наблюдений над графикой недостаточно для датировки текста. Только учет и согласование всех данных, всех внешних и внутренних особенностей текста — графики со всеми ее характерными чертами, материала, на котором был написан текст (когда речь идет о бумаге с водяными знаками), языка, орфографии и содержания — дают возможность получить реальное представление о дате памятника, подвергнутого анализу.

⁴⁶ А. Г. Шицгал. Графическая основа русского гражданского шрифта. М.—Л., 1947, стр. 16—34.

⁴⁷ Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 71.

⁴⁸ Eckhardt Thorvi. Ustav Glossen zur palaographischen Terminologie. — Wiener Slawistischer Jahrbuch, 1955, 4, SS. 130—146; Gregor Čremošnik. Die serbische diplomatische minuskel. — Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas, III, Graz—Köln, 1959, SS. 103, 115.

⁴⁹ Vladimir Mošin. Metodološke bilješke. . . , pp. 150—182.

Е. А. БОБКОВ

Неизвестное изображение протопопа Аввакума начала XIX в.

В. И. Малышев в статье «История икононого изображения протопопа Аввакума»¹ обстоятельно показал ценность иконографии протопопа Аввакума для изучения его жизни и литературного творчества. В приложении к статье перечислены известные изображения Аввакума. В их числе 7 икон, одна — XVIII в., одна — конца XIX—начала XX в. и 5 — XX в. Поэтому интересно, что обнаружена еще одна икона Аввакума, датируемая началом XIX в.²

Икона обнаружена автором настоящей заметки в конце 1970 г. в частном собрании Г. Г. Юдина в г. Егорьевске Московской области.³ На иконе изображены протопоп Аввакум (в середине) и другие пустозерские узники — иерей Лазарь, диакон Феодор, инок Епифаний, а также Павел, епископ Коломенский.

На обороте иконы имеется надпись следующего содержания (современная иконе): «Даждь нам, боже Отче и Сыне едиnorodныи, Иисусе Христе и Святыи Душе, подвигом добрым подвизатися и течение докончати, и веру соблюдати, и венец от вседержительных ти руки прияти. Аминь. И по многих мучениих изгнании и заточении въ Пустозерстем остроге и паки второе языки отрезаша священномученику Лазарю и Епифанию отцу и священнодиакону Феодору, страдальцу и исповеднику, и руки им отсекли. Лазарю по завой, Епифанию и Феодору персты отсекоша и паки глаголали, и слово божие проповедали. И о истинней вере православной мног народ божественным писанием утвердиша и проповедаша. Нечестивых же и отступников и еретиков вконец обличиша. Последи же со отцем Аввакумом протопопом пострадаша от нечестивых еретиков никониан, огни предани быша. И тако скончашася о Христе Иисусе, госпoде нашем. Ему же слава во веки. Аминь». Надпись сделана полууставом. Под нею дописано: «См. материалы для истории раскола Субботина».⁴

¹ ТОДРА, т. XXII, М—Л., 1966, стр. 382—401.

² По заключению реставратора Н. П. Милованова и искусствоведа В. Н. Сергеева.

³ В марте 1971 г. владелец собрания передал икону в Покровский собор Рогожского кладбища (Москва). Икона отреставрирована опытным реставратором А. Л. Кузнецовым и находится в интерьере собора.

⁴ Дописка поздняя. Непонятен ее смысл, так как в «Материалах для истории раскола за первое время его существования» Н. И. Субботина указанного текста отыскать не удалось. Да и не должно бы быть, потому что у Субботина опубликованы лишь писания участников событий 50—70-х годов XVII в., из которых следует, что протопоп Аввакум погиб позднее всех. Так что неясно, кто мог тогда писать о его кончине. Видимо, текст на обороте иконы поздний, не ранее XVIII в. Ссылка на

Икона писана на тонкой доске, размером 11.5×10.3 см. Протопоп Аввакум изображен в центре, на нем обычное священническое облачение: подризник, фелонь, епитрахиль, поручи. Фелонь коричневато-бордового цвета с золотистыми крестами, подризник светлый. Лицо худощавое, борода длинная. Изображение лица его близко к Хлудовской иконе, но на ней протопоп Аввакум изображен вполборота, а на найденной иконе — в фас. В руке у протопопа Аввакума свиток со словами из пятой челобитной: «Не бойся, Азъ есмь с тобою». На Хлудовской иконе свиток с этими словами находится в руках Христа, текст имеет добавку: «Рабе мой...». На описываемой иконе благословляющий Христос изображен в облаках над головой Аввакума, без свитка.

Влияние Хлудовской (или подобной ей) иконы на данное изображение вполне возможно. Но написана она или искусным гуслицким мастером, или по гуслицкому заказу кем-то из московских мастеров. Владелец иконы Г. Г. Юдин рассказал, что икона эта перешла к нему от егорьевских купцов-старообрядцев Кутаковых, у которых хранилась, по их семейному преданию, более ста лет.

Гуслицкое происхождение этой иконы может подтверждаться и тем, что среди гуслицких старообрядцев протопоп Аввакум всегда очень почитался. Так, в начале XX в. гуслицкий старообрядец А. Ф. Никифоров написал службу протопопу Аввакуму и другим «страдальцам».⁵ Во многих гуслицких крюковых сборниках духовных стихов имеются стихи, посвященные протопопу Аввакуму, как например: «В Даурии дикой пустынной...» и «Он погиб за великое дело».

Толчком к отысканию иконы, которой посвящена наша заметка, явились постоянные напоминания В. И. Малышева о необходимости поиска материалов, связанных с протопопом Аввакумом.

«Материалы» Субботина просто ошибка. Текст надписи дан в современной транскрипции.

⁵ Служба не опубликована. Находится в собрании автора заметки (машинопись). А. Ф. Никифоров написал также службу епископу Павлу Коломенскому и некоторые другие службы.

ХРОНИКА

Сергей Леонидович Пештич

(Некролог)

24 ноября 1972 г. скоропостижно скончался профессор Ленинградского университета доктор исторических наук Сергей Леонидович Пештич.

Сергей Леонидович родился 21 августа 1914 г. в г. Оренбурге в семье одного из крупных русских инженеров-нефтяников начала XX в. В юности сын предполагал продолжить профессию отца; он окончил Грозненский нефтяной техникум и в 1933—1935 гг. работал техником на строительстве нефтепровода. Однако уже в эти годы проявляется склонность С. Л. Пештича к гуманитарным наукам — он заканчивает вечерний комвуз и преподает в Гурьевском нефтяном техникуме политэкономии и историю партии. В 1936 г. поступает на исторический факультет Ленинградского университета.

В университете довольно рано обнаруживается направление научных интересов С. Л. Пештича: его привлекают русская историография и источниковедение, в частности круг известий по истории древней Руси, сохранившихся в труде В. Н. Татищева. И здесь Сергею Леонидовичу посчастливилось: руководителем его первой научной работы стал крупнейший источниковед — Михаил Дмитриевич Приселков. Автор этих строк хорошо помнит блестящий научный дебют Сергея Леонидовича — его доклад на студенческом научном кружке, в котором молодой ученый уже сформулировал основные принципы своих дальнейших исследований: определение летописных источников Татищева, сравнение «Истории Российской» с этими летописями, определение общего характера и направления «татищевских известий». В 1940 г. работа С. Л. Пештича была отмечена первой премией на конкурсе студенческих научных работ. Вот что писал об этой работе наш общий учитель М. Д. Приселков: «Как известно, Татищев сообщает в своем труде ряд известий, которые не находят себе подтверждения в наличных источниках и о которых можно было думать надвое: или что известия эти Татищев извлек из источников, до нас не дошедших, или же известия эти присочинены Татищевым. Большинство историков предпочитало не пользоваться этими „татищевскими известиями“, но часть историков их привлекала и на них опиралась. Впрочем, были и такие историки, которые, когда „татищевские известия“ были им на руку, признавали эти известия за достоверные, а когда такие „татищевские известия“ мешали их ученым построениям, объявляли их придуманными Татищевым. Поскольку такая разногласица тянулась более века, постольку можно прежде всего признать, что т. Пештич взялся за решение весьма важного и наболевшего вопроса... Заслугою т. Пештича является то обстоятельство, что он предпринял разыскания новых рукописей татищевской „Истории“ в рукописных собраниях Москвы и Ленин-

града, весьма счастливо нашел такие рукописи... Через кропотливое и весьма сложное изучение текстов всех рукописей т. Пештичу удалось определить почти все летописные тексты, которыми пользовался Татищев, и безупречно доказать, как на разных этапах своей обработки летописных текстов Татищев изменял характер и содержание своих вставок и шрипсов, хотя количество источников у него оставалось за указанное время одно и то же... Все изложенное дает право надеяться, что в лице т. Пештича советская историческая наука приобретает хорошего научного работника, умеющего самостоятельно работать над большими и сложными темами».¹

Окончив в 1940 г. университет, С. Л. Пештич был оставлен в аспирантуре и начал работу над кандидатской диссертацией. В начале 1941 г. умер его научный руководитель М. Д. Приселков, а летом началась война. Всю войну С. Л. Пештич провел в действующем Балтийском флоте. Однако даже война и блокада Ленинграда не помешали ему завершить работу над любимой темой. В сентябре 1944 г. офицер военно-морского флота С. Л. Пештич защитил кандидатскую диссертацию «„История Российской“ В. Н. Татищева как исторический источник».

В 1946 г. С. Л. Пештич вернулся в Ленинградский университет; с февраля 1949 г. он — доцент университета. Он читал курс историографии истории СССР, общий курс истории СССР периода феодализма, спецкурсы «Русская историография XVIII в.», «История в общественно-политической жизни России второй половины XVIII в.», «Историография русского летописания», вел семинарские занятия. Работа эта продолжалась без перерыва более 25 лет.

В конце 50-х и в 60-х годах С. Л. Пештич вновь обратился к историческому повествованию XVII—XVIII вв., опубликовал, в частности, в наших «Трудах» статьи, посвященные «Синописису» и петровским летописцам (ТОДРЛ, тт. XV и XVI). В 1961—1971 гг. вышло в свет капитальное исследование С. Л. Пештича «Русская историография XVIII в.» (ч. I — 1961 г., ч. II — 1965 г., ч. III — 1971 г.); в ноябре 1963 г. он защитил это исследование как докторскую диссертацию; с октября 1966 г. стал профессором. Внезапная смерть прервала работу С. Л. Пештича над целым рядом тем; неопубликованными остались его работы о Н. М. Карамзине, полемическая статья о Татищеве и другие труды.

Основным предметом научных исследований С. Л. Пештича была история развития исторических знаний в XVII и особенно в XVIII в. Однако труды его резко отличались от историографических работ обзорного характера, нередко появляющихся в научных изданиях.

Для С. Л. Пештича историография была прежде всего важнейшей областью истории общественной мысли, самосознания России; с другой стороны, источниковедческое исследование трудов того или иного историка помогало раскрыть научную лабораторию историка — его отношение к источнику. Именно так подходил С. Л. Пештич к творчеству В. Н. Татищева — ученого, интерес к которому возник у него еще на студенческой скамье и которому он посвятил свою кандидатскую и частично докторскую диссертацию (ч. I, гл. IX; ч. II, гл. III). Установив основные взаимоотношения между редакциями татищевской «Истории», найдя в рукописных хранилищах и определив по крайней мере восемь из 11 упомя-

¹ М. Д. Приселков. Первая премия. — Ленинградский университет, 1940, 1 мая. С. Л. Пештич всю жизнь хранил эту газетную статью, цитировал из нее слова М. Д. Приселкова, относящиеся к историкам, «потребительски» использовавшим Татищева, но по скромности никогда не упоминал о том, что они были высказаны в статье, посвященной его работе.

нутых Татищевым летописей, С. Л. Пештич открыл возможность серьезного источниковедческого исследования «татищевских известий». Он справедливо указал на то, что отнесение некоторых из этих известий к построениям самого Татищева не уменьшает, а увеличивает «заслуги Татищева как историка»: «Противоречивость формы и содержания его труда, написанного в виде летописного свода, но являющегося уже не летописью, а историческим произведением, только составленным в виде летописи, свидетельствует о самостоятельном истолковании источников Татищевым в духе его общественно-политических взглядов и в соответствии с общим уровнем развития исторической мысли в России».²

К сожалению, эта плодотворная мысль не была понята и учтена оппонентами С. Л. Пештича. Исследователь, больше всех сделавший для изучения татищевского труда и его источников, услышал упреки в «неоскептицизме», даже в желании «поставить под сомнение самостоятельное значение древнерусской культуры». Высказывая такие упреки, критики С. Л. Пештича не захотели понять и хотя бы просто процитировать приведенные нами выше замечания исследователя о «татищевских известиях» как отражении «самостоятельного истолкования источников Татищевым».

Сергей Леонидович Пештич не сможет уже завершить свои труды по истории русской исторической науки. Но мы имеем основания надеяться, что стремление ученого изучить источниковедческую базу ранней русской историографии, включить эту историографию в историю общественной мысли своего времени не будет забыто в науке и найдет последователей. Продолжить труды Сергея Леонидовича предстоит новому, молодому поколению исследователей.

Я. С. Лурье

---

² С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. I. Л., 1961, стр. 261.

Слово о Федоре Антоновиче Каликине

Вот и не стало Ф. А. Каликина. Все мы уже готовились отпраздновать столетний юбилей этого невысокого, но крепко сложенного человека: ведь до этого завидного рубежа оставалось всего пять лет. Да и сам он, вероятно, думал так, потому что чувствовал себя неплохо, был до последнего дня жизнерадостным, полным сил, энергии и планов. В лице Ф. А. Каликина мы потеряли большого знатока старинной русской живописи, опытного реставратора ее и выдающегося собирателя нашей письменной и печатной старины. Его заслуги в деле собирания рукописей особенно велики и еще ждут своей настоящей оценки.

Ф. А. Каликин родился в 1876 г. в деревне Гавриловской Гарногского сельского общества Вологодской губернии, в бедной крестьянской семье. Нужда очень рано заставила его позаботиться о заработке, а старообрядческая среда, с ее патриархальными нравами и обычаями, рано вызвала у него интерес к старине. Вот почему он уже в 1890 г. переписывает книги и реставрирует иконы для местных знатоков и заезжих коллекционеров, пробует писать для них иконы.

В 1906 г. Ф. А. Каликин переезжает в Петербург, сближается здесь с известными учеными-археографами, страстными собирателями старины — Н. П. Лихачевым и В. Г. Дружининым и вскоре становится их активнейшим помощником. Для Н. П. Лихачева он разыскивает иконы, древние рукописи, реставрирует их, а В. Г. Дружинину помогает создавать его знаменитую коллекцию поморских рукописных книг. По поручению и на средства последнего Ф. А. Каликин в 1907—1914 гг. ежегодно, иногда по нескольку раз в год, посещает Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии и привозит оттуда много поморских рукописей, рисунков, предметов домашнего обихода и другой местной старины. Обширная коллекция рукописей В. Г. Дружинина, хранящаяся ныне в Библиотеке Академии наук СССР, создана в основном из находок Ф. А. Каликина.

В эти же годы Ф. А. Каликин устанавливает связь с Публичной библиотекой, Обществом любителей древней письменности, Румянцевским музеем в Москве, доставляет им рукописи и изобразительный материал, работает на договорных началах в реставрационных мастерских Эрмитажа и Русского музея. Во всех этих хранилищах находится немало первоклассных памятников древнерусской письменности, иконописи, переданных Ф. А. Каликиным и им же реставрированных. Вершиной его рукописных находок этого времени является открытие в 1912 г. Пустозерского сборника, содержащего автографы Жития и других сочинений протопopa Аввакума и Жития инока Епифания. Обнаружение этой рукописи принесло огромную помощь ученым, изучающим жизнь и творчество великого писателя древней Руси протопopa Аввакума и его сподвижника инока Епифания. явилось настоящим событием в науке.

Однако собирательские и реставраторские способности Ф. А. Каликина полностью раскрылись только при Советской власти. Он работает реставратором и консультантом в Эрмитаже и Русском музее, выступает здесь подлинным новатором своего дела. Его метод перенесения реставраторских приемов старинной живописи на новую имел большое практическое значение, сыграл важную роль в реставраторской практике Эрмитажа.

В 20-х годах Ф. А. Каликин совместно с Ф. М. Морозовым по командировкам Главнауки и Наркомпроса в качестве их эксперта совершает серию поездок по Северу и некоторым старинным русским городам с целью учета и приобретения для центральных государственных хранилищ произведений изобразительного и прикладного искусства, старинных рукописей и др. В результате этих поездок многие ценнейшие памятники русской старины были спасены от верной гибели и теперь являются гордостью наших музеев и архивохранилищ.

За свою долгую жизнь Ф. А. Каликин нашел и передал в государственные учреждения большое число памятников славяно-русской письменности, открыт ряд новых ее произведений, разыскано более десятка пергаменных рукописей XIII—XV вв. В поисках рукописной старины он побывал во многих городах и селениях страны. Страсть к собиранию сохранилась у него до последних дней. За полгода до смерти (умер 23 октября 1971 г.) он был в Пушкинском Доме и настойчиво просил включить его в состав одной из летних археографических экспедиций 1972 г. Доводов о том, что ему будет трудно, он не признавал.

С Пушкинским Домом Ф. А. Каликина связывала давняя и тесная дружба. Еще в начале 50-х годов от него стали поступать в Древлехранилище старинные рукописи, образовавшие затем ценную коллекцию (фонд Ф. А. Каликина), которая в настоящее время насчитывает 92 рукописные книги XV—XIX вв. Ф. А. Каликин заботился о пополнении своего собрания. Теперь в нем есть такие памятники, которым позавидует любое наше хранилище. Это новгородский лицевой сборник XVII в., сборники сочинений Аввакума, Переписная книга Соловецкого монастыря и ряд других. В 1954 и 1955 гг. Ф. А. Каликин участвовал в археографических экспедициях Сектора древнерусской литературы на Печору, оказав большую помощь их участникам своим богатым опытом собирательской работы. На страницах «Трудов Отдела древнерусской литературы» он выступил с интересной статьей «Портретное изображение псковского князя Довмонта» (т. XVIII, стр. 272—276), готовил еще одну статью в таком же плане, но смерть помешала ее закончить. На наших юбилейных заседаниях и деловых собраниях сектора Ф. А. Каликин был частым гостем. Он с интересом следил за ростом Древлехранилища, посещал организованные в его стенах выставки, живо интересовался находками и планами.

Характеризуя Ф. А. Каликина как человека, следует отметить, что он обладал живым умом, добрым, отзывчивым сердцем, был веселым и общительным товарищем. Как работник он отличался честностью, преданностью своему делу. Это был настоящий русский самородок. Не имея почти никакого образования, он тем не менее по своим знаниям и опыту стоял на уровне крупного дипломированного специалиста.

Светлая память о Ф. А. Каликине, о его делах долго будет жить в сердцах людей, знавших его и пользующихся его трудами.

В. И. Малышев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР.
 Брикe — С. М. В r i q u e t. Les filigranes. Paris, 1907.
 ВВ — Византийский временник.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие мины четии, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБА — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВА — Галицко-Волынская летопись.
 Гераклитов — А. А. Г е р а к л и т о в. Филigrани XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГАМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедринна (Ленинград).
 ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
 ИпoРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
 Клепиков, Филigr. — С. А. К л е п и к о в. Филigrани и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 Лабар — Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia or collection of works and dokumentis illustrating the history of paper. General editor E. J. Labarre, t. I. Watermarks mainly of the 17-th and 18-th centuries by Edward Heawood. The Paper Publications Society, Hilversum (Holland), 1950.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Н. П. Л и х а ч е в. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 МДА — Московская духовная академия.

- Н1Л, Н2Л, Н3Л, Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 Н4Л, Н5Л —
 ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ПВЛ — Повесть временных лет.
 ПДП — Памятники древней письменности.
 ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
 П1Л, П2Л, П3Л — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РИБ — Русская историческая библиотека.
 РЛ — Русская литература.
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
 СОЛЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 С1Л, С2Л — Софийская первая и вторая летописи.
 Срезневский, И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
 Материалы — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
 ТОДРА — К. Т р о м о н и н. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.
 Тромонин — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
 ЦГАДА — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
 ЦИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
 ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

	Стр.
В. П. Адрианова-Перетц (Ленинград). К вопросу о круге чтения древнерусского писателя	3
Л. И. Сазонова (Ленинград). Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры («Слово о законе и благодати» Илариона, «Похвала св. Симеону и св. Савве» Доментиана)	30
Я. Н. Шапов (Москва). Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в.	47
Ю. К. Бегунов (Ленинград). Речь Моисея Выдубецкого как памятник торжественного красноречия XII в.	60
Г. М. Прохоров (Ленинград). Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи	77
О. В. Творогов (Ленинград). Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению	99
Я. С. Лурье (Ленинград). Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей	114
М. Ф. Антонова (Ленинград). «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». (Вопросы атрибуции и жанра)	140
Л. А. Дмитриев (Ленинград). Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище»	155
В. Г. Брюсова (Москва). Тверской епископ грек Нил и его Послание князю Георгию Ивановичу	180
Б. М. Клосс (Москва). Митрополит Даниил и Никоновская летопись	188
Р. П. Дмитриева (Ленинград). Волоколамские четыре сборники XVI в.	202
В. И. Буганов, В. И. Корецкий, А. Л. Stanisлавский (Москва). «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени	231
С. Н. Гухман (Баку). «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России	255
А. А. Салтыков (Москва). Эстетические взгляды Иосифа Владимировича (по «Посланию к Симону Ушакову»)	271
Г. Н. Моисеева (Ленинград). Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II	289
В. Е. Ветловская (Ленинград). Достоевский и поэтический мир древней Руси (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых»)	296

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. Г. Зыков (Петрозаводск). Русская переделка древнеболгарского стихотворения	308
Г. М. Прохоров (Ленинград). Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорифей, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в.	317
О. Ф. Коновалова (Ленинград). Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского	325
Н. П. Дубовик (Ленинград). К изучению Повести о воеводе Евстратии	335
Н. А. Казакова (Ленинград). К изучению Кормчей Вассиана Патрикеева	345
Б. М. Клосс (Москва). Неизвестное послание Иосифа Волоцкого	350
О. В. Творогов. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода	353

	Стр.
Н. А. Чернышев (Новгород). Апокалипсический сюжет Годуновского паникадила Софийского собора в Новгороде	365
А. М. Панченко (Ленинград). Материалы по древнерусской поэзии (I. Стихотворное наставление о чтении вирш. II. Похвала грамматике. III. Декламация Сильвестра Медведева в честь царевны Евдокии)	368
С. Н. Гухман (Баку). Соловецкая редакция «Документального» сказания о даре шаха Аббаса России	376
Н. С. Демкова (Ленинград). Из истории ранней старообрядческой литературы (I. «Писанейце» Аввакума Ф. М. Ртищеву. II. Отрывок из неизвестного сочинения Аввакума об антихристе. III. О старце Епифании Пелшемском, последователе Аввакума, тезке соловецкого инока Епифания)	385
М. А. Алпатов. В чем прав и в чем неправ Гюнтер Штёкль?	393

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением *В. И. Малышева*)

Н. С. Демкова, Л. И. Сазонова (Ленинград). Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму	404
Г. В. Маркелов (Ленинград). Археографическая экспедиция на Онежский полуостров летом 1971 г.	408
Н. В. Понырко (Ленинград). Поездка за рукописями в Беломорье летом 1971 г.	410

ЗАМЕТКИ

В. П. Адрианова-Перетц (Ленинград). К фразеологии «Слова о полку Игореве»	412
Д. П. Богдан (Бухарест). О некоторых современных вопросах славянской палеографии	414
Е. А. Бобков (Люберцы). Неизвестное изображение протопопа Аввакума начала XIX в.	420

ХРОНИКА

Сергей Леонидович Пештич. (Некролог)	422
Слово о Федоре Антоновиче Каликине. <i>В. И. Малышев</i>	425
Список сокращений	427

ПОПРАВКИ К ТОДРЛ. т. XXVII (Л., 1972)

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
79	26-я сверху	1382 г.	1389 г.
86	9-я "	середины XV в.	середины XI в.
91	17-я "	литературностью	достоверностью